

НАУЧНЫЙ ПАТРОНАЖ:
"WORLD
MARTIAL ART TRADITIONS
&
CRIMINALISTIC RESEARCH
OF WEAPON USE"

РУКОВОДИТЕЛЬ НАУЧНОЙ ГРУППЫ ПЕРЕВОДА:
PH.D ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

КНИГУ ПЕРЕВЕЛИ:
ИРИНА ЛОПАТЮК И ВАЛЕРИЯ БЕРМАН

ОДЕССА 2019

ИЕРОНИМО САНЧЕС ДЕ КАРАНЗА

ФИЛОСОФИЯ ОРУЖИЯ

И МАСТЕРСТВО ВЛАДЕНИЯ ИМ. ХРИСТИАНСКАЯ
АТАКА И ЗАЩИТА.

АВТОР: ПЕРЕВОДЧИКИ: ЛОПАТЮК И. И., БЕРМАН В. А.
ЯЗЫК ОРИГИНАЛА: СТАРОИСПАНСКИЙ
ГОД: 2019

ДНЕПР
«СЕРЕДНЯК Т.К.»

2019

ИЕРОНИМО САНЧЕС ДЕ КАРАНЗА

ФИЛОСОФИЯ ОРУЖИЯ И МАСТЕРСТВО ВЛАДЕНИЯ
ИМ. ХРИСТИАНСКАЯ АТАКА И ЗАЩИТА — ДНЕПР:
СЕРЕДНЯК Т. К., 2019, — 376 С.

ISBN 978-617-7761-15-9

В этом кратком изложении мастерства и сноровки, собраны все искусства и науки, с бесконечным числом определений, описаний, с подлинными аналогиями, очевидным использованием всего разнообразия окончательных, аналитических, словообразующих и доказательных демонстративных учений, которые следует знать.

После того, как вы захотите прочитать книгу с особым вниманием, вы найдете для себя больше, чем обещал автор. То, что задумал Иеронимо Санчес де Каранза в своем трактате — это воспитать искусного фехтовальщика посредством безошибочных и ясных демонстраций, как и музыка, которая стремится создать идеального музыканта, а медицина — врача.

Для изящества нет сомнений, эта книга поможет многим, кто находится в затруднительном бедственном положении, кто не богат.

«Желаю вам знать больше, чем знаю я» — Иеронимо Санчес де Каранза.

IMPAVIDVS.VINCIT PROCELLAS

V. 1618.

SED NON

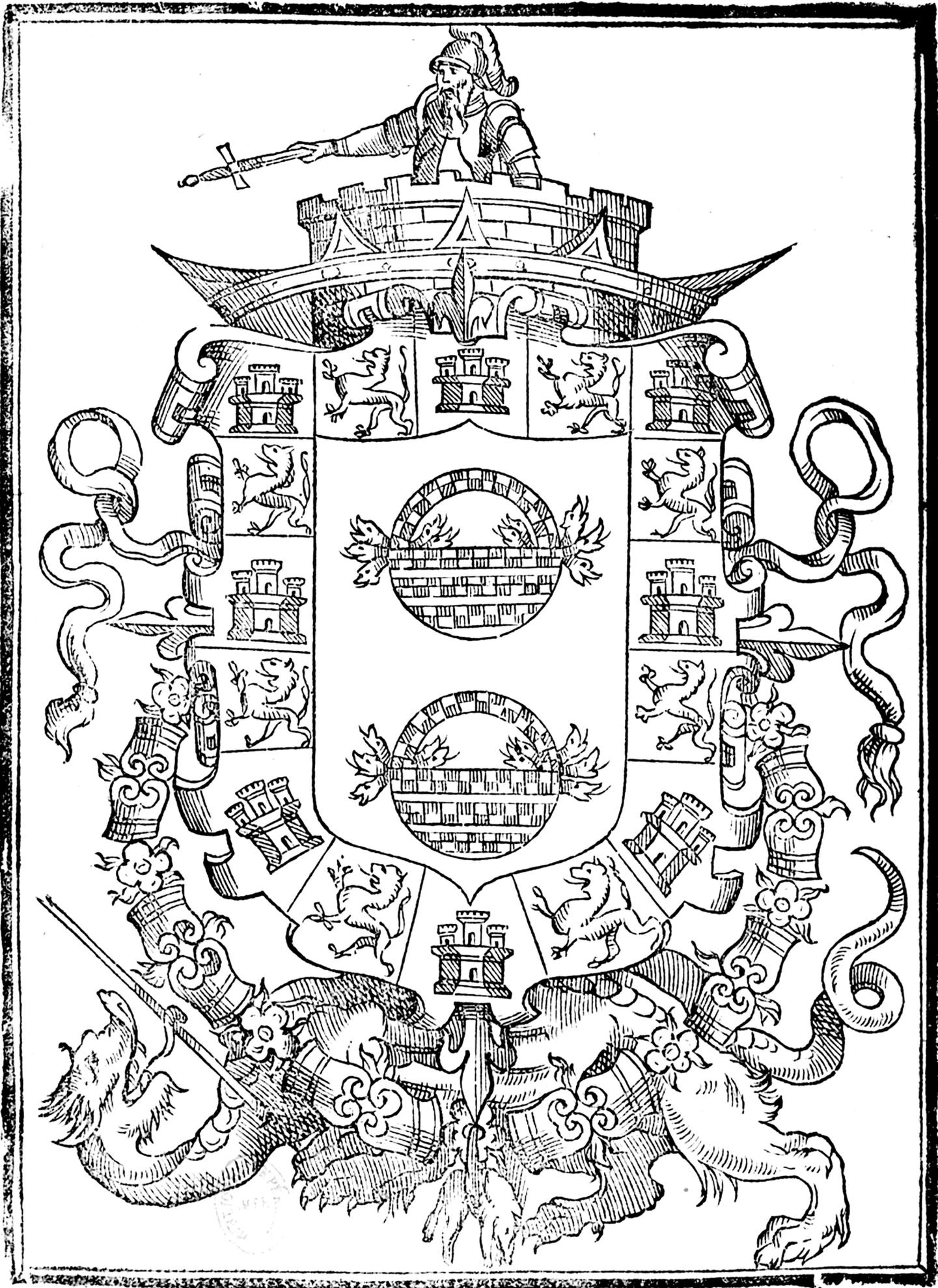
ÆTATIS SVÆ XXX. ANN.

LIBRO DE HIERONI
MODE CARANÇANATVRA
DE SEVILLA.QVE TRATA DELA
PHILOSOPHIA DELAS ARMAS.Y DESV DES
TREZA.Y DELA AGGRESIOY DEFENSION CHRISTIANA.

ИЕРОНИМО САНЧЕС ДЕ КАРАНЗА

ДВОРЯНИН, ИСПАНСКИЙ РЫЦАРЬ, ФИЛОСОФ,
МАСТЕР ФЕХТОВАНИЯ,
СОЗДАТЕЛЬ ИСТИННОЙ ДЕСТРЕЗЫ
КОМАНДОР ОРДЕНА ИИСУСА ХРИСТА

ИЕРОНИМО САНЧЕС ДЕ КАРАНЗА

ФИЛОСОФИЯ ОРУЖИЯ

И МАСТЕРСТВО ВЛАДЕНИЯ ИМ.
ХРИСТИАНСКАЯ АТАКА И ЗАЩИТА.

ДИАЛОГ № 1

ФИЛОСОФИЯ ОРУЖИЯ И МАСТЕРСТВО ВЛАДЕНИЯ ИМ. ХРИСТИАНСКАЯ АТАКА И ЗАЩИТА

КОМАНДОР ИЕРОНИМО ДЕ КАРАНЗА,
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО
ГЕРЦОГ МЕДИНА-СИДОНИЯ ОРДЕНА ЗОЛОТОГО РУНА.

МОЙ ГОСПОДИН

Удовство одиночества и безысходности в качестве источника
жизни в отсутствии
Дорогого Бога, те, кто верит,
В ком причина разжигает пожар в душе и сердце, которые любят, -
войдут в твою сладкую жизнь?
Если благородный и почтенный (человек) потерял господина
Тем больше причин ему утратить за его поиск.
И нет ничего, что пришлось бы ему по вкусу.
Что он должен сделать, чтобы причина была вечной и светлой,
Которая отражалась бы в чистом зеркале,
Привнесла бы в жизнь самообладание
И не лишила бы его правительств?
Ходит без Тьспода, как потерянные,
Без благ, без вещей, которые нам нравятся,
Как бедные овцы без шерсти.
У человека нет конца в том, что он делает,
Он боится в душе, становится подозрительным,
Плачет, смеется, любит, ненавидит
При отсутствии Бога грудь перестает быть твердой,
Ходит в заблуждениях и нет ему покоя,
Не знает, что делать, куда идти,
Но любовь и верность могут все.
Читайте старые рукописи
Или другие изобретенные вещи,
Или изобретите что-нибудь новое
Изобретите троакар.
Нужно обладать остроумием и находчивостью, чтобы попытаться
сделать это,
Иначе это потерянное время.
Иметь много знаний и быть тактичным - не горе,
быть дерзким или поэтом - это бесславно
Идальго - учтивый, деликатный,
Вежливый, обходительный, истинный

Кроткий, добродетельный,
 Мягкий, с хорошим вкусом,
 Это то, что меньше ценится в этом веке,
 Поскольку вы пользуетесь остроумием в жизни.
 А гизена как новое искусство
 Наместников в том, что останавливает эти одеяния.
 Не было времени попробовать серьезные вещи,
 Он не стремится быть народом
 А это читают, потому что он богаче.
 Придите и придет Господь,
 Чтобы все нити собрать в единый клубок.
 А теперь я хочу остаться собою
 Аметь в состоянии много книг.
 Все полномочия для искусства
 Подтверждают весь опыт.
 Когда ждала награда за мою работу,
 Я был на грани потери веры,
 Если бы Бог не исправил мой вкус.
 А тот, кто не читает, не слушает книги
 Которые мне дали так много вещей,
 Будет страдать и молчать, как мученик.
 Не так много того, что сейчас можно сказать об истине.
 Эти чары уже развалились
 А, как великий Господь, я хочу остаться, проявить себя
 Одновременно со всех сторон,
 А я хочу вам сообщить о своей праведности
 Вы увидите причину моего права.
 А злого умысла противоречащих,
 Чтобы понять невежественных людей,
 которые исследуют, не зная букв.
 Книга полна всеми искусствами
 Которые были необходимы и неизбежны
 (Потому что, если что-либо из этого отсутствовало,
 Придуманная, изобретенная вещь была несовершенна)
 ...Неизбежны наместникам, с их злыми руками,
 Как будто они были копией рыцарей-демонов.
 Хотите знать, в то время,
 он работал в течение многих лет,
 А ввел это для науки об образовании,
 что как будто торговать виноградником.
 Тело состоит из тысячи вещей,
 Каждая выполняет свою функцию,
 А ничего больше.
 Но я только рад,
 Что, если в чем-то обвинят мою книгу,
 случится то, что воспевается в старых книгах,
 А в местах более осторожных

Стремятся подражать врачам,
И делать более легкие вещи.
Скажите, Ваше Превосходительство, полезно ли это?
В науке говорилось,
Что их произведения помогут тебе отомстить,
видя, что делают монстры и хитеры
Но, те, кто читают – достойны королей,
И это радостно для моей работы,
При всех изменениях они не едят вместе.
То, что они есть – легко для понимания,
Но они не будут мной, даже если захотят.
И если мне много нужно, чтобы было хорошо,
Ничего не верно для человека,
чем больше я смотрел без пристрастия.
Они не хотят разрушать то, что молчит,
Потому что некоторые вещи, увы, очень низкие, подлые,
Потому что неизвестно их значение,
Как есть и другие мерзкие люди высокого положения
И глупые богатые восхищаются ими.
Поскольку не родились на красивой земле
Как и я, моя земля потеряна для меня.
И ваши с успехом называют меня предателем.
Открыть магазин канонів и законов,
Зарабатывать в качестве адвоката,
Он не лучший, он находится за пределами «хороших»
Но крайней мере, лучший среди худших.
Отсутствие предписаний, которые он видел,
Он не ходит вдумчивым день и ночь,
Потому, что он обнаружил,
Обретя великое сокровище,
которое было утрачено, джэнгов.
И все стали подлые, мерзкие,
Творя, что злодеи бродят по улицам.
Этот человек очень хорошо известен,
Отшельник ловкий и смелый,
Ругается на латинском, когда обижается
На Бога, я думал, что это из-за золота.
Кто опасается за такой товар,
Тогда приходит червь зависти
Потому что быть судьей мерзко, пошло,
Плодом, которое производит хорошее остроумие,
необходимо будет изменить итй
кроме использованных обычаев,
и ты снова с разумом.
Это очень тяжелое бремя, без какой-либо выгоды.
Мы видим, что есть у посвященного, знающего человека в ответ

на

Толпы невежд,
 Которые живут, тучая всех молящихся,
 Факты, слова, и даже торговля,
 всегда разглашаются для невежд,
 сдержанность высеивают самые глупые.
 Храбрый торжествует над трусом,
 А обманом, который тот делает,
 Он не груз истины,
 Он только легко усиливает ложь.
 У награды есть доказательство,
 А все остальное исходит из чистой зависти,
 Если ложь не была искуплена,
 брошена, и вылечена.
 А придет истина, чтобы наказать их,
 У которых много силы, хотя они и утаивают ее.
 Бог и человек могут защитить себя,
 А не в отсутствии ажи во всем.
 А чем больше их невзгод были сделаны хитростью,
 Тем больше будет фейерверков,
 Чтобы удовлетворить идиотов.
 А если они не рады тому, что должно их восхищать
 Мужчины более образованные и сдержанные.
 У автора остался риск,
 Если вы не явились перед Богом, не обратились к нему за помощью.
 Потому что это глупый богач, за которого проголосовали
 Если человек чуть больше, чем Бегия,
 Который всегда был смелым воплощением невежества.
 Одним днем, персидский дворянин Мегабизо
 Зашел в дом Зевса,
 чтобы посмотреть на картины, которые там были,
 на тонкость искусства,
 которое он начал сильно хвалить,
 А представления, которые были сделаны
 С большей хитростью и осмотрительностью.
 Юноши работали, когда
 Увидели Мерса в одеянии
 Очень богатого и столь же авторитетного.
 Они смотрели на него со страхом на лице,
 Но затем услышали свой рассудок,
 Который показал их понимание,
 Это началось вчера, когда кричал Зевс.
 Он разговаривал таким образом,
 Когда смотрел Мегабизо,
 Тебя ждали эти большие вещи,
 Они смотрели на твои украшения и одеяния
 Веря в то, что вы хотите
 Много понимания и распределить

слова, которые соответствуют
 вашему любопытству.
 Мнея этого немного, теперь, когда об этом говорили,
 вас очень устраивает, что есть здесь и впереди.
 Бы кротко порицали,
 никогда не делайте того, что вы не совсем понимаете,
 не следует хвалить
 в живописи фальшивые вещи,
 Которые приносят люди в хороших одежнях,
 Если душа грязная.
 Жемчужина ответила очень напряженно,
 Умельцу я ставлю в вину
 Не оставлять вещи заметными,
 Чтобы всякий, кто придет, мог понять их.
 Но что означает эта картина,
 неуклюжее животное на престоле,
 А леги, немного застенчивая,
 смотрит на двух великолепных птиц.
 Эвеc ответила почти следом,
 Если вы хотите понять картину,
 Предводитель и господин – это две птицы
 Цапа – это муза, которая наблюдает,
 Которая без причины поражена
 А неистовая, яростная певица спрашивает,
 предоставив на волю слушателям,
 почему король устает,
 если чувствует людей.
 Обижается на несправедливое лишение привилегий.
 Муза ответила, грустная и восхищенная,
 Что человек на земле настолько грубый,
 Что с мелодией и необычностью
 король не остался восхищен.
 Услышав голос, почти божественный,
 Столь тяжкий, сладкий, и такой же чужой
 Вырвется это из заднего отверстия?
 А то, что он временами восхищается,
 Настойчивый и раскрасневшийся,
 А так очарован в гармонии,
 Что, кажется, в соответствии с принадлежностью
 Прежде голоса получила жизнь.
 Сильные скажут, что слышали,
 что он, с его сладкой хитростью,
 учил людей аккомпанировать.
 Звук идет наперебой со здоровыми словами командующего
 Хриплым, ужасным голосом,
 который на одну сотую часть более тяжкий, плавный.
 А решился предводитель, наконец, бросить ему вызов,

Потому это был спор звука.
Искали животных с большими ушами,
И дали судьбе коричневого осла,
У которого большие уши,
Больше и длиннее, чем у других.
Осел с трудом шел.
Он был там
В кафедральном соборе с жезлом правосудия,
Прося внимания в окружении сладкого пения,
Медленно понизив голос.
Восхождение к сопрано ранит небо
от конца к началу.
Связывая, умножая, и не думая,
Он начинает ворковать сам с собой.
И то, чего добился
С такой сладкой гармонией и хитростью –
Противоречит тому,
Что дано вам понять, что на небе,
Али это еще одно из самых прекрасных,
Что имитирует пение и мелодию,
В стиле трелей птиц, и глубокого пения,
Перерываясь в воздухе несколько раз
И обратно,
начиная создавать гортанную музыку.
Некоторые ноты очень тихие, спокойные
что можно в них влюбиться.
И как за пределами удовольствия
мягкость нужно давать
и дарить слушателю,
Завораживая птиц, животных, а также мужчин
Железком, но прекрасным языком,
Предупреждая,
Несколько раз подражая
Противодействию и отклонению в сторону,
Давая различные оттенки:
без дыхания, задержка дыхания,
одни придыхательные ноты, другие длинные.
Короткие же состоят из некоторых вещей:
Это низкие, пронзительные, высокие частоты.
Остановленный голос еще долго будет вибрировать.
И даа король ему без его пения.
И здесь король
Оставил силу – насколько странно, –
Что быть человеком – это невозможно.
Хотя, старайтесь.
И, делая свои очень странные шаги,
главнокомандующий начинает храпеть,

Тблос очень страшный, что делает народ бездетным
 Мне повезло, меня удивило, что
 было больно даже полю с цветами.
 Когда они все слышали, им становилось стыдно
 и они закрывали уши.
 Люди, птицы,
 ибо он давал некоторую победу,
 Уверенно имея покровителя – городского судью.
 Осел, который судил по судьбе,
 когда я только что узнал, слышал все это
 и признал свое невежество.
 За то, что не понимаю твоей гармонии
 я вижу в ней то, что так отпугивает.
 Было решено, что это лучший голос вождя
 За то, что был так ясен, что потом я понял.
 Слава приходит, как выигрешь,
 Что есть почетной премией победителей
 Я вижу осла, обещая убежище.
 А птицу, похожую на птицу
 Которая дарит уши,
 А в конце осел становится грустным и обижается.
 Те люди чувствуют и поют,
 Зовут человека, который пользуется покровительством,
 Который хочет быть свидетелем за оскорбление, нанесенное
 Любленному осла.
 А я взываю к тем, кто снова
 Просит правосудия,
 Предоставляя в качестве доказательства то, что известно.
 Потом я ответил радостно.
 Судья собрала выдающихся птиц,
 за то, что я люблю то, что правильно,
 вы мало когда найдете эту сторону,
 в неисправности по чьей-то вине.
 Против недалекого судьи и невежественной птицы
 я осуждаю,
 Что судья бьет палкой
 А что лидер поет в темной ночи,
 Когда господин находится в тишине,
 Что не возвращает ему чести.
 А здесь я говорю окончательное
 Безвозвратное слово по указу.
 Он судит вещи, которые не понимает,
 он был изобретателен в чужих делах
 и хотя принес больше драгоценностей и вышивки,
 уши были длинные, больше, чем у успешных людей.
 Командование было во всем мире
 А для грубых, невежественных, и для глупых и доверчивых.

Возможно, это положило конец Мегабизо,
 судя по доводам – это изгнание.
 Эти господа не понимают,
 Если человек сдержанно смотрел, а потом рассказывал,
 ничего не говорили, а если что-то и говорят,
 то, что высокомерный и хваленый.
 И если не упускает случая ввязаться в потасовку,
 Его называют несправедливым и нетерпеливым.
 Если скрывает что-то,
 Объявляют трусом.
 И если сильно ругается,
 Хотя, возможно, это зависть,
 Называют бедолагой.
 И если вам удастся стать ученым и грамотным человеком,
 И если вы спросите глупца, что он знает,
 Он ответит, что он смелый,
 Потому что вы никогда не научитесь наукам в своей жизни.
 И если предполагается смелость и решительность
 И спрашивают, каким будет в споре,
 Он отвечает, что будет ловким и смелым
 насколько это можно сделать без опыта.
 И вы оказываетесь на судебном процессе чести и справедливости,
 Чтобы увидеть, сможет ли что-то это превзойти.
 И поднять труса до небес,
 В борьбе за землю,
 Что не является ни его другом, ни ему подобным.
 Это может быть глупым суждением смельчаков
 Установив смурение, унижение, чтобы понять свой механизм
 От его высочества до грубого, а потом говорить,
 что не узнали что-то во время обучения.
 Оставаться столь же сдержанным не представляется возможным,
 если откровение, – то надо знать, кто,
 я думаю, – что жеребенок 3 лет
 легче одного осла 20 лет.
 Никто не противоречит тому,
 Что ум и большая работа могут многое.
 Они защищают вас от стольких стрел,
 Которые исходят от Терриона и Бриарэо.
 Спосов, от которого умирают, –
 Когда примут яд ненароком
 Или, когда пьют невнимательно.
 Мы расскажем Богу об этих людях,
 которые, если не найдут отсутствие добродетели,
 Будут потом придерживаться традиции,
 И очень плохо, если найдут.
 От этого они ненавидят все хорошее,
 не имея в виду добродетель,

Они заботятся, о том, чего не сделали.
 И, если вас не найдет или найдет зло, которое вам желают
 Они стремятся в любой день выдумать
 скрытые развратные ошибки.
 Хорошо, что они ненавидят меня,
 этому есть бесчисленные рассказы о добродетели.
 Не говорите мне эти слова
 Мы возвращаемся к тому, что для друзей есть причина,
 желание человека - быть хорошим,
 кротким, добродетельным, сдержанным,
 приятным, смиренным и истинным,
 что в руках его рукой
 Родит касту Тусанов.
 Возьмите на родину то, что изобретено,
 Делая со своей стороны все, что можно,
 что не является металлом, который нужно расплавить,
 так что возвращается к роду Циционэ,
 когда в большом поколении есть большое зло,
 И Господь скромно уважает
 Хорошее, добродетельное, известное.
 Человек, который заслуживает того, чтобы быть честным и вы
 хотите оценить,
 за что Творец неба и земли
 посылает знаки для согласия и мира
 И настроение для добродетели.
 Злословят Господа и слуг,
 Они недостойны жизни,
 за то, что на зло погружаются в мысли,
 не имея ничего хорошего в своем теле и душе.
 Кляузники против чести хороших
 Предоставили свидетелей со своей стороны,
 Которые не умеют говорить без лжи.
 Которые наконец выдвигают приговор порочным,
 что делает судей виноватыми,
 И хотят найти одного хорошего, надоедливого,
 Взглянув на него с оскалом, как звери.
 С чертовской проклятой душой,
 благодаря чему вы поняли, что у нее есть тень,
 погруженная в жестокую печаль,
 они всегда подобны равновесию
 когда поднимается там,
 где меньше ума, добродетели и рода,
 Это то, без чего голова поднимается вверх,
 Принимая мирную позицию,
 Почитая хороших,
 что ходят всегда с видом
 вечной добродетели.

Сын солнца режет в Персию.
 Другое дело – это естественный износ, когда
 Род, который создал состояние,
 А рыцарь – погребены.
 Творят, что торя для них мало
 А для других воды много.
 Меряйте, исходя из характера,
 А не исходя из разума, которого нет.
 Им не хватает достоинства, заслуг,
 Восполняя это воровством и постоянно забывая.
 Если вы обнаружили их обман и хитрость,
 Если они скрывают свое невежество,
 Творите, что они хитрые и опасные,
 А называйте это унижением, бесчестьем.
 Видно, что они служат осторожно,
 сами говорят, что служат старательно, без выгоды для себя,
 завоеывая любовь Господа с другой стороны,
 Давая ему понять, что они служат ему,
 Но не делают состояний,
 а жалуются на других, у которых есть больше,
 Видя, что много чести для хороших людей.
 Господь выступает как небо,
 он дал человеку все в этой жизни,
 и приходят недостойные и отнимают все.
 А потом честь состязается с мнением,
 Если давать каждому то, что принадлежит ему по праву,
 Выходит, что Иоанн более честный и добросовестный, чем Петр,
 Петр неправ, и он сетует.
 Двадцать фунтов мяса, если разделить
 Между двумя хорошими людьми, которые просят,
 То один будет есть быка,
 а второй будет сыт по горло,
 Как жеманница, ломака.
 Для хорошего распределения этой милостыни
 несправедливо уравнивать, потому что каждому свое:
 один съест 19 фунтов,
 а другому хватит одного,
 Так поступил Бог с талантами,
 Честь – это не желание, которое с прихотями
 Представляет нас от большего к малому,
 Ни на чуть не уменьшаясь.
 Честь – это награда добродетели Святого,
 которая не дается ни по желанию, ни по вашей цене,
 Если нет души, обогащенной
 Устойчивыми навыками, – смерть,
 Даже имея полномочия, все не разрушит.
 Господь – хозяин чести,

кому они будут платить эту дань,
 в противном случае это не правосудие,
 усилия, направленные на получение имущества,
 несомненно, заслуживают уважения всех.
 Каждый доволен своей профессией,
 А без тирана, который является чужим,
 я хочу умолчать об остальных вещах,
 Что время лечит, если они страдают.
 В своих грехах они погибнут,
 и сразятся с честью.
 обладая полномочиями, Господь устраняет хороших.
 Он взял все грехи на себя,
 А был у него предатель, который обманул его,
 А в конце все они остались без него, без Господа Бога
 А попали в силки, которые поставили сами.
 Жизнь в окружении лжи,
 Большого театра коварства и лукавства,
 Кузница, в которой куется свое,
 Получить добро, зло, которого вы жаждете,
 Царь делает и говорит, что хочет.
 Хорошие остаются в углу угнетенных,
 для выгоды плохих.
 Большие утесы малоизвестны, там потеряны
 Корабли от залива Белерас,
 Но они нашли безопасный порт на отмели
 Для загруженных без прока.
 Это не для того, чтобы наказать?
 Раньше наказание было очень зря.
 Но правде говоря, я не знаю, на что я жалуясь.
 Никто за исключением Фискал в мире не ведет свой род,
 не будет горе тому, кто будет жить всегда без греха
 кто понимает, что он не чуждой.
 Каждый находится во внимании своей вины,
 А не понимает, каково это без нее,
 А не говорите, что я не я, какой-то итйрек,
 Я держу в тайне свой грех,
 Уже не хватает памяти на сделанное,
 Здесь у вас есть зеркало ваших дел.
 А в то время пока похищений соглядатаев
 Не так много, чтобы пуститься в свободный стих,
 Что может быть лучше, чем придворный,
 Который добавляет крахмал в дикий салат,
 Светлячок поднимается с большими тучениями.
 Если я мог бы найти окно.
 У даты, которая его беспокоит и тучит,
 в каждом доме свои любезности,
 потому что на самом деле она не разговаривает.

Пишу в письмах, что он умирает, чтобы
 Увидеть это без вашей надежной нимфы
 В болотистой местности, обхватив себя руками.
 Там нам дается понять, что это нарцисс,
 И что он более сдержанный, чем Тарси Лассо,
 И Матусалет, если желаете.
 Он жалок в этом безумии
 Тратит слишком много своей карьеры,
 чтобы обеспечить судьбу,
 Сказав, что, по великой линии
 У него есть позволение на то, чтобы быть крепким и сильным,
 потому что обычные люди действенные.
 С другой стороны, нас поражает судьба
 С бурей негодования и суматохой
 С усамы, определенными действиями и словами,
 Что и присягнувший дает понять, что если он сердится,
 То преобразует все в пыль и кровь
 Облице к звездам
 вместо солнца,
 среди других трусливых, подлых негодяев,
 Веря в то, что можно прогнать кровожадных,
 Видя любой удар ножом,
 Ругая склоки их правительств,
 показывая, что он лев среди зайцев,
 а заяц среди львов заметен.
 Было много издевательств, насмешек над стелыми,
 Которые находятся под угрозой из-за славы,
 Видя, что дается без какого-либо риска,
 Полагая, вместе с их ложью,
 Только шепотом самых известных.
 И присягнувший потом станет рыцарем,
 Когда до этого молчался, будучи солдатом,
 И я снял шапку,
 Рассказывая о принятии галеры
 Как нас убивает Транадская война,
 И никогда не оказывался в состоянии ни войны, ни жизни,
 израя жертву и преувеличивая.
 Мы высоко, мы идём, исследуем местность,
 Оставив долины Альпукарры, когда началась облава.
 Но, даже если наружность обманчива,
 Они не раскроют наш обман,
 Когда ты оставит маску «хорошица».
 И плохой возвращается к подлой оболочке.
 Сильные подражают сильным мужчинам,
 Крепость, отважных быков и лошадей
 наследуют от своих родителей,
 И свирепые орлы не порождаются,

А трусовый голубь не журавель.
 Или притворяется, чтобы стать искуснее в своих трюках,
 Мечтая о покрытой лаком клетке.
 Хитрый в словах своих и малодушный
 Умело притворяется и нарушает спокойствие,
 возлагает пошлину, которую называет
 Оружие и образует ловкость и смелость,
 А это не означает ложь,
 Чин самого подлого народа.
 Виноваты обе стороны,
 и это портит настроение
 и стучит и одна и вторая сторона.
 Не является правдой то, что есть тысячи сект, между
 некоторыми
 посеяна зависть без защиты
 А ты слышишь, кто говорит,
 Наместник это подлый, низкий человек,
 В силу совершенных тяжких преступлений,
 а кто разглашает опыт общественности
 считается в мире трусом,
 Или является рабом от рождения.
 Без сарказма, хитрости, и ловкости они
 Становятся судьями «истины»,
 еще больше лжецами,
 А продолжают делать тысячи ловко
 Подчеркивая то, что является сомнительной правдой,
 поддерживая сохраняющиеся ошибки,
 Когда они снимают одежду чести хороших,
 на зло платят гань,
 Это служители смерти -
 Все ловкачи или те,
 Которые являются зверями, которые приказывают,
 Дают и отбирают честь, и это вселяет смелость
 поклоняться ловким и храбрым,
 Изменив основательную истину
 с загрязняющей ее ложью.
 Это занятие фехтовальщиков,
 им надоело видеть зло тех,
 кто ходит пешком за всадниками,
 У которых много своих сигналов,
 чтобы иметь хорошую лошадь
 А, если он примет клятву,
 Он скажет, что знает осла, мула и пони, -
 То, о чем никогда не писал Луэсо Апулэйо,
 Они приписывали тысячу недостатков чужим лошадям
 А избегали клячи родственника
 Атея заслуги Адальго.

Скоро с дьявольским воображением
 об этом будут говорить некоторые поэты,
 используя слова богатый, чистый,
 избыточный, цветущий, гладкий и тяжелый,
 а также дополненные цвета
 И много запахов и ароматов,
 И нам скажут, что Тарсия Санчес
 не знал, как сочинять стихи и делать рифмы,
 Только зная немного романсов,
 В которых использовался подлый и жесткий язык,
 думает, что пишет о божествах
 и гуманитарных науках,
 оставив свое мнение о том, что
 самый тупой и неуклюжий профан все понимает,
 воспевая хвалу
 они превосходят стихи Данте, в одну строфу,
 состоящую из четырех стихов в шесть или восемь слогов.
 Зная только немного романсов,
 На гнусном и жестком языке,
 он думает, что пишет о божествах
 И том, что не является гуманитарными науками.
 С учетом вышеизложенного, по их мнению
 более тупой и несведущий человек все понимает,
 восхваляя славу,
 высокомерный и восхищенный,
 один историк изложил в своих трудах факт,
 Творя глупости, не моргнув и глазом,
 Настежаясь над ученым
 и вставляя в проповеди свое мнение,
 его коллеги ценят это
 (если вы хотите посадить бук в землю),
 А эти льстят в лицо
 И, когда вы поворачиваетесь спиной, начинают гразнить.
 Так и ходят в заблуждении со своим мастерством
 Эти гнусные люди довольны своей подлой судьбой.
 Что думают судьи, видя осужденных, которые
 ненавидят все хорошее.
 Мужчины на своей земле бегут от них,
 Потому что у них есть Бог,
 Молитвенная комната этих завистников.
 Они – позор славного неба
 Те звери очень жестоки в своем отношении
 Ибо в них есть изьяны,
 Бог не хотел, чтобы вас увидели,
 Чтобы вы несли информацию людям,
 Потому что они подобны каракацице,
 которая проливает чернила в чистое место.

И так они безут без наказания,
 Поклоняются обыкновенному неуклюжему зверю,
 И, если их прогнать на аукционе, то
 Одежды ценились бы больше, чем умения и навыки,
 И все бы покупали, потому что ничего бы об этом не знали.
 Эти закончат свою жизнь как звери
 В постыдной тишине,
 Оставив в памяти много пятен,
 Которые не достать без огня.
 Он не знает и говорит много,
 А они молчат, ибо хорошо знают эти вещи.
 С учетом вышеизложенного, будучи незаурядным адвокатом
 И экспертом, находящемся в тени (в темном углу),
 Потому что вся эта жизнь – это фарс,
 Откуда эта глупость у него внутри
 Эта осотрительность так презренна.
 То, что говорит хороший человек, – это дыра
 а то, что говорит глупый – это пророчество,
 И эта сила представлена,
 Потому что пороки принимаются с радостью.
 Отроки не сердятся на стариков
 С ними всегда обращаются как с мальчишками,
 И будучи легкомысленными глупцами,
 говорят глупости без всякой меры.
 И если благоразумный человек в этом нуждается,
 говорит, что это блюдо есть по причине,
 Потому что то, что он понимает и знает – противоположно,
 Он должен скрывать еду.
 Блаженны те,
 Кто бежал от тирана Луго,
 И только Богу поклоняются и повинуются,
 свободные роптать и льстить,
 которые больше не тучаются.
 Зависть, злость и амбиции,
 Внешность, коварство и хитрость,
 Лесть, частичная ложь,
 Предательство ложных друзей.
 Они делают больно своему врагу,
 Не ставят ловушки, чтобы свить с ног
 Не тревожат его душу,
 не думают в чести отчуждения
 Трусные, отчаянные, с причудами
 Место и призовые хорошие,
 Причина почему правительство и администрация
 Разочарованны этой суетой,
 У них есть только то, чем они больше всего гордятся
 Дайте Богу место для каждого,

А они будут очень довольны, будут жить счастливо,
 А в церковной религии святые умирают,
 полны славы, и надежды,
 Оплатили свои услуги Богу
 Без славы, без времени, в мире стало темно,
 Чтобы были вечные огни на небе.
 Он был на земле счастливым,
 там, куда клеветнику и ворчуну входа нет.
 Завистники не дают ключ,
 не будучи уверенными в монахе,
 пусть делает в своем монастыре то, что должно,
 я хочу быть с этим в мире?
 Я могу часто изменять то, что я понимаю,
 уйти на марс, чтобы защитить себя.
 Когда меня позовут адвокатом за городскими стенами,
 я вернусь на свою родину очень сильным.
 Спросите людей, которые восхищаются,
 увидев меня, одетого в другое одеяние,
 Кто этот господин такой учтивый,
 А отвечает юноша-купец,
 который приносит кубшины чести для Америки,
 что видно, что они потерялись в Испании.
 Эти, о которых я говорил, они - мужчины,
 Которых содержит грубый сеньор.
 Человек и лошадь не останавливаются,
 Они встретятся, если найдут свое сдерживающее начало,
 Ведь у каждого порочного свои собственные удила,
 подавляя свою страсть.
 У нас есть один сильный высокомерный человек,
 который остановит их импульс ярости,
 Чтобы полюбоваться на свою изобретательность, стих и прозу,
 А дворянство, ограниченное
 Крещеным доном,
 Потому что это четыре цветные шкуры,
 которые ты делает дворянскими,
 Трусы говорили ему, что он храбрый,
 Услышав эту ложь,
 он молчит, как будто будет время говорить,
 как осторительный глупец и очень проворный,
 Цветя белое, когда это черное,
 То, что привлекало внимание - грубое.
 Это поддерживается благосклонностью
 покровителей и нуждающихся,
 Не будучи существенным ни в чем,
 Мы делаем остановки, задерживая воздух.
 Все, что у нас есть и что ты хотим - это воздух.
 А не будучи здоровыслящим, он большой глупец,

Который мечтает стать господином среди богрствующих
 Напротив хитреца, если бы мог.
 Давая понять, что мы все понимаем.
 Мы дадим вам эти глупые длинные веревки,
 Для их представителей,
 И мы насладимся праздником,
 Ибо нет человека без тысячи налогов,
 Который не передвигается, не видя конца хитрости тех,
 кто не выражает бурно свои чувства в его честь.
 Эта честь распространена в обыкновенных вещах
 И справедливо то, что вы просите и будете делать.
 Большое зло - это безмерное зло.
 Кто ставит меня в такую подаю ситуацию, -
 Ходит по всему миру за мной, как он хочет,
 грустно говорить всегда правду,
 И бить палкой в холодную сталь!
 Кто хочет бороться со стальной стеной
 С пулей из мягкого воска,
 Стоит далеко от разрешения этих помех.
 В хорошее место вторглись недостойные,
 тираня честь, прибегая к обману,
 что достойно внимания.
 Если виртуоз живет без хитрости и осторожности
 Он утратит, будучи погребенным в забвении,
 Потому что это наш железный век,
 Когда плохая ситуация приносит с собой тысячи столбов,
 И стоит больше меди, как тонкое изысканное золото,
 Так как золото делает душу меди,
 Что верно с тысячи сторон.
 Не существует надобности для человека,
 которую бы он носил с собой,
 Потому что он моется в бассейне.
 Неразумные и слабые,
 У которых нет мудрости и благоразумия,
 Они были лишены милости Бога
 И в эти годы нуждаются в своем командире,
 который здоров и имеет много украшений
 и каждому украшению свое место
 И достаточно просто, что ему поможет Бог и небо,
 Они поворачиваются туда, откуда пришли.
 Таким образом и может жить смелый и крепкий господин,
 поворачиваясь спиной к чести,
 Где ловкость и изворотливость как какое-то облепление,
 Награда добродетели уже потеряна
 И он остается свободным для неба.
 У хорошего или плохого есть своя стоимость.
 Не грустить и не оставаться одним в течение всего дня,

Опасаясь его сообщений, которые не делают вреда,
 Кажется, что человек вам подходит,
 Покрытый облачными тенями,
 неуклюжий и грубый, которого потом надо развлекать,
 А, как всегда, напрасный удар
 Посадил его перед зеркалом,
 который проявляет все свои лица,
 хамелеон молится за твою защиту
 и монстр размером с вас!
 Поэтому он послал сейчас это описание,
 историю, которая является утешением для хороших людей,
 А это как кнут для наказания плохих людей.
 Ваше превосходительство, любой, кто прочитает это описание,
 будет всем доволен, чем можно,
 Або печаль не помогает груди выдающегося,
 Так как это мое желание.
 Я буду всегда благодарен
 Вашим людям, для которых меня сотворили.
 Мой Господь всемогущ,
 Если мы хотим умереть с горя
 и не от наших заблуждений и грехов.
 Что, если бы это была большой, сильный хороший человек.
 почему Терака умер за порочный плач,
 Демокрит жил с царями, чтобы не умереть,
 живет со своим порочным цветом.
 А потом мы остаемся в безопасности,
 Служа великому и сдержанному господину,
 А так восхищаясь виртуозами.
 Это остроумие редко и благоразумие божественно.
 С усиливает и бодрит поведением,
 Троицкая добродетель и святость источника
 Дают очень ясный намек во всем мире
 Из прославленных известностью и славным именем.
 Вы известный и прославленный господин этого столетия
 У вас много славы и вечная хвала,
 Обогащая всех душу
 С честью несравнимого достоинства.
 Что это? Куда меня ведет мысль,
 Заберите все мои желания и фантазии
 Я хочу молча сказать все,
 А показать в борьбе короткое мастерство,
 При длительном указанном испытании,
 Где перечислено то, что небо не успело сделать.
 А так закончится моя попытка идти по его пути,
 Я недостойн иметь такого величия.

КОРОЛЬ

Со стороны Иеронимо де Каранза, жителя города Севилья, он рассказал, что создал для нас книгу под названием «Философия и дестреза оружия». За это мы дали ему лицензию и права на печать книги в течении 6 лет. Но, будучи заняты в ваших исследованиях, вы не смогли распечатать книгу, но мне выпала привилегия и я должен выполнить эту цель. Нам упомянули, что вы продадите лицензию на следующие 10 лет и это произойдет еще раз. Труд этот рассматривался и был одобрен нашим советом. Теперь мы можем послать ее вам по этой самой причине.

В настоящем, мы расширяем лицензию и привилегии, которые мы дали вам, чтобы печатать и продавать эту книгу, изъятые из употребления еще на шесть лет, берущие начало со дня и даты нашей расписки, в течение которых вы или человек, имеющий власть, а не любой другой, может печатать и продавать эту книгу, издержки может назначить только тот, кто обладает привилегиями.

Но больше мы даем нашим Советам президента и саршателей, мэрам городов, шерифам наших домов, судам и министерствам иностранных дел и всем судьям, помощникам, губернаторам, главным и обычным и другим судьям всех городов, поселков и сел наших королевств, которые сейчас, как и те, кто будет впредь, соблюдают и выполняют все по нашему уставу и все, что он содержит в себе, и не идет против его смысла и формы, и не распространяется каким-то другим способом.

Лиссабон, 1 апреля, 1582

По приказу его Величества.

Антонио де Эрассо.

Эта книга касается нашей доктрины и католических истин, которая является отправной точкой в моих обязанностях перед лордами Королевского Совета его Величества, где нет ничего, что оскорбляло бы искренность нашего желания, традиций и здравого учения. Книга содержит в себе очень хорошие вещи касательно изобретательности, ловкости, находчивости, мастерства и большой эрудиции, которые можно использовать для печати, а на копии указать мое имя. Монастырь Святого Иеронима, Магрид, август, 1571 г.

АВТОР ФЕРНАНДО ДЕ ЭРРЕРА

Не хватало иллюстраций, повествующих о войне,
настоящей славе с трофеями,
коронами и пальмами победы:
И с новыми ценностями, ремеслом и мастерством
колышется грозный окровавленный меч искусства
и восхваляется со всех сторон?
Это как от солнца отходит золотой свет,
как объятия моря и стена неба
Идет в окружении бессмертной славы?
Если не с полетом благородства
И с силой четкого понимания,
Увековечите свою память на земле?
И в письмах, которые никогда не повредят
Ни огонь, ни ветер, ни время,
Обнаружатся сила, достоинство и обоснованность?
Тут оборванцы и обессиленные обманывают
Свою отаичающуюся действительность,
С малыми доказательствами и чуждыми намерениями,
Не скрывая облако забвения.
Каранза... имя ваше прославлено,
И душа возвышенная и пылающая.
Только с необычайным рвением и бесстрашием
В ловкости и мужестве
Следуйте за Божатами войны Фебо и Марс
с радостным воодушевлением и стелостью,
В Испании, обогащенной той слабой,
которую, надеюсь, больше никогда не увижу.
И ваши работы с памятью
Будут слепаены художником-скульптором.
Трабеж будет способствовать победе.
Ни гиацинты избранных,
Ни розы Венеры не считаются.
Многие шлемы с перьями усыпаны
Сломанными рогами, щитами, золотыми
панцирями, огненным Марсом и

режущими мечами.
Также будут во славе в другой части,
С признаками мастерства, которые
Поднимают новое, сложное и полезное искусство.
Это величие замечательно, и неустанно восхваляет и поет
с тысячами крыльев славы.
В обоих случаях ожидание отпугивает.
Создание и честь влекут за собой такое потрясение,
Что безграничная возвышенная машина и величие Египта
Побеждают на небе.
Как и сегодня, больше силы и ловкости
Будут иметь ценность, которая должна быть у вас,
И вы даете им мужество и силы.
Если кто уже проводит испытания в осаде с оружием,
сомневаюсь, что будет меняться судьба.
Целесообразно взять с собой то, что приносит ремесло.
Не бояться опасности, смерти,
Что выльется потом в мастерство и смелость,
И слабое сердце сделается сильным.
Если на берегу спокойно и холодно
Бетис одевается в декоративные одежды,
и направляет курс к священному
морю Атлантического океана,
взглянув на почитаемое место,
которое дает величие и его превосходство,
И богатое место, где всегда будет везти,
Хотя это честь последнего Запада,
И в силу высокомерия и величия
затмевает и притесняет Восток.
Не сильно поражены его богатством,
Достатком, славой и могуществом.
сколько у вас внутри дворянства.
В нас льется только высшее небо.
Промысел и крепость не пали,
А зовут тебя к почетной добродетели,
И вот ты уже счастливы от такой жизни,
Когда грабеж влечет за собой смерть,
Вы будете жить со светом просвещения
без незадач и того, что повреждает время.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ВОЛЬНОСТЬ АВТОРА КРИСТОБАЛЯ МОСКЕРА ДЕ ФИГЕРОА

Жесткость и бесчеловечность зверей войны
 Вылают в гневе.
 Для их жестокости есть время.
 В неистовстве враг отступает,
 Кезодуря, с яростным воплем
Потеряв свою власть, плача и вздыхая.
 Ух лапы, политые кровью,
 С вечными узами и цепями
Не обязательно должны быть обессилены.
 Удачливая эпоха, когда ты защищался,
 Согласно знамениям в небе,
 Чтобы подготовить жааких смертных.
 Уже в храме Бог Марс бушует,
 Блестит не только шлем,
Но и щит с кровью, которым он защищался,
 Труба, которая пугает,
 И вселяет в сердце испанскую храбрость,
 От которой вздрагивает враг.
 Но там они находятся вместе,
 Написанные среди воинственных мечей,
 Которые учили Марса быть мудрым.
И наличие на горе рода целомудренных богинь -
 Это спокойное, мирное место для выдающихся искусств
 Тге звучат звуки арфы
 На фоне священного собрания,
 Полного нежности и гармонии,
 Что является миром от начала и до конца.
Вышущий здоровьем Аполлон некоторое время назад собирал
 Волосы, вьющиеся из-под шлема
 Из чистого золота.
Музы сразу его окружили, образывая группу,
с храбростью они инкрустировали перья на лбу,

что в мире является сокровищем.
 С гравировкой, которой они украшали
 его хрупкое тело, священные
 Сестры показали путь в Касталию.
 Волны божественного, чистого
 И ясного источника,
 Волны желаемых смертных
 были тихими и мирными.
 И они увидели свечение его фигуры
 И тень шлема, и цвета,
 Которые усиливали его свет и красоту.
 И там он сделал гирлянду из тысячи цветов,
 В которую вплетен плющ и лавр
 В память о Дафне, влюбленных парах
 И закаленных смертью,
 Смешивая несколько листьев, которые показывали
 Стелость просвещенной души.
 Каранза, эта корона вся из урана,
 Вы должны быть в Испании, а Испания – это мир,
 Ибо добро идет с нашей стороны.
 Вы поднялись на гору высоко и глубоко,
 И в храме, Ибо вчера оставил
 меч, вы – первый, второго нет.
 Такая доля у вас в результате,
 Что под строгостью Марса и его твердостью
 ваш стиль стяжается.
 И их судимая нежность
 и женская тяжесть
 доведена до сознания с новой силой.
 Кто скрывал
 музыку в круглых зарытых раковинах
 с крепкими нервами, предоставляя концепцию и жизнь?
 Или это была подаренная флейта,
 Которую взяла большая часть заключенных?
 Вам удалось сделать, чтобы жестокий Марс
 Между беспорядочной толпой встречал сирены и гром,
 Милая яростью, что является субъективным искусством.
 И люди, заполненные гневом и кровью,
 Скрепляют разум в отваге и храбрости,
 Не зная умеренности.
 Молководцы его высочества
 Хотели быть известными Божатами,
 Вы должны научиться стелости и отваге.
 Они разрушают армии вооруженных,
 Силой оружия, с жестокостью войны,
 И поверженные противники трепещут.
 И слова красноречия и убедительности, которые источают

И производят гнев, будет достаточно, чтобы
служить оправданием для тысяч смертей на Земле.
Поэтому я хотел бы сказать вам то, что я чувствую, –
Возвышенная поэзия, совершенство, элегантность,
Сегодня Каранза будет жить счастливым,
Потому шум завистливых языков
Не может разрушить такую основу.
Если вы созерцаете волнение, опасайтесь
Высокого моря, которое окружают берега,
И эти знаменитые и выдающиеся ваны.
Маместники, когда падает первый,
Приходит конец и второму,
Всему они дают силы этого дня.
И с шумом и гомоном
Это разрывается, и скала возвышается,
Трепещет от глубокого конца.
И так, постоянно вооруженные
Страдают от более разъяренных ударов
И из-за этого не видно разрушения.
Теперь они ужасаются рокоту моря,
Теперь видно на фоне черный песок,
Движимый бушующими ветрами.
Вы хотите и приказываете четкой действительности
И это делает сердце постоянно твердым,
Нет ничего в этой жизни, чего бы вы могли чувствовать
С бессмертными крыльями победы,
Простирая в будущем свое имя по небу,
Но вечному курсу,
Оставляя зависть по всей Земле.

ВРАЧ МАТИАС АГИЛЛАР
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА ДОНА АЛОНСО
ПЕРЕСА ДЕ ГУСМАНА, ДОБРОГО ГЕРЦОГА
МЕДИНА-СИДОНИЯ.
МОЙ ГОСПОДИН.

НА ЗДРАВЬЕ БЛАГОРАЗУМНОГО ЧИТАТЕЛЯ

Величие человека и его божественного понимания всех старых вещей, написанных мудрецами, сделали нас столько основным, настолько и легким понимание, что любой, кто захочет, может увидеть это в его трудах.

Считая это главным, прежде всего с моих малых лет, я любил учиться, и в этом моем небольшом выступлении, видя жизнь, я изучал рукописи мудрецов печатные и рукописные, касательно различных наук и умений, которые я вспоминаю, учитывая великую милость Господа Бога и его божественную мудрость, одаривая этих людей пронизательным умом, которые пришли к трудным средствам, благодаря которым они получают привилегии. Но они почти божественные, потому что похожи на одно откровение, которое удалось обнаружить, что можно ясно наблюдать в науке небес и в божественном порядке света. Мое большое удивление было то, что в древности умения мужчин не культивировались как золото, нужно было придумать какое-то свободомыслящее искусство, и я понял, что ни у одного из них не было принципа эмпирических данных, методики, рационального первоисточника, так что можно было бы сказать, что наука, которая раньше говорила о непонятных вещах, сейчас можно наблюдать в остаточных явлениях неизвестных во вселенной, и неизвестны особенности, их суть. Разные люди, великие умы, в течение многих лет работали, чтобы вывести универсальные теоремы, из которых черпали методы и отдельные упражнения, и, таким образом, их можно было отнести к одному из изобретений некоторых из них.

Более сомнительные и неопределенные вещи с большим восхищением, другое мастерство и способности, как новое изобретение, – не только заслуживают этого названия. Прежде всего оно должно быть дано с начала и до конца военного искусства, как новая сестра муз и вторая по достоинству, для вашей практики и управления, что еще раз

подтверждает слабую Конституцию того благоразумного римского Сената в бессмертии славы героических деяний новых людей, без противоречия грузьям истины, чтобы поставить его на место, снять маску ажи, обращая внимание на редкие деяния, что можно было сказать, что их уже десять, а не девять.

И вот, Церонимо де Каранза, человек благородный, с более пронизательным умом, изобретал это от первых частных до последних элементов, как вы можете понять, благоразумный читатель, выступая со стороны судьбы, после того, как видели несколько трудных трудов и манускриптов, в которых он без сравнения показал разницу всех древних писателей не только по тому, что они не изобрели, и не вложили в науку это мастерство или хотя бы его часть, но и по тому, что никто (как уже указано выше) не изобрел этих вещей, которых было бы достаточно, чтобы приписать ему единственный принцип, о котором все больше задумываются, и поставить в ряды совершенных наиболее образованных людей, у которых на самом деле нет учителя, который помог бы в интересах нашего господина. Это Величеству должны сказать огромное спасибо, что с его помощью мы могли увидеть проявление другого мастерства, которого ни один из древних не смог достичь, даже не в состоянии исследовать.

Эта новая наука добавлена к другим гуманитарным наукам в практике и в умозрительном построении.

Он не понимает, что хотя это и наука, его совершенство к тому, чтобы прийти к ударам руками не перестает существовать. И рад, что вы знаете, что нет другой работы или практики, которые бы позволяли последователю умозрительной философии понять причины до самих составных частей, и предостеречь, как предупреждает гениальный автор, что, если будете читать эти писания хоть с талейшей завистью и враждой (что и Тален испугался за свои писания), найдете в них сладкий привкус философии, как прозрачные двери богословия, истории здоровой медицины, открытия тайны природы, разделения высшего и низшего миров, загадки вражеских желаний, конфуза, позора тщетного выживания, волшебных часов жизни и наказания порочных желаний, а также основы всего, что содержится в этой военной науке.

Там, где обнаружат рабочие великие тайны природы, которые никогда не использовали и которые не были поняты ни в целом, ни в частности. Единственная, своеобразная наука высшей выгоды и пользы для республики, где можно увидеть новые терцины старого испанского языка всей геометрии Эвклида, которая ясно освещена в этом писании.

Великие секреты арифметики, много астрологии, практика и способность к абстрактному мышлению. Большие заметки медицины, концентрация или сладкий ритм музыки, божественное изобретение поэзии с причинами секретов обманчивой внешности вещей (очевидно, математики), пронизательные, резкие случаи богословия и другое, о чем не слышали в гражданском и каноническом праве.

Так, в конце собраны все искусства и науки в этом кратком изложении мастерства и сноровки, с бесконечным числом определений, описаний, с подлинными аналогиями, с очевидным использованием всего разнообразия окончательных, аналитических, словообразующих и доказательных демонстративных учений (которые следует знать). Так, известность и популярность всего прочитанного имеет больше последователей в свободомыслящих искусствах, откуда можно почерпнуть много полезного. В случае зависти, не доверяйте вслепую переводам без разумного рассмотрения вещей. Рассматривайте то, что не стремилось стать известным, что, несомненно, заслуживает того, чтобы быть бессмертным, давая понять злым и завистливым обывателям, проявляющих неуклюжесть мнения победителя по отношению к вашему пониманию.

И я призываю к тому, что то, что вы найдете и соберете в этих свободомыслящих и военных учениях, – все это несомненные истины разрушающихся бунтов софизма, подтвержденных четкой демонстрацией и принципами всех философов, которые вернулись в форме чистого испанского языка и очень мрачных, и неоднозначных из всех свободомыслящих искусств.

И правда, что после того, как вы захотите прочитать это с особым вниманием, как и я, – вы найдете больше, чем я обещал.

ПРИЗЫВ ЧИТАТЕЛЮ ОТ ДОКТОРА
ПЕДРО ДЕ ПЕРАМАТО, ВРАЧА ИЗ КАМАРЫ
БЛАГОРОДНЕЙШЕГО ГЕРЦОГА МЕДИНЫ.

МОЙ ГОСПОДИН.

Большинство стари́ков – это мужчи́ны. И́ как ору́жие – нет ничего столь уважаемого в мире, как они, за то, что всегда стремились овладеть знаниями и навыками королей и королев вообще и в частности в защите чести, жизни, имения и мира во всех республиках.

При их использовании, слыша мужчин очень храбрых, смелых, опытных, полных авантюризма, вы никогда не читали, не было известно, и не слышали о юристах, которые знали дестрезу, у которых есть свои очевидные принципы, которые заканчивают оскорбления и защиту в суде безошибочной демонстрацией до сегодняшнего дня, и где Уеронимо де Каранза, человек благородной касты, знает философию и геометрию и много других искусств, и поэтому специалист в данной области воинского искусства. Никто другой не привел их в мир, не сохранил эти науки с применением оружия, с тем, что в прошлом было судьбой оружия. И́ как раньше было сказано в высказывании, что науки не притупляют, не мешают оружию, здесь и далее следует сказать, что науки в целом и оружие делают адвоката квалифицированным, потому что великий и возвышенный из них не является невежественным и грубым.

Достоинство и величие во всех прошлых веках похоронено, но теперь мир снова узнал, о чем эта книга. Это не издательство и варварство, которое использовалось невежественными, нерукляжими людьми, плохо проживающими свою жизнь, как это будет видно во втором диалоге.

Скупой на похвалу работы автора, и если мне не кажется, то он далее продвигается в том, что знает и внедряет это в свою работу, каждое из слов, составляющих строку не имеет понятия, это отражает ясное, как чернила.

Только хочу предупредить, что то, что человек с большим трудом мог бы изучить во многих других книгах, в этой он сможет это сделать с легкостью.

В зависимости от разделов в трактате и использованных слов, правильно подобранных в нужной форме и нужном месте, о величии стиля, пронизательности и остроумия, изобретательности, тяжести наказаний, солей и цветов, смешанных намеренно в свое время, и все остальное – могло привить людям вкус к доброту

проявлению воли, чувству понимания и найти в этой книге то, что поможет воссоздать, если у вас таковые имелись, ум и мудрость ваших способностей, как в восхитительном саду, полном различных цветов и фруктов. Вернитесь назад и снова перечитайте, вы всегда найдете новые вещи, чтобы вникнуть и отыскать ваше мастерство, с которым вы не сталкивались раньше.

И, если есть какие-то возражения по поводу интеллекта человека, его сообразительности, что вас не восхищает, а потом обнаружите, что он чего-то не понимает, - это из-за новизны этой науки, которая несет в себе новые слова и термины, адаптированные с тем, что называется другими видами искусства.

ДОКТОР
ИВАН ХИМЕНЕС, ВРАЧ ЕГО
ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА ГЕРЦОГА МЕДИНА-
СИДОНИЯ: ВАШЕМУ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Он хранил знания старых наук и дисциплин, которые не могли обнаружить ни монарх, ни царь, ни варвар, ни нечестивец, он с большим уважением и почитанием к этому относился и не развлекался с учеными людьми своего времени, которые занимаются так, чтобы все благоговели, поклонялись. Но ни один из них не был изобретателем наук, который не был бы помещен в число ложных Богов.

Поэтому, в отличие от того, что происходит в это время, за наши грехи имеет ложных писателей, Поэтов, симулирующих недостатки там, где их нет, чтобы казалось, что они дают много желаемых наук, знаний, но на самом деле они очень скудные. Вещь настолько недостойная добродетели и добра, как и люди, которые исповедуют это.

Завистники не обращают внимания на влечения и ненасытный аппетит человеческого знания, это так же естественно, как человек, который хочет страсти, исходящую из его сущности, как говорит философ.

И варвары, и язычники со способностями людей, но без знания истинного Бога и без огня веры игнорируют первопричину, основы науки, которую они почитали больше, чем на то была причина, что христиане освящают тремя доказательствами, способностями теологии, которые Бог внушил в наши души через крещение. Ибо ты знаешь, что среди других хороших людей, с искренностью Бог создал нашего первого отца, внушил ему науки, краткое содержание, чтобы понять их ценность и преимущество.

Но многие допускали ошибки, что было своего рода необходимостью, ибо, чтобы что-то знать, нужно много работать. Так что по проклятию божественной справедливости он принес науку в ту точку, в которой она находится сейчас, некоторые изобретают новые науки, добавляют другие, которые уже существовали, и пользуются изобретенными.

С прошлых трудов многих мудрых людей, которые создавали новые науки, известно мало, но еще больше просто игнорируется. Это значительно стимулирует грезей получать знания, и только тогда к ним придет удача, оставляя их в совершенном блаженстве, видя, как разрушаются тела грезей.

Почтение и уважение – это оценка, которая дала хорошо понять Господа в милости, который создал царя Соломона и наделил его мудростью. Потому что вы просили знания, а не долгой жизни или богатства, или мести для ваших врагов, и я даю вам вознаграждение. Наполните свое сердце мудростью и пониманием, и я даю вам свое честное слово, что ни одно из их прошлых или будущих не будет подобно вашему. Я даю вам славу и богатство, потому что вы об этом не просили.

Вам станет понятно, как сильно Бог ценит науку и царя Соломона, несмотря на то, что в малом возрасте он понял важность знания и мастерства, и потому может просить в соответствии с его возрастом королей и королев поместий о победе над врагами, чтобы преуспеть и много лет наслаждаться высоким чином. Он просто просил мудрости, а это означает, что все князья и вельможи, которые любят науку, не только приятны своему создателю, но и будут тесными со своими вассалами, и Бог приумножит блага и увеличит их известность, потому что ваше превосходительство подражает во всем мудрому царю, который был наделен большим мужеством, благоразумием и пониманием, что превосходит это у серьезных мужчин, ибо просят внимания, заботы, переходя все границы, которые обещают государство великих князей.

И по этой причине Бог служил, чтобы ваше превосходительство проанализировало все, что хочет, не будучи вовсе разочарованным, все подтверждая и всегда ища религиозные вещи. Это предоставило такие блага и избытки, что все его слуги должны поблагодарить Бога за то, что в возрасте меньшем, чем, когда правит разум, у него нет изъянов, которые можно было бы обличить, и хватает добродетели, которой ты можешь подражать.

И кто со вниманием, как и я, уважает и ценит героические добродетели духа, которыми наделено Ваше Превосходительство, это означает, что у нашего господина есть все в мире, чтобы иметь инструмент для какого-либо большого счастливого исхода, удачи, не меньше, чем у обычных лордов этого дома, потому что он настолько отличный принц, который не может перестать соответствовать превосходным качествам владыки. Можно ожидать, Ваше Превосходительство, что все сказанное улучшается благодаря его мягкости и размеренности

характера, своевременного суда, что целесообразно и благоразумно в поисках, и признать совет во всех трудных делах таким образом, что полномочия и влияние Вашего Превосходительства дает, как и автор, свой взгляд на эту книгу, за то, что храбро и мужественно показал доказательства новой науки, используя ее благородную энергию власти. Но бюджет так, что бюджет какой-то шлейф, недостойный такого благородного принца.

Эта книга – кладезь премудрости, в котором рассматриваются многие и уточненные темы семи свободных искусств, и среди них я увидел новую науку и происхождение естественного, гражданского и канонического права, с девятью толкованиями старых законов. Стиль, в котором все представлено, – научный труд, и говоря, как бы, про те же прочит, мне кажется это делом, достойным Вашего Превосходительства, и я старался опубликовать это, потому что меня восхищала серьезность стиля со всеми рассмотренными дисциплинами, и это то, где я понимаю, что, если автор писал в частности о каждой из них, – все науки, как представляется, недавно изобретенные.

Это было необходимо, чтобы это дело, которое до сих пор было осмеяно и было у власти людей с низкими намерениями, чуждо глядя на науку, и пока остальные науки о фальши и лжи, – разница истинного мастерства в том, что невежды и профаны становятся лучше, потому что это удобная вещь, между автором и притворяющимися фехтовальщиками, контраста бессмыслицы и нелепости и низких и подлых людей. Автор – человек благородный, честного и бескорыстного поколения, уничтожает ложь и фальшь и снимет маску гестрезы перед зурядными и грубыми людьми, тнящих себя фехтовальщиками, которая достойно прошла через время и на ее месте стоит эта настоящая наука, как это бюджет видно в продолжении книги.

И поскольку автор много раз испытал благо, здесь теперь показаны демонстрации и причины, чтобы устранить учения унижения, изнеможения и позора, которые были у несведущих профанов, что было и недостатками, и превратить это в эффективность и способности. Подтвердив, что автор жил честной жизнью и добрыми привычками, сдержанный и великий ученый во всех дисциплинах, настолько же ревнует к христианской религии, как подобие врага, но он больше друг знания, стараясь быть всегда сильнее, чем кажется.

И мое восхищение этой новой наукой от того, что все способности и дарования были истинными, и было много изобретателей, кому можно было подражать, и здесь никто не говорил, что все прошлое было обманом и автор не мог его использовать.

Он был как выродок с силой своего рассудка, рисовал, будучи ребенком, пока ему не дали жизнь и не кормили до установленного созревшего возраста, и теперь решили послать в мир разуберять и выводить людей из заблуждения.

Конечно, очень достойная вещь выйти из дома принца как христианин, храбрый и искусный человек. Главным образом, еще одна вещь, столь

же новая, как и эта, это соединение оружия и науки, где, безусловно, осталось право на несогласие, что беспокоило испанскую нацию, что было у иностранцев для сильной варварской империи.

И на службе у Вашего Превосходительства находится человек, который явно как соперник и враг, и не только по оружию, или на войне, но и в силу понимания в мирное время.

То, что задумал автор в этой замечательной книге – это сделать искусного фехтовальщика, посредством безошибочных и ясных демонстраций, который сможет заниматься. Как и музыка, которая стремится создать идеального музыканта, а медицина – врача. И поэтому в первом диалоге представлены общие положения и принципы. Это очень необходимые основы науки. Но во втором диалоге, который повествует о ложной дестрезе, все наоборот.

Второй диалог глобально и в частности рассматривает ложную, ненастоящую дестрезу, который обналичивает обманы обычных фехтовальщиков и другие вещи. Автор здесь делает опору на Аристотеля, Платона.

Третий диалог объясняет и утверждает достоинство дестрезы в первом диалоге, и очищает всю доктрину. Здесь ты имеешь дело с демонстрацией методов, трюков, которые в целом были предложены в первом диалоге и показывают универсальные принципы работы кинжалом против меча и оценка всех видов оружия.

Четвертый диалог рассматривает естественную защиту, и как христианин применяет на практике то, что он узнал, не совершая агрессию, предательства, и рассматривает обязательства, которые он на себя принял, которые должны выполнять его друзья и враги.

Для изыщества нет сомнений, эта книга поможет многим, кто находится в затруднительном бедственном положении, кто не богат. Бог оберегает Ваше Превосходительство многих и редких умений, и людей ученых, образованных, у которых есть покровительство и защита, и тех, которые находятся в его преосвященном доме, они захотят сделать больше вещей, смотря на вашу тилюсть совершенства, эффективно преподавая эту науку.

ИЕРОНИМО ДЕ КАРАНЗА
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГЕРЦОГУ МЕДИНА-СИДОНИЯ.
МОЙ ГОСПОДИН

Истина, что опыт является матерью науки. Четко указано, что ни то, ни другое не может быть достигнуто за счет умения человека без большого ума и работы в течение долгого времени, что одно опасное, другое трудное, но оба отличные и очень полезные, и потому являются истинным правительством и политическими сделками для развития жизни, достоинства и блеска бессмертного и божественного духа, который регулирует не только ход человеческой жизни и процветающего блаженства, но и будет указывать другим путь на небеса, где также будут прославления и благословения.

Принимая это вместе со мной во внимание много раз, и видя в настоящем возможности права и склонностей людей, - сличком много позволений грубым и вульгарным «фехтовальщикам» и права собственности на дестрезу. Когда им выгодно, они храбрые и неправильно используют это мастерство, что впоследствии становится причиной травли и гонений других мужчин, которых не легко работать в таких условиях, и которые вынуждены терпеть.

Прежде, чем мы согласились, - много правды покрывало и разоблачило великий обман, обнаруживав и ставя во все известность вещи, которые являются тайной из-за публичного оскорбления нашего господина, мужественного, с большим мастерством, что было новой и всеобщей реформацией.

Мне казалось, что, если это будет введено в специальные законы дестрезы, - не знаю точно, что я говорил, и я потерял свою работу и не извлек пользы, - это выдернет этот корень зла и обманов, которые разбросаны в глубинах народа, имитируя значительность, почтение и совет врачей мудрецов, которые, когда к ним приходит за здоровьем или еще чем-то, больное тело, полное плохого настроения, то они не рады дать вам какое-то легкое лекарство, которое не поможет в какой-то другой ситуации, которая ухудшается, и прежде, наблюдая, какое зло находится во внутренних органах, - то назначают сильные лекарства, чтобы высосать все соки из этих корней зла, таким образом изменяя тело, повышая настроение и ступ, с которым выходит все плохое, и после хорошего начала оздоровительного режима, пациент снова приобретает потерянное здоровье и силы.

Точно так же я использую это для лечения, так сказать, и поправки мастерства, в котором везде можно найти серьезный ущерб, как у больного тела, полного плохого настроения, не желая применять вкусное, приятное лекарство, дав сначала мое искусство, чтобы изменить то, что плохо, исправить его болезни, определить

восстанавливающие силы, которые нужны, чтобы искоренить все распространенное зло, и даже если в некотором роде меня озорчат тело племей, после обретения хорошей спортивности вы можете набраться сил, собрать ее и сделать своим достоинством.

Это первый класс для достижения здоровья, чтобы знать, что тело страдает, и таким образом устранить случаи, когда что-либо может привести к возникновению плохого здоровья. Чтобы соединить это с преобразованием дестрессы – сначала необходимо знать и объявить, откуда исходит этот вред, более заметный для дестрессы и республики. А, конечно, нет кого-то столь невежественного, кого нельзя было судить, кто был подавлен, и уменьшить такое чрезмерное состояние и великодушную науку, которой он обладает, даже игнорируя опыт, считая, что смелость и дерзость ослепляет обыкновенных профанов в фехтовании, что как осадок.

Игнорируйте те серьезные свои повреждения, которые видно, что скрывают преступления, сделанные из-за плохого мастерства и неэффективных навыков, не будучи наказанным, изо дня в день восстанавливая большую смелость, когда до этого было нахальство, бесстыдные поступки, и причиной был страх, который приходит, не желая использовать подлинную властность истинных мастеров фехтования, которые, обучая людей, найдут тех, которые будут непокорны и мятежны, что и они не смогут удерживать их доводами и аргументами, ни эти невежды не смогут каким-либо способом быть управляемы ею. А, наконец, они придут в такое состояние, когда дестрессе понадобится показать причину использования вынужденных насильственных способов, чтобы восстановить свое достоинство, наказывая преступления племей, которые живут без дисциплины, порядка, правительства, страха перед Богом и мужского достоинства. Будет использовать это в качестве тормозов гурных наклонностей невежд и профанов, пробуждая с этим упражнение на истинное осуществление добродетели, которая всегда спит холодным сном у мужчин, и, что во все времена устраивали серьезные и очень продолжительные порицания и наставления, чтобы вызвать чувство добродетели и направить человека в этом направлении.

Все упражнения – на благородность и эффективность оружия как науки в одном и другом роде людей, и чем больше власти и значения придается злу и пороку, тем меньше желания остается для добродетели, а самые знатные и благородные более серьезные и не боятся, они изо дня в день демонстрируют свои способности, хотя их меньше уважают и поддерживают в упражнениях с оружием и добродетели, причем все они являются честью и славою своих предков, которые достигли в свое время выдающихся успехов, у которых была осторожность, осмотрительность и уверенность и доверие к старому почтению и уважению без уважения какого-либо другого рода. А что хорошо для человека, – если он выигрывает, ему приписывали и имя истинный и славный, подражая тем, что он обладает истиной и славою, не опираясь на заслуги предшественников. Ведь сами потомки

много работают и добиваются славы, если только не при оценке ценности и чести человека. Это также ведет к дисциплине за вред, который плохие ум делаали, и мы прибыли в тот момент, который вряд ли будет знаменит и почитаем навсегда.

Мы больше не можем страдать за наши собственные пороки, что с даром праздности и безделья узурпировало нашу свободу, и с пороком души они теперь настолько сильны, что вложили силу в его изгнание, и что еще хуже, что мы не можем допустить лекарства, чтобы вылечить их, быть полезными, потому что мы следуем самым несправедливым развлечениям (времяпрепровождениям), которые подавляют силы организма и ослабляют способности.

Очень жаль, что рыцари, которые развиваются как мужчины, становятся женподобными, или лучше сказать, как разогреты статуи, которые не годятся ни в мирное время, ни не могут защитить во время войны, если только не кажется, что родились в мире некоторые особы, чтобы представить людей в измененных одеждах, давая понять, что главный кавалерии больше презирает большие способности и не принимает во внимание добродетель, он известен за образцу своей работы (забирая честь), пытаясь попасться на глаза всем, чтобы получить эту честь.

Это правда, что человек должен снискать настоящие почести добродетели, не желая унаследовать добродетель как почтение и богатство, которые были унаследованы от старейшин, получая это силами их рук и способностями мертвых, оцениваемые наследниками собственных господ, а это мог быть любой невежда и профан.

Мы видим уже по собственному опыту, что никакое доброе дело не остается между нами, поскольку злоба людей всегда растет по отношению к источнику зависти, и таким образом уменьшается вера в истину и добро, и оставляя много места для пороков, они приходят, чтобы избавиться от всех из них, называя это добродетелью, и тем, что от нее останется, например, звучание имени, до тех пор, пока жизнь не закончит свой курс и не приведет человека к слабости и несчастью.

Я могу с большим основанием сказать, что правда, что вредные привычки должны быть установлены в хорошие и справедливые законы, так как я вижу злоупотребление дестрезой, которую я хотел преобразовать, создавая не менее свободные искусства, чем другие, явные и очевидные, сокращая излишнюю гордость этих вульгарных невежд, зависть и ненависть против добродетели. Для них вопрос опасности в городе не важен, и есть определенные надежды, которые, если будут использоваться согласно истинной дестрезе, уничтожат пороки невежд, стараясь не обращать внимания на большое количество насилия, которое может беспорядочно даваться, когда невежды наслаждаются только свободой своих вредных привычек, без уважения к небу и земле.

Но, в конце концов, не захотят согласиться с волей Бога, на них будет снисходитель кара Божья за счет этих людей, подстрекая и

позоря за свои злодеяния, а другие будут умирать без исповеди, и за такой вред в республику придут большие убытки, потому что из-за неравенства нравов, разности обычаев возникает вражда и ненависть, которая очень велика, что среди них будто поселилась вечная зависть, и между ними гнев, ссоры, обиды, распри, вражда и нетерпение.

И как при входе к их порокам являются юноши в молодом возрасте, – старшие более пронырливые, хитрые для любого дела, упрямые, занятые своей старой злостью, которая укоренилась еще в расцвете их юности, и не могут, и не хотят с умением и мастерством усмирять беспорядочное разжигание страсти. У меня есть определенное мнение, что, не будучи зрелым, кто умеет усмирять свои силы из-за буйства способностей, пришли после разумных и полезных усердий, смотря на злобу и ложь, которые показывают пронизательность лобкости и изворотливости, за то, что были плохими учителями, понимая, что все это непреодолимая истина, что из них большинство было учениками, и их пример распространяется на всех союзников. Ибо правда, что никто не может научить другого большему, чем знает сам, желая судить движения и эмоции настроения от подобного рода вещей у невежд, варваров и рабов, у которых с большим трудом есть более интимные сведения об этих вещах, и не только не могут ожидать от них какого-либо благоразумного и мудрого совета, но и опасались, что с их невежественным и нахальным мнением они хотят подавить и разрушить вещи в мире, которые более удобны и выгодны для мужчины чести.

Несомненно, были бы искусства более удачные, (если бы судили их только по их мастерам), но, которые, как ты уже говорили, не имеют усердия, осторожности, нуждаются в тяжести ума, большому уважению к награде, и тому, чему учат молодых юношей.

И это правда, что в республике есть высшее и более прибыльное упражнение, которое из-за невежества и злобы варваров, кажется, потеряно – это организация (институт) молодых людей для войны, так как они как нежные растения, в которых возвращаются надежды всех, и, когда вырастут – принесут такие плоды, соответствуя учению, чтобы поместить в свое сердце учителей, которые в них верили и ручались за них.

И была причина, по которой я сужу очень важную вещь, чтобы допустить большую бдительность, заботливость в этой хорошей организации несформировавшегося мастерства, не допуская, чтобы некоторые невежественные учителя, или те, которые не особо знают учение, у которых меньше опыта и больше извращенных привычек, которые обманывают, прикрываясь знаменитым именем, – учили благородную молодежь, не обращая внимание на истинные достоинства духа, порастая тенью и покидая тело, относясь к важности и достоинству, которые есть в этом теле, и, как известно, есть разница между умом и душой, которая бессмертна и вечна, а тело смертно и тленно. Поэтому будет причина, которая

сегодня отделяет людей-свиной от этих детских забав и подлых игр без какой бы то ни было ценности, и которая всегда столь же вредна, как и тяжёлая работа, к которой обычно привыкают, надрываются в этом юном возрасте, которая лучше всего подходит для изучения любой честной и добродетельной вещи.

Потому что то, что они потом учат – бюджет ложью в их жизни, которая потом плотно засядет в их душе, как было среди римлян, выбранных для этого упражнения как важного дела, и тех, кто были признаны более правильными в своих речах и более смелыми, чтобы находиться на войне, потому что обычный опыт учит нас посредством явных примеров. Убо никто не может научить грехов добродетелям и доктрине, которую сами не исповедуют.

Прощают те, кто используют способности и учение и ненавидят зависть, которую им показывают на их земле те, которые не хотят видеть их естественного вознесения в славе, так как у них нет силы, чтобы превзойти и воспользоваться преимуществами.

Они уже ненавидят их злость и подлость, но не добродетель грехов, которая освещает изменения в жизни, и перестают быть общенародными критиками добродетелей грехов людей, чтобы скрыть свои пороки, в надежде, что грехов не превзойдут их, чтобы их привычки и навыки не казались такими плохими. Они видят превосходство ловкости и мужества, а сами трусливые варвары, прячущиеся под маской, которые много врут, что они храбрые, обладают мастерством, и имеют столько славы и доверия, как будто они истинные фехтовальщики.

И так, чтобы исправить этот обман необузданной страсти и вреда, который каждый день был обнаружен и раскрыт с таким преступлением против единственного господина, необъективности, дворянства и оружия, путем изобличения шпионов, которые поставили клеветников, несмотря на то, что против моей воли началось управление очень трудных вещей, чтобы не пропустить то, что закон природы обязывает меня. И, не обращая внимания на противоречия этих людей, и следуя мнению поэтов болтунов, говоря, что то, чего он касался было пространством путем, и, как он думал, лучше всего, будучи христианином и грехом, который отгоняет вред и все плохое именно по той причине, что он возлагает свою руку на эту работу, почему дестреза не остается беззащитной, без крова, хотя мне предлагали в этих больших и бесконечных трудностях, когда невежды и профаны столь упорны в своем невежестве, и дестреза разрушена из-за недостатка ума, которое легко можно обнаружить без божественной милости и огромного труда.

Если небо и земля помогали, благоприятствовали мне и расположение, и благосклонность образованных людей были с моей стороны, – объединяя благородных из них, я предложил им это занятие, над которым думал, уходя их, чтобы они высказали мне свое мнение, свой взгляд на это, поскольку на всех собраниях никогда не нашлось человека образованного, который бы не был истинным фехтовальщиком. Но,

зная великое благо, прежде, чем следовать этому факту, все с большой любовью предложили мне свои мнения и готовность для общего блага, потому что, как полагают, незнающий невежда, у которого мысли и упражнения очень унижены и при рассмотрении и важности этих вещей, — они не охватывающие, не постигающие, потому он не может предположить понять тайны, столь возвышенные, как те, что есть в математике оружия. И в случае незнания невежды и его презвой наглости будет необходимо, не мешая дворянинам и действиям истинных фехтовальщиков, не обижаться и не быть оскорбленным, который был так подавлен до этого момента, когда его использовали не потому, что они заслуживали его мужества и достоинства, а держа его больше в качестве щита от подлости, злобы и трусости, чтобы обнаружить великие тайны, такие, какие они есть.

И нет ничего с большей справедливостью и добротой, чем ваше превосходительство, кто стараясь бы над возвращенной дисциплиной и ложной дестрезою, не используя ее в течение некоторого времени, без достойного применения демонстраций настоящих фехтовальщиков, которые Ваше Превосходительство много раз с большим пониманием принимал и давал хорошим людям, что побудило его с воинственной решимостью проверить все на практике самостоятельно.

И это отнюдь не обижает, что потому что я немного высмеиваю незнание дестрезы, которая не очень хорошая и не достойна большой оценки, которую заслуживает новая наука, до этого трактата всё было из-за нужды и выгоды, которая достигла большей части для истинного тестирования и демонстрации данного искусства.

Он на самом деле хотел бы знать, что такое дестреза и понять ее мощност и потенциальные возможности, и, как мне кажется, здесь нужны две вещи из института дестрезы: здравомыслие и работа. Первая вещь не может прийти, используя какую-то другую доктрину, а вторая вещь не может прийти без физических упражнений, имитаций, и следует понимать, что эти две вещи находятся за пределами искусства и не имеют никакой потребности в моем учении и мастерстве, потому я не обещаю, что сделаю ленивых, которые не хотят работать, — истинными и трудными фехтовальщиками, или которые по природе своей не являются одаренными или благоразумными, как требуется для человека других наук, которые изобрели древние, которые с пылом и готовностью изобретать находят все дисциплины, соединяя их друг с другом (хотя они не пытались это делать больше с трудами нашей эпохи) ничего не забыв, так как в этой части воинской дисциплины, (которую обычно называют дестреза) я думаю назвать ее так в своих работах, согласно тому, что я прочитал, и с чем я согласен, оставляя часть Традиции (серии немецких манускриптов XV в. о вооруженных поединках), и тем, у кого нет полного знания или кто использует какую-то часть, которая по сути не подходит нам ни в какой точке, и хотя у некоторых историков есть неправильное знание, понимание

ее, которыми они пользовались, теряя память и метуары, которые были утрачены по вине времени.

Поэтому это было в тени, в удержании от невежественных людей, которых с каждым днем появляется все больше, но, так как они не одержимы истинным знанием, колеблются, имеют сомнения, и оказывают предпочтение другим наукам, все знания и открытия разваливаются и пропадают без вести.

И это недостойный, унижительный случай, что благородное учение и полезная для мужчин доблести и чести наука находится в таком низменном презренном положении, а должна достигать истинной воинской славы и мощи, предлагаемые судьбой. С ранних лет я выделял некоторое время на то, что не внушало мне доверия, и долго тренировался в течении дня с тем, с чем не мог согласиться, и что величие и достоинство будут побуждать меня отказаться от работы с малыми силами моего мастерства. Я думаю, он хорошо заплатит за то, что я ему должен и объявит, как велико его благородство. Учитывая этот факт, он будет отличаться от других и серьезных мужчин, потому что они со здравомыслием и рассудком как почтенные уважаемые люди без зависти могут понять лучше, чем другие, и более трудное свести к порядку и гармонии, что до сих пор находится в свободном и несвязанном состоянии. Я не стремлюсь к тому, чтобы полностью найти в этих трудах практические навыки дестрезы. Во-первых, важная вещь, нужно разрушить ложные взгляды неучей с их одинаковыми мнениями и обманом, потому что, если не иначе как думают многие, мы все равны в работе, и не в пользу истинного мастерства – их невежество и наглость процветают, что должно пресекаться, показывая истину взамен их лжи.

В древних трудах и манускриптах дестрезы без чести, и будет справедливо, если с их грубостью и тупостью я дам немного славы и сияния. И если мое мнение меня не обманывает, я думаю они не оставляют желания довести мое намерение до хорошего конца, и тем самым открыть путь благородных и возвышенных способностей, а также ученых людей, которые родились с рвением и жаждностью к славе и стремятся к более высоким вещам, достойным ее величия, потому что она может поощрять мои исследования для военных учений, с которыми ты знаком из науки, и используют регламент, порядок, который сначала Платону, а после и отцу красноречия древней римской империи Туллию пришлось обучать, и открыть то, что понимали и рассказывать в этих диалогах более кратко, чем было в теории дестрезы. Большая трагедия феэтовальщиков первой эпохи – чтобы позже, никого не обидев, ввести свои знания дестрезы, как шипы для неучей, и что очень трудно, что иногда мне пришлось говорить об этом среди моих религиозных грузей, и они считали, что хорошо и правильно для общего блага. И если невежества, с которыми читали эти манускрипты было так много, что я был беспомощным с возражениями, то вина была их, а не моя.

И из-за этого я понимаю, что мало кто исправляет мои работы

и исследования, несмотря на то, что раньше им казалось слишком любопытным овладеть причинами каждого действия в гестрезе, особенно тех, которые абсолютно мастерские и ловкие, которые думают использовать это во благо своего мастерства, и которые хотят выставить в свет свои усердие, способности и талант. Несмотря на то, что к счастью мой труд был прочитан некоторыми людьми, было бы нелепо надеяться, что они найдут что-то, что нужно поменять в их работах, или заново начнут изучать то, что столько раз использовалось неправильно, или, что более справедливо, они не найдут хорошие принципы новой науки.

Но я не думаю, что не вовремя или нестати настаивать их в том, чему они должны научиться или в том, над чем должны работать, чтобы не заблуждаться, и чтобы сегодня и впредь понимали все, когда лучше не знать вообще, чем знать плохое, когда есть хорошее. И если кто-то меня упрекал за написанные шутки и выскляканные вещи в диалоге о ложной гестрезе, я отвечал, что это было важно для того, с чем ты работает, потому что многие вещи проверяются. И, если они являются наплевками для некоторых настоящих фехтовальщиков и образованных людей, кто с этим работает, то это потому, что то, что описываю я, не совпадает с тем, что говорят они. У нас как бы все в разных красках.

Как музыканты, которые созвучно настраивают низкие и высокие по звучанию струны, так и я хочу собрать серьезность диалогов и легкость и смех комедии, в которых были найдены вещи, которые, не зная того, что это, были рассмотрены как злобредные, поврежденные. Но, служба единственному Богу, надеюсь, что его божественная рука даст его превосходительству здоровье и долгие лета, которые он заслуживает. Желаю вам знать больше, чем знаю я.

ВСЯЧЕСКИ ВОСХВАЛЯЮ НАИЧЕСТНЕЙШЕГО
КАРАНЗУ, ОБЛАДАЮЩЕГО НЕБОЛЬШОЙ
ВЛАСТЬЮ, СПОСОБНОСТЯМИ, МУЖЕСТВОМ
И БЛАГОРОДСТВОМ.
ТОМАС СПИНОЗА ПО СОВЕТУ КОРОЛЯ

К
аранза, ты вблизи Марса и Минервы,
Которые пылают завистью, ведя тяжёлые войны.
То, что ты дал, может в целом помочь:
У тебя есть все божества, из которых ты черпаешь силу.
Они даруют талант, оружие, вызывающее людские страдания,
И соглашается, радует, гордится Бог.
Но есть споры, и движения рук и Богов друг против друга,
Если ты хочешь воевать с оружием, - нужны большие способности.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ГЕРЦОГ
МЕДИНА, МАРКИЗ И ГРАФ
МОЙ ГОСПОДИН.

Р
од древний, героический, доблестный,
Известный и уважаемый на море и на земле,
Чей гнев Марса суровый
Добрался до всего в кровавой войне,
Отвирая у Сита и Мавра их покой,
Это всё, но большее заключаете в себе,
Когда все плакали,
И, кажется, что без вас они не надежны.
Что это, что может открыть мои примитивные способности
Страдая, заявляя о таком величии.
Не погружая до конца, - остался немой,
Смотря, погружаясь в такое высочество.
Можно быстро сказать многое, и я достаточно сомневаюсь,
Что это ограничит мою грубость,
Чтобы быть с самодовольной честью
Или моей наказанной дерзостью.
Господин вежливого обращения, гордый, и открытый,
Который всем внушает свою помощь,
Дружественный лик и владыка
Который создает души жертв.
В молодом возрасте понимания старого,
Разделив добродетели, противоположные пороку.
И большая надежда на Вас в том числе,
И, что небо нам даёт о Вашей жизни.
Это большая причина моего понимания
Вашей большой ценности,

Або нет и не нашел я восхваления,
 Которое объясняет, что небо широкое.
 Я стремлюсь, и это еще большая попытка
 Снова завоевать эти горы,
 Пояльность, тактичность, славу и здравый смысл,
 Нерушимость истины, постоянство и большую удачу.
 В музыке, в ловкости и в науке
 Приводить в уныние невеж таким мастерством.
 Побеждает мастерство и опыт.
 Что в друзьях все, - в вас только часть.
 Вы Нептун в море без сопротивления,
 А на земле обнаружили свирепого Марса,
 Атак, вы победили с миром королевства удачи
 А с тем, что Марс без смерти не сделал.
 В вас остается зашифрованным великий рыцарь
 Который с великодушной щедрой рукой посылает небо.
 В вас все преимущество,
 Когда он хочет увидеть небо на этой земле.
 Вы мужчина из уважаемых мужчин,
 Как божественная вещь в смертельном покрывале,
 А на всем - особенность природы,
 В таланте, роде и величии.
 Сдержанный ум больше как человек
 В духе добродетели, обогащенного
 Творизмом и мощами владыки
 Рода царей, уже представленного,
 А породил поэзию своей вечной рукой
 Которой не существует с тем, что может быть восхвалено.
 Если это не сказал с полной грудью дон Алонсо,
 Хороший человек отваги и добродетели.
 Вы, кто пожертвовал страшным гневом
 Королевства в Аларве Луситано
 Вы с гордостью и непобедимым духом
 Взяли оружие в руки
 А с серьезностью и спокойствием
 Дали секрет и содержательность кастильского языка.
 А вы пришли в правительство и дворянство,
 А с тем, что все нашли в величии.
 Превосходный господин, моя смелость решительность отвага
 Не должны быть осуждены
 Выгодой ума и рассудка.
 Я должен был что-то простить ему.
 Поэтому, великий сеньор, я рад
 Принять новое искусство, которое ты придумал,
 Как меня принимали цари.
 Вода пастора пахнет водами.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ТОГО, ЧТО СОДЕРЖИТСЯ В ЧЕТЫРЕХ ДИАЛОГАХ ДЕСТРЕЗЫ

Первый диалог рассматривает изобретение искусства и его универсальные положения, где все сомнения против дестрезы разрешены, и вы увидите последствия.

Второй диалог глобально и в частности рассматривает ложную, ненастоящую дестрезу, обналичивает обманы обычных фехтовальщиков и другие вещи.

Третий диалог имеет дело с демонстрацией методов, трюков, которые в целом были предложены в первом диалоге и показывают универсальные принципы работы кинжала против меча и оценку всех видов оружия.

Четвертый диалог рассматривает естественную защиту, и как фехтовальщик применяет на практике то, что он узнал, не совершая агрессию, предательства; и рассматривает обязательства, которые он на себя принял, которые должны выполнять его друзья и враги.

ДИАЛОГ 1

Но той же причине, когда я не отступала в военное время, создавая оружие, победившее зависть, в мирное время я хотела бы продолжить свои исследования и пожать руку неучу и профану в знак похвалы, который осквернил мои намерения.

Его превосходительство дон Алонсо Мерес де Тусман, добрый герцог Медина-Сидония, хорошо сделала, что покинула мою страну и приняла меня к себе на службу, на которой я не был так долго, чтобы избавиться от одиозного высокомерия некоторых, кто со злой душой завидовал мне и фальсифицировал то, что я делал, служба герцогу, чтобы его рука наградила плод моего скромного ума. Это произошло потому, что, наблюдая за его превосходительством, который много раз демонстрировал знания дестрезы и, принимая во внимание причину, что все они должны были завидовать, и поменять свои глаза на уши, они в первую очередь были недоверчивыми, что у меня есть переданный опыт. И я убежден, что в практике военного искусства они об этом не говорят, потому что должность, с которой они относились к невеждам и профанам, казалась недостойной профессии вещью, и присутствовала в гругих не менее квалифицированных вещах.

Принимая в качестве цита послушание этой заповеди, и устав от зависти и неверия ажеца и профана, я обнаружил одну вещь, своевременно оставляя дестрезу навсегда, пробуя рассматривать вещи с точки зрения ее смысла, поскольку я был там, где в то время было уже все настолько сфальсифицировано, и жил там, чтобы радоваться таланту, мастерству, а потом, кажется, достоинству и расположению небес, воздуха и местности. Везде считается, что та же божественная природа среди нашей эпохи, в которой находится князь, указывала на его достоинства, и порождала всё лучшее в земле для жителей этого места.

И потому, что душа может лучше наслаждаться, а зрение испытывать удовольствие от плодородных видов Испании и богатства на западе, чтобы вмещать и выводить военно-торские силы, – это позволило по качеству и знатности превзойти все гругие места и районы в этой стране, и хотя на первых порах население этого места было небольшим, – уже было величие наций и знатность их сооружений, и при наличии владельца, можно по правде сказать, что старые мастера никогда не пользовались и не имели то, что было у наших, и для большего достоинства природа дала море по соседству с рекой, которое служило перевалом между гругтя мирами, требуя прямо, что когда посреди ярости моря придет самый ужасный из тугчин с метательным оружием (праца), – надо бы устирить надменность его

и его собственных детей, чтобы он платил каждый год, увековечивая первые результаты признания ее большого значения и в память о величии ее принципов.

Потом уже благоразумный и степенный в своем служении, находясь в дружбе с рыцарями своего дома, и особенно с некоторыми, которые за свои редкие таланты и благородства заслуживают служить господину, который также знает о достоинстве каждого из них и может оценить их, предлагая им избавиться от меланхолии – это то время, когда печальная память почти шепчет о прошлых вещах в час, когда на просторном море забрезжил рассвет, где большая судоходная река Твадалквивир, увенчанная оливами, выглядит очень красивой с обыкновенным ходом волн, которые придают этому месту интригу и отдают дань океану, и земля, усыпанная прекрасными цветами и травой, используемые в ткачестве, – связаны груз с грузом, и земля кажется очень свежей, покрытой росой, особенно перемещаясь по мягким листьям некоторых деревьев, шуршащих под ногами с прохладным спокойствием погодных условий, и морские волны продолжают проявлять свою ярость, вспениваясь и потухая снова. Все это придавало большую радость, особенно, когда глаза, поднятые к красоте высоких сосен, спускаются с лучами солнца, а после встречаются на луга и поля, которые придают свежести этому спокойному месту, простирающемуся почти до конца предела видности. Но есть и противоположная часть высоких вечных гор со склонами, покрытыми деревьями, образуя во всех близлежащих окрестностях места для пения птиц, прекрасного, полного гармонии, занимая свои чувства, наблюдая за этой прекрасной картиной, утонченным творением и полотном природы.

Я обдумывал это, собираясь в назначенное место, где некоторые ученые мужи по величии своего мастерства и таланта находились среди всех остальных широко известных. Теперь они знали науку и свойства трав, особенности и у них была власть. Среди них самые постоянные были Эудемио, который был благородным и хорошо обученным человеком, умея приводить серьезные аргументы, он со всеми своими друзьями приятно общался, используя изящные, спокойные слова.

А Молемарко и Филандро, первый из которых с покладистым и мягким характером, с высоким знанием канонического и гражданского права. А Филандро больше сил и времени отдал на изучение философии и медицины, и использовал ее для восстановления здоровья от продолжительной меланхолии. Это было труднее, несмотря на то, что сила его таланта и способностей помогли преодолеть трудности, когда он этого хотел, чтобы его состояние не проявлялось так сильно в тяжелой форме.

Были также Чарилео и Мелисо с разными учениями, но вам следует знать, что Чарилео был знаком с дестрезой, используя ее, остро нуждаясь в славе и известности. А другой, Мелисо, был учителем всех дисциплин и доктором математики. Он был блистательным

ученым, знал несколько наук и обладал природной добротой, которая граничила с редким талантом и способностями. Для всех он был очень приятным человеком.

Оказавшись все вместе в уже упомянутом месте, был уже полдень, когда солнце с летней силой осветило землю, видя Эудемио и Чарилао, восхищенного и изумленного, и чуть ли не вспыхивающего, который говорил, что ненавидит тишину.

У Чарилао, как говорят, очень сильное воображение, и со всей неустовостью и силой он занимает все способности человека и незаконно присваивает их себе, отбирая почти всё, но несмотря на это он великодушно к нам относился, рассказал о величии этого дома и победах, которые достигли господа этого дома. Только вы один среди всех, как на горе Олимп, не чувствуете облака, находясь в спокойном состоянии, не слыша нас.

Чарилао словно вспомнил какой-то сон, и ответил так: вас это не удивило, потому что я не слушал, и занял всю свою память не очень радостным событием прошлого, которое поглотило меня с такой силой, что заставило меня забыть обо всем настоящем.

На это Полемарко потом сказал так: ваше воображение очень отличается, и быстро взглянув на вас, я подумал, что это Эудемио, и взял на рассмотрение то, что я понимал и что больше занимало оружие и дестрезу, чем всё остальное. А когда Эудемио принял то, что сказал Полемарко, Чарилао почти обиделся на его ответ. Много добиваться того, что должно быть хорошей дружбой, поэтому вы хотели, чтобы я использовал мышление на то, чем я меньше пользуюсь и больше ненавижу, зная, что мужчины чести не думают так низко. Этот ответ не понравился Эудемио, который был всего лишь любителем в дестрезе и знал только кое-что об этом, и не мог пережить это оскорбление, даже взяв все в руки, потому что каждый хотел ему ответить. Поэтому он сказал: если вы не окажете давление на Чарилао, я бы смог защитить часть дестрезы, ибо и она столь же благородна, превосходна и эффективна, и даже если мне придется отказаться от вашей дружбы, вы могли бы свободно мыслить, либо зная то, что я был первым, кто сломал и сокрушил неправильное применение и мнение относительно нее.

Я не хочу, чтобы наши мнения противоречили друг другу, ответил Чарилао, ибо нет в дружбе более благоразумного, чем вы. Не хорошо использовать часть замысла, где можно говорить, и с такой же свободой относиться к невежеству людей. В основном, это тот случай, когда так мало используется для сохранения чести, и когда оба путают понимание, внушая страх и делая вид, что они известны, хотя этого не заслужили, обучая ljudi и принуждая человека делать больше, чем он может, подвергая их тем самым опасности, оскорбляя тех, кто не виноват, посягая на права и подрывая честь праведников, будучи конкурентами, которые никогда о них не вспоминают, только, чтобы угодить неучам и профанам, которые походят друг на друга, приобретая репутацию везунчиков с плохим мнением о людях чести,

и не понимая, что я привел в плохое положение искусство оружия, и что я ссорился с теми, кто из-за злобы, низости привели себя в то состояние, в котором они сейчас находятся. В это время Молемарко сказал, что дестреза начинает претерпевать плохие изменения, что мужчин с низким весом и покладистым умом использовали в соответствии с их способностями, а не как они того заслуживают. Вы уже знаете, что незнание создателя искусства – не достойно чувства вины, и случай этот проявляется, несмотря на то, что утверждает прекрасный Платон, потому что во всех науках есть много низких, подлых людей и несколько хороших, которые достойны уважения, особенно в искусстве, которым они занимаются; что учителя – это отбросы всей республики и хорошо известно, что называться настоящим фехтовальщиком не значит быть им.

Мне отлично видно, ответил Чарлао, что все вы против моего мнения, и мне с этим будет очень трудно двигаться вперед, по большей части потому, что вы понимаете, что я прав, и повреждения не переходят к истинному мастерству. Так и среди поэзии есть много плохих поэтов, которые находятся в большом презрении, но это не важно, равно как и то, что былая слава не вернется, потому что деликатно добиваются согласия с вами, избавляясь от тупости, которая у них есть, как делал Теркулес царю Коррал дель Рей Авгию и если вы хотите, чтобы во всех точках обман дестрезы был раскрыт, посмотрите, как мало в них смысла, без которого не может существовать ни одна разумная обоснованная вещь, и большая сила как противоположная сторона невежества, ибо вся основа лежит в удаче и риске. А, наконец, те, кто больше всего этим пользуются и более смелые – ценят то, что они меньше всего знают, и самые трусливые, потому что потратили на это большую часть своей жизни, и не знают, как признать справедливость и правильность того, что они узнали и чему их учат, впоследствии обнаружив отличную вещь, когда вы знаете ее первопричину. А, хотя природа учит нас многим вещам без науки, в ней присутствуют опыт и течение времени, поэтому они в состоянии следовать за чужим мнением. В результате будет растерянность и смятение среди челяди и профанов, без проверки их способностей и мастерства, взвешивая причины и последствия, и если это так, нет ни одного человека столь невежественного, который не видел бы это ясно, и кто знал бы недостатки того, что вы называете хорошим мастерством, прикрывая это именем – дестреза – что никогда не было заслуженно? Потому нет никого, кто бы знал что-то об истинном мастерстве, потому что если бы это было так, если бы это работало, кто бы сомневался в том, что, имея такие хорошие способности и талант, тем более склонность к оружию, не было бы при этом каких-либо знаний об этом? А есть только опыт, очень запутанный и сомнительный у авторов и столь обнаженной науки; уважение и здравый смысл в том, чем они пользуются и что им сейчас известно из того, что является неопределенным и сомнительным, потому что вещи

гестрезы переменчивы в зависимости от разницы корпусов человека, различных комплекций и телосложения, и если некто отказывается обращать на это внимание во время ссоры, вы увидите, как они забывают истинное мастерство, которым бы обладали в большей мере, если бы знали, что есть правда, и никогда бы не забыли об этом. И даже среди истинных фехтовальщиков, они признают, что каждый уникален по-своему, и что такого же после них не будет, и среди многих – есть истинный фехтовальщик, и все остальные не говорят плохих вещей тем, кто этого не заслуживает.

И на это Мелисо ответил, что вина не в этом различии, а в опытных фехтовальщиках с хорошей репутацией, которых оценивает профан и несведущий человек, по мере того как он думает, осуждая их, свидетельствуя, что они используют одно и то же упражнение, поскольку эти невежды думают, что это выгодно их гипотетически, вероятным оскорблением других, которые не нравились им из-за их мнения, или если они говорили когда-то что-то плохое. И с каждым разом зависть и клевета росла против достоинства и добродетели. Опыт долгого времени, когда нас обманывали, учит, что зло не может быть прочным и долговечным, а до этого объявляются авторы, когда они меньше всего этого ожидают, и становятся более уверенными и больше рассматривают вас с вашей и их стороны: какого согласия и взаимопонимания можно ожидать с такими разными склонностями? Как бы мог завистник, невежда и человек, ведущий постыдную, недостойную жизнь, любя свои пороки, в случае противоположного исследования и отличного мнения от их собственного, и действенный, добродетельный человек, как могли бы они снискать дружбу друг с другом и со всеми обращаться (как говорит Платон) между равными и подобными, с теми, с которыми вкусы и использование тех или иных вещей столь противоречивы.

Когда Мелисо желал продолжить размышления, чтобы разрушить мнение Чарилло по части гестрезы, Эудемio их прервал: действительно ли это правда, что истинные фехтовальщики рассматривают науку именно так?

Чарилло, смеясь, сказал, – ты не хочешь закончить начатое, чтобы не остаться в запешательстве, что легко отвечает на наш с вами вопрос со всей правдивостью, что вы подумываете быть ее защитником, и я думая сказать нечто большее, что вы спрашиваете; что они хотят продемонстрировать не только их отношение, но и все условия, даже если вы этого не хотите. Если у меня будет время, ты к этому еще вернешься.

И вы знаете, что у каждого истинного фехтовальщика есть свое счастье и слава, и не в истинном достоинстве и науке, а в тени чести, которую им предлагает невежда и профан, которые порицают за знание, как будто они ничего не знают, как не знают и науку. И все ради того, чтобы поддержать и приумножить высокомерие, чтобы ветер не смог это легко развеять; используя худшие условия, увеличивая возможность ошибки других шести ста с лишним истинных

фехтовальщиков, увеличивая возможность жестокости на земле и обеспечения того, чтобы никто не был более квалифицированным, чем другой, чтобы жениться на этой ложной фигуре, если человек слышит, что его взяли из безумной и невнимательной части их земли, несмотря на то, что это больше отдалено друг от друга, чем два противоположных полюса, и убить себя, без основной причины. И в этом разговоре также есть гнев, который случайно происходит (как это бывает), когда вам это нужно больше всего для хорошей репутации, потому что кажется, что во вспыльчивом состоянии человек остелливается дерзить всему миру, находя другого такого же как он, который переживает великое смирение и покорность, потому что это стыд и позор по поверхности и не серьезно этим заниматься, что скрывается на храбрости и отваге, а также сварливости и вздорности. Таким образом, будучи малоизвестными, они никогда не прекращали бранить и сыпать проклятия, если они могли своим ядовитым языком испортить репутацию, уважение тех, кто по правде обладает хорошим именем. Таких вы, в конце концов, называете невеждами, несведущими в их мастерстве, но я разочаровался в Томере, который называл их бесполезным бременем на земле.

Конечно, сказал Эудемио, мне приходится в голову, что я должен хорошо научиться владеть оружием по его желанию и предположению, больше решая за вашу жизнь, верно ли, что фехтовальщики ничего не знают, что они сильно исказили смысл и, как мы знаем, не имеют слаженности действий. И вы видите в этих людях тех, кто обманывает, кто ведет себя так, как будто им позволено обманывать, а затем тайно высмеивают тех, кого оценивали. Я искренне хотел бы понять, без сомнений и неуверенности, кто эти обманщики, кто говорит ложь об этой науке, а люди верят им и признают их.

Эудемио ответил: потому вред приходит к тем, кто хвалит и славит, где у хвалившего в тех частях нет того, что есть в его имени, и, прежде мне показалось, что люди, которые так соглашаются похвастаться, попадают в большую опасность, потому что с ложными оценками, которые человек чести не должен допустить в этих вещах, которые с вашими намерениями не достигают силы, – по этой причине они затевают геройские поступки и теряют увлекательную жизнь, на что потребуются время (если в какой-то момент они были трусами), претендуя быть как осел, который надевает шкуру льва, чтобы внушать страх. Но найдется тот, кто узнает об этом и не будет бояться и заберет шкуру, прежде чем откроется их трусость и бесстыдство, потому что, как вы знаете, на иллюзорной славе не разбогатеешь, хотя некоторое время человек будет процветать.

Это правда, сказал Чарилло, но вы не видите какой большой вред произошел, потому что человек, которого особенно незаслуженно хвалили, – не делаю того, что нужно было, и пытаюсь обманывать и, как правило, эти вещи настолько велики в сознании людей, что они не понимают, что это ложь, является ли он истинным

фехтовальщиком или нет. Но дух не боится использовать это, познать плохого человека, который так хотел обмануть и оскорбить, потому что этот случай уже расследовался, и понятно, что истинное мастерство фехтования попало под подозрение, когда учитель оказался трусом и говорил, что обманывал в первую очередь фехтовальщиков и хвастунов, но не понимал, насколько это было бессовестно. А вы знаете (как говорит Аристотель), что люди оскорбляют других из-за тех вещей и ситуаций, которые их обижают, и о которых они стыдятся говорить или вспомнить. А ведомый плохими намерениями по отношению к кому-либо, кто хотел создать хорошую репутацию другим людям, кто этого не заслуживает, говоря, что они хорошие, не приняв решение, кого уважать, не зная, что они исповедуют ложную основу. Но настал день, когда он снимает маску трусости и взамен приносит маску мужества, и тогда кажется, что он мало чего добился оскорблениями и только потратил время, чтобы дать им недостойное место, лишая их того, чего они заслуживают.

Духами был доволен этим ответом и, не противореча ему, спросил: кто провозглашает, кто создал и подарил этому миру так много истинных фехтовальщиков и героев, будучи настолько превосходными в своем мастерстве и мужестве, что так редко встречается у мужчин? Зависть, ненависть, страх, невежество и порок, – трусы и невежды не могут делать великие вещи, такие люди приходят и особо не одарены множеством качеств, и плохо говорят о других. А истинный фехтовальщик – это противоположность этому. Другие не делают того, что им кажется трудным и не хвалят то, чем занимаются, но много оценивают, и как вы уже знаете, также делал и Платон со стихами Антимаха, чувствуя себя хорошо, что он понял их, говоря, что то, что не понял, должно быть лучше.

Но невежественные люди завидуют, потому что они не могут делать великие дела из-за своей трусости, и не достигают такого же ума и здравого смысла, будучи как хорошими, так и плохими из-за своей тупости. Они говорят, что могут сделать это с легкостью, не почитая память тех, кто этого заслуживает, и если у них есть неприязнь, антипатия, которую они не могут объяснить и передать другому, такому же как он сам, – они теряют восторг и восхищение, зная все, что является общим для многих и простых. Как в том же случае, когда есть одна вещь, которая является правдой, и другая вещь – противоположная ей – ложь, и обе они имеют свое место, и находят много тех, кто верит большому количеству невежественных, кто не является гладнокровным, потому что это навечно закрепленная привычка, когда неуч взвешивает, теряет знания и ценность вещей с узкими пределами своей негальновидности, и по природе своей не принимает во внимание тот факт, что это можно оставить позади. Или же такие люди несут с собой искусственность, делая выводы без каких-либо оснований, и думая, что то, чем они занимаются – делает их важной персоной, и дестреза работает потому, что уже только называется дестреза; считают, что эти вещи не делают

другие, потому что они этого не видели, и не делают, используя жадность в вере в правду, а будучи щедрыми на фальшь и ложь.

Эудемий сказал, что есть некоторые люди, заслуживающие доверия, они будут делать то, что им говорят, и даже больше, потому что вы знаете, что люди чести боятся сказать, что им что-то тяжело сделать, и, на мой взгляд, они не будут настолько опрометчивы или непочтительны, если не будут отдавать честь по каким-то причинам, как и в любом искусстве есть много классов, рангов, где каждый заслуживает, чтобы его хвалили по-своему, и в основном идут и просят на работу к квалифицированным фехтовальщикам и понимают оружие так, как они его понимают.

Потом Царилао сказал, что вы называете фехтовальщиками тех, кто знает науку владения оружием, Эудемий же сказал, – тех, кто может делать всякие уловки и понимает, что они называют наукой об оружии, и знают, как наотмашь работать с мечом, как обманывать при работе со шпагой против всех видов оружия.

Немного улынувшись на этот ответ, Царилао сказал, вы знаете, что истинный фехтовальщик – это в целом общее название для тех, кто хорошо обучается и работает не только физически, но и интеллектуально. А совсем другое дело быть этим фехтовальщиком, потому что настоящий фехтовальщик хорошо сведущий в науке об оружии человек с точки зрения практики, или в другом случае – сведущ в теории этой практики, и выполняет это так, как должно быть в истинном понимании, с вероятностью травм, а не так, чтобы это красиво выглядело.

Те, кто утверждают, что знают практику, а не теорию, сказал Царилао, те называют отпетину, зарывку в фехтовании – раной, потому что они слышали, что так говорили, или, наоборот, что это так используется – для шпаги по-своему и для большой шпаги по-своему. Это теория невежественных фехтовальщиков, профанов, которые, если вам по душе практика, удары мечом, тыльной стороной оружия, шпагой или большой шпагой, – они делают и тренируются как они хотят, и если они делают замечания или критикуют, и дают возможность нанести раны и провести поединок, им удается делать то, что они узнали от одних, от других и не потому, что первые обращали внимание на их попытки, а другие всё понимали, а потому что они идут к успеху и основывают все свое мастерство на стечении обстоятельств, которые были помехой, и, следовательно, не используют мастерство, чтобы бороться (если можно назвать мастерством то, чем человек не пользуется), обманывая много раз, – и это является доказательством того, что это не наука, и они мало знают правду, потому что наука не что иное, как научное занятие, как узнал потом Мелисо. Он хотел собрать все мастерство и то, что извлек, занимая место Эудемия, который очень заищся на то, что было сказано, давая понять первым, что они не использовали хитрость и уловки.

Царилао немного заметлился, как если бы хотел отдохнуть, а затем

сказал: несмотря на то, что трудно пользоваться даже этими двумя частями дестрезы, но поскольку это не противоречит вашему распоряжению, я буду стараться со всем своим мастерством и умением, чтобы не разочаровать вас и мужественно отстаивать ваши взгляды, потому что вы видите, когда Эудемио находится далеко от истины, и можете понять какую-то часть дестрезы, и не так, как она видится невежественным фехтовальщиком и профанам, а какая она есть на самом деле. И она будет отличаться от хороших Художников, которые рисуют вещи такими, какими они им кажутся. И прежде всего нужно дать им понять дестрезу, и вы должны попытаться это сделать, потому что дестреза не будет полезной и выгодной при ссорах и препирательствах; потому что я хорошо знаю, что человек, который упражняется в оружии, – более опытный, чтобы победить того, кто не является фехтовальщиком, не занимается с оружием и менее опытный, потому что фехтовальщик не только умеет парировать удары, действовать согласованно, драться с ножом и бросать вызов, но и наносить раны своему противнику. Одно дело знать дестрезу, а другое – иметь только ее название и применять это мастерство в реальности, в подходящем месте и вовремя без вмешательства в течение обстоятельств.

Кажется, сказал Эудемио, что, хорошо зная ловки, которые они будут делать, несмотря на то, что это будет звать фехтовальщиков, и не допускать правоту слов Чарлао что у разума человека есть свои страсти, когда человек сердится, – есть еще другое, когда человек спокоен и миролюбив и это находится в его духе, который является главным в человеке, как основа всей тренировки работы с оружием. Тогда будет сила, смелость, энергия, которые нужно попытаться сохранить и для других частей и инструментов основы другой науки. Тогда другие должны будут нанести раны, чтобы биться и ловко защищаться в споре. Но этой причине они не будут пользоваться дестрезой или звать, надеясь, опираясь на нее, и в соответствии с этой причиной, сказал Эудемио, огни сделали больше, чем другие, как будто это такой же удар мечом, шпагой и тыльной стороной оружия, и одна из причин, которая ими движет, и тот же человек, который управляет ими. Это правда, сказал Чарлао, что при ответных в фехтовании, разрезах – большинство видов ран не отличаются по своему роду, но может быть больше или меньше частей в их движениях, и тогда ты придешь сюда и начнешь раньше, или позже чем потребуется, для удобного случая, поскольку нет науки, которая принимает во внимание все вопросы, так как они бесконечны и всех их не узнаешь, и движения, которые приводят к ранениям в фехтовании это удары саблей, мечом, шпагой, тыльной стороной оружия, или нападение и преобразование каждого из этих движений, чтобы они сформировали оборону, что по общественному мнению считается противоречивым. После, вы обратите внимание, что у каждого удара в отдельности свой тип ран, и что человек в зависимости от телосложения, условий и задач движется по-разному, и позиции тоже

разные. Вы можете не знать, какой вид раны вы получите, потому что ее еще нет, вы можете не обладать наукой, и потому следовать гипотезам и предположениям лица, который много раз обманывает, и, таким образом, вы не будете знать, что он собирается сделать и какие движения нужно применить для защиты и атаки. А потому во всем, что есть до момента, пока вы не знаете в какой позиции будет противник, и какого рода травмы он будет вам наносить, и какие движения совершать, – всегда есть вероятность погибнуть от травмы, нанесенной в удобный случай, потому что опасность не там, где есть выбор и то, что происходит по этой причине – считается что происходит из-за невежественного профана, который всю жизнь это обдумывал, поскольку внезапный замысел не терпит промедления. В противном случае происходит промедление, появляется страх, из-за которого пропадают силы, человек перестает себя сдерживать, мысли путаются или их не хватает, ибо эти части хорошо используются нашими фехтовальщиками, обладающими волей и мастерством, потому что память – это хранилище дестрезы, и у кого есть ключ – к тому являются воспоминания и приходит память и силы, и он становится как господствующий господин, который всем повелевает, но кому не хватает ловкости и сноровки. Это совершенно очевидно, потому что мы много раз видели необходимость в том, что было изобретено, но большинство фехтовальщиков забывают об этом, и эта наука может лишить их защиты. А даже в фехтовании весь вред, который нанесли фехтовальщики – препятствует действиям. Тогда он как хороший пилот в шторм и опасность показывает свои знания и силу, потому что наука в особенности в том, чем мы пользуемся, и показать это также трудно, как и честность.

Дугецио ответил, предоставляя нам опыт каждого дня с явными примерами, откуда хорошо видно ложную дестрезу, но не за это он сказал, что наука является полезной для человека, для сохранения и соблюдения политической жизни и преимуществ достоинства и чести, чтобы делать с ней то, что нравится и что хотят хорошие люди, и чего боятся и ненавидят плохие. Что если наука – это ошибка, сказал Чарилло, а ошибка – это наука, игнорируя фехтовальщиков, если вещи, которые они делают, хорошие или плохие для их же самих в их науке?

На это Дугецио ответил, что телочный человек не обвиняет дестрезу, кроме фехтовальщиков, которые основываются на самоуверенности, которая у них есть, чьи мысли не обдуманы и опрометчивы, которые представляют опасность, в зависимости от того, в каком настроении находится фехтовальщик и какое у него мастерство, не имея ни должности, ни власти. А то, что хаот фехтовальщики, – не является выводами и разумными основаниями, приписываемые науке, что является причиной столь благородных действий у мужчин, и в основном тех, кто искренне пользуется этим названием, сказал Чарилло. Больше потому, что вы признаете, что есть тысячи доказательств недостатка навыка, как будто все

знают, и отсутствия совести каждого фехтовальщика, и я хочу доказать вам обратное.

Наука – это истина, потому что происходит из правдивых, действительных вещей, а истина – это не ошибка, и после – наука не является браком, и по ложным навыкам и мастерству хорошо делать вывод, что является ложной дестрезой, а что нет. Потому что, если что-то не терпит неудачу и не является правдой, то ясно, что это ложь. А настолько чрезвычайно, что без внимания, с которым вы на них смотрите, есть много фехтовальщиков и хабрицов, которые полагаются на мастерство, как будто они используют и основывают свои притязания на ложных вещах, и с большим трудом говорят какую-то истину, потому что их учение – это тиранизировать доверие и создавать репутацию лжи.

Дугемио промолчал на такое заключение, и казался больше запутанным, чем удовлетворенным, когда Мелисо ему ответил: Не думайте, что Чарилао так быстро разрушил мнение Дугемио, который сначала хотел нам сказать определение дестрезы, которое бы ею подтверждалось. Очень хорошо, сказал Чарилао, что вы просите ввести то, что, когда вы достигнете чего-то, – будет необходимо распределить это между нами обоими и стыдом, потому что мастерство владения оружием это не другое дело, кроме тщеславия тех, которые были невеждами, полные листьев и без никакой надежды на фрукты, как на дереве с буйной растительностью. Но они падают на землю, и любой, кто приходит, нарушает гроба, подобно тому, как невежественные люди сделали с бедной дестрезой до сегодняшнего дня. Я не спрашиваю, какое определение вульгарной дестрезы, ответил Мелисо, а только истинной. Это настоящее мастерство, сказал Чарилао, знание и привычки, которые учат ранить и защищаться от противника.

Кажется, ответил Мелисо, что он не мог показать, почему это наука, уча дестрезу, качеством движений, чтобы узнать о влиятельности и понять принципы их работы и узнать часть, где они должны придерживаться истинного пути, и какие раны можно нанести из определенных положений, которые может делать противник.

Но этой причине, сказал Чарилао, я хочу, чтобы это была не наука. Если это будет так, сказал Мелисо, летите с крыльями Акара, чтобы упасть в гавани. У меня была бы причина, сказал Чарилао, почему я бы отдал все на суд без умысла, хотя вы говорите, что дестрезу учит наносить травмы посредством позиции, которую занимает противник, потому что теперь обратите ваше внимание на эту рану, которую нужно выполнить с помощью позиции вашего противника, которую он хочет занять, или которую я хочу, чтобы он занял, хотя как хочу я – это невозможно, если это не судьба, когда противник – господин своей воли, и разрушая его позицию, остается понять, что он получает, когда он хочет, и почему я не буду делать так, как хочу я, почему, в определенной точке совершается ложный выпад в моей позиции, в которой я вижу его как господина. Я не

использую то, что думал против него, и я согласен предложить новые приемы для понимания и оставить противнику много пространства, который оскорбил меня своим решением, с теми же средствами, которые я беру для своей раны, что даст мне его терпение и волю, и, если его позиция не такая, как я хотел, чтобы начать наносить раны, все мастерство все равно будет следовать воле противника, и при выборе позиции, и чуждой воли, что не может быть наукой, и не может быть тем, что предназначено для борьбы или игры, за что я противлюсь действиям господина. И ни в каком способе неизвестно как подвергать опасности противника, ни после засады нет ни одного настолько остроумного, кто бы мог понять, ни того, кто бы мог догадаться, где нужно двигаться и каким должна быть поза, ибо в ней нет знания, прося вас о выборе, который, будучи проигнорирован, теряет свою хитрость и ловкости, и раны в том числе, будучи не в состоянии принять фехтовальщика с истиной или уверенностью, и не зная, зачем дестреза должна быть наукой, и зачем должна служить вам, убеждая фехтовальщика, ответил Мелусо. Все остальные ловкости – предлагаемые к пониманию и запоминанию, а вскоре и к применению в соответствии со случаем, о котором нам говорит противник. Увствую, что это так, сказал Чарлао, теперь в понимании и разуме есть большие сомнения относительно того, что будет потом лучшей хитростью, потому необдуманно выберут каждую и потеряют свою силу эффекта на нее, среди этого силы он не получит, и определив, на этом этапе можно вызвать опасность и страх того, кто не распространяется об этом, потому он в конце не может действовать. Этот страх изменяет суждения, теряется память, смешиваются ловкости, подобно дестрезе, у которой свое место в памяти, и все точки потерянного действия и являются одной из основных причин, почему фехтовальщики не используют то, чему научились, когда есть необходимость использовать общие основы, чему научила природа всех, кто создает фехтовальщиков, когда они сердиты, потому что то, чего у нас нет – это науки, прежде чем мы получим то, что их есть, и они, прежде чем попадут к нам, поражаются.

Мне кажется, ответил Мелусо, что выбор потом должен быть в одной точке и не указывать на фехтовальщика с какой-то ловкостью, где они оба занимали свои позиции, где в соответствии с тем, что происходит, они полностью отдают себя учебе.

Ты не хочешь убедить себя, сказала Чарлао, что это не наука об истинном мастерстве и что у нее не может быть достоверности и точности. Вы говорите, что то, что происходит применяется в самой узкой позиции, что вы думали о хитрости, чтобы нанести контрудар, и я открываюсь противнику и вытягиваю шпагу, делаю выпад, и когда вы думаете, что должны сделать движение и намеренно оставить его обманутым, – вы думаете, что он раскроет обман и вы окажетесь в опасности без какого бы то ни было эффекта?

и вы хорошо знаете, что возможные вещи, которые могут произойти,

не могут быть наукой, которую он при хорошем случае будет иметь на удачу, и как всегда и бывает с фехтовальщиками, которые не являются настоящими мастерами, откуда и родилась поговорка, что остриё меча проходит где хочет. И когда возникает ссора между истинными фехтовальщиками и теми, у кого просто есть название, приходится утешать и воодушевлять, давая понять, что там, где есть неясная, сомнительная истина – все поступают одинаково, так как произведения искусства, которые вы уже знаете, которые являются воздействиями природы, – не нуждаются в удаче, потому что это была ложь и обман вне науки и правды как они говорят, и они не видели, что учитель учит нас хитрости и что мы оба как один. Это происходит, чтобы обнаружить и не пропустить аферчика или менялу, и это не может продолжаться без отсутствия истинного знания причины, по которым делается какой-то трюк, не понимая его душевного равновесия, не зная где он страдает и где будет применять знания, что то, что находится вне истины для одного, то аналогично и для второго, и теперь я искренне хотел бы знать, называешь ли ты ошибочной частью дестрезу или часть, которая относится к фехтовальщикам.

Затем, сказал Мелисо, ошибкой части фехтовальщиков является то, что они не применяют хитрости к части, где какой-то просит не начинать с пункта истинности, что неоднократно приводит к ошибке.

Вопреки этому, ответил Чарилао, у нас есть весь опыт, который мы получили и который называет безошибочными ловками, никогда не пропуская правду, которую мы видим в любой момент, когда фехтовальщик начинает выполнять свою ловку тому же фехтовальщику, которого учил и тому, кто ошибается.

Это есть и там, ответил Мелисо, где фехтовальщик не учил правде, где фехтовальщиков не видели и не знали, потому что, как вы знаете, – все, что есть – это от науки, от природы, или от событий, где не может быть правды. И, как вы знаете, сказал Чарилао, что правда в дестрезе, а не в фехтовальщике. Мелисо потом ответил, что это происходит из-за нанесенной раны и формы движений, без чего никто не может ударить противника, и зная, что первое движение и самое основное из всех является движение на месте, где фехтовальщик приходит к ошибке, не зная причину, и должен начинать со слабости, неустойчивости своего меча в силе противника или менялы, и не зная, какой разрез подходящий или сомнительный, и не зная расстояние от части меча до корпуса противника, игнорируя природу движений, которые являются собой всю силу дестрезы, и что из-за этих вещей фехтовальщик не понимает, что это все ошибка, ловка, и наконец не замечает то, что требуется, чтобы убедиться, что это не вина дестрезы с чистотой своей истины, которая остается с ней из-за отсутствия искренности, ответил Чарилао, он сказал:

То, что вы говорите, это хорошо, но то, что мы видим какой-то день, это одна и та же хитрость двух мужчин, равных по росту,

не меняясь по месту, не увеличивая, не уменьшая части движений, которые они не делают, при отсутствии успехов у одного и другого, не зная причины, и потом будет ошибка, которую все делают, но он должен сказать, что это ложь то, что он делает, не зная ничего, кто мог бы дать хоть какую-то причину своевременной ошибки, несмотря на то, что это случалось много раз, чего со знанием науки не произошло бы.

Все это делается из-за явной ошибки, о которой говорят фехтовальщики, сказал Мелисо, который ошибается не из-за рассматривания со всем вниманием, которое дает опыт и универсальные знания вещей, которые нашли истину. В науке для всех все будет, и человек не должен склоняться к хорошему или плохому дню, который у него будет, и, как медицина не теряет свой авторитет и престиж, потому что не все больные выздоравливают, и не потому, что мы всегда с помощью риторики можем уговорить оратора, также и дестреза не теряет свой, потому что фехтовальщик, ошибившийся один раз, ошибется еще.

Хорошо, сказал Чарилло, говорят, что уже после первого раза, когда ошибаются фехтовальщики, мы знаем, что они никогда не были лордами, зная все из мирного времени, а не военного, и скажите мне для чего смысл и последствия истины должны быть необходимы человеку и предоставлены в его распоряжение? И правда ли, что белая вещь в моей руке будет такой же в вашей, потому что не может быть никакого положения, что противоречит или препятствует его действиям и тому, что дважды два это четыре.

Если не повышать единицы, то никогда не будет семь, и то, что есть в Медицине, что об этом известно, – говорят, что это наука, которую придумали для разума и опыта, чтобы сохранить тщеславие и вылечить болезнь, а Врач обращает внимание на участок тела, время года, возраст и привычки, заболевание, под которое существуют свои лекарства, на эффективность и состояние неба, а именно, на тяжесть климата, гармоничность красок и качество воздуха, в которых мы находимся; нужно знать, когда время года и область на теле соответствуют тяжести климата и гармоничности красок или качеству состояния небес, которое становится понятным, и после этого мы уже принимаем во внимание природу знаков на солнце, природу острых заболеваний, и обращаем внимание на влияние планет, учитывая благополучные и неблагополучные дни для рождения больного и от начала болезни, что характеризуется цветом, известным нам по экскрементам. При этом качество юмора превалирует, если под этими вещами применяется то, что полезно и подходит для достоверности и надежности науки. При неблагоприятном событии – на врача нет вины, хотя это остается его частью. И все усердия и применения медицины зависят от ситуации, что, как говорил Гиппократ, есть во всем физическом, что свидетельствует об образованности врача и способности сделать такой выбор всех комбинаций, чтобы это привело к самому лучшему результату, потому что это ремесло для

нуждающихся и требует большого внимания и наблюдения, чтобы установить и поймать болезнь, потому что после - она все равно пытается проявиться снова. То же самое рекомендуется и для другой части, где в начале - это время, которое уже представляет собой физический недостаток, и по этому поводу у него мало времени, и это намерение обоих, что то, что делается не может быть подходящим, подробным, и основанием для лечения иногда является время, также, как и в других случаях, когда что-то происходит в своей манере без промедления, и по той причине они ходят, колеблются, когда игнорируют, и делают так, что заболевания, имеют несколько различных исходов завершения. Они сводят все сказанное по этому случаю, при чем после потери будет сложно общаться на другие вещи, и это в основном в дестрезе, потому что в ней есть так много доказанных наукой вещей, серьезными авторами с многолетним опытом, которые создают очень много трудностей, когда нет абсолютной уверенности в чем-то, с чем они согласны из физики, и в мастерстве не имеют никакой уверенности, когда они игнорируют истину, все ее части, что, возможно, и представляет трудности?

И если оратор нас не учит, это всегда будет сильно отличаться от того, как мы ухаживаем или обращаемся с кем-либо, потому что ему достаточно сказать «хорошо», ибо Демосфен, который дает силы своего красноречия, зависит от воли слушателей больше, чем я, и то, что я говорю в дестрезе - это только потому, что я чувствую правду, если это не уловка и если учитель не будет учеником.

И тогда Платон, который был очень внимательным и оставался в молчании, сказал, если наука находится в вещах, а в них находится истина, кто был более опытен и знал больше вещей, - такие, конечно, знают больше правды. Истина дестрезы заключается в ее движениях, в позе тела, рук, в тонких и тяжелых мечах, в свойствах ран, и если профанов не уличили в обмане, то это только часть из них, а не потому, что они обладают мастерством. Расположение приобретается поступками, до создания навыка мастерства при помощи того, что вы называете истиной, обмануть которую нельзя, за то, что истинна это равенство, когда человек понимает также, как другой, потому что желательно, чтобы разум и истина происходили из понимания, и это следует понимать, и понимать суть позиции, что это понимание всегда верно, если позиции истинные. Это то, что дал Платон. Что если есть рассудок, понимание, и потому не могут обмануть? И всегда ли правда то, что есть предательство и ложь в дестрезе и в других вещах?

Эти обманы, сказал Мелисо, - ложные коллекции вещей, которые дают ощущение понимания, и существуют специально, чтобы обмануть. Например, когда нам что-то нравится и мы думаем, что это хорошее, когда на самом деле это плохое, потому что наше знание приходит раньше, чем любовь. Но ничто нельзя любить, если сначала это кажется хорошим. Также и с человеком, которого мы познаем, который сначала не предстает таким, какой он есть, ибо

понимание человека – это своего рода разновидность или изображение реальных вещей и состояний, когда нельзя любить какую-то вещь с самого начала, которая на самом деле не была и не казалась хорошей, и не справедливо будет убедить вас, что есть так много способов, которые знали правду, что дестреза не может содержать в себе обман. И потому, что не понимаете, что мое намерение и попытка в поддержку мнения, которое говорит правду, потому что после понимания вещи одним способом, есть понимание божественное, и понимание человека, от которого ничего не зависит – именно по этой причине, что он утверждает и отрицает, что не будет ничего, что изменит истину и прикоснется к дестрезе, что не будет говорить ни правду, ни ложь о ее вещах и ввиду того, что вы остановитесь на вашем понимании, на том, что вам нравится, и не потому, что вы чего-то не знали, – говорят, что понимание является истинным или ложным, потому я знаю, что в вещах есть и хорошее и плохое. Дурдемио поражает слышать то, что его просили объявить более легкими словами и терминами, чем в прошлом, какое было истинное понимание? А что, если всегда так было, что оно было ложным? На это Мелисо ответил, беря Чарилло за руку: Знайте, что вещь понимается в сравнении с божественным пониманием и тот, кто дал и следовал подобию идеи или представления, находится в вечном разуме и говорит правду. Это как мы говорим, что настоящий камень – это то, что имеет истинную природу камня. И в этом отношении правда находится сначала в Боге, и это приписывают к пониманию божественного, которое сравнивает и оценивает вещи здесь, и определяет природу их самих, потому что нет ничего более истинного, чем естественное свойство, которое находится в вещах. И если вы хотите изучить второе изображение, которое имеет части Создателя, сформированные в его природе, вы найдете его с утончительным пониманием в противоположном мнении Чарилло, что истина сначала в вещах с точки зрения понимания фехтовальщиков, и не потому, что невежественные люди обманом публикуют то, что является ложным.

На что Чарилло ответил: я много чувствую, что вы как груз больше на меня походите, и на мой взгляд, мнение профанов и истина в обращении, потому что, как вы знаете (как говорит философ), из-за порыва души нам становятся известны большинство из самых главных вещей, и они не являются последовательными, которые я нахожу в дестрезе, споря, что они не постоянны, особенно, когда у меня есть своя часть опыта, которая заставила меня понять дестрезу. И причина сходства моего понимания с ней – правдива, потому что ложь больше похожа на воображение, которое у вас есть, и если вы без страсти считаете это соответствующим, смотря на мое понимание, которое позволяло мне извлечь выводы и расчеты, которые есть в этой науке, – то это твердое знание, приобретенное за долгие годы, которое никогда не отступало от причины.

Если он видел, что он находился далеко от нее, ответил Мелисо,

то он плохо мог сцепиться с моим пониманием. Тогда останется мнение, и вы хорошо дадите понять в этих словах ненависти, – что есть в дестрезе. В большинстве случаев вы делаете это потому, что у вас есть фехтовальщицки со злыми намерениями, но наука из-за этого не виновата. Если вы хотите из милости быть обманутым, я должен остаться и высказать противоположное мнение тому, что вы говорите, понимая то, что вы принесете мне преимущество в разных направлениях и в практике дестрезы, где я убежден в вере и дружбе, которые у вас есть, и что будут сохранены мнения, говорящие против дестрезы. А, хотя мне не мешало бы понять, что является ложным, – это правда, что естественные вещи, из которых мы берем науку, отражаются в нашем понимании того, как они измеряются божественным пониманием, и в зависимости от настойчивости вашего напора, мы даем вам понять, что, если умы и понимания других являются средством, с помощью которого достигается истина вещей, то странник, своеобразно измеряющий их, не может точно понять, что такая невоспитанность и подлость, такая скромность – есть в таком хитроумном дворянине. А правда, что только с его справедливой причиной другие могут понять и разбить знамя впереди вас, потому что экспериментировали много времени с этими вещами, и по этой причине я думаю, что вы лучше знаете, чем другие, потому что вы особенно понимаете скрытые уголки и хитрости, которые содержит в себе дестреза, и как человек много лет обходился с этой необходимостью. Або какдый судит хорошо только о том, что он знает и свободно говорит о том, с чем он знаком, и если в этом действительно есть истинное подобие вещей, с которыми вы имеете дело, – вы утверждаете, что вы не были виновны, прежде чем он восстановил ваше понимание в чести, и вы оставили его в месте, которое он заслуживает. А это мое желание, чтобы он был среди людей, чтобы судить его, как истинных мастеров. А я говорю, что ваше доверие является обоснованным, потому что принимает правду и непреклонность, чтобы сказать, что это не что иное, как правильная и совершенная вещь и равное подобие, при котором опыт заставил вас понять все мастерство дестрезы и соответствие понимания всех ее вещей. Но он также сказал, что и ложное понимание обманывает, когда имеет в себе некоторое сходство, а не когда соответствует истинным вещам, как должно быть.

Дудемио спросил: почему истина приписывается больше к пониманию, чем к другим способностям? Чарилло почти обиделся на иронию и намешки последнего и ответил так: если вы хотите, чтобы Мелисо отделил лучшие ваши выводы и аргументы от моих, потому что вы учились в некоторых школах науки и за то, что вы также знаете, я признаю и даю вам преимущество (редкая вещь для понимания), и вам кажется, что я из-за ее недостатка не имею учителя и навыков дестрезы, что я как будто инвалид в знаниях с усердием своей работы, но я предоставляю демонстрации того, что

может быть средством понимания и без науки наперекор другим, ибо вы знаете, что лучший Учитель для всех-это мастерство и благоразумие, хорошее усердие и способность ко всему. И хотя мне не хватает всего этого, меня сопровождает одно из этих знаний, и достижение зрелости немного компенсирует это, как если бы я хотел настроить себя на удовлетворение всех сомнений, которые у меня были, а затем продолжать, основываясь на том, что уже начато, зная, что воображаемые и чувствительные способности не получить, за исключением сжатости порывов души, и ни одно из этого не находит отражения в вещах, с которыми приходится иметь дело, но только одно понимание он показывает в своих поступках, и появляется сходство количества, сущности и значимости вещей. И я дам понять, что он имеет правоту в дестрезе больше, чем в науке, потому что, природных вещей может быть недостаточно, чтобы быть мастером, и они принимаются в соответствии с сущностью их природы и могут отсутствовать при некоторых порывах души. И по этой причине силы познания хватает, чтобы знать суть подобных вещей, и, как скажем в дальнейшем, зрение не обманывает относительно своего собственного намерения и то, что находится близко к общепринятому (что является таковым случайно). И поскольку Мелисо обманулся на это, ему кажется, что я против того, что я имею дело с дестрезой, зная, что понимание не вводит в заблуждение относительно объекта, что является вечным созерцанием истины, и мое разочарование, что вам не хватает орудия.

Ты говоришь правду, сказал Мелисо, что понимание разворачивается в природе вещей, и по этой причине ты не обманываешь о том, о чем говоришь, ни тем более в твоём первом творении (которое они называют простым предчувствием), и потому что это не хорошо, что у вас есть, как вы думаете, ваше своевременное мнение, ваш взгляд, - я хочу дать понять еще раз, что если вы хотите понять это с пониманием (что, кажется, вводит в заблуждение), я отвечу на пути сомнения, что Эудемии не ценил, обманывая, изменяя и разделяя, когда эти действия присваивает какие-либо вещи после того, как понял их сущность и форму, и другим, которых он не касается. Или если вы отрицаете то, что подходит в качестве приоритетов, - вы оказываетесь обманутыми в том, что вы понимаете под дестрезой, и даже не потому, что вы знаете, что такое точка, линия, поверхность, тело, угол, треугольник, квадрат, круг, центр и пропорция, не по этому всему, что будет, как у математика; не потому, что знаете, что такое удар саблей или мечом, и разделяете удар шпагой от удара шпагой обратной стороной и понимаете некоторые их особенности или говорите плохо о том, что хорошо, и свидетельствуете, что они хорошо понимают, что все это они имели из-за конкурентов, не помня ничего из этого. Не поэтому вы будете фехтовальщиками, не по этому у нас есть причина, почему они невозмутимо говорят, что вещь из ловкости и сноровки имеет истинное знание дестрезы, потому что другой

– невежда и как и прежде, выступает от двух или трех профанов (людей подлых, бесчестных), поднимая флаг, чтобы поддерживать их ложное мнение против истины, неся все свои претензии с завистью и злобой, выдавая наш обман и обман других по каждому пункту. Мы никогда не считали, что это правильно не удовлетворить его сторону и, возвращаясь, сказать, что это понимание, которое не выгодно и не подходит природе вещей, которое потом будет смыслом (как говорится), чтобы судить общие намерения и цели. Это вполне может быть глубокое понимание и заблуждение, особенно когда определение сущности предмета приписывается другому, как если бы удару саблей дали определение прямой линии, а округлость назвали бы квадратом, а также, если они обманывают в другой манере, когда компонуют части определения судьбы между собой, когда человек – это разумное животное с четырьмя руками и шестью ногами. Достаточно того, сказал Чарилло, что вы дали им следовать за этими неучами, чья профессия – противоречить правде, и высмеивать то, что я отвечаю, но я доволен тем, что я стою не очень далеко от того, чтобы разочароваться, и для этого я говорю, что в познании простых форм не может быть обманутого понимания, и в подтверждение, что нам говорит философ, – в абстракции не существует лжи, и я вижу, что вы так злы и спекулятивны в ваших поучениях, что нет меньшей необходимости, чем вооружить человека терпением, которые приходят с невозмутимостью и аргументами, чтобы удовлетворить нас и не уничтожить то, с чем мы обращаемся с правдой и стойкостью, чего требуют вещи сами по себе важные. А вы уверенно сказали, что только у вас единственное и исключительное мнение против этого, потому что если бы это было за пределами правды дестрезы, или уязвляло какую-то из ее частей, все бы знали, и почитали достижение этой истины и оценили бы то, что заслуживают.

Настеиваясь, Чарилло ответил, что в том же случае, если бы вещь была правдива, были бы те, кто отрицали бы это или обманывали, и игнорирование дестрезы является основным делом, которое мне удалось обнаружить, родившееся между фехтовальщиками с таким разнообразием мнений и нелепых, незначительных сект. Одни говорят, что они подражали и копировали других, другие говорят, что нет. Одни должны испытать свой меч, противясь своей слабости, а другие делают это как-то по-другому. Одни говорят, что цель это поранить левую ногу, а другие говорят, что это все вранье, утверждая, что лучше ранить правую, и в каких-то случаях некоторые из них обнаружат, что не всё является ложью, – потому это разделяет мнения по поводу истины и лжи.

Понимание, сказал Чарилло, стремится к истине и, как мы сказали, – все, что работает с разумом, находит истину, и не может быть другого мнения. Дестреза полностью разделена на мнения, следуя потом тому, что в ней не нашли истину такой, как в науке об оружии, потому что если это правда, что в одной части меча удаленной от

центра мало силы и есть слабость основания – вы будете в ярости от того, что вы знали, потому что он знает природу гестрезы по качествам Элементов, чувствуя, что в мире нет так много грубости и неотесанности, которая не могла бы убедить его, потому что, если он отказался от того, что не является частью качеств огня, – ты все понимаешь, и приобретаешь новый чистый и правдивый опыт, или который ломает каждую точку в ложном мнении, как было раньше с гестрезой.

Очень хорошо, сказал Мелисо, что у него есть подземное царство, где есть больше мнений среди фехтовальщиков, которые с трудом представляют доказательства и знания истинной гестрезы. Вы продемонстрировали для всех остальных то, что дало мне понять, что эти вульгарные профаны всегда имеют дело с истинным мастерством и мужеством, но сами не имеют этого?

Это, ответил Чарлао, как якорь, который не умеет плавать – не всплывает из воды, или, по крайней мере, как влюбленные в Менелопу, которые не могут наслаждаться ею – ищут ее служанок, потому что эти ваши неучи не могут достичь истинной храбрости, мужества и стремятся всегда вести себя так, будто гестреза – это жена Министра, но на них это оказывает мало эффекта, потому что, как и большинство мужчин с никчуждешней судьбой и испорченными привычками, – они боятся бесчестия и позора, и симулируют наличие мужества.

Пришив себе имя настоящего фехтовальщика, словно надев чужое платье, чтобы скрыть свою трусость, он, словно как те серьезные женщины, которые без стеснения не понимают работы и должны замещать ее искусственностью. Они рождены для хвастливых, со свирепым отношением, и чтобы представлять изменников и отступников с чрезмерным бахвальством. Для несведущих – выражение лиц и движения таких самозванных фехтовальщиков будут пугать их, и они не осмелятся дерзить им, как и при случае, если они не обнаружили и не раскрыли трусость, подлость и малодушие, имеющие место быть среди анимых фехтовальщиков, как всегда и считалось. А, видя, все оставались довольны аргументами Чарлао, потому что они были настолько безапелляционны, что доводили до сознания обман гестрезы, и все пункты в доводах Чарлао осуждали их мнение. Но поскольку Эудемико был в сомнительном настроении, ему казалось, что этих аргументов было недостаточно, и прежде хотел снова отстоять свое мнение с помощью новых аргументов и, когда увидел растерянного Чарлао, снова вернулся к вопросу о гестрезе в момент напряженного ожидания, и спросил, так: Я хотел бы знать от вас, как от сторонника, знают ли так называемые фехтовальщики удар саблей, и обратной стороной, удар шпагой и большой шпагой, ибо вы знаете трудности и отклонения в той или иной вещи у всех фехтовальщиков, которые не могут нанести удар мечом или другим видом оружия, или при помощи основ мастерства. Или они сами собираются достигать мастерства? Или то, что

они называют гестрезой делается без изменений, без того, что они сбросят свои маски? Я не знаю, как точно сказать, ответил Эудемио, но большая часть того, что мне видится, должно сойти за проворство, живость, что огни имеют больше, чем другие в отношении применения и защиты основных движений, которые создают раны или то, что будет известно из наук – что-то плохое или хорошее; что некоторые лучше, чем другие, и я сказал Чариллао не пытайтесь сделать их правильными или неправильными, потому что ненастоящий фехтовальщик всегда будет применять это, даже делая плохо и, если это будет применено хорошо, – это нанесет хорошую рану, как будто другой соединяет буквы в слоги, а слоги в слова, которые потом являются плохой или хорошей молитвой, будучи сначала скромностью и сдержанностью. Но, как вы знаете, что такое проворство в науке об Оружии? Проворство, быстрота, живость – сказал Эудемио, соответствует тому, что я понимаю, что это применено к одной ране лучше, чем к другой, что это направлено на ту часть противника, что возымает лучший эффект. На это Чариллао ответил: если вы не знаете время и место какого-либо выпада – вы должны остановиться, чтобы остаться правдивым, чтобы вас мало использовали, и иметь проворство, о котором вы говорите, потому что это не живость и быстрота, что есть между нами, когда мы бегаем, оскорбляем, разговариваем и понимаем, что делается по сравнению с теми, кто медлит, а также и в других вещах, которые подразумевают движения телом и рук, мечом или ногами, голосом или интеллектом, потому что проворство и быстрота – это сила, которая есть и проходит во многих вещах в короткий промежуток времени, и также это касается корпуса меча и его движений, это как циркуль или компас. А всё остальное требует знания науки, чтобы нанести рану в той или иной части, как поступают с фехтовальщиком, что всегда хорошо сочетается с его претензией, игнорированием того, что я много раз говорю, и часто случается, что один и тот же фехтовальщик делает и некоторые хитрости, ловки, а иногда и другие, не перемещаясь в другое место, и не меняя или перемещая фехтовальщика из первых ловок. То, что вы говорите, – это хорошо, ответил Эудемио, но я также думаю, что необходимо исходить из его знания ран и понимания, и предела, где это может ранить его, где препятствуют тому, что он делает, и тому, у кого уже есть опыт. Это и есть хорошая и правдивая гестреза, ответил Чариллао. Ее нельзя знать как-то наоборот, потому что она даст возможность для совершения коротких движений, и то, что без труда становится известным, что противоречит воле противника и достигает фехтовальщика в конце его движения и намерения, который, как мы уже доказали, не может иметь ни науки, ни определенности. Но этой причине приходит противник несколько раз и спрашивает фехтовальщика, что это дает, а иногда не приходит и не ранит, не делает то, что делал в начале, не спрашивает, что делает, кто делает, и как это делается.

Но вернусь к тому, что было сказано выше, когда приходит человек, и делает свои уловки всегда наперекор позиции без дифференцирования противника и, таким образом, их козни иногда точные, а иногда без изменений, ложные, даже если проворство – это не то, что вы говорите, потому что то, что вы хотите – это понять оскорбление и обиду. А тот, кто может быть более проворным в своих действиях и применять все хитрости и уловки, как люди большой силы и кто попадает в цель лучше, чем те, кто всегда рассматривает оружие, – в основном учатся там, где можно многому научиться, и используют аргументы силы, остановку воли, потерю страха, задержку дыхания. Больше об этом сказано в третьем диалоге. Правда то, что вы говорите, ответил Эудемио. Большинство из них знают, что они довольны тем, что они знают, и для их способностей хорошо считать для себя честью выдавать секреты чужих вещей, чтобы лучше себя замаскировать. Какова причина, сказала Чарилео, какую маскировку использует человек, который не может выразить то, чего у него нет, и как он упражняется в своем мастерстве и мужестве, и время, которое он должен был потратить на обучение. Они теряют это время, упрекая других, и хуле всего то, что они совершают свои уловки и хитрости даже не понимая того, что величие – это деспреза, которая не унижает тех, кто приходит, чтобы сравнивать кого-то с низостью своего понимания, и кто никогда больше, чем в наше время, не брал столько силы и самоотверженности в мастерстве и умении, и невежества, что мы можем сказать с разумным основанием, что Аристарх увидел однажды в свое время семь мудрецов, а в ваше – не может найти и семи идиотов, потому что все предположительно знали и выдавали тайну ученых, будучи невежественными, как они. Они пытаются и хотят казаться искусными и храбрыми (как говорил Анахарсис), который удивлялся, что у них было соревнование в Греции среди мастеров и которой судил кто был лучше, который давал это звание тем, кто больше проявлял честь, в отличие от тех, кто ничего не знал и во всем игнорировал свое искусство. Вы видите теперь бесстыдство тех, кто обвиняет военную дисциплину, не зная тех, кто знает ее лучше, и, я не знал бы некоторых из них и не знал, что нет более одной ошибки в искусстве об оружии, потому что всё имеет свою цену в жизни. Меня восхищает то, что они настолько осторожны, делают всё это настолько твердо, смело, что не предаются опасности, или если им представляется возможность для этого, они забывают про честь и отдают эту возможность, потому что у них настолько низкие нравы, что они лучше будут увертываться, чем находиться в опасности. Как и есть люди в мире, которые ненавидят жизнь, подвергая ее опасности и делают это, безрассудно любя ее и отворачиваясь от страхов. А очень жаль, что мы хвалим и считаем их храбрыми только потому, что они хотят таковыми казаться, и, хотя нам кажется, что мы прилагаем усилия в этом направлении без работы, нам больше кажется, что они заслуживают то, чтобы подумывать над своим обманом, ложью и

мерзостью.

Несомненно, сказала Эудемио, вы правы, оставаясь рассерженным от испорченных привычек фехтовальщиков, оставляя это теперь на участь их времени. Скажите мне что-то истинными словами, и как следует применять движения мечом, чтобы ударить им, и то, какие вещи считаются настоящей дестрезой, потому что мой дух гонит от себя страх, который был и будет иметь причину, хотя демонстрации, которые вы предоставляли, будут более совершенными для того, чтобы сделать выводы после таких сомнительных вещей в основном о том, что разрешение сомнения является изобретением истины. А я не могу, сказал Чарилло, провозгласить это хорошим, потому что это место не подходит для этого, без внимательности и старательности. Но теперь я настолько решителен, что могу продемонстрировать настолько понятно, насколько вы попросите, и довести до совершенства каждую часть, которая принимается во внимание, в большей части потому, что вы остаетесь разочарованными настоящими доказательствами. А даю то, что я говорил на принципах философии и геометрии, ациам, которые не могут иметь истинного знания науки об оружии, принимая во внимание дестрезу в следующих вещах, и свидетельствуя ее подлинность во многих вещах, которые не подтверждены и не доказаны ничем иным, как знанием тела, духа, действий, предлога, зрения, ощущения, положения, расстояния и силы, позиции и времени, движения, качества, размера, цели, состояния, порядка, режима, представления, различия, знания разума, веса, пропорции, меры, нормы, причины, влияния, материи, формы, бытия, намерения и внимания. Несомненно, сказала Эудемио, очень необходимо заявлять о каждой из этих частей, чтобы понять, что вещь—это навык, который приносит великую гармонию, и что это трудная вещь быть настоящим фехтовальщиком, хотя я не понимаю, что это. А части ли это, которые были основаны. Я буду радоваться тому, что знаю о вещах, которые должны быть предупреждены, чтобы понять хотя бы кое-что об истине. На что Мелемарко ответил: вы правы, потому что всё понимание и все разочарования и обманы, все намерения без зависти будут ганы для удовлетворения и радости от услышанной особенной вещи, как и обещал Чарилло, и что он платит дань дестрезе. Теперь я очень хочу развеять одно подозрение, которое у меня есть, и останется только один намек, потому что вещи, о которых вы говорили, по-моему, похожи на другие. Давайте посмотрим, есть ли у них разница в действиях, как нервы в органах чувств. Новизна науки привнесет в себе новые термины, которые также очень необходимо озвучить, чтобы невежды не думали, что это глупость и бессмыслица, или приняли это за случайность, или что это, как они видели до этого, только внешнее описание предмета. Если я дам ему больше, сказал Чарилло, что удовлетворит его, и послужит для удовлетворения обычных невежд, профессия которых плохо говорить на то, что они меньше всего понимают; с большим самоуверением, которые борются

что-то о своих способностях, но такого простого происхождения, что не могут ничего достичь, и даже если их самоотверженность и самонадежность – самое большое в мире, то в конце ты видишь явно, что это не меньше, чем их невежество, что не препятствует профанам их ремеслу, не противоречит их зависти, ажи. Мы не должны обращать внимания на невежд. Я говорю, что в дестрезе изначально принимается во внимание тело человека, в середине и на концах, со всеми контурами и очертаниями, чтобы фехтовальщик разместил тело в середине и пропорционально знал все положения, чтобы достичь максимальных градусов, чтобы понять, что служит достижению этой цели, и что из этого ближе к средней позиции, что уменьшает ее, какая есть сила и способности в средней части и сколько отличий есть в нижней части, чтобы знать отличия тонкой части тела, которая относится к самой сильной части угла, или удаленные части, куда ставим руки. А этот отдаленный конец тела противоречит боковой линии четырехугольника, находится дальше от нее в пропорции положения тела, зная также предел, куда можно двигать ноги, когда пойдет в ход левая сторона, а когда правая, когда нужно назад, и когда вперед, и когда в неподвижности меча или движении человек узнает, почему пределы тела и диапазон работы ногами, и позиции и углы работы с мечом, и движения, сделанные в соответствии – все это дает пространство, куда двигаться, и где нужно заканчивать движение, и знать, что делать в середине движения, или в средней позиции, в которой ты знаешь крайние точки протяженности высокие и низкие, и те, которые соприкасаются в точке, где нужно остановить выполнение нанесения раны, и крайние точки размаха вправо и влево. Это делается ритмично, чтобы увидеть, когда делать движение вместе с мечом. Но крайние точки углубленности – это назад и вперед. Они служат для уменьшения движений или увеличения только в такт или в соответствии с тактом и телом, хорошо понимая, что это выгодно всему, на что вы указываете, сказал Мелисо, что достигает истинного знания дестрезы. Но это осложняет мне способность увидеть разнообразия человеческих тел, их качеств, крайних положений силы, будучи столь различными при большом росте и маленьком, одни сильные, несмотря на то, что маленькие, и наоборот. Я вижу также, что те, кто превышают других по росту, имеют преимущество в мечах, поскольку для людей маленького роста это довольно сложно без знания пропорций и соотношений (как говорится, и это не без основательно), потому что палец меча и ладонь копья имеют большое преимущество, и вы скажите мне, кто может выдержать удар высокого человека при неистовом движении? Все его части перемещаются в одном и том же пространстве? А если меч был в одной стороне, а тело в другой, что создало диспропорцию, которой не было, это создает трудности для движения в одно и то же время, и в одну точку, особенно когда сила тела следует его размерам. А величина эта настолько велика, что я также остаюсь в подозрении касательно трудности познания слабости

или силы тела. И наоборот, чтобы принять меры предосторожности, я думаю, что нет точного правила, чтобы остаться защищенным от противника, поскольку величина меньшего неравенства не обуславливает действие, и никакая вещь это не разрушает, если не самая большая сила. Правда в том, что ты сомневаешься, что наука знает о некоторых трудностях, ответил Чарлао. Что для одних представляет вред понимать порядок нанесения универсальных ран, потому что нет исключений для людей высокого, низкого роста, шпага не копье, меч не шпага, кинжал не меч, поскольку положения любого вида оружия разделены в соответствии с углами, как ты увидишь позже. Среди них есть один, кто достигает большего, чем все остальные, что здесь нужно длинное оружие, а здесь действовать совместно с силой и слабостью.

Существует также еще один угол прочнее остальных, который соответствует большей силе, и другой угол, который более слабый, отвечает за слабость, в той манере, которая связывает их друг с другом в соответствии с изменениями тела. Ясная вещь, что если уловка регулируется универсальной сильной позицией тела и идет наперекор самой длинной позиции меча, которая соответствует длине, превышающей любое оружие, без учета длины тела, и которая вне распоряжения угла, - то сложно понять по позиции, когда начинается и заканчивается уловка. Общеизвестная вещь, - когда компактное тело также соответствует соотношению угла коротким линиям в положении, которыми я располагаю, если оно совпадает с расположением тела, признавая или допуская, что наука будет легче, когда тело не было в полузащите, а меч и рука - в лучшем и более высоком положении, находясь в слабом угле, а тело находится в любом из крайних положений, которое может занять.

Они хотят большего, а терять хотят меньше, и нужно знать, что эти пропорции не особенно применительно к мечу в одиночку, если они не являются универсальными для всех видов оружия, которые есть, уменьшая или увеличивая движения, и сменяя границы в соответствии со средней пропорцией, которые есть в каждой из них. Мне очень трудно это сделать, ответил Эрденио, из-за новизны терминов, которые приносит наука, и, возможно, сказать что-то и силе будет легче в моем понимании, и причина трудностей в том, что Вы мне говорите, ответил он Чарлао. И главным образом потому, что вы испытываете недостаток в основах науки, и особенно тех вещах, которые неясны и не используются, потому что не могут быть прояснены прежде, чем я сокращу их. Потому что, как я уже говорил раньше, это не повод, хотя он был дан для довольства, чтобы достичь цели, и рассказать вам что-то о силе, чтобы вы лишились сомнений, с желанием увидеть, что же дальше, и чтобы знать, что сила человека имеет свое происхождение в мозге (место свойства животного происхождения) и распространяется по нервам и мышцам, которые имеют ограничения и конец, как и другие конечные вещи. Потому что в масштабах конечного невозможно обладать

бесконечной силой, и кто считает, что дестреза это не рч, у которого есть тело противника, чтобы человек знал и имел в виду его собственные силы, и не тратил их и не уставал от движений, которые не полезны и не приносят эффекта, и хорошо был осведомлен, какие раны или оскорбления может нанести противник, потому что любые сильные движения соизмеряются с другими движениями полнее, оставив скрытой какую-то часть силы, чтобы избежать раны, без которой было бы трудно. Это является одной из самых основных вещей дестрезы, потому что так проще победить, чем сохранить победу собственным способом. Легче сделать уловку и труднее выбраться из нее и сохранить угол удара, и сделать это так, чтобы количество движений не оказывало давления на силу руки пропорционально тому, как она двигается, потому что движение всегда будет до тех пор, пока есть намерение, побуждившее сделать это движение. А поэтому мы знаем силу или слабость противника в одних и тех же движениях, позициях его тела и рук, чтобы обучить их. Были ли это крайние или средние точки, которые необходимы для соответствия знаний о силе или слабости и отработке противоречивых движений. Потому что, то движение называется трудным, которое начинается поздно и без достаточной причины, чтобы помочь в соответствии с тем, что должно произойти, потому что движение осуществляется в соответствии с той силой, которая есть при этом движении, а не от той силы, которую дает тело, потому что сила разделена не по пропорции и не производит никакого эффекта. Но самое худшее, что она теряется в этом действии, поскольку имеет величину каждого движения, и в каждом движении эта сила заметна. Но мы видим, как дестреза учит нас, как сохранить силы и сберечь дыхание. А поскольку Мелемарко попросил чуть больше об этом поговорить, Чарилло продолжил: место для этого не подходит, и спустя много времени мы можем ничего не оставить в этом мире, и, пожелав, - попробовать все, особенно зашифровать всю дестрезу в показаниях профилей корпуса человека, указывая на намерение, которое наиболее подходит для этой цели, которая должна иметь части, предоставляющие возможность понять и постичь ученые записки, чтобы сбалансировать ум, используя множество предложений по реализации, что приравнивается к приверженности идее или порыву, благодаря которому у нас есть знания о противнике по его цвету и облику тех телосложений, которые больше к этому причастны, и применять это к фехтовальщику, сообразно с тем, что лучше соответствует знаниям правил человеческого телосложения, которое у каждого свое. Иногда будет очень сложно, потому что человеческая природа настолько полна тайн, что в любом месте мы можем наблюдать эти тайны в полной мере, управляемые мудростью небес, хотя они без затруднений знают человеческие создания, внутренние свойства души и внешние проявления тела, благодаря чему пришли мудчины, доведенные опытом до осознания ошибки, которые в конце концов должны понять

истинное применение хитростей, имея отношение друг с другом в соответствии с природой предмета, ради того взгляда, который учит нас местоположению визуальных линий на теле противника, применяя которые можно легко понять фехтовальщика при помощи этой особенности, и иметь истинные сведения о том, где находится источник чувств и движений в теле человека. И важно также, чтобы вы обратили внимание на позиции, при которых разновидности углов соответствуют пропорциям профилей тела или крайним положениям, позиция рук, сообразно основному положению, которое занимает тело на ногах, зная слабые и сильные стороны положения меча фехтовальщика, выступающего оппонентом, потому что, когда тело достигает крайних пределов, которые не соответствуют углу, – тогда легко будет узнать, какая часть лезвия слабая, и в каком месте тело противника слабое, что соответствует той же самой силе крайних положений, соответствующих углам, относящихся к крайним положениям руки. И тогда с таким учением вы поймете, что в каждой части тела и в вашем профиле, как и в положении меча, есть угол, откуда видно эту силу, и вы узнаете, в каких замечаниях, трудностях иногда нарушается это правило, представляя силу, где есть два угла, или три с точки зрения тела, руки и меча. И если два из них одного вида, или если они разные, что будет выгодно позже, тогда демонстрации математиков показывают позиции, где больше всего силы в одном угле, а где в двух. И если они являются причиной крайних положений, которые фехтовальщик может сделать рукой в своих позициях, – это позволяет выбрать фехтовальщика в зависимости от вида хитростей и ловок, которые должны быть, потому что для разных обстановок разные ловки, зная, что позиции, из которых начинается движение, тоже разные, что является действием, согласно которому он находится во власти, чтобы знать этого человека. И фехтовальщику выгодно знать, когда будет легко предотвратить начало любого неистового движения оппонента. Вы узнаете это для совершенствования навыков дестрезы, которые представляют собой необходимые движения, чтобы ранить, и сколько есть видов движений, какие из них могут преобразовываться, и разделение частей, в состав которых они входят, насильственное движение и качество естественного движения, потому что непостижительно тем, кто не обращает внимания на насильственный характер естественного движения, в результате чего такого человека легко обмануть. Поэтому вы поймете ход, что сначала круговое движение, а потом все остальные. Вы также узнаете, почему движение малой силы оценивается по яростному движению. Поэтому с этим мы учим дестрезу, чтобы те, кто никогда не навредят другому, или те, кто всегда будут бить, – точно понимали свои качества и характеристики, чтобы узнать, что основание и повод для хитростей со всеми видами оружия – различаются в зависимости от количества, качества, характера и места, где соблюдается движение по прямой линии или окружности. И эта сущность считается

увеличением или уменьшением движения и качества силы или неистовства. В большей части это касается места, которое рассматривается в соответствии с фигурой и той частью тела, которая первой приходит в движение, что делается различными способами, предупреждая, что причина и место являются ловкой, и по этой же причине следует отменить выполнение удара по позиции, что геометрики называют вещью, в которой содержится один или более терминов, оставленные для вашего времени. Существуют фигуры правильной и неправильной формы, и говорят, что в настоящее время фигура, которую мы используем, есть в дестрезе. Она служит поводом, чтобы знать преимущества завершеного круга от фигуры, которая движется по прямой, и из этого вы узнаете причину, в соответствии с которой она включается в круглую фигуру и многие другие фигуры тела, и узнаете пользу от следования круговому движению, которое делает тело, образуя сферическую фигуру, и преимуществ, которые приходят к фехтовальщику, чтобы знать – какое подходящее для него место на линиях обороны. И если они имеют какое-то другое место, то нужно обращать внимание на профиль тела и обозначения угла наклона руки и меча, и, чтобы узнать, величину, потому что в ней известна длина каждой линии, которая перемещается, и то, как это отношение равенства относится к двум пропорциональным, которые иногда соблюдают законы два на два или один на один и наоборот, из чего вы узнаете, что является неравенством чисел, и как они соотносятся. Что и называется разницей, выраженной в количествах, чтобы фехтовальщик знал это количество в круговых движениях, которые выполняются от главного центра, и какой размер движений, удаленных от центра, и почему задействовано меньше частей в образованиях от главного центра, и какого размера должна быть линия раны, нанесенной шпагой, чтобы величина эта не оказывала давления, чтобы не увеличивать ложную работу или лишать обманом доверие к фехтовальщику.

Находясь в напряженном ожидании, Эудемиио слушал особенности и своеобразие дестрезы, но, желая увидеть наперед, попросил Чарилло рассказать о любой из сторон и вещей, которые остались, потому что его желание в конечном счете было увеличено в основном жаждностью знать, что на дистанции представляет собой мастерство и ловкость. Чарилло ответил так: расстояние, как говорят, называется то, что находится между двумя мужчинами, стоящими друг напротив друга, или между мечом и телом, или между мечом и мечом, или между ногами двух противников или их телами, в соответствии с фехтовальщиками и их профилями, которые должны быть измерены, чтобы знать, какой является самым удаленным в этом положении. И эта величина должна быть на линии, которой определяется длинная или короткая дистанция, и как определяется насколько медленно или быстро движается противник в течение определенного времени, что вместе с этим становится понятно, что есть геометрия и математические доказательства, которые появляются, чтобы можно

было убедиться в точной ловке, которую включают в себя эти принципы. И так, чтобы нельзя было ошибиться в соответствии со сроком, в котором цели любого дела называются как точка, которая определяет линии и линии поверхности, и поверхность в обозначении корпуса. По словам философов срок, – это то, где решаются утверждения, и в соответствии с восприятием – это удар с видными линиями на горизонте, но в дестрезе – это знание конца частей тела или противоположного меча, откуда начиналось производство различных ран, или круговых, или прямых, благодаря которым можно научиться какой должен быть угол, где нужно скрестить мечи, чтобы нанести удар и ранить, какие предназначены для удара шпагой, какие отображают искренность, а какие – тайное намерение, с помощью которого фехтовальщик поймет порядок нанесения универсальных ран, чтобы делать это вовремя, или чтобы преодолеть противника в зависимости от положения, в котором он остался, от положения тела и меча, которым выполнялись ловки. И какой еще один способ, благодаря которому можно научиться дестрезе и ухищрениям, чтобы сократить время и периодически слушать, почему после вы не можете следовать за мечом ни в порядке знания, ни в порядке установленной в науке причины за безрассудство и нелепость, которая ссылается на меч оппонента и замешательства его движений после создания универсальной раны. И для этого вы должны предотвратить обман и движения, которые может сделать противник один раз, а не много раз, и это истинное мастерство, которое должно научить вас движениям, которые легче всего выполнить, чтобы добиться этого хорошего положения, которое, в сущности говоря, представляет собой место, где остался меч после нанесения удачной, меткой раны или наоборот – неудачной; и какие это движения, которые приводят меч в опасное место, которое вы займете, чтобы войти в последовательность, где это считается мастерством, где ловки следуют за ловками, чтобы запутать противника своей вариативностью, что позволит вам увидеть короткий удобный момент и применить что-то в его защиту, хорошо зная, какая последовательность всегда раскрывает претензии противника. Хотя он лучше знает применение высказываний и истины, который в ранах и в последовательности нанесения ударов всегда будут знать настроение и желания и даже мастерство автора, когда он выполняет все движения в очень хорошей манере, что в дестрезе это всегда представляет собой хороший удар, грацию, бодрость и храбрость, которые должны иметь фехтовальщики, чтобы совершать свои ловки, и посредством которых они изучают науку, в которой движения при нанесении раны осуществляются, когда тело остановилось, а движения меча следуют за крайними положениями тела или в ритме движения ног. Хотя это правда, что по подобному рода травмам всегда учили, как их нужно наносить, чтобы потому можно было найти ошибку и понять, что произошло, и для кого будет целесообразно, чтобы фехтовальщик знал, какой угол

следует за каждым видом уловки, чтобы применить это заранее по отношению к противнику и к той части его тела, которая лучше препятствует движению раны и можно легко это повторить, начиная с угла при ударе шпагой в круговой манере или прямой, потому что целесообразно, чтобы все движения шли в соответствии с различиями в местных движениях, прямых или круговых при воображаемых или реальных расстояниях, как это было в прошлом при таком же времени, или когда возникла необходимость двигаться более легко. И здесь вы будете осведомлены об этом случае, потому что всё протекает более легко, и за тот же промежуток времени проходит больше видимого расстояния, или не проходит за меньшее время, или в идентичный промежуток времени. И что мечи находятся на одинаковом расстоянии от центра, один на одной прямой линии или по дуге, как тетица лука, а второй по кривой линии. Выгодно конечно знать по дуге, потому что мечи перемещаются за одинаковое время, и описывают неоднородные пространства и линии. И даже если оба фехтовальщика перемещаются с поспешностью, проворством, вы это узнаете по значимости и ценности, где совпадают природа и наука двух движений: естественных и насильственных, и причине – почему один меч ставится над другим, чуть прижимая его вниз, хорошо разъясняя то, почему прилагывается значительный вес к мечу в начале насильственного движения, и разъясняя природу противоположного, и почему нисходящие движения меча более равномерные, и почему меч опускается более легко у основания, чем в начале, и почему при нанесении нисходящих ударов по одной фигуре в одной и той же манере меч иногда опускается легко, а иногда опускается позже: Эудемю сказал: и это является насильственным движением?

Вы будете знать, что дело в дестрезе, которая здесь так часто упоминается, в этом кратком изложении, которое является важной частью науки: принудительное или насильственное движение – это то, ответил Чарилло, начало которого находится за пределами естественного, непринужденного движения, формирование которого требует больше силы, чем формирование естественного. Покажите мне несколько демонстраций, чтобы я лучше понял, ответил Эудемю, и объясните мне способ выполнения этого движения, когда он отличается от насильственного. Вы уже знаете, что у всех элементов есть центр в зависимости от места, где они находятся в сфере каждого из них, продолжал говорить Чарилло, и очевидные первичные вещи находятся неподвижными в центре и не перемещаются, если только не случайно. Так что, когда мы отделяем и обособляем вещи от их собственного природного местоположения на акте отклонения, – такие движения называются принудительными. Движение, которое слабое в конце, изменяется без чьей-либо помощи, и начинает зарождение искажения, разрушения принудительного движения, называется естественным движением меча. Отсюда вы узнаете, что движение, которое осуществляется по необходимости, не естественное, а принудительное, как это делается по той причине,

что тело устроено из ствола души и не воспитывает дух из-за тела, и по собственной манере вы поймете, что осуществляло это принудительное движение при работе с мечом в естественное, но не наоборот, если только не случайно. То же самое вы увидите более четко, сказал Мелисо, в камне, брошенном высоко, где в первом, начальном движении используется принудительная сила. А естественное движение – это действие, которое совершает камень без чьей-либо помощи, так что одно движение по своей природе является легким, а другое тяжелым. Я говорю тяжелое, потому что оно совершается с большой силой и с большим трудом, и легкое потому, что осуществляется без какого-либо дискомфорта и принуждения со стороны, которая делает это движение. Это простой пример, ответил Молемарко, но более ярко это видно, когда мы с легкостью черпаем ведро с водой, что мы движется во все стороны, как вода в своей области. Но как только мы вытащили ведро и разделили все силы на поверхности воды, потом в этой же точке начинаем с веса, чтобы почувствовать, что отделившаяся часть стала частью однородного целого. А чем больше мы от этого отделяемся, тем больше теряем силу и утиряем естественную любовь и наоборот, когда он находится внизу или ближе к центру и неустойчиво движется. Чарилло хотел бы немного успокоиться и испытать облегчение, но, опасаясь новых сомнений, продолжил так: стоит знать, что вы делаете или в какой степени преподаете мастерство, которое должно быть в душе раны и в гармонии, которая должна соответствовать величине кругов, и из-за игнорирования этого они начинают совершать против меня несколько ударов, и если они сначала начинают с ударов саблей или мечом, а потом чуть позже начинают еще раз, и, имея больше пространства, для совершения движения, которое они делают с ударом шпагой – по-прежнему очень короткое, и все игнорируют все знания о степени и разности положений, которые являются частью дестрезы, и учат ее с целью, чтобы иметь каждую уловку, которую делает противник, с известием о начале движения, и где у них есть средства и место, где они должны быть готовыми к ранам, и где из-за связи противоречий вы можете узнать слабость, и в соответствии с этим знанием, у вас было время, изтеренное только по одному движению, и делается это случайно. Вы применяете то, что более удобно для ваших намерений, принимая во внимание рост противника для некоторых подробностей, которые не являются необходимыми для универсальных, потому что вы знаете, что универсальная готовность к пониманию является особенной способностью разума, и не потому, что одна – это судьба другой в сравнении между ними, а потому что разум иногда знает и понимает все, а затем и части. Таким образом ум сперва понимает все универсальное в субъективной части, потому что вы не можете иметь научные знания, ни истинную концепцию вида, игнорируя род человеческий и потому, что род попадает в определение вида. А, таким образом, будете знать, где движения тела могут достигать

крайних положений, где средства вводятся в действия, и намерение является формированием любой концепции, и дух дестрезы, потому что главный должен знать фехтовальщика, и после встречи с ним выстроить понимание с явными сторонами, и что должно быть сделано против противника, что является концом дестрезы, а затем найти способы, которые работают лучше всего для достижения реализации намерения, и то, что в начале является намерением – впоследствии переходит в исполнение и демонстрации, и это можно понять по фехтовальщику, который работает с рассуждениями, размышлениями по любой из своих целей, которая не является представителем исключительно непритворных, раскованных в поведении, поскольку их действия естественны, потому что делит демонстрации на причины и следствия, и вы не говорите, что все вещи неясные и запутанные, ответил Молемарко, говоря кое-что об этом, чтобы Эудемии мог пользоваться тем, что вы излагаете, и что как мне кажется он находится в подвешенном состоянии, слыша ваши рассуждения, как человек, который сказал ему, что мало знает об этом и что всё это вы, чей камень преткновения в том, чтобы убедить слова и иметь дело с вами, делая этих людей знатной внешности, не будучи самым главным в ваших событиях. И теперь, вы ясно видите страстно увлеченных завистью, которые говорят против вас. И это так подозрительно видеть вас и слышать всё, что вам говорили, и что-то еще, что не освобождает от обязанности в будущем: и чем больше я стараюсь сократить то, что касается дестрезы, ответил Чарилло, тем больше мне кажется, что это вещь, которую вы приумножаете с большим желанием, и какие вещи вас выдают наличием или отсутствием сертификата, что это место не для отсутствия особенностей, а чтобы преобразовать все вещи в универсальные и потому, как я уже говорил в другие разы, об этом уже упоминалось в Книгах о практике науки, где вы найдете демонстрации, и по этой причине манера образа действия – это путь к пониманию истинного знания, и причина, знакомая со знанием эффекта не известна. Вы узнаете, что то, что не имеет причины, должно быть, и это нельзя узнать по демонстрации того, на что указывал Эудемии, что нет никакого уныния для того, кто знает, потому что знать то, что придумывают эти люди является вещами людей тупых с низкими намерениями. Не найдя недостатка – они их придумывают, чтобы истину свести к мнению. Но они были так неразумны, что не умели агать, потому что каждый раз, когда они это делали, они платились за это, потом не было никого, кто бы им доверял, и кто бы хотел, чтобы эти храбрые притворные идолы фехтовальщиков, которые не знают ничего другого кроме самих себя, что-то делали, что им кажется или что приходит им на ум, ни тем более могут владеть собой, ибо он тот, кому давали известное преимущество перед своими почитателями, которые (что бывает много раз) пытаются с помощью лжи создать фальшивые изъяны и недостатки, где Бог не хотел, чтобы они были настоящими, давая

понять всему миру, что является ложью и всеми этими выдумками. Тысячи раз испытывали, что это правда, потому что низость их понимания и трусость умов настолько велика, что они не понимают, что ложь, а что правда, и не могут понять. Они для всех были постыжены, их убеждали, как того, кто отрицает коренных испанцев, потому что он не видел этого. Но я снова много вижу скромность, с которой ропщут благоразумные люди, сказал Эудемио, и оставляют в вашей жизни этих бедолаг, выплачивая ему процент от торговли и благодаря Бога за то, что была ложь, за то, как вы поднимали эти стихи Антиаха или наоборот (если они друг другу противники, можно назвать тех, кто не представляет конкуренцию и не может оказывать сопротивление) есть те, которые руководствуются завистью и по тому, что они скрывают правду – они не достойны верить в нее, выставляя нараспашку свои грехи друг к другу, хотя и не без большого смущения, и каждый сам по себе плел заговор против вас и того, кто служил Богу. Оказывается, они обнаружили для себя, кто они, и прояснили причину того, что будет, потому что правда совершенствуется со своей противоположностью, и потому несправедливо то, что мы тратим время, где нам его не хватает, прежде чем рассказывать об их беззакониях, о тех, кто превосходит других, кто говорит мне о том, как это разделяется и почему они такие грубые, что не приносит мне много трудностей в том, что я преподаю. На что Мелисо ответил, держа Чарулао за руку, который подавал признаки гнева и доводил до ума потребности вульгарных фехтовальщиков и профанов, что причина разделения формальная и материальная, эффективная и плохая, но нужно знать, какие две из этих причин являются внутренними, и следует знать материальные и формальные, потому что обе из них являются сутью соединения, но причина внешняя – это эффективная и конечная причина, потому что причина эффективная считается та, что в начале движения и неподвижности, в зависимости от материи, с которой мы имеем дело, и в конце она та, из-за которой, не делая ничего, все равно все сделано, и по этой причине Чарулао, лишая Мелисо работы, сказал: также вы найдете в гестрезе, какая вещь и собственная причина характерна стечению обстоятельств, или какова причина случая неожиданного нападения. А можно сказать, что это правда, что эффективная и окончательная причины – первые вещи с разницей и различными умозаключениями, потому что первая причина в гестрезе в соответствии с намерением, но эффективная причина находится во внутренней работе и движении материи. Это так, как в первой цели, где намерение состоит в том, чтобы сделать перемещение и добиваться эффективной причины изнутри, так же и наоборот, когда эффективная причина в соответствии со временем, где в конце – окончательное исцеление за время приема препаратов. А целью здесь является результат. Эудемио действительно попросил объявить – какие вещи были эффективными, и потом Чарулао продолжил то, что уже начато, говоря: знайте, что эффект – это

общее название, потому что есть эффект материальной причины и эффект формальной причины, эффект продуктивной причины, и эффект конечной причины, и все природные факторы включают в себя эти причины, с которыми ты долго имеешь дело в месте, где вы найдете что из-за одной причины могут произойти различные эффекты и вы будете знать, что говорится во всеобщей причине, почему она производит эффекты различных видов, которые не оставляют конкретную причину: Эудемий был рад услышать причины Дестрезы и Чариао, видя это, продолжал говорить, ты знаешь, что есть и другая причина, которую называют приближенной, которая находится недалеко от эффекта и если она задевает за что-либо и причина сомнительно или мало вероятна и находится в стороне от эффекта и ничего не приходит первым не без помощи другой первой причины и вы поймете путь того, какая вещь является причиной чего; почему и какие причины являются случайными, и всякий, кто хочет преуспеть в дестрезе, сначала должен иметь хорошее знание причины для того, чтобы понять эффект, которого он может достичь вместе с ней, используя все рассказанные вещи, связанные с точкой, отмеченной на теле противника, выбирая нечто среднее между ними и обоими движениями, которые противник делает ногами назад, отчасти не для того, чтобы помешать осуществлению раны. Но если так и есть, то человек постоянно будет в спешке, и нет никакой неправдоподобной дестрезы для того, кто не держит фехтовальщика в фиксированной точке, откуда можно осуществлять раны, ибо, как ремесло врача – это исцеление, предавая телу силу. А медицина находится в состоянии сделать это, потому что занятие фехтовальщика – это ранить противника, чтобы получить возможность реализовать удар, и в книге совершенства и благочестия фехтовальщика ты даешь причину, согласно которой в непрерывном движении нет памяти, и там ты помещаешь некоторые средства, чтобы со всем этим ранить противника так быстро, как если бы это был непрерывный акт: скажите мне, сказала Эудемий, есть ли разница между действием и движением, потому что (если я не ошибаюсь) вы заметили начало разделения, чтобы понять определение действия, ответил Чариао, и прежде всего вы должны знать какие выводы можно получить из двух направлений.

Одно для работы способностей или его положения. А такой акт ты называешь деяние. Акт по-прежнему остается в его власти, как живой орган, или происходят посторонние вещи, например, случайно стало тепло и движение, которое вызывает отвод меча, таким образом, получая это движение. А ты говорит, что природная сила и привычки упорядочены чтобы действовать, и в соответствии с этим действие не применяется в значении того, что дух постоянный по существу и разуму, собравший все свое существо от точки, которую Бог создает и которую он наполняет чувствами в структурированном теле, которое сильнее; что существо души не является последующим и не приобрело одну часть после генерации движения, и рана, которая

произошла, так же показывает действие в форме, которая проявляется в другой вещи и, таким образом, вся форма показывает действие, и каждое действие будет показывать форму, которая имеет значение для бытия, которое он дает, которое делится на дестрезу и основное бытие. А бытие в другом случае несущественно, непревзойденно, как странные движения, которые ты делаешь с течением противника нашим течением, чтобы достичь какого-то конца. А с такой же силой будет и при двух других направлениях действия. Одно это когда дается или есть бытие, только в виде формы, как Бог, который вечен и бесконечен, у которого нет ни начала, ни конца.

Но ты не должен этим здесь заниматься, потому что эта материя намного выше, чем наша, она видна на протяжении длинных трактатов святых докторов, которые показывают, что она установлена римско-католической церковью, в которой находится истина веры, подобная разуберению просвещенных Духом Святым, но душа показывает форму и действие в различных отношениях, потому что душа дает изначально бытие в материи, не допуская другое странное бытие в ней, зная, что вегетативные и сенсорные способности включены в разумный дух человека и не отличаются от него, и это говорится в первом действии. А есть другой способ или действие, которое не должно быть, которое этого не имеет, если это просто не передается с другим, но, учитывая предполагающие другое бытие, хитрости и ловки уже второстепенны, и эта форма называется вторым действием и случайной формой, которая приходит после того, как ее существо стало совершенным как белизна, и другие происшествия, которые можно назвать постоянными или разрушительными, в танере, в которой рациональный дух – это форма или действие, которое сначала является существенным, а уже потом случайным. На что Дугетио сказал: как вы нам и говорили, это касается универсальных частей мастерства, которые показывают сейчас, что является его материалом и формой, и что хочется из этого знать больше всего, а затем Чарилло продолжил: дестреза имеет материю и форму, так же, как и силлогизм, что материя – это как аксиомы, из которых она состоит. Это не касается ложных или истинных из них, а только материи. Потому что форма – это положение о предпосылках, как будто в здании располагаются помещения, материалом для которых являются древесина и кирпич, и форма – это расположение данными, которые составляют прочный дом. Форма – это фигура и качество, которые можно заметить на материи, и, таким образом, видно, что у фигуры есть облачение, и причина, без которой нельзя называть это одеждой – это форма, эффективная причина, которая создает некоторые вещи как архитектор, и конец – это причина, почему он это делает, что некоторые называют опытом, поэтому имеют хитрость по четырем причинам, без которых никто не сможет это сделать, соглашаясь знать эффективную причину к той фектовальщик. Окончательная причина заключается в защите или повреждении защиты с формальным выдвинутым договором – почему

материю дестрезы это движение, диверсии, парирование линий, механизмов, что средне соответствует тому, что они являются частями, из которых состоит вся ложность: и форма находится в распоряжении этих широких движений, парирование, стеснение, потому, что хитрость – это не что иное, как предложение, состоящее из различных шагов, сделанных, чтобы ранить, и защитить, и зная, что это определение имеет две причины, которые нужно знать – это причины формальная и материальная – почему соотношение в материи. Я заявил об этом в конце. Почему, как вы уже видели, первые части – это локти, и почему легче понять то, что это разделяется по крайней мере для того, чтобы познать эту истину, с которой разрушаются вульгарные мнения о дестрезе и развешивается ложь некоторых завистников, оставляя правду ее собственных независимых характеристик, и властью леди, потому что это не меняется со временем, не уменьшается, используя это перед совершенствованием до таких сильных старых вещей, которые побудили нас почитать авторитет старейшин, она разъяснила свое великоопие без противоречия завистников быть частью, чтобы затенять ее смысл, потому что когда вещи с причиной, в которой нет большой потребности, им не нужна ничья власть, чтобы подтвердить или поднять авторитет, но соглашается с тем, что в дестрезе не впадают под власть двух пороков. Первый – это когда мы не используем вещи, не известные по привилегиям, и смелость, и решительность, которые хорошо известны. А второй – это то, что мы не делаем вещи, сперва не предупредив об этом со всем старанием о времени и месте, потому что иногда это как использование лекарственных средств, которые применяются в соответствии с типами болезней.

Мне кажется, сказал Чарилло, что они принесут много страданий и трудностей для фехтовальщиков, которые хотят что-то понять о некоторых из этих особенностей, чтобы потом в конце иметь какой-то принцип науки, или без которого они не объяснят само искусство. Но они будут искать где их невежество оскорбляет, осуждает и критикует то хорошее, что они не понимают, и наоборот хвалят очень плохое, что им известно (если знать, то можно об этом сказать) и их устраивает эта ложь и доказательства, которые не были против них, которые не устранят их обман, требуя восстановления хорошего мнения, которое с завистью искореняет, уничтожает их нравы, высаживая на это место то, чего раньше не знали, что конечно же было. Это меня не очень удивило, потому что все – несведущие и высокомерные профаны, которые против разума, и являются врагами истины, потому что со светом проясняется темное и остаются четкими их обманы и ложь в глазах всех, кому не хорошо под тяжестью добродетели, преступая правду, пренебрегаемую виртуозами, бурно следуя их ложному мнению и, долго сохраняя в нечестии свои древние обычаи, легко теряют всё хорошее (если вещь хорошая, то какое-то время она может быть сохранена в субъекте,

где есть испорченный дух, которым она управляет). А не думайте, что я называю вульгарными только тех, кто завидует, которые полностью невежественны, я называю вульгарными и тех, кто менее вульгарен, которые делают обычную работу и хотят избавиться от этого названия, которые женились на своем тщетном самодовольстве и самомнении, обманутыми своим воображением, обманутыми во всем, что не является ему подобным с тем, что не могут понять, относятся к этому с пренебрежением, мало ценя это, потому что делают сравнение между ними и другими, теми, которые лишены достоинства и недостойны чести, и теми, кто настолько избилуют этим, что превращают то, что должно быть в иштацию, зависть, отчаяние, что они не будут хорошо общаться, хотя они знают, что они говорят ложь в том, что идут против правды, но не перестают вечно лгать, потому что с ложными доказательствами, которые они используют, придет другой, без вины, освобождая столь великое зло терять какую-либо часть своей репутации с людьми и принимать ее такой низкой, как ваша, что больше заставляет добродетель со своей противоположностью очистить плохую правду и стремиться затмить все точки лжи, которые делают другие в отличие от рассудительных и разумных людей, работающих со сложными вещами со всей силой своего мастерства и остроумия, желая все показать, и несмотря на то, что вначале они этого не понимают, - не из-за этого они теряют надежду понять, не используют должным образом объем понимания с оскорблением, критикой, осуждением того, чего они не знают, на что не обращают внимание, - они это сильно уважают, потому что судят с разумным взглядом и христианской стойкостью и мужеством, что то, что сделала один, работая длительный промежуток времени, - не является справедливым что все должны понять в один момент. Поэтому они снова не искореняют с хорошей изворотливостью трудности в вещах дестрезы, которые, например, покрыты темнотой в книгах древних философов, которые могут быть отчетливо видны маэстро Апомачо, который научил своего ученика очень тонкой уловке, чтобы всегда побеждать противника, предлагая один день перед людьми общины, когда этот ученик и другой удивляли при работе с руками, при которой маэстро Апомачо исправлял с палкой в руке, держа ее плотно к ученику, говоря, что если ты сделал это с деликатностью и умением, которые пришлось сделать невежественному простолоудину, не понимая ее, что означает, что от вещей мастерства и способностей радости не было, только для тех, у кого это было, потому что большие вещи дискредитированы, когда молодые умы понимают их, и между тем придет вещь, которая должна быть хорошей, и из всего того, что невежда порицает, критикует - то, что он не понимает, и как награда за мою работу и за убеждения искусства я настоятельно призываю всех клеветников, сплетников и завистников, которые говорят плохо об этом, потому что тогда они обнаружат, кто они есть. А я буду принимать за хорошее и удачное то, что им кажется плохим, в чем они путаются и,

таким образом, по поручению главных мужчин, которые без страсти и с осознанием ошибок судят о вещах, которые не мирятся с теми, которые уже известны в стране и хорошо говорят об этом, будучи в своей должности они злословят на хорошее. Потому что когда они этого достигают, люди бы думали, что вещи, оцененные скромным пониманием и за столь суровые нравы не могут существовать без своих собратьев, и особенно без дестрезы за то, что было так обычно, совместно подавлено вульгарными фехтовальщиками, видя, как теперь украшена богатством грузин искусств, не оставляя другие менее употребляемые из них, торжествуя с таким смирением, что перешло в его характеристики, где были собраны самые главные, почтенные люди, чтобы восстановить его в своем достоинстве, давая каждому свой блеск, чтобы выделяться своей властью, чтобы наказать преступления невежественных фехтовальщиков. Возражая на это, ответил Эудемио, я не рад такому утению дестрезы игнорировать вещи как будто нет врагов и тех, кто дает вульгарным фехтовальщикам большее количество уловок, с преимуществом, которое вытекает из них прежде, чем я полагаю, что они нанесли большой ущерб, что запугивали грузин фехтовальщика.

У меня еще есть опыт того, что у меня есть для части, принадлежащей моему грузу, который был мужчиной хороших лет, в случае, если произойдет какая-то опасность, которой он опасался, советуясь у фехтовальщиков, которые давали оружие, потому что, будучи фехтовальщиком было бы легче биться, особенно, когда ваш груз сопровождается мастерством, потому что это бы каждый день значительно повышало рост и давало бы заряд новой энергии, потому что дестреза учит человека сдерживаться, быть осторожным, учит что нужно делать, чтобы никогда не ошибаться в опасных ситуациях, ища одного истинным и существенным отношением. У ему казалось, что, как и он никого не предавал, так и никто в мире не обманывал его, но теперь он действует с осторожностью и осмотрительностью в дестрезе, и после определенного времени полагая, что все уже свершилось в ней, потому что так было у вульгарных фехтовальщиков, проповедующих уже все названия. У я говорил и настоятельно просил, чтобы он сказал мне некоторые превосходительства науки, которые он узнал. У он мне признался с большой тоской, что его рассудок и мастерство было отращено, что он потерял все силы сражаться, что ему не хватало естественной стелости и отваги, которые он раньше имел, потому что он был так напуган и предметом, и вредоносными уловками, двигая мечом в противника, полагая, что это была контр защита от уловки, которая была сделана или которую хотели сделать и оставили для мертвых, или исследовать здесь эффект, который возымела дестреза на вульгарного грузина, который сдерживает, притупляет изворотливость, вводит в заблуждение и отращает здравым смыслом, запугивая груз. Кажется, ответил Чаруао, что есть небольшая польза от сдерживания беспорядочных импульсов, своих утений

дестрезы, которые должен иметь ваш солдат во время граки?

Но вы должны знать, что соперники называют их вугарными фехтовальщиками, и в этом искусстве нет верных договоров, основанных на достоинствах, которые нельзя пропустить и сказать, как они называют вугарных фехтовальщиков в уловках, которые сделаны с помощью движений противника? Эугенио отвечает, что они будут называть противников следя тому, что говорит Чарилло, хотя это не противники, а уловки, образованные от движения противника, и мы говорим, что одна часть – из-за материальной или естественной причины, и зависит от эффекта незначительного затрагивания различий, которые есть в образованных уловках. Из них некоторые формируются от первого движения противника, и у тебя есть разделение на те, которые образовались первыми от отличных неожиданных атак, и те, которые формируются от типичных движений, которыми можно ранить, и эти формы ран имеют свои разновидности. Одна – это когда противник побуждает своего оппонента произвести первое движение, чтобы нанести режущий удар и потом мы принимаем сначала режущий удар и формируем такой же режущий удар, который второй будет начинать делать, и наносит ему раны. А вторая разновидность – это когда оппонент делает прелюдию от неудач или чтобы сформировать режущий удар шпагой (выпад). А из этого рождаются высказывания, которые различают круги нанесения режущего удара от линий прямых выпадов. Я думаю, сказал Молемарко, что одна линия не противоречит другой, что демонстрация не противоречит другой демонстрации. Как мы видим, есть приемы, которые противоречат друг другу, хотя каждая часть демонстрации является необходимой для истины, а не для несчастного случая в результате универсального побуждения, состоящего из вещей, которые находятся в соответствии со сторонами, и, таким образом, силлогизм – это как вывод, заключения, из которых они создают свою доктрину, в первую очередь из вещей, с которыми они знакомы. А отсюда мы будем знать наверняка, что правда всегда следует правде, так как вы знаете, что величина не имеет противоречия, потому что это число, и оно не противоречит другому числу, также и у линии нет противоположности, и одна линия не противоречит другой. Те, кто будут думать, что прямая линия – это противоположность круговой, или круговая это противоположность прямой – будут обмануты. Хорошо, ответил на это Чарилло, это и есть разница, существующая между линиями, которые являются объединенными с материей. Люди восприимчивы к использованию хиромантии, как те, которые находятся в незаметном множестве и обучают дестрезу по математическим линиям, которым недостает ширины, потому что они находятся в зародыше, но они также знают, что линии дестрезы имеют длину и рассматриваются во многих отношениях: как длинные или короткие, высокие или низкие, изогнутые или прямые и оказывают свое действие в соответствии с различными положениями по причине основных

правил, и некоторые из них являются мысленными, а другие материальными, потому что они начинаются с линии тела и состоят из понимания и части тела, той части, которая соответствует пониманию, чтобы знать правду определенной дороги, которая приведет к прямой или круговой ране, и в соответствии с этими фигурами мы даем названия, чтобы легко понять их в соответствии с эффектами от каждой линии, которая оказывает на противника и оставляет одну часть как проверенную вещь, которая находится во всех движениях тела, сначала в способности, что является действием, но противоположность этих движений, которую мы называем линиями, не являются как таковыми линиями, потому что круговая линия, которую мы видим, противоречит прямой линии и это вещь проявляется в оружии любого вида, и то, что круглое противоречит прямому, и что прямое противоречит круглому. К счастью, мы поняли, что линия кривая не будет противоречить прямой в том, что есть у линии, как поверхность черная или белая, мягкая или грубая, что касается обеих поверхностей, которые не противоречат одна другой, если только одна не является белой, а другая черной, грубой или мягкой, так что они уже не противоречат друг другу по качеству. Только их элементы противоположны друг другу по характеристикам, и мы видим, что каждый из них имеет свое место в соответствии со знатностью качеств будучи на земле, за то, что они холодные и сухие, и поэтому противостоят в самом крепком месте из всех, чему следует вода холодная и влажная и по части холодности, прохлада у нее есть соответствие с землей. Затем следует воздух горячий и влажный, и по части влажности соответствует воде. Огонь стоит над всеми из них, потому что он горячий и сухой, и по части теплоты сходится с воздухом. Это хорошо сохранилось между ним и телом, в ногах которого есть диссонанс и гармония, и такую смесь врачи называют температурой, так что земля по своей силе притяжения дала ему самое последнее место элементов, как элементов более стабильных, и это есть в связи этих элементов в организме человека, что является более стабильным, так как производит весь состав костей, и так же естественное движение более знатной характеристики, что есть неестественность, превосходит каждый раз, когда есть контакт мечей, и если они не противоречат линиям в соответствии с качествами движений меча, мы не могли бы подавлять неестественное движение естественным, как делали это раньше и оставить это так, потому что большее количество того, что осталось от количества и качества мы в значительной степени используем в дестресе, будучи человеком верхом на лошади, в той манере, в которой можно держаться с другой лошадей или стоя на двух ногах, и вы сомневаетесь, что одна демонстрация противоречит другой, хотя обе являются правдивыми, и каким-то образом вы думаете, что демонстрация должна возыметь свой эффект, потому что вторая демонстрация противоречит первой и является ложной. В этом вы ошибаетесь, потому что в дестресе

линии, которые имеют меньший размер приходят сначала к точке, что указывает на движение, на внутреннее побуждение, чем те, которые имеют больший размер, и потому, что не приходит вовремя – не перестает быть правдой. И если когда-нибудь ваши ноги возьмут свою силу, это не потому, что фехтовальщик находится на удобном для него пути или потому, что выбрал соответствующую точку, чтобы сделать всё правильно. Вы знаете, что наука имеет дело не с частными, а с универсальными вещами, и мы представляем это как доказательство того, что движение меча идет вниз по высоте лошади, а другое движение по арке, тогда появится усталость, отдышка от начала с высоты лошади до парирования удара по арке. Вы думаете, что вы закончите свой первый путь, если оба движения направлены в точку, идя по дуге или по высоте лошади? И какое из трех движений противоречит другому в дестрезе? Свое первое движение мечом закончит тот, ответил Молемарко, кто устанет, или тот, кто двигается по высоте лошади без противоречий, потому что между ними нет никакого столкновения, чтобы затруднить действия, потому, с тем же успехом это является ловками, которые есть в дестрезе, сказал Чарлао, которая использует пропорции, и есть противоречия в желаниях и парировании ударов, которые сводят рану в точку, что препятствует сначала достижению одной и отвлекают от другой. Это действие не прекращается до достижения ложной части, когда случайно по желанию происходит движение в указанном направлении, которое было без предупреждения возобновления, продолжения, но противоречит режущим ударам мечом, не в виде линий, а в одном круговом движении, или когда одно движение находится в потенциале, а другое в действительности, сильное или естественное, слабое, или смешанное, неясное дело, что если противник занял положение для осуществления кругового движения, а фехтовальщик делает движение по прямой линии, – оба сойдут в точку. Для движения по прямой линии нужно меньше пространства, и оно будет идти быстрее, чем круговое. Здесь нужно понимать, что в этом случае возможность нанести рану средняя, но если оба делают мощное круговое движение, то оно первым закончит свой путь, чем сильное прямое движение, так как первое сильное движение порождает естественные раны. Так, вы должны знать непреложную истину в дестрезе, что одно движение не будет продолжаться вечно, особенно при круговом движении, потому что при прямом движении иногда движения меча помогают движению тела, которые подкрепляют движения мечом, и есть хитрости и ловки, некоторые из которых начинались от очертания тела, а другие от положения меча, о чем ты будешь говорить в четвертом диалоге, так что есть раны, которые состоят из двух движений меча без тела, другие состоят из движения телом, без меча, и тело всегда улучшает ситуацию, отменяя эффект и предотвращая причины. Рассмотрев это, Чарлао объяснил некоторую часть истинного Мастерства, и все были восхищены особенностями, о которых он

говорил, когда Мелемарко очень радостный, слыша гармонию, которая наступила позже, видя это незадолго до этого, скромный и угрученный сказал, уставший от желания знать, какая часть дестезы включает в себя те вещи, о которых я говорил, потому что я понимаю, что под каждую из вышеупомянутых вещей есть много других, и все они важны, чтобы осуществить демонстрацию, потому что из-за части дестезы вальгарный фехтовальщик и многие желания фехтовальщиков как ранее считалось, от большего изобретенного мастерства должны следовать тем же шагам. Но теперь я думаю, что они идут по дороге других наук, хотя это правда, что необычность и новизна данного изобретения не приводят всё в усовершенствованную точку, не отменяя достоинства и уважения, который дал Пипократ тем изобретениям, которые занимают исследование причин вещей, которые оставляют вечную славу для себя и выгоду для людей, и пышность для республики, решившие теперь услужить этой армии различных вещей для познания дестезы. Если в руках у вас уверенность, или любой пример с характерным оружием, или что-нибудь еще, что является для нас явным и очевидным, то демонстрация, которую вы предоставляете, вызовет на нас больший эффект, обсуждая вещи в этой задаче более конкретно, чем другие ваши друзья, ответил Чарилло, потому что они касаются других, и желая изгнать это из памяти, он ответил именно так. Вы знаете, что большая часть всего искусства создает принципы, и хотя их малое количество, зато они велики по авторитету и в таких науках, которые как дверь в дом, которую никто не может игнорировать, за что философ сказал, что всё, что больше, чем способ – это принцип, но нет ни одной вещи, как говорит Тулио, в соответствии с той точкой, которая была найдена тогда, которая бы совершенствовалась таким способом, также, как и не существует в природе вещи настолько тяжелой, которая бы опустилась в глубину, и настолько легкой, которая бы внезапно поднялась в Небо, в той же манере, как и другие новые вещи. Он выдвигает принцип в других вещах и связывает вещи одну с другой, потому что принципы малы и возрастают с использованием в соответствии с этим знанием (говорит Тален), вызывая изобретательность в соответствии с той силой, которая обладает мастерством, учитывающее дестезу, потому что не очень трудно найти это в начале, и изучить потом. В основном в изобретениях немного вещей попадают в цель без ошибки в начале, большинство провалов вначале обращают внимание на то, что идет за этим, потому что он назвал бы совершенным то, что он не мог бы ни добавить ни удалить, ни тем более правила искусства, которые изучаются – они устойчивы, и укрепляются вместе с мастерством, учебой, работой и большим старанием, чтобы точно осуществить чудеса дестезы, потому что если это правда, подтвержденная опытом каждого дня, что хорошие намерения могут с этим стать лучше, а те, которые не таковы, – исправляются и корректируются со своей правдой, потому что искусство заменяет ошибку характера,

и никогда мастерство природы не будет нуждаться в необходимости, потому что дестреза – это культура души и вещи, которая больше всего восхищает.

и по храбрости и высокомерию, в котором они находятся, они очень отважные и решительные. Дух без дестрезы – это как мужчины, которые не знают букв, которые имеют глаза, но не видят, и если ты уверишь дестрезу, которая является средством на пути, то они должны получить небольшое падение духа. Но что Мелисо сказала: это без объекта, о котором упоминали раньше? Потому что я хочу знать, характерно ли это больше для Духа, чем для дестрезы, потому что, кажется, что у обоих разные цели. Воспринимая это таким образом, не знаю, смогу ли я иметь оба, потому что, на мой взгляд, цель духа – в любви и в соответствии природы с любовью и деяниями, которые совершают с воодушевлением и порывом, ибо не все страсти духа упорядочиваются по тем же намерениям, скорее по отличительным признакам. Но цель дестрезы – это движения с некоторой помощью духа, хотя дух должен иметь несколько иные, без участия Тела, и этим нужно пользоваться, как это делают государство и науки. Хотя я перестаю верить, что должна быть какая-то универсальная цель, которая служит более чем одной власти: Какое-либо подобие истины приносит свое мнение, свой взгляд, ответил Чарлао, понимая, что всякая наука имеет свою цель, но во внутренней силе есть некоторые ограниченные полномочия, касающиеся общности целей, о чем ты будешь говорить позже, но нужно знать, что ты часто видишь, что цель науки служит еще другой науке в различных отношениях и намерениях, которые будут ясно видны в искусстве, точно описывая каждую из них. О чем Эудемии и должен был спросить Чарлао, объявившего разделение искусства, уже давно желая понять цель каждого из них. Чарлао, осуществив свое желание, продолжил так, что есть два жанра искусства: один механический, который осуществляется за счет рук, и второй, который касается спекуляций в понимании и важности духа, и они делятся на пять форм: логика, математика, мораль, естествознание и сверхъестественное, и каждый из них еще делится, потому что части логики – это грамматика, диалектика, риторика, части математики это арифметика, музыка, геометрия и астрономия, части морали – это этика, экономика, и политика, части естествознания – это физика, логика и медицина, и сверхъестественного – это метафизика и теология, хотя есть две части политики, – это гражданское право, и наука войны, которая делится на наземную и морскую, и когда это осуществляется на галерах или кораблях, здесь выходит, что каждая из них имеет свой объект, так как объект грамматики это стиль речи, а риторика это Красноречие, арифметики – число, музыки – консонанс, созвучие, геометрии – модуль, величина, а астрономии это степень яркости звезд, но со смыслом и причиной движений. Объект этики – это величайшее благо, экономики – бизнес, политики – республика, физики – это тело, объект логистики и медицины –

это тело человека для различных целей, где одна восстанавливает здоровье, а вторая сохраняет жизнь, объект метафизики, то есть, объект теологии – это Бог, чтобы вы знали, что благородство всех наук приходит со своим собственным объектом и целями. А чтобы вы меня лучше поняли, знайте, что объекты называются так в соответствии с тем, с чем они имеют дело, или в соответствии с силой или привычкой, что предназначена как ясное представление, которое есть о цвете и свете и слышать звук так, чтобы цвет и голос определялись этими двумя силами. Таким образом у каждой естественной науке – свой объект познания, который требует, чтобы каждая власть имела свои правдивые представления о нем, поскольку способности отличаются по действиям, а действия по объектам, и власть является принципом, согласно которому всё работает, и некоторые из этих двух принципов являются естественными, потому что они исходят естественным путем из духа, а другие – это приобретенные в качестве привычки во время жизни, куда входят все науки и искусства, добродетели и пороки (которые приобретаются с действиями государства) посредством которых человек готов легко работать. Есть также объект формальный и материальный. Материальный объект – это объект, который находится вне власти или привычки, и в конечном счете определяется как запасной цвет на стене для видимой силы, но в науке всё по-другому, потому что материальный объект – это объект первого постановления, который дает объект формальный, с помощью которого мощность или привычки определяются другой вещью. Таким образом, мы говорим, что свет является формальным объектом зрения, потому что, чтобы визуальный орган смог определить цвет – необходим свет, который светит на средней мощности, потому что иначе он не сможет ни определить, ни наслаждаться цветом, и в науках формальный объект является средством демонстрации определения субъекта, потому что нет никаких неудобств в том, что в силе формальный и материальный объекты находятся как в некоем мнении, которое полезно в дестрезе: какие, интересно, мнения, спросил Эудемий, используют большинство мастеров в этой науке оружия? Потому что это намерение и ясное представление, я думаю, не могут воспользоваться другим: два мнения есть, когда оба полезны, всегда отвечал Аристарх, хотя в отношении них в частности, обсуждая объекты каждого из них, мы должны найти мнения, которые были бы больше полезны для дестрезы, чем я думаю, хотя для меня уже определено, какое является самым главным для этого результата. На что Платон ответил, что на мой взгляд, (что является обычным мнением), зрение приносит большую пользу в дестрезе, чем какие-либо другие органы чувств, и потому, для объектов и намерений разных вещей, мы приходим к пониманию многого о высшей степени совершенства. Те, которые придерживаются моего мнения, подтвердили связь зрения с объектом, как он стремится к цвету и свету, свет распространяется в организме, дестреза использует тело, где есть цвет, за чем следует

то, что зрение больше приносит пользы в дестрезе во всех смыслах, и истина заключается в том, что это приносит какое-то подобие того, что вы говорите, сказала Мелиса, и я был до этого такого же мнения и получил подтверждения мнения Эудемии, и теперь после всего того, что было сказано, я повторил все мнения, и открыл для себя, что во всем, что касается этой способности, нет ничего другого, что сделает сильнее Ваше мнение только тем, что будут его использовать, и я не знаком и не обнаруживал большего пристрастия к дестрезе, чем к другим мнениям.

Если вы хотите, чтобы я в спешке коснулся зрения, ответил Птолемарко, вы обнаружите, что мое мнение имеет больше правды, чем другие воззрения. И как говорил Эудемии, – он объяснил все, что полностью целесообразно должно выйти на свет, как предполагалось в самых сильных представлениях, ибо в противном случае появятся другие.

Птолемарко, очень радостный, продолжал: так, вы хорошо знаете, что зрение – это одна сила чувственного духа, который рассматривает вещи отдельно друг от друга, и имеет возможность получить свет и узнать цвет, и понять путь, по которому зрение и другие силы чувственного и вегетативного духа причинно коренятся в сущности души, потому что они вытекают из нее и постоянно протекают с той же сущностью от души к органу, который является уже определенным инструментом для каждой из способностей, и как треугольник находится с квадратом, так и вегетативный дух находится с чувственным, а чувственный с рациональным, поэтому мы говорим, что видимая сила это способность иметь цвет, и поэтому цвет находится в среде и вызывает естественное сходство органов, где можно сказать, что среда или орган имеет цвет, умышленный только на мгновение, но на некоторое и определенное расстояние в среде, целиком видимое глазу, и называется это духовным органом, потому что, хотя дул бурный ветер, это не мешало тому, если среда находилась со светом, что было необходимо, чтобы не мешали действиям. Таким образом, среда видимой силы – это воздух или вода, или стекло или все прозрачное тело. Здесь вы будете знать, что тело находится в трех образах действия, а именно: сияющее, прозрачное и мало освещенное. Сияющее тело – это тело, у которого есть природный свет, и оно дает блеск. Прозрачное тело – это тело, которое само по себе не имеет света, но он способен и проникает в него, даже если тело твердое как стекло, а не как воздух или вода, и это тело – среда зрения, и по этой причине те, кто носят очки из-за его отсутствия, вполне могут использовать правила дестрезы. Мало освещенное тело – это тело, которое не прозрачное и у которого нет собственного света, но способно принимать свет на поверхности без проникновения как другие твердые тела как луна и звезды, потому что, если бы они были прозрачными, не было бы солнечного затмения, осуществляемого с помощью луны между ним

и нами, находясь в соединении. И обратите внимание, что свет, блеск, луч и сияние – они разные, потому что свет находится в своем свете, как на солнце, а блеск – в прозрачности, луч – это освещение по прямой линии, произведенной от свечения, а сияние это больше отражение луча на любом темном теле, и со стороны этого отражения есть отображение в зеркале, потому что зримые случаи стали причиной объекта, распространяющегося до зеркала, найдя препятствие, чтобы пройти вперед, выставляя зеркало для отражения, делая фигуры, возвращаясь к видимым органам. Но это требует того, чтобы зрение сделало свое действие. Это среда имеет два условия: одно собственное, а другое общее для всех сред других способностей и сил. Первая это когда есть блеск, потому что без него, конечно, зрение не возымает своего эффекта, ни цвет, который находится в теле, не может увеличивать намеренные случаи, ни без света, который является прозрачным действием и делает цвет, который был ранее, невидимым, который находится в способности увеличиваться в действии, будучи видимым, и достигает органа зрения, который не требуется при других способностях, но общее условие для всех сред то, что целесообразно для среды и органа, которые лишены полноцветного чувственного собственного объекта, который достаточно ловкий, чтобы получить их всех без какой-либо разницы, потому что ясно, что если оставаться в действии для определенного цвета, то нельзя будет непосредственно получить другие цвета тех же видов. Так мы видим, что, если стекло, которое является средством зрения, было черное или зеленое и пропускало вперед к глазам все, на что вы смотрите с таким средством, оно бы казалось зеленым или черным. Эудемю был рад услышать любопытство, с которым относились к тому, что попадало в поле зрения и обсуждалось в сошительном году. Важным является свет, для которого зрение использует свой объект, ночью где мало света это будет плохо сделать. Фреговальщики пользуются своими знаниями, но тогда я думаю, что больше будут пользоваться слухом, чтобы иметь возможность получать звук, особенно тот, который очень тихий. Вечером есть меньше препятствий: это правда, сказал Молеарко, что ухо направлено на звук, звук – это объект уха, но я не знаю, в чем можно служить со своим органом или со своим способом дестрезы. Я расскажу об этом, ответил Эудемю. Мы знаем, что звук соразмерен тому, что используется силой, потому что задемый воздухом он циркулярно распространяет перкуссии в том же самом воздухе и вызывает преднамеренные разновидности в зависимости от силы и количества задемых звуком. Удар в начале большой и постепенно становится все меньше и меньше, потому что генерация звука продолжается в движении, и средой этой силы является воздух или вода, но из этих двух больше подходит воздух, потому что он двигается с большей легкостью, и проходит со звуком аж до органа слуха. Таким образом, мы видим, что звук в воздухе мы слышим лучше, чем в воде, и в воде, если предположить, что мы слышим рыб,

звук затем пропадает, несмотря на то, что некоторые говорят, что это из-за осязания.

Потом вы говорите, что объект такой способности - звук. Это, собственно, может быть любая вещь, которая воспринимается органом. Она оставляет одну часть, как будто есть звук в способности, в действии и в ударе шпагой, и мы видим это по звуку, который получается от соприкосновения клинков. Как-то я понял, к чему ведет их путь, сказал Молемарко, и понял это почти с ощущением, которое полезно искусству, особенно в ночное время, где наиболее безопасно - это быть подозрительным, и где власть зрения останавливается и теряет власть своих прав и полномочий, будучи не в состоянии видеть из-за отсутствия света то, что он делает. И хотя есть цвет, который можно без труда оценить на слух, потому что, как и его средства, воздух и движения меча должны быть проявлены в нем, и меч, который движется это тело, и воздух также имеет звук, который возникает в результате встречи двух тел, который хорошо воспринимается ухом, а затем фехтовальщик готовит защиту и применяет к той стороне, откуда слышна наступающая атака: Чарилло был очень внимательным и слушал причины, которые выдвигали его грузы, и принимая во внимание пожелания каждого попробовать свое намерение, улыбался с уверенностью, неумышленно говоря о благой цели. Звук получается от прикосновения двух твердых тел, а также тела и твердого меча и звук, который может возникнуть в результате их соприкосновения из-за мягкости воздуха не будет столь же заметен, и ухо не будет столь же чувствительно к его восприятию, потому что мягкие тела, помимо тех, которые сильно сжимаются, - подавляют чувства, не издают звука, но известно, что сильное соприкосновение двух жестких тел сокрушает воздух и производит звук, с помощью которого он распространяется по воздуху, который озирается телом до момента прекращения движения, в случае, если не мешают сильный ветер и в случае, когда меч делает звук в воздухе, образуя рану. Такой звук не может восприниматься до тех пор, пока меч не касается части, где фехтовальщик укрепляет свое движение так, что не может воспринимать звук, который издает, потому что тот, кто совершает сильные движения, может наслаждаться органом на меча и теле противника, что является целью раны. Хотя если вы являетесь исполнителем, - у вас нет необходимости в защите, о которой вы говорите, и если это было причиной раны, которую они совершили в отсутствии человека, то сами они находятся там, где безопасно, воспринимая себя как люди, которые собираются нанести ту же рану только в случае, если бы они не были глухими. И мы видим противоположное, это правда, что прикосновение мечей, звучащих ночью, может произвести нечто, что можно было бы выгодно использовать для обороны, но в это время осязание, прикосновение - это то, что является полезным и используется в дестрезе больше, чем другие чувства, потому что вы узнаете, что, если четыре

первых качества активизируют простые, и органом осязания является нерв, который, как по модели паутины близко расположен в теле, покрытом куском мяса, и нет ни одной части мяса, в которой не было бы части того нерва, то это отличается от других чувств, потому что все используют преднамеренные разновидности, и мало кто использует природные, и поэтому мы говорим, что тело теплое и тело холодное, потому что нервы, которые являются органами осязания, разбросаны по всему телу, на которых основаны все другие чувства. И все они воспринимают свой объект не по чувственным разновидностям, воспринимаемым органом каждой из них, а потому, что основой других чувств является орган осязания, где мы испытываем, что глаза чувствуют равнодушные, холодность, но не видят, и уши чувствуют теплоту, сердечность, но не слышат, и так далее, но могут знать, что среда этого органа – это совокупность, потому что это плоть, и в этом отличие осязания от зрения и слуха от обоняния, что больше по душе, потому что это осязание, и находится в середине всего вонне как воздух или вода. Но осязание сходится в одном месте со вкусовыми ощущениями, потому что они оба из одной среды, и таким же образом как и воздух со зрением, плоть будет с осязанием и, как воздух не является органом, только внешней средой, то и плоть не является органом осязания, а только объединенной средой: выше уже было указано, что объектом осязания являются простые свойства, а именно тепло, холод, влажность, сухость, тяжесть, легкость, грубость и гладкость, мягкость и твердость, сила и слабость, которые являются вторыми, и они дают название первым свойствам, потому что нет других первых, и говорят, что они простые, потому что не составные до того, когда все остальные состоят из них. Их также называют активными, потому что другие не поступают естественным действием, если только не в сопровождении, я имею в виду случайное подобие сильного, неудержимого движения, и они являются непосредственной причиной других, и, если они находятся среди нас, объединенные с чистыми элементами в среде каждого из них, можно найти простые. На что Молеарко ответил: я считаю, что это осязание только в случае, если нельзя различить силу от слабости, которая находится в теле противника, а не в положении меча, как может зрение воспринимать белое и черное в одной точке, хотя в свойствах есть две противоположности: одна между горячим и холодным, и еще между влажностью и сухостью, потому что философ говорит, что, хотя чувство осязания является одним материалом для органа, где оно размещается, – но определенно есть больше. Это правда, ответил Мелисо, что чувство воспринимает только противоположность и форму, и оно делится, как и зрение, которое имеет в качестве своего объекта цвет, потому что первое делится на белое и черное, между которыми находятся все другие цвета, и объектом слуха является голос или звук, называемый тяжелый и звонкий, и т.д., что в результате дает консонанс, и обоняние в качестве

объекта имеет запах, который также делится, и объект вкуса это вкусовое ощущение, привкус, который делится на сладкий и горький. Осязание имеет две противоположности, первая это его органы, которые будут один физический, и два – формальные. А потому, вы будете знать, что между холодом и влажностью есть высокая целесообразность, соответствие, как и между теплым и холодным. Земля холодная и сухая, и в холод весьма полезна с водой, а в засуху – с огнем. Вода по природе своей влажная и холодная, и влажность сохраняется всегда так, как и холод земли с водой, так будет и сухость с огнем, и огонь теплый с воздухом, и воздух влажный с водой, затем холодность не будет противодействовать влажности, и аналогичное ты видишь между теплом и сухостью. Также известно, что есть еще одно соответствие, целесообразность в числе четыре, которое затрагивает четырехкратные пропорции, от которых настраивается консонанс, и причины этого нашли академики, потому что огонь в два раза более пронизывательный, чем воздух, и в три раза более подвижен, чем вода и в два раза пронизывающий, но воздух в два раза пронизывающей воды и в три раза более пронизывателен, и в четыре более подвижный, так же, как и огонь пронизывающий, подвижный и быстрый, и воздух пронизывающий, подвижный и не такой острый как огонь, и вода не такая острая как огонь, но подвижная и полная, и земля не такая острая, полная и неподвижная, с той же самой пропорцией, потому что, как огонь и земля со своим законом, так и воздух и вода, и как огонь с воздухом, так и вода будет с землей. Молеарко находился в состоянии напряженного ожидания, он был свит с толку и был недоверчив, видя удары своим друзьям в вопросе о том, что нравится, не теряя ни на минуту до полного выяснения, и после недолгого молчания он сказал: я хочу направить свой взгляд на то, что вы сказали о качествах, ибо вы знаете, что противоположность осязанию будет нечто другое, чем противоположности других чувств, потому что чувственные разновидности могут быть все вместе в органе, не противореча и не повреждая его. Причина в том, что они не находятся там в своем естественном состоянии, а в соответствии с преднамеренным или духовным состоянием. Первичные противоречивые качества не могут совместно быть в действии, потому что находятся в естественном состоянии, согласно которому они противоречивые, и зрение воспринимает их как черное и белое, не повреждая друг друга. Но осязание одновременно не запонит тепло и холод в равной степени. Мелисо сказал, что из-за большой необходимости у него есть чувство осязания всех вещей, которые основаны на органах, и также другие чувства. Философ утверждает, что домашние животные обязательно утратят в ближайшее время от невозможности сохранения индивидуума, так как это одно животное причастно к этому чувству, и ты ощущаешь это благодаря осязанию, и хорошо знакомы с силой и слабостью в субъекте. Только с одним действием, ответил Молеарко, ты не сможешь достичь того же, что легче будет достичь с жизненной

силой, потому что взгляд со слабой стороны выглядит сильным из-за Демонстрации противоположностей, который одной и той же доктрины, ибо установлено, что к истинному знанию дестрезы мы никогда не сможем прикоснуться рукой и очень хорошо знать ее: тогда Чарилло показалось, что настало время научить истинному духу, есть большая разница между шурпать и трогать, потому что тонкое затрудняет шурпанье, здесь должно быть две вещи. Сначала качества можно потрогать, при этом нужно быть сдержанным от удачи, что они остались нетронутыми, но недостаточно только пошурпать, потому что воздух обладает качествами, которые можно потрогать, но не пошурпать, потому что то, что осязаемо, сопротивляется тому, к чему можно прикоснуться, что можно постичь, ни то, что проходит через это, что содержит в себе воздух, откуда вы знаете, что любую осязаемую вещь можно потрогать, но не всё, что можно потрогать – можно прощупать. В дестрезе мы используем только ощупывание и суммируя зрение и осязание, я могу сказать, что, как просвещенное действующее понимание – это возможное понимание. Таким же образом и высший смысл связан со знанием зрения, которое освещает то, что является осязанием. Мне трудно поверить во всё, что мы говорим, ответил Эудемии, потому что там, где существует такое несоответствие в объектах и средах обоня, находящихся в таком же диаметре, плохо годиться для дестрезы, особенно ночью, где зрению не достает осязания, а осязанию – зрения, которое является проводником, и по этой причине останавливают свои действия. Давайте (как вы можете) различим силу от слабости, ответил Чарилло, чтобы нанести раны (или наоборот), за исключением того, что благодаря чувству осязания можно почувствовать объект сильный или слабый, что нельзя выявить с помощью зрительного органа, если сила скрыта. Тогда это находится вне его полномочий, ни визуальные линии не могут проникать в непрозрачные тела, как мы уже говорили, если вы сомневаетесь, как без дотрагивания руками до меча или до тела противника можно узнать силу и слабость? Вы также поставили под сомнение, что это не отравляет всё тело язвой на фаланге с небольшим количеством яда, брошенного в очень маленькое отверстие. Но крайней мере вы не будете сомневаться в эффекте, который оказывает укус скорпиона. В течение короткого времени он приводит к очень серьезным травмам для пациента. Отсюда вы должны знать, что есть много вещей, которые только осязанием, силой и качеством, (как говорит Пален и Аристотель) изменяют, портят всё, с чем они находятся вместе, которые мы находим в морской рыбе, которая называется электрический скат или торпеда. Сила яда настолько сильная, что проникает в рыбака через леску и удочку, распространяясь до руки с такой силой, что внезапно на середине пути продолжает проникать все глубже и глубже, и по свойствам, которые есть в естественной среде осязания, проникает в нервы и мешает настолько сильно, что пока живет эта рыба и пока остается в воде, – всё, с

чем она соприкасается, она всё портит и ухудшает со множества точек, что всё, что есть в других частях – притупляет силу и крепость этого животного, с которым она соприкасается. Все, что имело контакт с этой рыбой, увидит потемнение, нечто мерзкое, затвердение, и притупленные нервы не смогут легко шевелиться, и даже если они функционируют и двигаются, то это приносит сильную боль. У нас есть Ронделесьо, Аполито Сальвиано и Опано, которые в конце концов пришли сказать Аристотелю об этой рыбе, которая прячется под слоем ила и грязи, и у всех рыб, которые проплывают поблизости, притупляется рассудок с такой силой, что это не позволяет им плавать, и то, что с ними происходит, – заставляет задуматься, стоит ли их есть. Тлядя на рыбу, которая настолько мала, но так сильна, можно сказать, что, если она прилипнет к стороне корабля, то тот остановится на середине пути на полной скорости, и из-за этого они называют ее рыбой прилипалой. И только исходя из опыта можно понять, что маленькие вещи только силой осязания вызывают серьезные изменения, как если у вас есть немного силы, познавая дестрезу. Есть сила, которая оказывает смертельное воздействие на тело, есть рыба-прилипала, которая липнет к противнику, которая благодаря осязанию своей силы, несмотря на то, что маленькая, может изменить силу на слабость. Аристотель говорит, что человек имеет чувство осязания более точное, в отличие от других чувств. На что Молемарко ответил, что я понимаю, что в этом есть некоторые ограничения, которые понимаются или легкостью прикосновения, или легкостью понимания с чем имеет дело. Больше, если это касается хитрости, мы видим, что у паука более тонкие прикосновения, чем у человека, но если это касается разницы отличий вещей, то человек имеет более удачное и своевременное прикосновение. Но, с другой стороны, человеку не позволено иметь самое удачное прикосновение, по сравнению с другими внешними чувствами, и подтверждая, что со зрением мы судим более успешно, чем с другими чувствами, наконец, суммируя все, можно сказать, что чувство осязания более удачное по сравнению с другими жестокими, и я понимаю, что это ради различия. Для человека, который затрагивается до чего-то по какой-то причине – это щадит зрение как самое главное чувство. Я хотел бы принести право по этой причине, которую я вам дал, чтобы внушить и убедить вас, что зрение приносит пользу в дестрезе больше, чем любой другой орган чувств, и пока мне не предоставят другую причину, лучшую чем моя, то это будет не моим мнением, а правдой, установленной с опытом. Я не буду привлекать авторитет Платона, ответил Чарлао, или Плинио, или Филона, потому что обоснованные вещи не нуждаются в авторитетах, если только не с новыми причинами, которые я им дал, чтобы они поняли. И если со всем этим они будут продолжать упорствовать, что не позволит им принести силы, то я предоставляю им одну подобную демонстрацию, и только вера вызовет в нас больше стыда и замешательства, что есть вещи,

связанные с оружием, которое они будут давать фехтовальщикам, когда они читают и не понимают. И возвращаясь к осязанию, хочу сказать, что это чувство самое важное из всех пяти чувств, потому что оно служит не только в общих вещах, но и в конкретных, определенных, как мы можем видеть в составных движениях артерий, в происхождении сердца, в котором течет жизненная сила, который поддерживает пульс. И это качество такого эффекта, что только прикосновением артериям врач знает, что если движение высокое и большое, неустойчивое и торопливое, то это является пульсом гнева, ибо то движение, которое легкомысленное, буйное и неупорядоченное — нарушается, становится неравномерным. Это значит, что присутствует импульс страха. И когда проходит какой-то промежуток времени, вы знаете, что пульс уже медленный и слабый, и так во всех других видах импульса, что только от ошупывания можно понять и знать рост или снижение при всех универсальных заболеваниях. Они все понимают, потому что этот человек больше знает о здоровье больного и уже много раз прогнозируют, что должно произойти. Что служит поводом для науки — определено в импульсах и вещах, связанных с оружием, которое мы используем, потому что пульс более определен на руках, чем в других частях тела. И точность его так велика, что, прикасаясь к ним, в соответствии с движениями пульса, некоторые врачи говорят, что знали, что Антирах был влюблен, хотя Тален отрицает возможность пульса давать сигналы этой любви, и для подтверждения этого, мы знаем, что животная сила рождается в мозге и распространяется по нервам, и при ошупывании, как мы уже говорили, остается там. Моль является средством, посредством которого мы используем нервы по отличиям, потому что меч находится в сжатой руке, и мы им орудуем с той силой, которая нужна, имея такой набор средств как сила, способность, и способы, применимые к мечу. Просто коснувшись одного меча другим уже известно, какая сила есть у противоположной души, какая слабость в Телесном и какое прикосновение нужно, чтобы на ощупь узнать о силе, которую, как я уже говорил, невежи называют «чувствованием меча», потому что тело не может переместиться в другое тело, но может прикоснуться к нему, хотя иногда это называют шупанием, что полезно для внимательного фехтовальщика. И в подобном рода условиях есть движение, при котором чувствуется, что вас не ранят, и пока на вас идет меч, можно навредить в ответ, или можно узнать силу руки, и позицию Тела. Правда все, что вы сказали, ответил Молемарко, но согласно словам Талена, первое касание, которые мы ощущаем, резкое и простое, тяжелое или легкое, сильное или слабое. Поэтому мне кажется, что в предназначении оружия и выступлениях о дестрезе можно назвать эти качества первыми и необходимыми при касании, потому что мы с легкостью можем их почувствовать, и они ощущаются первыми при таком использовании. Их философы называют первыми качествами, потому что, несмотря на то, что рана уже сделана, нельзя узнать и понять, что будет

мало того, что поможет различить, был ли меч холодный или теплый после совершения удара. Все они очень обрадовались, услышав остроумие и находчивость Молемарко, и он, притворяясь, утаивая мысли и чувства, продолжал, и так я был рад узнать, что такое ощупывать, исследовать меч и грюзей на пути, потому как я уже понимаю происхождение названия. Но давайте посмотрим, когда противник находится в стойке, и я уже знаю какова сила в его теле и какая часть слабая, что соответствует только зрению, не очень хорошо зная это? А этого будет достаточно для нанесения раны, ибо нам не может не хватать истины, которую мы узнали посредством демонстраций. Чарилло ответил, что достаточно одного зрения, чтобы это отметить, потому что сила с центра никогда не превращается в слабость, ни слабость, удаленная от нее, не становится силой, и нет силы и слабости вместе в одном месте, как и невозможно охладить огонь или обжечь снег. А хотя нет никаких изменений в этом, нужно знать, что осязание свидетельствует в дестрезе, что оно знает зрение. А в ночное время, когда зрение не сможет помочь, – поможет осязание, ибо исследование, ощупывание меча соответствует месту, где он находится и остается. Фреговальщик исправляет свое высказывание, и из-за осязания мы приходим к познанию силы и власти, зная местоположения меча. По этой причине осязание, несмотря на то, что подчиняется зрению, (по вашему мнению) приносит зрению все эти преимущества, хотя только со зрением мы не можем повредить противника, несмотря на то, что видим его близко, как мы можем сделать только лишь прикосновением, что отличает мудрых от глупых, потому что, по словам философа, те, у кого тяжкая плоть имеют понимание более быстрое, чем у других. А хотя они отдалены от чувств, я понимаю, что они имеют некоторое родство, ведь потеря зрения наследует у осязания какую-то часть, а остальные – каждый своё, проверяя те части, которые были подозрительными много раз, что сходится с тем, что в дестрезе точность, надежность осязания, зная зрение, о чем мы говорили в других главах, является перспективой практики искусства. В этой манере, ответил Мелисо, что и по части спекуляций, мы будем давать зрение, чтобы получить более духовное чувство, и по этой причине более благородное, и ту часть, которая касается осязания на практике, чтобы быть подчиненной и зависимой, как и особое чувство обыкновенного. А Вы, Чарилло, как те близорукие, кажется, что в ваших глазах не хватает сил, чего не хватает и в других глазах, и они обращают внимание на то, что потеряли в дестрезе сноровку, которая есть во всех других вещах. А нам не хватает того, чтобы они унаследовали остальное, зная тех, кто, знаясь, совершает действия любого чувства в нехватке науки о вещах, об их природе, сделав Инструмент для специфической и одиночной работы. А в ответ на то, что вы сказали, я скажу немного, что Аристотель не хотел, чтобы они считали кого-то умными, а кого-то невежественными посредством прикосновения,

если только они в соответствии с сигналами, приметати более охотны и готовы к науке, что явно присутствует у сангвиников, и не так много у флегматиков, в зависимости от того, в каком месте он это говорит, потому что вы уже заявили нам со всем любопытством, что внешние силы больше приносят пользы в гестрезе, а говоря о внутренних, можно сказать, что и среди них есть те, которые приносят пользу больше, чем другие, хотя все они имеют свои внутренние действия, которые обнажают материю в соответствии с благородством каждой из них. Можно сказать, по правде, что все способности приносят пользу, ответил Чарилло, потому что основная часть гестрезы заключается в понимании, и меньшая часть – в ощущении, несмотря на то, что мы слышали, что чувства очень важны. А по части особых знаний это дает представление для понимания всего сущего, потому что в государстве есть движущая сила, подчиненная правительству, и каждая из сил это Министры со степенью, и у каждого свой начальник. А все они работают, и каждый платит налог по мере возможности, которую Бог им дал, и, желая продолжить Чарилло с этими размышлениями, Мелисо прервал его так: бесспорно вы затрагиваете тему, от которой я получаю большое удовлетворение, и она настолько глубока для ученых, и так темна для невежд, что я не понимаю потом как они хотят иметь серьезные вещи науки и секреты гестрезы в изобилии, не учитывая, что говорит Туллио и Манин во многих местах, что нет искусства настолько легкого, чтобы можно было хоть что-то понять без большой тренировки и толкования, так как (как говорит Платон) всё новое – трудное, потому что науки связаны одна с другой. Хотя, как говорят Демосфен и Цицерон, – науки, которые принадлежат общему пользованию, имеют связь, основанную на общности, и это потому, что природа – мать всех вещей, общая для всех, и направляют каждого, показывая свою силу в людях и животных, которые ведомые по своей природе продолжают все то, что больше всего им понравилось, и обладают тем, что их может обидеть. Итак, мы видим, что она заботится о каждом животном после знакомства с его видом, любит тех, кто принимает это с благодарностью, радуется, одаривает животных средствами защиты и пытается их сохранить, и смотря на животных, человек смотрит на то многое, что ему следует знать, и защищать, чтобы сохранить, как вы увидите в диалоге четыре, и те, кто не благодарны и несознательны не должны недооценивать и пренебрегать тем, чего они не понимают. Потому что обычно человек вынужден себя защищать, и по этой причине он желает понять вещи, которые должны быть защищены от своих врагов. А в вещах, в которых вы сомневаетесь, – у каждой разная функция, которые служат необходимостью в гестрезе. Управление ими походит на гармонию, которую создают качества, с помощью которых человек пользуется всем, что отсутствует и присутствует. Мне может показаться, сказал Молемарко, что эти внутренние силы все, кроме

одной, имеют различные названия, потому что то, что делает фантазия, мы видим, то делает и воображение, а воображение делает то же самое, что и инстинкт, и что делает здравый смысл – делают и частные лица, которые все управляющие, наместники, и все где-то зарегистрированы. То же самое я понимаю и с разделением понимания, невидя на то, что это соединяет вещи намного больше, чем я думал, что соглашалось во времени и месте, которое у нас было, ответил Чарлао, потому что это вопрос, о котором уже давно говорилось в книгах о гестпрезе, я коснулся только принципов изложенных глав, хотя у меня для большей удачи были советы и рекомендации, которые мне помогли в этой обязанности, потому что я не могу удовлетворить только лишь одним ответом все сомнения. Но я скажу, что случилось, и, как и другим, дам только один напек по каждой отдельной вещи, чтобы вы знали, что у каждой из способностей есть свои функции, различные от других. А, если вы обратите внимание на место чувств, вы обнаружите, что зрение, соответствующая стихии огня, имеет свое местонахождение в самой верхней части, чем все остальные, так что огонь имеет место в своем поле деятельности, в месте более благородном, чем все элементы, потому что он самый главный и самый активный. А еще самый быстрый, откуда можно сделать вывод, что глаза действуют в движении, а уши во времени, и почему звук – это качество, которое изменяется от движения воздуха, и не постоянно, как цвет, – а следующее во времени, с которым зрение приносит преимущества слуху и многим другим вещам, потому что его целью (как вы видели в прошлом) является то, что весь мир высший и низший, и другие чувства несовершенны бы пользовались некоторой частью из низшего мира, и в середине остальных есть плоть, как часть осязания, влажности вкусового ощущения, и воздуха от движущегося уха. Больше средств, которые есть у зрения – это духовный прозрачный воздух, освещенный светом неба, который превышает по красоте во всех частях мира, как превышают глаза на всех частях животного. На что Мелисо сказал, не презирайте так слух, не проходите поверхностно по его благородству. У меня это есть из-за более квалифицированного мнения, правда ли то, что объекты облагораживают способности, потому что слух только дает представление о понимании мудрости, образованности, благоразумия, и (как говорит Святой Иоанн) обладает душой. А это одна из самых драгоценных вещей, которые имеет христианин, каким он должен быть (сверхъестественная способность), и на слух он понимает понятие Тармонии и мелодии музыки. В конце концов это чувство наполовину разумное, ибо оно только между всеми воспринимает выступления по причине, которую заявили и последователи Платона, и Пифагора. Хорошо, ответил Чарлао, каким образом осязание находится между всеми чувствами – это самое главное для сохранения индивидуума, понимая также, что слух является наиболее необходимым для спасения Души, а зрение, – чтобы наслаждаться из-за своего

благородства и своей природы. Оно заканчивается бровями, ресницами и губами веками, которые служат составные соединения и вооружение для определения и сохранения органа, чья форма более совершенна, чем у других органов чувств. Природа тщательно наделила зрение такими цветами как зеленый, смешанный с голубым, черный, светло-коричневый и белый. Глаза наделены таким большим количеством цветов и освещены блеском, что они похожи на восхитительный сад, из которого выходят божественные лучи, которые рождаются из оптических нервов, которые проникают в прозрачный воздух до достижения последней окружности мира. Все восьмером они видят полное согласие небес и всех остальных, и через свет понимают близкие тела и те, которые находятся дальше: без какого-либо пристрастия или ущерба воспринимает разнообразности тех, кто отличает расстояния, цвет и величие, блестящие фигуры, цифры, места и движения, и другие индивидуальные различия. Глаза – отражение души, поэтому с ними ты узнаешь больше вещей, чем с любым другим органом чувств, потому что, как глаза находятся между всеми частями тела человека (микроскоп) – это как понимание добродетели души. Так и в макроскопе, солнце находится между всеми сильными телами, а божественное понимание – между духовными. Это небо и звезды, которые обладают картиной всего, что происходит на земле, откуда вышел тот прекрасный источник философии вещей. Наконец, глаза пользуются всем тем, что Бог хвалил после создания. У них есть чувство привязанности и любви, что означает радость, восторг, ликование, тоску, гнев, печаль, нежность, смирение, уравновешенность и притяжение. Видите, я здесь поставил зрение в высшую степень, чего оно заслуживает без достоинств, так что вы не можете заметить его отсутствие. А для тех, кто хорошо знает его превосходство и остается в этом состоянии, скажу, что слух соответствует элементу воздуха по той причине, что имеет свое место немного ниже чем зрение, как и воздух имеет свое относительно огня, и из-за пользы, выгоды превосходства воздуха, ты надолго стараешься сохранить дыхание, оставив его, чтобы сообщить, что есть одна вещь между воздухом и водой к которой ты взываешь, потому что это относится к обонянию, к действию, которое создается от движения изменения, в котором слух превосходит из-за использования местного движения, которое является первым и главным среди всех. Но орган обоняния (как говорит Пален) имеет две функции, одна это запах, а другая, это место, откуда выходят испражнения мозга и находятся на своем месте между воздухом и водой, и эта вещь самая необходимая, которая есть в этой жизни, потому что ни тучина, ни животное не могут обходиться без нее. Нет ни травинки, ни растения, которые бы без своего желания мозга бы производить семена или фруктозу. Мы сейчас не упоминаем о красоте, которую этот Элемент дает миру, ни то, что он является самым древним и мощным из всех, как утверждают Асидоро и Плиний, и это видно ясно, потому что

уровень воды подавляет, и склоны более грубые, доминируют на земле, рубивая огонь, переходя в слабые испарения, и измененные проникают в грунт через воздушную область сверху, чтобы конкурировать с небом и бросить вызов огню, рождаясь и приумножаясь заново, чтобы снова упасть и сделать земле все вещи, почти заставляя их повиноваться. Земля много раз была наказана за это, нужно было знать точность, непреклонность этого элемента для лучшего места. Мелемарко сказал, что уже не явно, что это касается чувств, говоря нам сейчас, что, если вас это тревожит, потому что огни достоинства являются более благородными, чем грубые, – как правило все полезно человеку (как говорит Платон). Есть некоторые, которые выделяются среди грубых и полезны телу, потому что в вещах дестрезы, некоторые из них более ясные и определенные, чем грубые, и есть грубые, которые являются материальными, некоторые со стороны ремесленничества, некоторые по части науки, и остальные среди них и чувства осязания, все они очень важны для сохранения животных, но зрение и слух, которые являются более духовными чувствами, приносят пользу живому существу. Поэтому, как мы долго пользовались их средствами и объектами, теперь попробуем эффект, который они производят, соответствуя разнице животных. Оставьте это на потом, для вещей более ясных, ответил Мелисо, и объяснил Эудемию функцию, которой обладает понимание и его разделение, и оно достигает действий грубых сил души, потому что как вы сказали, вам известно всё до точки, где вы понимаете совершенства дестрезы, поскольку вы уже дали нам понять вещи, которые правят, как вещи полезные, подходящие, если они считаются хорошим в назначении оружия.

На что Чарилло ответил: безусловно, вы меня поставили в трудное положение, но всё идет так, как может, и, зная, что ремесло здравого смысла (хотя они и отрицают всё современное) – это действовать с помощью пяти инструментов или органов, из которых всё и произрастает, как линии из центра, и с ними включают в себя рисунки тел, то есть цвета глаз, слух, запах осязания, вкус ощущений. И благодаря осязанию, которое является самым универсальным органом, все мы знаем качества (как вы уже слышали) первичные и вторичные. Для этого они человеку и служат, потому что каждый из них помогает знанию и другой добродетели, которую называют воображением, свойство которого – попытка изображать тела, и поскольку практическое понимание со спекуляцией, таким же образом (другая способность чувственного духа) приблизительно с воображением. Есть и другая добродетель, которую называют Фантазия, она более благородна по природе своей чем воображение, но не является инстинктом, потому что она имеет сходство с образами, и их работа состоит в том, чтобы собирать и накапливать вещи, которые вам приносят чувства, и сделать для них небольшое выступление. Есть три грубые, которые возбуждают аппетит. Это воля, вспыльчивость и похоть (как вы увидите в четвертом диалоге),

но акт доброй воли свободен, потому что он делает то, что хочет из того, что понимание и разум предлагает вам, что охватывает вспыльчивость, что предлагают разум и фантазия. Но похоть и вожделение делают свои вещи, которые дано воображение и чувства, и интеллектуальный поступок совершенствует созерцание мудрости, а те, которые помогают размышлению – это наука и здравый смысл, потому что наука посредством опыта обнаруживает по следам вещи, которые создает природа, а здравый смысл нам объясняет в тех вещах, которые мы делаем или хотим сделать, но в уме фантазии некоторые философы говорили что есть мнение, каждое из которых называли сектой пронизательности, но великодушные и его пределы жадности, и расточительство подавляет дух и мужество, как мы уже говорили в другом месте, и страх, и сила, и безрассудство находят в раздражительности, а поразительная скорость движений и сдержанность в желаемом. И эти способности в понимании имеют дело только с правдой небес, происходящей из самой природы вещей, стесившая каждую точку для рождения, которое приносит пользу духу, всем чувствам, и всем другим способностям, не учитывая то, что одна из них в какое-то время захватывает функцию другой, так как пользу приносят все вещи, рассказанные для того, чтобы познать дестрезу. Поэтому зрение, слух, осязание и все внутренние силы без освобождения какой-либо из нее, приносят пользу оружию. Выслушав Молеарко и выступив по поводу функций, что способности сопоставляются с внешними чувствами, он сказал следующее: как в ранге дестрезы извлекают пользу из некоторых чувств больше, чем из других между внутренними способностями – нет ни одной, которая бы исключительно использовалась бы перед тем, как нанести большой вред? И, как мне кажется, воображение должно обидеть больше всего, по причине своей функции, которую имеет в попытке вообразить тела, которая движется с неистовством, как говорят инстинкты, в таком случае, чтобы быть проклятыми и много представлять тех, которые почитаются из-за силы воображения. Мы это четко испытываем, когда видим, что люди действуют или бросают делать вещи в соответствии с образами, которые сейчас видятся как грустные, потом счастливые, и когда-нибудь (когда неизвестно) вы используете много того, что приносит вред, не понимая своей выгоды. Хотя я понимаю, что воображение и фантазия, ответил Эудемиио, это всё одна вещь, как я слышала, и фантазию и воображение используют как необходимые. Я думаю, что чувство уважения можно задеть быстрее всех, когда вы говорите, и это потому, что в это время напуганные люди находятся в какой-то темноте, думают о страшных вещах, которые вынуждают их кричать, обессилев, как будто бы они на самом деле находятся перед тем, чего боятся, еще больше думая, что они наносят вред уважению испуганного, чем воображение и фантазия. Но что Мелисо сказал: вы знаете, что фантазия – это естественная способность чувственного духа, которая сохраняет разнообразие вещей, воспринимаемые сначала

особыми чувствами, а потом обыкновенным. Я не хочу говорить о том, где у вас орган, в какой части мозга и в каком желудочке, потому что я хочу сказать вам, как бы оценивая вещи, что обычное чувство не может судить, вызывая то, что никакая способность чувственного духа не может создать размышление о вас, хотя поступок один раз совершает. Другая способность более благородная, она очищает. И правда, говорит философ, что фантазия – это как вечное чувство и представление, которое оно получает. И не потому, что оно часть представлений, скорее часть преднамеренных и духовных разновидностей, где Св. Августин дает три вида фантазии: одна телесная, которая создается внешними чувствами, вторая духовная, которая создается воображением, и третья интеллектуальная, которая создается пониманием, и почему фантазия получает и сохраняет виды или сходства вещей с большим преимуществом, чем действия внешних чувств, и обычные чувства не означают, что рациональные способности являются благородными. Кажется, что эти благородством не обладают все животные, а только те, которые являются совершенными и обладают всеми внешними чувствами, потому что те, которые по своей природе этого не имеют, – им не хватает фантазии в подтверждение того, что говорит философ, что Мушкетеры и муравьи не слышат, и другие подобные не имеют фантазии. Хотя эта точка зрения не очень хорошо воспринята теми, кто говорит, что у всех животных есть фантазия совершенная и несовершенная, чем теми, которые говорят, что животные, у которых ее нет, – не имеют никакого прогрессивного движения, например, устрицы и мидии, и другие этого же вида. Хорошо, я понимаю, что фантазия – это сила, сказал Эудемий, которая заставляет творить многие вещи, недостойные мужчин. На что Мелиссо ответил: я не понимаю, что ни воображение, ни фантазия не имеют части в этом действии, а только воля, потому что средство, которое приобретает дух для того, чтобы стремиться к чему-то, и импульсы – это тело и его движение, человек с мечом в руке, который является инструментом, с которым он должен работать, и животная сила, которая должна побуждать, чтобы эти эффекты были распространены в нервах и мышцах. И кто распоряжается о порождении животной силы к действию – это и есть проявление воли. Чувствую, что у этих способностей нет ни воображения, ни фантазии, потому что, если вы хотите понять это, чтобы была сила воображения чувственного духа, нужно преодолеть волю, которая является самой свободной способностью из тех, которые имеют рациональный дух, и согласно этому совпадают в себе немного вещей воображения, чтобы действовать ни хорошо, ни плохо, имея другой объект, и будучи выше всего. Вы правы, ответил Аристарх, что причина эффективная и творение, создание – это проявление воли. Но вы не будете отрицать, что эффект, впечатление от этого согласовывается с воображением, представляя себе, что он действовал грустно или весело, сильно или слабо, боязливо или

бесстрашно, правдиво или ложно, что вы можете найти по опыту некоторых людей. А каждый из них может испытать это на себе, дает ли он повод для внушающего страха понятия, боязливо работая, и стоит ли ругать его. Кажется, что все его удары ошибочны, а противник должен принять все удары, потому что, страх является вспыльчивым, раздражительным движением, которое рассматривается в воображении, которое имеет качество зеркала, которое показывает вещи гораздо больше, чем они есть на самом деле, поступать в соответствии с изображением, которое оно нам показывает, за которым потом следует отчаяние, потому что по естественной причине, когда вы отчаиваетесь, то не получаете того, чего хотели. Поэтому получается плохо или вы вообще прекращаете работу, или если работа опасная, вы действуете боязливо, робко, и как мне казалось до этого, ответил Молемарко, что те, кому выпадает шанс работать, используют его, и вынимают из опасности большую часть. Вспомните, что я пытался насчитать шесть видов страха. Первый это лень, когда человек сторонится работы по любому случаю из-за боязни работы и говорит, что есть еще один страх – это страх перед опасностью. А так, в частности, с каждым из них. Мы оставим страхи, чтобы не наскучить вам с этим, и по тому, что вы говорите нам то, что извлекает пользу из соприкосновения с воображением или раздражением. Вам не кажется немаловажной вещью, сказал Чарлао, положение Бога, когда он добавил вспыльчивость и раздражительность к вожделению, потому что все страсти, которые вспыльчивые по природе своей, ориентируются на конец, где мы видим, что надежда и смелость вступают в связь, потому что трудно получить хорошую вещь, чтобы она не была препятствием, которое трудно довести до потребности с той манерой обладать чем-либо или использовать удовольствие, при которой его успокаивают и смазывают добродушием и мягкостью. Также отчаяние и страх упорядочиваются по причине неопределенной, потому что, приводя в отчаяние человека, который изображает отчаяние, он боится, оставляя одну часть на своем месте, которую они отводят вспыльчивой потребности относительно желаемого, в отношении его защитника и судьбы. Потому что без вашего хотения желание оставалось без оружия, и без того, кто его защищает, и без знаний того, что один человек собирается ссориться с другим, которого он воображает. Это будет вызывать страх, чтобы он слышал вещи, которые могут оскорбить его вопреки его воле или воображая вещи в самих оскорблениях, без того, чтобы каким-то образом помнить ущерб, который с их стороны может быть нанесен противнику. Потому что вы уже знаете, что, если человек с кем-то ссориться и если ему взбредет в голову, что противник хочет его убить, он заметит вещи, которые можно сделать, чтобы отказать от ссоры настолько, насколько это возможно. А когда победили его честь, люди говорят, что к нему придет гнев со слабой силой для защиты; что будет легко впасть в отчаяние, обидеться, потому

что собственное воображение подействовало на него так, как представлял его противник со своими действиями. Потому есть некоторые, которые говорят, что в чужих телах воображение является очень сильным, и не дая того, чтобы удивить, что в наших собственных телах есть предостаточно, как вы слышите. Особенно, если вы проворны в работе. Противник приносит противоположное воображение, как только желание смещается к своему мечу, видя трусов впереди, и рассматриваются как сильные и достигающие робости. Как вы слышите, очень легко обидеть, потому что, как говорят некоторые древние, и это ясное дело, что трус – это как пристанище для смерти, и чем больше он от нее спасался, тем больше она его достигала, а к достаточно смелому противнику благосклонна Фортуна. Вы правы, ответил Мелисо, вы подтвердили то, что я узнал посредством опыта, потому что я видел несколько раз, как некоторые утрировали это, а другие нет, воспринимая противника не менее квалифицированным чем первого, кого я очень боялся. А это правда, что я хотел бы знать, может ли быть какое-то правило, которым можно было бы воспользоваться, чтобы лишить духа, потому что нас воспринимают согласно тому, что я слышала много раз, что в руке человека находится рост страха перед своим духом. Тогда, ответил Чарилло, лучшее лекарство, которое я нашел – это никого не обижать, потому что, когда противник был со столь порочной совестью, он подстрекал вас приводить аргументы, которые свободно вывели вас без оружия из опасности, потому что он без разума, без осторожности входит в бой, и без них же и выйдет, и будет долго платить тем, что было вашим последним понятием защититься от противника, а именно, не упустить момент, так как человек чести, который бранится, должен думать, что другой должен быть позади, и не должен стремиться насчитать меньше страхов по отношению к тем, кто принимает во внимание ссору, если не наоборот, с тем, кто у него есть, потому что потом они не будут всеяты смелость в окружающих, видя, что он раздраженный, сердитый, и деяния не соответствуют мнению, которое у них было. Поэтому будет уместно не представлять себе, ни что ваш противник вас немного боится, ни что он должен был начинать большую ссору, потому что страх, который проходит через него, вызывает страх в нас, который способствует и увеличивает подозрительное воображение и, когда приходит время, они начинают действовать, видя вашего противника, у которого нет страха. Это увеличит то, что у вас есть, из-за чего может произойти большая опасность, потому что каждая часть тела – это как подруга, которая все хранит и воля, которая требовала животной силы, чтобы можно было работать с мечом, который дает страшное воображение. Неуклюжие движения исходят из ран, а не от каких-либо действий в защите, потому что каково положение силы, таково будет и действие, которое следует за ней. Прежде всего, страх уменьшает силу организма, лишает его духа и портит память, которую можно поменять на благоразумное

обдумывание, представляя себе, что другой человек тоже по той же причине следует за объектом, как вы. Поэтому он может перестать бояться и воображая это, вы можете утратить свой страх, хотя это правда, что в противном случае он увеличится. Потом, когда руки в работе, и противник и его страх дают вам понять, что вы немного боитесь и это увеличивает то, что он приносит, и вы видите, как он с непреклонностью уменьшает то, что имеете вы. А в опасности вы поступаете с легкостью, и усилия, которые вы делаете – это решение воли в сложных вещах, в которых в настоящее время ожидается смерть или другое великое зло, с целью преодолеть или обойти, не ища другие средства. Так, должно быть больше усилий, чем необходимости, где она растет, проявляется в силе и достигает вашего духа с помощью правды, понимая то, что человек трус, потому что представляет себе то, что вы можете ему сделать и наоборот, когда он старается изо всех сил и оказывает доверие, когда представляет себе, что собирается сделать противнику. Тогда, Эудемий попросил Чарилео рассказать, с какими видами понимания он работал и что нужно было еще сделать в дестрезе, потому что он уже знал, как он обрел истину. Он также изложил ему ссоры, цель каждого понимания и совершенство своих действий. На что Чарилео ответил: мне уже кажется, что я мог бы радоваться, в зависимости от времени. Я об этом много говорю и сейчас пришел в отчаяние больше, чем когда-либо, потому что вижу, что с приходом ночи это приумножает сомнения, что, кажется, должно было больше расстроить меня, чем объявить о желании, которое должно было вас удовлетворить. Но все-таки он будет радоваться, несмотря на то, что это за мой счет нужно свести к мнению человека, у которого есть соответствующее повиновение своим друзьям, что не является суровым и строгим в том немногом, что есть и что он делает, чтобы не быть как некоторые, которые жестоко используют свою власть и самонадеянность, с которыми они имеют дело, потому что они не всеяют смелость простотой и непринужденностью, спрашивая у них вещи, чем характеризуют их как хитрых и прямолинейных, которые знают, что их игнорировали, обязывая понять их (если это правда, что подозрение обязывает). Я хочу дать то, что вы просите, потому что вы два раза делали свою работу не слыша, не соблюдая порядок, до того, как вы возложите руку на какую-то работу, имея эрудицию, остроумие, чтобы милосердно судить о тех, кто с такой строгостью, точностью использовали свои документы, что мне было достаточно объяснить часть истинной дестрезы, которая всеми игнорировалась. Они не хотели, чтобы я сейчас использовал экстраординарные вещи о профессии фехтовальщиков, несмотря на то, что по существу они не далеки от нашей цели, хотя затрагивают многие точки в единомыслии дестрезы и приходят к пониманию. Я говорю, что это свет, который Бог вселил в душу, которая подобна чистому листу, где нет ничего написанного, согласно Аристотелю, чья профессия и действия всегда открывают правду, что является

его целью, которая делит его на агента и его возможное понимание. Агент - это тот, кто создает универсальность во всех вещах и по привычке обнажает вид изображений и возлагает вещи в возможный интеллект, потому что как оно того требует свет обнажает сходство цветов и приносит их в поле зрения через визуальные лучи. Таким образом, понимание агента (свет души) предоставляет все обналиченные и отличные от фантазии представления в возможном понимании, что является последним из абстрактных пониманий. Но нужно понимать, что воображение и возможное понимание не имеют мощности одного вида, как говорили некоторые. Это является основанием того, что одно - это сила и способности чувственного духа, а другое это сила и способности рационального духа, что и называется возможным понимание, потому что можно получить подобные представления, но спекулятивный ум и практика оба состоят из познания. Больше они отличаются тем, что спекулятивный ум знает, что это правда, потому что так и есть, но практический знает правду, потому что это хорошо, так что он без спекулятивного ума это правда, а без практики - работа. А от того ты знаешь, что справедливо, а с другой стороны, ты живешь хорошо и смертно. Я освободился от обязательства, которое было на меня возложено, и понимаю, что хотя я не совершенен во всем, частично я удовлетворен, потому что Мелесо, как человек, который часто посещал исследования философии, познал много вещей, которые приходили на ум, и он сказал: кажется, что поверхностно проходит то, что касается смысла и его частей, и тех, кто имеет их такие же хорошие, как и вы. Не справедливо оставлять вопрос, который этого не касается и говорить слова, брошенные невзначай, как вы делали в дестрезе. После того, как Чарилас увидел решимость своих грузей и ни о чем не подозревал, он освободился от обязанности отклонить замысел. А хотя он следовал работе, сказал, что только поэтому он бы порадовался, не пытаясь в рассуждения. Ты предпринимая и видишь сейчас намного больше, чтобы использовать то, что осталось, потому что знаете лучше, корректируя недостатки и оплошности, которые были в моем выступлении. Я не такой высокомерный и надменный, и не устаю от собственной славы. Он думает, что недостатки и оплошности были маленькими и незначительными, хотя большой недостаток, который я нашел - это непринужденно и раскованно говорить в вашем присутствии. Но извините мою дерзость, если вы считаете, что я делал это больше из-за повинения и из вежливости к дестрезе, чтобы показать вам, что я также понимаю, что вы знаете и долго учили этому, потому что только из-за этих вещей и еще от других я знаю, что больше соответствует выводам дестрезы, потому что без нее ни одна вещь не может оставаться среди людей, ибо причина - это сила духа и от его имени понимают причины самых отдаленных вещей, не только тех, которые присутствуют в мире, которые вызывают чувства, но которые на небе. А бродячи божественным разумом имеют самое

высокое и основное место, откуда они понимают божественные и человеческие вещи. Это является действием, которое используется только для исследования, чтобы донести истину и служить ей. И для этого у вас есть два различных действия, которые целесообразно знать и провоцировать. Так что, возникает причина и есть некоторые хорошие или плохие вещи, которые будут познавательные, но иногда они могут произойти позже и определить, что это вещи хорошие. Так что, когда они включены в работу – это называется мотив. И если вы продолжаете свои действия не только, чтобы судить вещи хорошие, но и те, которые нравятся и страстно желаете, называя это своеволием, потому что включают в себя разум и желание, служат причиной советницы и желанием дамы, что делают всё, что кажется более свободным от всех способностей, потому что она повелевает, как мы уже говорили, животной силой при движении местоположения, и силой чувств, то не хватает ее власти в возможностях вегетативного духа, без которых не удержит свое владычество, потому что питательность, генеративность и увеличение не по нашей воле более естественно создают свои эффекты. Мы оставили часть, где объект воли – это то, что хорошо, но, чтобы хорошо понять, нужно этого хотеть, и не существует деления на естественную и обуславливающую часть, потому что вы знаете, что дух действует в соответствии с различными способностями, которыми он обладает, и таким образом, знает правду со стороны спекулятивного ума и практического. Это внушает любовь к хорошему и обуславливает хорошее с плохим, а истинное с ложным, разделяя эту разницу с сознательной причиной с помощью воли, находя средства к вещам с помощью остроумия, ориентированного на хорошее. Таким образом, порядок, который приносит дух в свою семью, это то, что он следует тому, что ум получает воображение, которое он представляет, и ищет знания, формы и мастерство, судит доводы и аргументы, хранит память, пробуждает воспоминания памяти, и постигает ум. И всё это приводит к созерцанию, так что душа знает вещи, которые присутствуют благодаря ощущению и отсутствуют благодаря воображению. Также, дух имеет другие действия, которые принадлежат телу, связанные с тем, чтобы знать существование и развитие, благодаря естественной способности, знать чувство благодаря животной способности, а жизнь – жизнедеятельности. Так что какая сила, такая и цель как мы видим в сущности, силе и в действии, у которых есть этот порядок, что из сущности выходит сила, а из силы – действие. И если будет действие, то появится и объект. Вы уже видели часть материалов, на которых формируется гестреза, и поняли роль и функцию каждой из ее частей, и слышали проявление духа и функции, которые есть у каждой способности. Творят, всё сообразно краткости времени, потому я оставляю то, что осталось, чтобы рассмотреть в остальных книгах. Наконец вы знаете, исходя из наших рассуждений, что одна часть гестрезы состоит из искусства, а вторая из опыта,

который касается искусства. Это и есть постулаты и истинные основы, которые образуют те, которые никогда не меняются, согласно Аристотелю, что сила не превращается в слабость, а слабость в силу, потому что не может быть двух противоположностей в одном предмете. То, что касается опыта - это усердие при выполнении задачи, быстрота, живость в движении, отвага и мужество в опасности, мимолетность и недолговечность в достижении хитростей, легкость выхода из предвиденной ситуации, советы по одним и тем же вещам, чтобы адаптироваться в зависимости от места и времени, никогда не делать в дестресе то, что не можете доказать, и чего не понимаете, ведь в опасной ситуации нужно будет уметь совершить хитрость. Я хорошо понял всё сказанное здесь, ответил Мелисо, и заключенный, и отступленый, которые вы показали, - я этим очень доволен, вы настолько ясно показали величие мастерства (дестрезы), разрешая сомнительные вопросы, которые мы должны были понять, как они могли бы быть полезны вещам, обязательным в науке дестрезы, несмотря на то, что я также говорю, что это неподходящее место для подробностей и частных. А это причина, почему я не отвечал и возражал. Но теперь я всё знаю, и тело отрегулировано под разные положения, которые мы раньше не делали. Вы теперь с легкостью знаете, как можно выиграть, ответил Чарилло, и с какой стороны правильной будет нанесен удар, потому что понятно, что ударки, даже если вы знаете, что это движения, имеют сдержанность различных линий, и каждая линия имеет свою природу, которая характеризует раны, образуемые от движений: тяжелые, острые, тупые, комбинированные, огибающие, и каждый вид движения применяется разной частью тела и, два поражения имеют свои импульсы, которые приводят нас в движение. Поэтому они должны быть применены к каждому поражению или движению, что в природе точно также, чтобы распространение было верным и в обратном направлении, потому что, если движение другого типа и неодинаковы по духу, в котором мы понимаем и изучаем раны, то дух будет совершать глупости, хотя вы знаете многие вещи. Поэтому в теле это все регулируется, во всех очертаниях и положениях касательно движений, которые создают дистанцию до всех универсальных безошибочных вещей против всех очертаний, позиций, движений, размеров ран, чтобы сомневаться в защите и атаке противника. Это служит универсальным во всех позициях при любой ране, которая была сделана. Этим путем, сказал Эудемико, и идет дестреза, так как это наука, она не имеет отношения с глупыми людьми, потому что в руках глупых ее уже нет. Теперь осталась только сохранить ее для людей благородных и мудрых, которые сегодня и впоследствии будут оценивать дестрезу и все выдуманные вещи. Осталось только вернуть ее в прежнее состояние науки и совершать меньше плохих вещей, прогоняя пороки, потому что искусство - это мастера добродетели.

КОНЕЦ ДИАЛОГА
ОБ ИСТИННОЙ ДЕСТРЕЗЕ.

ИЕРОНИМО САНЧЕС ДЕ КАРАНЗА

ФИЛОСОФИЯ ОРУЖИЯ

И МАСТЕРСТВО ВЛАДЕНИЯ ИМ.
ХРИСТИАНСКАЯ АТАКА И ЗАЩИТА.

ДИАЛОГ № 2

ВТОРОЙ ДИАЛОГ ГЛОБАЛЬНО
И В ЧАСТНОСТИ РАССМАТРИВАЕТ ЛОЖНУЮ,
НЕНАСТОЯЩУЮ ДЕСТРЕЗА, ОБНАЛИЧИВАЯ
ОБМАНЫ ОБЫЧНЫХ ФЕХТОВАЛЬЩИКОВ
И ДРУГИЕ ВЕЩИ.

ПРОЛОГ КОМАНДОРА
ИЕРОНИМО ДЕ КАРРАНЗА
БЛАГОРОДНЫМ
ДВОРЯНИНАМ

Эная ущерб и опасность, принятые во внимание от беспорядочного самонения, высокомерия невежественных людей, которые со всей осторожностью во всеуслышание всегда следуют этому, – мне всегда казалось, что никакая сила остроумия или красноречия и никакие замечания не закаляют волю и желания, когда примеры предлагаемых работ и мест находятся перед глазами людей. Я хотел выразительно рисовать с теми же цветами, к которым привыкла жизнь, и дестрезой поддельных храбрецов, чтобы они увидели это с новым желанием и терпением, и изменили стиль своей прошлой жизни, преобразуя ее в грубую, новую форму действия, сохраняя сопровождение грубых сторон, которые больше приносят пользу, чтобы добиться славы, служба Господу Богу и более пригодны для общего блага. И сегодня всё больше людей избегают таких людей, наглых и высокомерных по природе своей, которые находили подготовку в грубых, которые считали хорошим вред, который они делают и запоминают; что они говорят и верят в ложь, которую придумали, чтобы делать то, что хотят, в соответствии с разнузданной энергичностью своих низких желаний, не боясь быть наказанными в какое-то время, ибо ни одного благородного человека нельзя с ними сравнить, которые собирают всю смелость и дерзость, остеливаясь говорить и делать зло, которое им кажется добром. Справедливость для них менее драгоценна, потому что они уже опоздали ее и столкнулись с причиной небрежной добродетели. Они следуют за своей поврежденной фантазией до тех пор, пока не окажутся в опасности, и, опьяненные сладостью своих беззаконий, принимаемые их представителями, которые беззастенчиво говорят всё, что придет им в голову, окруженные невероятной наглостью всех людей, которые к тому же еще и невежественные, видя, что они делают зло, которое хотят, и избегают победителей зла, которые предпринимают меры. Они и являются авторами лжи, которые без наказания уверенно целиком отдают себя греху, и с ней

– всем порокам и дурным привычкам, руководствуясь подлостью с беспорядочными порывами и импульсами, посредством которых очень быстро можно поставить в опасное положение свою жизнь и честь. А некоторые стыдливые подвергаются упрёкам, чтобы впредь быть более осотпрительными и не попадаться в подобные цепи, а возбужденные подмастерья с желанием и слабой похвалы получили больше тужества и смелости, чтобы показать себя с достоинством, всегда указывая на молодых тужчин, превращая природу плохого чувства в благородную и постоянную привычку добродетели. А это станет для всех примером, который подавляет беспорядочные импульсы и желания молодых тужчин подмастерьев, которые нарушают повиновение, останавливая, словно в узкой камере тюрьмы, их припадки и безоглядную дерзость. Жесткость их характера ты не можешь укротить силой, тяжесть времени добродетели послужит причиной, почему у них будет больше внимания и беспокойства на пути следования курсу своей жизни, избегая таких разговоров, обижаясь на служение Богу. А их жизнь всегда приносит рискованные шаги, потому что это очевидная и известная вещь, что они тужчины, которых это сопровождало еще с молодости, потому что будучи юношами – у них нет опыта, но будучи старше, у них появляются желания к большим вещам, как будто большая их часть привыкла быть великим интеллектом и умом, и они легко переходят на личности, развращая чистые намерения и желания высокомерием и заносчивостью, которые ослепляют и приносят многое, что может быть отличным и оставляет след в молодых тужчинах. Но обманывая их, ты думаешь связать себя с грустными вещами, что гораздо проще, подтверждая в прославленном названии силу и тужество, которые не настолько нечестно предоставляется всем, кто стремится быть в их числе, как если бы он не увидел и не понял, исходя из опыта, что они всегда порождались по большей части своими братьями и отбавными быками и лошадьми, создавая силу своих родителей, а свирепые орлы никогда не порождают трусливых голубей. Но каким способом это достигается или прилагаются усилия в пользу искусства или предается то, чего они из-за отношения духа явно не могут достичь или покончить с людьми, обвиненные в том, что они жалкие от такого тщетного воображения и лжи, которые они постигают в своих умах. А, если на случай это предлагается много раз, – я видел, и полагаю, что некоторые из них имеют необходимость достижения точки этих трагедий, которые проходили в их фантазиях, которые были потерянны, как будто бы их было легко представить и предложить понимание. Они сделали бы это и ввели в работу, как если бы это были бесполезные мечты. Во время нужды они далеко находятся от памяти, оставляя их беззащитными посреди опасности, используя затем свое оружие, дерзость, высокомерие и угрозы с тем же эффектом, как видит это олень, ибо вещи довольно странные. А опасности, которые возрастали для многих людей настолько упорных и настойчивых в своих дурных наклонностях, что их почти не

приходилось исправлять, кроме как корректировать враную и сдерживать их. Мне кажется, что было бы хорошо подражать в этом древней традиции, когда спартанцы часто ставили парком молодых мужчин с общественными пороками. Слуг заставляли пить много чистого вина до тех пор, пока они не были пьяны и без чувств, и, придерживаясь этой манеры, их таким образом сугасбродных и яростных отводили туда, где находилась молодежь Спарты, чтобы осматривать и постигать зрение и образ очень безобразный и некрасивый, и для чего в бреду и пьянстве рабов они видели свое изображение, представленное нечеткими смазанными примерами, в которых они чрезмерно презирали такую мерзость, потому что, как говорит Анахарсис, чье остроумие по-видимому не выросло в жесткости характера и излишнего невежества варвара скифии, а больше порождалось в полиции и либеральных дисциплинах Греции, – было бы пересажено воздержание мужчин от вина, если бы они выставили перед глазами неуклюжие движения одурманенных выпивкой. Так, в настоящее время я выставляю перед глазами толпы плохую жизнь и продажные обычаи тех, кто с таким беспорядочным отношением упивается в сладость пороков. Мне кажется, что вводить в заблуждение молодых мужчин с нынешними примерами будет состоять в том, что сегодня это более отвратительная, противная жизнь тех, где ухушения и необъятная дерзость наполняют главную часть города, мешая спокойствию и умиротворенности многих, и мешая там, где для греков истинный путь – путь добродетели. Тех, которые, по крайней мере, постепенно корректируются путем внесения поправок в некоторые из многих пороков. Итак, ты прекращает оглашать это в любимом занятии, где завтра будут главные болезни по курсу политической жизни и познание изобретательности и находчивости, которые начинаются какие они есть, где можно узнать, что плохой возраст легко отпечатывается на поведении. И это правда, что те, кто в нежном возрасте не зрелые (во младенчестве), такие должны постоянно учиться. И так пожизненно, по ним можно четко судить каждого, по причине ли возникает такая бдительность в этом случае для того, чтобы привить здесь и на будущее в души молодых людей то, что закаляет: любовь к добродетели и что не портит привычки. Это действительно хорошая гестреза, которая способствует возникновению в них любви к добродетели, и это четкое понимание и истинный выбор чистых и честных мнений. И будет расти в них с таким же желанием аичность увеличить добродетель и, наоборот, уменьшить недостатки, как будто это только для пользы ближним, а не для себя они были рождены. Хотя с другой стороны мне кажется, что это неблагодарность вольгарных фехтовальщиков, из-за которой их порицают, что не знают великих преимуществ, которые получают, не понимают пользу наставника, что из этого получится, не принимая полезные советы, не оценивая примеры по реальным правдивым вещам, которые, чтобы убедить их, представлены перед

глазами. И это правда, что те, кто за свою большую работу получают от невежд и завистников упреки или презрения, как компенсацию вознаграждения, что справедливо, они имеют большой шанс потерять впоследствии душу. И я часто видел, как некоторые, которые придираются, – теряют силу, что хотят продолжать честные и плодотворные труды добродетели... но ты в этом видишь сигнал, который хорошо указывает на других, которые беспричинно плохо усваивали или плохо проявили себя, давая всем ученым и благоразумным людям свое мнение для публикации. Можно легко судить о том, что было видно в зеркале и что реагирует на изображение, которое мы считываем, представленное без прикрас. Хочется спорить с автором как с универсальным порицателем общественных пороков, потому что невежественные фехтовальщики позже потеряют свои древние привычки и обычаи, и больше будут вынуждены изменять свое поведение, почти заставленные с одной стороны законом, а с другой – путем разума и добродетели, и это не из-за неискренних чувств людей, которые часто снискивают чье-либо расположение, льстят другим и по сходствам привязываются к своим порокам и закрывают глаза, по причине того, что они следуют по обыкновенному, низкому пути, не иначе, как если бы они имели просвещенные и превосходные достоинства. Всё это я говорю потому, что человеческое состояние такого качества, что, когда однажды будет падать, не будет иметь конца или какой-то середины, не будет останавливаться, пока не будет предано порокам в самом плохом конце ущерба. Только жениться на том воображении и сумасшедшей мысли, которая больше состоит из тщетной тени счастья, которую невежды себе представляют как правду и истинную славу добродетели, в которой была причина того, что мы могли бы быть склонны не ложно тиранить репутацию, которая принадлежит хорошим и добродетельным людям, которые владеют своей собственной, потому что те, кого уговаривают и все другие, кому удовольствие, безделье и порок приносят управление своего своеволия, они завидуют тем, которые могли двигаться без усталости по тесной тропе добродетели, спускаясь с плохим духом. Были люди, у которых есть и которые идут по этой тропе, чего им самим не хватает. Честь и достоинство под многими предлогами узурпированы обманами, понимая, что уважение, почтение достигаются от предательства и зависти также, как и за счет силы и истины. Но я больше говорю тем, кто обманывает публично, что, хотя тирания – это очень сладкое место и состояние, где все кротко завидуют, что доставляет удовольствие, и не имеют ни другого выхода, ни конца, а только просторный вход в преисподнюю. Но те, кто принимают такие предупреждения, потому что они похожи на людей, они потом имеют больше уважения к предмету или частному лицу или используют подобные обманы с людьми, достойными серьезных наказаний, и которые подавляют публику. Но мне кажется, что положение в этом методе находится против молитвы вульгарного

фехтовальщика, и в соответствии с опытом я достиг того, где опытные и впредь предупреждаю и приобретаю истину этих повреждений и живу более спокойно и миролюбиво. Я уже понимаю, что необходимо, чтобы с этой причиной молодые юноши, добродетель, хорошие привычки, которые растут с возрастом, и больше подтверждаются в добрых делах, давали хорошие результаты им самим, общему благу и славе Богу. Уже в прошлом ты решил все сомнения, которые были выдвинуты против деспотизма и попробовали основные вещи, которые касаются теории, чтобы объяснить и изложить это, особенно в других местах, видя сейчас, что зло никогда не теряется, не стучается, а постоянно растет, не довольствуясь той правдой, которая была изложена в первом диалоге. Мне казалось, что в этом нужно также показать причину ошибочности тех, которые имеют по меньшей мере плохую ошибку во всем, в чем они признаются, и тех, которые игнорируют то, что состоит из здравого смысла в знакомстве с людьми, потому что только те, которые восхищаются мудрецами, знают свое невежество, и поэтому они также ясно видят, как они не находятся в большей части того, что есть в деспотизме, где не подражают вульгарному фехтовальщику, чье невежество всегда основывается на его принципах и законах, где лучше обращаются и более естественно с теми, кто может создать секты и обычаи ложных фехтовальщиков, описывая живую свое обращение, чтобы те, кто видит это, смогли откорректироваться и исправить свою жизнь. С сегодняшнего дня и впредь, те, кто их не знает, увидев это, боялись войти в лабиринт столь запутанный, где находится наибольшее зло из всех зол, что может быть у человека – это ложное мнение на то, что нужно в жизни, потому что нельзя с правдой говорить Артему, что наука не основывается на доводах и аргументах, ни состоит из необходимых принципов. А, чтобы лучше понимать, – вульгарным фехтовальщикам не хватает многого, когда возникает случай, который мы берем во внимание как часть истинной деспотизма, объявляя ложным их своеволие. Так, повсеместно и в частности, мы снимаем маски с профессоров, с которыми они до этого момента обманывали весь мир своей ложью, и мужество имеет вид полной силы деспотизма, чтобы действовать и создавать истинные вещи, которыми она обучает. Становится необходимым то, что дает закон, потому что они знают свою ложь, а люди благоразумные навсегда дали им свою руку, как людям, которые не знают, где будут аргументы и доводы, которые меньше знают, куда должен идти меч, что основывается на этом, не полагая, что это фехтовальщик, пока он не окажется в опасной ситуации и не докажет, что это решающий критический момент, для чего была выдвинута наука и проделан опыт, полагаясь на чье-то поручительство и доктрину, которая обучает, потому что величие деспотизма и ее истинных результатов больше состоит в хорошем использовании, владении и мужестве фехтовальщиков. Некоторым может показаться любопытным бесстыдностью писать об этой работе высокими и новыми

категориями, связывая материалы с диалогом о ложной дестрезе. Они считают, что это каким-то образом упраздняет оценку автора, которая не была без советов, потому что он общался с учеными и религиозными людьми. А, хотя некоторые из них были равнодушны вначале, – потом они увидели причину и поняли исправления и изменения, к которым их призывают, заявляя, что необходимо обуздать пороки, нечестие общественности и помочь с желаниями, склоняя к части большинства с мнениями, и со всем, обобщенным мною. Я был назначен это выполнить, потому что, если ошибиться в железе, и если было более квалифицированно искать для каждого возражения и извинения, то это положение всеобщей коррекции для всех государств и народов.

Второй диалог рассказывает о лицемерии смелых и отважных и их развращенной дисциплине после того, как Чарилло, как опытный в назначении оружия, объяснил любую часть настоящей дестрезы. Все было очень довольно его доводами, аргументами и утмозаключениями, продолжая обсуждать одно с другим, находя в этом большую достоверность, точность и частичную истину. Они также хотели бы видеть демонстрацию мастерства, чтобы продолжать использовать это со всей тщательностью и усердием. А с этой жаждностью к знаниям они выделили во дворе один день, который начинался намного раньше, чем обычно, и после они пользовались аргументами и сомнениями, что доблестный герцог обращался с ними как с теми, кто знал полностью части истинной дестрезы, и очень радовались насыщенным слышенным ответам, которые они давали относительно всех вещей, которые предлагались, с охотой и редкой любезностью. Они почитали это больше после того, как выслушали мессу. После этого он дал им увольнение, и они пошли вместе на своих лошадях к месту, где были накануне, разговаривая по пути о рассудительности и находчивости, с которыми этот принц дискутировал о вещах кавалерии, превознося и расхваливая каждую часть, не найдя того, что было общим, прежде чем все части оцениваются как превосходные и отбираются те, которые упорядочиваются по своему величию, и те, которые выходили за пределы дозволенного, учитывая его великий ум и поразительную изобретательность, постоянную энергию и настойчивость, которой он обладал, чтобы делать зло лошади с обоими седлами, чтобы упражняться в оружии, обсуждать музыку, продолжать охоту за птицами и убивать и травить зверей, и в этом они не церемонились. При своем большом желании они всегда ожидали что-либо использовать, что было бы более опасно и сложнее тем, кто целиком украсил свой нежный возраст. С этим он был признан достойным не менее славной памяти, чем мир дает своему прошлому, пообещав придавать значимость большим вещам. А несмотря на то, что они перестали в частности использовать редкие части, чтобы заниматься в дестрезе, – не поэтому они восхищались его величием. Он доволен, что дал им это соображение, приходя на место, где поднимались новые беседы в восхищении тех, кто должен был иметь

это за день до этого, когда он отгонял их от мысли о пришествии человека, которые, хотя сначала были несколько расстроены, но после того, как поняли его юмор – очень обрадовались, и им крайне понравилось его обращение. Он был мастером оружия, с которым Чарилло договаривался о том, кто туда приходил, чтобы немного удовлетворить своих грузей, которые покачивали головой и кривили рот по обе стороны, трогая свои усы. Рука на бороде описывает много витков и движений мечом крупными шагами, просторно для тех, кто не знает страха и, подойдя очень сосредоточенно к ним, глаза их были открытыми, они находились в странной позе с левой ногой впереди. Я говорю с ними серьезно и осторожно, голос мягкий не только от восторга, который я им внушил.

Эудемио спросил, чего он хотел, и маэстро ответил, морща лоб и кривя рот, держа шляпу в руке, что я прихожу сюда, потому что мне приказали и я обязан это делать, в основном, чтобы было что-то, в чем мы могли бы быть полезны сеньору Чарилло, выставляя мне сюда эти зацелованные руки, что я должен быть больше, чем мой отец и вся моя родословная. Если вы сказали правду, больше уже не нужно говорить об этом. Я благодарю вас, учитель, сказал Чарилло и знаю, что этот джентльмен, указывая на Эудемио, любит вас за то, что я сказал, что вы знаете науку оружия. Поэтому, если он хорошо это знает, сказал он, то то, что есть хорошего в нем, с причиной, – так и будет, потому что это будет приносить пользу крестникам и многим грузам тысячами вещей на каждом шагу. Тогда Полемарко, который его хорошо знал и обладал сведениями о его храбрости, попросил Чарилло пойти туда, потому что учитель пришел, видя, что у него не было уважения, и говорил некоторые вещи, которые должны их обрадовать. Чарилло, чтобы угостить им, ушел оттуда, говоря маэстро, что я пойду по делам, которые были предложены, потому что они не бездействовали. Все объяснил Эудемио часть секретов дестрезы и мужества. А вы должны быть судьей и свидетелем в этом деле, хорошо слушать то, что говорил учитель. Это принесет нам большую пользу, потому что вы не можете подозревать обман в их ловках и хитростях, которые так искусно устроены, что в каких-то частях даже не были обнаружены. Удите с Богом, мой сеньор, ответил учитель, и не сдерживайте множество, повернувшись к тем, которые остались в страхе, видя вашу фигуру и говоря Эудемио: или вы милейший человек, большой любитель оружия и поединков, или вы фехтовальщик, но к счастью вы преуспели в некоторых уроках одного хорошего сына в этой жизни. А у вас не было опасения, что мы останемся одни, потому что только я среди всех знаю его, который среди всех знаком с истинной дестрезой. Я хочу брать уроки, и вы окажете мне великую честь в мире, если будете обучать меня, потому что такая хорошая рука, как ваша, будет большим преимуществом. Я так считаю, сказал учитель, и посоветовал это вам, потому что мне кажется ясно, что вы человек прямодушный и хороший груз, который когда-либо был. А потому я

подозреваю, что вы заслуживаете быть учеником, расскажите мне о своей жизни. Эудемио ответил, что между нами такого не будет, потому что я уже ваш друг. Чарилло знает что-то об оружии? Я должен сказать искренне, ответил учитель, что вы разумный молодой человек, и поединок хороший, хорошо понимаете то, что есть, с другом общались о некоторых вещах. В конце концов он что-то знает, но у него нет руки, которая проведет его через дестрезу к тому, чему учат в тайне, к выпадам без парирований. А некоторые из учителей не очень хорошо думают о том, что они знают. Всё это ничтожное, зато хорошее сражение. Они просто беседовали, он его не тестировал. Я здесь, среди вещей, которые забыты, и если он хочет узнать правду, он должен продолжать брать обычные уроки, с которыми мы все уже знакомы несколько дней, но здесь я не понимаю, он занимается фехтованием очень быстро и одни и другие ломают голову, что такое геометрия, и то, что уже найдено это не правда в дестрезе оружия. Что такое геометрия для вашей жизни? Чужой ли это человек? Не говорите тем, кто задает мне вопросы, что я не знаю кто это, потому что меня воспринимают потом как идиота, но также есть двадцать из них, которые говорят, что знают его, но, если существует чужой, который был выдающейся личностью в оружии и красочно описывал всё фехтование, то меня это радует, потому что это красивая вещь. Также меня хвалят грузья. Большего я не знаю из того, что он мне говорит, кроме того, что это все ветер, ничтожность то, что он знает, и что знаю я, это всё одно и мы вышли из одной толпы людей. Он стеснялся надо мной, он хочет со своей хитростью и изобретательностью сравниться со мной, навязывая на этом пути пятерых, которые по правде говорю вам, забыли хитрости в моем присутствии. Творю это не потому, что я знаю, что не буду цадить себя, а потому, что вы можете дать мне, подтверждая это во всех своих делах со мной. Я был его посредником в сто тысячный раз, и я восстал из праха земного, и теперь он мой сеньор даже, если он всю жизнь признавал меня хорошим сыном. По правде говоря, сказал Эудемио, как и все я был обманут, потому что некоторые говорили мне, что он много знал об этом и что у него никогда не было учителя. Вы можете убедить в этом сами, видя разницу с самого начала до мастерства. Учитель сказал, что может он и знает этого парня, которого мы не знаем? Всё, что от оружия это не раны? Раны есть у меня и у этого человека, противники знают удары наотмашь и в обратном направлении. А я понимаю, что это для вашей жизни всё в одном, и они дают много хорошего и плохого, и все они имеют названия, потому что ему кажется, что лучше грубость и неотесанность, чем обман, и мы это видим, потому что они не должны иметь никого, кроме меня, потому что в моем присутствии эти фехтовальщики не разговаривают. Это потому, что они боятся, что, если я скажу, что ни один человек не родился и не родиться, - меня поймут. Также я знаю то же оружие, и профессора по этому оружию отдают мне его.

Очень внимательно Молемарко нравилось то, что говорил учитель, но я прервала его, говоря, что Чариллао не фехтовальщик, что он пользуется этим больше только для своего удовольствия, что только для его оценки и мнения он это знал и делал без вознаграждения, чтобы много раз в шутку и всерьез испытать их. А меня не пугает то, что вы говорите, потому что я знаю, что добродетель иногда меньше обнаруживается и больше оценивается одними и поносится другими. А вы в этом такие невежливые, грубые, как некоторые невежды, которые, не находя ошибку в этом человеке, дают ему это название, когда его спрашивали, порицая силу, не иначе, как если один идиот от зависти говорит другому, что у того этого не будет в ближайшее время. Пойдите подумайте над ним, ибо из того, что вы говорите, ответил учитель (если мы хотим сказать правду) я не видел ни одного, ни другого, и другие мне это сказали. На это, ответил Молемарко, Чариллао приобрел славу и доверие основных людей и людей знающих, и в его случае это не мнение других людей, а правда, проверенная опытом, но они не принимали это во внимание и не использовали, потому что они им не равня, потому что я с серьезными и благоразумными людьми не похож на невежественных фехтовальщиков, которые судят вещи без страсти, лишены всех видов зависти. Это не было хорошо (говорит сейчас сеньор как ответил учитель), когда мы судили всех, чтобы у вас не было ничего, что сказать против него. Было бы хорошо, ответил Молемарко, если бы и вы и те, которые говорят, поняли друг друга, а в соответствии с вашим мнением, Чариллао поступала плохо, когда что-нибудь случалось, чтобы не дать публичного восхваления, чтобы предупредить всех, чтобы они знали и видели, и обнаружили, почему вещи, которые он делал – пошлые, обыденные, а сброд не мог иметь их, потому что они были для них недостижимы.

Посмотрите, учитель, что они не те люди, с которыми следует стремиться к доверию, потому что, если они этого достигнут, вы бы поняли, что Чариллао еще один такой же, как они, и те, кого он не знает. Как можно узнать достоинство других, не оценивая его, и знать, что он нарочно допустил с ними плохие вещи, чтобы показать разницу, потому что то, к чему должны стремиться хорошие люди – это отделиться от плохих. Вы бы не хотели столько хвалить тех, сказала учитель, кто хочет испытать дестрезу в астрологии. Это сделано, ответил Молемарко, чтобы говорили не фехтовальщики, а только ученые, образованные, знающие люди, несмотря на то, что вы хотели сказать, что философия – это всё: со всем этим, ответил учитель, меня немного пугает вещь, которую он делает из всего того, что он говорил о своих способностях. Он не был со мной, потому что я слуга, больше, чем должен был быть, если Эудемиио начал заиславить на Чариллао и слышал все, что было сказано. Только он рассказывал, хотя он настолько хороший слуга, что выносил, терпел плохих людей, чтобы не сравнивать себя с ними. Я очень хорошо знаю, и он знает, что я его слуга сто тысяч раз. Я подтрунивал над вами, но давайте

оставим это и спросим Эудемио какое оружие ему нравится? С какого оружия он хотел бы начать? А Эудемио ответил, что это оружие – меч. Он и другие смеялись с трусости учителя, а учитель потом сказал: я грешник, и раньше всех этих вещей я думал, что нет никого, кто знает больше, чем вы, ни того, кто может вам противоречить в том, что это для того, чтобы иметь уверенность в том, что вы много знаете. Но вы знали, что останетесь с уверенностью, что мы делаем успехи в оружии. Возьмите тогда меч, и знайте, что этот меч, которые все носят, во всем похож на тело человека. Сначала набалдашник на рукоятке похож на голову, и как человек без головы не имеет жизни, так и нет смысла в мече без этого набалдашника, от него так не будет никакой пользы. Рукоятка похожа на тело, а выступающие части гарды похожи на одежду. Он нам показывает руку от ударов и камней, как вы показываете одежду от холода и тепла, и так во всем остальном, чего это касается. Вы теперь знаете больше, что от гарды до острия это называется меч, а на языке хороших людей то, что находится между гардой и набалдашником на рукоятке (которые некоторые называют яблоко), называется клинком (лезвием). Вы называете это рукояткой, и обратите внимание, что меч ранит, а рукоятка нет, даже в тысячу не было. А кто знает, как использовать меч и все его части, как использовать тело человека, тех называют мудрецами оружия и уникальными в дестрезе. Никого не осталось после того, как это сказала учитель, и Эудемио, имитируя смех, сказал: действительно, это манера использования является очень полезной, и более новой, и крайне важной для тех, кто хочет быть фехтовальщиком. У них есть хороший доступ к оружию, чтобы быстро познать его и уже с первых ударов извлекать пользу, чтобы не проигрывать. Теперь, когда вы все это знаете, сказал учитель, и что такое рукоятка, чтобы положить в нее руку, положив меч на пояс, отделившись от меня, – делаете то, как делаю я, знаете устав школы, выставляете левую ногу и руку, чтобы защититься, рука снаружи лучше, чем сзади, оставляя ее в противоположном месте, вы должны поторопиться, хотя рано знать, когда мой меч поразит вашу руку. Вы можете отпарировать наружу, с одной стороны, сверху, вращением, соединив ноги, резать или гнаться за рукой, ногти смотрят вверх, так, пойдете туда со мной, останьтесь, готовьтесь к хорошей жизни, соедините ноги, положите руку, закройте рот, не делайте жестов, порежьте какую-то часть, и в обратном направлении тоже, присоединитесь ко мне, без меча, становитесь там, пройдите там, отклоните острие в сторону, силой нанесите удар, рискуйте, будьте спокойны и уравновешенны. Конечно, сказал Эудемио, если все это так, что я остаюсь избитым и без какой-либо выгоды для себя, – мне это не нравится. На то, что сказал Эудемио, учитель искоса посмотрел на него, и, насмеявшись над его мнением, ответил, что тот мало знает и рано хочет конкурировать с учителем. Между нами есть разница, это видно по ударам. Возьми этот меч. Я говорю это

один раз, потом повторять не буду. Сделай длинный порез, как мой, а обратно на свой вкүс, можешь сделать порез длиннее, чем я. Так, ноги твои плотно стоят на земле, в руке меч, сделай один выпад с левой ноги и режущий удар на обратной тяге. По одной стороне сделай круг, по другой – контркруг, победы противника фронтально на той стороне, сверху нанеси удар шпагой, снизу – двуручным мечом с той же ноги, и рукой сделай движение, как будто я собираюсь поднять меч.

Работать с этой позиции с точки зрения принципов лучше, исследуй его меч, несмотря на то, что еще рано. Достаточно. Отойдите друг от друга, перейдите в себя, переложите это на него, а не на меня или себя. Ни ты, ни я не приближаемся друг к другу часто, подними немного руку, поворачивай ею, отведи обратно. Ты этого не делаешь, пойдешь. Я утверждаю со всеми деталями, что этому будет причина, и с этим ты можешь конкурировать с первым изобретателем оружия, острия и лезвия, и противоречить уловкам брата, снова подходящие очень быстро с этой позицией, или по меньшей мере с той, которую я дал. Мисер Антиото уступил свою позицию одному из Фландрии, и за великую милость и почтение ко мне, мне отдали тем же. С большой наставкой он дал всем заблужденный учителя, и хорошо зная юмор Эудемио сказал: успокойтесь, чтобы вы не сказали что-нибудь такое, зная потом гнев к учителю с обликом, как вы хотели, как он хотел, чтобы отступить между властью. Ты говоришь, что эта самая замечательная уловка в мире, которая помогает осознать, кто поймет, что он не боится думать сделать это, сколько потрачено на эту работу, что дает свои плоды. Кровь слуг, которые думали, что они несчастные, у которых есть только воображение, что человек, с которым есть ссора, достигал большого успеха, заслуживающий, чтобы я дал немного света. Вы видите тех, кто заболевает от воображения того, что их противники знали их, и заболели больше, если поддерживали отношения со мной на протяжении двух дней, которые имели голову на плечах, возвращаясь к тому, чтобы поднять меч, меняя положение ног, отводя меч в одну сторону, высоко, не повторяясь каким-либо образом, устраняя ошибки не так быстро. Поднимите лицо, различите меч издали, опустите вниз брови, показывая признаки гневливости, хорошо откройте глаза, которые глумятся или испытывают страх, надвигайтесь в спешке, и он достигнет другого с затрудненным дыханием, и когда будут уходить – будут соперничать друг с другом. Необходимо открыть ноздри, как маленькая чужеземная лошадь, выдвигая этот меч на меня. Знайте, что это острое, которым я причиняю боль, а то, что вы делаете сейчас – это уловка с контрострием, отклоняющемся далеко. Подождет, сказал Эудемио, так как он не очень хорошо понял, нужно сказать еще раз, что я считаю хорошим:

Вы будете настигаться над тем, что скажете, ответил учитель: довольствуйтесь тем, что есть и посмотрите, можно увидеть, как я направляю кончик вашего меча к своей груди, под моим мечом, и

теперь вы исследуете мой меч. Вот острое, посмотрите здесь. Каждый раз рана от того, что я сейчас вонзаю контрострие и делаю уловку на зависть всему миру. В таком случае при герцоге Калабрии, Софии и даже Саксонии многие инфанты и вельможи утешали меня, обещали, упрашивали, просили о милости и пощаде, которые потом не могли меня видеть. Я послал им заметки, краткие замечания, и из страха опасности, которая с ними произошла и может произойти для гарантии моей сознательности за жизнь моих детей, я не хотел отправлять им даже в заметках, не потому, что не буду демонстрировать готовность что-либо сделать, а потому, что это так хорошо известно во всем мире, что никто не будет видеть, что вы перестанете воображать, что я сделал, и что это одно из моих главных изобретений. В таком случае, как и в аду, есть публичные сведения об этом. Вы напугали меня, ответил Эудемио, имитируя улыбку, которую его товарищи не могли сдерживать с этой вашей уловкой, и радовался, что не учили меня, потому что в этом месте мы не были знакомы. И если все, кто знают, пойдут туда, то это займет много времени, чтобы вы узнали. Ты не понимаешь, юноша, сказал учитель, то, что я тебе говорю, вместе с моими извинениями, тыкая меч во многие места с ужасными ранами, изъязвленные удары тыльной стороной руки, порезов нет, так как потом будет удар шпагой, необычные наклоны, парирование двуручного меча, и еще очень много всего. У них также это будет, ответил Эудемио, и я не хотел бы, чтобы те, которые находятся в аду, были людьми, которых вы бы учили не быть такими хорошими, как ты говоришь, видя, как они умирают, которые заслуживают большого наказания. И Бог наш Господин собрал нас, потому что я думаю, что изобретение уловок не было создано, чтобы нанести вред кому-то или убить кого-нибудь, а чтобы защитить себя от тех, кто пытается обидеть. Вы достаточно остроумный, сказал учитель, раздраженный столькими противоречиями. Если бы это было так, что стоит все мое мастерство? И оружие, и уловки – это мое богатое ночное воображение? В конце я всегда остаюсь с двумя или тремя, без необходимости брать в правую руку меч. Молагаю, ответил Эудемио, что я плохо удовлетворяю желания того, кто нуждался бы в мече, который также знает, как и вы, что говорить. Но не будет необходимости больше, чем желание убить и сказать мне в ночное время где чувство зрения не помогает. Могут ли быть полезны ваши знания дестрезы? Я вас прошу, сказал учитель, я не возлагаю на вас свои уловки во многих местах, потому что я не дам вам другого. Меня сердит то, что для вас это будет хуже, и не надо задавать эти вопросы, потому что у меня очень хорошее мнение в любое время. Я поэтому не говорю, ответил Эудемио, больше потому, что человек является христианином и должен услышать всё, чем Бог наш Господь может ранить и то, что он может знать – не должно никому навредить. Я тоже очень сердито ответил учителю, и со всем этим, что меня раздражает, я дам вам сто грубостей, и также с дьяволом, если есть необходимость,

он относится ко мне доброжелательно. Я радуюсь, зная это, сказала Эудемио, потому что это мне приносит большую пользу. Это очень просто, ответил учитель, потому что вы можете дать им много всего на свое усмотрение, и я уверен, что эту хитрость, которую вы знаете, вы им не дадите. Но я понял ее, и даже все вместе понял. Вы не подвергаете меня опасности во многих местах вместе с учителем, потому что это вещи, которые плохо переносятся, и еще хуже переносятся, когда я буду робким, придирчивым, даже если вы вдруг посмотрите те вещи, которые будете испытывать. Сначала вы говорите плохо о моей жене и детях, которые хорошо относятся к гестресе, я обучаю их по доброй воле. А не говорите так много, потому что я заберу ваш бокал спиртного, соберу свои чемоданы, найду себе пристанище, и вы не увидите ловки, которые в тайне мне передаются, которым так просто не научат, потому что они используются неожиданно. Посмотрите на свою жизнь и будьте осторожны с тем, кого вы называете маэстро. После этого он очень рассердился и умолк, а на лицах остальных была улыбка. После того, как Эудемио мог контролировать смех, который вызвал гнев и раздражение учителя, увидел его вялые глаза, опущенное лицо, посмотрел на него со злым лицом и сказал: учитель, будет ли возможно, если вы научите меня некоторым из этих ловок, которые убивают без возможности исцеления? А откуда вы узнаете, что алхимия это чтобы убить кого-то или чтобы делать золото? Я заблудился в поисках того, кто мог бы научить меня. Найди себе профессию, ответил учитель, стань свахой, или учителем по оружию, что проще, чем всё остальное, и не думайте, что я вас буду учить своим ловкам, от которых нужно защищаться. Потому что те, кто большие полемисты, как вы, если я буду хорошо их обучать некоторое время, то они станут почти как я: если всё, что вы знаете, такое же, как и раньше, то этого более, чем достаточно, сказала Эудемио. Или будете благословенны дьяволом, ответил учитель, легко называя сеньором того, кто столько работает на мою ответственность, что стоит мне поломанных костей и поврежденной кожи. Я не хочу заиться, поскольку не оставляю вас без знаний многих других вещей, которые у меня есть для праздников на площади, и для друзей, как вы, за исключением того, что они были в худшем состоянии, чем непорочность моего мастерства с изошрениями, одобренная всеми великими людьми мира. На это Эудемио ответил: г-н учитель, с вашего разрешения, не по этому это будет лучше, чем у мужчин, несмотря на то, что они велики, но многого не знают. Я не нахожусь и не действую в этих местах, ответил учитель, и меня, безусловно, будет сердить и раздражать, что великие называют фехтовальщиков чем-то уникальным в мире, и горе вам, если я рассержусь, или если вы будете подшучивать, или делать это, потому что так говорят в наряде об оружии, если некому будет меня ждать, и еще больше, если моя работа и мастерство не нужны человеку, который жив. Я это говорю, потому что уже накопилось во всех

моих качествах то, что должен иметь мужчина, претендующий на фефтовальщика. А даже честь, потому что я всегда готов и могу показать это, я отважный, ловкий, могу восстанавливать силы, приводить все в соответствие. У меня хорошие глаза, агрессивно настроенные, в них нет страха, а только большое знание, и у меня есть шпала больших размеров, я должен быть внимательным ко всем вашим правилам, как к своему имени, так и к роде, и к моей жене, к большому или маленькому щиту, не нужно оставаться одним, как в момент рождения, с большой тонкостью топора, деликатностью бастона, искусной работой с пилой, превосходством наконечника, даги, кинжала, короткой шпалой, досягаемости, деревянного щита, бастона, меча и даги, меча и накудки, двух мечей. Тщательность относится к этому аналогично тому, что меня оскорбило, видя мое мастерство, плохо используемое в этом мире. Это не случайно, мастер, ответил Эудемио, несмотря на то, что хорошо применяется. Я не хочу, чтобы хоть одно мое слово проверялось с такой медлительностью. Потом силы не будет, говорит мастер, и у меня не было тяготения, когда я хочу, но было настроение быть поэтом, если бы была вещь, которую такой человек, как я, хотел бы уточнить, написать письмо о любви, иметь хороший рост, бежать на коне по холмам, при этом лошадь без узды. А вы теперь думаете, что был на этой земле человек, который так же вызывал недовольство в ссорах, с незавершенностью слова, без нанесения раны в человеческое существо. Все были удивлены услышать меня, сказала Эудемио, ибо я устал от этой благодати, о которой мы могли бы узнать, почему в это время ее много используют. Если мастер ответил «почему нет» как всё, что я знаю без каких-либо трудностей и толкования, которые вы должны понять, чтобы выйти заступником на поле, где много вооруженных людей, так, чтобы никто об этом не знал до того, как поймет, что к чему. А со всем этим слушать ссору, в которой я до сегодняшнего дня согласен иметь доверенного человека, который не выйдет из этой ссоры калекой, с увечьями. Никто этого не сделал так, как я. Вышло так, мастер, сказала потом Мелемарко, что вы могли бы справедливо дать человеку большую память, и вы вспомните без паузы все, что сказали, слышали, что изучали, чтобы говорить в каждом доме и вашим ученикам. Подождет, ответил мастер, кто же, как и я, знает 11 тысяч слов, и ссорился более тысячи раз в неповиновении, иногда напрасно. А только по моей воле некоторые живут изуродованные, пораженные, и вы теперь думаете: вещи таковы, сказала Эудемио, что они будут сострадать любому человеку, кто сошел с ума. Видя также человека, который не имеет своего мнения и не использует его, когда в этом есть необходимость. Есть сын, ответил мастер радостно (что, по его мнению, он считал бахвальством), кто пытался угодить мне, потому что, если я раскрою всю тайну со всем смыслом, что по правде внушает страх, я не открою вам секреты. Мастер не говорит мне этого, ответил Эудемио, потому что он не воспринимает меня как мужчину, который

имеет отношение с некоторыми из них. И была бы опасность более известна мне, чем кому-то другому, и тому, кто такой коварный. Но я узнал об этом поздно, поскольку мы позволяем говорить и прекрасные вещи, за исключением жалости истинных фехтовальщиков так увлеченных, слушая меня. За свою жизнь, что вы уже слышали в некоторое время, эти вещи мои, и есть люди, у которых они есть, несмотря на то, что они зазнаются и только обещают. Нет, сказал Эудемио, нет людей, у которых есть что-то похожее. Вы говорите взаимству, ответил учитель, поэтому вы придерживаетесь Бога из камня или короткого копья, или каждого из них без колебаний, с самоотверженностью смелого человека. И вы видели это со всем, что я знаю без работы, которая мне стоила усилий. Я вам говорю, ответил Эудемио, что я лично их не видел и последнее ругательство я бы не хотел, чтобы выпало мне на долю, а только тем, кто ко мне плохо относится, даже если что-то, что он мог сказать маэстро, обидело бы его. И это приводит меня в ярость, я злюсь и встревожен большую часть времени, не смотря на него во время разговора. И в конце или потерял терпение, или человек, которого вы хотите, потерял голову; едва ли желая, чтобы у него было столько же изыщества как у меня, что стоило мне столько крови, гнева, ссор, упреков за справедливость. Тьюрмы тратят деньги, и чтобы они знали, я нахожусь в больнице, иду через чужие дома. И даже в этом Мелисо отказывал (Эудемио от страха не мог говорить) и держал ногу в стрелени, чтобы ехать в больницу и никогда не покидать ее. Не сердитесь за свою жизнь на то, что говорит Эудемио, продолжайте двигаться вперед. Бог знает, что мы слышим и первым нам рассказывает о вашей жизни, как вы создаете нового ученика. Очень хорошо, ответил маэстро с большой серьезностью, что, будучи вещью Чарилао, я делаю то, что мое дело, и то, что я узнал от других, и несмотря на то, что этого мало, я также могу считать себя хорошим в оружии, как некоторого, который с ними, и при бегах и прыжках не имел учителя. И хотя Эудемио немного пострадавший по своей причине, - ради него я нашел и открыл все свои навыки или часть из них, зная, что я этим воспользуюсь, подобно тому, что я верю в их жадность, и знаю, почему всё, что было сказано он может очень хорошо повторить, без настаивания на своем, что первые в дестрезе столь тактичны и деликатны. Вы уже видели, что при большой работе они знают, что я добьюсь своего, по крайней мере с маленьким циркулем. Теперь я знаю, сказала Эудемио, что, если бы эта проделка была хорошей, я вспомнил бы всё, что меня тяготит. Возьмите этот меч, сказала вам учитель грешник, у вас есть всё, что вы знаете во рту и ничего в голове. Вы хотите продолжить туда со мной дорогу, повернуть руку ладонью вниз, собрать стопы, отклониться от меня, достать, изменить, обременить, остаться только с мечом, поднять руку с легкой грацией, как я говорю, шаг в сторону, меча нет, вы честный, атакуете лицо, повторяете, положите левую руку на свое место, уберите ее оттуда, пройдите

здесь, перейдите на этот удар, тяните за собой, опустите меч вниз, ударите ногу, сделайте круг по одной стороне, мой сеньор. Творю я, успокойтесь, держите себя в руках, не делайте движений. Уже можно было быстро научиться с двумя другими уроками, не обучая больше, чем нужно. Я устал, сказал Эудемио, так что не надоедайте мне всегда, потому что я иногда подозрителен, родился, чтобы только посмотреть людей в этом мире. Я в это верю, сказала Эудемио, но скажите мне, как это делаю я, почему, когда я готов для этого, вы не тратите на это время, и дайте мне одну более легкую вещь. Хотя, если все так просто, то я научусь. Теперь, ответил учитель, закройте уста свои, я буду обращаться с вами в той манере, которую вы не знаете, и ни один человек в мире не будет знать, как судить то, что вы узнаете сегодня. Посмотрите мне в лицо и положите меч туда, где он был прежде, увидите, подойдите к моему лезвию, поверните в сторону, остановитесь там, оттуда сделайте поворот, Бог с вами, вы падаете на коду? Передайте это прилипчивому человеку, не забудьте вернуть в субботу. Теперь уже ошибки устранили, и я чувствую себя хорошо, а на лице у врага гримаса по отношению к вашему учителю, который готов на что-либо без страха. Восстановите силы, переместите ногу, повернитесь во внешнюю сторону, упадите на лицо с мастерством и сноровкой. Это называется неожиданное нападение. Положите меч поверх моего, вблизи моей ноги, удар мечом, и ты оказывается с изящной грацией на острие меча, и, если вам удастся избежать от большой удачи, вы не пойдете ни в коем случае обратно. То, что вы сделали сейчас называется удар холодным оружием. Посмотрите на меня, обычно я этого не говорю всем людям, наблюдая за мечом, снаружи я вас останавливаю, парировать, выхожу, быстро ударяю наотмашь вполсилы. Мой сеньор, пойдете со мной, что вам кажется невежественным? Если это занятие практикуется со всеми его частями, ударами, ранами, ударами, чтобы убить, то это для человека войны и мира, для всех частей тела. Это линия, или граница, как называет ее Карранса где описывается округлость, что на придворном языке именно так и называется. Можно задать вопрос, есть ли у меня это, как у разумного юноши. О чем вы скажете и увидите, будут ли у меня раны на ногах. Деньги не позволяют достигать уловок, которые меня постоянно поддерживают, как вы видели, слышали, как уже говорили, и в силу необходимости вы знаете, что это было на самом деле, известная ссора, которая возникает между фехтовальщиками по этому поводу. Но они не дерутся тем, что для них оставили, и я довольно хорошо одет, меня видели в месте сбора животных во время гона. Что по этому поводу сказал Эудемио? Они говорят, что я мало знал (они меня просто плохо знают), ответил учитель, и я говорю, что я здесь, как правило, вижу истинные тонкости и ловкость оружия. Нам рассказали, ответил Эудемио, во время отдыха, что это, должно быть, хорошая вещь, и, обратившись ко всем, кто находится рядом, он был очень рад их видеть с таким

вниманием, усы которых извивались, повернув лицо в сторону, качая головой, кривя рот, так он начал свой подвиг: знайте, господа, что это имя, которое у меня есть для этого мира, которое находится под влиянием в этом месте, но потом, когда я пришел к нему, он познакомил меня с главным человеком (Вы уже знаете Эудемио, потому что я вам сказал, что нахожусь впереди всех по знанию науки об оружии, в основном круглого щита, если есть где-то там некоторые ученики, то хороший друг ничего не потеряет. Первое, с чем я столкнулся в этом месте, как сказал мне хороший сын, были тужчины, каждый из которых говорит, что убьет своего отца, о чем он не будет ни знать, ни понимать сколько еще нужно знать о дестрезе, по сравнению с теми, кто знает меньше, и смотреть за вами (могу по вашей жизни и своей показать отсохшую ногу, могу говорить о ранах всему миру). Есть ли еще кто-то, как я, кто делал бы это на части? Сегодня меня пугает, что это не моя привычка так делать, и он рассержено сказал от этих тужчин, что у меня нет ни понятия, ни фактов и находчивости, позволяющих выйти из двери, потому что у этих слуг нет славы. Как или каким образом это может быть? Вы не говорите очень долго, а только слушаете и хотите запугать нас, потому что это все слова. Не кричите, а если будете это делать – все будет напрасно. (Вы никогда не были умелым и храбрым фехтовальщиком в моем сознании, Эудемио, но они поверят вам, когда вы скажете, что это ремесло как неисчерпаемый источник) и учителя этого будут ходить в свои жилища, объявляя, что вас ищут и не могут найти. Несмотря на то, что они каждый раз вас видят и говорят, чтобы вы изобличили во лжи дестрезу; вы знаете (или, если вы видели позу или положение, которое я занимаю, когда залюсь, и уходите туда, – вы меня хорошо понимаете, я всегда ношу два меча, потому что я могу один поломать на маленькие куски в любой драке). Подобные вещи меня злят и осипшим голосом я сказал, что вы мне дадите противоположное и повторите при неожиданной атаке, ладонь смотрит вверх, не исследуя меч. Признаю, то, что они говорят – есть у фехтовальщиков, и каким бы то ни было другим способом, я не даю никакого мнения: он не мог иметь терпения по этим причинам, Мелисо, и с большим гневом сказал, что есть в мире вещь более достойная жалости, сетования, в которой тайком начинают дестрезу, чувствуя причину. И это очень удобно и выгодно для людей чести, говоря, что у вас нет опасений наказать этих шарлатанов публично, ибо нужно отказаться от своих намерений и сделать все с должным прилежанием. Они молчат на эти вещи, говорит учитель, потому что постигли эту часть и не поворачиваясь к нему, как будто бы не слыша его, я продолжал свой оглашенный рассказ, что я был в этом знакомом городе. Мое мастерство и в первую очередь для некоторых людей (как ночной сон вы явно превзошли меня по клинку и другим пустякам в мире) подвергалось такой зависти, что они не только забирали у меня учеников, но на третьих и пятых людях забывали это делать,

и потом били мечом в пах. Ни больше, ни меньше потом от зависти он ударяет, чтобы разрушить, но в остальном вещи прошлого надоедают и вызывают отвращение. Я оставляю их без дестрезы мертвыми и бедными, потому что я как старая собака, которая лает и дает советы. Именно по этой причине есть эта ссора. Я кричу, когда меня тянут без времени. Я скажу им, когда они будут обнаружены и восстановлены, когда соприкасаются со мной, но случайно я нанес рану, втыкая меч в грудь человека в ссоре, в которой я присутствую. Эта вещь – мое дело великого страха и ужаса, и наконец, они находят меня по рангу выше их. Как правило, посредством глаз передается сигнал о бое, они указывают по направлению к двери в определенной области, и потому, что там меня держали, сказали эти слова. Господин учитель, я как-то слышал и хочу сказать, что хотя я обычно не боюсь людей, но видя столько мечей, – меня это приводит в ужас. В заключение у меня было опасение, что между мной и вами не нужны разговоры, поскольку в случае, который как один из тысячи других, они не дадут мне оплеуху, несмотря на то, что все движения, жесты, которые они делали со шпагой и мечом, были настолько большими, что на того, кто не был снаружи, я посеял большой страх. А как я уже говорил, сперва учитель должен сказать мне почему я это преувеличиваю, и вслед за этим мы рабы ваши и мелкие служащие. Чувствую я, что и нет ничего, кому бы можно было рассказать о вещах дестрезы. Те вещи, которые говорят, – очень хорошо сказаны, будь то даже злодеи. Если он будет ругаться, потом сделает реальный шаг, чтобы снять рубашку, и вы увидите мой меч, который периодически наносит травмы человеческому телу (не бойтесь за то, что я сделал). Будем спокойны от этих страхов, как будто бы у него они сейчас были по отношению к режущей части. Я увековечил это во многом в этой жизни в современной манере мира, разгневанный, как вы уже видите. Я только посчитал что-то и уже делаю это, чтобы посмотреть на то, что действительно было бы, когда в руках дубинка, чтобы в конце каждый человек не ходил с высунутым наружу из-под рубашки клинком, но все занимают поднятием правой руки со страшной яростью и испуганной спешкой, снимая все шапки и шляпы, кидая их на пол в знак смирения и продуктивности. Я практически, стоя на коленях, видел это, повышая немного голос, говорю вернутся этим дрожащим молодым юношам. Меня благодарят за мою доброту, силу и истинное мастерство, так что вы не идете, не отпустив две или три печальные группы людей, готовясь к самому худшему. Они сделали это потом с большим страхом, и я протянул своим клинком наизусть. Потом я здесь слышал, что еще говорили, но не знаю точно, повышали ли некоторые из них голос, что вы думаете? Я не знал, что сообщить, когда вы меньше сможете обучать всех вместе для вашей жизни и моей, и для моих сыновей, которых пять. Значительно то, что вы рассказываете, сказал Мелисо, и так на самом деле прошло это занятие. Я не видел, сказал учитель, что вы оставили для них. Мне

не внушает страх, сказал Эугенио, каковы эти вещи, которые привыкли использовать это с другими людьми, со сбродом. Вы можете продать самостоятельно свою работу и чужой тяжкий труд, и сказать, что вы принимаете в этом участие. Но, что я нахожу хуже всего – это присваивание того, что они когда-либо делали, возлагая вину на тех, кто не виновен, оправдываясь. И по причине я боюсь, что не смогу узнать, какие люди изучают этот язык. Если вы хотите узнать, – я здесь, сказал учитель, я научу вас как вызвать жажду и как есть, и многие другие вещи, с помощью которых вы поймете страх и достигнете имя храброго, без ведения споров в вашей жизни, и станете умелыми без разговорных навыков перед теми, у которых таковые имеются, не пробуя это с кем-то другим. Хотя вы отрицаете многие вещи, которые делали другие и говорите, что ссоры и потасовки других – это ложь, и только ваши – настоящие, которые могут так называться. Они дивились всему, что говорил учитель, потому что им казалось, что много из того, что они знали, они должны использовать подобным образом, и с желанием знать всё более точно. Эугенио, который больше это принимает, находится с учителем, чтобы с головой уйти в рассказанную ему лекцию, что делает его самым счастливым в мире. Я действительно очень люблю ваши уроки и хотел бы во всем, что вы говорите, быть искренним. Учитель сказал, если вы хотите, чтобы их от вас бросало в дрожь, держите свой рот на замке и делайте то, что я вам скажу, потому что я не буду добавлять момент, который происходит между нами. Несмотря на то, что вы делали это, хороший друг, вы не жаловались мне, как это сделала тот, кому я дал ослабленную ловку. Но он ее не принял, вступил в ссору и был убит, и они теперь жалятся на меня, как будто я советую вам выйти в одиночку, и если вы сделаете то, что я говорю, схватитесь за меч только ради одного человека, купите цветные панталоны с большим бедром, что будет указывать на то, что вы достигните цели ниже подколенной чашечки, и ваша кружевная шапка, и меч на ремне с длинной портупеей. Бес со всем, что он знает, но не знает, что этот закон и наконецник оружия никогда не смотрят вниз. Вы будете действовать с честными опущенными глазами, устремленными вперед, смотря под ноги, брови опущены всегда над глазами, чтобы дать понять, что вы благосклонны к мужеству, чтобы блаженствовать над всеми фехтовальщиками, не называя кого-либо конкретно, потому что может возникнуть угроза или позор там, где как правило они резают вещи, которые делают с гарроме, но это было в вашем доме с другими, но даже там с таким большим страхом и подозрением, что вы не будете знать, или в присутствии людей, которые были оскорблены тем, что они хотели сделать зло этой рукой, опережая их быстрее, чем вас. Перед честными людьми они несколько дней будто немые, потому что, видя, что вы молчаливые и у вас есть то, что вы будете говорить, спрашивая всегда, показывая вам скромность, хотя вы можете быть во всем. Вы будете приходить, чтобы угостить

им в исследовании мечей, которые продают, чтобы увидеть, являются ли они негнущимися. Если они таковыми были, – удивленно поднимите брови, а если они будут мягкие – скривите рот в левую сторону и, если таковые имеются, скажите тем, кто там был, что дело это было истинным изобретением трусов. Если были мужчины, которые потом противоречили, вы не бунтовали с ними, чтобы не давать дьяволу ссор. Если они вас очень торопят и оказывают на вас давление, – вы не дадите никакого другого ответа, несмотря на то, что они знают точный господ, потому что эта точка человека, который обладает некоторой известностью. Если они ответили нет, вы им скажете, что вы его младший сын, и что оставались здесь, желая, чтобы они поверили в ваши причины. Но, если они вас знали как тех, кто много смеется, вставившись во что-либо, говоря, что у вас есть определенное количество своих младших сынов, вступая в разговор, говоря, что, безусловно, если вы задали этот вопрос и за кого вы это сделали, – то вы не будете тут как тут, если только вы не хотите спросить их откуда они, и какие вещи они любят. И в соответствии с ответом, вы придете к тому, чему научились. Это первое правило, которое вы должны освоить, чтобы постепенно приобрести название и чужую волю, и вы уже жаждающий учитель Эрдэмю. И вижу собственными глазами, что вы хорошо сделаете свое дело и запишите это хорошо. Если вы будете драться с двумя разведчиками, и один будет более труслив, чем другой, – всегда принимая его во внимание, вы не сможете увидеть его обманутым позже, учитывая все, держа внимание, повернув сюда лицо, и ссора уже закончена, появилось много людей. Выньте меч из-за ремня, возьмите край плаща в районе левого плеча, перекидывая через плечо, выставляя руку на ваш меч с большим количеством пространства, боясь, что все смотрят на вас, и даже если вы придете позже, никто не будет видеть в вас труса. И ближе к концу вы говорите хриплым голосом: Господа, так вышло, что вы люди, и вы идете, отталкиваясь друг от друга, но самый трусливый сначала озорчится. И как это часто бывает я вижу благосклонность людей и думаю, что ваши суждения вам в помощь, нападая на своего противника, делая в нем дырку мечом, говоря громким голосом, что этот сеньор уважает этого человека, и вы их порицаете, а потом порицаете остальных двоих, не нуждаясь в моем присутствии, без того, чтобы прогнать трючные мысли из головы этих людей. И тогда у вас будет большой страх, и они все поймут, что это правда и что так же легко, как вы говорите, вы будете делать, хотя, зная также, что рука не будет делать всё, что говорит сумасшедший язык. Поэтому, вы будете благодарить своего противника и попробуете с ним подружиться, унять борьбу с ним, говоря это ему с внушающим страх лицом. Сеньор, посмотрите на меня, я здесь к вам очень привязался, желая много служить. И я понял, что бой был с каким-то великим рыцарем, поэтому я оставил свой меч в опасной зоне, где можно нанести ущерб, что я не привык делать, не обходясь без пресловутого вреда

противнику, сердясь, потому что этот человек не возлюбил также сто тысяч положений, благодаря потом, целуя руки за вознаграждение, что всё сделано безопасно, и вы ответите гневно, что заставит меня бояться. Но на самом деле я не делаю никаких фрагментов слугам, на что получу потом противоположный ответ, сеньор, и незачем потом говорить, что нет дискурсии об этом больше, чем я говорю, что привело меня в слуги. Случиться то, что вас расценивают как слугу, и что вас хотят заниматься работой на службе в большем количестве. Они прощались с нами с большой учтивостью, делая глубокий поклон ему и всем, кто внимал этот опыт. Так что после, этот хороший, отважный сын будет воспринимать вас как приемного слугу, что всё, к чему мы стремимся, достигаем путем работы в нашей жизни, говоря всем вашим друзьям и подробно описывая ваши приметы, приобретая от этого измененца многих хороших страстных сыновей, говоря, что они - слуги, которые не церемонятся и не производят впечатления в своей жизни, потому что будут иметь много страхов, не будучи порочны, веря, что дело с благостью правил будет увеличивать количество учеников (если хотите обмануть), вы должны защитить их от всех угрожающих. Возьмите меч, по осознанию этого - это мне дает насыщенное занятие, которое я даю друзьям, которые лучше платят, делают где-то там режущий удар, чувствуя себя неовко от лезвия. Я такого не говорю, и не хочу играть в поддавки в среднем ритме. Немного подождет, не слыша своих друзей, зная, кто в высшей степени учится у меня работе с круглым щитом, выпаду кулаком вперед, ладонь смотрит вниз. Но нужно понять секрет, потому что, если вы его знаете, то не будет необходимости вселять смелость в кого-то в своей жизни. Плохой человек, который причинил вред учителю ножом, что не настолько велик, чтобы прощать его, сказал Эудемио. Он не думал, что нож настолько достанет до тела. Хорошо то, ответил учитель, что вы исправляете ошибки, думая, что я сделаю это за хорошее вознаграждение, если вы хотите хорошо себя чувствовать. Я ничего не говорю, и друзья не смотрят то, что я делаю. Находясь в спокойствии, они незаметно заплатили учителю, не так отважно устраняя ошибки. Если обратитесь к нему хорошо, то он будет не такой суровый, заставит уйти предателя, который причинял неприятности, даже если он спокойный. Заключите хорошо это дело там, где я скажу.

Плохо обучать вас, когда вы ругаетесь с сотней человек. Я этого не понимаю, отрицая ритм левой ноги. Знаете, или нет, но я это учу, вставляя ногу с одной стороны, и говорю, что вредные привычки не дадут вам этого сделать. Я возвращаюсь к тому, что не понимаю, говорю, сделайте поворот, хорошо, пусть ваш клинок находится в молчании. Скажите мне сначала, спросил Эудемио, когда я научусь наносить раны своему противнику, который не наказан за то, что сделал мне? Когда? Учитель ответил: когда сделаете это за спиной. Я понимаю, что ловки эти сейчас уже прошлые,

непобедимые, насыщенные и должны хорошо выглядеть, если их будет использовать какой-то фехтовальщик, который хочет драться со мной по-настоящему. Захватывая в руки, поваливая на землю, прячась за шпагу и правую руку, не обдумывая то, что слышали от фехтовальщиков, находясь во внимании к тому, что я хочу сказать. И потом все сидят с большим вниманием, как будто бы их убедили, что это лучший оратор Третици, который, немного отдохнув, потом говорит с большей силой. Все они были ошеломлены слушать учителя, как будто бы с ними говорил Местор, из уст которого, согласно Тоберу, лилась речь слаще, чем мед, учитывая возможный обман, который обнаружил учитель до того, как Эугенио, как будто очнувшись от сна или видений, считал его неудавшимся. Таким образом действуют храбрые обычные люди и попадают под оценку фехтовальщиков, близко к вундэрным фехтовальщикам?

Мы гуляли, ответил, смеясь, учитель, что все бросили это ради стелого боя с человеком средних лет среди них, который живет с наукой и обманом, и с обманом и наукой живет другая сторона, у которой был меч и двойственность. Что вы говорите, ответил Эугенио, у мечей есть двойственность? теперь, что немало, ответил учитель, необходимо понять меня. Мы называем двойственными хороших детей каинка, которые выходят, чтобы увидеть небо, и без этого на воздухе не извлечь это в своей жизни, и поэтому Эугенио конкретно следует правилам, которые я даю в немецком фехтовании, которые подходят вам в любом случае, где хранятся вещи, которые я для этого говорю. И среди тех, кто должен сохранить это, вы очень внимательно посмотрите на какие-либо сплетни и пересуды, если есть какой-то спор во внешности, положениях тела, движениях и словах, которые вы легко могли бы узнать, сперва угадать, знали ли вы кого-нибудь, кто был там, вызывая к другой стороне и прося пощады. Вам рассказывают о тех благородных по своему происхождению людях, мужчины вершат дела, если к счастью вам ответят, что они утрачивают слезу с бледным желтым лицом простить оплеуху, которую ему отбесили, хотя он это отрицает, то вы скажете, что вы внушаете привязанность и с преданностью понимаете такого рода вещи, которые приводят вас туда, где они находятся, а затем радуетесь этому. Потом вы вместе пойдете в королевство хороших сыновей, которых вы скажете, что он тот, кто привел нас сюда. Т-н Эугенио приходит к нам, чтобы проявить милость. Каждый потом скажет, что много получил и без остановки с этим голосом в голове будете продолжать. Я должен получить это и все во всем мире. Если им позволили получить эти рассуждения, то они продолжают следовать тому, что использовали мои милорды, и сказали мне без большого промедления, потому что человек внушит гарантию и начнет приносить пользу, и им скажут, что мы стремимся к этому благородному человеку, который простит нас. Это жалоба определенного друга, который отсутствует, ему ответят потом. Я в изумлении от хорошего человека, как от

хорошего сына, который не делает то, о чем спрашивают эти люди. Я скажу, что, конечно, это дело, которое мне предложили, и что вы приятный, благородный человек, попросили меня сделать это потом, без дальнейших промедлений, то, чем больше ваших слуг, плюс я, – тем меньшее нас сопровождает. А это правда, что меня изумляет один человек, который делал те вещи, о которых у меня достаточно сведений, и не делал их наполовину. В основном есть вещи, которые на каждом шаге можно предложить этим господам, и больше мне. Я двигаю немного два пальца, которые приведут меня в эту тюрьму, фактически не давая никакого рода занятий тем, кто хочет меня арестовать. Я слушаю их со страхом, и есть слуга, который это делает, и я очень благодарен ему, и если вы не говорите это каждому со смиренным голосом и опущенными глазами, то вы презрительно приходите к тому, что этот благородный человек абсолютно прав, что в другой день он это сделает, прощаясь – уходите молча, далеко, и потом со вздохом вы будете смотреть на все с большим мужеством, которого другой не увидит, не услышит, говоря хриплым голосом, что слуга хочет вернуться и избавиться от тела, разрывая к нему доступ, или изморяя высоту в футах, так, что это будет больше приносить пользу, чтобы успокаивать тех, кто умоляет другого, после того, как вы просили и умоляли многих, кто был с вами. Я сказала, что знаю вещи, которые я и он имели в определенный момент, и нет сомнений в том, что он чувствовал больше гнева по мере того, как изменил разгряжение на отсутствующем лице. Кажется, что обида не вызывает боль, и потом я укушу руку, говоря, что не приду без большого дела. А я действительно восхищался, потому что понял, что он испытывал страх, видя меня, и то, что я потом делала. Но была одна веселенькая вещь, он очень волновался. Я это знаю, поэтому чувствовала в его разговоре, что он не знает, что конкретно ответить. Они потом скажут, что не знают, сеньор, что тот не является этим человеком, с которым слуги, с таким же характером, как и вы, смогли достичь какой-то вещи. Я это вижу и понимаю, господа, в моей руке шляпа. Затем, вы опустите голову, поворачивая ногу, и повторите снова, даже если вы надоедаете человеку. Они прощаются с большими обещаниями, давая понять, что вы собираетесь искать серьезное лицо среди радостных, которое больше кажется сердитым. Глаза уставились в пол, рот немного искривлен звонким смехом над теми, кого принимали за храбрых. Что вы об этом думаете? Безрассудно ли слушать это, сказала Эудемия. Господа восхищались тем, что видели то, что происходит в мире. Они больше склоняют вас что-либо сделать, ответил учитель, если вы будете следовать этим моим правилам, с которыми живут многие, особенно те, которые хотят жить долгое время без работы. Но вы скрываетесь от многих вещей, о которых я вам скажу, некоторые из них являются частью, чтобы потерять доверие, которое можно здесь приобрести. Чего избегать, сказала Эудемия? Того, что мне кажется ужасным, возможно они меня убьют, оскорбят или казнят? Ничего из

этого, ответил учитель, потому что вы никогда не окажетесь в такой опасности. Что держало меня на ногах столько лет с болью? На это, ответил Эудемио, что вы потом не будете активными от работы, а скорее от пустословия. Вы не понимаете, ответил учитель, что я хочу этим сказать, что тот, кто часто вступает в ссоры, – уходит или ложится костью, и мне кажется, что уже достаточно разрушено то, что я сделал, когда слуга в человеческих телах, чтобы обнаружить нас уставшими и использовать время на пользу, услышал спрашивают ли здесь видных, известных людей на вашей земле. Вы скажете, что это хороший слуга, разумно ругая его, но никто не видел, как он развлекается, это как простые намешки его работы, которые мы наблюдали? Это конечно не так, как говорят, потому что вы не можете отомстить за оскорбление, которое они сделали, что представляет ложь. А когда это настает, вы уже знаете правду и вред, обнаруженный в их работе. Если я назвал некоторых из тех, кто должен был сделать много дел, – вы скажете мне, что некоторые завидуют, и в отдельных случаях то, что вы им делаете, вы делаете плохо. Но достойный слуга – это правда, и вы больше не будете говорить, потому что из того немногого, что вы знаете, вы не потеряете суть, сказал Эудемио, и ни я, ни вы не будете делать то, что вы бы мне сказали, потому что те, кто это говорит, являются более подлыми, к тому же с дурными мыслями и развратными и завистливыми сердцами. Разве вы не знаете, что злые люди, которые не могут достичь добродетельной и эффективной вещи, даже при необходимости предпринять что-либо, когда они видят, как другие идут вперед и делают трудные вещи, которые те не могут сделать в силу своей трусости. Они начинают искать какой-то способ, чтобы уничтожить честь и виртуозное мастерство и потому, что они не могут отрицать много хороших вещей, осуждая кого-то, не зная невежд, которые несмотря на злобу, которая затмевает правду, не могут погасить это, делая еще хуже для того, чтобы навредить кому-то в конце года (если истина может повредить или свести на нет зло других). Но жалкие и убогие не видят, как они все падают во все плохое и становятся позором, и всеми путями стремятся навредить другому. А, когда они думают прикрыть свои недостатки (которые не маленькие), становится всеизвестным, что они ничего не знают, ибо тот, кто затмил чужую честь, у него у самого должна быть блестящая и светлая честь. А со всем этим без этого рассмотрения в них растет зло собственного мнения, так что есть люди, как звери, которые не только слышали завистников, но и верили во всю их ложь, которую они говорят, удовлетворяясь им, больше желая работать, чтобы сокрыть свет доброты других, потому что их пороки и недостатки не являются явными, чтобы очистить все, и в конечном итоге добродетель имеет свою награду и отдых. Так, они и их недостатки будут иметь наказание и боль, несмотря на то, что они только испытывали это с завистью к хорошему и к чужой славе. Они бы причиняли столько тьмы, что были бы счастливы по

этому поводу в своей жизни (если они когда-либо знали бы это). Это как делать очень короткий выдох размеренной силой в летнюю жару, которая длится одно мгновение, оставляя больше тепла, чем дает. На радость нам, вы хорошо говорите, сказала Мелиса, потому что кажется, что вы и я имеем инструменты, закаленные в одном месте. Фреговальщики услышат вас, а эти трусы, которые могут похвастаться храбростью, будут растеряны и в стыду, который оставил им учитель. Он очень внимательно слушал Эугенио и был раздражен его причинами. Я также хочу научить вас, рожденные вчера, верить в вашего учителя, когда вы заблудились и что-то не понимаете. Я не буду вас убеждать в этом, сказала Эугенио, потому что я не верю завистникам и низкам, подлым людям, которые не могут страдать, у которых есть тот, кто принесет их к известному преимуществу, чувствуя себя настолько невежественными и терзкими, что у них есть чувство вины за то, что ленивые передали тем, кто работает, переходя в зависть. Чтобы идти дальше, нужно присутствие силы, чтобы прошептать им, урезая факты их натуры, пытаюсь уничтожить связь правды с ложью, и с этим заткнуть всё, что было им сказано, срезая побеги добродетели острым ножом своего завистливого языка, ставя всё под сомнение. Я это видел, поэтому говорю и создаю публице причину вашего правила и вашей злости, кто может с волей тихо страдать от неверия и ожесточения, которые имеют некоторые из тех мужчин, заслуживающих доверия, и почему они должны судить продукт изобретательности грузин, и величие духа другого человека из-за их грубости и трусости? Почему кажется, что они не могут это сделать из-за отсутствия сердца и не будет ничего, чтобы это сделать? Несмотря на то, что они понимают, что такое правда, они препятствуют тому, чтобы это было сказано. А когда опасения не могут больше открыто показать все точки вашей воли, они говорят, что всё в порядке. Есть много людей в этом городе, которые рождаются одними, а воспитываются другими, и, если вдруг их спросят из зависти, - они ответят, меняя цвет лица, не зная хорошо этого человека из своей страны. Но, если я и знаю, то я с ним не имею дел. Вы увидите грузинскую группу людей, которые завидуют, потому что они поднимают официальные документы, доказательства и говорят то, что когда-либо случилось с другим из-за его мышления. А потому, что они идут против их чести, потом в определенный момент, трусы начнут им доверять, и даже некоторые из тех, кто следуют своим грузинам, которые не создают работ, достойных похвалы, будучи сильнее и крепче, чем скала для хороших людей, и мягче и легче обрабатываемей, чем воск для плохих, и если они спросят автора об этой лжи, откуда он знает? Чтобы избежать опасность с таким большим злом, он говорит, что слышал человека, которому доверяет, или то, что он видел всё, что они сказали, потому что эти люди с болативым представлением. Они это делают, потому что ни один из его коллег не может им противоречить. А если вдруг появится кто-то,

кто будет это защищать, они будут говорить то же самое, как хателеоны, меняющие окраску. Нет смысла ни использовать это, ни защищать. Все мы ваши старшие слуги здесь. Эудемио закончил говорить, занимая место слуги, и глядя на своих друзей, которые с большим вниманием слушали его причины, наполнился истиной и справедливостью. Но учитель не мог понять, что они знали похожие вещи и были очень правдивы в отношении. Но по отношению к тем смелым и отважным фехтовальщикам, которые только притворялись, он смотрел недоверчиво, сказал Эудемио, качая головой. А вы говорите мне это, чтобы не обучаться ни у кого, поэтому я говорю, что вы изучали? Вы можете достаточно знать, два года изучая латынь? Убо в правде, которая была в этой настоящей истории, я был большим знатоком латыни. Не во всем, но по крайней мере там, где они хотели, чтобы я включил это в исследование, смотря на вас на самом деле, сказал Эудемио. Но скажите мне, кто был первым учителем, кто держал в руках оружие. Учитель сказал, что первым был Майсер Мелатвурко, благородный человек бурзундско-французского происхождения, который будет обучать всех своих родственников по происхождению, а для меня... я был выбран из всех способных людей Термании, которые знали оружие и понимали правила. Я обучался этому очень быстро, чтобы научить многих королей, и я проверил свои способности, и превзошел всю честь, которая у меня была, и могу превзойти и получить еще и еще вместе с деспезой и мужеством, благородием, поэзией, романтикой, записями моих подвигов из-за страха тех, кто рассказывал о тех подвигах, которые видел в моих книгах о рыцарях, быстро схватывая правду и задерживая смерть многих со всеми секретами, которые держат для себя стельчаки. Они могут достичь имя хорошего сына, и мне надоела ложь, которую пишут, поэтому здесь я больше не верю в разговор.

Я изумлен, сказал Эудемио, великой способности вашего учителя, и еще больше – вашей, что в памяти вы держите всё. Как продвигается эта книга? Мы знаем порядок, если он такой же хороший, как и вещи, которые я использую. Мы бы дали работу тем, кто отдыхает, сказал учитель, если вы хотите, а затем пойдет дальше к тому, что вы будете наслаждаться замечательной лекцией, которую преподавал мне великий Педро Монтэ. Он был лучшим человеком из Манотады, которые были в свое время, он дотягивался до цели передней частью меча, клал его на пояс и обтачивался мечом, двигаясь со мной. Обратите внимание, хорошо двигаясь, поставьте газу поверх руки с мечом, отклоните наконечник шпаги противника газой, а затем ударьте мечом, делая выпад как бы кулаком. Удет парирование этого удара мечом и газой, скрещенными в ударе посередине, удар тыльной стороной руки, потом ногой, отклоните этот удар внешней стороной гаги и раньте мечом или кинжалом. Не знаю, как мир не утер из-за того, что у меня хороший удар и ловкость, двуручный меч в паре с другой ногой, удар тыльной стороной руки, длинный режущий удар с большим усилием. Я могу скрыть кинжал, чтобы вы не видели, как я

его достаю, веду в вашу сторону, как я режу вашу ногу или этот воздух, кинжала, который некоторые оставили в завещании своим сыновьям. Я несомненно влюблен в себя и понимаю, что правду я не обману. Посмотрите на то, что вы делаете. Вы находитесь здесь, или нет; здесь красиво или нет. Я этого не говорю, я делаю парирование своей газой, отклоняюсь, из многого извлекаю пользу, вместо того, чтобы ожидать обо что мой меч хочет завершить движение, будучи уже опущенным. Высвободите кинжал из руки и оставьте его в ножнах, и после уже нанесите глинный порез двуручным мечом в эту точку противника. Обманное движение телом, схватите ногу, уравновесьте меч, вытащите его из-под низу, слушайте наконецник с ударом рукой или нарукавником, нанесите удар двуручным мечом, сейчас я вам это дам. Когда я закончу наносить удар своим мечом, следующий ваш удар будет в мой меч, безусловно – очень наглядно. Хитроумно соедините ноги. Замечательно. Но всем вопросам я человек вежливый, настоящий. Уверите потом клинок, чтобы не истек резервуар уроков, хотя, это невозможно. Услышите меня, сказал Эудемио, как вы можете перенаправить мой меч вашим кинжалом и ударить меня в это время мечом. На что Мелисо ответил, что движение, которое делает газа при отклонении лучше, чем раны, и движение меча удаляет количество и часть движения, которое проходит газа при отклонении и дальше делает то же, как при законченном движении. На что Эудемио ответил или обратил внимание на вид раны при отклонении: если будете смотреть на рану, не сможете уклониться, за исключением того, что меч придет с очень верной стороны, и это не та сторона, откуда все время приходит удар мечом, потому что учитываются раны высокие, низкие или средние, или снаружи, и если вы будете смотреть при отклонении, то допустите ошибку при нанесении раны и нанесете ее противнику, потому что внимание зрения, это как память, чтобы иметь силу, которую по-другому еще мы называем намерением или понятием духа, которое не дается какой-то промежуток времени. И ты видишь, что он должен осуществлять и обеспечивать это в одной части, а не в двух разных, и в то же время я не могу смотреть высоко и низко со всем своим вниманием, потому что там, где есть много попыток и кто использует зрение, – ни в одной из частей, остается сильным, будучи разделенным. Потом вы тратите время на то, чему вы обучали, потому что вы хорошо знаете, Мелисо, что движение отклонения отличается в натуральной форме от движения раны, и то же самое, как правило, относится к другим условиям с ударами рукой, что служит как усталость, и посредством работы тела и духа можно обучить дестрезе без особого утомления и гнева, в основном, стараясь нанести все эти раны, о которых вы говорите, не прикасаясь рукой к мечу противника. Это дает мне подозрение, что когда человек защищается левой рукой от движения противника, это то, что заканчивает мастерство, которое вы не делали, если бы знали, как поразить противника и искусно защитить себя, идя по

пути, на котором фехтовальщик, которого я знал и обличал много раз, когда направлял левую руку к его мечу, отвечая неуравновешенно и не пользуясь положением левой руки так, как правой, потому что мне это не приносит пользу? Оставляя это дома, без учителя я хочу знать, что полезно, есть ли другой секрет? Какой самый большой секрет, ответил учитель, который вы от меня узнали? Этим я зарабатываю деньги и еще я здесь, чтобы сказать, о чем говорит этот фехтовальщик, и хватит рассуживаться. В этот момент я понял причину, сказал Эудемио, почему благоразумным, сдержанным мужчинам никогда не дают изучать оружие. Не потому ли, что ответил учитель? Это как теперь вы тратите свои годы и деньги на них, пользуетесь мной и другими, кто знает меньше. Вы знаете, ответил Эудемио, что порядки в дестрезе в настоящее время находятся за пределами рассудка, сильно ощущая необходимость доказать истинность уловки, которая не должна быть всем. Эдесь же мы слышим выводы, аргументы и выдает их за ваши, отрывая от того, кто о них говорит, защищая славу и честь работы, часть которой ни с чем не сравнивается с нехарактерными вещами. Никакая вещь не казалась учителю самой достойной его стега, и только она находится снаружи, чтобы не потерять ее, работая над раскрытием своего раздражения и гнева, плюс интерес, который выжидает Эудемио, и страх, который у него есть, потому что казалось, что он небольшой страдалец, подавляя свою храбрость, с обликом человека, который издевался над ним и сказал: я должен был воспользоваться тем, что вы говорите мне в дестрезе? В дестрезе мне не говорили то, что вы будете прятать это лицо, которое никогда не говорило ничего дельного на тему оружия, которое не казалось моим, и судить таких людей за подобное. Я верю в то, что вы говорите, ответил Эудемио. Так, вам верят во всем остальном, чему вы учите в области оружия. Мы уже видим, что это стиль, который нужно иметь, чтобы быть тем, кто вы есть, говорю за то, что вы говорите. Все это для вашего урока и выгоды, ответил учитель, и будучи все во внимании, вы продолжаете говорить. Сейчас приходится иметь дело с тем, что целесообразно, без всякого пролога или высокопарности, несмотря на то, что важность и серьезность Эудемио, благоразумие и авторитет грузей не позволяли тратить время на дела столь низкие, при возможности использования их в вещах, которые в конце оканчиваются соответствием, как если бы способы были несколько трудоемкими, как те, в которых есть сила. До сих пор они судят вещь не менее выгодную и полезную, что больше случается от этих невежд, чем от обучения того, что подходит, когда это не было, по крайней мере, распоряжением намерениями и волей, очищая от всех этих зов, чтобы, когда придет истинное мастерство, было меньше сопротивления со стороны вульгарных фехтовальщиков. Так, с этим мотивом и христианским рвением, вы стали более подозрительными и обращали внимание на людей, которые просили учителя продолжать дальше раскрывать пороки, прощая людей. А учитель продолжал, как

бы для всех, неприятные и очевидные вещи Эудемио, что страх приходит к мужчинам в двух случаях. Первый – это когда выполняется работа, но с этим ты никогда не должен работать. Второй – со словами большого столпотворения, члены которого должны быть согласно следующему образу: первое и самое главное – вы должны искать дружбу с мужчинами нелюбимыми и заключенными, и заключенные будут богатыми или храбрыми. Богатые, – чтобы вы подумали, что имеет пользу, храбрые, – чтобы вы одобрили дружбу. И это является основной частью храбрости, и я хочу знать, спросил Эудемио, как я должен представить себя храброму грузу. Я вам скажу, ответил учитель, что вы должны соблюдать. Прежде всего, знать название. Когда уже знаете, то название уже известно, укажите ему путь и с большой вежливостью говорите медленней. Мой господин, я целовал руки миллион раз, вы меня не узнаете? Я верю и думаю, что я в значительной мере очень люблю славу, примите меня как своего слугу, потому что ты гордишься слугами смелыми и бесстрашными и мужчинами, которые стойко противостоят невзгодам. Но ты потерян из-за таких людей, как он, которые предлагают все, хотя я рискую своим, и вы стремительно теряете деньги без промедления, что наносит мне своеобразный «удар», потому что это – общественность, и моя основная цель заключается в обслуживании таких людей, и это, мой господин, без угрызений совести, подношений или обещаний. Вы будете совершать какие-либо действия, когда вам ответят множеством благодарностями, приятными словами, понижая голос, немного улыбаясь, не очень споркаясь, улыбка немного уступаемая и веселая, с которой можно обрести дружбу в длинном разговоре, вслед за остроумием. Хотя произойдет несчастливая ссора, такая, что можно легко поверить, что вы содержите что-то невозможное, и при неовкости говорите слова с большой медлительностью и флегматичностью, останавливая ссору в точке, куда она следует, если те, которые там остались спрашивали, это были вы? Вы ответите на сомнения вашего друга, возвращая свои собственные, но, если они обнаружат это или замешкаются спросить, говоря вам с большой спешкой раньше, чем погаснет ссора, выставляя свидетелей, которые медлят, чтобы познать их быстрее, чем в рождении и смерти, несмотря на то, что они живут долго. Вы будете спрашивать своих грузей, чтобы служить им источником, и скажете, что за их заслуги вы сдержите шкуру с каждого, и для тысяч жизней, которые оставались для всех вместе, попросите помощи подвострастно. Вы будете говорить медленно, потому что не будете размышлять без концерта лжи, искажая рот, смотря искоса, когда самые невнимательные продолжали говорить. Теперь я уже действительно вижу, что земля больше не может терпеть наши подвиги, и это является признаком того, что мир хочет закончить это, потому что в мире очень мало людей, которые, несмотря на то, что должны делать то, что положено в драках, – хорошие сыны менее трусливы и малодушны, особенно вы,

сеньор, кто сказал мне, что боретесь без каких-либо повреждений. Смелый и отважный ответит вам, что это мой господин, а все остальное в мире могут быть ковром для ваших ног, возражая вам потом. Я не позволю это сделать, потому что, когда вы придёте со щитом, то будете направлять мою жизнь, а сами останетесь со шляпой в руке, перед самым маленьким из всех, создавая ссоры с разными целями, обсуждая дружбу тех, кто не разговаривает. Одних вы будете угождать с учтивостью, а другим обещать порадовать своих родственников, которые могут многое, вы будете просить в долг деньги Нового Света, и ни из-за одной вещи в мире вам не будут причинять неприятности, не давая им повода, потому что Бог может простить их, когда они оскорбляют вас и также много успокаивать, что нет ошибки, мой сеньор. Наблюдать за тем, о чём вы сообщаете, делать их тихими и обузданными в любом случае, смотреть на то, что вы слышите, и что они отвечают. У меня появились две хорошие мозоли, одна на языке, и одна в руке. В то время, как учитель это говорил, не было ни одного из тех, кто сопровождал нас с величайшей осторожностью, кто бы не слушал его, изумлённо слушал, и ещё больше понимал, что то, о чём он говорил, была практика храбрых, что обычаи молодых людей подмастерьев были повреждены, и Эудемисо смотрел на нас недоверчиво, оставаясь на некоторое время свитым с толку, пока не вернулся к учителю и не рассказал ему правду, что порядок – это то, что я видел как использовали некоторых людей, и что у них нет мало тех, кто такие, как они, и такие же балованные. Но я прилагаю все силы, чтобы узнать, потому что меня ещё не обманули, как сделали бы, если бы вы меня не предупредили. Я знал, скрывая своё тело, или, по крайней мере, слушал, чтобы понять, как они обманывают простых людей, ведя их на виселицу или подвергая внезапной смерти. Вы будете пользоваться возможностью, чтобы предупредить тех, кто не знает об этом и больше то, что я нахожусь в вашей гестрезе. Теперь вы поймёте, ответил учитель, распорядок жизни, который отработан. Вы очень молоды, и для чего вы напуганы, хорошо слыша то, что большинство из них использовали с хорошими дочерьми, когда хотели дать нам подарки одной благородной женщины, чтобы сделать для вас то, чего не делали ни для кого. Сначала вы будете хорошо учиться этому. Сеньора, я хочу, чтобы вы знали меня, что ради вас никто не делает работу большую, чем я, и никто не является счастливым в конце гонений, и это открывается от моего испуга этой сильной руки или, по крайней мере, правой руки, у которой своя функция. Но любому случаю проливать частые слезы, хотя я подтверждаю вам, хорошая дочь, что у них нет необходимости создавать вещи, где представлено мое ужасное и тужественное лицо и, если оно спокойное и не возражает этому, делая меньше ошибок, потому что вы поймёте, что у храброго человека есть изгиб в груди, несмотря на то, что у него есть меч, и, если оставаться в этом, потом придут некоторые, которых вы успокаиваете, просите

прощения. Рюкза рабочие, и если он откажется, то я бы отдал свою жизнь, вешая тело на двери, заслуживающего похвального случая, и, если как-то среди шума услышите в одном месте людей, пообещайте тем, кто ушел, не относиться двучично, наблюдая за Эугемио, что ваш дух побеждает в войне, без зарядки хорошего оружия, выходя из этой опасности в один момент не потому, что остались жалкие часы, когда вы не можете думать. Не хорошо, что вы забыли, что в вашем присутствии не говорит никакая драгоценная благородная дама, которая ни она, ни фехтовальщик не смелее и умнее, чем вы, смеясь над всеми, кто заигрывал с ней. А используя это, дама покачала головой. Сеньора, не тратьте время на то, чтобы оценить того, кто из себя ничего не представляет, где эти молодые люди просто сошли с ума и более смелые, чем сильные. Я их не хвалю, а стараюсь покончить с ними, когда в моем присутствии в одном месте их заметили бесчеловечными. Вы будете пользоваться навыками, освобождая руку слуги, который находится здесь, и вы будете делать это только с тонким листом металла, облегчая то, что из-за его бегства славы у него постоянно есть, о чем говорить. Хорошая дочь, хорошая дочь, эти речи излишни против меня? Как я хочу, чтобы той сияющий меч запачкался кровью, отвечая Эугемио. На что Эугемио ответил, что большие мужчины – трусы и не менее жестоки, или красивые шарлатаны. А вы понимаете, что я не должен был это ни сказать, ни сделать в доме женщины, питая к женщинам все уважение и вежливость? Тогда, сказал учитель, странно, что мужчина не говорит вам то, в чем он вас не обвиняет, но, если вам кажется это плохим, – не делайте это тем, кто это совершает, пока это не станет хорошим. В конце, чем больше действуете, и больше прогибов делаете, – то уже можете прийти и сделать это в один прекрасный день, как делают все в начале, а потом едят руками после этого. Они многому смеялись из этого, потому что знают, что, когда они расстались, было условие Эугемио попытаться сделать что-то, что может показаться плохим, и видя эффект, который он его убедил, им это очень понравилось и отдохнув больше, чем говорил, учитель вернулся для обоих, чтобы забрать мечи, и сказал: «храните этот клинок и возьмите в левую руку этот кинжал, сделайте ужимку своим телом, посмотрите на меня и раздвиньте стопы одна от другой, сильнее, вы смеетесь? Маршруйте всё в один момент газой, пунтой», вы поняли, что он обычно говорит всем людям, а не новорожденным детям. У вас есть этот меч, говорю я, поспешите, ногти направлены вверх по направлению к лицу, которое идет вам навстречу. Отклоните удар в сторону кинжалом, пораньте ногу, я не говорю ни это, ни то, что вы делаете мне; вы очень сильно бросаете, и не поступаете так часто, как и в прошлом. Он бы побегал вокруг со мной, если бы заметил глубокую рану на бедре, а затем вырвите с силой и сделайте длинный режущий удар, и кинжал в груди бедолаги слуги, пробивая дорогу посередине через два меча, устремляясь внутрь, а затем наружу, туда-сюда по необходимости. В другой раз подбросьте

вверх и не забудьте пройтись снизу, не так пышно и сильно, чтобы меня откинуло наружу. Вы должны убить меня, сделать это с расстояния, которое вам выгодно. Я говорю, что мне не кажется это удачей, что ты борется, отводит ногу и убивает вас без освобождения, которое больше не будет в моей руке, или он, по крайней мере, вонзит этот кинжал через уши, приостанавливаясь. Я буду обучать вас на всех языках, насколько это возможно, я покажу вам все языки мира, уловки множества, итальянские уловки, тосканские, неаполитанские, французские, португальские, галисийские и бурзундские, лучшие из тех, которые исследуются. Я также научу вас ругаться на латыни и постигать оружие на всех этих языках, из которых вы будете извлекать для себя пользу, когда из-за ваших грехов вы можете быть фехтовальщиком или шарлатаном, репетитором или известным и неизвестным в этой науке, или холостяком среди храбрых, зная, когда вы должны раскрыть правду, относиться к каждому существу, не выходя из памяти, что стоит большой работы, чтобы очистить их, особенно являясь домашним учителем. Вы видите все эти тонкости, о которых я говорил, и странности языков. От одного, кто является вилломом, до соседнего острова, название не помню. Вы не сможете пройти легко без этого, выставляя руку, чтобы не работать. Вы должны слышать о необщительных, нелюдимых? В то время, как вы действуете, сказал Эудемио, ищите новые хитрости, но вы изворотливые и пронырливые, и шаг за шагом обнаруживаете новое. Все это необходимо, чтобы стать фехтовальщиком? Нет, ответил учитель, чтобы быть фехтовальщиком в это время, если кто-то хочет знать, то иностранцы, невежи, неопытные и неумелые приносят свои реалии, хотя это как лекции на всех видах языков, и они заисовывают на фехтовальщиков, отрицая все, что было дано понять с видом лица, которое обучает. Это верно, что я могу делать все очень долго. Это очень плохо, ответил Эудемио, и вы не можете страдать, потому что вы говорите очень свободно. Затем вы думали, сказал учитель, подойти немного сюда. Возьмите это острие, и следуйте тому, что я хочу продолжить движение вперед. Есть одна вещь, которая будет давать это имя храброго, так как он дал многое этому миру, когда кого-то отговаривали, спрашивая основную причину замкнутости и необщительности, и как прошла ссора, и где вы будете делать друга друга, при особенной манере вести беседу, с лучшими средствами на которые вы способны. Через два дня общения и дружбы я молю, чтобы довести до сведения нелюдимого человека и засвидетельствовать, что в некоторых ссорах вы видели брань, драки, которые остались любительскими и потерянными на века, и, что главное, что вы видели причину замкнутости на себя, ссоры, которые остались со всем вниманием, которое засаждает столь великий подвиг. И что из-за этой склонности и влечения вы смеетесь от предложений молодых, неопытных юношей в такой степени, что они жаждут мучительства и приводят вас к часам приема пищи, где находился нелюдимый,

заткнутый человек, и вы будете утешать его, что приведет вас к тому, что вы будете говорить первым, и придёте с большой учтивостью, вежливостью, с большой шапкой в руке, протягивая плечо, как будто кто-то хочет нанести длинный режущий удар, и в то же время сделать ритмическое движение, но только до половины, голос немного низкий, дайте ему то, чего он добился. Здесь находятся эти джентльмены, которые будут проводить время в моем месте, и наблюдать за вашим отроком, не теряйте то, что я очень хочу. И вы в значительной степени любитель там, где вы видели большинство ваших ссор. Как что нелюдимый, необщительный человек ответит: я на самом деле ваш поклонник во всем, что есть в этом мире, что мир будет предлагать. Тогда без надобности больше ждать вы обязаны будете ответить. Это ваша воля, мой господин, чтобы быть благосклонным и милостивым к отрокам моего рода, потому что тот, кто имеет многих людей и хорошего сына, и когда есть большая причина в том, что я праздную свой век для неопытных юношей и вечно приверженных, – это возвращает этот жест для всех, кто там остается, хорошо открывая глаза, глубоко вдыхая носом, сгибая немного тело, говоря, что я неопытный юноша не для тех, которые используют то, что есть по обыкновению, а для тех, кто рад вашей милости. Я буду говорить без обиняков и испорчу лицо любым превосходным вином, и вы будете наблюдать за мной очень тщательно, со всем вниманием, и за всеми ссорами, которые загрязненные и не являются достойными, присваивая руками то, что я буду давать, я расправляюсь с ними. И, если они преднамеренно берут скатерти для стола, и будут вставать из-за него, без надобности больше ждать, много прося и упрашивая, не говоря вам, что они не собираются отвечать, то в итоге с известной досадой и оскорблением я это сделаю потому, что несколько джентльменов больше были склонны просить и утешать, чем кормиться пищей, но сегодня с ними и для них я настаивал один месяц на том, что в его обществе была определенная ссора, что я всегда стараюсь оказывать людям эту милость и благосклонность, и как есть мало хороших сыновей, которые защищают людей, так и у меня есть много дел, которые нужно сделать. И хотя я доволен и мне нравится сражаться – я оставляю это вам, чтобы служить этим господам, молча во время еды, немного оставляя место, где могут все говорить, не споря ни с кем, хорошо одеваясь, без профессии, дохода, несмотря на то, что ни на чье усмотрение и никто не может помешать и воспрепятствовать, которые не подозревают о правде, отвечая вам, когда вы спрашиваете, если не знаете, что ответить. Вы не вернетесь ни за кем впереди, кто не был вашим грузом, осуществляя вред. И я хорошо понимаю, что вы это дадите для объявленных храбрецов, ища того, кто будет следовать за заткнутыми и нелюдимыми и служить чемпиону, когда он вам предложит в одиночестве, потому что у вас есть много слов и мало стыда, несмотря на то, что вы не знаете, что делать, чтобы сохранить все вместе и наемных рабочих тоже. Я хорошо

понимаю, хотя есть только один, кому вы можете приказывать. Не знаю, сказала Эудемии, ответят ли мне они на эти вещи. А я не скажу, и я не понимаю, потому что они еще не заканчивают свою ложь и обман, и маски, которые они мужественно носят. Теперь я пришел, чтобы узнать причину, почему разговорчивые трусы из благоразумных людей такие скучные. Как они глупы, ответил учитель, что думают, что могут вас напугать или изнурить. Из того, что я слышу, меня они не утомляют, ответила Эудемии, скорее они меня удовлетворяют, что делают то, как вы говорите. Есть люди, которые создают и оценивают. Внедрите это в работу, сказала учитель, и пользуйтесь этим, и я обещаю, что вы будете пальчики облизывать от удовольствия после этого. Но это дело второстепенное, потому что не надо никогда ругаться, за исключением тридцати против одного. Не говорите того, ответила Эудемии, что наполнит ад такими людьми как доносчики, поставленных дьяволом против добродетелей, которые никогда не соглашаются с тем, что они должны умереть, чтобы noch дальше грешить, пренебрегая тем, что необходима осторожность и бдительность. Это как легко пройти через обиды и оскорбления, которые наш господин время от времени создает, если они не сознаются? Чтобы послать их принять истинный путь добродетели или оставить с дьяволом с такими промахами, если будут идти по плохому пути. Вы очень хорошо говорили и как всегда с благоразумием, что всегда свидетельствует о вашем благородстве и порядочности, ответила Мелемарко, если ваши причины, как правило, ими принимаются и признаются. А тех, кто пребывает в пороке, очень сложно отделить от дьявола, потому что он вводит их в заблуждение с наслаждением, которое находится в его пагубном пристрастии. Он не хочет встать и найти лекарство от своих преступлений, пока смерть не сократит его путь, и не будет стремиться исправить их, когда у них уже нет больше места для страха, чем для причины, и поэтому, к сожалению, вы не воспользовались этим, чтобы исправить свое зло. Оставьте это нам и прислушайтесь к учителю, что не меньше пользы нам принесет услышать это, чтобы знать зло, которое не принадлежит храбрым, что для них нет никакого вреда. Бог дает вам здоровье, ответил учитель, который говорил в мою защиту против этого болтуна и трепача, который с моими уроками становится более остотрительным и хочет меня смутить, и потому они злятся на меня, объясняя секреты мужества. Остерегайтесь меня, я обещаю вам, Эудемии, что это большее, что я перестала делать, что сделала в своей жизни. Теперь, ответила Эудемии, пойдет дальше, у меня есть вся моя жизнь, чтобы рассказывать и смеяться, когда вижу, что некоторые из этих фехтовальщиков бахвалятся, что больше, чем мне нужно, чтобы быть совершенным. Еще больше, сказала учитель, если вам не хватает того, что знаю я, но из того, что знают другие фехтовальщики они уже являются учеными людьми. Дайте мне урок, сказала Эудемии, которым никто здесь не пользуется, не тот урок, который все дают,

который все знают. Хорошо, что вы знаете, ответил учитель, понимая, что меня уже проэкзаменировали, и я хочу дать вам возможность в Тоскани, Италии, Флорентино, Бергамосе, а потом услышу каким образом вы должны покаяться в извинениях. Я сказал, что научу вас с искренней волей и нерушимостью моей любви, желая продолжить в Тоскани с большой улыбкой на лицах всех, за исключением Эудемио, который злитесь на то, что я ему сказал. Посмотрите, что беспокоит меня, и не будьте надоедливы, вас больше не будут слушать. Достаточно уже того, что вы назойливы в дестрезе, или, ответил учитель, вы куда-то идете? Не оставляйте мне даже немного того, что несет в себе этот надоедливый, назойливый язык молокососов. Я думал не оставлять эту большую очередь на всю Италию и Португалию, потому что я знаю, что учитель, который хотел вам прочитать лекции, не был из тех, кто сейчас в Венеции, где существует самый знаменитый человек. Учитель сказал, что он был найден после меня, и с ним произойдет то, что я вам скажу, потому что он был хорошим сыном, который говорил сам лично. Если он не отрицал этого, то имел некоторое отношение к моему мастерству и бесстрашному сердцу. Потом, наконец он придет в компанию многих, кому я говорил, увидев, что это те, кого сеньор Майсер Антонио отправляет неторопливым шагом, рассуждая о причине такого обличия. Мне рассказали испанский роман, который царит в вашем сердце, желая увидеть вас в этом месте вместе со свергнутыми, лично имея повод внедрить это в работу и дать вам совет, оказывая поддержку. Я зову господа, что вы меня недоброльно слушаете и будоражите глаза, чтобы сосчитать, сколько их было. Они думали, что это было без боя, что их никто не обманул, и они подготовили свои клинки против вашего учителя, и меньше против Эудемио, который окрашивает свой клинок кровью, спрятанный грудью. Я вернулся с ужасным выражением лица, когда учитель спрашивал его, что вы хотите сказать, говоря на вашем языке, и я его очень хорошо понимаю, находясь в стороне. Они бежали и плохо обработали мои слова, несмотря на то, что они ожидали худшей работы. Они идут за мной, и я за ними с веселым выражением лица, или смелым народом, как будто бы они менее подготовленные в оружии. Общество приходит за смертью? Высокомерные фехтовальщики необоснованно и без причины начинают бить их плоской частью клинка, и здесь появляется большая часть инородных тел. Несчастный учитель сделал для меня защиту, которую я хотел много лет, очень близко пряча большую часть меча в испуганной груди, и часть жизни извлекая из нее ссору. Посмотрите на меня, Эудемио, когда я дерусь сердито, в теле очень много мастерства и ловкости, и посмотрите на скорость исполнения, которую очень внимательные не могут обнаружить, которые являются автором моих ран. Я возвращаюсь к остальным и заставаю их упражняться в бегах, ветер остается позади, они приходят и говорят, что у них был долгий путь, который ты принимаешь. Впереди профессора не по

отваге и ловкости, а по трусости и неуклюжести, и не ожидайте большего зла, не ожидайте, потому что я сражаюсь без малейшего ущерба миру, с теми, кто безнадежно прятался за моей рукой, произнеся, приставно глядя на своего учителя, что в его языке много сострадания и сочувствия. Младца, я не хочу говорить всего, потому что вы не хотите слышать тосканцев. Я видел, как их горькие сетования и жалобы увеличивались и приходило много людей. Лучше было бы, если бы вы меня радушно приняли в этом месте, где я сейчас нахожусь, чтобы служить вам и всем грузьям. Вы довольно остроумны, сказал Эудемио, когда спорите. Хорошее воспоминание – это ваше воспоминание, и вы также согласны, что вещи не происходят так, как происходят. Вы здесь правы, ответил учитель, из того, что я говорю, большее не происходит, потому что я не делаю все, что мог, потому что, если вы посмотрите на это, то мои вещи не похожи на то, что есть у других людей. Он обиделся и оскорбился, слушая учителя, видя, насколько ему нравились их грузья, которые могли сдерживать смех, перенося эти хлопоты и беспокойства, чтобы быть ими принятым. Я прошу вас продолжать эти уроки, чтобы иметь возможность прибегать к помощи судей и фехтовальщиков. Тот, кто положит левую руку на бороду, искривляя рот в сторону, покажет, что он очень внимательно всех вас слушает, чему я буду очень рад, что с такой большой работой вы этого достигли. Так мало известно о том, что такое дестреза. Необходимо много мастерства и умения, и нужен человек, который хочет дать понять, и который знает, потому что я подтверждаю вам, что до сегодняшнего дня так мало открыто в науке об оружии, что требуется использовать следующие вещи, чтобы те, кто был фехтовальщиками, могли учиться с небольшим трудом, чтобы оправдать опасения, полученные с опытом, они очень выгодны для каждого бульварного человека. Как я должен быть тем, кто будет знать, как воспользоваться этим, и с этим вы можете достичь имени храбреца и фехтовальщика. Не слушайте никого, кто будет (это то, что очень важно для низких людей), если эти наши уроки вы запомните наизусть, с которыми многие живут. Прежде всего, дни недели проходят без меча, а в воскресенье его приносят, и когда мы вступаем в спор, у нас их два. Очень длинная шпага, и, если я напугаю кого-нибудь длинным мечом, я говорю, что принес его, чтобы сражаться со многими людьми по ночам, и другой меч не слишком длинный для ремня. Вы приходите не с радостным лицом. Только те, кто понимают, что они ничего не знают, находятся снаружи, и они не смелые. С длинным шагом и просторно, как лев, подавая сначала свое тело вперед, вы снимите шляпу перед теми, кого вы боялись, прежде всего, чтобы первые на вас посмотрели и долго целовали вам руки, а других, хотя они и видели вас, вы ожидаете с большим лицеваием, одних до конца, других наполовину, и вы делаете это также для тех, кто совершает определенные движения ногами, как ловкачи. Вы объедините дни пребывания по вечерам с другими или

третья грузыями уже обманутыми, и за спиной у всех отправитесь вместе с ними в Трагос, где находится игра фехтования, и дождетесь большого восстания, а в момент разрыва, броситесь туда, где будет находиться мастер оружия. И если вам кажется, что, находясь в игре очень светливой, возбужденной, вы не сможете играть, – быстро возьмете меч, не снимая плаща. Вы достанете меч из-за ремня, держа человека за одежду, с каждой сражаться. Вы откроете глаза так, как сможете, вращая их с одной стороны в другую, как будто вам нужно охранять спину, или может быть такое, что человек подозрительно относится к правосудию. Если в случае, говорит вам учитель, когда вы видите свой гнев, что совсем не радует, что вы играете, тогда вы спокойно опустите свои брови и посмотрите на землю, не идя на противника. Если видите, что противник освобождает место своим мечом, оттакивая людей, бросаясь на противника, нанося ему удар с одной стороны, и если потом учитель вставляет бастон в знак мира, нападая сразу на все, ввиду того, что он может. Если я прошу вас больше не играть, не нужно будет много спорить или обсуждать это, высвободите меч до точки, пока вам не скажут «достаточно», это делается вульгарным фехтовальщиком. И из-за вашей задержки другой выпустит свой меч, на что вы очень разозлитесь, не имея страха, и, если другой возьмет меч, и вы его не узнаете, поменяйте их меч на свой с небольшой улыбкой и попытайтесь нанести большой удар под влиянием гряды или как угодно, как вы хотите. И если будет гневный человек, который пойдет к нему с веселым лицом, ложно улыбаясь, это поможет вам близко с ним подругиться, и он не избавится и не утихомирит страх. Но, если другой нанесет вам много ударов, опустите его своим острым мечом и находчивостью, давая ему понять, что он обнаружил ваше мастерство и ловкость. И если вы нанесете ему (к его удивлению) какой-то удар, выхватывая меч, вышвыривая его руку, говоря, что я нахожу это не совсем во благо – играть с грузыями, вы поведете нас за пределы щита, не надевая плащ, задевая свою шапку шляпой, протыкая их аж до самых глаз, ставя их в середине тех, кто есть, и где они с вами и грузыи становятся свирепыми фанатиками и говорят, нужно ли им что-то? Потом вы ответите с большой осторожностью и с рукой, помещенной на рукоятку клинка, опровергивая демонстрируя свое мастерство, прощая вашу милость. Я точно понял, что есть один фехтовальщик, кому я в прошлом проломил голову, который пришел меня искать, чтобы повидаться со мной из-за известности и репутации, которая у меня была. Это непревзойденный молодой человек и это был хороший бой. Ему казалось, что что-то было в речи. Вы будете смеяться над ловками, которые делают грузыи. И, нанося удары друг другу, ты скажешь тем, кто рядом с тобой. Это то, потому что это приносит вам пользу, говоря со мной в последний день. И тем, кто пришел послушать вас, вы скажете: пойдете ко мне домой и насладитесь прекрасными вещами, богатому мастерству, искусности и тонкостям, изобретенными ночью под тенью лампы.

Что то, чему они учили, – это воздух, поэтому они будут знать всех вас без того, чтобы слава ужасного и беспощадного пришла и слетала с уст простолоюдина и ранила слух рыцарей, которые очень хотят увидеть вас, думая, что только с одним этим усердием они уже фехтовальщики и нуждаются в ваших сигналах. Вы не будете никому, кто за ним следует, говорить ни хорошее, ни плохое. Если вы думаете стянуть ребра сверху соломой, прошу прощения за удар, вам придется поговорить с фехтовальщиками гестрезы, не вдаваясь в вежливость. Вы делаете ставки, в которые невозможно поверить и оставить им. Вы объявите, что будете играть сто герцогов учителя Толондрина, не имея ни гроша. Но те, кто деньги имеют и что-то знают, их вы будете иметь в качестве грузей. Вы тайно смеетесь над ними от всех фехтовальщиков, которые продолжают свои пересуды, обманывая молодых людей, у которых еще нет бороды, как вы хотите, чтобы было, чтобы взрастить свою гестрезу. Вы сказали им, что научите их за меньшую цену, потому что вы являетесь учеником того, кто знал об оружии больше, чем Теракл. Но я предупреждаю вас, что вы не будете в ожидании или участвовать в соревнованиях с людьми, с которыми вы будете драться. Будучи внимательными, вам кажется, что будет хорошо, если бы вы спали, часто переходя к этому. Что скажете на это?

Большая для меня чудесна, она заставляет двигаться вперед. Вы объявите, что в один прекрасный день он судил с вами очень образованного человека, не имея против него ничего грузого, кроме как то, что он каждый день остается среди ваших грузей, победителей, не привлекая фехтовальщика в игру, который не знает и не слышал об этом. Эудемио был поражен обманами и проступками, которые обнаружил учитель, но радовался, что может понять то, что те, кто в дальнейшем будет предупрежден об этом вреде, будут жить более скромно среди этих людей, также надеясь, что те, кто используют подобные недостатки, им стыдно на публике признать свое зло, и что они поняли свои попытки узнать и раскаться в злом состоянии, восстановиться в том, что наиболее подходит для пути добродетели и спасения их душ. А, обратившись к учителю, он сказал ему: «Они никогда не сталкиваются с этими трусами, с которыми они разобьют голову?» Вы не видите, – ответил учитель, смеясь, – что тот, кто имеет соломенную юбку, боится огня, и, создавая неприятности человеку, который может отомстить, они не выходят ночью и не бегают днем в тех местах, где их могут найти. «Мне жаль их, – сказала Эудемио, – все это случится поводом для плохих грузей». Он не знал хорошо учителя и имитировал своим мечом в воздухе одну из своих стоек, что вызвало у Мелисо и Молеарко большой смех, понимая, почему он это сделал, и спросил Эудемио, что это было? Учитель ответил, как будто бы я ему очень хорошо заплатил, чтобы все знать. Трюк состоит в том, чтобы нанести десять или четыре пореза, не достигнув вражеского меча, с которыми вы можете оскорбить его верования. Это и называется сформированной

уловкой? Я ответил учителю и услышал, как он разговаривал с фехтовальщиком. А если вы очищаете раны таким же способом, как репутацию и славу, то не будет фехтовальщика, который постел бы ждать вас, ни отвечать, выставляя на меня что-то типа плаща или накидки, которую можно обмотать вокруг шеи, отодвигая от груди. Сделайте порез над головой, не так много, отклонитесь, оберните плащом, поставьте левую ногу позади, снизу, затем сделайте движение корпусом, чтобы заставить меня исследовать оружие, или, если я выставляю накидку на его меч и сделаю движение корпусом снизу. Там, где я должен нанести рану своему противнику, у меня есть плащ? – сказала Эудемио, которого уже обнаружили, ответил учитель. А я помню, что у меня еще дома один плащ остался, который обматывался на мою руку. Я это видел после четырех уловок, которые напоминали уколы в спину быка на корриде. Оставьте это сейчас, если я нанесу этот порез, обматывая накидку на ваш меч, и отойду на одну сторону, и сделаю режущие движения в воздухе и поверну левую ногу, то с этой уловкой, которую я тебе дал, отойдите к этой точке на моем теле, сделайте порез в виде браслета, оцупывая, чтобы вы почувствовали, – и трудности закончены. То, что вы говорите, или что вы делаете, сказала Эудемио, вы не видите, что все это глупость? – говорю я, и он ответил вам: слушайте, учитель, что парирование закончено, и несмотря на то, что он парирует, ответил Эудемио, это не значит, что этот человек христианин, ответил учитель. Если он позволил себе быть убитым, и, если я не знаю, что сказать вам, немного поднимите руку, идите туда, где можно снова сделать порез в виде браслета. Для чего вы положили руку, спросил Эудемио? Потому что в соответствии с тем, что я слышал, что они говорили, они были правы, что это делается, когда нет науки. Вы или не довольны, ответил учитель, потому, для меня, если живет и царствует коронованная роза, длинный порез, тело попадает под траекторию этого пореза, все остальное сзади. Вы вспоминаете удар ножом, как я сделала воспитаннику 24 раза, которому я открыл голову аж до зубов, и вместе с ними я стал помечать меч, когда оставался один, а против меня выступали лучшие мастера Севильи, и я заставлял их платить как зайцев. Вы не можете перестать вспоминать то, что там был Камачо, ваш стелый сосед, стальной палец Алькантарилла, Валдовинос Франко и Тарранпи, Аргантонио Бискайский Серрогранде Норугус, Таработе и Туйяло, Мавазарес, Карата, Кантораа и многие другие. Был ли там Мингаларио? – спросил настешавио Мелисо. Да, ответил учитель, и был очень хорошим сыном, и это было потому, что мне потребовалась одна ночь, чтобы защитить его спину, чтобы войти в одну вещь, и когда мы туда приехали, мы все были у двери. Мойдемите, сеньор учитель, эта оживленная улица, сказала он мне, грожа, и я ответил: нет, нас знали там, мы там уже были, нам нужно идти, наклоните руку, правая нога впереди, как лучший солдат, и знай, Мелисо, что меч – это знамя, рука и тело – это командир, ноги – солдаты, и

глаза – это маэстро. Атакуйте с ними, они утрут. Для тех, кто убегает, или кто придет сзади, сделайте ложный выпад против семи, верните им одного, другие останутся с остальными. Теперь, когда они снова убежут, вы не дадите им идти пешком. Что говорил Эудемио, что вы идете, как тростник, с которыми вы сражаетесь? Или вы не позволите мне это, ответил учитель, кто был в ярости, убивал и ранил тех, кто всю жизнь был у меня во врагах. А где без какой-либо защиты исполняет все ловки, которые знает, то бишь более десяти тысяч. Ты не распутываешь кусок ткани, который у меня есть в качестве защиты, чтобы они были, как я говорю. Я думал, что сегодня я помечу свой клинок кровью тех, кто вступал в драки и ссоры, что уже было более десяти мертвых по моему распоряжению. Позвольте мне немного отдохнуть от боя, вы будете пользоваться тем, что делают некоторые, потому вы не позволите мне ссориться как мне нравится, как будто я привык к оскорблениям, (я думаю), что вы это делали не для того, чтобы много убивать, потому что между ними был друг, когда они идут одни по улице, чтобы дать понять людям, что все, что они думают, это находится в ловках и ссорах. Они размахивают руками, как тот, кто фехтует, и ударяют их головой, кричат свои рты, как человек, который не рад, и, если они вдруг найдут кого-нибудь из них, который позовет его и направит в какой-то вестибюль и заставит его наносить удары рукой и встать в стойку, они делают крюк, который не побьет Табуана, и жест, сказав, что теперь поцелуйте руки и не ищите ничего того, что есть моей формой трюков сегодня. Жевка очень счастлива, и они говорят, что ночью они мечтают, и чтобы не забывать, они хотели попробовать это. Они ничего не нашли этого, потому что потом хотели больше всего создавать препятствия и помехи. Вы разве не скажете, что это плохая ловка? Для того, чтобы повернуть его, чтобы увидеть, как два дня они приходят к обманутому человеку с большой учтивостью и вежливостью, требуя от него десять реалей, заимствованных под расчет, т.к. ему придется заплатить, когда он будет одним из любимых учеником. Поэтому они заставляют вас быть фехтовальщиками, чтобы не терять деньги. А, если вы это сделаете в течение некоторого времени, первое, что будет, это ловка, которую я называю «влечение оружия» или «завет дестрезы» за дружбу, которая для всех, кто понимает дестрезу, которая уже моя, без необходимости заламывать руки оттуда сюда, справаясь с оружием, несмотря на то, что принесли чистый меч. Эудемио сказал, что значит принести чистый меч? Это значит убежать? Так и было, ответил учитель, несмотря на то, что вы медленно наступаете на противника, вы смеетесь? Потяните вниз и вытащите наружу, наклоните туда меч, до середины, потому что они идут туда, и, если я неожиданно нападу сверху, и, если я буду парировать снизу, с другим миром, ладонь смотрит вверх, пусть они упадут на ногу. Испытает ли он на себе меч, сказал Эудемио, как будто он чистый, чтобы прийти к

противнику? Да, сеньор, ответил учитель. Вы хотите знать больше того, кто учит вас? Тогда, как он знает, он исследовал меч, оставляя его чистым, что, если вместе с волосами побледнели, и я хочу, чтобы это было сделано, то это было изобретено, испытывая меч, с порезом на руке, делая вид, что я этого не знаю, потому что я не хочу, чтобы так было, говоря правду, что я не хотел, чтобы так было. Но какой причине, сказала Эудемио, он научил вас малому из того, что знает. Эта ли благодарность, которую вы испытываете к тем, кто много это использует? Таковы плохие намерения. Мне показалось плохим ваше дело, скажите мне какую-то достаточную причину, хотя никто не может заставить человека честно говорить ложь о том, кто говорил вам правду. Я скажу вам, ответил учитель, потому что они спрашивали его, много ли я знаю, и он ответил, что он не знает так многого обо мне, и когда они сильно оказывали давление, он понемногу закрывался. На это Эудемио ответил, что если это правда, что он говорит, и если он спрашивает людей, которые вынуждены отвечать, то мне кажется, что нет необходимости винить его. А вам что кажется хорошо выполненным, ответил учитель? Что ему это стоило усилий, или что он говорил, что я много знал, или, что он лгал об этом по-своему, ответил Эудемио. Хороший человек должен бежать от такого злого порока, и, хотя это и не настолько серьезное преступление, чтобы не подражать шарлатанам фехтовальщикам, которые претворяются, этого было достаточно, чтобы потерять это вместе с Богом, он питал к этому отвращение. На это ответил учитель, я его похвалил, что он сделал многое другое? Да, сказала Эудемио, есть много того, чтобы сказать правду или ложь, другого нечего сказать. Так и должен поступить человек честно. А мы правы, что это большой вред, который сделал Чарилло для людей, говоря неправду, что вы фехтовальщики, что очень полезно то, что вы получили, смотря без страсти на то, что он сделал хорошо, и, как вы и ожидали всегда – его сознания ошибку. Странно, сказала учитель, что позже вы поняли, за кого я это сказал, он хороший молодой человек, но, если бы у меня это было здесь, я бы больше продвинулся вперед, внедрил бы этих пятерых, которые насмеяются, видя много раз, что я говорю вам правду, я буду рад знать вас. Я хорошо понимаю, ответил Эудемио, что с кучей денег вы не потеряете это дело и не будете бесконечно разговаривать с течом, не сражаясь на его языке, не думая, что я не достигаю этих точек на теле завистников, которые, если с ними приходится говорить о зле честных людей, – развязывают долго лежащий язык, демонстрируя из себя львов. Но, если они противоречат им, униженные и трусливые, как зайцы, признавая, что он насмеялся над всем, что они сказали, они возвращаются, чтобы хвалить его и съесть как собаку. Мне жаль их души, которые утопили их в море зависти, и когда они более уверенные и отдохнувшие, они идут безопасной гавани в тишине в скалах лжи, там, где они потеряны, и их притязания также приводят их к тяжести их злых дел. Как жаль, что он должен будет иметь

родителей, которые сожалеют о дружбе, которую их дети приобретают с такими людьми, от которых они получают оскорбления и смерть от их жён и от души, которая ещё хуже. Было бы хорошо исправить их и искать путь для их лечения. Мне кажется, это хорошая идея, ответил мастер, даже больше, чем я говорю. Они едят то, что вы говорите и голодают, тяжело чувствуя вред, который Эугенио доставил людям, придя к ним, чтобы сначала проигнорировать зло, которое исходит в конце от этого обмана. Не чувствуя меньше того, как если бы с этого дня нужно было поразить великое зло со склонностью предупреждать небрежных и обличать тех, кто настойчив и упрям в уже очевидной низости и подлости. А, отдыхая от работы с мечом, он получил много смеха от своих спутников, снова и снова задавая вопросы учителю. Когда ожидали Мелемарко, он сказал ему так: не называй меня учителем, потому что они оставили некоторые из своих ремесел и отдали шарлатанам гестрезы и мужества. Поэтому это легко, ответил учитель, и не стоит ни гроша, чтобы жить, думая, что в последнее время в случае с низкими людьми он становится храбрым и говорит плохо о честных людях, которые в то же самое время как многие другие, которых воспринимают как конкурентов, я это очень хорошо знаю. Я думаю, сказал Эугенио, что поэтому вы так часто преуспеваете, как хороший подражатель простолоудингов. Он не дал ему удовольствия, скрывая, как будто он этого не слышал, ответил учитель, с которым это правило в настоящее время широко используется, особенно на вашей земле. Не знаю, говорит ли он это вам. А больше по тому, что вы не верите, что говорят эти храбрые люди, я скажу вам, что это будет, сказал Эугенио, предостережение внимательным и бдительным. Я обещаю вам, что немногие обманывают меня своей ложью, что опыт и использование с течением времени породили в моей памяти науку, столь убежденную избегать тела, и не будет вещи, которая будет против нее. Я не понимаю ваше слово в науке, сказал учитель, посмотрите на это, если они вам говорят, что человек, который идет туда со своим мечом, трус. А что из многих обид, которые они ему сделали, он не получил удовлетворения своей чести, смотря хорошо, чтобы они не обманывали, что один дьявол выгладит как другой, и, если когда-нибудь вы обнаружите, что он выделит какого-то озорченного без причины и повода, а затем протянул руку на меч для него, и, если к счастью он убежит, - я последую за ним, милорд, пока не найду его и не подвешу под столом или кроватью. Но если так произойдет, что он не был трусом и солгал из зависти, что у них есть то, что он им сказал, и обнажил меч, ожидающий вас очень хорошо или нападая на вас, быстро отводя назад меч, - выставите вперед свой меч, говоря, извините. Мой лорд разгневанный человек, у которого не всегда есть истинное мнение и здравый смысл. На самом деле я думаю, что он человек, которого я искал десять лет назад, и в значительной степени ему это так и кажется. Если другой говорит

слишком много, видя себя обиженным, он достигнет этих людей, чтобы находиться в этой среде, разговаривая с теми, кто приходит, как разговаривает бедный неопытный парень. Я это заслужил, отдавая свой меч от его шеи, прощая его жизнь. А с тем, что вы говорите в голос, будут сотни, которые говорят это, даже если вы не пришли к нему с единым языком. А, будучи спокойными, вы все будете смеяться над признаками великого сердца. Но-видимому нет никакой опасности, вы будете говорить сквозь зубы, что вы его убьете, если честные люди не убьют его. Плохо быть таким крестным отцом, так что нужно прояснить, где он строит свое гнездо, или где поет корруптка. Не говорите мне больше, ответил Эудемио, потому что я больше не могу терпеть, что среди христиан есть такое скрытое зло. Я имею в виду, что это больше сила человека чести, чем сила всех этих трусов вместе взятых. Я не знаю, как отреагировать на это, но у вас так много всего в памяти, что меня восхищает, и было бы лучше использовать это в более полезной и достойной вещи, чтобы восхвалять это. Какие дураки из вас, ответил учитель, более полезны, чем этот? Что вы скажете, кто может быть в мире? Вы не видите, что большую часть времени они приглашают меня на обед всегда есть бедрами, и без всяких затрат одевают меня, не тратя четырехмесячного заработка жизни среди этих дураков. А если они знают меня в самом маленьком церковном территориальном округе, и я выясняю себе эту манеру жить, которая потом меня отводит еще дальше, соседи во всей моей жизни общаются, и поэтому моя наука продолжается и всегда есть новые ученики, которые меня славят. А с именем фехтовальщика Эудемио все утаивает, что было от меня. На самом деле, я скорее умру от голода, чем дам это. Мало знают, что они говорили, что я хорошо себя зарекомендовал. Вам немного кажется, сказал Эудемио, что это не что иное, как знание дестрезы, но говорите то, что знаете, потому что, как вы уже утверждали, я фехтовальщик и храбрец. Если бы я сказал это, произнес учитель, и более того, если бы вы сказали, где бы вы хотели оказаться, чтобы вульгарные мелкие людишки могли считать вас храбрыми, – у вас было бы преимущество перед всеми людьми мира. А вы свидетельствуете, что едите железо и печень львов, и что это связывает трактор, как будто бы он находился между рук. А, если я спрошу вас, что вы ели за завтраком, вы ответите, ничего, мой сеньор, только кусок кольчуги с некоторыми мечами. Если вам подгадут еду, у меня есть кусок приготовленного мяса, который я готовлю с мясным салатом и рисом на щите, и подтверждаю им, что вы убьете мечи днем и ночью, понимая, не споря с хозяевами, и договариваясь с вами о справедливости, потому что в противном случае убийцы из-за голода удалят очень много мечей, и вы поклянетесь, что для их продажи у вас есть соглашение с продавцами шпаг, и что все проповедники знают вас с того дня, как вы это сделали на торжественном застолье на улицах, и что все поджигатели приглашают вас и восхваляют по многим другим вещам.

Потому знайте, что прежде, чем вам не хватит кого-то, вы придумываете тех людей, которые творят вас. Я скажу вам, что Эудемио так много сказал из-за плохого намерения по отношению к добродетельным, я не дам ему честь, которая так много принадлежит сильным. А не потому, что они верят, что заслуживают этого, а убивая его от завистников. Но между ними есть разница, что чем больше они знают, тем они скромнее, и те, кто говорят, когда знают меньше, те более высокомерны и горды, потому что они похожи на весы, что там, где меньше, то и поднимается. А мне очень хорошо это известно, чтобы избежать таких плохих привычек и знать их с такими хорошими знаками, как эти, и прекратить работу. Но это учитель сказал: я хочу дать вам урок, чтобы сражаться, выставите ногу, сбивая с траектории холодное оружие, и нападите таким образом на своего противника, и если у него останутся какие-то мнения, потому что люди уходят, не получая многого, то если вы вернетесь к этому, то это уже будет известным, я надеюсь, что у вас все есть. А если противник наносит ответный удар, так мы все делаем, - мы удостоимся чести сражаться, я так считаю, ответил Эудемио. Но вы не видите, что это не храбрость, воевать только с одним бойцом, и что трюки с оружием не были изобретены для того, кто возлагает на кого-то надежду, а для того, кто идет. Отсюда я теперь понимаю, что с одним из этих храбрых может только сражаться одна армия людей, не ожидающих удара, кто не знает, как страдать, потому что у них нет чести, которую можно потерять, у кого много защиты. А хотя для вас и для других кажется, что, следуя этой дороге, можно победить, - знайте, что вы обманываете себя и теряете удобный случай, который, по вашему мнению, вы достигли за многие годы. Исправляйте этот случай, сказала учитель, смеясь над тем, что сказала Эудемио. Вы боитесь этого, боитесь того, кто я есть на самом деле? Вы уже заитесь, что странно, что вы не знаете, как выдержать учителя. Не сердитесь, что для вашей же пользы я говорю так, чтобы вы учились не бояться, тем более, что все входит в урок. Но, если бы вы мне заплатили, я бы рассказал вам судьбу в любых местах, в которых я давно был с друзьями, и даю пишу тем, кто знает, как и я, и тысячу других вещей, которые используют, видя от этого большую пользу. Тогда Эудемио злой от того, что он видел, когда уже распространилось зло, ответил, не говори мне больше, да же с тем, кто платит большими свидетельствами и обманами, которые направлены против хороших людей в конце разрыва, чтобы узнать некоторых, чтобы понять, как они обманывают, и какие обходные пути ищут, чтобы у них что-то было. Придется наказать таких людей с большой осторожностью, сказал Молемарко, потому что без сомнений они должны испортить лучших и самых целомудренных людей нашей страны, потому что они не изучают другие ремесла, чтобы с меньшей нагрузкой на совесть они могли преуспеть или, по крайней мере, причинить вред? Там вы увидите, ответил учитель, превосходство

того искусства, потому что те, кто имеют к нему какое-то отношение, они воспринимаются так же, как я. А чтобы было ясно, вы видите, что пороховницы оставили, чтобы дать возможность обучить орудию, которое намного легче.

А больше работы, сказала Эугенио, потому что, испытывая эти трудности и путаницы, которые вы говорили, больше углубляясь. Мне кажется, Молемарко, что это бесполезная работа того, кто изнуряет свою жизнь, зная причины и отменяя эффекты, и понимает качество движений. Чтобы очистить раны так, чтобы их применение было правдивым, и зная души людей, чтобы каждому дать то, к чему он склонен, и что их сила может выдержать, – с этим вы приходите к менее хорошим вещам, которые так мало нравятся, а многие из них верят шарлатанам. Прежде чем Молемарко ответил, он предвзвешивал учителя и сказал: «Я рад видеть, что вы напуганы». Я не нахожусь в обманутом состоянии, ответил Эугенио, увидев настоящую дестрезу. А какая она, настоящая, сказала учитель? Та, ответил Эугенио, о которой вы (чтобы доказать это) говорите плохо. Несмотря на то, что я понимаю, ответил учитель. Я не должен говорить о ней плохо, а о том, что я понимаю – хорошо? «Он обязан, – сказала Эугенио, – зная хорошую дестрезу, иметь такое плохое мнение, как вы, или он должен говорить на вашем языке, чтобы вы поняли». У меня плохое мнение? – ответил учитель. Я очень рассердился, потому что я ваш учитель, а вы говорите, что я болтун? «Тогда, вы мой учитель, сказала Эугенио, смеясь, скажите мне, что такое зарубка?». Ма это учитель сказала, что нужно какое-то время, чтобы подумать об этом, это некая рана. Если выполнена полностью, то течет кровь. Тогда, удар, нанесенный шпагой, ответил Эугенио, это рана или зарубка? Что вы хотите, чтобы я показала это вам, ответил учитель, или чтобы хороший мой ученик это сделал? Я не хочу большего, чем иметь хорошего учителя, сказала Эугенио, скажите мне исходя из вашей жизни, все ли фехтовальщики, которых вы видели в мире, знают дестрезу так, как они говорят? Разве нет никого, лучше, чем они? Я лучший из них, ответил учитель, это я говорю между нами, но, когда я нахожусь там, я использую другой термин. «Это правда, – сказала Эугенио, – потому что я ничего не знаю о том, что знаете вы». Но вашей вине, сеньор, ответил учитель, и по вашей невнимательности, вы знаете из того, что вы видите, что тот, кого больше других я хватаю правой рукой и двумя пальцами левой руки, чтобы нанести удары кулаком в тела турчин фехтовальщиков, у которых мало сострадания и преданности, сказала Эугенио, поэтому вы их так сильно бьете. Да, ответил учитель, нет необходимости говорить, что мои раны не похожи на раны других смертных. Наднять шпагу, вставить, молчать, что ничто, чему я учу, нельзя пропустить или забыть тех, кто не знает. Вы мой ученик, лучше сделать зарубку, говорю я вам решительно, хотя это не так, лучше удар обратной стороной, несмотря на то, что нет необходимости держать оружие пальцами вверх, выставить

правую ногу вперед, дать вам упасть, стремительно атаковать, и, если я отклоняю тело с левой ноги, я говорю, когда он нанес вам все удары, – возьмите этот меч с наружной стороны, остановитесь, вернитесь, подождите, не убивайте меня. Вы уже видите ваш меч над грудью, если направить хват пальцами вверх и ударить обратной стороной меча, чтобы сбить его с помощью лести, такой удар можно использовать в бедро, а если ногти не направлены вверх, то удар в грудь, и вы не будете исправлять то, что неправильно, а только разгрузите тело, обращая внимание на то, что никто не слышит нас, потому что это великолепные вещи. Или мою тайную полезную дестрезу можно достичь посредством большой работы, или сделать выпад с кулаком, вы меня хорошо понимаете. Расположите ваши ногти по направлению вверх, как делаю до этого.

Но какой причине, спросил Эудемио, я должен так поступить и не поворачивать ногти руки вниз?

О, дурак ты, ответил учитель, потому что ты можешь сделать лучше противника что он хочет, нет больше причин делать то, чему они вас учат, и оставлять эти причины при работе с мечом. Сюда приходит рыбак, и вы должны идти в разрез с мечом или с причиной, оставаясь остроумным, бегите туда, тяните всегда правую ногу, не парировать той удар там, где это подделка, меняя меч, нуджаясь во враге, контролируемого изнутри. Теперь я переключу бутербродом, поднимите меч, вы сочувствуете мне, что причинили боль, присоединитесь ко мне, чтобы обдумать, что вы тратите время, не нанося удар левой ногой, что запрещено, а соедините с другой, с правой. Но что Эудемио сказал, почему левая нога в этой секте изредка является привилегией? Или оставить ее отдыхать, потому что другие сильно устают? Больше устают те, которые наносят удары левой ногой, чем правой? Обоих движений нет, и осталась причина? Или управляет воля.

Но что учитель ответил, потому что меч находится близко к той точке, откуда он можно повредить противника, перемещая правую ногу. И он может легче перемещаться по движению меча, а не с левой ноги. И они еще находятся ближе к возможности избежать раны, потому что легко допустить ошибку, в первую очередь, чтобы продолжить защиту, оставляя тело с маленькой силой не из-за левой ноги, а из-за неправильного удара, чтобы была причина и следствие в одном и том же месте (если можно так сказать). Человек не может ранить или защищаться, не совершая действия раньше, которые вовремя защищают и помогают одной из ран, без каких-либо других причин, которые есть, и знать, что я видел это много раз среди тех, кто называется фехтовальщиками, что, когда кто-то делает трюк, с помощью которого он может нанести раны, они говорят ему, что это ложь, чтобы он не делал этого. И невежа перестал это делать по этому убеждению, а другой его бы схватил, если бы он сделал по-другому. И если вы видите, что с определенной стойкой противник дает понять без какой-либо причины, что ваша

дестреза не имеет никакого вклада, посоветуйте ему изменить такое отношение, убедите и дайте ему ту манеру, с которой он лучше будет доносить все до учеников.

О, какие странные, ответил учитель, это ваши друзья, которые затем радушно принимают их на латыни, что не поймут, сколько мастеров было проэкзаменировано. Эугенио, примите мой совет и верьте тем, кто знает больше, чем вы, главным образом мне, так как мне были сданы в наем те, которые делали то, что я говорю, и большего не спрашивали, кто может знать лучше, чем я. Кто, сказал Мелесо? Какие короли захотят, чтобы вы сказали им, ответил учитель? Заплатите мне на месяц вперед, и давайте продолжим с лекциями, которые остались, прокладывая дорогу вместе со мной. Снова возьмите меч, если я возьму его с обратной стороны. Потом я нанесу удар в грудь пунтой. Выйдете потом на дорогу по одну сторону, опустите меч, чтобы атаковать лицо режущей частью меча, а затем парируйте снизу, если я нанесу режущий удар в вашу руку до середины, или в лицо, если хотите, не оставляя это на потом, а затем нанесите удар мечом, говоря, что со шляпой в руке он хозяин города и лордов. Все, что мне нужно сделать, это уединиться, сказал Эугенио, и забегая наперед, вы меня не будете учить ждаты. А почему я хочу дестрезу, если мне нужно избежать учителя, как вы меня учите? Нанесите удар мечом, этим фехтовальщиком, как будто бы он исходит от меня, ответил учитель, которых вы изматываете, потому что они не ходят в сурд, где находится цветок мира, тогда как я там нахожусь. Это нужно понять, чтобы все знали и видели ваши способности, я всех заставил смеяться над фехтовальщиками и прошел туда, ожидая вас.

Опустите кончик меча на землю, вы знаете, что случилось со мной в Бургосе, давая уроки инфантам из Нары? Нет, сказал Эугенио, вы говорите это может быть потому, что забыли кое-что из того, чему вы хотели меня обучить. Я уже сказал вам, ответил учитель очень рассерженно, что мои вещи никогда не забывают, не из-за вашей жизни и моей, а о том, что было сейчас. Вам странно, что вы должны заставить человека забыть силой. Подождите сейчас, о чем мы говорили? Хорошо, сказал Эугенио, я уже понимаю, что это длинная история? Я это должен выдержать, чтобы угодить этим господам, потому что они смеются над ним, или над тем, кто так учится. Вы немного устали, ответил учитель, вы стали бы оружен, если бы я научил вас запаху одного гриката, чтобы вырастить фехтовальщика на моей груди, и узнать, что я сделал многое в этой жизни своими руками. Из-за смерти некоторых вы также должны были быть причиной, ответил Эугенио. Хорошо слыша учителя, это как и другие вещи, которые скрывали и делали вид, что не слышали его, ответил, вы устали? Очень важно, чтобы вы были моим учеником, потому что вы - новичок и стельчак, как и требуется для работы, но однажды во Фландрии я воспитывал юношу, давал ему то, что знаю, но он умер у меня на руках, будучи

тем, что я называю, учить графов. Они больше не юноши, спросил Эугенио? Все едины на этой земле, ответил учитель.

Это мне напоминает то, что произошло с одним моим другом, сказал Эугенио, который послал своего воспитанника в дом Авраго с залогом, и пошел в дом одного духовного лица с таким же именем, и, возвращаясь, чтобы объяснить причину того, что он ответил, его господин, увидев глупость юношей, услышав глупый ответ на свой вопрос, спросил в какой части он его обнаружил. В его доме, ответил воспитанник с другими духовными лицами, на что мой друг ответил, что вы говорите? Я вас не отправлял в дом Авраго?

На это ответил юноша по правде говоря с большой флегматичностью, что это ваша изысканная милость, говоря, что мне духовное лицо дало больше, чем Авраго, или двадцать четыре, что есть каноник, все это не является церковным капитулом? Я наполнил вас этими шутками, сказала учитель, скрывая использование рассказа, сказки Босканские или Копааские. Но меньшей мере вы верите во все свои суждения, думая, что то, что я знаю, это не шутка. Правда это то, что я склонен не столько к мечу, сколько и к другому оружию, пику, алебарде, bastonу, со многими другими вещами, такими как меч и кинжал. Вы уже видели это своими глазами, что никто из смертных никогда не поймет это так, как это знаю я, ни секиру, признавая преимущества для живого существа, и я не перестану хвалить пикю. Я - величайший мастер работы с пикой, который есть, и кто более известен в мире. Услышьте меня, не было найдено в Лиссабоне человека, который знал, что я смотрю. Юноша, жаль, что я не хочу учить его. Бросьте меч через кольца, поразите мишень кинжалом, сделайте ловку против собаки, научитесь нести свое тело к быку с прекрасной грацией, удивляйте противников, глядя на них. Но моему желанию и к вашему удовольствию многие умерли, если бы я хотел обучать этому тщательному оружию, и поэтому было замечательно видеть, как я швыряю оружие из окна на тех, кто на улице с тысячами других навыков, прежде чем это несчастье случилось со мной. Является ли история выше сказанной, сказал Эугенио? Нужно уже закончить исполнять обязанности тех, кто долго прибывал в бою. Эта вещь настолько используется среди вульгарных фехтовальщиков, которые рассказывают сказки и имитируют потасовки, чтобы развлекать слушателей и окружить их вниманием, сколько им не хватает в искусстве, которым они занимаются, чтобы учитель не нашел момент без ажи, а хотел продолжить так, как это началось. Я только что дал урок, который все люди, чем-либо выделяющиеся среди других в мире, могли бы хорошо изучить, чтобы понять это. Ко мне пришел один неопытный юноша, хорошо одетый молодой человек, который мне такovým показался, исходя из своих лет, говоря, сеньор учитель, мэрия вас зовет, не давая мне то, что можно себе представить. Я ответил своему благородному человеку: для меня не должно быть сообщений? Сеньор учитель, я в вас нуждаюсь, сказал молодой юноша. Тогда все безрасудные герцоги приходят ко мне, говоря громким

голосом, что это за дело? Дайте сюда копья, которые сделали молодые юноши, приезжайте все сюда, слыша некий шум и волнение, причиняя неприятности вашей жизни и моей, и поднимая свой голос, сказала, господа, не все мужчины будут здравствовать, потому что я сделаю так, что мой меч не даст отдохнуть, как это было до этого, так как каждый человек ненавидит меня. А немного в состоянии покоя я сказала, gentlemen, вы не понимаете дела Термании, зная вас, и принимая во внимание всех рожденных и понимая не рожденных в утробах своих матерей, что, несмотря на это, я создаю скандал в человеческих телах с помощью рук ваших воспитанников, которых вы создали, которых все знают. Мне не нужно бороться с толпой противниками, я не так хорош, как Тимаро, я не могу говорить с самыми замечательными смертными. Но-тому, это последнее, ответил Эудемиио, если нет ничего другого, но этого недостаточно, чтобы увидеть, как вы вырвались из дыма мужества. Должно быть, это было то, что можно всю жизнь рассказывать, как о хорошем событии, так как у меня есть учитель, который может сделать книги из ваших подвигов и басни о полетах на высоте. Для полетов на высоте это плохой год, и даже для копья, вы их напугаете? Рассмотрите на меня хорошо, кто я есть, и поймите, что дьявол тоже входит в глиняный кубшин, как в любой другой сосуд, и в этой жизни вы не станете так устроены, как я. Теперь я начинаю испытывать себя в своих подвигах, наконец, выходя на улицу. А все человеческие существа, которые недовольно смотрели на меня, некоторые с плащами, многие с шапками и шляпами, и все вместе защищали себя, прикрываясь щитом. Труссы не понимали, что против меня нет защиты, нет щита, чтобы сопротивляться мне, когда я сержусь и нахожусь в устойчивом положении, так как ко входу в дом уже пришли из многих мест на улице. Я видел эскадроны хорошо упорядоченных людей. Как много их будет, спросил Эудемиио? А тем, кто хочет продолжать, учитель сказал, что нет им счета, по крайней мере, у меня его не было, например, сорок или пятьдесят, без тех, кто позже прибудет извне и увидит меня. Они начали будоражить всех людей. А мне, потому что я без наказания, они не сказали бы сурово с большой суетой и шумом, собирайте молодых людей с теми, с кем мне приходится сражаться, и поступайте также, как и я. Потом все, не пропуская никого, за что по правде говоря я могу их поблагодарить, вытаскивают свои мечи в воздух, которые так сверкают, что это доходит до меня, что дает мне увидеть, что мечи такие чистые и нетронутые, в таком хорошем состоянии. Была причина, чтобы увеличить желание и внутренне присущую волю, которые у меня были, чтобы я вершил публичное правосудие над ними, обладая таким правом. Все тотчас же с благородным расположением придут ко мне, но я их не ожидал, как делают некоторые идиоты. Я думаю, что это очень хорошо, сказал Эудемиио. Я также понимаю, что эти господа не сомневаются в этом. Это правда, что они говорят, ответил учитель, потому что я был за них более суров,

чем некая Хара, и более придирчив, чем фехтовальщик Мобель, так как от неудачного отряда, который я видел рядом с собой, я наоборот бросаюсь в атаку, как Эугемио отцепляется от моей руки, вырываясь из положения против девяти, что так не делается, если только не для того, чтобы отправить на тот свет. А я беспрестанно открываю наполовину эту дверь, или, чтобы увидеть крики, спешку, суету и неразбериху, я не знаю, как я вам это говорю. Или чтобы увидеть того несчастного, с которым ты сражался первым, сказал Эугемио, улыбаясь, какая жалость. А где вы это обнаружили, укажите мне двери, говорю я с плечом рыцаря. Действительно ли, сказал Эугемио, что он пожалел меня и освободил вас от них? Или насколько хорошо вы их впустили в это, когда скрывались. Как мало ты знаешь, ответил учитель, слушай тишину и обрати внимание на то, что дверь, о которой я говорю, я открыл, чтобы запретить их, и что только одного из мечей мне не хватало, которые были настолько хороши, что некоторые из моих друзей находятся там, где я нахожусь в заливе Ожидания. Они утешали меня сказать моему господину, какой короткий меч мне кажется хорошим, какой я бы хотел иметь, и какой будет мой. Многие ссылаются на щит, другие на небольшой деревянный щит. В этот момент он ответил всем с мужественным лицом, рассказывая им знаками, стискивая зубы, что я буду удовлетворять их желания и, наконец, исполню их волю, и я мог бы сделать это хорошо, потому что у меня такой великий дух, что, хотя я и ссорился, я думаю о многих других вещах, которые мне нужно сделать. В конце концов с моей рискованной рукой и клинком в определенной руке, рассеивающийся в них, и от моих привычных ран в открытом доме, я нанес им удар. А понимаемый теми, кто находился внутри, именно у двери они возымели свой ущерб и смерть, внезапно высвобождая свои мечи, сбивая на пол плетеные и зашнурованные шляпы, бросая свои плащи на землю передо мной, падая на колени, говоря с большим страхом и болью, в мире и войне, пронизательный воин и опытный фехтовальщик. Простите тех, кто, не зная вашего мужества, разозлил вас, принимая вас за другого. Бы не тот, кого ты ищешь, человек доблести, который успокаивает ваше мужество и вашу ярость, - сказали некоторые, и большинство из них со слезами на глазах, так как сегодня его долгие стенания, взволновал меня Эугемио, сдерживали мужество моей души и утихомиривали ярость моего меча, говоря им поднимать молодых людей, что я человек. А в конце вы вызываете во мне сострадание, посылая мне потом добычу дотой, которую я послал некоторым друзьям, желающим служить мне. Я говорил уже, что подчиненные молодые юноши в жизни и на свободе смотрели друг на друга, и они указали на то, что среди них было сказано, что во имя всех было сказано, и что эти слова мне сказала господин города или мира. Но крайней мере, все во Вселенной должны сдать вам, это он ясно сегодня продемонстрировал посредством опыта. Из милости вашей ты просит милостыню и освобождает добычу, по крайней мере плащи и шляпы, только ради

честности наших людей, чьи добрые дети вам будут служить, с опущенными в землю глазами. В таком случае, сказала я, поднимите отряд и гражданских, я не буду говорить вам это еще раз. Молодые люди, я делаю вам вознаграждение жизни и всего остального, что принадлежит мне, пока вы постоянно не будете ходить за мной по этой улице. Все с одинаковым мнением потворствовали с великой радостью, как и прежде, наслаждаясь жизнью, не думая ни о чем. Это было не очень хорошо, Эудемио, что он покаялся каждому, не выходя за пределы гарды моего меча, чтобы отправить его в свое завещание с проклятием, которое постигало его потомки, и что они отправят в городской совет, когда исчезнут две улицы, или тысяча окружит своим телом, чтобы не рассердить меня.

И что больше бы сделали, это чтобы бедные мертвые дрожали, если они прошли мимо. У вас не было слуг, и они наказывают их и исправляют слово, говоря «работники с пикой», люди без доброй воли, фехтовальщики, отражающие удар мечом, нечестивые от развала рода, болативые от плохой репутации, бедные, несчастные, жалкие, испуганные, которые заставили вас ограничить меня сроком, если к моему собственному счастью или несчастью они сделают что-то, что заставит меня рассердиться и изменить свой чистый клинок, (я не сомневаюсь в этом), что те, кто здесь присутствовал, не знали или не предполагали сказать отсюда за короткий промежуток времени были ли это человеческие тела или какая-то кучка щеголей, они казались хорошими или были таковыми? Я не знаю, что сказать, ответил Эудемио, но я обеспокоен, услышав это. Вы не были настолько оскорблены ими, ни отвечали на эти плохие слова? Потому что мне кажется, что каждый из нас может честно ссориться, плюс, когда все приходят ссориться с яростью, я не знаю, верю ли я этому. Сделайте это со мной, сказала учитель хвастливым и трусливым, как Аркадузы из Анорию. Тот, кто приходит, должен будет вернуться, и тот, кто приходит без страха, вернется со страхом, и если придет с мечом, то вернется без меча. Вы много всего им сказали, ответил Эудемио, этого недостаточно, чтобы оставить их? Вы меня не озорчите, ответил учитель, что все, что у меня здесь, рассказано подробно, без всякого сомнения, но я говорил в своем сердце и не слышал живого существа. Также это правда, что я не могу отрицать этого и, таким образом, перестать делать что-то, несмотря на то, что я им говорил. Я сказала другим, не вызывая их симпатию, потому что сегодня, там, где старейшины (не обвиняйте меня), – здоровысылая рука не будет делать все, на что указывает хромой язык. И, более того, когда я злюсь, ни я себя не понимаю, ни меня не понимают. Потому что вы не сказали этого с самого начала, сказала Эудемио, и не держите меня в напряжении, пока я не увижу конец, который очень веселый. Но я не удивлен, что, когда вы будете вступать в бой, вы будете парировать ветер. Посмотрите на меня, сказала учитель, как я бежала от ужасного гнева, не знающего меры, и они знали, у кого вы что просили. Таким образом я и сам не

знал, и те, кто росли со мной всю жизнь, три года не говорили мне, почему они не знакомились со мной. Приведите сюда пятерых в это правое крыло, и посмотрите мне в лицо, – я дьявол для ссор, от меня впадает в дрожь любой фехтовальщик, который для вас как сын, и посмотрите, что я не привык говорить в присутствии кого-то, кроме того, кто задает мне вопрос. Я сказала вам это, как хорошему другу, без цены. Вы, конечно, можете это сказать, несмотря на то, что Эудемио и другие не могли вынести проклятия слышать изобретения учителя, чтобы не потерять того времени. Была необходимость, чтобы Эудемио ответил таким образом из доброй воли, он сделал бы то, что вы просили, только тратя время на то, чтобы выразить мое мнение и одобрять ваши вещи. Но потом вы захотите сказать, что после того, как я человек и использую разум, я не видел и не понимал ничего из того, что было, ни то, что потом проявилось, и также не говорил и не соглашался с такой целью, что в том, что вы говорите, вам не видится Туллио. Кто такой Туллио? ответил учитель. Это может быть один из фехтовальщиков или храбрецов, потому что, если так и есть для вашей жизни, что он причиняет мне неприятности, то вы меня сравниваете с живым существом. Он был не таким храбрым, как вы, ответил Эудемио, но он был тем, кто лучше всего знал, что вы написали, и более сдержанный и изящный. Сдержанным говорите, сказала учитель, я рад, что вы это понимаете, потому что я не тот, кого можно сравнивать с другими. Вы знаете, что я сейчас вспомнил? – сказала учитель, но возьмите этот меч, – на словах я не так с ним хорош, больше понимая, что я уже вам ничего не говорю. От чего вам грустно, спросил Эудемио? Вы сделали паузу в своем понимании какой-то прошлой обиды молодого юноши? Вы можете сказать, что это как друг я советую, чтобы я сделал, хотя это правда, что никто не может дать лучший совет, чем он сам для себя выберет. На это, ответил учитель, я больше не хочу, чтобы вы были такими, я бы хотел видеть вас фехтовальщиками, такими же храбрыми, почти как я, не оставляя мне ничего, и то, что принадлежит оружию. Не знаю, как я отвлекся от дел или сделал то, что сделал. В этом и заключается ваша грусть, спросил Эудемио? Не удерживайте ее, потому что я прошу Бога, чтобы он послал мне милость свою, что, когда я это узнал от вас, я все забыл, не оставив и следа позади. Но правде говоря, я понял, что это было нечто серьезное, что случилось с вами по воле правосудия в промежутке вашей храбрости, что для тех, кто для вас это установил, я не стараюсь быть многим. Приведите сюда, ответил учитель, если для вашей собственной удачи вы откроете магазин и границу моей личности, и уберете свои доспехи в соревнованиях в праздничные дни. Вы не возьмете всех своих учеников, которые понимают вас, когда я говорю что-то? А вы будете похожи на меня, на большого хвастуна, более того, если вы носите платье, подобное тому, которое есть у меня, и говорите с паузами, которые делаю я. Я даю вам свое слово, сказала Эудемио, меня оскорбляет слышать это, вы видели, что

люди чести никогда не делают этого? Я не из этих низких людей, и не считаю себя фехтовальщиком или даже вашим учителем, тем более вашим учеником, видя сейчас, с кем он может конкурировать и желать того, что он знает. Я не настолько невежественен, чтобы не знать вас. Вы, возможно, видите людей, которые обучают за один урок как стать фехтовальщиком? Вы тем, кто обучает, должны дать двадцать, потому что они сделают из вас фехтовальщиков. А я знаю, что те, кто это хорошо понимают, не хотят учить, потому что они видят бесстыдство, и по отношению к вульгарным фехтовальщикам такие смелые и доверчивые. Они не делают этого, кроме тех, кто знает меньше всего, потому что, если бы они знали, что это такое, они бы не преподавали так дешево. Мойшаме, что я пришел отсюда, чтобы увести, что эти фехтовальщики хорошо знают, как плохо то, что они знают, потому что они так стараются избавиться от этого. Учитель ответил: тогда пообещайте мне не ставить школу рядом со мной, ни учить кого бы то ни было в течение трех лет, потому что фехтовальщики как вы будут хвалить вас и с завистью вспоминать вас, и вы научите тому, что они называют едой и питьем, и грузими словами, с которыми они будут смелыми, наблюдая за тем, что вам не хватает чего-то еще. Пообещайте мне, потому что это как урок для грузин учеников, у которых меньше гибкости, чем у вас, которые потом как пройдут урок, создают для себя группировки, объединяя учеников днем и ночью, обучая их публичным вещам тайне. А когда придут молодые белые парни, через два дня вы забирате мою пищу. А что я чувствую, это что самый глупый скажет, буду ли я завидовать, что вы можете научить меня тому, чему я вас научил. Лучшее, что вы знаете, это что я бы чувствовал это в конце. Я говорю вам по своей совести, сказал Эудемио, и если необходимо, - я приму клятву, которая заставит меня сохранить то, что мое намерение состоит не в том, чтобы постичь оружие, чтобы стать шарлатаном или обмануть кого-то. Почему, сказал учитель, так плохо преподавать? Творите сейчас, как будто вы фехтовальщики.

Не так уж и плохо учить, ответил Эудемио, если только это и так не самое лучшее, что есть в мире, и где видна изобретательность и понимание учителя и используется разнообразие остроумия, по отношению к которому это было применено. Но у него было настолько острое и глубокое понимание, что он точно знал свое остроумие, взвешивая и давая каждому то, что требует его душа и к чему у него есть склонность. Он учит истине подтвержденной опытом, а не мнением, потому что совесть учителя свободна от сомнений, а ученики прилежные и старательные, но я говорю, что я не буду учить оружие, находясь в стороне от тех трудностей и ссор, которые я приношу с собой. Главным образом, по мнению одного бестактного снабженца, я заставил одного человека чести сломать себе голову над определенными вопросами с любым невысоким фехтовальщиком. А несмотря на то, что они ясно видят, что он знает и что он может,

и многое понимает, – он остается не фехтовальщиком относительно невежд, а за трусость остается наряду с завистниками, хотя я знаю, что они не будут учтены, потому что мы не позволим сопровождать человека таким людом, которые без блеска и болтливые, как женщины, которые храбры, как вы сказали там, где им никто не может ответить, и лучшая причина в том, что, если я учу кого-то за свои грехи, и с отсутствием их желаний или тени заупости, я помещаю это в плохое место, потому что ловки в грехи теряют свою свободу, когда перед кем-то они окажутся далекими от этой вины, которая на самом деле их. И потому, что, прежде всего, я не заставляю большинство придерживаться мнения, которые имеют невежды, которые могут слушать это и уподобиться в речи низшим людам, которые с завистью стараются проявлять себя против чести других. Хотя те, кто не имеют чести и никогда не находят в доверии своих заслуг, не видели это с силой, если дело доходит до их рук. Они должны изгнать добрых людей с их обратительными словами и злонамеренными понятиями, поскольку с поступками и деяниями они не могли, и не могут приобрести некоторые из них, делаю мало. Таких в Севилье можно было бы пересчитать по пальцам рук, и пальцев бы хватало, потому что, как вы знаете, и до сих пор больше всего уделяется вниманию многословию и отваге для того, чтобы услышать о многих опасностях, с которыми вы связаны, и подчиняться человеку чести. Моя воля уже очевидна, и вы знаете, что я должен делать после фехтовальщика для того, чтобы потерять меланхолию. Есть много доводов для тех, кому Эудемии так решительно отвечал, потому что они поняли, что учитель будет сердиться и больше не будет места, чтобы слушать его, но он почувствовала, что сказала Эудемии, не останавливаясь на этом, скрывая сначала свой страх, подумав обмануть его, поэтому он ответил очень спокойно. Дай Бог вам здоровья, сын мой, что вы удовлетворили меня тем, что сказали. Знаете ли вы, что понятно из ваших слов? Что вы всю свою жизнь – постоянный мастер фехтования, хотя обещали мне не обучать. И я хочу, чтобы вы спрашивали меня, что захотите. В таком случае, сказал Эудемии, что я теперь хочу знать, это как вы стали настолько умелым фехтовальщиком и способным обучать, рассуждая о вашей жизни. Учитывая, что у вас есть удобный момент, ответил учитель радостно, давайте сядет, я воспринимаю вас как друга, и потому скажу вам кое-что. Мелисо падает, потому что больше не может переносить это, потому что, если я рассержусь на него, и даже со всем, что связано с его делом, – все будет только хуже. Первое, что я дал, чтобы доказать свою способность, – я создал книги кавалерии и в них дал волю чувствам, насколько мог. Я так устаю и мне было так плохо, что я оставил это дело, хотя они были не так уж плохо, и когда другие присоединились к нам, в мире не было ничего, кроме нас, и моих трудов. И многие спрашивали меня, и были рады впутаться в это, но у меня не было возможности поехать, прежде чем мне дали деньги на бумагу, чернила и перо, оставляя меня без них, с

работой и расходами. Потом он дал мне это, чтобы я написал книги об оружии, как делали все фефтовальщики того времени. А я написал трактат, который охватывает все сделанные и существующие в этом мире уловки, и надоело приказал их испытывать и исследовать. А я говорю вам, что и граф, имени которого я не помню, бросает мне это в ноги, потому что я этому способствую и передаю для вашей жизни и моей. Он подозревал, что такое будет публично, если мое учение придет в этот момент, и все те, кто знал, понимали, что это все, что у вас есть впереди. Каждый из фефтовальщиков до сих пор плохо охраняет вас с этим правом. Видел, что мое дело уже стало публичным. В качестве основного средства я выбрал всех тех, кого научил давать описание моего мастерства, чтобы каждый в своем доме смог учиться, и по тому, что мои ученики могли сказать, что я тоже был мужчиной, чтобы создать любую книгу. А я до сих пор помню некоторые приключения, которые у меня были, потому что они превознесли меня, наряду с тем, что они так много слышали о том, что говорили, отдаляясь от меня и приближаясь к вам, чтобы открыть человеку свое мастерство для скрупулезных людей, больше обманывая бедных, которые не понимают, что никто не увидит их, которые не говорят, что это принадлежит им. Потому что мне кажется, что это вещи, которые я делал с большой осторожностью. А у меня есть доказательства ваших высоких и низких соблазнов, замечательных вещей. Я бы не хотел их озвучивать, потому что я потом не сделаю вам грузную книгу, услышав приказ, который я несу в своей книге, потому что я не сказала даже человеку из этих фефтовальщиков, которые на данный момент не идут домой. А все, что вы слышали в моей книге, они делают в своей, только чтобы обманывать грузных и быть подобными мне, но кем они хотят быть? А кем я хочу, чтобы они были? Потому что они не расхваливают нашу способность писать книги об оружии, рассказывая нам, что у нас уже есть готовый трактат. А хотя это закончено, потому что два листа не пухнут от всего, что они знают, будучи самым чуждым, они говорят, что это начало, чувствуя конец. Дайте мне несколько написанных произведений, сказал Эудемио, или как все – оригинал, чтобы в ваше отсутствие я вспомнил все, что вы знаете, и исходя из пользы ваших уроков, скажу, что некоторые, кто остановились, не должны быть хорошими. Чем меньше вы знаете, ответил учитель, тем больше пользы вы сделаете в этом искусстве. Сначала я хочу дать вам один урок о бое на шпагах среди тех, кого больше всего в мире, потому что я говорю вам, что я груз, я знаю выбранные уловки, которые никто не знает. Что если бы они могли принести из ада меч в руке, который бы сделали для них. Со всем этим, сказал Эудемио, я хочу знать, ссорились бы некоторые, если бы это было предложено. Мне кажется, что это конец тех, кто изучает оружие. Для чего вы изучаете это, спросил учитель? Чтобы искусство не испытывало недостатка в том, ответил Эудемио, ради чего оно было изобретено. На это, ответил учитель, мне иногда кажется,

что ученые и другие люди имеют мало опыта. А до сих пор им не хватает шрамов, сказала грешник? Как никто не может дать вам причину того, что он не видел, кроме слухов, что то, чему меня учили, никогда не было создано для этой цели, потому что я знаю, что это в своей жизни испытал мой учитель, что он не выходил с поднятыми за голову руками, и я тоже, из того что я говорил вам. Все фехтование передается из рук в руки, и это правда, поэтому вы говорили со мной. Тогда это причина, сказал Молемарко, глядя на Эудемио, потому что они не используют навыки тех, кто заится за то, что узнали об этом, не зная, что такое дух, или в какой степени уменьшилась или увеличилась сила.

Этого я не понимаю, ответил учитель, потому что это плохо, но, когда я сержусь, я никогда ничего не помню об этих порезах и неловкостях, ни об ощущениях, движениях корпуса, ни о нападениях, которые мы используем, когда фехтуем. На это Эудемио ответил, улыбаясь, что это и есть хорошая дестреза, дозволять себя, видя, что вы теперь свободны от истины, как были свободны до сих пор. Чарилло хорошо говорит, что вся дестреза – это ложь, и потому мы начали смотреть на все это. Погдем на урок сражения и используем все оружие. Скорее, вы должны поднять свой палец в знак клятвы, ответил учитель, которой никто, кроме меня, кого я знаю, не научит вас, потому что, если они знают ее, вы все равно не сможете извлечь ни из чего пользу, и не будет человека, который отважится подорвать. Если вы атакуете его так, как все говорят, как я совершаю свои атаки, отнимите силой потом эту шпагу, которая хуже, чем у демона, которую я однажды повредил. Вы тоже экспериментировали со шпагой в ссоре. Вы делали это лучше, чем другие фехтовальщики, которых я знаю, сказала Эудемио, которые для того, чтобы сделать это так же плохо, как всегда, оживают их несколько раз, когда это было предложено, и они имеют значение для человека, чтобы услышать хвалу тем, кто заслуживает похвалы за свои работы, и взвесить удачу, если они кого-то обыграли в споре. Позвольте мне закончить урок, ответил учитель, или историю, которая вам больше всего нравится. Потом я дам вам правило, чтобы создать того, кто очень храбр, создать фехтовальщика, которого нет. Вы уже морщитесь лоб и сердитесь? Вы довольно странные с этим жеманством, вы не хотите знать, что вам подходит? Я вам не скажу это, чтобы вы не смогли использовать это. Мне кажется, что он хороший человек, за исключением того, что вы можете увидеть устав, который есть у завистников, когда они хотят держаться подальше от тех, кто хочет зла и хвалить тех, кто любит делать хорошее, и слушать тех, с кем вы знакомы, и смеяться, и охранять от них, как от злых людей. За исключением того, что вы никогда не услышите, что все это было для вашей пользы. Но ни одна вещь, которая есть, как моя отважная ссора, которая была такой, что я не знаю, ударил ли я, чтобы порезать его, пока я еще помню число своих противников. Опустите шпагу рядом с кончиком вашей стопы

и прикоснитесь к ней, оголите ногу, отодвиньте ее назад со всей грацией, нанесите удар шпагой по ногам и потом удар ногой. И если они перейдут на другую часть, чтобы скопировать этот удар шпагой также отлично, как и я, уже в корпус в спешке, – снова выставите ногу. В этот момент я вспомнил уловку, которую делал, положение, в котором они были, оскорбления, которые я им говорил, слова, которые они мне говорили в ответ, и раны, которые я наносил. Какой вздор эти правила, которые вы назвали, сказал Эугенио, это все, что вы рекомендуете? Не говорите мне больше, потому что все должно быть именно так, но скажите мне, почему они поставили число в правиле о шпаге, будучи бесконечным, это можно делать так же и с другим оружием.

Всего, ответил учитель, шестнадцать правил, но мастер Роман создал два поединка, он не хотел, чтобы Эугенио забыл о ссоре. Подождите, сказал Эугенио, не спешите какое-то время, не бахваляйтесь, давайте немного поговорим о ссоре. Позвольте мне понять, почему, когда учителя дают уроки, – дают их впустую, не тем людям, которые говорят, что им пришло ссориться с учеником? Разве вы не понимаете, что, когда придет время проверить их, и они окажутся впереди некоторых других мужчин с мечами, им никогда не удастся выполнить некоторые из правил, которые они узнали без защиты? Таким образом все, кто ссорится, не воспользуются своим мастерством, несмотрят на страх, который наполнил души невежественных мнений о ссоре, чтобы двигать губами руками? Не рассматривая, сколько он останавливается на ранах, и что он теряет во всех движениях, и сколько нужно знать, – все это дает ему средство пропорции в соответствии с его длиной. Это не очень хорошо, ответил учитель, дать чему-то пройти, чему они обучают. Я вам дам сейчас все правила, используемые первоначально и тайком для современных и старых людей, находящихся в ссоре, для ссор с телом, поощряя с их доблечей, чтобы инвестировать в четыре улицы, чтобы сохранить плащ, защитить девушку, скрыться со сверчками и даже без них, уехать без какого-либо повреждения на узкой улице, рубить площадь, отдать два круглых щита, чтобы сделать то, что опровергает шпагу, помирить тех, которые не знают, как защититься так, как это делаю я от тех, кто стоял за фронтом, и тех, кто впереди с тысячей новых вещей в то время. Они не веселят нас в том, что для другого так много было упорядочено, что я должен вам рассказать. Все уже так разозлились слышать нелепости дестрезы, которые казались учителю менее причиняющими беспокойство, рассказывая о ссорах, отсылая к вульгарным мнениям. И таким образом, Эугенио удовлетворил своих друзей, испытывая беспокойство, которое учитель внушил ему. С величайшим терпением, с которым он мог говорить, я уверен, что было бы очень приятно поэкспериментировать с оружием как вы, чтобы выйти свободными из ссор, как вы выходите из величайших опасностей. На что учитель ответил: теперь вы говорите это со здравым смыслом, присядьте

все. Вы должны знать, смотря на меня здесь, что превосходит что. Слава, что у меня есть дестреза, которую вы передаете, чтобы познать страх, который есть у всех фехтовальщиков, уважение, с которым храбрые говорят со мной, сдержанность, с которой мне отвечают высокомерные, внимание, с которым меня слушают судьи, когда я сообщаю о своем праве, слезы молодых людей, больше всех заслуживающих доверия, шум, который они создают, когда бегут, потому что страх, который я вложил в умы людей, очень велик, и так много недоброжелательности, которая росла в них. Это благодаря моему мастерству и мужеству, что представляет настолько великую зависть, которая была больше, чем страх, который заставил меня быть величайшим в мире, чтобы знать, что некоторые разумные молодые люди объединились, чтобы обсудить между собой самого драгоценного смертного, и в храбрости он совершил более решительные поступки, принес в память всю универсальную машину, пересчитывая земли, которые ценили добрые сыновья, и пришли, чтобы сравнить подвиг с дерзким подвигом в храбрости в какой-то части небольших вещей, которые я сделала для молодых людей в разумные годы, а не от презренного духа или смелых воршиек, видя, что мои вещи превышают все то, что есть у всех смертных, что царство было грехом в них. Или потому, что ваши величайшие подвиги не могли сравниться с наименьшими моими делами, или потому, что Эудемио всегда для молодежи такой же смелый, как я, когда мне никогда не хватает друзей, которые завидовали им, или асского движения, желающего разделить мир на лучшую часть, в которой находятся, чтобы сражаться и не давать уроки. Вам повезло, сударь, сказала Мелисо, что вас слушали дамы из этого окна, было бы приятно рассказать вам об этом деле, как человеку, которого слушают красавицы. Девушки для моей жизни, ответил учитель? Думаешь, они будут? В любом случае посмотрите на это лицо, я скажу вам те слова, которые я изучил, чтобы выступить перед дамами и войти до любой категории. Вы не узнаете больше, чем я вам говорю, сказала Мелисо, потому что они убегают, если они понимают, что ты их видел. Учитель ответил, что это молодые и неопытные юноши, они не видят, что человек может видеть больше, чем мой этот жест, который никому до сегодняшнего дня я не показывал. Когда он меня увидел, я попросил его, чтобы он не ненавидел меня от страха, а обратил внимание потом на это дело среди тех испуганных молодых людей, которые выходили из себя, руководствуясь злой завистью, чтобы забрать жизнь у этого драгоценного смертного, который считается бизнесом. Я, дамы, тот, о ком говорят, его знают по делам его. Я недостаточно хорошо сказал? Вы меня услышали? Если они услышали хорошо, то будет дело, в котором я нуждаюсь, я пройду через то ущелье, чтобы потом они увидели, как я привожу в беспорядок весь этот лес, и они знают меня и не говорят, что я фехтовальщик, если вы спросите кто я, потому что они не могут перестать быть потерянными на пути для меня, поскольку у меня есть милость и

изящество, несмотря на то, что я знающий гестрзу, храбрый молодой человек. Фехтовальщик - нет, я тоже боялся и меня уважали в лесах за всего превосходного Тумаро. А еще больше, когда я взял свои золотые монеты с увертыванием бедра. Каждая девушка, которая видит меня, будет отправлена к тому месту в окне по чистой любовью или чистым страхом, поскольку наступает час концерта. Оповестите моих друзей, насколько хитрым нужно быть, чтобы пронести с собой ночью оружие, и в какое время нужно уйти, и по какой дороге идти. Он знал, что шпага, которую он достал, это хорошее оружие, которое внушает тонкий страх, и трое были помещены в угол улицы, еще шестеро в другом углу с множеством засад. Каждый из них ожидал в страхе, кто из них должен быть первым, чтобы освободить душу этими руками. Перед тем, как сказать это, они послали слугу. Среди замечательных смертных людей с дружеским почтением, если от странности вашей доблести мне предоставляется небольшая вольность, ваше ужасное лицо навело на меня страх, который мое сердце почувствовало в ваших бесчисленных делах, но я буду отгонять мрачные мысли, когда видел хорошую гибкость, и молодого юношу благоразумной внешности, с хорошей осанкой. Я сказал ему, отводя его в сторону от себя, что хочу успокоить себя и усмирить гнев, предаваясь этим порокам, по которым природа сделала меня участником, и с вежливостью и учтивостью, с которыми нужно говорить с молодыми юношами так же смело, как он, с кем вы говорите. А потом ваш разумный слуга поместил свою правую руку на шпагу, которую принес. Бедный слуга рубит левую ногу назад, поднимая по чуть-чуть от кончика до небес, вот так он и начал. Молодые юноши непобедимой компании, господин учитель, как будто у них нет других дел, или они не проводят свою жизнь, упражняясь в чем-то другом, в праздновании своих дел и пропавшая честь и достоинство замечательных сынов, видя, что среди живых вы как солнце перед какой-либо звездой. Вы сделали попытку предположения, укоренилась ли эта деятельность вашей славы в чистой истине, чтобы с нашими смертями и вашей победой повсеместно была слава, слышмая в ушах рожденных и нерожденных, обнаруженная голосом народа. Отказываясь с таким большим желанием смеяться, белый юноша покрывает вашу голову. А этими статными мужчинами или здоровяками, которые в будущем хотят умереть, вы скажете, что я действительно нахожусь в поисках правды, вынимая сегодня вечером шпагу, чтобы пройти этот этап. Что я прощаю его, и что, когда они увидят меня с мечом высокого качества, и не менее выгодным, я стремительно нападу, и сделаю это потому, что эти молодые юноши один за другим и понемногу, что мне нравится, открывают дверь к смерти, потому что если с этой шпагой меня ранят в сердце, - только два удара видны мне, или один, если я их поймаю. Ухватит снижать их число и отгонять их жизни. Я хочу, чтобы молодой человек тоже пользовался ссорой, поскольку она моя, и не угаснет в какой-то

момент. Молодой и неопытный юноша разозлился от моих рассуждений, положил руку на свой длинный меч, неуместный как по мне, и сказал: предатель, тиран жестрезы и храбрости, это вы говорите самым ценным молодым людям вселенной. Я пожалел его, но со всем этим я выставил ногу и мой клинок засверкал, я не хотел, чтобы он прикидывался бедолагой. Я заставил его с духом понести новые печали, к которым вы поспешно пришли, как и он. Над его мечом и телом я нанёшу ему расчетливый порез, который сломает клинок пополам. Один кусок меча отлетел и прорезал дверь и убил девушку, как розу, которая росла за этой дверью, глядя на меня с восхищением. Она запрокинула руку на собаку, чтобы помочь себе, быстро склоняя голову. Вы слышали, что это был шум и беспорядок из-за наглых и бессовестных товарищей. Все, как один, облегли свои ножи, выставляя меня вперед, говоря с беспорядочной суетой: умереть, умереть от наших рук. Я видел нескольких вместе, потому что у меня было больше прислуги, чем привык иметь хоть один из них. Я сделал прыжок в правую сторону, при этом нанёс порез коротким мечом, поваливая шестерых или троих, я не очень хорошо помню. Я орущую своей шпагой над головой и делаю уловку с четырьмя лицами и сломал все мечи, которые попадались у меня на пути, чтобы воспрепятствовать мне. Я нанёшу им высокий порез, выставляя ногу с десятой частью правила. Дайте мне восемь из них, которые измеряют угол, нанёс им такие раны, о которых сыны Адама никогда не слышали и не испытывали. Одного по носу и по руке, нанёс удары ножом, другого в ухо и три пальца на левой ноге, а другого в бедро, смотря на Эудемио, рассказывая о ранах, которые он наносил против звезд, которые оставили для этого место, оставляя после шума, который создает меч во время чьей-либо смерти, и без всякого смысла, к страху, который я внушил с моим страшным лицом, чтобы сформировать удар. Те, кто здоровее и удачливее, были спасены, разделяя все, что могут делать глаза и ноги. Так они и начали говорить, понимая, что не мне, а своей собственной смерти они бросили вызов. Мы уже раскаиваемся в том, что попробовали совершить такой подвиг, ты утешает вас стиренно дать нам место, где ты можешь жить для искусства, не смотря на то, что человеческого языка будет недостаточно. На данный момент он заслуживает шпаги, чтобы вести его, а они предаются порокам, бояться и убегают друг от друга, и я кричу по лицам, сокращая путь, пока не устану. Те, кто кричали в окна, начали кричать на своих соседей, говоря им: придите, придите, поспешите и вы увидите, что храбрость всех родившихся зашифрована в одном. Вместе они просили меня, чтобы моя решимость поутихла до следующего дня, и я сделал это, надевая плащ на их плечо и засовывая клинок в их ножи, которые молодые и неопытные юноши потом отдали. Разве там были девушки для моей жизни? Все очень растерялись над рассказом и отвагой, с которой мастер обращался к вам. Человек с величайшей наглостью и свободой, которую они когда-либо видели, и желая идти вперед со своими

следати, он не сказа Мелисо ответить ему так, чтобы закончить понимание изобретений учителя и удостоверитьсь в своей отваге и трусости, и о том, когда дамы были с большим вниманием, касательно того, что я им говорю. Вы сказали это шепотом, чего никогда не ожидали от вас. В рассказе это хорошо видно, давая о себе знать некоторым из них. Я испугался, слушая вас, потому что вы больше не знаете, чего хотите и можете то, что вам взбредет в голову, изобличить во лжи. Кто-то не умер от ран? Тем не менее, какую девицу, сказала учитель, вы видели? Не зная ее хорошо и не разговаривая с ней, я буду бороться за нее на дуэли с теми, кто оставил меня, чтобы дать ей понять, что любовь и жоса в сильной ссоре требуют силы и сноровки, и то, чего вы просили у раненых. В конце концов пришло семеро из них, чтобы все раны в вашей и моей жизни были ранами милосердия, которые вам покажутся снаружи, если человек будет давать полную волю своей силе и понукаать желаниям. А он оставит мой дух, чтобы создать свой, как в случае со Св. Квентином, или в лечении Фарфаллота, потому что в домах, куда никто не осмеливался войти, он бросил меня одного, с мечом в руке, разбивая и швыряя желеуди в командира. Или большая ложь была в том, ответил Мелисо, что мне рассказала один из тех, кто был в этой битве против вас, желая услышать много криков, свидетелем которых ты должен быть, и подтвердить, что вы все входили в этот дом, и не знали, сколько убежало из него. Все они очень смеялись над тем, что сказала Мелисо, но учитель нарушил их смех, заставив опустить глаза, которые до сих пор были подняты, и, глядя на землю, они отреагировали так, как будто были напуганы, но не потому, что они были в ссоре, а потому, что эту ложь никто не мог видеть, что это не противоречит тому, что это сказала. Наконец, никто не может злиться на меня, кто завистлив, потому что Бог меня понимает. В другой ссоре, которая была до этого, это правда, что я снова пришел, но не на сто шагов. А здесь делать ничего не нужно, потому что эту ловкость и сноровку я впитал еще с молоком матери. Даже если я сражаюсь с ребенком, он должен быть тем, что вы говорите, когда он делает неверный шаг и падает. А гнев, который мне оставили с тех пор, я не потеряю, потому что вы не могли знать, у кого из руки я забрал меч. Меч, который они забрали? - ответил Мелисо, - что ты говоришь, человек? Ты находишься в них? Для другого вы расскажите какую-нибудь историю, посмотрите на меня, я падаю духом. Я падал на землю от аркебузы, ответил учитель, а мог бы стоять на ногах, чего мне так не хватало. Что вы говорите, - ответил Мелисо? Что я забрал, - сказала учитель, - слугу лейтенанта, вот, что я говорю, а вы убеждали меня опустить его сто двадцать четыре раза. А для этого они принесли балки и снаряжение, потому что иначе это было бы невозможно, вы этого разве не видите? Теперь учитель, - ответил Мелисо, - я заявляю, что я с вами. В тот день я был в ссоре, которая была рядом с Алабийос-дель-Вайе, где из-за чего-то недостатка и уныния, любой

добрый сын снова переводил дух. А я все еще видел больше того, что вы сказали, и я не забуду легкость, с которой вы вошли. Прежде, чем Мелисо мог указать на место, ему воспрепятствовала учитель, говоря, что нужно добавить эти пять предписаний в это правило для вашей жизни, что у вас всегда была хорошая воля, потому что вы казались мне честными молодыми людьми и не торопили дела, и не использовали много ссор. По этой причине учитель закончил озвучивать все мнения, которые были у вунгарных фехтовальщиков в дестрезе, не пропуская ни одного, для исполнения обещания, которое он дал в начале: что не должно быть ни одной вещи, принадлежащей к оружию, которой бы он не коснулся, и поэтому начал говорить об уловках в своей книге, которые являются самыми употребляемыми среди простолюдинов, которые, по его мнению, точно взяты из оригинала.

Здесь уловки заканчиваются и начинается то, что должно быть сделано, искушая вас, если вы нападете на меня.

Когда я измеряю мечи, я должен исследовать их с середины, напрячь руку и тело, повернуть руку ногтями вверх, закрываясь своим мечом, а затем очень хорошо ударить его по лицу. Что вы называете «измерить мечи» – сказал Эудемио? Что, если на деле один меч будет больше другого, а один человек выше другого, то уловка будет потеряна? Я подтверждаю то, что говорю, – ответил учитель. В таком случае, в какой стойке должен быть другой, – ответил Эудемио, – чтобы он сделал все правильно, и не ошибся? Конечно установленной, – ответил учитель. Довольно благородная причина для уловки – сказала Эудемио, – и вы исследуете меч посередине? Давайте посмотрим, как выйти из этого положения. Вы не понимаете, что с небольшим движением противника ваш меч легко упадет на пол в силу его освобождения из руки и вашей потери, что даст больше возможностей нанести рану без промаха. Я не понимаю или не знаю то, что вы говорите, – ответил учитель. Так делали все, и сколько раз они делали это в ссоре. Так и есть – ответил Эудемио, – но на каком расстоянии я должен быть, чтобы добиться этой ссоры, о которой вы говорите, что, не зная соответствующих методов, каждый вид уловки с большим трудом будет достигать тела, и если сказать, что тело жесткое, как тогда я должен дотянуться до него? Если я закрою лицо, как я увижу, когда нужно нанести удар? Если я себя закрываю, я укорачиваю меч, и тогда меч противника становится длиннее, не зная, какую часть оставить для риска и почему рана должна быть больше на лице, чем на груди? Быть человеческим телом такого качества, и иметь так много других частей, – где рана может возыметь свой конец? Так они научили меня – ответил учитель, – и я так делал со многими, получите расположение или идите вперед. Меряясь силами меча, я должен исследовать его и в то же время выставить левую ногу и руку, нанося удар кулаком в лицо. Хорошо видно, что они меня уважают. Попытайтесь выставить левую ногу и руку и дайте ему

немного времени. Так нельзя – сказала Эудемио, – потому что, если он попытается так же, как и когда пытался выставить ногу, как я, после всего этого вы дадите ему возможность нанести рану без его конкретного движения. Если он ударит кулаком, как он оставит меч противника, который он не давал? Или сеньор, который без основания наполняет вашу книгу ловками. Мне не нужно – ответил учитель, – делать фундаментальными вещи больше, чем моя воля и решимость. Благодаря этому я многое делал полезным для грузин в этом мире. Противник держит меч ногтями вверх, я должен попытаться вывести его меч наружу, так же, чтобы ногти на пальцах смотрели вверх, и снизу сделать выпад в его сторону, ногти при этом направлены вверх. Нравую ногу при этом нужно выставить вперед или сблизить с ним, а затем вынуть тело и нанести ему удар, чтобы выбить меч. Если, когда вы придете – сказала Эудемио, – чтобы взять меч таким образом, чтобы попытаться нанести с внешней стороны порез противнику, вы ожидаете, когда он сделает выпад снизу, давая себе возможность спастись, оставляя ваш меч в воздухе, что у вас нет возможности использовать его. А если он нанесет порез и обманет вас, стремительно нападая, вынимая меч, он ранит вас поперек меча. Вам кажется, что вы проявили себя с хорошей стороны? Или если он взял ваш меч таким образом, вы возьмете его меч таким же самым способом, и он сделает вам то, что вы думали вы сделаете ему. А скажите, почему он должен держать меч ногтями вверх, а не в направлении режущей части, или ногтями вниз? Потому что это положение выгодное для вашей головы? Или потому, что вы делаете ловки лучше против тех, кто так делает, чем против тех, кто находится в грузинских положениях? Если позиция, когда ногти смотрят вверх, лучше, чем, когда они направлены вниз, то почему вы советуете тем, с кем вы забавляетесь, держать пальцы ногтями вверх, и что изменение этой позы к режущей части меча или, когда ногти смотрят вниз, кажется, что, если бы это было так плохо, как вы говорите, вы бы радовались видеть такие плохие положения, как позиция ногтями вниз. Посоветуйте изменить это и сделайте так, как вы хотите, и для ваших притязаний лучше потом держать ногти вверх, чтобы выбить меч. А вы притворяетесь что с ногтями, направленными вниз, вы можете выбить меч, хотя этого нельзя сделать с такой легкостью, благородным появлением истины и новым способом обмана. Мелемарко и Мелисо остались удовлетворены здравым смыслом, исходящим от Эудемио, с которым им казалось, что учитель будет свит с толку, хотя они понимают, что он не знает обо всем, что было сказано, но учитель, у которого было меньше стыда, чем они могли думать, глядя на них с серьезностью, чтобы больше растешить, нежели рассердить их, ответил. «Мне не нужно смотреть на вас, Эудемио, только на хороших людей, которые верят мне, чему я учу, принимая это за правду, и я знаю, что вы хорошо изучаете уроки, вы хотите контролировать своего учителя, зная больше, чем вы можете знать. Если я хорошо знаю, что эти

противнику те, у которых есть уловки, услышьте, что я знаю, что удовлетворит вас. Меряясь силой мечей, я должен исследовать это, а затем согнуть тело поверх ноги, вставляя ее вовнутрь, достать меч и ударить кулаком в лицо». Подождите, – сказал Эудемио, – если вы попытаетесь согнуть тело поверх правой ноги, и, если у вас не получится сделать это вовнутрь, и, если вы попытаетесь сломать его тело от ноги, – меч должен быть длиннее всего, что противник выставит вперед. Если вы держите его близко с телом противника уже с первым движением, то зачем доставать его? Если будете доставать, то потеряете время, такое движение будет бесполезным, тогда меч противника будет свободен, и он сможет ранить вас. Продвигайтесь вперед, совершая уловки, и говорите об этом тихо. Тогда учитель, который внимательно слушал, не понимая слова, смеялся над Эудемио, и продолжал. «Когда я меряюсь силой меча с противником, я должен попытаться нанести ему удар в лицо с размаха и на обратке перевернуть меч над своей головой и нанести ему выпад с внешней стороны в лицо, выставляя левую ногу, этого вам не нужно говорить?» Я вам уже сказал – ответил Эудемио, – что, если вы ударили его по лицу, тогда отведите свой меч от него, иначе как он, оставаясь так близко, не сможет ударить вас и нанести вам удар в лицо с размаха, чтобы обезопасить себя? Обезопасит ли он себя, поворачивая ваш меч назад за голову? Другой при этом ничего не делает мечу противника? Пока он стоит близко к вашему телу, чем вы к своему, вы с силой нанесете ему выпад, поскольку нет возможности нанести ни режущий удар, ни удар тыльной стороной руки, потому что они состоят из двух принудительных движений. Эти мнения уже настолько плохи, что их нельзя терпеть. Тогда, смотрите хорошо за ними – ответил учитель, – что с одним лишь документом я взял достаточно денег, больше, чем я говорил. Эдесь они заканчивают уловки, которые они понимают, как делать, исследуя их, хотя осталось много других, и начинают делать те, которые понимают, чтобы присвоить их. Я сейчас меряюсь силами с противником. Если я буду высоко смотреть, я должен выставить ногу под меч противника и толкнуть его в грудь. Если он не будет стоять высоко – ответил Эудемио, – или, когда вы двигаетесь на него с этим намерением, и в этот момент он сгибается, меняет свою позицию на низкую, – вам все еще кажется, что вы добьетесь хорошего удара? Несколько таких ударов я совершал в этой жизни – сказала учитель, – это очень красиво, и вы будете рады сделать это, испытывая от этого удовольствие, и от моей души, если убьете. Мне кажется – ответил Эудемио, – что так не будет, кроме моего тела и жизни и того, что предоставит житель города, ваш сосед, а вы сделаете нечто новое. Это не так уж и много, что вы говорите о жизни так легко, мнения довольно остроумны. Они прекрасные – ответил учитель. Нанося удары противнику, я должен упасть на левую ногу и, когда увижу, что противник идет на меня, я должен сделать выпад под его рукой. Если я пойду на меч в это мгновение,

- сказал Эудемио, - уловка будет потеряна, и, если я положу меч на грудь, чтобы вы могли находиться в обессиленной позиции, и отпарирую, отклоню наружу ваш удар, это не сильно поможет повалить вас, потому что у вас вся сила сосредоточена в вашей левой ноге, вам кажется, что это уловка изысканная.

Теперь пополичите - ответил учитель. Нет уловки, у которой нет своей противоположности, как и горшка нет без крышки. Более того, если уловка делается медленно, то противник понимает, что вы делаете. Эта привычка уже хорошо воспринята среди храбрых и среди тех, кто оценивает, упрекает, потому что кажется, что лучше осудить его, сказать плохое о вещах, которые, всем известно, что плохие, и с этим свободно сказать что-то против хороших. Но автор не в восторге спорить или возражать уловкам, обычно плохим, (как мы видели). Ему казалось, что также говорили что-то и против тех, кто по мнению являющихся хорошими людьми, по сути, чувствуя, что они не менее вредны для их активности, чем те, кому не хватает этого мнения, и положить конец краткости и сжатости, чего уже не может быть в этом диалоге, потому что они не имеют этого в своих обратительных сектах. Эудемио попросил учителя продолжить и закончить свою книгу. Эдесь уловки и выпады закончены, и начались порезы, зарывки, и в этих уловках уже не стоит придерживаться того, что нужно померяться силой на шпагах. Собираясь поставить меня с моим противником, я должен силой точно отнять меч и нанести ему порез на теле и выставить правую ногу. Если вас не заметят, на каком расстоянии (спросил Эудемио), вы должны начать эту уловку, и, не зная, куда отклонится меч противника, вы начнете делать эту уловку? Да, сеньор, - ответил учитель, - и очень спокойно. Тогда, - ответил Эудемио, - какое главное движение удара мечом, который вы ему нанесете? Или он отпарирует ваш удар? Кому-то может быть не ясно, - ответил учитель, - что порез очень большой и стремительный удар. Затем, - ответил Эудемио, - с момента, когда вы отклоняете меч меньшим движением без сравнения с вашим порезом, невозможно будет нанести ему удар, даже незначительный. Потому для этого, - ответил учитель, - я с честью все изучаю, чтобы иметь невозможное и ни в чем не нуждаться. Я верю, - сказала Эудемио, - что это хорошие вещи. Вы меня радуете, - ответил учитель, - что вам что-то доставляет удовлетворение. Подойдя к своему противнику, я все еще успеваю выставить правую ногу в сторону и ударить его по лицу. А у вашего противника есть меч или нет, - спросил Эудемио? Если у него есть меч, чтобы видеть, что он сделал или в каком положении он должен находиться, вы должны парировать с силой, особенно, если он изменяет положение, в котором вы его изначально увидели, ставя меч в другое место или выставляя его вперед. Определенно, вы уже давно отпарировали его удар, выставляя правую ногу в одну сторону. Вы можете хорошо это сделать, но не во всех позициях, ни после того, как вы выставите ногу, ударяя его в лицо, потому что отклонения удара зависят от

вашей невнимательности и от добровольной защиты противника. А знайте, учитель, что, хотя я и обманула некоторых, – я не из тех, кого легко можно убедить в обмане, несмотря на то, что они думают, что вы так ответили, – сказала учитель. Я теряюсь силой с противником. А если он не хочет теряться с вами силами, – сказала Эугенио, – он нанесет вам много ударов ножом в спешке? Отразите эти удары в спешке, – сказала учитель, – и потом нанесите ему удар. Вы хорошо говорите, – ответил Эугенио, – но пока я не осуществил парирование удара, какой именно удар, в какое время, в каком месте, и под каким углом – это представляет собой затруднение. Я уже говорил, – продолжала учитель, – что мне пришлось силой забрать мечи, чтобы дотянуться и приподнять наконечник меча, и приковать на себя внимание в месте встречи, а затем выставить правую ногу на противника и нанести ему порез в голову. Какой изысканный мужчина, – сказала Эугенио. Если вы сначала приковываете к себе внимание, для чего вы должны сломать голову противника, нанося ему порез? Какое-то грубо и бесчеловечно вы в исполнении уловки. Я знаю, – ответил учитель, – если он принес стальные очки. Как они могли испортить оба глаза одним ударом, спросил Эугенио, если только не убивая противника? Нет ничего более, чем писать об уловках и обучать им, говорить плохо о том, что вы не понимаете, не зная, хорошо это или плохо, не понимая вреда, который приходится к тем, кто делает подобные вещи. Я слышала, что некоторые из них умерли насильственной смертью за то, что поверили своим учителям, а не по причине уловки, сделав какую-то из тех, которые вы давали с наилучшими побуждениями. Я не знаю, что вам сказать, – ответил учитель, – чтобы вам хоть что-то понравилось.

Твердо и упорно стоя на ногах, я должен стремительно атаковать его лицо, ноги при хватке меча направлены вниз, и при парировании выставить левую ногу, нанося выпад в грудь. Если, когда он вас обнаружит, – возразил Эугенио, – он нанесет вам удар шпагой, образуя рану вашего движения, вы будете думать, что он сбил вас с пути, отпарировал ваш удар, тогда вы пойдете и сделаете выпад в его сторону, и он нанесет вам рану своим порезом прежде, чем вы приблизитесь, потому что отклонения ударов в этом случае и принципы порезов не отличаются между собой по происхождению, они очень похожи, потому что неравенство – на конце, и поэтому мне кажется, что вы находитесь в явной опасности. Для этого, – ответил учитель, – есть человеческий дух и упражнения для ног. Находясь в поединке с противником, я должен ударить его рукой и сделать выпад в грудь. Это не хорошая дестреза, – сказал Эугенио, – а великая глупость и бесчеловечность, потому что знайте, что ударить рукой – больше относится к деревенщине, и выпад вместе с этим. Учитель, это не искусство, а глупость. Мою врагу, – ответил учитель, – я не только должен выбить меч рукой, чтобы ранить его, но и, при необходимости, сделать это зубами. Я этого не отрицаю, – сказала Эугенио, но это не касается дестрезы, и

способность сделать этот выпад, не достигнув левой руки с большим упреком, – мне кажется, что это трата времени, обучая этим вещам, прежде чем они будут неправильно поняты, как что-то лишнее и бесполезное, потому что, если ваш противник начнет перемещать меч, чтобы сделать вам рану от своего пореза, в точке, когда он хотел дотянуться до вашей руки, чтобы отпарировать меч, он нанесет вам хорошую рану, потому что ваш удар и удар рукой не совершены в одно движение. Таким образом, они исходят в разное время, один за другим, одно движение будет сопровождаться задержкой и большим вредом, если вы ошибетесь при ударе рукой. А скажите мне, если меч противника частично находится там, куда вы не можете дотянуться, чтобы ударить рукой, – мне кажется, что парирование здесь бесполезно, более того, если противник размахивает мечом, чтобы нанести порезы и другие удары мечом там, где нет входа для ударов руками. Тем более, что человек не может быть внимательным, глядя на кончик меча, потому что он потеряет свои шансы, и меч очень легкий, и зрением нельзя хорошо понять его движения, так что это потерянная вещь и для людей, которым не хватает науки об истинном пути. Вы думаете, что я не видел, чтобы кто-то наносил удар рукой, нарочно оставляя меч в руке, нанося другому удар в лицо, от которого у того осталась большая рана. Вульгарный фехтовальщик говорил: «какой жестокий удар вы сделали ему.» Оружия, – ответил учитель – (как я понял) все обманчивы, и потому удар рукой очень хорош, что является главным из всех. Тогда получается, – сказала Эудемио, – что, если оружие обманчиво, тогда все, кто имеют к нему отношение, – обманщики, хотя было бы лучше (на мой взгляд) обмануть способом, который вы показали мне в одном из прошлых уроков, которые вы давали нам, прежде чем он начал развивать эту идею, чтобы быть вне опасности. В конце концов это люди, которые также не знают, как и те, кто выставляет нарукавную повязку, что-то типа щита. Вы заметили ерунду, Молемарко, в которой они позволили простолюдинам парировать рукой, и что в Севилье была такая потеря. Он видел, как мушкетеры приносили для эффекта стальной нарукавник средних размеров, что-то типа щита, и надевали между их одеждой и рукой, а другие приносили деревянную доску. Прежде чем Молемарко ответил, глядя на учителя, который использовал пластик для его вреда и прекратил свои размышления, он сказал Эудемио: вы хотите, чтобы я установил вам правила для работы со шпагой больших размеров, указывающие на то, для чего нужно каждое из них, какое использовать тайком, какое первоклассно, какое современное, а какое старое. Вы думаете, – ответил Эудемио, – заставить меня с двумя или тремя мечами передо мной, чтобы узнать, где я должен начинать эти правила в соответствии с позициями противников, и чтобы я мог применять их в соответствии с движениями, которые они совершали? Потому что, если вы должны обучить и меня в воздухе, как все их постигали, – то я так не хочу, потому что это те, которые учатся

таким образом, чтобы в этих правилах потом не возникла потребность. Я хочу изучить эти правила для соответствующей необходимости. А скажите мне, если против меня стоят три человека, и, если они отдалены друг от друга, и каждый из них наносит разные раны, когда один знает порезы, другой удары тыльной стороной руки, а третий – выпад, а, если их четыре, и четвертый делает все их движения, и все противники могут дотянуться до меня, несмотря на то, что я знаю все эти тривиальные глупости работы со шпагой больших размеров, которыми обучают, игнорируя тот момент, когда я должен начать защищаться и бежать. Мне немного кажется, что я должен воспользоваться этими правилами, потому что те, которые должны быть сделаны по правде, – вы о них не знали, и вы не знаете, что это такое, вы увидите, как вас узнают в настешках. Тогда вы хотите, – сказала учитель, – прустить в ход меч и плащ, и вы будете знать, как с ними парировать удары, и как нужно будет поворачивать руку, чтобы обмотать противника плащом и как отклонить входящую атаку. Какая разница между мечом и плащом, – ответил Эугенио, – а также между круглым щитом, битой, мечом и кинжалом, шпагой больших размеров, бастоном, пикой и небольшим деревянным щитом, и какое соотношение имеет меч со всеми ними? Это очень хорошее оружие, – ответил учитель, – по крайней мере круглый щит, меч, кинжал и иногда плащ. Вы говорите, – сказала Эугенио, – парировав плащом, что вы должны сделать это, когда противник наступит вас кончиком своего меча, видя, как он вылетает из-под плаща. Я должен выставить левую ногу и сделать выпад в его тело, – ответил учитель. Тогда почему, – ответил Эугенио, – нужно больше парировать плащом, чем мечом, и когда парирования и отклонения оружия противника уместны и хороши и в каких положениях и позициях. Дайте мне причину, которая удовлетворит меня, потому что как только я буду удовлетворен, я остаю в стороне некоторые из глупостей фехтовальщиков. Подождите, – сказала учитель, – я скажу вам, что лучше, и он немного остановился, чтобы взглянуть на Эугенио, начал рассказывать некоторые его плохие стихи, которые Эугенио прервал, полагая, что он будет таким же многословным в них, как и во всех других вещах, и сказал ему так: вы так же закончили со стихами, как и с дестрезой. Вы меня плохо знаете, – ответил учитель. Хорошо, Эугенио, здесь, где вы узнаете меня по моим великим грехам, обучитесь фехтовать, и знать, что я был очень уважаем и очень травмирован поэзией, настолько, что после этого я два года был болен от этого честного поэта, потому что после еды я делаю больше, чем все, которые постиглись. Тогда, – сказала Эугенио, – у вас хорошая голова, чтобы помиловать вас. Чем больше стихов, которые вы должны были бы видеть, вы поэтому даёте урок по стихам, и потому, что я вижу, что эти господа хотят услышать вас, если вы говорите что-то о них, – это не займет у вас много времени, чтобы я остался доволен, я больше боюсь прошлой многословности и нудности. Кажется, –

ответил учитель, – что вы ничего не написали в этом мире. Я знаю, что, если бы я работала как вы, я бы работала с промедлением и задержкой. Я ничего не хочу говорить касательно того, почему вы всем своим видом демонстрировали недовольство, настолько, что боялись. Я обещаю вам, – сказала Эудемио, – что, от чувства хорошего я доволен. Как это может быть плохим, – ответил учитель, – если это уже сделано и исправлено? Это будет хорошим, – ответил Эудемио. А сказал он это с таким свойством, что, когда я захочу закончить, я буду хвалить вас, как будто вы не были первым. Я этого не сделаю, – ответил учитель, – я очень рад и доволен вашим мастерством, я слушаю с вниманием, что это великолепная вещь, исключительная, восхитительная, благоразумная, достойная похвалы. Я не сделаю это потому, что я был арестован, написав несколько слов, и посажен в тюрьму Тримара, вы меня понимаете. Но до того, как учитель начал свои стихи, – недовольный глупостями Эудемио сказал ему, или храбрый поэт, или оратор фехтовальщик, я говорю это, не создавая никаких обстоятельств для нашего духа, который должен быть самым главным, по вашему мнению. Будьте благословенны, – сказала учитель, – что нашли во мне что-то хорошее. Скажите, – ответил Эудемио, – вы знаете как писать сонеты? Из хороших стихах не развлекают и не кричат, поэтому я никогда не пишу стихов, не ссорюсь, не фехтую, не даю уроки, а только то, что создает накал и напряженность. Вы остроумный поэт, – сказала Эудемио, – и будучи настолько плохим, у вас есть больше, чем то, что не понимает ни фехтовальщик, ни храбрец. Это повергло учителя в раздумья, до того, когда Мелисо подошел к нему и протянул руку, говоря, что, будучи грустным человеком, вы очень смелы. Если они стоят за установленным порядком работы с мечом, – ответил Эудемио, – кто сейчас придет? Хотя, несмотря на то, что вы жалуете сензора поэта, вы не должны приносить муки. Из этого, – сказала мне учитель, – я бы оказала воздействие на грешника, не видя, что, если король оценивает мечи, это не может поместиться в уты людей, даже если вы объясните прагматичность платыв. Вы отыщите меня, поймаете с ног до головы. Скажите нам, – спросил Мелемарко, – радушно принимая и приветствуя нас в стихах, когда вы устаете от мужества и ловкости? Затем учитель, глядя на него с презрением, продолжал в том же духе, слушая ловки в стихах. Возьмите этот меч, Эудемио, и не внушайте нам то, чего вы не знаете.

Трещина уже идет
 Нанесите туда порез,
 Который они не смогут нанести мне,
 поднимите свое желтое лицо,
 мой сеньор, и сделайте рану.
 Бросьте снизу
 Длинную шпагу, которая попадает в мою грудь
 Не давая мне прийти в равновесие,
 потому что это требует большой работы,
 если я нанесу удар в грудь.
 Поднимите руку и сделайте выпад
 в грудь противника без страха
 Что делаа Бог любви,
 когда он нанес поражение фехтовальщику выпадом.
 Порез, удар тыльной стороной руки и удар холодным оружием,
 парирование и энергичный удар наконечником,
 порез, обман, отклонение удара,
 стремительно нападать, как дуб,
 с хорошим ритмом, мой сеньор.
 На плечах перевернут наконечник,
 и длиннее этот порез,
 когда вы пытаетесь навредить,
 вы ударите как болтун
 не нанеся никому вреда.
 Фехтовальщики, хорошо, вы можете плакать,
 Бедь мои ловки тщательные и деликатные,
 отпаривайте и похваляйтесь этим
 вы очень ловкие трусы
 и именно так вас голджины называть.

Этот урок выполнен в виде стиха, чтобы он сохранился в памяти,
 а теперь вы говорите, что стихи плохие, потому что их не
 используют балбесы и шалопаи, как грузие. Все они очень смеялись
 над стихами учителя, и, когда кто-то проворчал, он сказал, что
 с любым из этих стихов, будь то двестишесте или четверостишие,
 вы можете встретиться лицом к лицу с кем угодно, что так есть
 для всех прошедших веков и будущего. Но они достаточно полезны,
 чтобы извлечь из них пользу, которые вы понимаете с четырьмя или
 пятью грузьями фехтовальщиками, и учитель, желает продолжить
 урок и обмануть в своих стихах. Судебно прервал создание этих
 стихов. Если, возможно, вы хотите сказать то, что он видел,
 делая некоторым фехтовальщикам, кто послал четверых грузей,
 о которых вы говорили в игре по фехтованию, и они приходят,
 согласовав, что каждый из них возьмет меч, и потом войдет с
 другим фехтовальщиком и храбрым, и нанесет много ударов в виде
 порезов и обратной стороной руки и выпадов без того, что тот

в свою очередь будет защищаться, и когда он устанет, - скажите ему с гордым лицом и сердитыми словами, чтобы он отпустил меч, как если бы он оказал ему большую милость. Пусть он намеренно дрожит, оставляя невежественных людей, чтобы они испугались, и те, кто делают это, чтобы обмануть, когда они играют с теми, кто их не знает, или с теми, не зная чего-то, кто не хотят, чтобы их жалели, он может парировать удары. Нозорно смотреть на них, как их ведет страх, и чтобы завоевать авторитет и доверие у вальгарных фехтовальщиков, чтобы иметь их под рукой, как я и говорил, - с этой точки зрения они обретают друзей и учеников, потому что те, кто присутствует там, отсутствуют в столь великой нечестивости, и они должны нападать в бою, поскольку я верю в победу, поэтому они создают повреждения, когда одни ссылаются на друзей. Закончив говорить это, Эудемиио был очень рад увидеть, как учитель восхищался, слушая его. Осмотрев его сверху вниз, он постоял некоторое время, не отвечая, пока, наконец, не сказал: вам не было стыдно появляться на улице в той манере, как я стал фехтовальщиком и уважаемым за храбрость человеком среди людей. Вы действительно много знаете, знаете, что я хочу признаться вам в том, что я прекратил говорить об этом учении и споровке, чтобы остаться с некоторыми правилами, чтобы сделать вас жестокими, если я покажу вам в какой-то момент своего соперника. Они все смеялись над этим, и больше всего Эудемиио, видя мастера, который был оскорблен тем, что они его там знали, но подстрекали насмешками прибытие Филандро, который знал фарс, который уже случался, несмотря на то, что он поздно хотел присутствовать при этом и чувствовать, что все принимают его с большой радостью, в то время как Мелемарко сказал, что он был рад прийти раньше. Учитель позвал Эудемиио в сторону и сказал ему: этот приятный, благородный человек - друг? Потому что, если вам нужно учиться у кого-то и брать их деньги обманом - я здесь, я буду также делать, как известно, со всеми видами оружия и вы можете напасть на меня в бою, если вы меня примечаете. Разве ты не знаешь его, - спросил Эудемиио, - или не слышал, как он говорил? Разве учитель не сказал, кто может быть этим молодым человеком, фехтовальщик ли это или храбрец, что для того, чтобы знать его, - не обязательно завоевать у меня доверие, и платить за привилегии хороших сынов, на которых я указываю? Это человек, - ответил Эудемиио, - плохой, вместе с фехтовальщиками-шарлатанами в каждом виде храбрости, также и они с ним, а он радуется этому. Но что учитель сказал очень расстроено: это дьявол привел его сюда сейчас? Даже в плохой момент может быть приход в этот лес, чтобы быть другом. И несмотря на то, что меня поймают, что многие фехтовальщики спешат сделать, - я хочу, чтобы меня приютили, потому что я помню все неудобства и препятствия, и это все далеко от этого места. Эудемиио сказал, что вы не придете раньше, продвигаясь вперед с уроком, который вы будете использовать. Это будет Филандро, который гибок и знает

дестрелю. Он благородный – ответил учитель. Вы уже видели, как меряются силами на шпагах, и как я вас испытываю. Вы видите, что у вас возникает соблазн заметить, как я хватаю ваш меч, хватом пальцами вверх, выставляю их повыше и атакую вас, а затем кладу меч, оставляя его там другому, и наносю удар уже своим мечом в грудь, или обратным ударом в ребра, смеясь, видя, что это хорошо, чем и заслужил имя, с которым наносю (больше случайно) удары тыльной стороной руки и порезы, чем человек из рожденных.

Тогда вы хотите – сказала Филандро, – чтобы я сказала в этой ловке свое мнение? А учитель ответил, что да. Филандро попросил у Эудемии меч, и учитель ответил: ибо мечом вы можете говорить, не имея языка, на котором вы разговариваете? Хорошо будет, – сказала Филандро, – не иметь этого. То, что я хочу сейчас сказать, – это что лучше будет с мечом. Тогда это благородно, – ответил учитель, ища вас, сказав это вам для вашей же пользы. Не ходите в их места с грузьями, которые вас знают, – сказала Эудемия учителю, – посмотрите хорошо, что вы сожалеете, разозлив его. Я говорила и говорю, что захочу, – ответил учитель, – что для войны и для мира я здесь, уже готов. Я не хочу войны, – ответил Филандро, – потому что по вашей части вы не сможете иметь никакой защиты. Но больше я хочу спросить вас о той ловке, о которой вы совсем немного поведали Эудемии, и я говорю, что ее нельзя сделать, потому что это неверно. Бедный молодой юноша, – ответил учитель, как будто боялся своего невежества, – что хочет научить меня чувствовать боль в этих руках. Причина в том, – продолжала Филандро, – что атака не должна быть более главным движением, чем то, которое делает рану, потому что часть линии, где заканчивается эта атака, до этого места, где должна быть нанесена рана, – это меньшее, что было сделано от противника. Это из тех линий, – сказала Учитель, – и они нас не предупредят? Эдесь у нас будут крики, даже дьявол привел меня сюда, чтобы я был уверен в этом. Ответьте мне, – сказала Филандро, – о чем он вас спросил, не говорите сквозь зубы, что вы не будете представлять интерес, находясь со мной, потому что я хорошо знаю, кто все эти фехтовальщики. Не убивайте себя, сеньор, – ответил учитель, – ты бы сказали ему, что ты будешь удовлетворять то, что я себе представляю. Чем больше я спрашиваю, Талан будет смотреть на меня лучше, потому что в дестреле нет такого, как я, потому, испытывая чувство смелости, Эудемия замолчала, не сказав ему, кто я, или что я могу, что я скоро заставлю его унаковать свой пакед и забрать виалу Диего, потому что я был рад, что в этом мире было много людей, с которыми я мог бы проявить себя, не более того. Несмотря на то, что вам понравилось то, что я сделала с вашим телом, которое у вас есть, что для того, чтобы быть исключительным поэтом нужно быть безупречным. Даже если это так, как вы говорите, – ответил Филандро, – звучит плохо из ваших уст, оставлять это дело тем, кто видел ваши ссоры, что они передадут другим истинный рассказ, и вас оценят по тому,

кто вы есть. Хорошо будет, - ответила учитель, - сохранить то, что я говорю, и так и передавать, и нет необходимости общаться с ними. Эудемио свидетель того, что он видел, что я делаю. Кажется, что хорошо, когда у благородного человека мало опыта, и что вы знаете немногих из тех, кто становится свидетелями ссор, на которых они никогда не присутствовали, говоря другие вещи, кроме правды, потому что это ваш друг, который сделал все плохо, и он оказывает на них давление, потому что другой превзошел того, к кому за свою храбрость тянуться все трусы. Это те, кто говорит и болтает, не имея этого, потому что они достойны похвалы, в большинстве случаев потому, что молчат. Это хорошо, - сказала Мелисо, - но я хочу, чтобы вы знали, что тот, кто врет в этом и в остальном, не может обманывать людей в течение долгого времени, потому что ложь не имеет ног, чтобы дойти до них, кто с некоторой осторожностью преследуют это. На это Филандро сказал, что вы очень хорошо говорите, потому что, несмотря на то, что неискренность лжи покрывается красивой маской истины и убеждает завистливых простолоудингов, глупых, у которых мало силы, ибо сияние истины уничтожает все туманы лжи и разрушает узы обмана и уничтожает невнимание к злобе, заставляя завидовать завистливых, напуская им ложь в глаза, которые плавают в позорных волнах обмана, желая показать себя мудрыми моряками, но врезаются в скалу, где несчастно и тонут, или окажутся рядом с берегом, потерянные в глазах всех, где их жизнь исчезает и вместе с этим их злоба и подлость, и я хочу продолжить, так как у меня еще есть сомнения, чтобы лишить Мелисо того, что у него есть. А будет хорошо, если вы, учитель, будете более внимательны, чем были, поскольку, хотя Филандро не обнаружили с самого начала, когда учитель выявил обманы, не из-за этого, что предательства, предписанные обычными людьми, были проигнорированы против тех, кто не хочет следовать ложности своих извращенных мнений. Так он продолжал, что не может страдать, потому что делать первое движение в сторону шпаги противника - это жестоко, и остается расстояние до вашего меча, более удаленного от тела противника, чем его собственный. Это движение резкое, он делает его в меньшем пространстве, и имеет такой длинный путь в круге менее главном и случайном, когда оно формирует долгое резкое движение, и имея меч противника настолько маленькой части линии, где наконечник направлен в тело, и противник с легкостью пойдет на вас, чтобы понять конец вашего движения и ранить вас. Что он сказал, - ответила учитель, - этот господин - француз или житель Бургундии? Скажите это так, чтобы мы поняли, мы его похитим и научим говорить о дестрезе с молодым неопытным юношей. Я буду идти по следу с пониманием, - сказала Эудемио, смеясь над ним, - и мне хорошо, что он предложил вам стать учителем, вы поймете лучше. Для этого дайте и объясните причину этого. А потом он замолчал, будучи очень доволен причиной Филандро, потому что он лучше, чем

его спутники, понимали это, но учитель, который не был доволен услышанными вещами, которые он не понимал, ответил: ты остаешься здесь или нет? Очень хорошо, что вам не нужно говорить, потому что я это говорю, и потому что так и должно быть, и потому, что это не может быть чем-то еще, и потому, что я чувствую, что учитель знает лучше, что вы видели Эудемио, с каким самодовольством он приходит говорить по-гречески? Я очень хорошо это понимаю, и, если вы не верите в это, посмотрите на жалобы и сетования, который мой ученик имеет от вас, потому что вы меня не понимаете и не хотите верить тому, чему я учу вас, не имея необходимости говорить, чтобы вас поняли. Эудемио говорит: где он воспитал друга? С кем он общался? Или это жалость бедного молодого юноши, боль, которая у меня есть, чтобы между мной и вами я не притворялся, что вонзал десять мечей. Эудемио очень смеялся от его глупости, понимая, что, если Филаандро услышит его, он будет относиться к нему плохо, и с большим притворством сказал: почему вы не отвечаете? Потому что, - ответил учитель, - я не понимаю, что говорит ваш друг, и он вас не понимает, и вы его. Я знаю, что это занятие лучше вас или его. Наблюдайте сейчас, поднимите лицо и посмотрите на меня. Не смейтесь над Филаандро, потому что я воспринял его так, потому что думал, что он не может ответить. Посмотрите, когда я хорошо говорил, чтобы вы поняли, что не знаете того, что он говорит. Вы не радуетесь этому ответу, чувствуя себя замечательно, или как вы сдержаны и благоразумны, что сейчас вам нравятся мои вещи. А сеньору Филаандро, я говорю: откуда вы родом? Я проживаю во дворце. А с именем все ясно, что если бы его звали Минго дель Робре, как сына Матео Томеса, то ни в чем не будет подозрений. Уйдите со мной, - сказал Филаандро почти сердито, - или приводите в порядок то, что появится. А я не знаю, как он говорит во дворце, когда никогда не покидал государство. Молчим, потому что, если я рассержусь, то вам это придется не по вкусу. Он мне ничего не говорил, - ответил учитель, очень обеспокоенный, - что вы все сейчас здесь. Матеро из них затрагивают это правило хорошего сына, что, хотя вы даете мне сотню вещей, я не буду сердиться на вас, живите и правьте. Вы фехтовальщик? - сказала Филаандро, - и мастер оружия? Больше кажется, что на словах. Ожидайте, когда я сниму плащ и тогда посмотрим, что вы знаете. На что учитель смиренно ответил: да, сеньор, я фехтовальщик, и подвергал испытаниям Ахилла Мерозо Болонеза, общепринятого мастера, самого образованного человека во всех видах оружия, как Мерлин. Истина в том, что вы мне кажетесь честным и добросовестным молодым юношей, и, поскольку вы уже ввязались в это, вы получите благосклонность и расположение, потому что приносите хороший меч, и, если год или два я вас буду обучать, - я знаю, что вы будете использовать. Я благодарен вам, - сказал Филаандро, - и больше за то, что знаю сеньора фехтовальщика. Самая большая честь, что у меня это есть, - ответил учитель, и с

жданностью это «поедаю», понимая стихи. Я это также говорю для плохих учителей, – ответил Филандро, – и для тех, кто не знает этого и не является фехтовальщиком, они обучают грузиков, обманывая людей своими словами и изобретениями, о которых вы хорошо знаете, как будто это вещь очевидная. Что здесь, как и в грузиких видах искусства, мало хороших и много плохих, и что такая тонкая вещь требует большой саяженности и здравого смысла, чтобы достичь пропорции с нужной точкой, поэтому, саршайте г-на учителя, чтобы сделать что-то хорошее. Тот, кто делает это, имеет очень хороший ум, чтобы воспользоваться им в нужном месте, и ясное понимание, и острую изобретательность, чтобы быстро понять приверженность духа того, что было до этого, и что стоит наряду с этой неприятностью хороших привычек, которые я буду учить, экспериментирруя и замечая в том, с чем я имею дело. А без зависти дать ему все понять с описанием, применяя то, что он говорит или делает, в соответствии с пониманием, которое у него есть, которое он постигает, потому что он теряет то, что говорится, когда изобретательность слуха не доходит до него, давая причины, которые такие, как и ваши. Я хочу говорить на вашем языке и для противника, так как вы знаете лучше меня, что плохо, настолько плохо, как то, что я видел в дестрезе. Нужно быть плохим, чтобы сделать это, и ошибаться, чтобы сделать все правильно, потому что если то, что вы собираетесь сделать, – плохо, то вы, кто делает это – плохие, а если соблюдаете пропорции, – хорошие, пойдете за пределы основного элемента. Вам кажется это хорошим, то, что было сказано. Первое не имеет значение, потому что во мне этого нет – ответил учитель. Последнее я понимаю лучше, чем тот, кто сказал это для жизни моих детей и, таким образом, увидел меня за пределами этой охоты. Хотите себе это дело – спросил Эудемио? Почему он это говорит, – ответил учитель. Ему кажется, что есть в мире кто-то, кто также, как и я это понимает? Остроумный вопрос вас разубеждает, Эудемио плюется. Не ступайте на мою саюну, я так зол, когда думаю, что он плевал на кончики кинжалов, которые они не втыкают в ваши ноги. Что вы говорите, – ответил Филандро, – когда кинжалы воткнуты в вас? Думаю, нам нужно сражаться. Не бойтесь этого, – сказала учитель. На что Эудемио ответил: кажется, что Филандро раздражен. За вашу жизнь Филандро не причинял вам неприятности. Я тот – сказала учитель, – кого он раздражает и сердит, потому что, давая столь хорошие аргументы ко всему, что он спрашивал, он сомневается во многом, что я знаю, и высмеивает то, чему я учу его. Происходит так, – ответил Эудемио, – что Филандро не шутит и не высмеивает без особого на то основания и причины, и теперь я знаю это по правде. Поэтому, потому что вас спросят, хотите ли вы взять это дело, – сказала Филандро, – вы должны говорить долго, несмотря на то, если ты будешь стоять перед этими сеньорами, которым я бы ответил с помощью своей руки, как я делаю с грузикими более смело. Не говорите так, – ответил

учитель, - все с тревогой и страхом, разглядывайте, если не видно того малого, что мне стоило вершить эти дела, которые я бы сделала с тех пор, как вы пришли сюда, но я должен посмотреть на сеньора Эудемио, который находится посередине среди гругих гругей, и я хочу, чтобы вы знали, что когда я рассержусь, в то время, как противник говорит со мной, я делаю ему могилу ногами. Он ничего не понимает, и ни один человек не присутствует до того, как не застанет его полуживого или мертвого с новой песней, которую сегодня они напевают клинку, что, если я просто разозлюсь, они вас не видят, кося глаза, которые видели вас. Вы отклоняетесь от середины, - сказала Филандро Эудемио, - не говорите слишком много, вы думаете, что у вас это есть с такими же, как вы. Больше так не будет, - ответил Эудемио, - и я испугался, что вы настолько здоровыслящий человек, чтобы не проходить через то, что говорит учитель. На это Филандро, подумав, ответил, что он был в какой-то шайке хитрецов, и ему пришлось терпеть интонации, которые они произносят в голосе, когда говорят самым почитаемым людям в городе, и кто знает больше, - говорят плохо, выдвигая им доказательства зрения, что они никогда не видели, что те приходили хвалить гругих, подобных им. Вы думаете, что я не наполовину фехтовальщик, уча вас обманывать благодаря лжи и угрозам. Возьмите этот меч и скажите мне здесь то, что вы знаете, пока не оставите его нам, и если это то, что заслуживает похвалы, я обещаю вам, что у вас не будет глашатаю, распространителя новостей, который будет публиковать ваше имя и заслуги, и, если будет плохо (как я и ожидаю) - простите, что я должен испортить имя учителя, и, не давая больше уроков, вы захотите съест всех тех, кто хорошо знает эту профессию. Вы меня, - ответил учитель? Даже сто тысяч таких как вы не будет достаточно, дьявол привел сюда меня, а не гругого? Учитель очень боялся услышать жесткость, резкость характера, с которыми они говорили с ним, и желая, чтобы Эудемио понял это, он сказал Филандро: хорошо, сейчас можно сказать, что август способствовала созреванию пользы в сентябре, подобно винограду, ибо, пока я с ним беседовал, вы обращались с ним таким образом, чтобы делать то, что я слышал. Мы все без лени и флегматичности, мы не пришли сюда ссориться, а, чтобы быть в разуме и радовать себя. Я больше хочу, ответил учитель (с большим желанием уйти, чем остаться там), чтобы мы пребывали в здравом смысле, а не в ссоре, я тоже этого хочу, и как это должно быть? Скажите мне, с белыми или с черными? С белыми, - ответил Филандро, - чтобы это принизило шарлатанов. Не будет этого и с черными, - сказал учитель, - потому что я хочу проэкзаменировать вас, чтобы вы знали, а затем спорить о пластике. Возьмите этот меч, - сердито сказал Филандро (человек, который не страдал от такого безумия), - нам будет лучше нанести груг гругу удар в голову. Если это так и есть, - ответил Филандро, - он увидит Эудемио, который так мало знает своего груга, и так много знает своего

учителя. Отклоните его удар, - говорю я. Учитель ответил, делая шаг назад: шагом вы нам не восприняты, Дудемио. Это плохо, что мы ссоримся? Я никогда не видел этого нигде раньше. Филандро уже достаточно сказал учителю, и он благодарен, что это фехтование на латыни, что в противном случае прошло бы. Снова возьмите меч, - сказала Филандро, - не упустите его. Вы думаете, что, если мы толчим, то ничего не знаем? Или, - сказала Мелисо, - как плохо вы, Филандро, относитесь к учителям? Потому что даже в могиле я не уверен в нем. Они надеются, учитель, увидеть кровь, которая, в зависимости от удара, была тяжелой, я думаю, тебе больно. Это ничего, - ответил учитель, - нет ничего, чтобы увидеть, что все это немного красное вино, позвольте мне понять, этот фрукт обычно тот, который я приношу, остерегайтесь, возвращайтесь, почему Филандро смеется? Я не вонзал в вас тысячи мечей спереди. И меня? - сказала Филандро. Когда? Здесь есть Мелисо и Полемарко, которые это видели, и ваш ученик, который без преувеличения может защитить обоих. Успокойтесь, - сказала Мелисо. Хитрость пластики, и он, кто убеждает других, просит изры и прощая равенство Филандро. Теперь, - сказала учитель, - хорошо положите руки на голову и жалуйтесь на удар, это засаживает тот, кто играет спокойно, не убивая, и чтобы мы больше не будоражили никого из нас. Я хочу спросить его в той манере, в какой меня тестировали. Подождите, - сказала Филандро, - говорить слова, которые изблачивают во ажи типра мастера и все его мастерство. Я - мастер города или Алькарии, я знаю, что обманывал сам себя, и многим приводил доводы своих обманов и ложного мастерства, тем, у кого я смиренно прошу прощения за плохой пример, который я им дал, и я сожалею о том, что мало знаю и много лгу, и мне больно от того, что я мог бы знать, если бы тот, кто меня учил, был ученым, образованным, знающим человеком в этой профессии оружия и во многих хороших ловках, о которых я говорил плохо, и об их владельцах, потому что они не хотели говорить со мной, ибо я был простым человеком, и мне стыдно за многие обманы, которые я делал, чтобы меня воспринимали как фехтовальщика. Я прошу прощения у всех тех, о которых я с завистью и ложью плохо отзывался, потому что простолюдины и невежды меня почитают, видя, что я конкурирую с людьми очень квалифицированными, и прошу прощения за плохие слова, которые я говорил. А этих господ с моей землей я прошу указать мне путь, направить туда, где больше можно служить нашему господину, и меньше вредить моим близким. А сегодня лучше защищать меня от дела, которое я лучше всего понимаю, и вы должны сказать гарнизону меча, отойти на два шага назад где-то в половину алмуда, ненавидя и проклиная всю храбрость и гестрезу. Он сделал меня хорошим человеком, и я сделаю то же самое, говоря слова, которые он пожелает. Как правило они видели это в Зоори. Что это, господа, - сказала учитель, - вы хотите высоко повесить меня? Тогда давайте из кожаной вон лезть, мы вас оставим без удачи, и без звания фехтовальщика.

Сеньор Эудемио увидел слово о деле, которое я помню. Этот молодой юноша напоминает ему отца? У него есть мать? Кучка братьев, много богатых родственников? Женат ли он? Есть ли у него дети? В случае, если я убью его, меня не так много будут спрашивать, потому что я сержусь, я хуже чумы, заканчивая поколение в двух ссорах. Хотя из-за любви к вам я удовлетворен тем, что он умирает один и, если вы хотите увидеть большую жалость, что, в конце он станет вашим грузом, – идите и возьмите меня с собой, потому что я не показываю вам поверхностные вещи. Черт возьми, – сказала Эудемио, – вы что, не видите, что он насмеяется над вами, что вы говорили в ссоре. Я верю ему, – ответил учитель, – потому что я действительно не мог говорить, не лишив его жизни и не рискуя своей свободой. Вы заметили, как я остановил вас, играючи? Что вы думаете о борьбе? Я ничего не видел, – сказал Эудемио, – кроме ударов сегодня, я видел, что вы не проявляете слабости, а только великое сердце, даже если нет того, кого бы вы учили пользоваться своими знаниями, которые на данный момент являются таковыми, вы не похожи на грузин мастеров, которые никогда не воспользуются необходимостью этой дестрезы, кто обучает учеников. Вы хорошо говорите, – сказал учитель, – понял ли это сам Фуландро? Я хочу спросить, ответьте мне затем, не задумываясь, я собираюсь вас протестировать, я говорю Эудемио, я уже начал и прошу вас рассказать мне, кто был первым, кто принес меч в мир? А первый человек, который был фехтовальщиком, был левой или правой? Высоким или низким? Сильным или худым и слабым? Холериком или флегматиком? Легким или тяжелым? Действительно, эти вопросы довольно существенны, – ответил Фуландро, – и ваши сомнения не менее важны, чем те, которые грамматисты ставят под сомнение. Если Эней, когда сходил с корабля, прыгнул на землю, то коснулся земли правой или левой ногой, и другие вопросы, достойные смеха. А отвечая на ваши вопросы, я говорю, что первым, кто принес меч, был ангел. Очень хорошо, – ответил изумленный учитель, – но нужно нечто большее, чем просто время, чтобы прыгнуть и попасть в цель. Спросите меня больше, – продолжал Фуландро, – кто был первым, кто принес в мир школу фехтования, чтобы обманывать, как вы меня уже спрашивали. Я вам отвечу немного погодя. Какая часть тела находится в большей опасности, когда человек находится в драке? – спросил учитель. Я сделала клубок нитей, на который Эудемио кричит, когда не знает, но тот в свою очередь молчит. О чем вы говорите, – спросил Фуландро в гневе? Вопрос довольно остроумный, тогда фехтовальщик сможет устранить эти сомнения, бедра или руки в соответствии с контуром, которое имеет тело или положением меча, потому что они являются частями, которые более склонны к мечу противника. Я это отрицаю, – ответил учитель, очень довольный, – что он плохо говорит, потому что должен был сказать, что они оба к мечу, а не склонны. Все они много смеялись, когда видели вещи, на которых останавливался учитель. А Фуландро,

неспособный сдерживать смех, ответил: это я и хотел сказать, нужно будет говорить с вами шуточно, невежественно, чтобы вы могли меня понять, хотя я с вами еще не говорил. Это ваша вина. Не сердитесь, – сказала Эудемио, – потому что вы обязаны использовать те названия, которые используются больше всего для понимания. Привет, Эудемио, он спросил, протестирован ли учитель? Для вашей жизни есть некий указ, смеялся Филандро, я хочу, чтобы вы рассказали мне, какую ловушку вы собираетесь использовать? Тело такого типа – выходит за пределы шеи или, если я к нему приближаюсь, то пальцы на хвате оружия направлены вверх, я нападаю на него или он атакует, не пытаюсь что-либо сделать. Нанесите ему таким образом в движении удар, при котором вы тратите время без цели, – сказала Филандро, – нанеся ему сильный толчок в грудь, который причинил ему боль. Есть переход, как некая ступень, – ответил учитель, – не наносите так сильно удар, помните, что я задаю вопросы, а не сражаюсь, или делаю это, потому что выиграл. Вам нужно было ответить, что такое парирование неожиданной атаки, чтобы попасть в цель. На это Филандро ответил, что вы не правы в двух вещах. Первое потому, что уверенность в вашей ловушке находится в уклонении, которое другой должен сделать при атаке. Если вы будете уделять внимание тому, что вы хотите, то вы потеряете возможность нанести рану, и тогда противник ударит вас, потому что у него есть на это время. И вы боитесь не использовать это, чтобы быть впереди другого, и вы будете похожи на невежественных, которые положили весь успех своего мастерства к использованию меча, чтобы противник отодвинул его в сторону, а не вытащил его, не сделав ничего, теряя сначала замысел и намерение с выполнением противоположной ловушки. И вторая причина почему вы не правы заключается в том, что ловушки, которые находятся в распоряжении противника, – все ложны, а их конец различен и редко достигается, потому что он зависит от счастливого исхода проявления воли, отчего вы не правы, потому что, если я дам вам сначала совершить вашу атаку, так, чтобы мне нужно было отклонить удар в сторону, а не обращать внимание на рану, не чувствуя в этом необходимости, потому что он делает все неуверенно, когда какое-то движение теряется, и какая-то пропорция нарушена. А Филандро прав, – ответил Эудемио, – потому что чем скорее будет лучше, тем скорее он сделает ловушку. Простите Эудемио, если он противоречит вам, – сказала Филандро, – потому что это не называется ловушкой. То, что я делаю, – не состоит из трех основных движений ваших или моих. Вы тоже против меня, – сказала учитель Эудемио. Вам не удастся взять этого ученика, это заслуживает тот, кто размышляет и ставит это на повестку дня. Разве вы не видите, – ответил Эудемио, – что он прав в том, что сказала? Несмотря на то, что не было привычных голосов, чтобы сказать, что он ответил учителю, а только объявить, что это очень плохо, как есть на самом деле, – услышите свой разум, что это не то, что есть. Нанесите мне выпад

в грудь с парированием, как учат все публичные и тайные фехтовальщики. Как мало вы знаете, – сказала Филандро, смеясь, – не лучше ли то, что я дам вам без парирования и с меньшим движением – это спросить наперед, несмотря на то, что это закончит уважение. Он не быстро закончил с вами со своими вопросами, – ответил учитель. Наш друг Эудемио не знает дестрезу, он довольно плох в ней, говорю я и хочу, чтобы вы мне тоже сказали, кто является величайшим другом и врагом главного? Враг главного, – сказала Филандро, – конечно это все то, что наносит урон, как камень, к которому применили силу, а друг главного это рука, если есть чем парировать и защищаться. Я в хорошем проверен, – ответил учитель? За мою жизнь, зная то, что необходимо знать о дестрезе. Для этого они вас зовут, – сказала Филандро? Необходимо, чтобы я сам позвал. Потом ты все окажется дураками и неучами, – ответил учитель, и сказала то, что вы хотите сейчас услышать, – и посмотрите, отвечу ли я лучше. От этого все получили большое удовлетворение, и Филандро, хотя они жестоко показали его учителю, не мог достаточно сдерживать себя, чтобы дать ясного сигнала смеха и сказал ему: учитель радовался тому, что был таким же упрямым, как и я? Но учитель, который был удивлен, увидев, что они смеются, согласился смеяться вместе с ними и сказал, что я напуган, потому, что высмеиваю их, чтобы увидеть, как вы смеетесь, и ни один, ни второй не понимают, почему они смеются, и не понимая их. А вы, Филандро, думаете напугать меня, говоря о линиях, а не об ударах. Почему вы обманываете себя, ведь не только вы знаете, что я знаю того, кто говорит ему и двум или трем друзьям, которые у него есть, что он делает Книгу Оружия, в которой вы говорите про размер линий от руки до локтя, и от локтя до начала руки. Какой великий вздор, – ответил Филандро, – направляя пластику Мелисо и Мелестарко. Неизвестно, что человеческие понятия не имеют предела, указанного в длине тела, и человеческий рост очень разный. Они не понимают, что говорит этот фехтовальщик о другой вещи, кроме как потому, что они считают это хорошим. Кажется, что все думают, что они уже знают теорию оружия, потому что он говорит это, а не потому, что понимает в своей совести, кто знает что-то из этого, потому что во всем, что он противоречит разуму, и да, возможно, он слышал что-то от нашего друга, кто увидит смех с тем, что он делает. Скажите ему, что ваше мастерство порицает его за воровство, когда Марциаль говорит о том, кто украд стихи. А он также должен создать безумие и злоупотребление, которое нужно размножить, потому что они думают, что невежественные простолюдины легко пишут трудные вещи, читая об образованных туччинах, не понимающих, что то, что они считают легким, и что они будут делать, – является самым трудным, но, на мой взгляд, наш фехтовальщик сильно устанет, тучаясь с углами и кругами. Верно, – ответил учитель, – что я этого не понимаю, но я заставляю себя тоже отвечать и даже лучше вас. Например, какая хорошая память

пришла ко мне на все мои достоинства, чтобы я ничего не пропустил. Они заметили, что все, кто много приходят, знают, что это не издевательство, как говорили эти молодые люди. Достигнет ли это более двух людей, которые принесли копье или шпатель? Не хорошо сомневаться и быть немногословным? Конечно, кто такой же, как я? Вы смеетесь? Тогда мера даины в палец при работе с мечом и пяди при работе с копьем не является большим преимуществом? А копье не достигает цели на большую даину, чем меч? Да, – сказала Мелетарко, – но я еще вот что думаю. Что вы хотите ответить, признавая себя побежденным? Почему, – сказала учитель, – я не говорил хорошо? Что достигнется на большее расстояние? Меня это пугает и просто сводит с ума. Вы не более того, чем вы являетесь в другой науке, – сказала Филандро, – и поэтому вы не отвечаете на сложные вещи в том, что вы делаете всегда. Я не хочу с вами это обдумывать, оставьте это там для вашего времени. Эудемио был очень внимательным ко всему, что говорил Филандро, обнаружив истину настолько убедительной для понимания, что оказался доволен этим, и сделал ее очень высоко оцененной. Учитель от этого разозлился, потому что ему казалось, что это не подходит к его фехтованию и шарлатанству, чтобы перед этим похвалить другого, глядя на Эудемио с плохим выражением лица. Кривя рот на одну сторону и делая гримасы, он спросил его: а вам это кажется хорошим? Если это правда, – ответил Эудемио, – потому что, не зная науки об оружии, которую знаете вы и другие фехтовальщики, и без тех частей науки, которые, по словам Чарилео, важны для некоторых из них. Я понимаю приведенные причины, и удовлетворен этим пониманием. Послушайте, – сказала ему учитель, – посмотрите на меня хорошо, я вам говорю, что я не понимаю этого, ни он вас, ни вы его. Вы хотите увидеть это, сеньор ученик, я прославляю Бога. Я изучаю все тридцать видов оружия, и вас учил их, а он нет, и потом не будут проверять его знания. Филандро смеется с вас. Вы хотите быть дьяволом, лучше молчите, а не злите меня, что послужило бы тому, что разрушит дом у подножья, или спросите заранее, не думайте поддеть меня за то, что я хочу узнать причины. У меня есть двадцать курсов Тертании и тридцать курсов по фехтованию здесь, где вы меня видите. Объясните мне тогда, – сказала Эудемио, – почему, будучи концом меча, самой слабой частью, она делает более сильные раны, чем нагоняи для противника, поскольку, имея больше силы, то и удары должны быть сильными? Мы хорошо знаем усталость от этого, которая всегда игнорировалась фехтовальщиками? Это простая вещь, – спеша, ответил учитель. Великая сила – это удар, который он наносит, и меньше силы, если удара нет. Этот ответ никогда нельзя было даже представить, что вы думаете, Эудемио? Почему смеются эти господа? Если вы мне не верите, что я ваш учитель, – говорит Филандро, – и, если вы рады, не напугав меня, потому что вы не знаете, что вы делаете. Господин сейчас думает, отождествляя себя со мной. Мне было хорошо, и

Молетарко, возвращаясь обратно к разговору с Филандро, попросил его попробовать что-то сильное, чтобы он мог понять.

На что учитель сказал, вы намеренно это спрашиваете, чтобы я мог не говорить? Тогда сеньор Дугетио использует многое из этого и не избавляется от того, что они говорят. Я знаю, что, если Чарилао не придет сейчас, я отвечу другим сильным. Все остались удовлетворены ответом Филандро, и были очень рады видеть, как он прошел через образ жизни учителя, который, увидев Чарилао, который вернулся, говорил и радовался его приходу. А Чарилао сказал ему: я очень рад вас видеть, вы многое сделали, но скажите мне, учитель, от чего вы расстроены. Я, сеньор, - ответил затем учитель, - не знаю, действительно ли здесь мое место. Что это? - сказала Чарилао, - вы сидите со своими мечами в руках? Я наслаждался учителем и его тонким умением преподавать, - ответил Филандро. А я нет, - сказал учитель, - тем более вашей практикой или тем, что вы гибкие. Но правде говоря, я не понимал вас, даже если бы я был очень внимателен. Сколько еще мой ученик, как и сеньор, смеющийся над моим учителем Чарилао, хочет, чтобы я говорил, и что он хочет, чтобы я сказал. Вы нам рассказали, - ответил Дугетио Чарилао, большую часть того, что знает Филандро об оружии, и только что обнаружил путь, который вы начали, чтобы понять как можно больше что есть что, и он дал такие веские причины, что они были удовлетворены таким образом. Это напугало учителя и ученика. Вы скажете ему, что он испугал вас, - ответил учитель, что вас напугали все. Поэтому, тоже, то чему я учил вас, я учил именно так. На это Дугетио ответил, что он испугался, потому что это было так плохо, и поэтому так хорошо. Смотрите, Чарилао, - сказала учитель, скажите им, чтобы они разговаривали ясно, без обиняков, и вы увидите, пойду ли я пешком даже по площади, и ответите ли вы, даже если находитесь впереди от того, кто разыскивает. Он говорил час на непонятной латыни, которую я не мог понять, говорил, что я скрываюсь в этой жизни, которая была орлом. Тогда знайте, - сказала Чарилао, - что Филандро хорошо понимает обе части науки об оружии, как теорию, так и практику. Вы понимаете этого молодого человека, - сказала учитель. Что, если я хочу разозлиться, судя по тому, как я начал делать успехи, кто будет видеть меня? Вы меня плохо знаете, но я хочу согласиться с тем, что у меня есть проблема в том, что делать. Со временем я возьму ваше вознаграждение, сеньор Чарилао или Чариларго, который пришел, чтобы понять своих друзей, не имея их на своем счету. Я остановил его, и он взял меч. Вы остановили меч телом, - сказала Филандро, - другая игла, не сказав нам имени учителя? Разве вам не нужно держать свое слово? Это честь, против которой вы протестуете и не могли превзойти? Здесь есть Дугетио, который покаялся, что вы должны мне титул «Фехтовальщик», и он мой, а вот ваш титул - это ложь. То есть, возьмите этот меч за середину рукоятки, ноги вместе, гарда защищает руку, глаза подняты к небу. Я главный городской учитель,

тиран мѹжества, и публичнѹй узурпатор гестрезы, убежденнѹй в правде. Я публично пренебрегаю всем мѹжеством и отрицаю всю гестрезу и всех тех, кто сделал меня невероятнѹм фехтовальщицком, и плохо то, что меня много хвалили. Бог не простит первым, кто дал мне эту роль, и я снова стал слугой хороших людей и вассалом ваших милостей. Это я должен сказать о вещах, – ответил учитель, – которые в этом мире дали мне больше чести и уважения? Я прошу вас замолчать, и советую это вам потому, что я знаю, что, если мы вернемся к прошлому, будут гром и молнии, и я должен буду пасть, как Рэй, но я понимаю себя и оставляю лучшее время для смерти кого-то. И они не поймут меня в другой раз незамеченным. Я пойду, господин Чарлао, я ваш слуга за все, что потребуется исполнить. Поцелуйте мне ноги и руки, и я не проиграю, пока не выиграю, я поднимая руку и говорю им, что мы широко видим их выходы. Поскольку вы больше не говорите этим сеньорам, – сказал Чарлао, – вы не прерусеете и не выполните то, что вы должны сделать для хорошего воспитания и развития, и для дружбы на протяжении уже стольких часов. Не для чего, – ответил учитель, – я говорил им это очень ясно, но со всем этим предатель во мне, и я в конце доброй касты, я не могу отказать себе в том, чтобы господствовать над друзьями, которые с открытой душой для всякой пользы найдут меня пунктуальным, и порекомендуют меня вашей сеньорите. И сказано это было с большой спешкой, что казалось, что они идут за ним, оставляя всех с большим страхом и хвастовством, о которых Чарлао говорил, что Эудемид пошел с учителем, а Фриландро с теми, из которых многие очень рады, что они им ответили. Я не знаю, чем они оплачивали восторг и ликование, которое мне оказывали, если только не передав вам рассказ, который произошел недавно с учителем и его врагом, который жил рядом с больницей, от которого он получил много оскорблений, не будучи в состоянии удовлетворить себя ни одним из них. Люди кричали об этом, решив собрать всех своих друзей, чтобы выяснить, что вызывало сомнения и, в конце концов, образовался совет, решивший, что каждое утро они будут сопровождать его, и что, видя, как он пошел на врага в защите, учитель, который внушает с одной стороны и наносит удар ножом, потом враг сбѹжал в больницу, которая была поблизости, и все пребывали в такой героической решимости. Враг ушел, и учитель вытащил меч из ножен и шаг за шагом заходил за спину, чтобы нанести рану, как будто он уже привык к этому и советовал это, но он не мог сделать это так быстро или с такой энергией, что человек не успеет даже повернуть лицо и не увидит, что он уже стоит здесь с высунутым мечом, который начал доставать уже свой, чтобы защитить себя от предательства, но учитель был настолько добр, что не продолжал свои действия, и враг бросился назад в больницу. Затем к нему подошли его охранники, чтобы упрекнуть его в небрежности, которая имела место быть при нанесении раны, которой он с большой радостью сопротивлялся, полагая, что все

они хорошо их делали, заявив, что больше нечего делать и нечего желать, чтобы все осталось так, как должно быть. Ваши друзья ответили: о чем вы говорите? Как вы не смогли нанести ему рану ножом? В конце концов он не внушал вам доверия. На это, – скрытно спросил учитель, – удар, который он совершил, не был глубоким? Не для вашей жизни? Вы действительно это говорите? Но правде говоря, вы правы, я теперь помню, что забыла нанести удар ножом, и только вспомнила, как вошла в больницу, как мы умирали, но я уже сделала сегодня один удар, в другой день сделаю другой, он ничего не теряет. Похоже, это было плохое извинение. Все сильно стеснялись над тем, когда вспоминали, как он убежал и забыл про удар ножом, и попрощался с Чарлао. Их было четверо, все они были в каких-то домах, где сражались, стеснялись над этой историей и использовали обманы, которые однажды были обнаружены. Вы удивлялись, что на земле было такое великое зло и люди, которые внушали его, и что самое серьезное, что есть те, кто верит и хвалит это, есть те, кто больше рад, что из-за этих обманов истина была обнаружена, и настал порядок в таком большом беспорядке. Они отложили это на следующий день с надеждой на большее разочарование.

КОНЕЦ ВТОРОГО ДИАЛОГА О ЛОЖНОЙ ДЕСТРЕЗЕ.

ИЕРОНИМО САНЧЕС ДЕ КАРАНЗА

ФИЛОСОФИЯ ОРУЖИЯ

И МАСТЕРСТВО ВЛАДЕНИЯ ИМ.
ХРИСТИАНСКАЯ АТАКА И ЗАЩИТА.

ДИАЛОГ № 3

ПРИЧИНЫ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ТРЕТЬЕГО ДИАЛОГА

После того, как в первом диалоге были рассмотрены универсальные части истинной дестрезы, а во втором глобально и в частности рассмотрена ложная, ненастоящая дестреза, но при том, что, обнаруживая обманы вульгарных фехтовальщиков, доказывая это с помощью стойких демонстраций, кажется, есть вещи, которые не такие общие, как в первом диалоге, потому что многие их не понимают, но они настолько целесообразны для цели, которую преследует наука об оружии, что было бы невозможно знать фехтовальщику о том, что подходит для совершенствования мастерства. Если что-либо из этого игнорируется, потому что считается очень особенным, то мы хотели бы предоставить истинные причины, и вместе с ними – всё самое важное в дестрезе, включая теорию работы кинжала против меча, с доктриной для ученых, образованных и серьезных людей и в частности с заповедями, которые должен соблюдать и хранить учитель, чтобы исцелять с помощью дестрезы неупорядоченный импульс духа ученика или заменить недостатки их характера искусством, давая каждому то, что лучше для него, в чистом виде, если в действительности он будет сражаться с двумя или тремя оппонентами, и что подходит для сохранения дыхания, борясь со многими другими особенностями, затрагивающими философию дестрезы, что будет неоднократно замечено в продолжении этого Диалога, в котором представлено сходство между науками и отношениями дестрезы с ними, и к каким из них нужно подчинить дестрезу.

ТРЕТИЙ ДИАЛОГ КАСАЕТСЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРИЧИН И ИСТИННЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ОСНОВНОЙ ДЕСТРЕЗЫ, ВКЛЮЧАЯ ДЕМОНСТРАЦИИ МЕТОДОВ, УЛОВОК,

которые целиком были предложены в первом диалоге и показывают универсальные принципы работы кинжалом против меча и оценку всех видов оружия. Диалог ведут Мелисо, Филиандро, Эудемиио и Молемарко.

Существует старая история о том, что король Мирро из Эпира обманул льстецы и подхалимы таким образом, что, будучи очень ясным человеком, с превосходной военной дисциплиной, он думал, что похож на лицо и дух Александра Македонского, несмотря на то, что зло и лесть смертных врагов для всех были очень ясны. После этого безумия он приказал, чтобы их портреты разослали повсюду, полагая, что в них была сама фигура Александра, и будучи убежденными в этом, ни у кого не было такого друга, приверженцы истины, который осмелился бы обмануть. А что было более серьезным, - что даже не чувствовалось что-то отличное от того, что он чувствовал, чтобы не воспылать отбращением, пока некая пожилая женщина не обнаружила, что эта истина явно подавила его безумие, потому что Мирро показывал ему статуи Филиппа, Александра и Касандра и других королей Македонии. Я спрашиваю его (очень радостно) в ком из них он, казалось, был более уверен. Но старая женщина немного остановилась на этом истинном суждении и сказала, что, кажется, что это Батракио «Кук», который по лицу и в талии был очень похож на Мирро, который, если в сравнении с ним, которое я сейчас делаю и других храбрых нашего века, хотел извиниться, ведь он обижался, что его сравнивают с такими скромными, непритязательными людьми. Для них они кажутся ему очень похожими, не зная, как чувствовала себя Мирро, будучи обманутым превосходными льстецами, их воображением и плохими друзьями, которые у них есть. Они хотят быть похожими на Александра в служестве, но я думаю, что в этих документах представлен Батракио Кук, и тем самым исцелить тех от их безумия, которое так велико, возможно, подавляя нахальство и свободу, во имя с ясной правдой о делах и жизни. Они укротят свою смелость и беспорядочную жадность, чтобы оскорбить Бога и нанести вред близким. А в случае если этого будет недостаточно, чтобы быть упрямым и жестоким на зло, будет, по крайней мере, часть, чтобы все знали, кто они, и поняли, как мало они могут, и увидят, как они обманывают, потому что я действительно верю, что, если бы такой друг сказал им правду,

они бы выдержали ложку, которая уже была незатмысловатой и удалена из их порочной жизни. А, принимая более честное обращение, они бы отвергли такие отвратительные привычки, больше склоняясь к тому, чтобы положить им конец. Мне бы пришлось упомянуть о том изумлении, которое у меня было, видя и слыша шарлатанов-маэстро, когда истинное мнение таково, что отдельные люди отказываются от своей доктрины и говорят, что большинство из них - трусы без чести и люди плохой жизни. Прежде, чем я начал говорить, вы испугались и увидели жестокость, которая исходила от оружия. Знайте, что я не только видел то, что причинило мне вред, но и видел бесстыдство, захваченное в мое владение с большой силой, забывая мужество и храбрость, чему я учил Эудемио. Я испытывала большой страх, хотя понимала, что с самого начала это уже было ложным и удивляясь, что у Эудемио не было такого же или еще большего страха, чем у меня, потому что в соответствии с этим вы судите тех, кто должны были оставить невежественных простолоюдинов, которые учились у тех, кто не знает их. Мне кажется, что наш господин привел вас в такое хорошее время, чтобы, когда я услышу ваши причины, я изгоню из себя весь обман тех, которые, если могут, то не потеряют, с трудом будут удерживать, чему предшествовало так много плохих вещей, потому что то, что хуже и дальше от истины и затрагивает меньше добродетели - подходит нам лучше, и это всегда находится в нас. Мне нужно ограничить себя в разговорах, я потерял, я не знаю, что делаю, что мне думать, что есть у меня в голове, как будто я пробудил это собственной глупостью. Что будет со мной, если я услышу остроумных людей, их некоторые высокомерные слова, которые у меня остались в памяти? Или по неосторожности я сделаю несколько жестоких движений, которые делаа учитель, не желая, чтобы я это делаа? Потому что я не могу не видеть и не слышать это, но то, что меня утешает во время таких великих тягот, заключается в том, что в этот день я получила немного понимания того, что известно в науке об оружии, многое узнал о пустословии и обмане из-за отсутствия разума и мало узнал о мужестве для избытка бесстыдства и трусости, вы знаете это лучше, чем я. Бы более опытный, чтобы сказать, что чувствовать, потому что люди не думают, что мои жалобы и обиды исходят из незначительного случая. Эудемио, мне очень жаль возвращаться к воспоминаниям о вещах вунгарных фехтовальщиков, потому что они очень оскорбили меня своими мерзостями, но я счастлив от этого, потому что смогу повторно использовать свою затею. То, что вы им обещаете, - я хочу сделать по своему желанию, прежде чем меня заставят уважать их, и узнать (всему причина того - моя неудачная судьба), что среди многих вещей, к которым я склонялся, была одна об умении обращаться с оружием, о деспрезе, которую простолоюдины называют фехтование (название, недостойное ушей, привыкнув к чести), и я внедряла ее в работу на время, которое предлагалось. А для того, чтобы усовершенствовать свои навыки, я

общаюсь с некоторыми людьми, которых не экзаменовали. Одни от дестреты имеют счастье, а другие – большие травмы, за исключением того, что те, кто много говорят, знали, как легче и более непринужденно размахивать мечом, чем другие, и знали имя простолюдина, который, будучи преступником, становился судьей и устранял авторов этих вещей, просто так, ни за что, больше потому, что ему так нравилось, а не потому, что на то была причина, с которыми он проводит какое-то время, пока истина не дала мне понять, что мне не стоит говорить ни слова никому и верить мнениям простолюдинов, потому что всегда, по большей части, они различны и высокотерны, к тому же еще и враги разума. В основном они подтверждали с присягой, что они были фехтовальщиками и не удовлетворены этим, мне они были выданы за храбрых. А как враги истины и хороших людей они легко азарт, они спрашивали, насколько известные и непонятные истины могут быть сведены к мнению, чтобы подтвердить свою ложь. А все, что они использовали в своей похвале, было ложным и вводящим в заблуждение, на притворных основаниях, скрытых искусством перспективы, что издавело проявляло определенную тень правды, но при таком опасном решении я не хотел доверять им и взял их опыт в качестве руководства, понимая, что он научит меня разнице между дестетой одних и тяжелым и суровым образом жизни других, и каковы были настоящие фехтовальщики, а какие нет. А для столь разнообразных противников казалось необходимым сформировать соединение в дестете в том виде, при котором можно было иметь противоречие многим противникам, применяя какое-то из них, если они оказывают разнообразное влияние и состоят из смеси, которая не похожа ни на одну из ее составляющих, а вбирает всю силу составляющих в одну и становится единой частью многих составляющих, не похожих друг на друга. Так что, если бы какая-то из сторон пожелаала свести себя к своему старому виду, я бы с трудом это сделала и вернулся бы к дисциплине каждой из них. Отдать меня в их руки было похоже на то, что я попал в руки дьявола, потому что один из них сказал тайне, что на меня не будут наступать с длинным мечом публично, чтобы никто не остановил. А то, чем я очень восхищаюсь, это, что этот человек основывал свое мастерство на необходимости умерить пыл противника и применяя парирование, нанести потом рану и осуществить другие формы парирования. Мне казалось, что то, что он ненавидел со всех концов, он и выбрал для себя. Но другой противник убеждал меня не использовать меч снаружи, а всегда ударять со стремительной атакой, другой сказал мне не принимать во внимание этот совет и исследовать меч наконецником моего меча, пока я ожидал, что противник достанет свой, чтобы сточить нанести ему вред, ставя его ловкость и мастерство в стойкие условия, за исключением того, что противник достал свой меч за ту часть, о которой говорил мне учитель. Я оставался нерешительным с большим страхом и опасностью, но другие более сдержанные убедили меня не

выставлять мою левую ногу, потому что воображение не находится в двух вещах столь разных, как выставить ногу и причинить боль. Бы меня очень удивили этой причиной, и я прекратил делать и то, и другое, потому что привычка не накладывала на меня обязательства, оставляя по одну сторону споры и ссоры, которые есть между людьми. Это займет долгое время, чтобы рассказать то, что по-видимому, судят поверхностно таким образом, что тот, кто говорил, был слабее, чем наконечник меча, чем весь меч, чем тот, кто противоречил ему и оказался таким же слабым. Я не знал, как спорить об обратном, хотя знал, что невозможно, чтобы одна и та же часть меча была одновременно слабой и сильной, даже если речь идет о смене позиций, которые вызывают разные центры, а также невозможно, чтобы одно и то же было горячим и холодным одновременно. Из этого я понял, что нет очевидной причины, что кто-то не может этому противоречить, так что я столкнулся с представителями, которые обычно уставшие и спят, иногда склоняя голову в сторону, как будто бы подтверждая что-то, а в других случаях поворачивая ее на другую сторону, как будто бы отрицая, не споря с простолюдинами. Но хуже всего то, что те, кто командовал не парировать удары, - мало знали, а некоторые ничего не знали, и это было правдой, предлагая им удобный случай, чтобы они не использовали ничего другого и не приобщались к другой защите и не видели также тех, кто говорил мне раньше, что лучше подождать, отступить в ссоре с ненасытным желанием бежать (обратите внимание, как плохо можно обучить человека ждать другого, кто выбирает, что лучше бежать) откуда я понимаю, что те, кто в опасности теряют науку, когда приходят к ней, и также теряют свой дух, который является основой. Конечно, я говорю вам, что мне стыдно признаться вам в истине, в дестрезе, потому что всё это путаница, состоящая из нескольких замешательств, и то, что я понимаю, это, что главное в таких противоположных мнениях было внешнее проявление простолюдинов, которые, по мнению некоторых существенных наук, (из-за отсутствия хороших учителей, они теряют большие возможности узнать что-либо), говорили всё, что было общим признанием. Я тоже был фехтовальщиком, и уже владел камнем в здание славы и приобрел некую удачу и везение, которыми могу восхищаться. У было так, что для того, чтобы аккредитовать меня с народом и незаконно присвоить какую-то похвалу, я провел день в созерцании, чтобы узнать, какое средство нужно было бы почитать больше, чем обычное, и, зная непостоянство простолюдинов, я сам обнаружил, что если только говорить общие вещи в дестрезе и привычные среди простолюдинов, и, если мои наставления не отличались от тех, которые говорили простолюдины (как говорил Лучиано, софисты против философов), чего не было в моей необычной вещи, за которую меня хвалят люди и восхищаются моим умением и способностями и убеждают меня в этом, потому что с той же самой ловкостью меня убедили другие, хотя это правда, что это никогда не закончилось бы

моим осознанием, прежде чем ни один палач не смог бы быть более жестоким к кому-либо. Кроме того, это служило тысячам моим свидетельствам так, как более странная ложь воздвигалась для известных людей и еще больше для паломников. Более того тщетные уловки, предложенные людям, гораздо больше заслуживают уважения от новых людей и почитания среди разумных простолюдинов, замечательные которые те, кто завидует хорошему, но никогда не заслуживают использовать это, скрывая это во лжи и отбрасывая правду за ложные нововведения, принесенные обманщиками. Я доверяю своим словам, чтобы сделать что-то новое и известную гестрезу, основа которой была скрыта и сомнительна, чтобы невежи, лишенные веры, насытились (как говорится) и чтобы огни угадывали одно, а другие другое. Все вместе мстят мне, видя их изумленными и завороченными, потому что недостаточно, чтобы гестреза была правдой (которая не была моей), но нужно многое осознать, применять усердие, проворство и желание, но всё это мало помогает, если тот, кто этим обладает, нецелесообразно использует это в своем месте. И многие другие вещи, на которые я не обращаю внимание подходят для ее совершенства. Вы видите здесь идеал гестрезы, сформировавшийся в моем понимании, хорошо посмотрите, кто эти простолюдины, потому что меня они хвалят за то, что я хороший фехтовальщик. Они верят в мои сказки, которые поднимали и отрицали правду, которую другие считали доказательством зрения. Творит Филандро. Я восхищаюсь тем, что ты сказала мне, и я гораздо больше, чем то, что они продолжают делать в своих плохих привычках и ложной гестрезе, и что человек по вашему описанию, будучи настолько благородным, может в какой-то момент отождествляться с вульгарными простолюдинами. Но хорошо, что вы поняли из этих слов то, что хорошая наука происходит из хороших привычек, а от плохих наоборот, в случае, если это не было заявлением какого-то человека, которого вы называли от своего имени Мелисо, поскольку Эудемисо и Полемарко открыли дверь к мастерству и отдыхали, ссылаясь на то, что они знают о ложных фехтовальщиках. Будет хорошо, если те, кого я видел, предстанут перед судом, как другие, потому что они не менее высокомерны, будучи настолько высокомерно храбры. Они подтрунивают и говорят плохие вещи о фехтовальщиках, потому что они не хотят быть на них похожи (правда то, что говорит Платон, мол нет необходимости обращать внимание на тех, кто не знает многого из того, что хвалят или постигают) предполагая, что они не обладают правдоподобными навыками. Чтобы сделать это, они для своей безопасности объединяют подмастерье, которых в плаксивом возрасте и не таких опытных легко обмануть словами, посредством которых они внушают это великое и знаменитое имя мужества, что независимо от того, сколько людей ищут его, оно не так легко предоставляется всем, кто притворяется, что един в своем роде, как говорит Монтано, и поскольку худшая гестреза укоренена более

эффективно, они не знают, что ловки, которым их учат, полны сомнительной ложности, так что они могут ставить их в одну и другую части так, что если что-то одно не подходит, они хотят принять другое и таким образом найти ошибку дестрезы во всем и ни в чем без поправок. Но, даже, если бы я был Марко Красом, я не смог бы с сожалением сказать извинения, которые они ищут, когда убегают, опьяненные трусостью и пылающей ловкостью. А тот, кто много кичится своим мастерством, того нельзя назвать истинным фехтовальщиком, кто сам по себе таковым не является. А то, что делает меня самым злым из них, - это презрение, с которым они относятся к тому, что делают другие, и те ошибки, которые они выставляют, чтобы они не уважали их как они того заслуживают и не казались уважаемыми, называя в своих сплетнях малодушным фехтовальщиком того, кто не знает, а соглашается с простолюдинами. Но то, что у меня есть более серьезного, заключается в том, что, не зная ничего этого я ничего и не могу. Ничто не стоит того, чтобы увеличить особую пользу для народа, который находится в городах, как бесполезные хвосты для республики, которые идут против тех, кто следует за добродетелью, обвиняя их во лжи. В итоге, он пришел к разложению своей злобы и подлости до такой крайности, что он почитается среди них за лучшее; что у него теперь меньше стыдливости, и он большой клеветник добра, потому что, непременно, это так и есть. В них есть большее зло, когда с ними обращаются так, как обещали. Причина в том, что такой отвратительный вид "зверей" (тупиц и болванов) ненавидит всех нас, они ввели в курс дела всех христиан с помощью этих писаний, чтобы предупредить о злых вещах, которые есть в их теле. Об этом я говорю более простым способом, например, кто имеет опыт повреждения, что является причиной моего удовлетворения этой дисциплиной, чтобы взять верх над волей этих высокомерных и напыщенных невеж, потому что это правда, что авторами ловок был здравый смысл, который упорядочивал вещи, противоречащие друг другу. Сомневаясь в этом случае, старайтесь молиться тем, кто незаконно присвоил себе имя фехтовальщик, которое я использую по их желанию (но не во всем, в чем они использовали). Меня научили некоторой ловкости, чтобы оценить почему, как говорит Филандро и другие, истинная цена вещей заключается в их отсутствии. Меня бессознательно определили как молодого неопытного юношу, которого с паяжа должны были поймать в середине залива и в дыме посреди пламени, потому что, заметив потом конец этих людей, он нашел среди них самые распространенные реки невежества и сомнительных ловок, которые были среди других варваров, с которыми он имел дело. А конечно же после того, как он узнал такое беспорядочное разнообразие, он поблагодарил Бога и судил о золотом веке. У меня была самая удачная жизнь из тех, кто игнорирует все положения дестрезы, в сравнении с этими надменными высокомерными людьми, что заставит вас еще больше смеяться, а для меня это было

тяжело, что, будучи не в состоянии согласиться друг с другом в чем-либо, они обучали всех уловкам, противоположных одна другой и с большим усердием старались дать мне репутацию, авторитет, где каждый работает сам, если их мнения лучше всего заставляют меня принимать их за более правдоподобные, чем другие, чтобы для вас стало очевидно доказательство их великого невежества, говоря о всех вещах, настолько противоречащих друг другу (как вы слышали). Они утверждают о всем, чего хотят, ни в чем не сомневаясь, предлагая больше сомнений всегда тому, кто знает больше, но у этих сомнений нет. А самое худшее, что они довольно флегматично себя ведут по отношению к невежественным людям, которые хотят во всем быть победителями словесных поединков, не оставляя шанса ни для кого, кто засаживает победного места.

Творит Филандро. Я уверен, что слышать это не в новинку для меня, потому что я видел, как они ищут ткачей в соответствии с той нитью, из которой они плетут свои сюжеты, и я знаю, что они похожи на тех, кто входит в группу комедиантов, которые, согласно возможности работы, иногда олицетворяют человека Ахилла, а другие - Марса, а чаще всего Одиссея. А тот же самый человек, который был Юпитером, показывает потом раба в отсутствие своего хозяина, потому что автор произведения так пожелал. Но когда всё закончено, каждый из них лишается вышитых одежд, которые оставляют приоткрывающегося человека без защиты, он возвращается к своим бедным и скромным одежкам, не будучи больше богом Марсом, а обыкновенным трусом, который в свойственной ему манере судит хвастунов, которые говорят, что пока они являются представителями своей ажи, они иногда дают понять, что они храбры, и как они воображают; они хотят через сражения, битвы завоевать доверие у народа только со всей пышностью и помпезностью, которую они представляют. Но когда кто-то, кто их хорошо знает, уничтожает их тщеславную самонадеянность, заносчивость (как это и произошло), они сразу становятся такими же, как были до того, как убедили себя в таком обмане, чтобы не быть ни храбрыми людьми, ни фехтовальщиками, потому что я посылаю страх, который является автором их выдумок и властелином их сердец, а также потому, что по правде говоря это уничтожает мастерство.

Творит Эудемий. Определенно, то, что вы сказали, мне очень нравится и это происходит вместе с обращением с этими людьми, которые без результатов и цели хотели очернить своей ложью военную дисциплину и изменить, ухудшить своей трусостью славу дестрезы. Но то, что я чувствую больше всего, состоит в том, что они довели дестрезу до подлости и низости, и так оценивают ее учителя, что те, кто больше всего ей пользуются, - теперь являются самыми презренными и подавленными туччинами в республике, и это для того, чтобы уменьшить авторитет вещи, если случайно они захотят превознести свою подлость и мерзость. Они говорят, что это как дом фехтовальщика, где обычно обнаруживается та же

подлость.

Творит Молеарко. В этом вы увидите наказание, которое заслуживают фехтовальщики даже за то, что я когда-то пострадал. Я уже оставил человека, который затем приносит это в воображение не для того, чтобы избавить меня от боли и наказания и не для того, чтобы я не испытывал чувство вины, потому что не справедливо, что тот, кто позволяет себе обманывать столько раз, остается безнаказанным. А теперь, то, что меня восхищает больше, – это осторожность, за которой они скрывают правду, ярость, с которой они относятся к лучшему, являясь их самыми обратительными качествами, которые делают их заметными во всем городе, потому что они ничем другим не занимают, как убеждают других в своих ложных свидетельствах, которые не могут вместе идти с истиной, побуждая их с одной стороны болью чести, данной тем, кто своими трудами заслуживает этого, а с другой стороны – обратным и болящим сознанием, хотя в этом случае больше может быть их плохими тысячами, дающими понять, что невозможно иметь мастерство такое точное, как ваше, ни правду, выдержавшую испытания на Земле, поскольку они хотят, чтобы это была их ложь и ложная дестреза. А так они собирают свидетелей, которые клянутся в пользу их высказываний, но имеют стелзанные спины и лица, сытые по горло ссорами. А теперь, когда я знаю их характер и значимость, я не боюсь, потому что, чем более прославлены достоинства одного, тем больше стелости есть завидовать плохому, чтобы нарушить правду.

Творит Мелисо. Кажется, что каждый час он создает вам новую судьбу фехтовальщиков? Потому, я говорю вам, что те, кто без страсти учитывают свое тщеславие, ясно видят, когда у них мало вещей, чтобы сделать их дело, даже не для балласта мира. А верно, что, даже если бы я это увидел, я бы не поверил в это, потому что вы настолько спокойны и нахальны в своем невежестве среди самых старых учителей дестрезы. Они как бы пребывают в слабых способностях, которые, не зная того зла, которое они изучают, передают это неотесанным мастерам, которые уже после первого урока заявляют, что они фехтовальщики, их надеются мастерством, которое они имеют. Правду говорят, что они потом становятся фехтовальщиками как тот, кто их учит, потому что у них нет ничего верного и определенного, ни то, каким образом можно получить нарек на истину. Всё, что они делают, – это предположения, догадки и какие-то руководства. Я имею в виду невежественного человека, который настолько слеп, что подчиняется предписаниям этих людей, и истинны они или ложны – самим владельцем не хватает этого знания. А в этом причина (по-моему), потому что ни один очень умный человек не хотел принизить свое мнение, чтобы поверить в них, и, если кто-то это сделал, он был убежден в своих ложных словах, поскольку они убедили в этом, отрицая мастерство одних от других. Но, будучи в таком риске, я много раз говорил, что

у нас уже есть ошибочная гестреза со стороны одних и других, потому что она делится на мнения, следуя каждому из профессоров больше по прихоти, чем в силу правды. И поэтому некоторые из них противоречат другим, вместо того, чтобы поддерживать разумные основания. Хотя, с другой стороны мне было представлено, что никто не может справедливо судить о своих вещах, чтобы иметь близких ему людей, в том смысле, что зрение не может отличить вещь, если к ней приближается много всего, что мешает движению зрачков, и чем больше они удаляются, тем лучше приходит понимание, особенно если они ставят это таким образом, что сила власти и сила частей способны на всё. Поэтому я понимаю, что ты не судишь хорошо о наших собственных вещах, если они так близки. Некоторые ты сделаешь лучше, если поместишь их в другого человека, и ты отделишь их от нас, где ты не следуешь за собственной любовью, потому что человеческая природа имеет такое качество, что у других людей всегда более суровое суждение, за исключением того, что основано на зависти. И поэтому наблюдая среди фехтовальщиков такое разнообразие, это определяет то, что ты не будешь никому доверять, ибо, если у кого-то довольно скрутное мастерство – всем приписывают славу, не оставляя места никому, кто этого заслуживает, ибо, если всем нужно было верить, – не было бы одинаковых фехтовальщиков, потому что каждый из них имел ложную дисциплину другого и тех, кто желал, чтобы это было неправдой, потому что это не похоже на их ложь, они никогда не подсчитывали дела других, как в действительности это происходило, или оглашали их изобретения, видя их настолько пугающими, что они не позволяли ему поверить, и так он начал обнаруживать мастерство всех близких мне, которое достигло такого жалкого состояния, что даже нельзя рассматривать его без особого стыда и обиды, ни работать с благородными людьми, без известной потери уважения.

Творит Пелемарко. Я очень удивлен тем, что вы настолько стары в этом опыте, что игнорируете в конце столь многие года общения и обращения со всеми, кто так занят в своем невежестве, что не только не понимают хороших вещей, но и не слышат слов, которые им говорят. Хотя по серьезным причинам они режут слух, потому что есть не разобравшиеся в этом деле люди, как спутники Одиссея, потому что это правда, и разум или добродетель – это непристойность для них. Поэтому они продолжают предупреждать их о своем великом невежестве и предупреждать мир о вреде, который они наносят республике. Мне кажется время потеряно и вещь излишня, потому что я часто замечал фехтовальщиков вместе и порознь с простолюдинами. И я вижу, как они смеются с того, чему обучают их собственные ученики, а затем другим образом высмеивают тех, кто не похож на них, и они настолько расстроены (насколько я понимаю), что живут в жалости и сострадании среди фехтовальщиков, которых они называют невежественными, будучи в состоянии чувствовать с большим разумом тех (вы это уже

видите), кому они говорят это. Это очень признано в республике, главные люди снисходительно к этому относятся, без каких-либо поправок на пути. Они не только не хотят упрекать, отчитывать за что-то, но некоторые из них восхваляли поглость и низость, которыми они начали обладать, бесстрашно наглые и бесстыдные и на удачу опрометчивые. Как говорит Платон, с этим и с освобождением от справедливости плохих людей, они наносят вред и оскорбляют хороших людей. Это правда, что некоторые из них тайно заманивали названием «дестреза» и мужеством, потому что они публично потеряли свою честь. Но хорошо, что это длилось недолго, нося маску только с видимостью, потому что, как вы знаете, насильственные вещи не могут быть вечными. Это то, что вы говорите о некоторых шарлатанах, которые с очевидной ловкостью и притворной храбростью совершают великие оскорбления среди людей. Я отказываюсь быть избалованным Советом и общественной властью. Каждый имеет отношение к их особой выгоде (даже если иметь выгоду к истине неприлично и позорно), они осмеливаются обманывать, отнимая и обкрадывая, но когда разочарованные люди берут их в свои руки, то потом публично раскрывается их трусость. Но по их прихоти их нужно наказывать, потому что они не только заслуживают наказания за то, что ошибались, но и еще больше ошибаются каждый день потому, что всех оскорбляют.

Говорит Молемарко. Вы знаете, что я был счастлив, когда был среди смелых и отважных, чтобы увидеть тех, кто благоразумен и воздержан в своей ажи настолько, что с трудом видит свою трусость, живя очень спокойной жизнью, отчужденные от гнева и суеты, не нося шпагу, где нельзя узнать, какие из них продукты работы слов, организованных так же искусственно, как и не можете знать во время добра и беззаботности кто хороший пилот, а кто плохой. Чтобы это узнать, нужно оказаться в шторме.

Говорит Филандро. Теперь вы закончите наблюдать работу этой деятельности, хорошо оценивая эти возражения и трудности, потому что я, кто видел всё это, знаю это, выводя из заблуждения, чтобы не только внедрить в науку какую-то вещь, которой до этого раньше не было, но и забрать ее от вульгарных людей. Я согласился использовать не только сильную причину, но и научные демонстрации, подтвержденные опытом, которые вы увидите, придуманные автором, без необходимости рисовать или использовать что-либо для искусства, так как люди могут воспользоваться грудами из них, обычными, потому что, оставляя одному часть теологии, – он настолько высокомерен, что, если он писал диалектику или философию, он не читал много раз Платона и Аристотеля. В случае, если вам придется попробовать себя в риторике или ораторском мастерстве, прекратите следовать за Демосфеном, Термогеном, Цицероном, Квинтилиано или Хуаном де Малаарар. Если вы хотите исповедовать медицину, не знаю, вспомните ли вы, что есть Гиппократ и Гален. Если вы сочиняли поэзию, она не следует за Гомером и не имитирует

Вирджилио, или Фернандо де Эррера, или Тарсиласо. Не будет ни одного незамеченного, если он будет расценен как астроном в своих работах, он не будет учиться в Проколе или Арато. Если вы хотите посвятить себя астрологии, не пытайтесь быть знакомым с Хулио Фирмико или Церонито де Чавес, и, если вы были космографом, вы не видели Птолемея много раз. Если вы должны иметь дело с географией, не перечитывайте Помпонио Мела и Страбона. Никого нет настолько проницательного, что, если ему дается геометрия, он не пытался бы понять Эвклида. Или вы хотите быть арифметиком или музыкантом, которому не нравятся Джорджео Байа и Боэций и для перспективы к исправлению Вителлиона. Наконец, сегодня нет никакой вещи воспитанников, где с изобретательностью человека никто хочет начать какое-либо дело. Он не находит многих, которые обильно говорят слова впустую, но в этой работе, в которой никого никогда не было, если только не нужно было ее уничтожить, вы четко увидите опыт его изобретательности и выдумок, и больше будете восхищаться им, если примите во внимание по максимуму то, что было между настолько завистливыми и опасными людьми, которые раскрывают ту часть дестрезы, где есть не только тот, кто может подражать, но и кто согласился бежать от всех. Поэтому Чарилло находится в столь странном замешательстве, не будучи в состоянии свести это каким-либо образом к порядку. Ему казалось, что работа праздного ума удовлетворена тем, что другие придумывали в науках, принимая решение создать выдумки его стремлений и притязаний и совершенствовать это со временем, не понимая только то, что каким-то образом помогал ему до того, ведь многие препятствовали и мешали ему, но это была только милость Бога, что он был настоящим другом, тот, кто платит за то, что ему подходит, что служит ему во благо, и поэтому он постепенно шаг за шагом создавал свои знания с опытом и создал самые прочные основы, которые есть в науках, и вместе с этим материалы. Каждому было отведено свое место, что сформировало дестрезу. Но он не доволен тем, что дал истинные основы, чтобы заплатить сколько он должен, с богатством других наук. Это было отложено в публикации, потому что в течение короткого промежутка времени не сделаешь ничего большого, потому что это было всего лишь спекулятивной фантастикой и практикой многих лет, он только воспитывал части своего понимания, пока не смог прочно стоять на ногах. Они найдут вас, когда вы будете измерять оружие с таким усердием, что не сможете потерять надежду. Ни вам, ни вашим хорошим друзьям без всех книг о дестрезе Бог не может дать жизнь, поэтому Эудемио усиливает желание, которое вы целиком увидите в ближайшее время, потому что Чарилло не хотел тратить свою жизнь, странствуя по миру, что он не мог сделать без большой досады и работы. А после этого на самом деле у него не было времени (в силу краткости жизни), чтобы написать в письменном виде то, что он узнал, только со спекуляцией понимания, испытывающей это

в реальности с большим риском, и с этим воспользоваться людьми, потому что ему казалось, что это работа неблагодарная заставить мужчин участвовать в таком великом благе, которое приносит с собой дестрезу, кому нравятся правила разумности и ума, особенно когда это было доказано истиной столь многих наук, несмотря на то, что только благодаря своей доктрине можно внедрить в работу то, что пожелаешь, и более определенным способом, чем другие, следуя совету святого Иеронима немного высокомерного, не полагаясь на то, что он знал, чтобы не ошибиться в важном деле. Он также хотел, чтобы вы увидели разных фехтовальщиков, чтобы заметить разные вещи, увидеть, можно ли выбрать из них самые замечательные вещи, достойные того, чтобы быть принятыми за истину, у каждой из которых должен быть какой-то принцип, который был верным и определенным, что сделало создание дестрезы внешне приятным, но главное стабильным, полагая, что они подражают в этом пчёлам, которые из нескольких видов цветков, по цвету и виду, запаху и силе, образуют ликерный мед, который нельзя сымитировать. Но несчастье варваров было настолько велико, что он никогда не находил между ними ничего, что можно было бы разумно оценить, и по этой причине он не хотел тратить время, чтобы обдумывать незнание фехтовальщиков или исправлять их ошибки, потому что позже у него не было недостатка в том, что ему нужно было внедрить в работу вещь, столь сложную для понимания, и недоверчивую для ума. Он хотел, чтобы Бог таким образом создал демонстрации, чтобы увидеть в них страшных людей, судимые волшебниками. Другие были очень благодарны Эпитетосу и очень рады, что одна из вещей, на которую они обращали внимание, заключалась в том, чтобы вырвать с корнем и удалить дестрезу из пользования вульгарных фехтовальщиков. Но определенной причине я вернул ее на прежнее место вне этих тщеславных софистов, которых вы видели в предыдущем диалоге, потому что, держа дестрезу на таком высоком месте, остается мало тех, кто может дотянуться, относиться к ней с большим уважением, чем раньше. Я даю вам знать, что я настолько недоверчив, что не только не верю в то, что разумно и обоснованно, но и в математические доказательства, как сейчас. Я никогда не использую воображение, чтобы увидеть это, потому что, принимая во внимание и то и другое, вы обнаружите, что истинная дестреза лишена предрассудков и далека от обстоятельств, которые есть в дестрезе вульгарных фехтовальщиков, состоящие из теории и практики, практика испорчена. Вы уже хорошо знаете, что теория является причиной и основанием для желаемого результата, эффекта, который создается ловкой, потому что там, где есть эффект, этому должна предшествовать причина и основание. Фехтовальщики не являются рассудительными людьми, не удивляйтесь тому, что они не кладут дестрезу в основании того, что у них есть. Ловка – это не что иное, как мысль и идея года, претворяемая в жизнь посредством демонстраций, где человек был более осторожным с

лучшими тысячами. Это правда, что он будет делать лучшие уловки и более совершенные, а у тех, у кого плохие мысли, они никогда не повышали уровень своего понимания, как поднимая палец в небо, а будут делать уловки, такие же плохие.

Творит Эудемио. Я был причиной всего, что учитель сказал, что я хочу найти способ, в котором он начал отдавать и получать от этого (по моему мнению) большое преимущество для практики, которая у меня есть из работы с оружием. А вы, Молемарко и Мелисо, хотя и стоите впереди всех профессий, будете очень рады этому, по этой причине Фуландро, хотя сначала Чарлао, а затем и вы прокомментировали, чтобы изложить какую-то часть того, что вы знаете. А вы предупредили нас, насколько плоха дестреза, которая обычно использует тот факт, что мы все уже обмануты. Своими демонстрациями вы даёте понять, что, если они как-то обнаружат ошибку, что является причиной этого пренебрежения противника, мы уже знаем, как далеко находится от этой причины, и что фехтовальщики исповедуют истину, открывая всем своим друзьям верный путь истинной дестрезы, на котором я уже не такой невежественный, как был раньше, как другие, которые думают, что знают много, что я не настолько прав, как это необходимо. А по вашей вине я хотел, чтобы вы несколько раз пообещали мне рассказать некоторые подробности того, что вы достали из черновиков Чарлао. А я хочу, чтобы вы знали, что я не спрашивал об этом никого другого, кроме вас, потому что я понимаю вашу свободу и немного высокомерия; что вы скажете нам правду, заключённую в теории, не желая обманывать нас, как это делали вульгарные фехтовальщики на практике, и объясните мне путь, который я хочу знать. Почему они ни разу не учили этому, согласно разуму, так что благоразумные и очень умные мужчины любят дестрезу, даже если они использовали оружие так, как они свободно судили невежественных, и это согласно зависти в ваших закятках, где даже там в страхе от того, что неправда не показывает себя, что она имеет большой вход в них, и поэтому вы хвастаетесь этой доктриной. А все мы находимся со странным желанием достичь чего-то из этого, а они обязаны нам сказать путь, который мы должны принять, чтобы понять, что такое дестреза, или вы хотите выполнить обязательства, где разговариваете с главным человеком.

Творит Фуландро. В крайнем случае я неохотно слышу от вас недовольство тем, что у вас всех есть то, чего нет у других, и Эудемио полагает, что они знают гораздо больше Молемарко и Мелисо, без исследования того, что те, кто разочарованы в дестрезе с тем, что они используют, – знали, насколько она плоха. Бы все еще не начали понимать, какая дестреза пригодная, и потому, что вы достигли большого прогресса в этом, будет хорошо, если вы перейдете к основным вещам. Я не буду осуждать то, что вы просите, с основами и неясностью, которые предлагает нам нынешняя трудность. Больше держите внимание на Молемарко и Мелисо, которые категоричны в

своих исследованиях, им не хватает принципов в гестрезе. Я буду говорить более четко, чтобы они могли с приложенными усилиями понять, что они используют. Эудемио, вы также расскажете нам о пути, где вы попадаете в цель или выполняете неправильные уловки, когда человек знает демонстрацию, которую очень хочет знать, что является самым особым из этой новой Дисциплины.

Творит Филандро. Я говорю вам, Эудемио, что, вульгарный простолоудин является отличным другом перемен и всего нового, который изначально был без мастерства, хотя позже вы увидите, что это не выгодно, потому что, поскольку гестреза пригодна, она требует благоразумных действий, а если она плоха, то они проявляют высокомерие и неповиновение со словами большой сенсации и новостей, чтобы дать невежественному простолоудину понять что-то еще о том, что есть, и, чтобы лучше понять это, вы знаете, что вы не можете нанести рану без меча, хотя эти трусы наносят ее невидимо без меча, потому что он закаленный таким же образом, как и кольцо, найденное Тизасом. Держа его в руке, можно видеть и прятать вещи, когда захочется, согласно Млатону. А вы также знаете, что рана наносится глинным движением, потому что нет движения в одно мгновение, если только не во многих его частях. Теперь это движение, или то, что делает рука и меч или противник касается своим мечом моего меча, - это движение является случайным и странным. Из этих движений тела, руки и меча происходят те, которые обычно называют уловками, и они приводят к ранам, которые являются последствиями, и совершаются и выполняются при помощи тела, что является основной причиной. Потом из этого тела исходят все эти уловки со сдержанностью линий, о которых я говорил выше. Много другое можно увидеть в книгах по этой науке. Не всегда движение происходит в одной манере, потому что, когда материя одна, а движущая сила другая - есть необходимость в знании, что будет результатом, будет ли это результатом собственных сил. Если материя будет разной, то и то, что будет создано, посредством этой материи, тоже будет разным, но когда материя одна, как гестреза, в таком случае то, что порождается, может быть разнообразным не со своей стороны, а за счет разнообразия движущей силы, поэтому, если движение может быть настолько различным, как мы видим, не зная теории, мы не можем узнать какие уловки, какой характер линий, которые содержатся в этих уловках. Из этого ясно следует, что тот, кто не знает, что такое движение тела, где каждое из движений заканчивается, - тот не сможет узнать природу каждой линии и не поймет эффект, который он может оказать на противника с уловками и линиями. Несмотря на то, что на ощупь и преднамеренно там, где происходят эти события так делают все, кого учат. А не без причины мы скажем, что те, кто не испытывают в этом недостатка, не знают оружие, так как никто не должен был знать об этом. Поэтому очевидно, что никто не является фехтовальщиком,

а только называются таковыми, что правдой не является, и можно сказать, что они незаконно присвоили это, потому что их нельзя назвать фехтовальщиками, а только игроками руками и ногами.

Творит Эугенио. Хотя они и много используют огни вещи, - знают об этом они очень мало, не догадываясь о своих уловках, даже если они находятся со своими учениками. Все потому, что ученики пробуют делать эти уловки за них, ибо иначе они бы мало наносили удары.

Творит Филандро. Как вы хотите, чтобы они исправляли то, чего не знают, хотя они всегда стараются, потому что не знают, насколько далеко находится тело противника от вашего меча, ни ваше тело от его меча в соответствии с различными контурами и углами позиций других, потому что вы хорошо знаете, что неопределенность вещи заставляет вас бояться совершить эту вещь, и, как утверждает Везецио, в опасности никто не боится делать то, в чем он уверен, что знает хорошо, потому что тот, кто должен победить, не должен сражаться ни силой, ни преднамеренно искусством, и поэтому хорошей дестрезы не бывает.

Творит Эугенио. Хорошо то, что вы говорите, и очень хорошо кажется, что вы атакованы авторитетом серьезных людей, но как вы это узнаете?

Творит Филандро. Я скажу вам, давая вам правила с безошибочными демонстрациями, чтобы вы знали тела, их контуры, положения, заключенные в четырехугольник, что теперь вы не можете полностью понять, пока не получите больше знаний об этих терминах, и вы будете знать по степеням, сколько из них имеет ближайший контур тела, находясь в позиции боковой линии четырехугольника и сколько отдалены от тела и сомнительны. В соответствии с изменением контуров тела вы узнаете, являются ли они окружностью, и согласно страсти, которое приносит линию противника, которая известна по фигуре движения, вы можете применить характер своей линии. Чтобы сойтись в гармонии, действуйте согласованно или отклонитесь, или приведите тело в соответствии со шкалой, которую приносит окружность, или поймите, куда нужно направить меч в конце.

Творит Молеарко. Очень хорошо, я понимаю всё, что вы говорите, но у меня очень большое сомнение и неуверенность и это изводит меня, я злюсь, когда быстро смотрю на все эти особенности, о которых раньше говорил Чарлао, и о тех, о которых вы говорите заново. Постарайтесь, что жизнь идет в точку промедления или ошибки.

Творит Филандро. Я легко удовлетворю ваше любопытство. Знайте, что понимание уловок должно напоминать Совет в трудных вещах, которые принимаются в определенном промежутке времени и выполняются быстро. А потому, что это так же легко, как вы просите, вы спрашиваете, будете ли вы, когда говорите, говорить по словам?

Творит Молеарко. Нет, за исключением того, что слоги создаются быстро и легко образуют слова, и я буду их соединять, из букв слоги,

из слогов слова в форме предложений, не останавливаясь, чтобы не прекратить это делать, чтобы фехтовальщик объединял слоги для создания слов и предложений, потому что, как мне говорили, звук, который каждая буква издает вместе с другой, легко превращается в сочетание слов, и отсюда я понимаю, когда мне говорили какое это движение и природа качества каждой линии в пространстве, когда приходит спешка, когда я упражняюсь. Это нельзя забыть, потому что из-за тех вещей мы помним намного быстрее чья причина, мы знаем и все больше это использует, хотя те, кто обеспокоен осуществлением уловок, винят во всем дестрезу и изымают у фехтовальщика чувство своей трусости.

Творит Филандро. Уже установлено, что дух человека – это душа уловки, и теория понимания движений согласуется с привязанностью духа.

Творит Мелисо. Вы так говорите потому что, когда мне говорят о ценности вещей и качестве фигур в геометрии или живописи в соответствии со способами, которые есть у зрения, я знаю и понимаю согласно правилам перспективы уменьшения и увеличения каждого из них. Я даже использую чтение с помощью визуальных лучей, чтобы соединить в часть пространство вещей, произнося слова и изучая всю концепцию в точке, что, если я проигнорировала некоторые из них, для всех было необходимо ограниченное время, поэтому, если бы они сказали мне, что, если тело находится в таком профиле, а меч в положении под углом, – это свидетельствовало бы мне о том, что лицо находится под углом в меньше градусов и пространстве где расположена грудь. Я буду знать, не останавливаясь, что нужно измерить его, чтобы направить свой меч на расстояние в меньше градусов с движением, содержащее меньше частей, чем движение противника. А в какой-то момент я нанесу ему удар. Если это то, что вы говорили, я хорошо понимаю решение Мометарко сомневаться. Творит Филандро. Поскольку не будет необходимости останавливать вас, чтобы учитывать и рассказывать про пространство как есть, зная, что их четыреста, посчитаю их один за другим, всегда четыре раза по сто. Здесь это переходит в привычку по происхождению, особенно если уловки, которыми нас обучают, будут равны привязанности вашего духа, потому что немного сложно делать то, что мы делаем, когда это идет вразрез с природой нашего духа и против силы нашей склонности. Но этому поводу в науке об оружии есть глава об уловках, которые дают власть, но ты теряешь свою свободу, делая то же самое, но другим способом. Поэтому то, что касается дестрезы, во многих случаях является ошибкой, а в некоторых поправкой. А это действительно большая досада, что то, что кто-то знает не является хорошим, а, если это хорошее, то они не знают, как это применить, ставя ошибку плохого фехтовальщика в опасность. Этого заслуживают большинство фехтовальщиков, которые на самом деле такие же. А я вынужден видеть, что вы подвержены размышлениям, потому что есть такие упрямые и потерянные люди, что, если

они обманывают себя ложью, они не хотят выйти из заблуждения посредством правды. А вы поймете, что лучше не знать, чем знать плохое, потому что с трудом стирается то, что было написано в этой таблице в юные нежные годы, когда понимание покрывается пеплом невежества, пока опыт многих дней не докажет его доброту, не сдует пыль и не откроет его.

Творит Молемарко. Я считаю, что это очень хорошо, и все благоразумные и находчивые знают, что наука не теряется ни из-за этого, ни потому, что некоторые используют плохое из этой науки. Творит Филандро. Не теряйте мастерство из-за неправильного использования, потому что это похоже на камень, который в любой оправе имеет свою ценность, поэтому он чист в любой части, куда бы его не поместили. Мастерство не создается с трусами в другой форме, кроме как с растениями, которые затем становятся сильнее. А больше будет свидетельств об их способностях, когда они посажены в плодородной и густой почве, которые приносят больше и лучше плодов, чем если бы они были посажены в стерильной и песчаной почве, потому что, наконец, дестреза сделана как наука, и в ней есть всё, что помогает быть тем, о ком мы говорили вначале. А кто сегодня совершает много ошибок, будут виновны, но наука их простит, когда фехтовальщик сильный для выполнения своих действий и истинного знания предмета.

Творит Эудемиио. Мы подвергается многим сомнениям, когда мало знает о каких-то вещах, в основном, когда нет новостей о какой-то дисциплине, так что не удивляйтесь и не раздражайтесь досадой, которая постигнет вас, желая удовлетворить мое желание того, что у вас есть, и тех, кому вы заново даете предмет, чтобы узнать, под влиянием чего научные вещи будут хорошо внедрены в дестрезу.

Творит Молемарко. Под влиянием математики, потому что она использует демонстрации.

Творит Эудемиио. Я тоже так думаю, но то, что я стремлюсь узнать, должно быть под влиянием того, во что я буду это вкладывать, это справедливое дело, которому дается свое место, как было дано другим наукам, где требуются специальные знания, потому что если она создает людей более квалифицированных, то будет не справедливо, чтобы это закончилось. А даже если бы можно было дать лучшее из всего, то не было бы презрением защищать это и принимать в соответствии со своим величием и достоинством.

Творит Молемарко. То, что я обнаружил, это что дестреза использует числа и шкалу дистанций, чтобы знать степени, которые существуют между одной частью и другой, откуда приходит знание о ритме для сопоставления одних движений с другими посредством числа, а также по степеням окружности и прямых линий, что и делает человек, упражняясь в знании профилей тела, когда мы считаем, что он вставлен в квадрат, который соответствует числу. Вещи настолько существенные, что мне кажется в соответствии с той большей частью, которая есть в науке об оружии, что мастерство

может подчиниться арифметике.

Творит Филандро. Это правда, что со стороны разделения движений, которое составляет постановку задачи, мы наносим на них деления, что уместно при дискретных числах, вы не видите, что дестреза использует больше, чем просто бесконечное множество, где можно знать углы и линии, которые заканчивают большое или маленькое пространство между одной и другой ногой того же человека, а также между ногой противника и моей ногой. Они также измеряют расстояние между моим мечом и мечом противника, а также между частями его тела и моего, приближенных или отдаленных друг от друга и в пространстве между положением руки и профилем тела для совершенствования использования углов и знания величин движений, где с самой справедливой причиной мастерство может подчиниться геометрии, которая затрагивает все особенности: точку, линию, поверхность, тело, угол, треугольник, четырехугольник, круг, центр и пропорции.

Творит Эудемидо. Я хорошо понимаю, что дестреза имеет дело с непрерывным количеством, и я также вижу, что фехтовальщики придерживаются линий и прямых и тупых углов, чтобы сделать демонстрацию правдоподобной, но как можно всем воспользоваться, если фехтовальщик не знает, на каком месте тела противника стоит обратить внимание, чтобы в соответствии с общим движением мечей можно было легко прийти к пониманию, а также применить соответствующую защиту или атаку? Где я убедил себя, что мастерство может разумно подчиниться перспективе, потому что именно оно учит месту, где должны размещаться визуальные линии в дестрезе, в которых разновидности предметов попадают в поле зрения без помощи того, что невозможно воспроизвести какую-то вещь в этой науке.

Творит Полетарко. Если вы хотите рассмотреть где мастерство связано с силой и слабостью руки, где у каждого контура, у каждой линии есть свои концы или цели, и при знании тыщу, тускулов или сухожилый, с помощью которых ноги и руки человеческого тела разгибаются и сгибаются, посредством которых осуществляется добровольное движение - знайте, что без этого невозможно нанести рану более выгодную с точки зрения мастерства, чтобы подчиниться анатомии, которая является частью медицины.

Творит Филандро. Из того, что вы оба сказали, я должен снова проделать это правдоподобно, если смогу вообразить, потому что, если будет установлено, что знание силы или слабости тела составляет большую часть при нанесении ран, - я не знаю, откуда понимание приобретает науку об этом, только если не из-за новостей о том, что чувства дают ему силу и слабость, которые приносят движения, всегда соответствующие центру, который у них был при формировании, с которым человек знает, в какую сторону он должен перемещать тело, ноги, меч или всё вместе, чтобы одни движения

гармонировали с другими и сохраняли количество без смешивания, чтобы на одни движения не отводилось больше времени, чем на другие, потому что, когда это будет противоположного характера, ритм будет уничтожен и не придет в точку гармонии, что может существовать между ними, потому что, поскольку созвучие состоит из разных точек, целесообразно знать диапазон относительно двойной пропорции и квинты относительно полтора, так что ни больше, ни меньше дестрезы создает свою доктрину теми же согласованными движениями: углы, треугольники и круги, всё, чему учат и музыка и астрономия, в которых мастерство имеет свою часть, которую вы видите подчиненной одной из них.

Творит Молемарко. Я понял все, что вы сказали, не показывая всего этого в избытке, потому что я знаю, что причина касается дестрезы во многих частях, но то, что мне кажется касается всей науки об оружии, - это использование дестрезы при дыхании и сохранении дыхания, а также при лечении, что подходит к действиям духов и знанию их по цвету, и физиогномике для субальтернативного разума, мастерству в медицине, которых именно эти вещи касаются. И потому, вы все говорили, чтобы он оказался без заключения или полного удовлетворения, и обоснование этого возложили на Мелисо. Я хотел, чтобы тот, кто больше времени пытался заниматься философией, пока вы говорили, нуждался в том, что касается субальтернативности дестрезы. Для этого Мелисо расскажет нам, кто из всех дал ей место, более подходящее для ее сущности?

Творит Мелисо. Это не причина, почему вы принимаете меня за высокомерного, что создает вашу лесть, потому что каждый из них также высказал свое мнение и наконец достиг совершенства. Он вполне может не определиться с делом, больше потому, что он должен закончить то, что начал, и время дает нам то, о чем мы сегодня просили, и каждый из них воплотил в жизнь свое мнение. Я хочу также и свое мнение воплотить в жизнь, чтобы не давать учение, а, чтобы каждый мог выбрать самое удачное и своевременное для него. Для чего целесообразно знать, что науки, которые имеют дело с количеством и величинами, - греки называют математиками, произошедшими от одного корня, где одно подчиняется другому, а они сестры - как добродетели, потому что эта наука будет подчиняться другому, которое содержит предмет обоих. Тогда давайте осознаем их, и начнем с арифметики. Мы обнаружим, что она касается совершенства числа и его пропорций, и это имеет такое превосходство, что пифагорейцы клялись на число четыре, потому что они не нашли среди чисел более совершенного, что мы знаем исходя из четырех элементов, четырех качеств вещей, четырех краев света вместе с четырьмя временами года, а также в честь того, что Пифагор был первым кто превратил это обратно в науку. Можно много раз видеть, что он рассматривает только причины в стороне от материи. И то, что имеет дело со множеством, они называли некоторыми старыми науками, но вы должны понимать,

что самая главная из них это математика, потому что она является самой простой и полной, и даже более абстрактной из всех. В подтверждение этого Аристотель говорит, что эта наука более точная, которой мы должны отвести больше места, что использует более определенные принципы, такие как арифметика (как говорит Боэций) по сравнению с другими математиками, из которых они взяли самое ценное, потому что музыка использует такие термины, которые в естественных знаниях дополняются к арифметическим, то есть лад относительно полуторной пропорции и диапазон относительно удвоения. Хотя музыканты прекрасно практикуют использование этих терминов, чтобы легко понять, они изобрели некоторые слова, которыми обозначают моменты в песни, и поднимая и опуская их они создают созвучия с голосами, что в музыкальной теории называется диапазоном. Музыкант-практик называет это октавой, а музыканты теоретики называют это квинтой и квартой, и в других науках точно так же, например, геометрия, которая имеет дело с непрерывной величиной и пропорцией, свойствами фигур. Давайте перестанем рассматривать ее с абстрактными и явными причинами, исследуйте с движением количество вещей, потому что вы видите термины, которые есть в арифметике, где вы обнаружите, что точка стоит над единицей, а треугольник над трехзначным числом. Следовательно, для этих причин доказано, что арифметика является первой над геометрией, с большим основанием она будет предшествовать перспективе, которая использует цвет и свет через видимые лучи, которые созывают и привлекают вещи в поле зрения. И это соотношение с таким же качеством будет предшествовать астрономии, которая касается измерения небес, звезд и их движений, которые, имея дело с величиной движения и применения арифметики с геометрией для такого знания, - подчинены геометрии с сопровождением, которое создает с ней перспектива и астрономия, и предмет, который приписывается арифметике, - это число или группа чисел, потому что число есть не что иное, как собрание многих единиц, более сильных, чем единица, которая всегда сопровождается числом, хотя это не число, а принцип. Точка сопровождается до величины, которая видна, поскольку она является крайней физической линией, и качество линии также видно, как только она является крайней поверхностью, а толщина поверхности видна до тех пор, пока она не является концом тела, но понимая это математически, - ни одна из линий не может быть создана из точек, ни поверхности линий, ни тела поверхностей, поскольку точки неделимы, а линия имеет длину, а не ширину или глубину, и поверхности имеют длину и ширину, а не глубину, но тело имеет длину, ширину и глубину, от чего геометрия следует за арифметикой, подобно тому, как риторика следует за диалектикой по двум причинам: первая, потому что арифметика использует более простые и правильные вещи, нежели геометрия, и поэтому она первая и более верная. Вторая причина состоит в том,

что многие положения чисел в арифметике потом адаптируются к размерам в геометрии и проверяют их эффекты, для чего Эвклид переплетает арифметику с геометрией, которая разделена на теорию и практику. Теория рассматривает величину, а практика касается мер телесных вещей с искусством и инструментами, что мы подробно рассмотрим в книгах о практике гестрезы.

Творит Эудемий. Какая наука из всех, что вы назвали, более способна к абстрактному мышлению?

Творит Мелис. Есть три типа таких наук, которые всегда оставляют в теологии, это математика, физика и метафизика, которые я не буду конкретизировать, сказав, что целесообразность и польза математик и гестрезы в том, что они естественные науки, на этом и кончаются мои намерения. Истина состоит в том, что им известны свойства вещей, способных к делению, и для этого они все касаются гестрезы, но естествознание рассматривает движение и изменение естественных вещей, а метафизика имеет дело не только с причинами естественных, но и сверхъестественных вещей, и выводит на чистую воду сущность и степени, каждые из которых обладают совершенством. Вы уже знаете, что математическая философия делится на две части; также количество, которое является предметом данной науки, делится на дискретную величину, непрерывное увеличение которой конечно, и на бесконечное уменьшение, потому что она может дать физическую линию настолько большой, что нет другой большей линии. А она не может дать маленькую линию, чтобы при делении не получить еще меньше линию, которая является противоположной дискретной величине, потому что можно дать большое количество, которое нельзя еще больше удвоить. Увеличение пропорции - это количество, которое соответствует числу и множеству, которое использует Арифметика, подчиняя себе музыку, в которой рассматриваются числа и звучность, не обязательно все вместе с голосом и звуком, где в результате согласие и гармония являются естественными вещами, как ты скажешь в дальнейшем. Но геометрия, потому что она имеет дело с непрерывным количеством, обладает большим количеством наук под своим покровительством. Целесообразно знать перспективу, которая рассматривает линии, но не математические, а визуальные, и астрономию, которая рассматривает сферу, круги, линии и углы вместе с небесной материей, которые имеют некую среду между естественной философией и математикой, как говорит философ. А отсюда вы поймете, что, хотя музыка - это исключительно математика, она подчиняется философии той частью, которая имеет дело со слухом (и, как говорит Аристотель), в той манере, как и перспектива в отношении зрения является подчиненной физике, хотя обе имеют дело с естественными вещами и математическими воображениями. Но той же причине ты подчиняешь перспективу геометрии, потому что она использует точки, линии и поверхности, лучи света и виды цвета. С таким же успехом музыка подчиняется арифметике, потому что имеет

дело с причиной чисел, не иначе, если бы это были единые голоса и числа четные и нечетные. Поэтому мы заключаем, что чистая математика – это арифметика, а музыка состоит из естествознания и арифметики, потому что учит звуку созвучия и голосу, который является объектом слуха. Таким же образом она рассматривает философа, который имеет дело с непрерывным количеством, где по поверхностям линий и телу можно понять, что геометрия – это чистая математика, а перспектива и астрономия, отмеченные местом и временем, – это смешанная математика непрерывного количества, но вы должны понимать, что так, как музыка допускает правила чисел и пропорций арифметики, так и естественная наука допускает звук и голос, которые являются объектами слуха. Правда это не является собственностью музыканта, чтобы оспаривать, что такое звук, или если голоса являются постоянными или последовательными, или если это вещество воздуха или качество, или что-то еще, что вызывает в воздухе разрушение твердых тел, потому что это затрагивает естествознание. Фреговальщику не выгодно спорить, будет ли это проникающей раной или нет, я хочу оставить в стороне изменения, которые есть у философов о преодолении этого для того, чтобы довести до совершенства, чтобы я это сделала с тем, с чем мы имеем дело. Этого достаточно, чтобы вы поняли, что, проходя геометрию, измерение величин на небесах создает другую науку, которую они называют астрономией, с которой соединяется астрология, которая является указателем, и, сжимая величины геометрии силой взгляда, создается перспектива, но когда цифра из арифметики передается в гармонию – создается другая наука, которую они называют музыкой и то, что поспешно вытекает из всего сказанного состоит в том, что две из них являются универсальными и простыми науками, не рассматривая ни одного естественного вопроса, а пять – составленными и специальными, потому что они вытекают из общности других, и с тем же порядком и повторением каждая из них выполняет свою часть дестрезы, но не во всем. Так что, если дестреза должна была быть подчинена, то она должна была быть подчинена арифметике или геометрии, к которым подчиняется музыка, перспектива, астрономия, космография.

Творит Платонархо. Хорошо, что вы объяснили союз и братство, которые науки имеют друг с другом. Здесь я пришел к пониманию причины, которая была у философа, когда он сказал, что видел цепь, свисающую с неба, которая достигала земли, чтобы обозначить то, на что вы указывали, но вы знаете, что математики обнаруживают формы, фигуры и числа материи, которые не допускают фальши, потому что они не составляют утверждения и не разделяют, а отрицают, потому что считают вещи простыми, а не объединенными, и у них есть эта привилегия больше, чем в других науках, которые заявляют в них о своих попытках с более верными демонстрациями. Но этой причине древние, руководствуясь этим методом, называли их науками определенными и истинными и, если в человеческих вещах была какая-

то правда, то она была в математике, потому что их учение очень точное, (и, как говорит Цицерон), они как путь, который более правильный, чем наука нравственная и естественная. Как говорит Платон, с умоизобразительными построениями создаются мастерство, проницательность, характер и непринужденность для всех деяний, потому что свойство его объекта понимается как способное быть доказанным различными формальными причинами, как это видно в первой из шести книг Эвклида о геометрических элементах, откуда рождается основание, где астрологи проверяют свои исчисления, более обильно обнаруженные в Альмагесте, и вы увидите его уважение и важность титула, который был в школе Платона, где говорилось, что никто не должен игнорировать математику. Это является причиной, по которой мне кажется, что моя самая подходящая вещь подчиняет мастерство любой математике, какой-либо из других наук.

Говорит Мелисо. Я не отрицаю, что дестреза не участвует во всех этих науках, как вы очень хорошо поняли вначале, но поспешно, если вы считаете это с учетом того, что целесообразно. Умение приходит, чтобы подчиниться естественной философии.

Говорит Платарко. Конечно, я не могу ни понять это, ни убедить себя в том, что видел многое, что есть в математиках. Поэтому, дайте мне полностью причину, каждая из которых выполняет свою роль в том, что можно делать в дестрезе, о чем мы уже рассуждали.

Говорит Мелисо. Подчините это физике, потому что ее объектом является всё, что движется, и всё, что имеет значение, потому что оно движимое.

Говорит Филандро. Что не хватает другим наукам, чтобы они не использовали естественные вещи? Может быть они искусственные? Или вы говорите это потому, что в них больше истины с притворностью ума, чем с природой понимания, что является ложным.

Успокойте гнев Филандро, услышите мой разум, и вы найдете то, что у меня есть, потому что я знаю, что это называется естественной философией, потому что она имеет дело с вещами, каждая из которых имеет природу, являющуюся принципом движения и неподвижности, а искусство имеет дело только с искусственными вещами, мастерство имеет дело с движущимся телом, в котором оно рассматривает природу движения и неподвижности. Но этой причине мы подчиняем дестрезу естественной философии, которая должна соответствовать как предметам, так и тем, кто является предметом обоих, и почему вы не можете причинить вред противнику, помимо того, что это связано с движением тела и с мечом, без чего не достичь какого-либо эффекта пропорции дестрезы, даже если фехтовальщик имеет истинное знание дистанций, чисел, центров, удаленных от центра созвучий, линий, углов и других сказанных вещей. Не для этого будет достигнуто то, к чему он стремится в дестрезе, или он будет причинять душевную боль, ранить, и потому, что есть движение, порожденное частями, и по этой причине надлежащее

место подчинения дестерзы - это естественная философия, более совершенная, чем любая математика, согласно которой мы проверяли это в первом диалоге, когда спорили об объектах науки.

Творит Эудемий. Кстати, я доволен причинами, которые вы назвали, чтобы дать место мастерству, которое оно заслуживает среди наук. Теперь мне остается узнать, как состоялось время с величиной, и движение со временем.

Творит Мелисо. Знайте, что существует определенное сходство между количеством, движением и временем, и таким же образом, как время достигает движения, так и движение применяется к величине. И что такое точка в величине? Это момент во времени и импульс в движении, и если вы рассматриваете количество на прямой линии, вы найдете два момента, которые служат в качестве терминов, один из которых является только началом, а другой - только концом, в котором количество рождается и заканчивается, поэтому вы также найдете два импульса или части в движении, один - это откуда рождается движение, и второй, в котором оно заканчивается, потому что начало - это только начало этого движения, а конец - только конец, но время обязательно сопровождается движением, потому что это его правило, в природе которого, если вы созерцаете ее в частности, вы увидите в ней два момента (как мы говорили). Один является началом того времени, другой - концом, но, если в линии меча рассматриваются точки величины, импульс движения и моменты времени, середина которых опирается между началом и концом. Вы обнаружите, что каждое из них имеет сомнительную природу. Но удалите это сомнение и колебание, с которыми вы знаете, что родственник начала - это конец, и родственник конца - это начало, и поэтому там, где заканчивается количество, вместе с ним заканчивается движение в материи, с которой мы имеем дело, и поскольку заканчивается количество, которому принадлежит принцип, который не может служить концом, я говорю о таком конце, который не относится к основной причине принципа, как это видно во многих частях дестерзы, которая не является выгодной и подходящей для всех ее фигур, потому что они выписывают круги, которые являются косыми порезами и обратными ударами, в которых нет определенной точки, что собственный разум может назвать принципом, за исключением того, что меч не находится под углом и не имеет какой-либо точки, которую по правде можно сказать, что это конец, если только мы не попадаем в цель или ошибаемся. Но этой причине, когда мы включаем прямые линии противника в круг кинжала, противник никогда не может попасть в цель. Он не понимает где начинается круг, и в какой части он может вынуть и освободить меч от этого непрерывного кругового движения, пока оно не закончится, как вы увидите дальше. И таким образом вы узнаете, что они ни использовали величину, ни закончили движение, время от времени применяя быстроту кругового движения при задержке прямой линии, которая не проходит круговое движение, не найдя прямое.

Фехтовальщик не верен задержке, поэтому наступает без времени и в плохой момент, отчего эта быстрота будет неуместной, а круг будет совершенным.

Творит Эудемио. Почему вы говорите, что это заканчивает величину, оставляя меч после того, как движения были сделаны с силой, чтобы с той же величиной сделать и другие в разное время, потому что между нами нет времени, не будет его и в мастерстве.

Творит Мелисо. Более умозрительное это то, что я сказал, что вы сомневаетесь, и, если мне нужно идти, чтобы объявить всё, что предлагается, мы никогда не достигнем нашей цели, оставляя некоторых, чтобы любопытные умы работали и дали понять это самым невежественным.

Творит Эудемио. Тогда скажите мне, что такое середина меча и его концы, и использование каждого из них. А, если сила в углах больше для внешней фигуры, чем для внутренней (потому что с ней вы приближаетесь ко мне) – оставьте это в чистом виде как есть, и я дам жетанному человеку суровые мнения, как во всех разделах разума, и это даст всё, что удовлетворит мое желание, когда вы скажете мне, кто движет рукой точно в тех частях, которые можно использовать, чтобы взять меч таким образом, чтобы причинить боль и уклониться.

Творит Филандро. Конечно, вы спрашиваете о вещах в дестрезе более достойные вашей изобретательности, чем ее дисциплины, и ответы чужды фехтовальщикам, но со всем этим они не разочаровывают ваше желание и потому, что это не гасит надежду, которую вы получили от меня, я скажу то, что я понимаю желание – это лучшее, что я могу. Знайте, что при движении в руке движутся семь мышц, одна из которых тянет руку к груди, когда мы делаем отвод, уклонение по направлению к нашей левой стороне или пропускает определенный вид порез от тела противника, и угол, который образуют тело и рука. Тогда этот угол острый и это без помощи другой какой-то мышцы, потому что, согласно медикам, она служит трем из трех принципов, которые есть, но когда включаются волокна, которые исходят из подмышки, они тянут руку вверх, делая движение, которое древние называли зарубкой, но когда действуют волокна в районе седьмого и восьмого ребра – они тянут руку вниз, делая движение, которое древние называли расщепляющей зарубкой. А для целей этого вида зарубок сухожилия перемещают руку естественным образом вниз, но когда действуют волокна, которые исходят из области кости на груди, они совершают движение, которое называют на мече средняя зарубка или зарубка наполовину. Существует еще один мускул, который поднимает руку на разные уровни, в соответствии с различными сухожилиями, которые у нее есть, и затем совершаются круговые движения меча, которые превращаются из зарубки в удар в обратном направлении и из удара в обратном направлении в зарубку, и поэтому, когда задействованы волокна, исходящие из подмышки, они поднимают руку к частичной области шеи, и еще с некоторыми

движениями делается парирование удара, которое древние называют ударом хватом пальцами вверх, состоящее из двух углов: его место почти перед лицом, но когда задействованы те волокна, которые исходят из кончика плеча и подмышки, которые там использовались, они поднимают руку прямо к месту, где мы иногда говорим о том, что мы опускаем ноги вниз, когда волокна сокращаются, которые исходят из позвоночника, лопатки, меча и поднимают руку назад, и ее движение действует, когда поза руки не сфальсифицирована для удобства. Есть еще одна мышца, которая тянет руку к спине, и это движение служит для уклонения при движении меча с ногами вниз и вверх, как против зарубок, так и против выпадов, опуская меч вниз и применяя его к движениям противника. А этот мускул работает вопреки первому, о котором мы говорили, что он соединяет руку с грудью. Существует также еще одна мышца, которая тянет руку вниз, это движение затем служит в дестрезе положению острого угла или одному из его видов, потому что мужчина хочет, чтобы те же мышцы немного потянули руку назад и было это более или менее в соответствии с самыми высокими или низкими волокнами. Есть еще одна мышца, которая имеет собственное движение, чтобы поднимать руку особенно к спине, и ее движение является частью, из которой рождается естественное движение, после того, как мужчина закончил и увидел, что его действие замедлилось. Но есть еще одна мышца, которая также помогает вращать руку назад, слегка повернув ее вперед, и с использованием этой мышцы в дестрезе делаются трудные вещи, хотя они приятны для зрения. Есть и другая мышца, которая изгибает руку наружу. Наконец, работа всех трех мышц состоит в том, чтобы перемещать руку по кругу, в результате чего вы можете делать окружности, выполненные мечом для совершенствования зарубок и ударов тыльной стороной, но углы, образованные руками, мечами и телом такие, как я скажу, потому что некоторые мышцы делают углы, которые сгибают локоть, а другие, которые разгибают его вправо, не перекручивая руку до какой-либо части и если, когда она что-то хватается. Когда делается угол в локтевом сгибе руки, в итоге есть два угла, один образует рука с телом, а другой - мышцы, которые разгибаются в локте, а потом другой угол, который рука образует мечом. Это соответствует месту, в которое фехтовальщик хочет его поместить, в таком случае меч становится слабым, потому что сила делится на множество углов, хотя они все одного типа, так что многие углы, образованные ногами или суставами руки, или мечом, то это явный признак того, что тело слабое в позиции, которая тогда была.

Творит Дугемио. Также в дестрезе есть движения, которые делает рука, не двигая только запястьем, как мы видим при работе с двуручным мечом, который использовали древние, просто сгибая руку, откуда и пошло название: как это может быть?

Творит Филандро. Это может быть очень хорошо, потому что без мышц, которые двигают руку, есть другие, которые перемещают

запястье вверх и вниз, и с помощью четырех мышц рука движется в стороны, потому что растягивая во внутреннюю и внешнюю стороны, которые реагируют на указательный палец (сила которого равна всем четырем пальцам) и ослабляя другие две мышцы, мы двигаем рукой к груди, но, работая над двумя мышцами, которые реагируют на мизинец и ослабляются кверху, мы перемещаем руку наружу, помогая и поддерживая другими пальцами, поворачивая руку вниз, действуя последовательно шаг за шагом, как мышцы глаз.

Творит Мометарко. Вы с таким большим любопытством характеризуете и выделяете мышцы, которые двигают рукой, и сводятся в локоть, и окружают запястье..... Скажите нам теперь, как рука поддерживается в угловой позе, как вы видели, не падая при этом вниз, совершенствуя все свои положения. Я очень хочу знать какое лучше, чтобы полюбить его, и по какой причине меч свергает больше в одном положении, чем в другом.

Творит Филандро. Знайте, что, когда действуют вместе волокна сверху и снизу – то они оставляют руку в каком-то положении, и это мы называем позицией, из которой исходит выпад, который является случайным движением, которое стойкое в углу, потому что каждый ребенок тянется к его началу, и они делают позы руки похожими на профили тела, у которых есть их середина и концы, как углы. И лучшая из всех этих позиций – это когда и как появляется рука, потому что в ней нервы более отдохнувшие и действия этих мускулов более точечные, которые являются инструментами добровольного движения. Но нет действует больше силы, и поскольку это является серединой (в зависимости от необходимости), легко перейти к крайности. Но этим причина и другим, которые происходят из них, эта позиция более сильная и лучшая, чем положение ногтями вниз или вверх, которые являются концами, среди которых есть преимущество, как у тех, у кого есть достоинства, потому что концы, который рука делает ногтями вверх, не так силен, как положение ногтями вниз, которое является самым благородным из двух, потому что нервы функционируют меньше, чтобы поддерживать силу, и хотя рука не движется (видимо), они работают в мышцах, которые поддерживают ее в этом положении, с более существенным действием, которые проявляются (согласно Талену) таким образом, что мы видим птицу, парящую в воздухе, раскрывая крылья, не двигаясь и не падая, и потому, что из позиции с ногтями вниз можно делать движения по бокам и с меньшим количеством усилия, без того, чтобы рука двигала внутреннюю фигуру, не доводила силу до совершенства лучше, чем противоположную позицию. Потому что, хотя она движется, она не делает своего действия с такой большой свободой и отдыхом, потому что есть исчерпывающая сила (поскольку нет необходимости использовать углы, которые мы делаем при парировании), которую вы ясно увидите в результате удара, который мы наносим противнику своим мечом, хватом ногтями вверх, чтобы снести руку. Это совершается легко, потому что, поскольку сила была больше вместе с

главным центром меча, меньше силы в центре и больше неустойчивости, а в положении ногтями вниз, наоборот, в такой позиции мышцы меньше работали над появлением руки, которая там, где самая главная часть силы угла, мышцу и сухожилий. А поскольку рука находится в положении ногтями вверх, все основы, которые укрепляют главным образом нервы, являются вынужденными, неовкими, поскольку у руки нет места для свободного движения по бокам, как в других позициях из-за нагрузки, которое испытывают нервы, и из-за предотвращения действия мышц, которые двигают руку по бокам. В соответствии с этим, любой удар, который они делают мечом, осуществляется через положение руки ногтями вверх. Это помогает и увеличивает его силу и заставляет руку много работать, терять свою силу, чтобы была точность удара в той части, в которой положение руки уже закончило свою силу, и, следовательно, действенность, которая применяет волю с живостью ума к мышцам руки и к другим частям тела. Если приходится еще одна новая команда разума, мышцы не могут полностью подчиняться, потому что ни положение руки не позволяет этому свершиться, ни место и форма. Они специализированы, чтобы каждый мускул делал движение, которое, привычно, потому что, если поза руки такова, что некоторые мышцы работают вниз, а другие вверх, чтобы поддерживать меч, то конечно, те, которые имеют природу двигаться вниз, помогают всем, кто перемещает руку вниз и тем, которые двигают вверх. Они делают это так же потому, что, когда рука подчиняется неким правилам, а сухожилия и мускулы этой части покоятся, - другие работают так, как это видно при разгибании и сгибании руки, что когда какие-то работают, другие отдыхают. А по этой причине, когда рука находится справа и имеет только угол, и растягивает сухожилия к ее началу, так что мышцы, которые растягиваются, как те, которые сжимаются, - рука находится в более сильном положении, и это вы должны понимать, когда это касается угла, а не меча, что лучше, чем в любом из других положений, как вы ясно увидите в соглашениях сгибать руку или нет, в то время как внимание разума имеет точную силу мышцу и сухожилий, сопротивляясь тому, что противник крепко кладет сильную руку, не сгибая ее.

Но, когда некоторые мышцы или сухожилия ослабевают, или они ломаются, скручиваясь, или изменяют действие в другом виде движения до такой степени, что вся сила способствует слабости и сжатости руки, пренебрегая ей, наносит вред и раня ударом меча вопреки занятости и неестественному положению руки, из-за невозможности следить за ударами, которые наносит меч в других положениях, где есть свои удары. Они не вызывают трудности или дискомфорта в руке, потому что, поскольку мышцам предлагается совершить их движения, они расширяются и включают в себя движение, которое делает рука, и силу удара противоположного меча. Как вы ясно увидите в бою, если ваш оппонент перевернет вас, прилагая все свои силы, и в точке где останавливается действие силы, вы дадите ему

еще один раунд для той же части, что и его, так как ваша сила соединяется с вашим концом, а противоположное тело остается в крайнем положении и больше не сопротивляется этой части или движению, – вы легко повалите его. И то же самое вы будете делать с быком, если вы едите на лошади с копьем, ожидая, что бык совершает движение, часть лап подняты. Если потом вы вдохнете в копье жизнь со средним импульсом, к лошади тоже придет сила, то в конце вы раните быка, у него нет возможности выдержать в этой части столько случайной силы, поверженный естественной силой. Бы легко повалили его, чего бы не стали делать, если бы бык не двигался и плотно стоял на ногах. Точно так же меч, который мы держим хватом ногтями вверх, не может являться результатом ярости удара противостоящего меча, который стремится, чтобы природа сопротивлялась ему. И сопротивление руки, которое может быть обеспечено усилием, которое несет силу меча, не так велико, называют усилием (хотя движение естественное) из-за эффекта, который оно оказывает на противника, чтобы нервы были сломлены, изнурены с помощью удара, так как они не могут повиноваться новой силе (как мы скажем о гыхани). Человек ослабевает и открывает свою руку, и меч выпадает из нее.

Давайте приступим к обещанной точке и узнаем, что рука в своих положениях имеет середину и концы, как имеют углы, профили тела и положения ног. И то же самое будет найдено в мастерстве коня против коня, хотя трудно обеспечить движения ног лошади движением руки и меча, потому что это происходит много раз, нападая на лошадь, наступая быстрее, чем это необходимо для нанесения раны, которая устранена путем совершения первого движения, если это была травма в виде пореза или зарубки, чтобы второе движение возымело эффект до атаки лошади. Для понимания того, что вы должны знать, – при верховой езде есть три способа поставить меч, очень сильно отличающиеся от тех, которые используют пешие, потому что это два двигателя и одна рана, а парирование должно сохранить обоим. Первая позиция заключается в том, что лошадь без сильного покровного оружия, противник может повредить его, все движения затруднены. Вы должны опустить кончик меча до стремени, это удобное место, чтобы легко уйти от всех движений противника, поднимая тело на стремени и отводя что-то от поводьев в левую сторону. Вторая позиция заключается в том, чтобы приложить кончик меча на правое ухо лошади. Людовик итальянский очень хорошо пользовался этими предписаниями об уздечках, чтобы понять, что шея лошади вооружена, потому что есть удобный меч, чтобы противостоять ранам противника и защищать тело человека, отталкивая лошадь в зависимости от случая. Третья позиция заключается в том, что меч пересекает шею лошади, что также является местом, где можно противопоставить правонарушение противника. Все эти позиции имеют свои средства пропорциональности, с помощью которых выполняются трюки Тинеты или Бриды. Так, как и положение

острия, которое заключается в том, как появляется рука, – это средство, а положения ногтей вверх и вниз являются крайностями. Творит Молемарко. Удовлетворенные всем, они оставляют нам свои причины, но ты все равно должен объяснить, поскольку мы понимаем силу или слабость углов, и потому что в хватке оружия целесообразно знать плащ, круглый щит, небольшой деревянный щит и кинжал, когда они соединяются с мечом. Это используют фехтовальщики со многими углами и скрывают, что могут, от меча и от пути преимущества, которое одно оружие имеет по отношению к другому, и в каких обстоятельствах есть это преимущество, и какой из всех видов оружия, которые мы обычно используем, более удобен, и с каким из них можно сделать больше, при победе над противником.

Творит Филандро. Разница между этими оружиями настолько большая, что я затрудняюсь судить о том, что вы спрашиваете, потому что некоторые делают больше, чем другие, в соответствии с рукой, в которой находится оружие, потому что случается, что человек делает больше с простым оружием, чем другие с массивным оружием. И даже один и тот же фехтовальщик делает один раз больше с одним оружием, чем с другим, даже если то, что он делает, одинаково, как будто он атакует врага каким-то оружием с ножнами (как они говорят), и делает больше, чем с простым оружием. Поэтому с большим расчетом мы даем одному мечу первое место, потому что меч один, без поддержки или помощи других видов оружия, только за счет движений, которые он делает, парирований и ран, но другое оружие действует в соответствии с другим видом оружия, и то, что делает меч становится важным. Как мы видим в применении плаща с мечом, который используется для уклонения, – меч остается с парированием, атакой и ранами, а затем по приказу меч будет следовать за плащом и кинжалом, потому что кинжал отклоняется и служит в некоторых незначительных парированиях мечом в углах, оставляя меч с большим парированием и с некоторыми атаками. Я не делаю ему все раны мечом, потому что иногда кинжал помогает ему ранить и атаковать, и между этими двумя видами оружия проходит половина ран, потому что есть много случаев, когда используется кинжал с мечом, чтобы обмениваться функциями, в соответствии с возможностью, в которой фехтовальщик оказывается со своими позами ног, тела, руки, кинжала и меча. Поэтому мы видим много раз, что меч служит кинжалом и оставляет свое качество, которое случайно берет кинжал, и это преобразование, как правило, очень необходимо в некоторых задачах дестрезы. Когда меч большей величины, чем кинжал, кинжалом наносят удары на ближайшей дистанции, если только они не будут выполнены с помощью ритма ног. Я не использую концы тела, потому что они не могут служить в этих решающих моментах, снабжающие движением тела и ритмом всё, что они удаляют с длины меча. Затем идут круглый щит и небольшой деревянный щит, которые находятся почти в затруднительном положении, которые убивают меч только уклонением и парированием,

и оставляют только атаку с раной. Так же, как и арифметика является основой всей математики, как доказал Мелисо, меч является одним из видов оружия.

Творит Эугенио. Что, по вашему мнению, бюджет имеет больше преимуществ при равном мастерстве: человек, у которого есть меч и кинжал, или тот, у кого есть меч и круглый щит?

Творит Филандро. В основном мне все отвечали на эти сомнения, что в дестрезе, (что для меня было сложным), если два одинаково квалифицированных тулчины выбирают одни и те же средства и имеют свою собственную позицию меча и равный профиль тела, если оба должны были сделать один и тот же финт с тем же движением, - что будет результатом этого равенства во всем?

Творит Мелисо. Хотя вы с трудом напугали нас, - это более понятно, чем страх, который это приносит. Я скажу свое мнение, возможно, как человек, который игнорирует эту дисциплину и по ошибке попаду в цель. Я говорю о том, что в толпе существ не будет двух, которые так похожи друг на друга, что их нельзя было бы отличить. А эта разница проявляется в такой маленькой вещи, как например, лицо, так что очень мало среди столько тысяч людей есть те, которые имеют одинаковые черты и знаки на лице, и нет никого, кто похож в чем-то на другого в присутствии или без него, так как я понимаю, что, поскольку у людей такие разные склонности и столько привязанностей духов, и силы у кого-то более живые, чем другие, и проворность и быстрота более точные, и тела высокие и низкие, одни более опытные и подвижные, чем первые, и не может быть другого человека, у которого такой же дух, как и у другого, и такое же намерение, и такой же рост, и соответствующие склонности, и равная сила, Я понимаю, что, изменяясь в любой из этих вещей, хотя оба они производят движение, являются фехтовальщиками и делают одни и те же высказывания, - всегда один начинает в лучшем месте, чем другой, или у него будет более удобный конец, или он будет прилагать меньше частей к движению. Удача, которая приходит с ловкостью - приходит к кому-то легче, для кого-то это занимает больше времени, или кто-то выбрал более подходящие способы, а другой - другие особенности и свойства, которые дольше выполнять, и те, кто лучше понимают - много используют Эвклида, это главным образом, те, кто видели колокол по пятнадцатому утверждению. Но этой причине невозможно точно ответить на ваш вопрос, и, если я не натолкнусь на правду среди множества, - мне кажется, что каждый сам по себе является правдой. Оставьте это решение, чтобы фехтовальщики давали другим увидеть, что они очень уверенные, а мой страх заставил меня молчать, так что двигайтесь вперед и следуйте тому, что вы начали с преимуществом оружия.

Творит Филандро. Я скажу то, что знаю, как человек, который имеет дело со вкусами и цветами, где любовь к каждому из них мало уделяет внимание разуму, чтобы улучшить их. А ты видишь, что они любят друг друга или потому, что они лучше с одним оружием,

чем другие с другим, или даже если оружие одинаковое – нет правила для склонностей, которые в людях так различны, как вы знаете. А, конечно же, это еще больше усугубит мое мнение, и я говорю, что у него будет больше преимуществ, если он будет стоять во вне с мечом и круглым щитом, а меч и кинжал будет иметь близко, а противнику, если тот сражается с мечом и круглым щитом, ты противопоставим двуручный меч, потому что на дальней дистанции против кинжала и меча сопротивляются и препятствуют круглым щитом все круговые удары, оставляя удары шпагой, которые отклоняются чаще всего без какого бы то ни было круга. Я говорю без круга, потому что остановка круглым щитом может предотвратить и отклонить их небольшим движением, и меч может ранить без помех после того, как он предотвратил или отклонил удары. Кинжал не сможет противостоять круговым ударам меча, если они идут по той части, где нельзя сработать мечом, чтобы линия была прямой, и пропустить сферический круглый щит, как из-за отсутствия прикосновения, которые не соответствуют действительности науки, когда она не руководствуется зрением, чтобы не пропустить что-то от того, что делается, а также потому, что отклонения кинжала и раны от меча распределяются по-разному, в разные точки, в отличие от движения другого, а также требуют различного внимания зрения и воли движений и силы. Если она делится на обе руки без пропорций, то она слаба, а если она направлена на противника, то применяется вся ко всей части. Обычно, движения не идут по своему собственному пути, хотя оба упорядочены и подчинены одному и тому же концу, чтобы следовать частям в целом, уравнивая силы, получая первую попытку, но переходя части в разных точках, целесообразно знать, что кинжал отклоняется, а меч – ранит. Начиная оба движения вместе, плохо отклонять много силы, которой противник сопротивляется, и сильную рану, подходящую для казни, и не может восстановить тело в хорошем положении, когда выходит из раны.

Творит Мелисо. У меня нет твердого основания, которое вы даете касательно круговой части щита, потому что кинжал делает круг квадратный раз, и будучи равными, они оба входят в сферическую форму. Не нужно так много силы для уклонения, что оставляет слабость на мече, потому что мало что касается его воли, потому что части меча очень тонкие, где кинжал делает уклонение. Это имеет такой же эффект, как если бы он обладал большой силой.

Творит Филандро. Они не одинаковые, потому что один из кругов уже сделан, а другой – создается из частей, и как и круглый щит применит только к движениям противника, без создания им заново круга, для того, чтобы иметь введенную сферическую форму в искусственном материале круглого щита. Но кинжал не только применит к кругу, чтобы противостоять движениям противника как круглый щит, но и формирует свое движение часть за частью вместе с применением, и если вдруг намерение было обманным, он сделал это с некоторым обманом со стороны меча противника. Кинжал тратит

время на то, чтобы восстановить утраченное, насильно теряя меч до того, как нанесена рана, потому что, как сказано: внимание силы не может быть во многих частях одновременно, но, если когда-нибудь такое было, все они слабые. Я говорю слабые по отношению к силе, которая есть у некоторой части, если к ней только будет применяться терпение.

Творит Эудемио. Таким образом, вы будете плохо относиться к тому, что я буду утверждать, что меч и кинжал имеют известное преимущество перед тем, кто с мечом и круглым щитом, потому что оба они представляют два оружия, и оружия эти атакующие. Главным образом, если это кинжал, и если меч с кинжалом захватывает один раз меч противника и делает с ним угол, а на свободной стороне входит, нанося рану мечом, используя такт ног, ничто не будет извлекать пользы гнет из круглого щита, потому что, если я пропущу рану от меча, или я буду препятствовать ей, или заставляю противника с круглым щитом ошибиться настолько сильно, что ее больше нельзя использовать для меча, для того, чтобы быть большей величины, чем рука, оставляя кинжал, с помощью которого он сможет причинить вред самому себе, потому что он снабдил мерилом недостаток, который имеет кинжал множества, и круглый щит не может покрыть все тело, ни тем более человек не мог бы довести его до всех частей так быстро, как другой может с кинжалом, что, не перемещая центр, делает круги и уклонения во все стороны только с движением запястья, так много, как и круглый щит делает углы в визуальных линиях и много раз покрывает в парировании визуальный орган и размещается почти рядом с углами, которые делают лучи жизни. И неопределенность, которую несет круглый щит со страхом, заставит его покрыть то, что безопасно и открыть опасное, и из-за этих неудобств тот, у кого отсутствует кинжал — тот меньшей величины и небольшого веса, а также более свободный, и которым меньше препятствовали визуальным лучам для того, чтобы сделать те же движения в воздухе, которые прозрачные. Творит Фриандро. Хорошо, мне кажется, что вы склоняетесь к мечу и кинжалу, и что, по-видимому, за границей, вы говорите, что вы видели и обнаружили нас по дороге, так как вы любители. Объясняя это с вашей стороны, вы освобождаете меня от этого сомнения. Если тот, у кого есть круглый щит, покрывает длину меча, этого достаточно, чтобы кинжал и рука противника не доходили до него, и после этого он манипулирует круглым щитом против меча противника, иногда стремительно атакуя и раня других, в то время как у кинжала, даже если он находится в хорошем месте, как и движущая сила, нет точности и достоверности, являются ли они атаками, или ранами, которые образует меч противника. Иная вещь, это что кинжал будет иногда отклоняться снизу, а рана приходится сверху, и при замене, нельзя ранить мечом, потому что, как говорится, ему препятствует круглый щит, а у кинжала нет определенного места большего, чем есть у круглого щита. Круговые

движения, преобразовывая удары, не имеют парирования газой, если не использовать ритм и темп, оставляя для противника травму. Это правда, что если мечи обоих находятся в пропорциональном состоянии, и противник с кинжалом знает, как препятствовать принципам движений меча оппонента с тем универсальным кругом, с которым только круглый щит делает свои трюки против меча, имеющие большой эффект и даже больший ущерб для противника со стороны кинжала, о пропорции которого мы будем говорить долго позже, когда мы имеем дело со всеми видами оружия, давая истинные пропорции двуручному мечу и тем, что становится круглым щитом и пилой. А подобно пятидесяти мужчинам с мечами и круглыми щитами они могут сломать сто пик, указывая на каждое оружие среднюю пропорцию, которая больше подходит этому виду оружия, так что движущая сила легко заставит его стремиться к чему-либо. Творит Эугенио. Я не хочу отвечать на ваше сомнение, потому что у меня есть опыт, что, когда у вас это есть для чего-то большего, приходите, чтобы использовать это. Это большее, что он приносит, то, что вы обещали, и за это я буду рад, что ответ примет во внимание фехтовальщики, которые считаются очень компетентными в этом вопросе, потому что вы говорите мне, что все виды оружия обладают одинаковой пропорцией.

Творит Филиандро. Не все используют один метод, потому что по мере увеличения длины оружия, также расширяется круговое движение, которое совершается, чтобы ранить, и по этой причине лучше, чтобы тело было более сильным для совершения своих действий, чем для маленького оружия, и для той же манеры, когда у всех чувств есть свои средства, благодаря которым они пользуются своими объектами, а некоторые из них находятся во вне как зрение и слух, и другие вместе, как осязание и вкус собственной силы. Все виды оружия, которые есть, имеют свои способы, которыми кинжал свободно пользуется в своих ранах, что равно прикосновению к копыю, которое реагирует на зрение, что более важно, чтобы фехтовальщик не терял надежды в дестрезе, не переставал доверять ей, который знает, когда нужна какая-либо потребность, почему он игнорирует среду, которая соответствует оружию, которое он приносит для боя, или защите оружия, которую приносит противник против него, подобно тому, как он будет делать выводы, игнорируя основы другой науки, не имея своих собственных. А поскольку он выбирает оружие по длине, также он выбирает тела по длине, как это будет видно при убийстве быков пилой, что в соответствии с храбростью каждого из них используются те или иные методы. Или мы теперь прикрепим пилу на шпагу больших размеров, как делают слух и зрение. Если тот, у которого есть пика знает, как выбрать дистанцию, которая соответствует его движению, ни в какой части не будет шпаги больших размеров, чтобы противостоять, и, следовательно, если тот, у кого есть шпага больших размеров, знает, как выбрать среду, которая его касается, и никоим образом не ранит противника пилой

с его движениями, поскольку ее конец сильный. Если тот, у кого есть только меч, хорошо знает, как вытаскивать конец длинной шпаги, тогда шпага не возымеет никакого эффекта прежде, чем с помощью движений, которые она совершила, и будет атаковать больше себя, чем противника, потому что тогда дестреза и преимущества известны, когда фехтовальщики утомляются, каждый из которых имеет свои избранные средства. Один только меч не будет эффективен, а тот, у кого кинжал, – это не позволит ему выбирать что-то среднее между ними. Тогда, более целесообразная защита – против меча, которая не ранит против кинжала. А для противника, если тот, у кого меч, знает к счастью, какое средство с кинжалом использовать вместе с тем, что соответствует мечу. В этом случае кинжал не стоит высказываний относительно него, даже если вы хотите воспользоваться концами тела и средними величинами или целыми термами, которые нельзя использовать в этом случае, поскольку величина меча превышает размеры линии, или он делал движение концами тела. Это целесообразно, когда кинжал имеет свои средства, которые можно выбирать между телом и телом, между кинжалом и мечом, между телом и мечом и между движением и движением, как и у него также есть то, что может навести мир без какого-либо оружия, с теми кругами, которые заставляют руки помещать их под мечи тех, кто ссорится вместе с гарнизонами, пока не закончат описывать круги руками, пропорция которых крайне изумительна, и времена, при которых она ранила в особых случаях.

Творит Эудемий. Для этого очень важно знать о происхождении и рождении ран, знать характер каждой из них и соответствовать знанию, применяя суждения и высказывания, которые подходят наилучшим образом.

Творит Филандро. Вы указали на одну очень сложную в дестрезе вещь, как средство пропорции, и очень важно для истинного применения уловок выйти из них, чтобы прийти к окончанию и вывести противника из того, что у него может быть хорошего. А знать, как из кривой линии происходит гибкая и спиральная линия, которая скручивается как ракушка, и то, что влияет на какое-то тело. А из прямой линии выходят параллельные линии, перпендикуляр и диагональ, гипотенуза и диаметр. Таким образом, из-за угловой позиции появляются все виды ран, потому что меч и рука находятся в стойке угла, который или прямой, или острый. Выполняя тупой угол определенным образом, образуется удар шпагой, и из этого самого принципа исходят зарубки и удары наотмашь с небольшим ограничением, что во время зарубки и ударов наотмашь ты не можешь наносить удары шпагой, хотя они исходят из положения меча, потенциально формируя острый угол.

Творит Эудемий. Давайте посмотрим, как нанести зарубку и удар обратным хватом с начала и без удара шпагой, потому что причина не превратит зарубки в удары шпагой?

Творит Филандро. От удара шпагой исходят еще другие раны для

пользы, которую имеет сила в определенной точке, и почему эти движения реализуются с помощью мышц на руке и идут в место, где остается меч, чтобы вращать тело в разных направлениях, в зависимости от вида раны, которую вы хотели нанести, от которой вы захотели уйти. Концы кругового движения не сформируют удар шпагой, разве что только это движение насильственное, теряет часть своего права, предоставляя мечу самое удобное место для вида раны, которая сформировалась и может очень хорошо нанести другие раны, так как они могут формировать удары длинной шпагой с конца зарубок и ударов наотмашь, но понимайте это в соответствии с местом, где они будут парировать движения, потому что такой конец можно сделать и отменить в том, с чем вы имеете дело. И отсюда вы поймете, что тот, кто знает, как предотвратить движения ударов шпагой, предотвращает одновременно принципы зарубок и ударов наотмашь, которые находятся в ближайшей потенциальной возможности сформироваться и ввестись в действие, если какой-либо из принципов, о которых я говорю, не оставлен, чтобы предотвратить это, потому что никто, кто предотвращает принципы и концы круговых движений своими вторыми действиями, не может помешать формированию ударов шпагой из того места, (так как прямая линия, расположенная под углом, имеет тело в удобном профиле) откуда выходят другие круговые линии, и не заменять другие, если только это не через разнообразие концов, которые есть в уловках.

Говорит Филандро. Все концы уловок не едины. Вы говорите, почему некоторые создают эффект, а другие – нет.

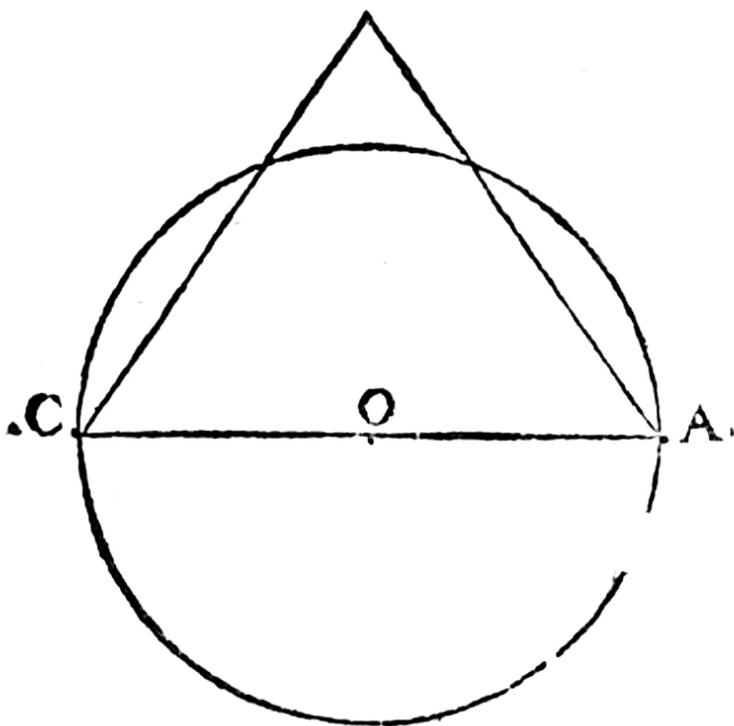
Филандро продолжает говорить. Я говорю это потому, что это есть в уловках совершенных и несовершенных, как если бы вы говорили о не насильственных, случайных или естественных. Идеальный конец – это когда совершена уловка по отношению к телу противника, где с самого начала движение направленное и совершает намерение его исполнителя. Таким концом заканчиваются все совершенные уловки. Но несовершенный конец – это когда меч оппонента находится перед ним, чтобы предотвратить и помешать тому, чтобы движение не достигло идеального конца, где оно должно было выполнить намерение мастера, и из этих концов труднее выйти на другие уловки, в случае если фехтовальщик не возьмет на себя это предупреждение в соответствии с разнообразностью этой пропорции, поскольку не только это предотвращает, что движение не достигает намеренной цели случайно, которую дает ему меч противника, но сила меняет намерение, уже запрещенная в другой свободной концепции и часто формирует понимание новой пропорции для исправления и выхода из этого препятствия и часто бывает так, что меч не находится в удобном месте для формирования уловки, которая тогда будет полезна, но сейчас она для нервов и мышц руки в положении, которое не может следовать естественному действию, не применяя волю в этом положении, в котором происходит случайный конец мечом

или потому, что меч отделяется от начала, что требует новой попытки. И даже иногда это может быть на своем месте, где нужно было идти с новой уловкой, без того, что она должна была быть пригодной с самого начала, теперь для тела в таком профиле. Меч и рука находятся под таким углом, что требуется больше времени, чтобы переделать его в соответствии с предубеждением, которое нуждается в уловке, которая формируется при формировании тела, впоследствии удаленного по своей пропорции, и силе в ближайшей потенциальной возможности за то, что она настолько проворная и такая трудная в начале этого из-за опасности, которая следует за таким опытом, что с трудом сходится в одном месте с методом, который дали универсальные соотношения науки.

Творит Мелемарко. Хотя Эудемидо занимает место, чтобы дать мне лицензию спрашивать обоих, не будучи вынужденным отвечать на что-то, что вы спросите меня, потому что я буду сомневаться только в некоторых вещах, чтобы их узнать. И первое, что я хочу понять, это почему достигает большего тот, кто наносит удары своему противнику, больше опираясь на левую ногу, чем на правую? Творит Фуландро. Вы спрашиваете, какое положение для двух ног является лучшим, или в каком из них какое положение из них лучше и почему простолюдины говорят, что из положения, о котором я говорю, достигают большего?

Творит Фуландро. Ни одна из этих позиций не является сама по себе хорошей, если она должна служить в качестве начала, потому что это лучше, чем больше возможностей для действий и меньшей слабости в теле. И потому что вы лучше поймете меня в этом положении, это лучшее положение, в котором тело скоро отдохнет. И легко пользоваться всем остальным, предоставляя мне, что это крайнее положение или оно находится вне середины и грешит против пропорции, что явно видно в этих позициях, которые тело делает с левой ногой, и в этой части сила и тело сделали всю свою мощь, потому что это крайняя позиция, ясная для всех, что у тела есть сила, и что у этой части это будет главным образом там, к чему больше будет применяться тело и воля. Тело фиксировано с известными недостатками правой ноги, потому что, если ты попробуешь сделать несколько движений телом, чтобы передать силу на правую ногу, если тело помещено на правую ногу, для того, чтобы нога была неподвижной, тогда можно достичь меча противника, и с небольшим знанием причинить ему боль, если хотите, или без необходимости убрать силу с того места, где она находится. Как было сказано по этой части, уже нельзя следовать этому движению, ни сделать ничего нельзя, потому что тело, ноги, руки и меч будут делать разные виды движений, и это правда, они будут сделаны в разное время, так что, когда ты сделаешь окружность и через нее проведешь диаметр, ты оставишь это, когда мечи обоих служат диагональю, и поставишь правую ногу в точку, которая начинает формировать линию диаметра, а левую в другую точку, напротив острых углов,

которые ноги и тело делают с геометрическим шагом в центре, потом ногами образует два угла, которые равны другим, как вы увидите в высказывании 32 в первой книге Начала Евклида, где бы тело не двигало ногами и не отводило их от середины, и достигало крайней точки и любой части этих крайних точек, которые займут фехтовальщицы в качестве основной позиции, теряя соединение движения по причине сказанного, что тело не сделает это, находясь в середине, потому что оно довольно ловкое и готовое на все части, которые он хочет переместить, и с этим он доказал пропорцию тела и это будет видно более четко в последующей демонстрации, чтобы вы поняли, что истину невозможно узнать без доказуемой причины, которая уклоняется от понимания и с демонстрацией доводит до сознания смысла.

Середина положения – центр круга, точка O, две крайние точки соответствуют левой ноге – точка C и правой ноге – точка A. Когда тело перемещается из точки O в точку C, оно не идет сильно, потому что происходит вынужденное движение из центра, и когда тело перемещается из точки O в точку A, оно идет естественно и заканчивает свой путь быстрее из-за качества и характера движения, которое оно делает, но когда есть какая-либо из этих крайностей, чтобы свести к середине, быстрее сводится, если тело идет от точки C до точки O, а не от точки A до точки O. Поэтому, когда тело находится в точке A и нужно использовать точку C, и временами, когда оно это делает, тело сжимается и другого с ним не происходит, если только противник на него опротивительно не набрасывается. И при

изменении, когда иногда тело перемещается из точки C в точку A и проходит через точку O , это больше чтобы действовать, а не защищаться, так что человек в точке O более готов, чтобы обратиться до любой другой точки. А если тело не находится в точке A , оно должно достичь точки C , и наоборот. Это демонстрация для вас, чтобы вы ясно поняли, какая позиция, которой может обладать тело, лучшая, и за то, что вы намеревались сделать, когда противник имеет то же самое средство. Тут достаточно понимать четвертое высказывание из книги Эвклида.

Творит Мометарко. Я удовлетворен, у меня есть мнение о том, что было сказано, потому что я был без того, кто отрицал демонстрацию. Вы дали ощущение такой твердой истины, которая заставляет поверить в это и стыдиться, что этого не делали, но вульгарные фехтовальщики не знали в конце столько лет насколько плохо это влияло на эти позиции.

Творит Филандро. Не всех людей можно этим обмануть, а только тех, чего они не знают, хотя они обрабатывают эту информацию в течение длительного времени, или чье познание не очень очевидно для них, и потому не все мнения, которые есть тех же фехтовальщиками о сходстве правильные. Иногда бывает, что многие вещи сначала представляют добро, потом, что это плохо и наоборот. Я уже говорил, что тот, кто занимает лучшую позицию, достигает всего и знает, что тот, кто опирается на левую ногу, достигает меньшего, потому что угол, который делает тот, кто на правой ногу - маленький и острый, и с мечом и правой рукой образуют прямой угол на поверхности половины тела на той же стороне, где находится меч. Это можно понять, оставляя одной части обозначение ног, хотя прямой угол занимается не так часто, если какая-то часть тела не растягивается до тупого угла, что неудобно, касательно того, с чем мы имеем дело. Тот, кто делает упор на левую ногу, делает угол в обратном направлении, а рука и меч на одной и той же площади образуют острый угол, потому что, если бы они делали тупой угол, рука бы устала и достигла бы гораздо меньше, потому что в положении наклона, она отделяет линию от ее точки, где мы наносим прямую рану. Итак, все прямые углы о которых мы говорили вначале, делаются с правой ноги, регулируемые тем, что вы делаете. Тот, кто на левой ноге оставляет свой меч на второстепенном плане по отношению к углам, о которых мы говорили, и достигает меньшего, и тот, кто опирается больше на правую ногу, наоборот, это положение главенствует, и он достигнет большего. Это лаконичная демонстрация касается достижений двух крайних положений, оставляя в стороне прошлую демонстрацию, потому что она соответствует пропорции положению тела. Две другие крайние точки делают ноги, одна - когда ноги врозь, делая тупой угол, и эта крайняя точка является самой бесполезной из всех, потому что это главная необходимость, в которой находится тот, кто это делает, в которую могут поставить другие крайние точки

по отношению к противнику, и вторая – противоположная крайняя точка, когда ноги вместе, тело перпендикулярно, и хотя это больше приносит пользы, чем прошлое положение, тело не имеет твердости, которая была, когда тело находилось в умеренном угле, и хотя противоположное крайнее положение этого находится в угле, чтобы потерять связь линий и углы, делая линейный угол, – тело находится в противоположных ногах частях, оно слабое. В любой части спины или груди будет сила, полученная из этого положения, и с одной из этих крайних точек ты часто проделывали эту демонстрацию, которая дает две линии, одна главнее другой. Мы сделали это, не увеличивая величину второстепенной линии, которая превышает основную линию, не уменьшая ее длину. Это всё, что она превысила. Вы, математики, видите, как это может быть истинно в природе, и это демонстрация того, что, когда это было сделано с мечом, споря, вы дали это всем математикам и философам, которые видели большое изумление и гораздо больше испытывали восхищение, чем те, кто проделывал это лично. Почему вы говорите, что тот, кто не будет восхищаться, видя человека, тянущегося с большим мечом, а другого с ногами вместе в крайнем положении, с грудью, прямо поставленной перед мечом противника, не двигая тело ни в какую из сторон, достигнет большего с маленьким мечом, находясь в самой короткой позиции, чем тот, кто с самым большим мечом в самой длинной позиции? Какова причина, по которой никто не мог понять это за многие годы, хотя они размышляли над этим, пока Чарилло не начал проливать свет понемногу на это своим грузьям.

Творит Мелисо. Но правде говоря, я помню, что эта демонстрация была сделана со мной, потому что я тоже (несмотря на то, что я его груз) был недоверчивым. Я хорошо подумал, для кого сделать это невозможно, пока он не увидит это? Но после, я вижу гармонию между углами ног и углами, которые делали мечи и тела. А я увидел, что мой меч был больше на пядь, чем его, с демонстрацией, которую он сделал, чтобы доказать это в том пространстве, на которое они указывают. Это меч, который был меньше, остался над моей головой на 21 см, я имел преимущество без дотягивания своим мечом, и то же самое я видел, как делают с одинаковыми мечами. А то, что меня больше всего восхищало, это что для фехтовальщиков и математиков, которые пытались это сделать, это казалось легким, они полагали, что ставя ноги вместе, как у Чарилло, они достигнут того же эффекта и не только достигнут, но и превысят его как телом, так и мечом, и это заставило бы их испугаться. Они были более сбиты с толку, потому что не находили свою руку главенствующей по отношению к другим, но я, не зная науки об оружии как другие фехтовальщики, и без тех частей науки, которые необходимы, чтобы знать что-то из дестрезы, – понимаю теперь причины, которые были мне даны, и я остался удовлетворенным и понял без сомнений, я был убежден в смысле всего этого, потому что не мог отрицать, что видел своими глазами как делает простолюдун,

и поэтому я говорю, что обращаю внимание на то, чему вы меня будете обучать, я надеюсь извлечь из этого пользу. И чтобы было так, как я желаю, скажите мне, почему кончик меча, будучи самой слабой частью в нем, наносит самые большие раны и с большей силой, чем круговые удары рикошетом. Поэтому, для того, чтобы иметь больше силы и быть рядом с силой, которая влияет на другие части, нужно нанести большую рану? Скажите нам причину этого, которая всегда игнорируется фехтовальщиками.

Творит Филандро. У того, у кого есть сомнения, сложность пропадает с пониманием того, что тело является причиной, из которой рождаются все линии, которые имеют свой эффект, согласно природе движений, а меч – это средство, с помощью которого достигается эффект, который является раной. И хотя Дугемио с меньшими трудностями поймет, что я скажу, я не стою высказаться как хотелось бы, потому что в этой науке вам не хватает принципов, но их нужно принести для задач, о которых вы знаете, это не так уж и много. Хотя вы знаете многих других, которые игнорируют эти вещи, не используя их, потому что их названия новы и термины адаптированы к вещам науки. Не удивляйтесь, будучи математиком, если вы не понимаете меня, просто будьте внимательны и понимайте из этого то, что можете, потому что я постараюсь дать вам понять. И знайте, что, когда меч находится в угле прямой линии, он имеет три части, я имею в виду, что нумерация начинается от кончика меча, и сила будет увеличиваться, поскольку числа приумножаются до остановки в одном из центров. Все это градуированное количество делится на три равные части относительно множества, но они имеют неравенство, в зависимости от качества каждого из них. Целесообразно знать ту часть, которая находится рядом с силой центра, которая называется ближайшей в дестрезе и второй половиной, потому что стоит посередине между силой и слабостью, и между увеличением и уменьшением попадает в середину, а последняя часть называется удаленной. Первая из всех это та, которая обладает наибольшей силой, потому что находится рядом с мечом в той части, которой обычно он и обладает. Удаленная линия – это та, которая находится дальше от ближайшей линии, а срединная линия это та, которая находится посередине удаленной и ближайшей линии и находится на середине меча, иногда называемой рукоятью, менее основным центром, откуда рождается эта сила из ближайшей линии, и удаленная линия от середины, и слабость от удаленной, хотя эта нумерация изменяется в соответствии с местом постановки, где одни начинаются с отдаленной части меча, а другие с середины, и также в соответствии с положением угла, которые занимают линии, зная, что в воздухе был сделан круг мечом со своим числом, если каждый меч рисует линии или математически или физически все имеют свой конец и середина в главном центре или в экцентрике этого одинаковая. И в этом большом количестве одно, как и другое, происходит с той же шкалой второстепенного круга,

который делается во время самого большого и самого главного круга, и природа их различается в соответствии с началом, серединой или концом, потому что всё, что движется, – делится в этой науке, когда какое-либо движение совершается мечом, часть оттуда и часть туда, а середина находится между этими двумя крайними положениями, с помощью которых достигаются оба, потому что, когда движение достигает середины, уже нельзя обуздать силу, которую оно несет, даже если намерение движущей силы превращается в другое новое понятие, и воля использует свою власть с животной силой, зная, что тот, кто движется, и то, что подвигно, приходят в одно время.

Творит Эудемио. Может ли время иметь значение по отношению к мечу без такого разделения?

Творит Филандро. Нет, потому что кто убивает разделение времени, убивает легкость, отрицает медлительность, а медлить нельзя, так что точка движения, которая вверху, означает, что с кругом достигается больше всего, в котором мы наносим рану должным образом, потому что другие точки происходят случайно, это понимается в соответствии с разнообразием, которое у них есть, и из разных мест, которые есть в их принципах. А если было четкое движение, которое кто-то сделал, то это круговое движение, которое сделал меч, или сильное, или естественное, и чем большую величину имеет сильное движение, тем больше и более четкое и резкое будет естественное движение. Острие меча любой величины продолжает то, что есть, больше отходит от общего центра. Наконечник меча – это то, что обязательно нанесет большую рану, и здесь вы лишаетесь сомнений, потому что мы не используем в соответствии с силой и эффективностью, которые есть в движении назад, чтобы противостоять через углы и второстепенный, неподвижный центр положения в деспрезе, и в соответствии с эффективностью движения, чтобы ранить.

Творит Мелемарко. Очень хорошо, что вы показали причину этого и демонстрацию, хотя со мной (согласно доверию, которое я питаю к вам), ваш авторитет будет достаточным для меня, он имеет для меня большую оценку, чем мнение всех фехтовальщиков вместе взятых, и с тем, что вы сказали, я снова напуган, так как те, кто лежит в том, чему они учат, могут долго обманывать скромных людей, но, мы знаем, что ложь – это разочарование для многих, и на это Млатон говорит, что человеку всегда выгодно быть правдивым, потому что, если однажды дух примет ложь, то с трудом потом признает правду.

Творит Филандро. Поэтому храбрые присоединяются к беседе и очень это ценят, будучи за одни только слова (без другого проявления мужества или остроумия) столь уважаемы для простолюдинов. Я очень хочу знать, если они имеют такое же отношение к тем, кто им подобен, что они думают, по их мнению, есть честные люди.

Творит Мелисо. Я не знаю, но хотел бы, чтобы вы сказали мне,

потому что вы более опытни, а я должен знать этих людей, прежде чем поговорю с ними, потому что, разговаривая, я понимаю, что они не будут воспринимать меня всерьез.

Творит Филандро. Я скажу, что это было больше облачено в опытную форму живым языком простолюдинов, не довольствуясь неверием в вещах, которые они из-за своей трусости не осмелились взять на себя, потому что превысили пределы их понимания и духа. Они считали это ложным и не делали много того, чтобы убедить своих ближних, потому что они были настолько напуганными, а завистники не сделали ничего нового, чтобы отказать им, ни веря простолюдинам, которые этого заслуживают, потому что они также делали это с теми, кого видели своими глазами и притворялись слепыми, потому что не были свидетелями истины. Обладая своим сиянием, тунаны, которые ложь и зависть наложили на это, были бы разрушены и исчезли бы, чтобы вы не ошибались в том, что видите. Подумайте о том, чтобы быть беспристрастными, какими и должны быть мужчины, и какие у них есть обычаи, и кто их друзья, и что говорят честные люди о них, можно ли им доверять.

Творит Молемарко. Хорошо, но, если я их много хвалю, и они такие же, как и те, и я их не знаю, то мало пользы от того, что вы сделали, я не должен общаться с этими людьми.

Творит Филандро. Вы их очень легко узнаете таким образом. Посмотрите сначала кто это, потому что тот, у кого хорошие корни, подобно растению, даст хорошие почки, и потом это скажется на том, какое у него понимание, потому что, если он был дураком, тот, кто делает это другим благоразумному, - у него в руке будет аргумент, а если он был трусом и ослушался отважного, то у вас есть правдивое заключение не поверить в это. Также, вам нужно сначала взглянуть на того, кто хвалит и кого хвалят, и как, потому что я хочу вас разочаровать, что, не обдумав это и не взвесив, вы должны поверить, сколько зла они рассказывают о других. Если вы задали вопрос одному мужчине о вашей земле (будучи некоторое время за ее пределами) чтобы узнать его, потому что его слава вас прельщает, и случайно говорили с кем-то, кто плохо отзывался о нем в силу зависти, или потому, что в каком-то случае было предложено убрать честь (по словам вульгарных простолюдинов), - то вы поверите залу, которое я рассказал вам о человеке, о котором вы спрашиваете? Так делают некоторые простолюдины из-за злобы и подлости, не желая понимать или проследить причину.

Творит Эудемисо. Я не поверил бы этому, потому что намерение, которое может быть у человека, когда он говорит о другом плохо, бывает разным. Иногда потому, что он не смог оценить его по достоинству, ни по его добродетелям, ненавидя доброе имя и хорошую репутацию, которые у него есть. Он завидует ему, оглядываясь на то, сколько ему нужно, чтобы соответствовать ему. Другие говорят плохо из-за обиды, нанесенной им, и вспомнив это, услышав имя того, кто обидел их, они плохо говорят о нем, может еще и

потому, что он получил хорошие дела. Некоторые враги называют такого человека сургой, поэтому, если кто-то плохой и о нем говорят плохо, а другой знает, что его враг знает душевную рану, то нет противоядия от такой силы против плохого ютора, как слова врага, потому что это исправляет человека от порока, а другой остается со злом, чтобы была возможность заявить о своем следующем зле, но с намерением оскорбить его и сообщить ему, что если он исправит свой порок, то по закону дворянства он должен будет набросить на него плащ, потому что недостатки его в скором времени не были явными. Поэтому, если он плохо говорит о хорошем человеке, это похоже на женщин, которые согласно Сенеке плохие в общественном сознании, но на самом деле хорошие. Я понимаю, что это потому, что они объявили себя людьми как таковыми, потому что тот, кто будет иметь с ними дело, будет знать, что он имеет дело с плохими людьми, ибо те, кто с добрым желанием скрывают свое зло, наносят больший вред этой видимостью, чем другие с гласностью своей развратной жизни, принося яд в руке на глазах у всех, а другие покрыты белым хлебом.

Таким образом, печально известные люди, которые в городах были объявлены такими, зло, которое они говорят и делают, - не имеют большого эффекта, потому что все их уже знают как зло, как ущерб, нанесенный тем, кто маскирует зло, и у них есть дух, поврежденный от зависти так, что где бы они ни хотели и как бы не могли - наносят вред своими словами. Тогда будет ваше завистливое сердце противопоставлено чести, которую вы ненавидите, и поскольку у чести нет тела, чтобы противостоять ядовитым ударам проклятого языка, они никогда не устают, потому что у них нет сопротивления и честь не заражается (как ты скажешь в четвертом диалоге), потому что христиане с каким-то пониманием не должны верить плохому, что они слышат о человеке, который считается хорошим, и не следуют словам плохих, которые, чтобы выделиться среди того, что осталось от другого, видя, что он идет к похвале, кладет шкатулку лжи, чтобы добраться до него, если может. И, когда он видит себя на земле, неспособного соответствовать ему, он поворачивает клинок, чтобы жаловаться на состояние, как если бы оно было казначеем чести и распространителем добродетелей, никогда не желая знать его грех, чтобы исправить его. И потому, что вы не ошибаетесь в таком странном замешательстве, я дам вам одно универсальное, а другое конкретное правило, которые вас сосредоточат, и всё, что вы говорите - это позор и оскорбление для некоторых, не верьте этому, если вам мало что есть им сказать. При этом вы много порицаете и оскорбляете, и то, что вы говорите касается чести и уважения. Вы поверите в это позже, ибо верить добру не повредит вам, а верить злу - это будет очень большой риск, потому что вы придете, чтобы сказать, насколько вы уверены, что он хороший человек, и это будет похоже на ложь, вызванную завистью, и человек ваших достоинств много потеряет относительно тех, кто слышит его, если они знают

то, чего он не делал. Если бы это было хорошо, и вы бы сказали это, веря в это так, как если бы знали, что это плохо, чтобы избежать это и хорошо, чтобы подражать и говоря это, потому что, даже если это ложь, ни вы не проиграете, разговаривая об этом, ни другой, имея это. Только одним примером я хочу ответить всем вам, чтобы вы дали ему моральный смысл, чтобы вы знали суть того, что случилось в доме удовольствия с одним моим другом, радуясь некоторым рыцарям, которые любопытны ко всему, что есть в доме Его Превосходительства герцога Медина, которые, среди прочего замеченного, увидели там птицу, украшенную несколькими богатыми перьями, которые на солнце переливаются разными цветами и блестят с большой красотой. Это зрелище вызвало большой восторг, для всех эта странность и красота этой птицы не давала понять, какая это была порода, или для чего она была так хороша в этой перебранке, птица, различающаяся разнообразием оттенков на крыльях, которые у некоторых друзей отсутствовали. И в рыцарях возникло упорство и почтение, каждый из которых высказывал свое мнение и, в конце концов, никто не мог проверить их мнение, они согласились лучше судить, посмотреть, какой породы птицы собрались вместе, и что они узнают их природу и окружающую среду после нескольких небрежных часов. Они вошли в сад, пытались опознать некоторые травы, увидели птицу посередине места, усыпанного розовыми кустами и жасмином, которые переплелись друг с другом, образуя квадрат, небольшое пространство, где было много птиц вместе, которые сначала будоражили в памяти красоту и разнообразие. Трядя повсюду, можно было увидеть большое количество обычных птиц и среди них в компании многих породистых птиц, были бурые птицы и обычные, как в городе. Они смотрели сначала на того, кто с добрыми желаниями, имея под рукой возможность создать компанию с остальными, чувствуя себя прекрасно. И, увидев это, всем казалось, и они заключили, что птица, хотя и красиво окрашенная, была низшей породы, плохо пела, и всё потому, что видели ее в такой скромной и гнусной компании, которая всегда как бы заявляет о вещах, которые могут быть под сомнением. Поэтому мне кажется, что вам нужно знать тех, кто хочет относиться к вам согласно вашей чести.

Творит Эудемиио. Я много радуюсь от нравственной осторожности и намерен использовать это больше, чем то, что дал мне учитель, потому что это будет справедливо, что почетный человек ищет конкретных друзей. И теперь я вспоминаю, что Чарилло много раз разговаривал со мной об этом, советовал мне попробовать особую дружбу и обычное обращение с теми людьми, чье понимание было от Бога более благоприятным, и с которыми небеса указали бы на то, чтобы дать им остроумие и изящные способности, ясные, редкие суждения, отделенные от вульгарных людей, которые по большей части достойны похвалы и мирного обращения, что исполнялось в его друзьях. Мы об этом в избытке говорили в первом диалоге, что они являются друзьями Чарилло, которые пишут это без участия

многих других. Будет долго ссылаться на это, и поэтому я сказал вам, что вы хотели узнать о них. Скажите мне, может ли уловка, которую вы называете предложением, служить всем людям? Потому что они будут использовать и делать ее.

Творит Молеарко. Таким же образом, как уловка с мечом подходит для кинжала, а уловка для кинжала подходит для меча (потому что, кто может сделать больше всего, может меньше всего), уловка для меча подходит для двуручного меча, а уловка для двуручного меча подходит для пика, и так с другими видами оружия, убирая детали в движении или добавляя в соответствии с величиной оружия. Все это может быть применено таким образом, что одна простая уловка будет служить всем мужчинам, и это будет даже более эффективно, чем соединенные в группу уловки, потому что на самом деле это то, о чем мы всегда говорили, что одна простая уловка полезна, мы это видели еще в первом диалоге, и также, как лечение, которое осуществляется с помощью простых лекарств, является более превосходным, чем то, которое достигается из соединений лекарств, как говорит Скрибоний в послании и Тапен в составе родов, поэтому простая уловка превосходит другие группы уловок. Потому что Тапен больше использовал одиночную уловку, чем их связь, поскольку она предназначена для нанесения пыли в глаза, для провоцирования.

Руда сшила то, что удерживает живот, а Молео готовит, чтобы подготовить тех, кто должен быть очищен, в болезнях которых врачи используют эффективные средства. Но этой причине это удобно для человека, у которого есть простой мотив, простая уловка, которая ему соответствует, чтобы они не менялись в использовании. Творит Фуландро. Я удовлетворен тем, что вы сказали, потому что из многих простых уловок, которые входят в композицию, только одни тнитые и фальшивые, другие древние, иные плохие, главным образом те, которые больше времени игнорируются. Таким образом уловка, состоящая из нескольких естественных движений, будет иметь некоторые, которые не имеют отношения к тому, что намеревается сделать исполнитель, и это не только освободит его от намерения, но и будет стоить жизни. Сильно намереваясь иметь простую уловку для простого исполнения, ее не следует пытаться делать составной из-за вреда, о котором мы говорили, как будто если бы можно было найти простое лекарство. Нет основания ожидать от составных уловок пользы, потому что всегда следует новая форма порожденного состава, некой композиции, которая работает больше, чем простые вещи, некоторые за хорошее, а некоторые за плохое, из чего следует, что все лекарства изменяют нашу природу в силу противодействия, которые они имеют с человеческим телом. Состав лекарств включает в себя разнообразие и противодействие природе, что хуже, чем простота, поскольку сложное заболевание является более плохим, чем простое.

Творит Эудемиио. Раньше мне казалось, что человек должен использовать множество сложных уловок, потому что, когда кто-то

не воспользуется этим, воспользуется другой, и все они получают что-то, в соответствии с намерением фехтовальщика, в подтверждение чего вы обнаружите, что он любезно одобряет композиции, потому что говорит, что в разрешении многих вещей среди них, по крайней мере, будет то, что пользуется преимуществом.

Творит Мометарко. Смелый разум - это счастье (на мой взгляд), потому что он всегда хуже работает с разнообразием противоположностей.

Творит Эудемиио. Хорошо, но поскольку я дам вам универсальную ловку, которая будет служить всем людям, вы дадите мне универсальный медикамент, который будет служить от всех болезней? Неуместные медикаменты являются простыми в медицине и даже очень многие мелочными.

Творит Филандро. Я не думаю, что Типократ дал ему больше, чем дает сейчас Мометарко, выставляя дело, на которое Тален указывает в некоторых частях. И хотя по указанным причинам более вредно использовать композицию без какой-либо разницы, чем в некоторых простых выбранных ловках, но все же композиции, изобретенные с использованием искусственного материала, и подтвержденные большим опытом, обладают более замечательными эффектами, чем все простые ловки, когда почувствуете неладное, где некоторые композиции, по причине своей пламенности, превосходят янтарь, мускус, азиатскую цинету и другие вещи, которые их образуют. И также кажется с колоколами, которые звучат больше и сильнее, чем металлы, из которых они состоят, и вы найдете свое в цветах, особенно в молоке (которое они называют натуральным цветом), состоящим из окиси свинца, уксуса и других вещей и ни один из них не является цветом молока. И наконец, вы увидите это ясно в других лекарственных композициях, в которых это было так полезно древним, что Тален не решался изменить что-либо в противоядии Андромата, потому что считал, что оно составлено с усердной проверкой и даже по божественному провидению.

Творит Эудемиио. Но этой причине Млинио будет молчать и не показывать врачам, которые используют композиции многих вещей, сделанные на почве только амбиций, а не из-за тщеславия в соответствии с тем, что говорит Тален, если только они не были ограничены необходимостью помочь человеческому телу.

Творит Филандро. Скажите Мелисо о причинах, потому что врачи используют соединения и потребности, которые нужно составить, чтобы затем я смог дать учение маэстро вылечить души учеников.

Творит Мелисо. Для того, чтобы услышать то, что я так хочу, я буду торопиться в том, что вы просите, и знайте, что для тринадцати причин необходимо было использовать соединения без других, которые усердно ищут любопытных в этой профессии, когда болезнь составная, а простое, что ты можешь иметь в руках, имеет простую силу.

Творит Эудемиио. В соответствии с этим, может быть просто, что

он имеет силу соединения и соответствует сложному заболеванию? Творит Мелисо. Да, это связано с тем, что составное заболевание или состоит из болезни и причины заболевания, или несчастного случая, или нескольких заболеваний, или одного, которое требует нескольких попыток, как то, что есть у человека, когда он хочет причинить боль, восстановить, прийти и отклонить всё с помощью одной уловки одной попыткой. И поскольку эти композиции очень часты, врачи редко используют соединения. Они также используют их, когда простая медицина имеет составную силу, как указал Эрдетио, что соответствует составу болезни, но если она используется простыми аптекарями при дворе, то она более слабая, чем сила болезни, которая будет увеличиваться с добавлением простого, что укрепляет эту слабость. Но словам Молатарко, при размещении или удалении частей движений уловки, когда болезнь только частично излечена – это две вещи, которые находятся в цветке крокуса, и поскольку он очищает меньше, чем требуется, тогда необходимо придавать цветку силу, смешивая его с простым питанием. Но, когда болезнь проста, и нет простого лекарства, которое пропорционально противодействует болезни, – добавляется другое, чтобы представить это противодействие, когда врачи хотят некоторых операций, что невозможно ни в одной простой болезни. Это как мёд и воск, которые становятся лекарством, которое имеет силу уничтожения признаков заболевания, и ни одно из того, что их образуют, этого не имеет, но если нужно удалить вредную силу какого-то простого заболевания, – то это смолистая камедь, к которой добавляют лавр и ароматические вещества к лекарствам, которые очищают с большой силой. И, если дело состоит в том, чтобы преодолеть какой-то плохой вкус, то добавляют мёд и сахар в сиропы, микстуры, но если есть попытка запретить медикаментам меняться от того, чтобы они были приятные на вкус, то надо смешивать что-то с ними, как например опиум с атрактой. Если врач намеревается адресовать медицину особенному члену, он просто добавляет, что он уважает его, потому что другие лекарства из-за их фригидности не подойдут к сердцу, но когда захотят получить лекарство для деликатного места в человеке, они разрабатывают экстракт фиников в качестве слабительного. Если медицина безразлична к нескольким местам, а со смесью она назначается для определенного места, как медицина, использующая травы, выделяющие сок и добавляя другие вещества, остающиеся диуретики, когда есть такое намерение, то польза медицины видна и на сомнительном пациенте. Доктора добавляют вещи, которые ускоряют движение, как семя Руты для суставов. Существует еще одна потребность в составе компонентов, чтобы свести простую форму к удобной и, следовательно, добавляется рыба, стола и воск в пластырях. Наконец, чтобы сохранить то, что не будет всегда вечным, используют добавки валерианы, меда, сахара и других вещей, без которых некоторые из них не могут быть сохранены.

Это кратко, что касается потребностей в составлении лекарств, основанных на размышлениях и доводах Платона. Дайте нам теперь доктрину, основанную на том и на другом, чтобы она проявлялась с выгодной стабильностью.

Творит Филандро. Разумеется, вы с любопытством выделили простые и сложные из них, потому что они есть, и я как прилежный человек в этой науке, имея благосклонность всех и вся, хочу направить свою попытку и намерение на одно из ваших, направляя мою пластику на Эудемия, который получает удовольствие от этих вещей, и убедил себя, что для всех существует универсальная уловка, что не может быть иначе, чем с ограничениями, о которых вы и Платон говорили выше при образовании составных уловок, потому что человеческое тело состоит из разных противоречивых частей, некоторые горячие, как сердце, другие холодные, как мозг, третьи влажные, как плоть, четвертые сухие, как кости, а пятые такие же теплые, как тело, потому что, если все люди (как вы знаете) были созданы из одной вещи, между нами не было бы противоречия или отворачивания, пока мы все не будем любить одно и то же или ненавидеть это. Но это пустая трата, потому что мы состоим из нескольких элементов, поэтому мы любим и склоняемся к разным вещам, как мы видим в соединениях, когда часть земли, которая холодная, побеждает и преобладает над всем телом соединения. Если мы бросаем его в воду – оно идет потом в центр, и когда холодная часть воды превосходит качества соединения, если мы бросаем его в воду, оно тонет, хотя и не так сильно, но, когда теплая часть воздуха и сухая часть огня превосходят другие качества, ничего нет элементарного в воде, поэтому вы увидите в ней много птиц, потому что перья – это часть их природы, которые не соответствуют тому, что мы говорим о форме, как говорили некоторые современные философы. Чтобы тело имело земли больше, чем другого элемента, оно становится меланхоличным и имеет больше флегматичной воды, для того, чтобы иметь больше воздуха – становится сангвинистическим, для того, чтобы иметь больше огня – становится холеристическим, и поскольку чувства души, которые рождаются с нами, настолько сильны, то они склоняют нас к действию и по большей части следуют за температурой тела. Мы видим, что тот, у кого есть сырое сердце по своей природе, склонен по своему интеллекту к гневу, но легко сдается, потому что легче пролить влажное, чем сухое, и отсюда исходит то, что женщины и дети быстрее вспыскивают в гневе и легко плачут, сдерживают его, потому что в том смысле, что сухость является результатом твердости, так и влажность порождает тяжесть и железную силу, потому что оно сухое и крепкое, что вспыскивает позже, и дальше не выходит из игры, сохраняет много времени тепло, так что сердце, которое сильное, сухое, не расстраивается и не сердится так же внезапно, как сырое, а когда оно злое, то не так легко успокаивается именно там, где создается жестокий и неумолчивый дух, и вещи, которые

должны быть применены к холерикам, сангвиникам, меланхоликам и к холерикам, меланхоликам, флегматикам, и к холерикам, флегматикам, сангвиникам и к холерикам, флегматикам и меланхоликам. Мы подробно рассматриваем это в совершенстве фехтовальщика, когда оспариваем знаки каждого, его привязанности и привычки, так что, поскольку люди состоят из разных вещей, противоположных друг другу, они имеют такое же противоречие в вещах, к которым они склонны, и если в теле нет больше тепла, чем холода, и влажности, чем сухости, прежде чем оно будет образовано среди всех, в соответствии с надлежащей пропорцией, - оно будет выносливым, потому что у каждого из качеств есть то, что принадлежит вам, без тирании вещей других людей или нанесения вреда другому с плохим окружением, что является следствием здоровья. Врачи это называют телом в справедливости, потому что, если одно из качеств преобладает и становится наглым против другого, то в этот момент оно лишает тело гармоничности и сдержанности и делает его больным, потому что болезнь всегда ведет к плохой температуре, так что из-за разнообразия качеств тело становится настолько отличным от других, что, удивляясь, они находят себя в одной вещи, потому что имеют различные эффекты души, и разные импульсы, которые их сдвигают. Так и есть, что к разным болезням нужно применять разные средства восстановления, чтобы маэстро показывал одну вещь для всех, кто учится, не дифференцируя их, где у каждого свои желания, намерения и склонности, отличающиеся силой и ростом, и очевидно, что все ученики не пользуются этим, (если учителя этого не делают, потому что это легкая вещь, которой можно обучить). Правда состоит в том, что они будут знать это, но, делая это как привычку духа, они следуют за температурой тела. Как сказано, дух будет следовать своей естественной привязанности, а не характеру ловки, которую он изучил, потому что учитель не соответствовал его импульсу. И тогда придет мастерство, чтобы препятствовать духу, потому что, доверяя ему в мире, у него не будет некой нерешительности, ставя под сомнение намерение, достигнет ли оно влияния духа или характера ловки, что будет причиной большего страха, который он имел, если бы каждое мгновение он игнорировал умение. Поэтому Цицерон говорит, что учителя должны рассмотреть и с усердием изучить природу учеников, взять их под свое крыло, чтобы направить их и выправить в соответствии с тем, к чему они более склонны, потому что, делая наоборот, вы будете словно разбрасывать пшеницу по земле, что хорошо для оливок. Это как, когда учитель обучает ученика тому, что он знает сам, а не тому, что нужно духу ученика. Люди приходят не для того, чтобы воспользоваться работой, которая нужна для того, чтобы стать фехтовальщиком, как я это испытала на себе. И что я обычно видел это то, что учитель - человек с небольшой силой и мужеством потом начинает учить всех своих учеников не исследовать меч ни свой, ни противника, прежде чем убедить

их использовать ритм и случаи, которые представляются для того, чтобы нанести раны. И наоборот, если учитель будет человеком будет большой силы, тогда он советует, чтобы ученики исследовали меч, всегда старались захватить врага, потому что так лучше парировать и наносить раны со знанием того, что может человек с силой меча. Если ученик левша, некоторые советуют ему носить меч снаружи, другие – внутри, уловки равны для обеих сторон, зная, как их преобразовывать и применять, но болгарские фехтовальщики, как невежественные люди, заимствуют то, что им хорошо, и по этому же правилу они убеждают учеников подражать учителю музыкантов, которые при настройке инструментов натягивают одни струны и ослабляют другие до момента, когда достигнут совершенства в согласованности звуков, которые должен издавать инструмент. Они действуют в соответствии с правилами и пропорциями музыки, потому что, если бы все струны svelись к одной высшей по звучанию точке или другие опустились бы до низшей, то они не смогли бы воспроизвести эту гармонию, которая достигается тем, что каждая струна находится на своем месте. Но самое худшее это то, что они дают ученику две или три свои уловки, вот это фехтование! Учат делать их, поскольку они игнорируют различные остроумные выходы, которые у них есть, и всё остальное, что подходит для того, чтобы не мешать противнику возыметь свой эффект и не изменять вещи, которые они могли сделать другим, поскольку он видит, что не получается так с тем, что он узнал. Он запугивал их разум и не осмеливался предпринять то, что впереди, и почти по ошибке обладал ими. То же самое верно, если вы знаете одну, две или три буквы А.В.С., ученика посылают написать письмо, в котором необходимы все буквы, даже те, которые он не знает. Поэтому целесообразно, чтобы он не играл в начале, если только не с учителем, который учит его, пока он не узнает уловки все до конца и не поймет, что если он ошибается, это потому, что он не знал, как применить эту уловку, а не потому, что он игнорировал то, что было удобно в тот момент времени. И делая так, фехтовальщику это будет легче сделать и за меньшее время.

Говорит Дудемио. Я не отрицаю, что всякая природа ума не нуждается в уловках, что они равны в своем роде и в видах склонностей человека, поэтому в укрощении лошадей мы видим, что они применяют то, что больше подходит к каждой из них в соответствии с их природой, и они учат их идти рысью и биться, но сначала бегать. Напомните мне, что двое мужчин приехали на своих конях, чтобы спросить моего друга, который много знал об этом искусстве, о способах, которые он использует, чтобы не позволить лошади в середине гонки совершить какое-то неосторожное движение, и спросить о защитах, которые используют, чтобы другая лошадь, которая убежала, не сделала ничего другого после того, как услышит своего хозяина, и почувствует связь между поводьями у рта и стремени. Только с этим я держу всех лошадей на своем месте без применения других

мер, потому что только с этим они переступят черту, если их не тормозить. Поэтому я понимаю, что уроки должны преподаваться в соответствии с привязанностями людей и натурой каждого из них, чтобы он выбрал уроки по своей природе и симпатии, а также по тому, что, когда человек сердит на другого, ему нужно использовать разные уроки, когда его злят.

Творит Мелисо. Революция всего, что рассматривалось, заключается в том, что никто не может использовать себе на пользу огни и те же раны.

Творит Филандро. Не будьте настолько неуверенными в том, что в универсальном и конкретном случае они извлекают выгоды из истинных уроков, потому что мы знаем, что используется в дестрезе простолюдинов, если учитель является флегматиком, а тот, кто учится холериком, и учитель учит тому, что он знает, а не то, что ученик будет использовать, или из чего он будет извлекать для себя пользу, даже если то, что он узнаёт – очень хорошо. Вы всё это поймете в вульгарной дисциплине, из основного мастерства которой уже сделаны выводы в первом диалоге. Таким образом, вы бы судили за существование того, кто носил платье, размером портного, а не своего собственного, т.к. тела разные. Не менее доводов и аргументов мы имели бы с точки зрения мастерства, в котором проходит жизнь, потому что природа духа не может быть подчинена точечно искусству, и несмотря на то, что оно сбивается с истинного пути, природа легко возвращает всё на свои места, потому что, если импульс моей привязанности требует самообладания уроков прямых движений, потому что я холерик, и учитель учит меня круговым линиям, а не тому, в чем я нуждаюсь, а слабым и острыми частями отводятся серьезные моменты, и он не воспользуется тем, что знает, ни ученик, чему он научился, и здесь приходит тот, кто хочет только знать много уроков, а не пользоваться ими, а другой человек с малым количеством уроков – много их использует и извлекает пользу, как вы уже очень хорошо говорили при исправлении простых вещей.

Наконец, тот, кто учит, не должен давать тому, кто учится, то, что он знает для себя, а только то, к чему склонен его дух, какие предрасположенности и силы у ученика, чтобы доктрина продолжалась дальше и ее использовали в своих потребностях. Поэтому они должны учиться у своих учителей, как больные с врачами, которые расскажут им всю правду, как исповедники, которые выслушивают души, так и те, кто должен исцелять тело и дух, и по этой причине они должны смотреть на людей, у которых они учатся, потому что привычки учителей основаны на духе, как и учение, и потому это удасть очень плохо.

Творит Мелисо. Но этим причинам я доволен тем, что так много различия, как ты видишь, между душами и телами в человеческом роде, и тем более тем, что можно пугать каждого своим намерением. Поэтому самое я нахожу в дестрезе, потому что, варьируя принципы уроков

и перемещая их из своего собственного предела, они применяются (как вы видели в первом диалоге) для различных целей, даже если они равны духу. Если что-то отсутствует, что вам подходит и что вам кажется, что должно быть, если оно будет отличаться во всем, даже если это будет та же ловка, - она станет такой же, как та, которая может иметь разное качество в зависимости от времени года, хотя в то же время, это будет отличаться от сухого или влажного, холодного или горячего, зрелого или зеленого, увядшего или свежего, в цветке или в листе.

Творит Эудемий. Я не верю, что в принципах ловок есть так много изменений, потому что высказывание это универсальное и не теряется в действии, потому что начинается с более или менее частей движения и немного меняется во время применения, потому что придет позже или быстрее.

Творит Мелисо. Вся дестреза не зависит от двух причин, одна универсальная и необходимая, а другая конкретная и случайная?

Творит Полемарко. Да, потому что необходимая ловка является частью универсальной истины и случайности конкретной.

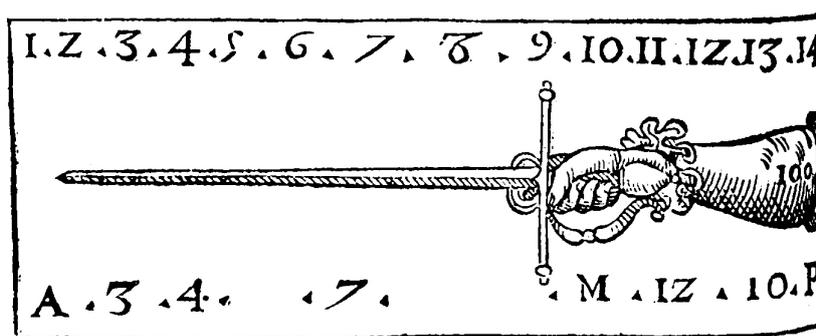
Творит Мелисо. Я ощущаю эффект, который исходит из двух причин, одной необходимой и другой случайной. Искренность заключается в том, что, чтобы быть случайным, я знаю, что это высказывание будет сделано определенной частью фехтовальщиков. Предполагаю, что это правда, но если эта истина основана на поводах, которые противник дает, чтобы это свершилось, когда они не дают этому быть, то это высказывание иногда будет истинным, а иногда нет, но в целом оно перестанет быть.

Творит Филандро. Вы хорошо говорите, если имеете дело с конкретными ловками, но есть такие, которые в силу своей индивидуальной особенности их не понимают, не понимают, что является истинным высказыванием, но имеют то, что удобно для всеобщего использования. Вы уже знаете, что не стоит ждать больше случаев, чтобы выбрать свой способ, просто возьмите и выберите его, не соблюдайте и не уважайте никакие движения или позиции меча, или профили тела, поскольку кинжал не идет, когда ты хочешь только сравнить с ним меч.

Творит Полемарко. Касаясь чего-то теоретического из этого оружия, ты узнаешь некоторую часть тайн, которые так напугали мир, потому что я говорю вам, что только из-за того, что делает кинжал, у меня настоящий навык, потому что тот, кто не восхищается, похож на вульгарного простолоюдина.

Творит Филандро. Это самое сложное из того, что вы меня спрашивали, и требует большего внимания к таким тонким вопросам, как то, что у меня есть, потому что вы понимаете, что это гармония приносит и сопровождает ваши ловки. Вы бы увидели, как она не дает вам меньше испугаться причины, чем эффекта. Я укажу что-то из вашей теории и, чтобы это было вам полезным, знайте, что из всех ловок, которые являются положениями, целесообразно знать

прямые, тупые, острые. Тот, которого больше всего добиваются достичь и улавливают зрением - это прямой угол, и он же более пригодный и соответствующий для всех движений, как круговых, так и прямых, потому что положение, которое выходит из тупого и острого углов, или стоит выше того, что выгодно и целесообразно, или настолько низко, что я должен заменить недостаток места поддержкой размера и концов тела, и из этих двух углов - тот, который более способен преобразоваться в прямой - это тупой угол согласно Эвклиду в двадцатом высказывании третьей книги. Этот меч, который мы называем линией, делает различия в соответствии с фигурой движения, потому что мы следуем от наконечника, который, в качестве самой слабой части, мы обозначаем I, являющейся началом отсчета. Она умножает значение чисел по отношению к центру меча, сила от единицы увеличивается, что передает габариты центру, который является прочным, твердым углом, который образует меч и рука с телом, что заканчивается наибольшим числом. И таким образом, при начале с единицы, с наконечника, который является частью, на которой начинается точка линии, числа умножаются вместе с остальными, пока не остановятся в самой большой точке тела. И также начиная с наибольшего числа мы уменьшаем силу, которую имеет дискретная величина числа и то, что имеет непрерывный меч, до прибытия к единице. И наконечник, который является началом этого количества, не будучи линией, сопровождает всю величину как добавленную единицу к другим числам, хотя это не число, так что часть движения всегда следует за теми, которые должны произойти, когда они сгенерированы, в момент для остальных, которые составляют то время, пока будет показана демонстрация.

Здесь появляется рука, которая является основным центром в устойчивом угле, точка P, и рукоятка, которая является наименее главной центральной точкой M, и самая тонкая часть - это острие меча, точка A. Чтобы найти середину внутри этих двух пропорций силы и слабости мы должны суммировать 10 и 4 и будет 14, а половина из 14 будет 7. Эти семь составляют половину между десятью и четырьмя, и производится пропорциональность двух пропорций, первая из которых составляет от 10 до 7, а вторая - от 7 до 4, потому что десять превышает семь на три, и семь четыре

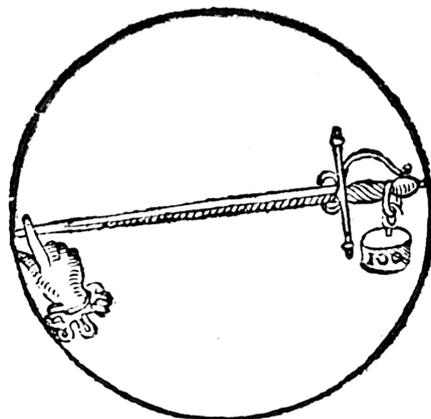
превышает тоже на три. Слабость наконечника меча все равно, что сила центра, которая превышает на три части силы до середины меча, а середина – в других трех частях до самых отдаленных от нее, что оставляет наконечник меча без силы, как единица, которая указывает на значение большего числа и пропорцию, которая составляет двенадцать к трем, что делает и четыре по отношению к единице, поэтому поставьте меч в указанный угол. Часть, которая всегда тонкая и никогда не двигается – это наконечник, и это несмотря на то, что он сдвигает центр, потому что, когда я приближаюсь, он будет сдвигаться ближе. Наконечник меча будет менее слабым, но не сильным, также, как и центр не может изменить свою силу на слабость, потому что две противоположности не сочетаются в субъекте, ни в наконечнике меча, ни в копье никогда не будут найдены одновременно сила и слабость. Таким образом, с устойчивой демонстрацией выясняется, что самая слабая часть меча это наконечник, и мы также знаем, что эта слабость приходит, потому что это часть меча, которая является самой отдаленной от тела, которое является источником силы, которое распространяет силу и крепость во все части и которое хочет силы по природе каждой из частей. Если вы хотите, чтобы демонстрация больше приводила в ужас – для этого и для большего удовлетворения этой доктрине я дам вам такое, что вам определенно понравится.

Творит Эудемио. Я с нетерпением жду, чтобы увидеть это.

Творит Фуландро. Давайте посмотрим у кого будет больше силы по вашему мнению, у пальцев руки, меча или пика.

Творит Эудемио. У меча или пика.

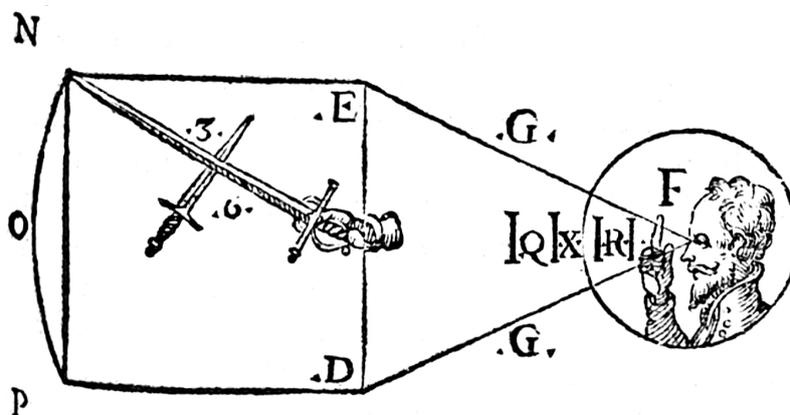
Творит Фуландро. Тогда положите первый из четырех пальцев (который они называют указательным) на кончик меча в месте появления сильного движения, и держите его крепко, чтобы сделать два прямых угла мечом. Я говорю вам часть правды, что, хотя многие соединяют крепкие руки, чтобы вытащить меч там, где находится палец, не вынимая по сторонам, ни снизу, ни сверху, они не будут делать какое-то сильное движение вверх, как вы увидите в этой демонстрации, которая пригодна для сильного и естественного движения.

Творит Эугенио. Несомненно, демонстрация полезная и вам нравится, и, если вы ее не проделаете, я использую ее для небывуцы, как говорят старые люди. Скажите, какова причина, что вы положили палец рядом с мечом, а не на что-то другое.

Творит Филандро. Во всех принципах сильных движений и даже в принципе естественного движения, когда меч образует тупой угол, палец при этом производит тот же эффект, и причина, почему он расположен рядом с мечом, а не далеко впереди, будет видна из демонстрации, на которой всё будет проверено, как и парирование слабой руки сможет противостоять движению сильной руки с другими вещами. Теперь вам остается знать, что этот меч, который прилегает к руке, может так много раз двигаться кругообразно, сколько есть частей, которые может окружать рука различными мышцами и сухожилиями, которые перемещают ее, и среди множества круговых движений только один раз она может двигаться прямо. Я говорю это, потому что выпад шпагой является случайным движением по сравнению с другими, и он всегда несет принцип во всех своих движениях, которые генерируются из частей, которые умножаются одна за другой, пока они не улучшат движение и не сделают действие законченным.

Эти движения слабы во всех своих принципах, потому что это основа, на которой складывается и умножается сила всех других частей, это единственная часть, а одна часть движения не имеет силы сама по себе, которая есть в компании, которую она образует с другими. Тогда следует, что любое движение, которое имеет больше частей, будет сопротивляться тому, у кого их меньше, от самого сильного, более мощного движения до уже непосредственно действия, которое находится в силе, и вы всё равно увидите, что небольшое препятствие мешает визуальным углам (согласно правилу перспективы), если они предотвращают появление. Люди не понимают одну большую вещь, которая показана в этой демонстрации.

Глаз - это точка M, визуальные лучи это точка G, палец - точка F. То, что они должны понять (D и E) это приложить палец к

месту появления визуальных линий с маленьким количеством помех, что картинка того, что стоит сзади, не доходит до глаз, потому что им мешает действие, но, если палец, который раньше был точкой F , отошел к точке R , Q , X , которые немного снаружи, угол свободно рассеивает лучи и не будет частью пальца, так что линии не включают его и квадрат. Точно так же вы поймете, что, если в начале движения вы принесете кинжал, это не будет главной частью, чтобы преодолеть меч, но, если вы отведёте кинжал, чтобы снова сделать движение из некоторых частей и привести это в действие - никакая часть не сможет противостоять кинжалу, как это будет видно на демонстрации квадрата. Есть движение, которое делает меч от точки N до точки P , если кинжал размещен в начале зарождения движения, он не делает какого-то движения, но, если кинжал отодвинется немного, меч пойдет навстречу и оставит кинжал в точке O , и пройдет без каких-либо препятствий от точки N до точки P , так как тогда шесть состоит из трех равных пропорций, как десять из пяти. Теперь вы уже поняли, что фигура и форма вещей являются следствием причины, которая производит их, потому что каждый эффект имитирует свою причину, поскольку каждая тень следует за формой тела, которая ее вызывает, и, таким образом, вы увидите, что как и у Бога не было ни начала, и не будет конца - в формах, которые вышли из его божественных рук вы найдете то же самое, поскольку Он сделал сначала круглые небеса и звезды, и эта же фигура дала все элементы. А мы увидим, что это будет обильно проверено в человеке, в котором мы найдем фигуры, где вся геометрия заключена в главный круг, из которого состоит человеческий организм, потому что руки открыты, ноги отдалены. Если они делают неясные движения, коснитесь кончика на поверхности пальцев ног и рук, которые имеют одинаковое внешнее очертание тела, как есть у головы, глаз и всех остальных частей, поэтому все собственные движения, которые человек делает всем телом или руками, ногами и головой, - это все круговые движения, извлеченные для выпада шпагой, что как сказано - это случайное движение, так что в круговой фигуре не может быть конца или начала, потому что их у нее нет, и никто не найдет их после того, как был создан круг. Теперь, вернувшись в прошлое, по чьей причине эти особенности были объявлены как предпосылка, чтобы заключить, что кинжал всегда рядом с центром, от связи которых приходится такая сила, что в некотором роде можно сказать, что это все центр, хотя в небольшом размере кинжала есть некоторые части более тонкие и слабые, чем другие, а другие более сильные в соответствии с местом положения и соседством, которое у них есть с местом происхождения силы, с величиной которой кинжал образует такой круг, который включается в прямую линию противоположного меча, или который находится в силе или действии и убивает принципы круговых движений, которые можно сделать вместе с выпадом, который хотел бы сделать противник, будучи словно нерешительным

и не имеющим знания о том, что является принципом этого круга, что делает кинжал почти похожим на спираль, не понимая конца, где остановиться, не зная и ему не удастся достать меч или направить его туда, где он может освободиться от указанного круга, потому что, если только в одном круге он не может знать, где начало, где конец, для многих других кругов, которые делает кинжал, когда он входит в тело и направляет движения вперед, - это входит в величину меча, которая становится чем-то вроде круга в линии, и меньше он может освободить меч от кинжала, даже если бы тогда поспешили бы достать его, чтобы понять, что некоторые из них приняли это в качестве своего метода, после того, как они сделали всё, что придумали против кинжала. И то, что вас больше всего восхитит, это то, что эти суждения и высказывания никогда не были неправильными, или шутками. Их испытывали много раз, чем было удобно сгладить грубость неверующих сердец и исцелить души завистливых такими демонстрациями, что, если бы очевидность не мешала им, они бы опубликовали их как выдумки и что-то еще другое, и в конце концов они бы привели в замешательство всех тех, кто покался раньше, что это невозможно принимать это за небывшую больше, чем за правду.

Творит Мелисо. Конечно, вы тоже принесли всё и оставили мне, чтобы я больше знала, сколько частей кинжала может противостоять мечу. Вы начали этот вопрос, который будет не менее остроумным, чем прошлое, для понимания хорошего стиля.

Творит Филандро. Я никогда не обращала внимания на тех, кто использует это во зло, ни на их недоверие, потому что каждый хвалит то, что он понимает, и порицает и хвалит то, чего понять не может, и так как они перестали верить - всё это сказалось на хорошей репутации кинжала, посредством которого можно совершать уловки с мечом разными способами, прежде всего, выбирая свой собственный, который является основой навыка, который иногда выбирается путем размещения кинжала на мече, не применяемого только в середине пропорции, а другие под мечом в том же порядке, а иногда помещая кинжал с обеих сторон, каждый на своем месте и в свое время, выбирая меньшую часть линии между кинжалом и мечом, которая находится между мечом противника и телом того, у кого есть кинжал.

Творит Молемарко. Если мы говорим только о кинжале, по отношению к каким движениям меча он легче возымеет свой эффект?

Творит Мелисо. Против движений выпада лучше сделайте свои уловки, потому что кинжал использует круг, а меч - прямое движение.

Творит Эрдетио. У меня они есть и для более трудного входа с кинжалом, когда противник делает выпад и отходит одновременно.

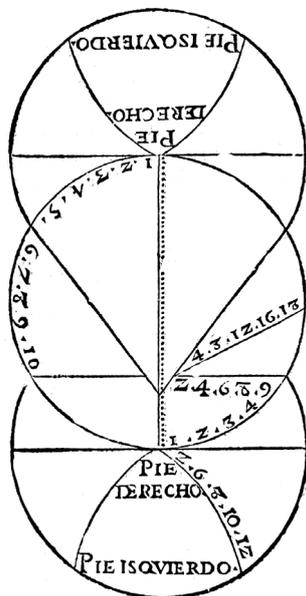
Творит Мелисо. Для меня тяжело поверить в то, что можно сделать с кинжалом против порезов и ударов тыльной стороной руки, потому что это очень яростные движения, а кинжал, имея сильную величину, все же настолько мал, что не сможет противостоять им.

Творит Филандро. Конечно, у вас большие сомнения и простолоюдины, которые желали, чтобы это было неправдой, не придавали этому большого значения, но есть разница, что они сомневались отрицать правду, и вы это знаете. А поскольку мнения простолоюдинов настолько разнообразны, некоторые были невозможны, прежде чем это нельзя было увидеть или испытать. Другие стали больше надеяться после проверок и экспериментов, и когда это было легко сделано против всего, что они думали, те, кто был очень доверчив, стали упорствовать, пререкаться, что является воротами, через которые бегут неверующие. Другие, когда делали выпады шпагой, с ними был кинжал, они казались, что, если бы они были на месте с мечом, не двигая его, они не смогли бы прийти к выпаду, как могли бы. А причина, по которой их преследовали состоит в том, что, подобно движению, которое когда-то было сделано мечом, оно не может перестать существовать или быть до тех пор, пока не закончится, и, выполняя это действие, кажется, что, не оно перестает быть движением на пути, пока не остановится на своем месте. Кинжал будет хорошо и уверенно входить в меч и делать то, что является «эффектом отклонения» и углы, и по этой причине есть некоторые, которые ставят меч в силу и в фигуре острого угла не могут противостоять кинжалу, но, когда с этим предвращением силы это было сделано с помощью того же средства, - для того, чтобы быть выдвинутым универсального кинжала, который против позиций для облегчения положения, они ходили вокруг, говоря, что это невозможно сделать против порезов и зарубок, потому что нет кинжала подходящей величины, чтобы противостоять таким сильным движениям. Но когда это также было сделано без сопротивления, они снова сказали, что если кто-то отступит, сделав удары ножом или выпады, никак нельзя возыметь эффект кинжалом, прежде чем тот, кто с мечом не сможет повредить того, кто с кинжалом, как если бы тот, кто с кинжалом был вынужден делать больше, чем удерживаться от противника или вступать с ним в контакт, если он идет. Это не для того, чтобы смеяться, что наибольшая защита, которую они обнаружили, которая более уверенная - это в мече против кинжала, отдаваясь от меча.

Творит Эудемиио. Вот почему вам будет полезно рассказать нам об этом, чтобы наши сомнения стали меньше, и мы больше доверяли для того, чтобы с теми, кто испугались, мы все слышали и любовались этим.

Творит Филандро. Много из этого - это предметы высказываний касательно кинжала против меча, потому что иногда он вводит знание природы принципов движений, на которые фехтовальщик должен обращать внимание, которые всегда причиняют боль и которые не для раны, а для того, чтобы помочь причинить вред, потому что в дестрезе есть некоторые движения, которые имеют нулевое значение в арифметике, которые не служат больше ни для чего другого, кроме как увеличить ценность движения, которое

достигает их, и от такого образа входа исходит много видов уловок. С кинжалом также можно войти с помощью движений ног, когда тот, у кого меч, совершает круговые движения, потому что движения регулируются вместе с нити и замещаются своей прямоотой или извилистостью по диаметру или степени округлости, которую делает меч при круговом движении так, как видно хорду с дугой в этой универсальной демонстрации движений для всего оружия. Большой круг - это пространство, которое находится между правой ногой противника и моей ногой, а малый круг - есть у правой ноги каждого до левой ноги. Числа означают увеличение величины в мече с движением ног в каждом из них, сгибаясь в соответствии со значением каждого. Кинжал входит в другие разы через круг, который находится между обеими ногами, противоположными порезу, когда приходит естественное движение, и другими, прежде чем сформировать сильную точку. Кинжал может также войти в знание того, что является ближайшим или удаленным центром меча, посредством которого достается сила, которая имеет каждую из этих частей, где можно применять уловки. Руководствуясь навыками этого знания, как мы уже доказали во второй демонстрации, зная, что большая длина у руки с кинжалом, чем у действия первого движения с выпадом. Кинжал дает желаемый результат, размещая прямую линию меча в округлость, образованную кинжалом, и я предупреждаю вас, что, когда это будет сделано, я возьму кинжал, применяемый к своему центру на всем промежутке времени его движения удаленной части центра меча, всегда ставя тело под углом, созданным мечом и телом, конкурируемым с движением спиральной линии, которую делает кинжал, убивая все принципы движений, которые можно сделать, начиная с того, чтобы предотвратить их с самого начала, где зарождается сильное движение меча, которое является тупой кромкой, а затем продолжить движение кинжала, чтобы понять естественность и недостаток, чтобы противник не смог сформировать ни острый, ни прямой угол, ни смешанный, потому что обманы, которые враг может делать с мечом, нужно сразу предотвращать один раз, а не много.

Меч, когда движется прямо в выпаде, наносит раны основной точкой, рану с любых точек, которые есть по всей его длине, хоть он и мал и не нужно указывать в величине какую-либо часть, которая отклоняется, прежде чем любая другая, которая отрагируется по цели, производит тот же эффект во многих точках меча. Вы также можете войти с кинжалом, когда тело расширяется вместе с противоположным движением, теперь они прямые или круговые, и если вдруг меч атакует с одной стороны, чтобы нанести вред другой, то вам нужно преобразовать в окружность то, что делает линия между двумя бойцами без перемещения центра кинжала, потому что, если вы его переместите, это будет лишним и будет нанесен вред, прежде чем этим воспользуются, а также сделать угол с кинжалом на мече в любом месте, а затем направить на него тело (универсальное правило для всех видов оружия). Но, если меч оппонента был вне границ и середины, подходящей для кинжала, и, если вдруг первое движение привело к ране, – вы выставите меч вперед с помощью метательного движения, и после того, как это сделано, это остановит меч с любой тягой, зная силу противоположного движения и силу углов, несколько раз двигая ногами назад, уменьшая движение, циркулярно противоположное виду раны, которую создаст меч.

Творит Молемарко. Если каждый из вас сказал, что это универсальная ловушка, многие из них должны быть конкретными, которые выходят из каждой из ловушек, в соответствии с тем, на что вы нацелились, и это очень хорошо, чтобы любопытный ум обнаружил тайны, с помощью которых они увеличивают измышления и восхищение этими суждениями. Но, так как вы говорили нам в прошлом о том, что касается середины руки и конечностей тела, а также углов и тела, расскажите мне теперь, в чем из этого лучше не делать начальную стойку, что выяснилось в первой демонстрации, если только не сформировать рану или отклонение, и видеть, что называется концами тела.

Творит Мелисо. После сложного доказательства с демонстрацией у меня нет того, что делает тело левой ногой, что так много с его стороны сила снижается до середины и переходит в другую конечность, которой можно нанести лучшие раны и отклонения, чем правой ногой.

Творит Эугемио. А даже при этом большинство вещей упускаются, потому что они не понимают их сущности и ошибаются, они винят тех, у кого их нет. Еще не понятно, что конечность, которая имеет меньше препятствий, чтобы свестись с другой конечностью, является правой ногой. Как вы хотите доказать сейчас обратное, ведь это является описанной частью причины? Я не шокирован тем, что всегда те, кто имеет дело с Эвклидом, в какой-то момент только создают большое знание для того, чтобы быть такими предсказуемыми, что тот, кто их понимает лучше, выходит из этих лучших вещей и чудесным образом применяет их и приходит к пониманию этого.

Человек не всегда натывается на то, где точка приложения, так что это должно быть тем, в чем вы сейчас сомневаетесь.

Творит Мелисо. А даже таким образом мужчины ломают голову, спорят, думая, что они поняли, что слышали или читали, и возможно они упустили что-то и обвиняют тех, у кого этого нет, как ты сейчас делаешь мне, потому что я сомневаюсь не в том, чтобы отрицать то, что вы сказали, не в том, что моя причина менее сильная, чем ваша. За исключением того, что ты отличаешься, я говорю, что, опирая тело на левую ногу, оно естественным образом возвращается в прежнее состояние до середины и до другой конечности, а вы говорите, что находясь на правой ноге, легче перейти к середине и к другой конечности, и что нет необходимости упорствовать в этом, когда у нас есть демонстрация. А, когда он хотел утверждать, что лучшая позиция на левой ноге, то он не наш друг. Настолько ослепало то, что он говорил, что он достиг большего, чем все позиции, которые учат нас демонстрации, что одна и другая это ложь. То, что я сказал, отчасти отличается от того, что вы сказали, но не в целом, и в этом вы увидите, кто лучше понял демонстрацию. Скажите мне сейчас, на какую ногу лучше опирать тело, чтобы лучше сделать отклонение и нанести рану, это первое, в чем я сомневался.

Творит Эрдетио. Я не менее устаю видеть, как они молчали, что Фриандро знал больше, чем мы оба, слушая, как вы долго говорили об одной конечности, что это такое короткое движение, чтобы ответ был такой же целенаправленный, как если бы он заслуживал столь своевременного вопроса, как ваш. Целесообразно знать, как размещались тела в этих профилях, потому что каждый из них защищает или выставляет тело вперед с противоположной конечностью. Если каждый из них защищен одной и той же целью, обе имеют такую же свободу, чтобы уменьшать друг друга. Из последней демонстрации мы обнаружили, что нельзя идти от одной конечности к другой, не проходя через середину, и так говорит Эвклид в пятнадцатом предложении третьей книги. Но, если они оба со своими мечами стоят на своих ногах, вы увидите, как далеко ваше мнение от правды, потому что тело опирается на левую ногу, и после того, как было проведено действие один раз, он больше не может действовать после этого с этой же ноги, и поэтому не может идти дальше, потому что идет к середине. Как вы утверждаете, меч не может быть перед ним, потому что будет мешать, и это препятствие отлично подходит для ударов, которые начинаются с того, что тело касается других. Я это не использую, потому что есть свои ограничения так, как и не могу левой ногой препятствовать мечу противника, пройдя до середины, менее того могу перейти на правую ногу, которая нужна для противника, которая может быть легко сведена к середине и к левой ноге за отсутствием каких-либо препятствий, что предотвращает движение раны, отклонения или парирования.

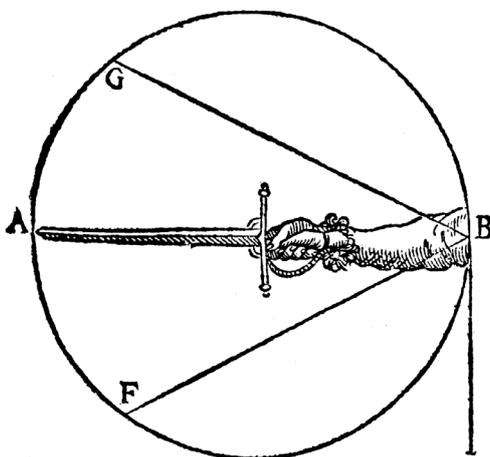
Творит Мелисо. Прочитайте вместе по тому же предложению,

что вы дистанцировались от Эвклида, и вы увидите, какая толпа противоречит вашему мнению.

Творит Эудемий. Я прекрасно видел это противоречие и знаю, что это для другой моей цели, а для вашей цели ничего нет.

Творит Молеарко. Я хотел бы поставить себя в центр, даже если бы мне выделили плохую часть, как тем, кто создает мир.

Мы уже поняли, что конечность легче всего свести к середине, так что профили тела как и углы меча – это конец левой ноги, чтобы тело работало естественным образом; а конец правой ноги сильно в движениях происходит так же, как тупой угол, чтобы естественным образом свестись к прямому углу и быстрее свести его к середине, чем острый угол, потому что тело поднимается до изменения прямого угла, который имеет более легкое воздействие на острый угол, чем на тупой, потому что это естественная работа, а другая – неестественная, как можно увидеть из этой демонстрации.

Прямой угол обозначается линией (точки от А до В) и тупым углом. Линия чуть выше, от точки G до точки В, из которой исходят три угла, которые обычно делает рука с телом. Если мы хотим преобразовать одну из этих крайних точек в другую или свести к середине, более легко это пройдет от точки G до точки А и F, потому что это равносильно естественному движению вниз, точка F поднимается к точке А и G и при замене с точкой А, которая является прямой, она будет быстрее уменьшаться до точки F, чем точка G, по причине того, что это естественная работа (как я уже говорил), а вторая – неестественная.

Творит Фуландро. Очень хорошо разрешена трудность с этой демонстрацией, потому что это естественное действие одной конечности и неестественное другой, особенно то, что действие природы всегда делается в одном виде, и причина, почему разум никогда не обманывает себя в отношении своего объекта это потому, что акт ощущения – это работа природы. И отсюда вы узнаете, что существует различие между естественной работой и случайной, потому что естественное действие всегда осуществляется

одним и тем же способом. Но вы должны понимать, что природа, действующая на один и тот же вид, всегда производит один и тот же эффект и действие, которое иногда, возможно, истинное, а иногда ложное, равно как и крайняя левая нога, когда она хочет использовать силу, даже если это ее естественное движение, потому что, если противник хочет уйти от удара, он не фиксирует, куда может уйти тело, стоя впереди меча оппонента. Он не может переложить силу, которая собрана в левой ноге в правую ногу, с очень большими трудностями он может противостоять удару, не будучи атакованным. И когда он сопротивляется, если он хочет выйти из сопротивления рано, как и в других местах, он никоим образом не может сделать это, без того, чтобы поставить тело позади, чтобы укрепить силой рану или отклонение, потому что сила закончена и не хватает материи, чтобы форма была совершенной. Также, поскольку обратное движение правой ноги не является естественной работой, оно осуществляется по-разному и подходит той же причине, когда находится с силой, направленной вперед. И чего не хватает, так это находится в середине этих двух крайних положений, потому что, как сказано, можно перемещать меч в разные стороны, не делая много движений телом как хотелось бы, чтобы достичь цели и поразить ее. Творит Эудемий. Да, работа природы всегда производится в той же манере, в которой находятся чудеса и монстры, которые выходят из ваших рук в одном и том же виде.

Творит Мелисо. На мой взгляд очень хорошо, что вы сомневаетесь, но, знайте, что природа всегда делает вещи возможными, и это лучше. И в очерчивании контура существа в матке его матери, в форме и самообладании стремиться быть наиболее совершенным, главным образом, в двух вещах, которые целесообразно знать в очерчивании, так как форма преобладает, откуда происходит красота согласно Платону и Платонию, и в том, чтобы сделать человека самым совершенным из животных, за чье дело Аристотель назвал женщин несдержанными мужчинами, которые родились по случаю поколения, потому что природа всегда хотела создать молодого человека и не делает это из-за определенных препятствий, таких как изобилие материи в излишке, или из-за отсутствия материи по мере необходимости (или если вы в чем-то верите астрологам) из-за плохих аспектов высших тел, когда солнце и луна далеки от восхождения, а Сатурн и Марс находятся под углами или в союзе, или оппозиции, или в местах светила, - я не буду придерживаться восходящего солнца, а знаки были тупыми или фантастическими, и Юпитер и Венера находились в углах, или, когда одна из судеб согласна знать Юпитера или Венеру. Я не буду внимательно смотреть на светила, они были плохо заметны. Тогда, природа делает чудовищные вещи, из которых родилась эта старая поговорка. Целесообразно остерегаться тех, кто родился, отмеченный природой, вроде художника, который много учится, чтобы усовершенствовать свою живопись, иногда это относится к его руке, поскольку он не

может изменить штрих, чтобы предупредить тех, кто видит недостаток, что произошла ошибка, которая не может быть изменена. В подтверждение того, что Марсиан говорит о том, кто родился потеченный, ты делаешь великую вещь, если ты хорош, и, чтобы сказать вам правду в соответствии с тем, во что я верю, монстры выходят в мир по божьему разрешению и для целей, которые люди не могут понять, так, что сила не находится в одном из двух крайних положениях тела, хотя движение одной конечности является естественным, и в большем, или меньшем количестве происходят эффекты, иногда их недостаточно, а иногда слишком много, как вы слышите о естественных действиях.

Творит Молемарко. Я не хочу об этом говорить, чтобы не попасть в заблуждение тех, кто говорит то, чего они не знают, и для этого я оставляю вас там, окруженных в судебную систему, и вернусь к реальному навыку. Скажите мне, если оба контура различны, потому что заключение может быть таково, что правая нога может ранить или уклониться, не увеличивая движение в конце, и придать необходимое усилие на конце левой ноги.

Творит Филандро. С учетом того, что было отвечено на прошлые сомнения, сомнение разрешено. Затем Млатон дает позволение сказать дважды то, что необходимо, и я хочу ответить вам снова. Это потому, что на правой и левой конечностях есть середина, через которую вы можете свободно пройти, и можно лучше действовать и запастись силой для движения, потому что, как вы видели в демонстрации, ему не мешает эта часть, так как тот, кто находится на левой ноге, имеет и то, и другое.

Творит Молемарко. Я полностью удовлетворен всем, что касается конечностей в силе и действии, в этом я не сомневаюсь, что затрудняет мне понимание. Я знаю, что обе конечности отдалены от их серединной пропорции. Теперь я хочу, чтобы вы сказали мне, может ли человек сражаться только с двумя или тремя, или четырьмя противниками, и есть ли причина доказать, что я долгое время хочу выбраться из этого сомнения? Просто смеяться и высмеивать тех, кто говорит это, кто добровольно бился с двумя или тремя мужчинами и даже больше, но ни одного не было с такими же взглядами.

Творит Филандро. Как и в течение десятилетия, кто-то отдален от того, что хочет сказать язык, и опыт не может прийти в голову тем, кто сомневается или утверждает, что историки остаются с ними и оставляют в сомнениях враждебность тех, кто их слышит, не определяя доверия для их подтверждений или отрицания. Хорошо, это правда, что есть люди с такими низкими душами, что не так давно некто превзошел их, потому что, как я уже неоднократно видел, некоторые идут на сражения, как на похороны, только чтобы задирать кого-то и убеждать, потому что они не могли внедрить страх в бой с противником, сопровождаемые сначала в одном и в другом, и служить свидетелями, закончившими покаяние, принося тех, кто больше всего читает в следствие их

безства. Древние истории, с которыми они хотят оправдать того, кто убежал и даже убеждают, что для совершенства и укрепления стелости менее не целесообразно бежать, чем ждать своего времени, потому что, когда он выходит из своей точки, это очень быстро делает человека безрассудным или робким, и он никогда не достигнет вершины стелости. И всегда двое или трое из тех, кто приносит эти моральности, бежали, чтобы совершенствовать безство публики, от чего у простолюдина есть основание постоянно работать над чем-либо, и поэтому они ищут и окружают ложь, пока могут малое, или выходят победителями с теми, кто не знает истины. Больше, чем на этот раз, будет ясно, что, когда только один человек сделал это с другим, можно сказать – кто сражается, но, если он делает это с двумя или тремя, мы можем сказать – кто с ним бьется, а он только защищает себя, если может, потому что я не нашел демонстрацию во всем мастерстве, касательно того, как человек может сражаться с двумя оппонентами. Мы уже знаем, что все движения, которые ведут к ране, сделаны вовремя, и каждое движение особенно характерно для меча и разной природы. Если это круговые раны, состоящие из двух движений, одно неестественное, а другое естественное, то мы знаем, что, будучи единственной раной, необходимо обязательно ударить в неопределенное место. Давайте рассмотрим теперь четыре движения, которые составляют четыре раны (говоря о тех, которые причиняют боль). Ясно, что эти раны нанесены в четыре неопределенных места, из которых следует, что нельзя одним движением сопротивляться четырём, даже Теркюлес не мог, потому что он не мог сопротивляться даже против двух.

Творит Мелисо. Менее можно, если соперники отдалены друг от друга, если у них разный рост, величина мечей и, если у них разные наклонности, а также различные пристрастия духа, за счет чего один будет делать зарубки и порезы, а другой – удары тыльной стороны руки, еще другой будет делать выпад, третий остановит меч и набросится на кого-то, если он был холериком, или будет ждать, если он флегматик, сангвиник будет совершать атаку, чтобы сделать ранение, а меланхолик был бы нерешительным: «будет ли это хорошо убить этого человека или нет», и если он будет это делать, то он или ударит ножом, или сделает выпад шпагой.

Творит Полемарко. Конечно, вы правы в том, что при таком разнообразии движений и диспозиций, и при таких разных способах, местах, силах, позициях, крайних углах, желаниях – плохо может один человек с одним движением и только одним способом сопротивляться многим и таким разным.

Творит Фуландро. Конечно, то, что вы сказали со всеми этими трудностями, не оставляя ничего в отношении всеобщего и что осталось неразрешенным, – это вещь невозможная, что некто может сражаться, ожидая, не отступая более, чем от одного, как внимание зрения, чтобы хорошо понять, чтобы твердо стоять на своем месте и быть внимательным к одной точке, для того, чтобы

сделать конкретное действие и закончить делать другое. Так вы поймете, что делают четыре меча с разными ранами, и каждая из них состоит из двух собственных движений, а иногда и случайных в таких разных углах и характерах, фигурах, временах, принципах, знаках и концах, потому что (как вы знаете) разрезанная рана требует другой защиты, чем выпад, когда они были произведены разной движущей силой. Он твердо убеждается в этом, хочет, чтобы оборона была отличной от удара обратной стороной руки, насколько они различны по виду и целям, потому что меч может быть во многих и столь отдаленных местах, что едва ли я пойму угол нанесения удара, в основном двигая различными мышцами руки. Насколько сильно отличаются движения, которые меч может делать, когда находится под прямым углом, тупым или острым, к которым возвращаются все положения. Один человек плохо может ранить многих или защищаться от кого-то, не пытайтесь отступить, как мы уже говорили, будучи на его месте, нет навыков против тех, кто продолжает движения. Наконец, человек, который только идет, не может атаковать, ранить или защитить себя от многих, у него не будет присутствия духа, энергии для поддержания себя и нет ничего, кто был бы так любопытен, кто принял бы за арифметику часы и градусы, что человек может иметь силу и энергию, подходящие для опасности, в которой он оказался, что является самым важным в этой науке, и что лучше всего это сохранить.

Творит Мелетарко. Тогда присутствие духа, силы и энергии в дестрезе это то, что лучше сохранить для совершенства своих высказываний. Скажите мне, как это можно сохранить, потому что вы испытали на самом деле, что это то, что его изменяет, чтобы человек мог бежать от одного и использовать то, что его больше оберегает.

Творит Мелусо. Меня предупредили, что вы сдержаны в трудном сомнении, чтобы разрешить этот вопрос, и по правде говоря, вы правы, давая такой хороший повод для науки об оружии, потому что, не зная, как его сохранить, это всегда будет являться причиной очень большого вреда и опасности, и даже будет мешать человеку, который не может защититься в середине самой большой потребности.

Творит Эудемисо. Каждый день мы видим по опыту, что те, кто сражаются, и даже те, кто фехтуют с настешкой, не понимают эту доктрину, которую теперь вы хотите победать нам, они идут так обескураженно, без бодрости духа и делают организм таким образом непригодным, нанося удары, которые целесообразны для их защиты, некоторые начнут совершать удары с небольшой силой и неупорядоченно, и, конечно, они не могут ни воспользоваться этим, ни атаковать противника. Я очень восхищаюсь вашей целью, желая, чтобы она была под опекой духа, как будто это было в нашей воле, сохранить это или потерять, потому что согласно тому, во что я верю, – никто никогда это не терял, если он не в состоянии был сделать что-то еще, если только не хотел перевести дух. Или

это не находится в нашей воле, как, например, нанося удары ножом или прекращая удары, что явно кажется ложным, потому мы можем совершать движение мечом, а можем и нет, в соответствии с возможностями, предлагаемые гестрезой. Что совершенно не так при дыхании, потому что оно увеличивается или уменьшается без того, чтобы человек применял какую-либо часть своей воли в действии, потому что, естественно, он продолжает свой курс, спеша или останавливаясь в соответствии с необходимостью, которая есть от готовности или задержки.

Творит Молеарко. Это было хорошо, если дыхание не изменило его движения в соответствии с качеством движений, которые делает тело или в соответствии с смещением с его природного курса, с которым мы живем естественно.

Творит Мелисо. Истина заключается в том, что у нас есть жизнь, потому что мы дышим и что находим благодаря опыту. Жизнь эта изменяется в соответствии с потребностью в воздухе, который нагревает естественное тепло, который находится внутри нас вместе с влажной основой.

Творит Эугенио. В соответствии с этим существует различие между естественным теплом и влажной основой.

Творит Мелисо. Разница в том, что естественное тепло включает в себя дух, кровь и влажную составляющую конечностей, которую они называют влажной основой или влажным радикалом. Удобно говорить «влажный», потому что это влажное, мягкое и нежное вещество, «основа» или «радикал», потому что оно приносит начало первого корня и происхождение нашего поколения, и поэтому у детей, у которых много влажной основы, есть кости, сухожилия, вены и очень мягкие артерии, как будто из воска, который расходуется эпохами, так как в старости кости нуждаются в смазке, потому что, будучи сухими, они могут легко сломаться, что мы видим у стариков, у которых кости из золы и пепла. Все влажные радикалы это естественное тепло, но не всё естественное тепло это влажные радикалы, потому что все духи и кровь являются естественным теплом и не являются влажными радикалами.

Творит Молеарко. Я думаю это хорошо то, что вы сказали, но я не понимаю этого различия, я хочу знать, каково надлежащее место этого природного тепла, которое находится в крови и душе?

Творит Мелисо. Есть обычное место и свое место, обычное место – это всё человеческое тело, а свое место – это сердце.

Творит Эугенио. Тогда, если всё человеческое тело – это место, откуда мы приходим к пониманию сердца только со многими движениями меча, больше, чем другие части тела, это тогда причина, почему движение является причиной тепла?

Творит Мелисо. Вы затрагиваете такие сложные вещи, что я не знаю, как мы выберемся из них, увидев опасность, с которой мы убежим от самых простых вещей. Из-за этого мой плохой совет будет своевременным, оставьте их, чтобы врачи-медики с легкостью

справились, что обещает нам их эрудация. Истина заключается в том, что я не сомневаюсь, что они дышат или не зависят от нас (согласно тому, что говорит Тален), и вы будете дальше видеть впереди. И даже если это так, это не должно быть так легко, как наносить удары ножом или позволить им наносить, потому что, конечно, тогдашние произвольными движениями один человек может находиться намного легче, чем другой, и потому, что у вас не так много сомнений знать, что добровольные дела служат некоторым потребностям нашего тела, таким, как дыхание, которое служит для увлажнения и чистки нашего естественного тепла и работы кашля, которая служит для изгнания всяких ненужностей из груди. Есть другие, которые являются добровольными всего, что не удовлетворяет потребности нашего тела и его достоинств, таких как выход на улицу и приход с площади, и по этой причине эти вторые легче предотвращать, потому что нет необходимости подстрекать нас или, а только хотеть делать их или не делать, а в других – побуждать к ним чувства и раздражение, которые, кажется, не выполняют их, потому что человек мог остановить дыхание на долго, если пришло время, чтобы утереть, а также прекратить кашлять из-за болей, которые нанесли ему ненужности и излишки, которые должны были быть изгнаны с кашлем, но было много трудностей, не менее, чем страдание от этой серьезной боли или смерти.

Творит Эудемий. Я не могу понять, дышит ли он или не в нашей воле соглашаться с тем, что природа настолько гужелюбна, чтобы сохранить вашу индивидуальность. Я понимаю, что даже, если вы хотите прекратить дышать, вы утомяете свою грудь до такой степени, что в точке прекращения действия, воздух выйдет наружу, а работа и усталость принесут с собой стремление к новому, чтобы насытиться новыми вздохами при увеличении естественного тепла, которое вы найдете более ясным в кашле, чем если бы вы когда-либо были скрыты в части, где разнообразные хорошие используемые вещи отмирают раньше, чем можно это почувствовать. И для некоторого случая, когда есть избытки и ненужности в груди (хотя у вас нет желания), если вы сильно надавите, то не прекратите кашлять. В соответствии с этим, не в нашей воле ни дышать, ни кашлять, как ясно видно у тех, кто плавает и спорит, кто остановит на больше дыхание под водой. Мы пойдем, почему некоторые не хотят останавливать дыхание на больше, чем другие, и прежде чем потерять много – природа не страдает, и когда он перестает дышать, пока не упрет, – я говорю, что дьявол не делает в этом никаких действий, потому что он не перестает играть свою роль в тех, кто притворяется и симулирует, чтобы дать понять, что они чувствуют вещи больше, чем это правильно.

Творит Молатарко. В вашем выступлении нет ничего другого, кроме как прикоснуться к чему-то на инструментах, которые помогают при дыхании, со всем остальным ты согласен.

Творит Эудемий. Хотя ваши драгоценности будут проданы, я не

перестану указывать на то, что знаю об этом, чтобы вы поняли, что я не говорил случайно и не слушал, потому что инструменты дыхания – это восемь мышц груди, которыми объединяются брюшная полость, чтобы помочь своей части, и таким образом сжимают первую пару нижней части груди, а вторую вместе с третьими мышцами, тянущими ребра вверх, плотно закрывая грудь, четвертые немого сжимают всё это, но без этих мускулов они также помогают дышать свободно за счет тех мышц, которые двигают позвоночник, вместе с теми, которые двигают руки, хотя и мало, за исключением случаев большой необходимости, и только через диафрагму берется необходимый для жизни воздух, и, поворачивая грудную клетку на свое место, воздух выбрасывается, что он легко делает и сам по себе, когда ослабляется диафрагма, потому что тяжелая, но если воздух лежит в основе любой конкретной потребности, чтобы сердце было горячим или по какой-то другой причине, то мышцы помогают от руки к руке, в зависимости от того, что еще нужно, – это причина, почему мы дышим, откуда вы можете сделать вывод, находятся ли они в нашей воле или нет, но не знаю точно, что руководит дыханием, естественно или неестественно это происходит во сне.

Творит Мелисо. Вы уже знаете, что природа дала нам сон для двух целей: первая это для внешних инструментов, которые нужно успокоить, и потому, что это возвращает духов, которые выполняли свои работы, потому что, возможно, с постоянной отдышкой они не восстают и не потребляют. А вторая цель – чтобы иметь возможность использовать природу духов и естественное тепло в пищеварении, что, делая это иначе, это вызывает сон посредством его паров, отступающих от внешних чувств движений, притягивающих духов к внутренней части тела, чтобы захватить их все вместе в питании и восстановлении животного, и то же самое можно понять, когда понимание начинает находить в этом убежище, что является правителем всех чувств и добровольных движений человека. А, чтобы сделать это дело лучше, он хочет, чтобы сила выходила изнутри тела до внешних частей, где находятся инструменты, которые делают такие работы, чтобы лучше достичь объектов, которые снаружи и приходят отсюда. Хотя человек, когда думает о чем-то, может видеть и слышать без каких-либо препятствий, и не имея больше намерения, когда понимание отводится внутрь от него из каждой точки, чтобы эффективно созерцать. Он убегает от внешних частей, отказываясь от чувства и движения, потому что оно уходит с большей частью силы и духов в этих раздумьях, не оставляя в теле другой способности, чем эта, без которой нельзя было бы поддерживать жизнь. Целесообразно знать основную, жизненную часть непрерывного движения сердца и артерий, чтобы привлечь извне свежий воздух и ввести его внутрь, оставляя лишь с небольшим количеством питательной силы, потому что в мышлении большая часть этого затруднена. А так же, как во сне, питательная сила делает тебя сильным, она препятствует и

занимает мысль, нарушающую фантазии с ростом головокружения и испарений в мозгу, которые вызывают различные и неупорядоченные мечты.

Творит Эугенио. Хорошо, что вы коснулись трудов внутреннего и внешнего намерения, хотя это больше касается действий чувств и питательной силы.

Творит Мелисо. Я сказала это, потому что вы видите, что кажется, есть много вещей, которые совершаются без желания и намерения, которые не могут быть сделаны без инструментов добровольного движения, например, когда вы спите, вы переходите из одной части в другую, не забывая просыпаться, если вас окружили. И это должно быть, потому что, хотя все они подчинены воле, они должны быть более свободными, чем другие, и когда основные из них прекращаются, менее важные из них работают, как вы увидите в нервах, которые полезны чувствам и тем, которые используются при движении.

Творит Полемарко. Мы видим, что не все нервы имеют одно и то же качество, хотя они полезны в разных местах. Как вы делаете это разделение?

Творит Мелисо. Движение и чувство – это разные действия и рождаются из разных способностей и способностей разных температур, как вы увидите в нервах, которые не все едины и не используют те же действия, потому что они тверже или мягче в нас, в зависимости от того, короче они или длиннее, и именно поэтому нервы, которые идут к глазам, ушам, челюстям и к носу – более мягкие, хотя из тех, кто совершает обходные пути и сворачивают с пути, становятся тверже, поскольку место, где они проходят, более сухое, которое не лишено тайны, потому что, как пять внешних чувств нужны, посредством которых мы видим, слышим, слышим запах, осязаем и чувствуем, то и им нужен инструмент, который обычно сворачивает с пути, чтобы получить эти способности, и чтобы лучи и разновидности, которые постоянно выходили из вещей, изменялись или легче перемещались. Если бы эти нервы были твердыми, они не могли бы хорошо выполнять свою работу, как и те, которые полезны движению, не нарушая каждый момент, чтобы перемещать все наше тело. Откуда берется то, что от нервов некоторые приносят пользу чувству, а другие движению. Они полезны для чувства нервов, которые идут к глазам, ушам, носу, губам, челюстям, к ладоням рук, которые чуть более теплые, чем любая другая часть тела, согласно Галену. Наконец, ты чувствуешь благодаря тем нервам, которые проходят через всю кожу, но все другие нервы полезны для движения. И не для этого вы должны понимать, что нервы, которые служат этому движению, лишены смысла, так как некоторые люди считали, что они обмануты, когда видели, что это случается много раз, чтобы потерять смысл и освободить движение и, наоборот, потерять движение и освободиться от смысла. И причина, почему какая-то часть теряет только смысл, потому что ветви нервов, которые смыкаются на коже, возможно, были слабее тех, которые

были больше обращены к мышцам, когда только движение, что происходит с противником.

Творит Эудемио. Почему нервы, которые идут на коже, не двигаются как те, которые идут к мышцам?

Творит Мелисо. Именно в этом и заключается причина, по которой я поднял этот вопрос, и именно таким образом (так что мы заключаем и продвигается вперед, чтобы закончить то, что начали) одна способность заставляет нас видеть, слышать, пробовать теми же нервами, и каждое из этих действий выполняется в определенном месте нашего тела, которое является собственным органом, а не в каком-либо другом месте. Таким образом, ни больше, ни меньше через нервы, которые идут к мускулам, которые мы двигаем, мы чувствуем себя посредством тех, которые идут к коже, желудку и ко всем другим частям тела, которые имеют свое расположение и способность воспринимать смысл. Думаю, я удовлетворил вас по этой части. Скажите мне теперь причину, почему природе нужно больше дышать, чтобы обогреться, что в других случаях происходит за счет слез.

Творит Филандро. Чтобы ответить на это, мы должны сначала обратить внимание на то, что естественное тепло имеет два движения, одно по направлению к материи, где они находятся, и другое по направлению к сферическому сходству с игрой в шары, когда мы бросаем рукой мяч в стену, и от стены он потом обратно летит в руку, что, ошибаясь от руки он сейчас летит или от стены. Закачивается всё одинаково, - что это естественное тепло, что если они предотвращают одно из двух движений, если теряют обоих - это заканчивает и уничтожает естественное тепло, что не понятно в огне чистого элемента, которое мы используем между собой, которое вы увидите более ясно в огне, которое находится в свече, имея два движения: одно по направлению к фитилю свечи, и другое - к его центру. А вы увидите, что когда мы ставим его на солнце, огонь уменьшается и часто гаснет, потому что, когда солнце притягивает и уменьшает часть огня, и препятствует тому, чтобы он не совершал движение к фитилю свечи, и ему не хватает холода воздуха, чтобы все действие его естественного движения могло полностью противостоять ему, или притягивает его, если это тепло солнца, и, кажется наоборот, гаснет, когда мы имеем дело со свечой где-то в просторном месте, без того, насколько оно превышает количество холода, которое необходимо огню для его сохранения в той части, где он заставляет его терять движение по направлению к сфере, и также потухнет с избыточным теплом солнца, которое приводило его к фитилю. Но собственному пути тепло, которое находится в нашем теле, движется по кругу теми же движениями. Целесообразно знать, что одно идет от сердца к коже, то есть движение к сфере, а другое - к сердцу, которое является источником, где находится естественное тепло.

Творит Эудемио. Мы увидим, как естественное сердце погибает от

человека?

Творит Филандро. Оно приходит, чтобы погибнуть из-за отсутствия холода воздуха, который с его умеренной сдержанностью имеет это в пропорции.

Творит Мелемарко. Воздух не влажный и теплый, поскольку вы придаете ему новое качество, не повредив его форму?

Творит Филандро. Знайте, что он приносит в воздух холодность, из-за соседства, которое у него есть с землей и водой, и с этой случайной холодностью он испытывает естественное тепло через дыхание, с которым духи увеличиваются, выкованные в сердце кровью, что вена идет в его правое ухо, которая сочится по стене. Они выступают в роли перегородки в середине сердца, пока не сведутся к левому уху, где со знанием тепла сердца и входа воздуха создаются жизненно важные духи (которые так называются, потому что они дают жизнь), которые распространяются через вены и артерии, которые являются их органом.

Творит Мелемарко. Животная сила также работает с тем же действием жизненно важных духов.

Творит Филандро. Нет, потому что, хотя животная сила действует с помощью духов и воздуха, она отличается от жизненной силы происхождением и знатностью, потому что жизненно важные духи исходят из сердца для всего тела, а животные духи имеют свое происхождение в мозгу, где они пользуются своим дыханием, и, когда жизненно важные духи поднимаются через артерии к мозгу, будучи настолько деликатной субстанцией, они служат в качестве материала для животных духов, в которых сила распространяется по всему телу. И переплетаясь друг с другом, делают замечательные эффекты, которые вы можете увидеть, поскольку весь человек движется за счет суставов, вокруг которых вращаются части, и это поднимает пары, которые заняли тепло. Время, затрачиваемое на изгнание их, теряет воздух, чтобы войти в тело и из-за отсутствия непрерывного удовольствия остается с его холодностью, разжигает сердце и делает дыхание быстрее, чем было, чтобы заполнить с его частотой время, которое было потеряно в вытесняющих парах, которое вызывает движение.

Творит Эудемиио. Почему, если каждая вещь лучше сохранится с ей подобной и испортится от противоположной ей, вы говорите, что естественное тепло лучше сохранится с холодом, который приносит воздух, чем с его теплом, сказав раньше обратное?

Творит Филандро. Сохраните естественное тепло в холодном состоянии, потому что оно настолько мало, что служит только для того, чтобы остановить его при удобном случае, с таким весом и размером, что по его недостатку оно не будет потребляться, или его избыток настолько мал, что его можно погасить, а отсюда вы будете знать, насколько важны дыхание и пульс для нашей жизни.

Творит Эудемиио. Конечно, кажется, что вы поняли мое желание, в соответствии с которым вы меня просвещаете о том, о чем я не

мог спросить у вас, поэтому движается вперед и полностью говорим о том, что касается дыхания и пульса, и функции которая есть у каждого, и полезность, которую они приносят в организм с их частотой и как удобно использовать их для назначения оружия, потому что вы сделали его дорогим для чего-то столь важного, для его совершенства.

Творит Филандро. Импульс и дыхание были самым необходимым для человека, это как «пища», потому что если без еды и питья мы провели много дней, то без пульса мы не можем жить, потому что эта «пища» служит главным образом для поддержания тела, и восстанавливает вещество, которое обязательно тратится на работы естественного тепла, а пульс и дыхание служат для сохранения умеренности тепла и самой чистой и деликатной субстанции жизненных духов и животных, которые непорочны и чисты. Он может дышать и подавлять дыхание с гораздо большей легкостью и готовностью, также, как и пламя свечи, – для того, чтобы сохраниться, должно быть близко к воску, из которого оно потребляется, ни больше, ни меньше нашего природного тепла и духов, если им не хватает воздуха, который они получают с помощью пульса и дыхания (которые не только поддерживают, но и стягивают и очищают), тогда они потребляются.

Творит Полемарко. Тогда, если одна и та же вещь годится и пульсу, и дыханию, кажется, что пульс должен быть достаточно без дыхания, или дыхание без пульса, потому что природа всегда имеет лучшее понимание в своих работах, и, кроме того, это делается с двумя вещами, но можно сделать только с одной.

Творит Филандро. Вы говорите очень хорошо, если обе работы полезны основному намерению в одной и той же части, как они полезны и жестокому и естественному движению теча для своей собственной цели, хотя это не то, с чем мы имеем дело, потому что, как говорит Тален, служба, которую оказывает дыхание сердцу, это то же самое, что и пульс для других органов, и эту пользу получает сердце с тем, что другие органы с другим.

Творит Эудемио. Объясните тогда, какие пользы вы цените, и порядок, который есть у сердца и органов, чтобы использовать их.

Творит Филандро. Пользы, которые получает сердце и другие органы, соответствуют потребностям, которые они имеют, потому что это всегда как некое лекарство, которому необходимо способствовать.

Творит Мелисо. В наше время не так много используется милосердия и ясности, как было изначально от природы, потому что они не проявляют милость, кроме как к самым богатым, помогая тем, кто наименее нуждается, потому что с ними у них нет конкуренции, что хорошо, в отличие от философа, который хотел всего самого хорошего своим врагам, кроме силы и смелости, потому что всё хорошее какое-то время было в распоряжении у сильных, а не тех, кто владеет этим, которые по своей трусости не могли это удержать. Но теперь они хотят, чтобы сила и смелость была во врагах, чтобы

остаться с богатством, трусостью и мерзостью.

Творит Эудемио. Я не нахожу в этом никакой новизны, потому что знаю, что это использовалось много во все времена и даже в вашем магазине, - озорчился Маршиал, когда сказал это. Никто не дает прекрасное сокровище богатым, но все будут страдать от добрых намерений, если бы богачи так не развлекались, чтобы видеть нуждающихся людей, только чтобы они нуждались в них, чтобы, если бы они восстановили свои силы, половина из них была бы плоха. Но это больше для того, чтобы иметь возможность использовать со свободой свою силу и жестокость с нуждающимися бедными, чтобы избавить их от трудностей и страданий и более верных нуждающихся в добродетели. Он вполне может оплакивать себя и жить на похоронах, которые в том же случае должны хоронить его, прежде чем не закончатся двадцать четыре часа закона.

Творит Мелемарко. Много дней хранилось немного силы, и как некоторые идут тиранизировать награду с высокомерием, а другие не допускают ее с завистью, также препятствуют на пути (как говорит Мелемарко), которые не достигают эффективности, и поскольку они покинули французское поле, порочные должны возникнуть с честью, потому что им кажется, что для добродетельных достаточно, чтобы они поняли, что это без необходимости почитать и уважать это или использовать, прежде чем некоторые рассматривают это как вашего столичного врага из-за неравенства, которое они находят между своими обычаями и обычаями других, и видят, что они не могут имитировать их, потому что они упрямы во зле, они пытаются лишиться их этого, чтобы они всегда нуждались в возможности. И то, что я нахожу еще хуже (и заслуживаю испытывать больше), заключается в том, что они покрывают недостатки порочных людей, потому что они, их сверстники, не выговаривают их, и приписывают недостатки тем, у кого их нет, если это не идет на пользу без причины, или они перестали восхвалять пороки, крестив его именем добродетели, последствиями лести.

Творит Мелисо. Разумеется, вы напомнили мне, что я много раз желаю достоинства и чести поэту Филоложению, потому что Дионисио Тиран преподает ему стихи об одной из трагедии, чтобы их можно было восхвалять и одобрять, и спросил его, что он думает о них, он ответил, что они были очень плохи, и Тиран сердито приказал его бросить в карьер, чтобы там он очистился от своей дерзости (место, конечно, недостойное такого истинного человека). Через несколько дней он убедил своих грузей с молитвами, которые вышли, и вы снова услышали стихи, считая, что со временем и с досадным тюремным заключением вам будет предоставлена свобода правде, и в конце концов это случилось, и когда поэт услышал, как Дионисий читает свои стихи, не улутив их, он очень рассердился и спросил Тирана, почему это произошло. Он ответил, я делаю это, потому что мне лучше закончить свою жизнь в тюрьме, чем слышать или хвалить ваши стихи, не заслуживающих этого. И таким образом,

возвеличивая Цицерона до этого поэта, он говорит о великих вещах своего духа и одобряет свою свободу, потому что он, по крайней мере, считал, что умирает как раб в карьере, которая льстила тирану как льстецу и потому, это такая старая ссора, и конечно это было, – давайте не будем тратить на это время, поэтому мы заканчиваем с этим, начиная с пульса и дыхания, где сохраняется так много милосердия.

Творит Филандро. Смотря на то, что я уже был с этим знаком и все было предложено очень хорошо, я с удовольствием к этому вернусь, чтобы дать то, что вы просите. Знайте, что это как пища, которая необходима для поддержания конечностей и грубых частей тела, природа помогает в этой нужде, с которой желудок ощущал голод и жажду, чего ни один из грубых нуждающихся членов не чувствовал, и удовлетворял потребности грубых нуждающихся, чтобы исключить бесполезность этой пищи, а также духи (тонкая часть и удобный инструмент души), который проходит через наше тело, блуждая в основном через сердце и артерии, которые рождаются от него. Другие участники сбиты с ног, им нужна очень деликатная пища, равно как и воздух, которым мы дышим и притягиваем импульсами к нашему телу, а также нагревает и охлаждает тепло, которое они постоянно потребляют, и изгоняют дымящие излишки и очень деликатные вещи, что является следствием заедания пищи, поэтому при вопросе пищи духов следует учитывать значимость, Поэтому нам дали дыхание, чтобы нести его непрерывно к сердцу, и дали пульс, чтобы передавать его другим членам, так что при частом предостережении значимости того же воздуха была восстановлена значимость духов и с их холодностью нагревается тепло.

Творит Молемарко. Из этого следует, что к трем потребностям вам нужно еще три помощи, которые полезно знать. Что касается духов со значимостью воздуха, из которого они восстанавливают силы, и чрезмерного тепла с холодностью самого воздуха, и скопления дыма с их испусканием, – я не могу понять, как помощь отвечает потребностям, как величина огня способствует величине грубых, потому что, если мне нужно, чтобы меч опустился сверху, не поэтому он опустится быстрее, если бы мне не нужно было нанести рану, потому что, поскольку это движение создано из частей, которые должны быть продолжены и это нужно сделать вовремя. И в моем случае это не может быть сделано в одно мгновение, не нужно торопиться больше, чем возможно, ни тем более потому, что я голоден. Огонь будет варить быстрее пищу, потому что это естественная действующая сила, у которой своя функция в таком ограниченном случае, что ни необходимость, ни отсутствие этого не может свести это с уже намеченного курса, поторопив или прекратив раньше, чем то, что бы произошло естественным способом. Скажите мне теперь, какая главная привилегия этого, что вы даете движениям пульса и дыхания, потому что вы говорите, что они ограничивают свои функции в соответствии с потребностями, таким образом,

когда есть большая потребность, их работа понимается больше, а когда меньше, - то уменьшается до середины, чего не хватало движению меча, потому что потом вся сила находится в ударе, хотя нет необходимости в такой силе, чтобы нанести эту рану, которой нужно противостоять, ни в слабости, которую нужно укрепить, ни невозможно удалить ее из того места, где она когда-то была, особенно если она уже в действии.

Творит Филандро. Вы очень хорошо говорите, и это сомнение достойно ваших способностям, и много раз я видел, что те, которые именно такие, приносят хороший ответ, хочет ли Бог, чтобы это было тем, что я даю? Хотя в отношении дыхания легче разрешить вопрос, потому что оно не делается ограниченной природной силой, как опускание камня и горение огня. Я не использую естественное движение меча, потому что, несмотря на то, что он опускается к его центру, он имеет большее значение из-за увеличения или уменьшения силы тела, которая ускоряет его или останавливает, в зависимости от количества духов, которые помогли движению, которые делают это медленно или легко в соответствии с тем местом, где он начал больше всего дышать, чтобы сделать это по свободной воле. Он согласен знать волю, которая является хозяйкой и эффективной причиной всех свободных движений, и поэтому мы можем дышать и не дышать, когда хотим, что подтверждает и разъясняет историю, которую Тален рассказывает о варварском рабе, который хочет своей смертью спасти пленных, прислонившись к стене, добровольно прекратив дыхание, пока не умрет. И поскольку это желание свободное - это то, что делает дыхание затрудненным. Неудивительно, что тот, у кого есть лихорадка и кто очень устал, и распалил некоторые упражнения или усталость, которые приносят действие многих движений тела и меча, - в нападении и обороне, он торопливо дышит всё более и более часто, потому что, будучи свободным, с его свободой увеличивается и его работа, чтобы потерять наибольшее тепло, и наоборот, когда тело находится вбок или оно проходит через холодные места, где много снега, где с очень небольшим количеством воздуха освежается и нагревается естественное тепло, - затем использует очень маленькие, медленные несчастные вдохи.

Творит Мелисо. Мы также видим, что воля является свободной действующей силой и перемещает меч через свои инструменты. Почему она не будет иметь своих движений, чтобы разместить силу в человеке таким образом, чтобы ее не было ни больше, ни меньше, чем нужно? И именно так вы утверждаете в дыхании, говорите о пульсе, движение которого не подчиняется воле, как присутствие духа и меч. Но этого кажется, что движение импульса является просто естественным, потому что, даже если я хочу поторопить его или остановить, оно никогда не будет ни медленнее, ни быстрее, как мы можем очень хорошо сделать с движениями меча, потому что, когда мы хотим быстро наступить с мечом, мы убираем ненужные части

и остается короткое движение, а когда что-то затягивается, мы удлиняем, пока нам не кажется, что противник сделал всё возможное со своей стороны.

Творит Филандро. Большая трудность заключается в том, что вы запрашиваете то, что не может быть удовлетворено такими очевидными ответами на эти доводы, как переживание вещей на собственном опыте, которые происходят в нашем теле, из которых будет создана новая доктрина, которая должна быть понятна настолько верно, как ощущения опыта, которые вас представляют.

Творит Мелисо. В чем заключается эта трудность, которая предлагается для понимания, которая породит новый свет. И это не понижается слабыми причинами, как старается вульгарный фехтовальщик, а благодаря ясному опыту, чувству, которое нельзя отрицать, но в которое можно легко поверить.

Творит Филандро. Трудность, которую вы затронули, и сначала Аристотель сказал в своих работах, что естественные вещи не получают по привычке ни более или менее, прежде чем они ограничены в своих функциях, потому что, если вы хотите привыкнуть бросать камень много раз вверх, вы никогда не познаете его, также и с течем, даже если вы очень привыкли идти с ним по своему пути, - не из-за этого вы постигните его, чтобы без помощи тела вы могли сделать это сами по себе, ни потому, что вы бросаете камень много раз вниз, зная, как опустить быстрее по природе своей, потому что у нее есть действие, столь ограниченное ее способностью, что она всегда делает всё, что может, и никогда не может сделать меньше, чем делает.

Творит Полемарко. Какой опыт вы обнаружите против того, что вы сказали о камне и нашла в тече. И находку в огне, что он не поднимается и не нагревается ни больше, ни меньше, чем может, ни реагирует на свою природу, ни вода не стачивает, не охлаждает больше, чем может, ни мы не находим вещей, которые не имеют понимания и воли, которые не ограничены подобным образом в их деятельности.

Творит Филандро. Если бы вы хорошо смотрели, что происходит внутри нас так обычно, у вас не было бы столько сомнений, вы бы не желали так страстно, чтобы угадать, что вы ищете. Вы видите каждый час, что, если человек привык обедать восемь или десять дней, а потом забросил это дело, то аппетит будет все равно пробуждаться в одно и то же время, но если вы будете и в течение последующих нескольких дней не обедать как привыкли раньше, у вас пропадет желание, и вы увидите много тощих желудок у сеньоров, привыкших есть больше, чем необходимо, которые отличаются по качеству пищи, которую могут переваривать другие более сильные желудки простых людей, но меньше привыкая к еде, а больше, чтобы поститься за тысячу недостатков, которые есть в возможности совершения. Вы также увидите других, у которых в назначенное время выводятся ненужности из брюшной полости, у некоторых с утра,

у других во второй половине дня в соответствии с ограничениями, установленными их привычкой, которую, если они захотят изменить, - в начале будет трудно, а затем очень легко передвинуть привычку на другое время, которое легче будет соблюдать при замене мешающих движений меча, которые сначала легко предотвратить, как вы видите в демонстрации, которая с трудом выполняется после первого порыва и потому, все эти движения естественные, я не вижу в них определенных пределов.

Творит Полемарко. Через трудности вы предупреждали меня об опыте, я вижу доктрину, которая будет результатом понимания, я очень этого желаю.

Творит Филандро. Этот опыт заставляет нас совершенствовать доктрину, поскольку некоторые из этих опытов сделаны по собственному желанию, которые свободны от всего, некоторые естественные, некоторые ограниченные, первыми являются труды желания, такие как бег, двигать меч, и действия чувств - дышать, а вторыми - работы неодушевленных элементов и тел, например, опускать камень или поднимать, а также когда горит огонь быстрее или больше, в зависимости от того, что уместно. Но есть и другие функции и действия, природа которых является промежуточной между тем, что ни одни из них не свободны, как первые, ни также точно ограничены, как вторые, - это работы овощей, потому что, будучи притягательным желанием завода вырастить эти овощи, когда они засохнут, не будет хватать воды, - если вы нальете воду, то быстрее и больше покажется их содержание, чем когда эти овощи понурые, и большое желание будет отправить их в желудок, особенно если вы позволите голоду с большей силой привлечь их, и позже вы будете удовлетворены. А другие примеры и опыты, о которых мы говорили, также являются действиями, поскольку они не ограничены или не подчиняются воле, и не являются настолько ограниченными, что большая или маленькая привычка и необходимость не делают их главными или второстепенными из этого вида, такими, как пульс, который изменяется в соответствии с большей или меньшей силой, чем могла бы помочь.

Творит Дугемио. Суммируйте это с помощью импульса с более легким завершением.

Творит Филандро. Знайте, что есть три потребности, для исправления которых был введен пульс сердца и артерий тела, общим помогает движение, которое обычно поднимает стенки сердца и артерий по кругу ко всем частям, расширяющихся с их возгнутостями и с интервалом в качестве топлива, чтобы привлечь воздух через поры, который охлаждает дух и природное тепло, с недостатком которого краснеет тело, а с его веществами обеспечивается поддержание материи для последующего поколения. Большая часть каждого момента воздуха вдыхается и потребляется, с этим движением сердце и артерии не могли выбрасывать из себя пары и губительные выдохи, которые появляются в нашем теле

от непрерывной работы тепла, прежде, чем они зацепят сердце и артерии, которые служат для привлечения воздуха. Они не могут привлечь его так просто для использования, о котором мы уже говорили, они также не приносят пары и выдохи, которые возникают в теле, которые, будучи смешанными, разрушают чистоту духа, и если они будут увеличиваться, то человек будет задыхаться от них, поэтому для природы было необходимо сделать еще одно движение, чтобы вытеснить эти пары вопреки тому, что она сделала, чтобы привлечь воздух. Это зацепило все части и переместилось из центра в окружность. А наоборот, в этом духом это угасает во всех частях и сжимается к центру, а сгибанием и сокращением вытесняется и выдавливается из тех же пор.

Творит Молемарко. Как вы не изгоняете также духов при помощи исключения?

Творит Филандро. Потому что их останавливает сила, которая управляет телом, а парам нет, они являются избыточными.

Творит Эудемио. Я доволен тем, что вы сказали, но, ощущая эти противоположные движения, я не могу понять, как их делает одна и та же сила. Они, возможно, как сильное и естественное движение теча, что, хотя сделаны той же силой, они имеют такие различные эффекты, как вы видите, и выходят из таких разнообразных мест. А мне не меньше станет нравиться, если вы заявите мне, почему, если у притягивающей энергии есть сила, чтобы привлечь пищу, эта же энергия не может остановить ее, потому что в магнитном камне мы находим, что та же сила, с которой этот камень притягивает железо, с той же самой он останавливает его, будучи таким образом слишком большой в Природе сохраняющейся силой, потому что притягивающая сила может сделать всё.

Творит Филандро. Отвечая вам на первое, я перестану высказывать свое мнение в этом тонком на мой взгляд сомнении, а также потому, что ученые физики в силу их профессии использовали это. Вы узнаете это как нечто, что им подходит больше, чем фехтовальщикам, и конечно, что вы сомневались во всех ученых и заседаниях, и больше в движении, потому что вы сделали лучше, чем Авиценна и почти большинство авторов, но Тален во всем старательно заметил, как вы указали, что это работа двух сил, одна раскрывает, а вторая сжимает сердце и артерии, и очень восхищается остротой вашего понимания, что в ваших сомнениях в дестрезы вы нашли одно, столь редкое в философии.

Творит Эудемио. Вы дали повод сомневаться в своих ученых ответах, мол я не сделал большего, чем просто обнаружил туман, который был введен в понимание, которое вы полностью отбросили от всего и осветили, и то же я надеюсь получить в духах более серьезных вещах, а также в этом вопросе импульсов и движений, как и в духах, которые касались дестрезы, и не принимайте фехтовальщиков за столь невежественных, лишенных понимания книг о профессиональных вещах. Но мы видим, как движение, которое

делает меч, и то, которое делает дыхание, оба произвольные и свободные, поскольку они не собираются вместе в том же самом действии, которое делает сила, потому что каждая из мышц помогает своим движением в своем пространстве, обобщая все, что было и давая нам очистить доктрину.

Творит Филандро. Это не так, как вы думаете, потому что могут быть два произвольных движения и каждое с разной целью, это как отклонить атаку кинжалом, а ранить мечом, которые поддерживают друг друга и разделяют силу. Оба движения не могут стать сильными даже в одно и то же время, потому что для раны требуется больше силы, чем для отклонения, и требуются разные силы и мышцы, чтобы поднять меч и еще другие мышцы, чтобы опустить его. Наконец, когда мы наносим удар мечом или совершаем движение или для определенного парирования или отклонения, и применяем силу к любому из них, человек перестает дышать, не потому, что это его последняя воля, не дышать, а потому, что он отдает большую часть силы движению меча. И присутствие силы и энергии очень необходимо для естественного тепла, чтобы нагреваться, которое, как вы слышали, уменьшается при отсутствии воздуха, когда оно останавливается, за то, что сила была применена в другом месте. Когда человек дышит торопливо, это чтобы снабжать дыханием то, что нуждается в воздухе для естественного тепла, потому что человек остановил дыхание при формировании раны. Опыт говорит нам, что чем больше вы ждете удара ножом, тем больше потребность в дыхании, особенно если движение ног сделано для другой цели, чем движение меча, желая не уделять внимание многим частям и тратить духи на Чувства. Тогда будет намного больше необходимости в дыхании, чтобы все удары закончились по желанию только импульсом, потому что мышцы, которые служат дыханию, когда сила применяется к ударам, когда настроение изменяется, перестают приносить пользу при дыхании, и они каким-то образом уходят в конце желания, руководимого вспыльчивостью, используя то, что можно в этом действии, чтобы совершить рану.

Творит Эудемио. Чувства также расстрачивают духов?

Творит Филандро. Да, за исключением того, что они тратят страсть, а силу в действиях оставляют на своем месте, что каждая действующая сила, делающая что-то, страдает. Хорошо, это правда, что между чувствами также есть большее и меньшее внимание, как есть в частях тела в соответствии с этой приложенной силой, поскольку человек может работать над тем, что будет смотреть на своего противника, который отвлекает слух, чтобы не замечать шума. Если бы он хотел уделять слишком много внимания ушам, то, конечно, жизнь не будет поглощать так много духов, как когда он будет с твердым вниманием в той части, которая полезна, также, как необходимо движение меча, чтобы ранить, и поэтому полезно движение тела. Так что меч обретает силу и достигает цели, соединяется одно движение с другим и в то же время человек

тратит больше духов, чем это целесообразно, становясь усталым и неспособным, если ему приходится содействовать и двигаться вперед другими движениями. Чтобы исправить это – очень важно для фехтовальщика делать только те движения ногами, телом, мечом и чувствами, которые более полезны для ран и защиты. Усердствуя, фехтовальщик всякий раз, когда хочет нанести удар, запасается дыханием, и это прежде чем он сформирует движение, потому что, когда рана паритруется, сохраненный воздух выходит и входит новый, не нуждаясь в теплоте сердца или в силе. И так человек всегда будет запасаться дыханием и всегда будет выносливым во всех его движениях без ошибок, при необходимости. Наконец, с этим дыхание успокоится и будет множество духов (= энергия) для применения актов чувств, а также для движений меча и тела, не уставая, как будто человек и не дерётся вовсе.

Творит Дугемио. Я доволен доктриной, которую вы нам дали, потому что она соответствует моей потребности, и теперь я понимаю одну вещь, которую выдел, как делали, что, хотя причинить вред дубинкой, решают нанести вместе с ударом, это так же быстро, как удары. И вы увидите то же самое в тех, кто рубит дрова, и я сам много раз испытывал это, когда забываю дышать. Прежде начнется долгий период, оставаясь без воздуха, чтобы тот, кто следует, (что я едва могу говорить), знала, что теперь было бы полезней для остальных предотвратить дыхание человека, из чего я понимаю тайны, которые посредством опыта были обнаружены во всех вещах, поэтому по вашей причине вы дали нам такую новую и необходимую доктрину для жизни человека, и для вас, чтобы понять, что такое жизнь, и не иметь сомнений, потому что вам не нужно иметь их, когда вы испытываете трудности с опытом.

Творит Молемарко. Истина заключается в том, что вы можете много раз это использовать в вещах, но, если опыт чего-то конкретного не сопровождается благоразумием и суждением экспериментатора для познания универсального, – опыт никогда не является частью поиска истины, потому что то, что соблюдается – это функция науки.

Творит Мелисо. Мы хорошо знаем, что всё, что делает наука, имеет начало природы и опыта, из-за чего философы говорили, что вся наука – это имитация природы, и что истинная основа всех наук – это опыт, в том порядке, что из многих чувств получилась память и из многих воспоминаний – опыт, из большого опыта – наука, и отсюда вы будете знать, что отцом мудрости является навык, и память – это ваша мать. Таким образом, природа делает человека искусным, наука делает всё возможным, а навык делает его могущественным, где вы поймете, что опыт разных вещей был изобретателем различных искусств. Эта наука лучше, чем другая, поскольку она более определенная и использует лучшие вещи, но я хочу, чтобы вы знали, что только в опыте это происходит вручную, чего нет в науке, поскольку это подтверждается многими экспериментами. Для понимания того, на что вы должны обратить внимание,

это что есть три метода доктрины: первый словесный, второй умственный и третий – общий. Словесный образует софистскую доктрину, интеллектуальный создает науку и суждение о ней, и общий, если он непрерывный, делает совершенство так, что только слова сами по себе делают то же, что мы видели в диалоге о живой дестрезе, уме, науке, как в диалоге первом и общем использовании, как в том, что торопит совершенство доктрины. А в том смысле, что здравый смысл без справедливости извлекает пользу из малого или из ничего, а справедливость без здравого смысла много, поэтому наука без навыка и применения мало извлекает пользу, а навык без науки много, поскольку она требует больше пользы, будучи такой расточительной как скряга, потому что из-за этих крайностей расточитель может легче свестись к либералу, чем к скряге, потому что он уже начал действия, которые замедляют движение и тормозят беспорядочный порыв. Он может выработать привычку быть щедрым, великодушным, чего не может сделать скрягой, потому что он менее охотный и далеко находится от этого пути, он также мелочен и придирчив, когда это не сводится к действиям, хотя у него есть сила.

Творит Платарко. Форма моральных добродетелей, которая имеет первое место – это здравый смысл и умеренность, которую древние называли матерью всех добродетелей, поскольку у Сократа философа ее было много, и он понимал, что все добродетели являются благоразумными, таким образом, что милосердие – это форма богословских добродетелей. Как могут быть справедливость и беспристрастность без здравого смысла, потому мы уже знаем, что никакая добродетель не совершенна, как и другие не являются помогающими? Я не понимаю, куда вы направляете свое намерение, но, если вы меня лишите этого сомнения, я буду удовлетворен, и это так. Кто прибудет быстрее на вершину совершенства, очень опытный, не используя какую-либо науку, или ученый без какого-либо опыта и двух недостатков: смелость или застенчивость, что лучше или ближе к пути.

Творит Мелисо. Вы должны узнать в сомнении, потому что святой Иеронимо говорит, что сила, мужество, смелость, отвага и постоянство – это реальный путь, такой сильный, что тот, который отходит по правую руку, приносит опрометчивость или упорство, и тот, кто находится слева – страх или застенчивость, и из этих двух крайностей смелый лучше, чем застенчивый. Но хорошо, что вы знаете, что он делает больше того, что удерживает страх за то, что он находится дальше от мужества, которое сдерживает смелость, пока она не будет упорядочена с помощью воли. А по поводу всего остального, я говорю, что в том, что с наукой можно узнать причины вещей с действиями среднего опыта, чтобы получить привычку, также может быть очень полезно узнать причины действий, которые он совершает, не теряя при этом навыка их использования, и подтверждая свой опыт с помощью

науки. Таким образом, он может подтвердить и аккредитовать свою науку с использованием непрерывного опыта, оставаясь ученым и экспериментатором, а другой опытный ученый с одинаковыми привычками, и по этой причине целесообразным является подражать врачу, который должен стать универсальным и экспериментировать в особых вещах и стать естественно разумным, так что расположение уловок осуществляется в зависимости от времени и места.

Творит Молемарко. Я понимаю, что экспериментаторы более искусны, чтобы действовать и легко достигать во многом того, чего хотят. Они утверждают, что они очень образованные без какого-либо опыта. Опыт согласно Аристотелю – только для знания особых вопросов, а искусство – для универсальных. Главным образом, действия и поколения связаны с единственными в своем роде, но если кто-то понял основание и причину вещи без опыта и знает всеобщее и игнорирует некоторое специфическое из того, что понимает, – то вы много раз, как и в медицине, увидите (по мнению философа), что это более своеобразно.

Творит Эудемидо. Поскольку я не рассматривал в частности эти исследования, я не полностью понимаю конец ваших умозаключений, и для этого я хотел знать, кого вы называете опытными, тех, кто играет в фехтование (печально известная вещь), или кто находится в правде (трудная вещь), потому что я убежден, что путают силу слова, как и оскверненное мужество находится в вульгарном фехтовальщике.

Творит Молемарко. Меня воспринимают как опытного и храброго человека, которому каждый раз предлагали вытащить из опасности самую честную часть.

Творит Филандро. Это не то, что вы думаете, ни то, как вульгарный фехтовальщик это понял, потому что добродетели находятся в человеке, чтобы сдерживать чувства, которые генерируются в чувствительном желании, а отвага и сила – это то, что регулируют вспыльчивые действия, из которых есть некоторые виды, одна – естественная смелость, которую мы надлежащим образом называем силой, о которой Хуан де Мена говорит очень хорошо, это уже называется сила, а не стойкость, которая дает членам мужество, которое состоит из быстроты, жесткости, крепости членов, как у Милона, и другая сила – естественная, которая исходит из телосложения, которое является причиной естественной склонности предпринимать опасные вещи, которые основаны на чувствительном желании, как сила льва и некоторых людей, у которых есть склонность к животным, грубым наклонностям, как тех, кого невежественный простолюдин называет храбрыми. Но они не будут называться сильными, ни воля их не будет достойна похвалы, потому что в ней не сосредотачиваются вещи, которые необходимы для истинной силы, лучше знать, когда и как, где и почему. Из чего вытекает, что нельзя назвать сильным того, кто не боится смерти при кораблекрушении или от болезни, или от чумы, потому что сила

состоит из страха перед трудными вещами, и в нашей воле терпеть их или убежать от них, что в результате приведет к славе Бога или к хорошему для простых людей и почести человека, потому что человек другой силы не заслуживает похвалы, потому что в том смысле, что жизнь – это первая из хороших вещей, а смерть – последняя из ужасных, и, таким образом, опасность и презрение к страху, которые человек возлагает на католическую веру или на родину, – это и есть истинная добродетель, это делает человека сильным и достойным похвалы. Поэтому вы должны понимать, что тех можно назвать сильными, которые, игнорируя опасности жизни, терпят их во имя бога или добродетели, или по случаю какого-то великого добра, а не по чему-то другому. Они их перемещают, чтобы всегда стремиться к добру, которое может последовать за смертью, будучи более важным моментом, чем жизнь, как это делали мученики, смерть которых предшествует достойному отношению к жизни. Также, можно назвать сильными тех, кто боится позора и бедности. Теперь мы идем в моральную боевую крепость, которая появляется в душе и одета в тело богатого дворянства, с рассудительной смелостью, которой делаются добродетельные дела на войне. Это то, что принято называть отвагой, чей навык завоеван силой добродетельных поступков, которые порождают ясность и твердость в душе человека. Они настолько постоянны, что ни падают, ни ослабевают с невзгодами, ни поднимаются, ни гордятся процветанием, ни в каких его действиях нет страха и дерзости, особенно когда опасность настолько велика, что можно ожидать смерти или другого серьезного урона. Затем возникает страх пройти через этот страх или дерзость, чтобы иметь возможность утратить опасность. И по этой причине человек, помещенный между этими двумя крайностями, должен выбирать в них способы, с помощью которых он вообще не будет бояться, прежде чем он начнет говорить умеренно и действовать с умеренным страхом и готовиться делать то, что больше подходит для опасности, так что он не попадает в страх, когда отказывается от того, что в соответствии с мерой разума было удобно предпринять, ни дерзость его не поглощает, когда, не рассматривая опасность (по словам святого Григория), повинувшись порыву воли, он намеревается сделать то, чего не должен предпринимать, что-то ужасное, потому что эффекты и привязанности духов подобны тому, что происходит с тем же самым цветком, что пчела производит мед, а паук превращает все в яд. По случаю чего святой Августин говорит, что они по-настоящему сильные и не боятся быть без цели, поэтому вполне уместно, что они находятся посреди этих двух крайностей, так как истинная добродетель состоит из силы, которая является расположением духа или способностью души, которая вытекает из разума, сопровождаемого справедливостью, так что всё, что он делает справедливо. И поэтому я неоднократно говорил, что это удобно для того, кто обучает искусству дестрезы, говоря в сердцах

о действиях мужества и доверия к науке, потому что только гнев является доказательством его доброты. Недостаточно изучать оружие и фехтовать всю жизнь (как говорит простолюдин), чтобы знать, как их учить, и получить имя сильного.

Говорит Молемарко. Они хорошо говорят, что по когтям можно узнать льва, и кто с такими реликвиями остался в прошлом, многое должно было быть достигнуто в философии морали. А почему никому не кажется, что я обучаю льстеца, искренне с ним обращаясь.

А хочу оставить это и перейти в начало, потому что мне кажется, что вы отрицаете и отворачиваете использование оружия, зная, что вы должны обладать гестрезой. Тем, кто хочет понять ее, и в остальном, что вы сказали об опыте, я говорю, что понимание и знание о вещах лучше для искусства, чем для гестрезы, откуда мы узнаем, что те, у кого есть истинное искусство, – более мудры, чем те, у кого есть только опыт, в соответствии с тем, что говорит философ, потому что некоторые знают причину, а другие игнорируют ее. Хорошо, это правда, что опытные иногда знают, что это такое, но они игнорируют это, потому что это так, плюс ученые знают и знакомы с беспорядком вещей и почему они такие, и поэтому вы увидите много раз, что теоретические архитекторы мудрее и даже более почитаемые, чем те, кто работает с этим зданием своими руками, потому что они действительно понимают причины, которые знают, но другие делают, не зная их, как знает любой простолюдин, что огонь горит, и чтобы нанести рану, нужен меч, нужно двигать ногами и т.д., которые знают это из опыта, у которых уже привычки к этому, и поэтому ученые могут научить согласно знанию, которое у них есть из причин, а испытатели нет, потому что они игнорируют их, и демонстрацию этого вы найдете в той же гестрезе, где часто фехтовальщик приносит определенное предложение, высказывание только с мотивом, чему научил его опыт, и если другой изменит его, как абсолютный властелин своих движений, то потеряет ловкость в одном и том же месте, не найдя в твердом противнике позицию, в которой он это уже видел раньше, и найдет, что недостает одной ловкости в опасности. Но все, кто освободились от этого, кажется такие и есть. Таким образом, целесообразно, чтобы фехтовальщик советовался касательно ловок, поскольку он мало их использует, если не хватает разума и науки применения, эта ошибочность обычна. У тех, кто уверен только в опыте и происходит встреча с тем, кто работает с наукой, что, хотя противник меняет принцип и не находится в той части, которая была впервые задумана, и не остается в стойке, так и ученый знает причину того, что работает, и ничего из этого противник сделать не может, он предотвращает свое действие. А произошло много раз, что противник сменял стойку, полагая, что она улучшит его и станет самым выгодным шагом для ловкости, которая будет выполнена в этой позиции, что если он останется в предыдущей позиции, – это произойдет иначе, как если бы было сделано только с опытом,

игнорируя универсальную причину, которая хорошо известна. Но понимание невозможно, это часть движения, чтобы препятствовать действию настоящей ловкости, потому знайте, что любое препятствие становится большим, независимо от того, насколько малы те, кто делают ловкость, не зная причины. Наконец, когда появилось оружие опыта, которое имеет дело с истинами, которые не могут быть изменены или изменены каким-либо событием, - из-за невежества происходят события. И потому, что они похоже называются, нам будет полезно пойти на уступки, чтобы поддержать тело, так как души наслаждались своей пищей и продолжали заниматься делом, так что отдохнув сегодня вечером - завтра с большей силой ты закончишь нашу цель, научив христианского фехтовальщика как использовать науку, не оскорбляя ни Бога подобным образом, ни ближайшее окружение.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ДИАЛОГА О ФИЛОСОФИИ ДЕСТРЕЗЫ

ИЕРОНИМО САНЧЕС ДЕ КАРАНЗА

ФИЛОСОФИЯ ОРУЖИЯ

И МАСТЕРСТВО ВЛАДЕНИЯ ИМ.
ХРИСТИАНСКАЯ АТАКА И ЗАЩИТА.

ДИАЛОГ № 4

ПРИЧИНЫ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТОГО ДИАЛОГА

Выводы в теологии и естественной и нравственной философиях таковы, что аналогия, соразмерность имеют первое место в вещах. Таким образом, чтобы спросить короля Азефилао, какое достоинство было самым лучшим: сила или справедливость, которая не нуждалась в силе, ибо казалось (и это не было обманом), что союз желаний и намерений сформировал тело, управляющим которого была причина, чтобы жизни всех в общем и в частности сохранили себя и не будут нарушены и преданы насилуем и предательством, потому что злоба пустила так много корней раздора в наши умы, что временами необходимо, чтобы разум наказывал нас, как повстанцев, событиями и ситуациями. Мы уже давно говорили о вещах, которые удобны для сохранения временной жизни, и будем справедливо научить фехтовальщика, как использовать науку, которую он имеет, чтобы достичь духовной жизни. Исходя из того, что говорит святой Амвросий — оставьте это для себя и вы придете к разуму, оставьте то, что принадлежит вам и примите то, что вечно, предупреждая христиан, как они должны вести себя с вами и со своими друзьями и врагами, как и в делах чести, и в оскорблениях, и в позоре, чтобы обратить их внимание на то, какими они не были. Отныне наперед они налаживают свои дела на службе Бога, регулирующие мужество и честь с сознанием, так что каждый знает, как сохранить и приобрести честь, не присваивая незаконно для следующих поколений, и как он будет сохранять жизнь, не убивая кого-либо незаконно, потому что то, что я понимаю, — это нужно предупреждать людей об этом, чтобы теперь не было предпринято таких отвратительных вещей, как мы видели в наше время с появлением силы, и что они возвращаются за своей честью, не зная, что такое добродетель, или как приобретается честь. И она может быть потеряна по внешним причинам, в которых они серьезно оскорбляли Бога, не будучи удовлетворенными, до нового оскорбления, потому что они следовали больше слепым вульгарным желаниям, чем свету разума и божественного закона, в соответствии с которым мы помещаем то, что затрагивает честь и промедление в соответствии с естественным и несомненным правом со многими новыми вещами для различных целей, не выходя за пределы наших целей, что будет подробно рассмотрено в продолжении христианской дестрезы.

ДИАЛОГ ЧЕТВЕРТЫЙ

КАСАЕТСЯ ХРИСТИАНСКОЙ ДЕСТРЕЗЫ
И ЗАЩИТЫ И АГРЕССИИ В ДЕЙСТВИЯХ
И СЛОВАХ, ПРИСУТСТВУЯ ЛИЧНО И ОТСУТ-
СТВУЯ, В РЕЗУЛЬТАТЕ ЧЕГО БЫЛО ПОНЯТО,
ЧТО ТАКОЕ ИСТИННАЯ ЧЕСТЬ И КАК ЕЕ
МОЖНО ПОТЕРЯТЬ И ПРИОБРЕСТИ.

Они заявляют где находится измена с предательством, вероломство с коварством и случаи, которые могут произойти, когда было обнаружено одно или другое, интерпретируя некоторые законы о человеке и комментируя один из настоящего закона.

Мелисо. Эугемио. Филандро.

Полетарко.

Хотя древние внушали по многим причинам недостаток и страдания человека, отвращающие обязанность, с которой он родился, выплачивать вечную дань бедствиям этой жизни, которых можно было бы сгнать (по словам Малиция), если бы природа была лучшей матерью для человека или самой печальной мачехой, поскольку проявила себя так, что будет с частной естественной защитой, которую он щедро раздавал слабым животным (здесь имеются в виду люди), чтобы терпеть дела и опасности, к которым родился этот человек, потому что он один среди всех животных, кого наградили и покрыли другими богатствами и атрибутами в отличие от всех остальных с различными оборотками, оставив человека, не обращая внимания на голых и беспомощных в определенной стране, и среди тех, кто пробовал это. Самым суровым, по словам Аристофана, был Тимон, афинский философ, которого называли Мизантропом, потому что он был врагом столицы человеческой природы. Никогда не было известно, что он дружил с кем-то, если только не с Аквивиадом, к которому он не относился с любовью, потому что подозревал, что тот должен быть виновником несчастий людей и Тераклита, философа, который постоянно кричал о том, что Демокрит смеялся, убеждая всех (выдавая сердце через глаза), что человек был ничем иным, как озером страданий, больше рассматривающим то, что писали в этом озере. А теперь, видя последствия опыта, противоречащие всему его мнению с вашими рассуждениями, и вспоминая также знания, которые Талан дает человеку, и то, что утверждает Лактансия, — я был настолько свит с толку, что едва мог отдохнуть сегодня вечером, давая и принимая со взвешиванием информацию насколько может человеческий ум. Но, что восхищает меня больше всего, так это то, что человек подражает величии природы и доброту порядку, который с такой легкостью есть

во всех его вещах, что уже почти вошел в привычку, и всё становится более явным. Малиний говорит много вещей против того, что человек не может быть единственным способным к высокому пониманию (как говорит Овидий), но, в конце концов, это было без света веры, который, если бы у него был, он бы оценил то, что Бог оценил. Убо ясно, что если человек имеет работу и подвергается страданиям, то он сам ищет их и берет своими руками. И хотя он и родился нагим, лишенным всех удобств, покрытый только тонкой поверхностью кожи, что любая вещь, даже очень маленькая, сломается, он не был без божественного провидения, и Бог не творил без зрелого совета, поскольку знал очень хорошо, насколько светлее человек должен быть, воспользовавшись внешними чувствами, чем все другие животные, и что они должны были подчиняться приоритету понимания, не думая о том, когда он хотел уже закончить дело. И по этой причине было не целесообразно, чтобы инструменты были такими же сильными и прочными, как и у наземных и жестких. Иначе, чем внимательные и проницательные станут таковыми, никто не будет таким смелым, чтобы сказать, что Бог проявил больше милости к другим животным, чем к человеку, потому что, несмотря на то, что Бог поднял его из такой низкой материи, как глина Земли, человек не по этой причине потерял свое достоинство и величие, — потому что это одна работа, которую Бог творил своими руками, чтобы показать свою бесконечную силу и знание, которая была не из-за отсутствия чего-то лучшего, — создания неба, солнца, луны и звезд, — это довольно очевидно, что благородные вещи их не минули, чтобы создать их. Бог хотел создать человека из глины, чтобы стянуть его высокомерие и подавить самомнение и спесь, подразумевая, что он не должен заниматься низшими вещами этого нижнего мира или делать как делают глупцы, что всё их счастье заканчивается жизнью, а для того, чтобы человек знал, что он увидит вечную жизнь, выразив свои мысли на небо и осознав это, поднимет глаза и дух, вздохнет за свою старую и истинную родину, потому что Бог мог сделать человека сильным, даже сильнее, чем лев и таким же проворным, как слуга, и таким крепким, чтобы противостоять всему, и ничто не могло бы оскорбить его. Но он хотел, чтобы это было из хрупкой скромности, чтобы он быстрее оказался у созерцания своего создателя, и чтобы человек понял, что когда всё его раздражает и ранит на Земле, — он не родился, чтобы увековечить себя, а чтобы служить в качестве сосуда, некого хранилища, пока божественная воля не захочет чего-то другого. И потому, что человек часть этого божества и уроженец неба, никто не сравнивает его больше с другими животными. Творит Мелисо. Если, в частности, вы обособливаете себя от обычных вещей, вы ставите себя в созерцание и оценивание своей эlegantности. Мы находим себя такими, как мы думаем о себе, и находим такие совершенные преимущества, которые Бог предоставил человеку, что вы будете восхищаться превосходством эффектов, которые они производят в мире каждая в отдельности. И после того, как вы хорошо

это всё обдумайте и взвесьте, то найдете по правде (как говорит Платон), что человек — это животное, достойное быть обожаемым и почитаемым другими животными, потому что за пределами особых величий, которые он имеет, с разумом и пониманием, все остальные находятся под его волей, что ни величие, ни ярость других зверей не могут устоять перед его оружием, поэтому силой (не большой, а искусной) он всех приручает насильно, (как говорит Таален), и нет какого-либо животного такого же большого, жесткого и яростного, как человек, хотя он никогда его не видел, и потом не узнает среди других и будет дрожать при виде его. Это благодать, которую я унаследовал от этого первого божественного впечатления, который Бог поместил в нашего первого отца Адама, которого древние каббалисты называли на своем языке фахат. Это безопасный канал, посредник и доверие, с которыми первый человек осмелился жить среди других, внушая страх животным, давая имя каждому, согласно его виду, и с этим он приобрел такую власть и господство над всеми, что его боялись и уважали как суверенного Господа и абсолютного царя их всех. Согласно этому Аристотель справедливо сказал, что человек родился, чтобы понимать и видеть, что ничто не скрыто в глубине моря и что величие неба не является частью, чтобы божественные тайны не проникали силой в его понимание и, следовательно, проводя так мало часов в библиотеке науки о Боге, он знал и понимал так много своего величия, что вам кажется, что он был человеком, если держал себя вежливо и не обижал своего создателя. И для того, чтобы вы были счастливы, так как вы касались этого вопроса, я хочу протянуть руки в человеческое сокровище, потому что вы видите ценность его богатства. И поскольку у него нет своего имущества, как у других животных, вы ссылаетесь на вещи, которые, если мне не изменяла память, мне предлагали, чтобы впредь с этого момента каждый из них являлся свидетелем и судьей, по решению результатов без дополнительных доказательств, что дух человека божественен, ибо он всегда имитирует величие своего Создателя настолько, что не существует сильного человека, чтобы он перестал следовать этому чудесному подражанию, и обстановки нет такой уединенной, чтобы не забыть предпринять это благородное желание. Нет такого человека, который был бы таким варваром, что от рождения не взял бы на себя это божественное знание, потому что оно является целью всех тех, кто пытается решить все, полагаясь на Бога. И прежде, чем мы порассуждаем о ваших власти и величии, остановитесь немного, чтобы рассмотреть, что форма головы человека не такая, как у других животных, несмотря на то, что небесная сила сделала эту форму округлой в целом и в ее частях, и покрыла ее чудесным совершенством. Конечно я не знаю, кто такой невнимательный в мире, кто не увидел бы странности этой части человеческого тела, которая является башней поклонения малого мира, и домом, в котором обитает знание человека. Создатель установил голову, как место и дом для разума, с которым сам Бог был созерцает, почитает, известен, ему служили и поклонялись, потому и дал голове высшее место, чтобы

она служила наблюдателем вещей неба и земли.

Отсюда, как из источника манны, — великое разнообразие работ пяти чувств. Замечательная вещь, что из корня происходят так много и такие разные выгоды, которые так по-разному можно использовать. Давайте посмотрим, что в мире так чудесно в глазах тех, кто остается у дверей тайны природы, не проникая в то, что способности человека с небесной добродетелью, которая у него есть, не достигают ее и стремятся подражать ей? У нас есть доказательство, что нет ничего сложного и трудного, что человек этого не предпринимает, но в конечном итоге он хочет этого и даже совершенствует работу, потому что знает изобретателя бесчисленных искусств, который демонстрирует их и породил силу своего понимания. Он один из всех животных знает о прошлых вещах и том, что впереди. Таким образом, нет ничего, каким бы трудным это ни было, чего он со своей изобретательностью не достиг бы. Какую науку или какое искусство не нашли мужчины? Поэтому мы исходим из вычисления числа, из познания и использования качеств элементов. У дая понимания свойства камней, он нашел где у некоторых есть превосходство, которое делает их такими драгоценными и по приглашению законов, которые держат мир в мире, чтобы понять достоинство металлов и как они обрабатываются такой разной ценностью, знать свойства трав и разновидностей, которые есть у каждой, знать растения и способности животных, а также, долго наблюдать за небесными движениями. Человек нашел странные способы во всех видах музыки. У он обнаружил чистую пропорцию линий с серьезностью и резкостью поэзии, с элегантностью и копией ораторского искусства. Что мы скажем тогда об обманах и хитростях, которые он придумал, чтобы схватить и удержать зверей, и о чудесном искусстве писания, и о чудесном изобретении гравюр и таинств, которые он нашел в опыте, чтобы создать репутацию науки о медицине, безусловно достойную великих похвал, знать разницу планет и то, как они оставляют свой отпечаток на нижних телах, каково тело солнца, как луна растет и убывает. Человек понимает, что делает огонь в воздухе и что делают воды рядом с землей, и для чего они вместе образуют круглые фигуры. У знает, каково Земле без движения, обладая охваченной подвижной водой своей природы и подверженной импульсу ветров. У что такое воздух, и почему он так сильно дует, и в какой пропорции находится один элемент с другим. Человек понимает, как делается свод облаков и как в соленом море находят сладкие источники. У он сделал из дерева подвижные дома, с которыми проходил по водам, и это является настолько большой частью его мастерства, что без дальнейшего рассмотрения он отдает себя бурям, которые возникают временами, две из трех которые всегда заканчиваются смертью (как говорит Анахарсис). У он знает, как изготавливаются растения, знает условия людей по физиогномике, и, если вы тщательно подумаете, вы увидите, каким искусственным был способ, чтобы реки кровоточили, чтобы использовать нужную воду и приносить ее из источников,

и в каждом доме были свои источники, о которых позаботилась природа. Он знал не только как использовать элементы для необходимых вещей, но и для простейших вещей, используя животных, землю, воду и воздух. Иногда для удобства содержания семьи, а иногда и для удовольствия духа вместе со знанием и пониманием чудес, которые есть по природе в каждой вещи. Наконец, тот, кто не узнает и не поймет человека в естественных вещах, — поднимется, чтобы узнать тайны Бога, которые касаются всей природы.

Говорит Филандро. Это потому, что то, что человек имеет — наиболее естественно. Например, знать все вещи, которые его не останавливают и не утоляют желание, познав истину; прежде чем рождаются новые желания, искать другие, пока ему не кажется, что в мире не осталось ничего, что можно было бы понять, что он не знает и чего-то не понимает об этом, за что Творец назвал человека первооткрывателем, потому что, будучи рожденным, он пытается узнать все, чтобы понять и найти. Потому мы видим, что он не доволен имитировать работы низшей природы, а совершенствует их и исправляет, и поэтому мы видим много вещей, которые начинаются с искусства, совершенного природой, и многих других вещей, которые начинает природа. Человек совершенствует их с искусством, и кажется, что для того, чтобы превосходство человека светило больше, Бог хотел оставить вещи таким образом, чтобы он со своей силой, которая у него есть по своей собственной причине, мешал исправлять их и корректировать, потому что сила его понимания божественна, а он так жаждет, чтобы знать, чего не хватает, что недоволен тем, что вы слышали как животное было вне его естественного элемента. Несмотря на то, что его желание присутствует на земле, человек не присутствует на небесах и не перестает подчиняться своему Создателю, и что более тревожно для меня из всего, это что вещи, изобретенные с искусством его мастерства — то же самое, что делала природа, поскольку люди обычно не делают своих собственных вещей, они подражатели своей восхитительной элегантности, о чем свидетельствует виноград, который Эвзис так похоже нарисовал, что обманутые птицы спустились к нему. А что Апеллес так красиво нарисовал кобылицу и собаку таким образом, что все лошади и собаки, которые проходили мимо, приветствовали их ржанием и гавканьем. Что мы можем сказать об этой кобылице из проволоки, вырезанной таким тонким искусством? Что все лошади, которые ее видели, их как на куски разорвало, прыгая к ней, как если бы это была живая кобылица, созданная человеком из провинции Тераклея Мелопоннеса, согласно Плутарху. А будем придерживаться того факта, что группы обманываются совершенством вещей, что я придумываю понимание с искусством, зная, что Апеллес нарисовал Венеру в храме индейцев таким прекрасным способом, что они полюбили ее, те, кто смотрели на нее.

Так много того, что изобретено, приносит больше испуга, чем у Анчитаса Тарентино, который, согласно древним писаниям, сделал деревянного голубя, такого же веса и высоты как натуральный, что

подброшенный рукой, он наполнился воздухом и полетел среди гругиз птиц, как утверждает Матфилио в богословии Платона. Потому, что мы скажем о статуях, которые египтяне сделали своим ложным Богом, которые шли и отражали в них воздух, таким образом, что казалось, что они говорили, согласно тому, что говорили историки. В одной части я выделяю пирамиды Египта и греческие здания. И еще много всего, что можно создать силой своего мастерства и способностей, потому что их расхваливали, перевозили, из тех, которые схожи с ними, как делает это Плиний, когда усиливает и восхищается изобретением Асфитеатра. Так что это не заслуживает более низкого восхищения, чем упомянутые вещи, что Маркварх говорит о великом математике Архимеде Сиракузано, который привез с собой очень большое судно, нагруженное краденными вещами для площади Сарагоса на Сицилии, как будто он принес очень крошечную кобылу на поводке. Я заканчиваю перевозить это, чтобы подчеркнуть, что это не находится в затруднительном положении при рассмотрении сферы металла, который создал свою собственную, где можно увидеть все движения планет, дающие (по словам Цицерона, собственные повороты на небе). И в наше время мы видим то же самое более точно на часах, которые сделал Хонело, иностранный человек редкого ума. Какая вещь ускользнула от человека, чтобы противоречить, а затем подражать грому и молнии, проходящим в области воздуха. Я изобретаю бомбарду и аркебуз, где обе вещи были найдены, как в разрыве облаков. И я не рад противоречить тому, что происходит на небесах, воздухе и земле, такой естественной, как мы видим. Но теперь в наше время человек изобрел новый и замечательный способ передвижения под водой с помощью деревянного инструмента, в котором вы можете находиться, есть и спать то время, которое вы хотите, чтобы не быть раненым, чтобы открыть секреты центра моря, которые природа предоставила только рыбам, о чем говорили древние, если в свое время снаружи, где Антонио де Луна изобретает этот инструмент, мне кажется, что они преувеличивают свои рассказы о хвалах, празднуя и возвеличивая столь чудесное умение. В этом вы ясно увидите причину, по которой Фаворино сказал, что на земле не было ничего хорошего (потому что это меньший мир, в котором включены все великие вещи), и не было ничего великого или драгоценного в человеке за пределами понимания. Творит Мелетарко. Кстати, это никоим образом не свидетельствовало человеку о том, сколько вы рассказывали от его стороны, и теперь мы просто полностью поймем, сколько потеряно, когда человек осужден. Хотя, с другой стороны, мне кажется, что вы хотели поднять свое решение, оценивая его превосходство, потому что Плиний в некоторых частях его так сильно уменьшил и поднял до природы хищных зверей, ввиду того, что Тален и многие другие это чувствуют, что хорошо для противника.

Творит Мелисо. Нет никакой причины, чтобы ум снова тратил время на критику создателей, что природа сделала участниками животных, или восхвалять то, что он дал человеку, потому что он будет так

же потерян, как тот, кто потратил время, восхваляя назойливость мухи и лояльность комаров, ясно видит, что все животные живут без какого-либо искусства или слаженности жизни, доказательством чего является зверство, дикость, с помощью чего они защищаются, чтобы быть в безопасности, хотя у них есть сила и проворство. А, учитывая собственные качества, характерные для человека, мы обнаружим, что это не только делает их лучше всех своим умом и руками, но и то, что он пробовал все эти вещи с мастерством своего таланта и изобретательности, и делал это хорошо, что нет никакого животного любого вида, который был бы со всеми боеприпасами и снаряжениями, которые ему дала природа: рога, зубы, клыки, бивни, когти, яд. Они могут быть уверены в руке человека (как говорит Тален), и он только с его разумом может выйти из западни и коварства животных, рабов природы.

Говорит Платон. Бы правы, потому мы ясно видим, что все они повинуются человеку, а человек еще не счастливый, когда он должен подчиняться. Люди принуждали и заставляли животных подражать человеческой природе, обучая птиц говорить и подчиняться человеческому голосу, одомашнивая диких, приучая к командам, управляя голосом и освобождая их. А они повинуются ему, удаляясь от него, давая животным много грусти способностей в силу своего мастерства, которые природа отрицала. А укрощают ярость лошади, настоящего, великодушного, превосходного и проворного животного (как говорят Тален и Аристотель), объезжают ее, используют стремени, шпоры и потом используют лошадь в своих целях. Это правда, что, как только животные с оружием, которое они получили от природы, — они могут атаковать и жестоко обращаться с человеком, а он со своим мастерством и ловкостью освобождает себя от этого натиска. Но руками, которые как оружие, человек совершает важную защиту, с которой он освобождается от нападения зверя, руки не только отгоняют зверей, но и укрощают их, ибо человек никогда не рассматривался как подчиненный животным, так как мы каждый день видим, что стаи свирепых подчиняют всю свою жизнь человеку. Только один человек среди всех животных предается смерти ради общего блага, и, поскольку он уверен в бессмертных ароматах неба, у него мало есть, что терять, — все, что есть на земле. Наконец, он — человек, животное столь совершенное, управляет и подчиняется сначала себе (как говорит Цицерон), чего не может сделать никакой грубой вид животного, а затем управляет и создает свою семью, управляет и владеет миром в республике. Он управляет людьми и руководит миром. Разве те, кто отрицают бессмертие души, теперь говорят, что человек — немощное животное и какой-то кусок земли, как животное, а не бессмертный, небесный и божественный, как ангелы? Потому видно, что все животные живут спокойно в своем роде (как говорит Платон), и что они собраны и предусмотрительны для тех, кто не из их класса, потому что сила львов не сражается против самих себя. Элеи не кусают элей. Ни звери, ни рыбы моря не приходят в ярость на своих,

а только на тех, кто имеет грубую природу, чем они, и которые также были способны с помощью мастерства изобрести хитрости и ловки, и совершенствовать науки, как говорит святой Басилио, и что с утением он подчинил самых жестоких животных и самых диких птиц, оставаясь сбитым с толку и растерянным, полагая, что он еще не достиг вершины, которую намеревался достичь с совершенством своего мастерства. Микозда (по словам Еврипида) не останавливаясь, делая одно и то же, имея беспокойный дух и забывая прошлое, он обнаружил, что к человеку приходит много плохого и опасностей от человека (как говорит Платон), и ему казалось, что это условия. В этом сомнении он разрушил доверие, потому что не понимал ни в спекуляциях наук, ни в расследовании причин, ни в изобретении инструментов для наслаждения духа, ни в задерживании диких животных, ни в укрощении лошадей и львов, а только в том, как можно найти покой против животного с таким пониманием и таким великим духом. Таким мудрым, благоразумным, хитрым, осторожным, пронзительным, замаскированным, искривленным, резким, деликатным, трудолюбивым, сдержанным, гениальным, проворным, сильным, великодушным, храбрым, свирепым, надежным, яростным, отважным, безрасчетным, могущественным, как тот же человек. Эдес он дал истинную модель своего изыщества и полностью обнаружил свою великую добродетель, и оставил свое величие, власть и могущество в затруднительном положении, требующего специальных знаний, когда понял, что не может найти таких тонких вещей, как было видно, и до такой степени, что человек, похожий на него, не касался их. Наконец, увидев лицо человека, такого могущественного врага человека (как говорит Филон), чтобы защититься от него и быть в безопасности, и оскорбить его, если бы торопили его нести понемногу материалы для фабрики их защиты. Он культивировал их с течением времени, разрезал древесину, обрабатывал ее, делал некие блоки и соединял все материалы, и каждый на своем месте образовывал дома и ограды. И ему казалось, что он все еще в опасности, если они лично приходят. Тогда человек изобрел оружие, с помощью которого он улучшает свой дух, поощряет и упражняет тело, защищает жизнь, увеличивает честь, сохраняет славу, уважение и любовь, сохраняет использование оружия для нужд, в которые обычно плохие ставят хорошие. И поэтому Бог допустил свое изобретение и открытие, чтобы вселить страх в плохих, потому что никто такой смелый с плохим желанием, с гневом или завистью может отделить душу, которую господь объединил с телом, предупреждая и наставляя людей, что будет мало прощений тому, кто уничтожит и отменит это изысканное рациональное здание, служащее для вашего храма. И ты видишь, что, не приравнивая другие вещи к человеческой природе, он делал их только одним словом. И, чтобы сделать человека, Бог опустил свои руки в работу по творению человека и изобразил его по подобию своему, и он создал Адама, и освободил душу и род. Он сделал его умелым и способным радоваться блаженством, заключающиеся в том, чтобы видеть и объединять-

ся со своим Создателем. Он сделал его господином всех его дел. И победителем во всех его подвигах, императором, королем и генералом-капитаном всех видимых существ. И чтобы оставить его благородным со всех сторон, он дал ему свободу воли. И, чтобы показать его снисходительным и больше давать ему задач, Бог создал невозможную, бессмертную душу, и дал человеку право наследовать богатства существенной славы. И, наконец, я оставляю его обладать тем, что у него есть, и приказываю всем вещам подчиняться ему, чтобы все подчинялось, а он до конца света будет подчиняться своему Создателю. Но человек, беспринципный и неблагодарный к таким преимуществам и делам, был нарушителем заповедей, которые ему поставили, которые так легко соблюдать. Но из-за этого непослушания он превратился в грешника, страдающего от боли и работы, но счастливого и очень богатого, у которого всего в изобилии, больше, чем хорошие люди могли бы себе пожелать. Но он приблизился к самому подлому, низкому состоянию бедности за то, что неблагодарен к стольким привилегиям, которые получил (как будто бы их не заслуживает). И то, что больше всего ощущается, — что очень большой друг Бога стал его самым главным врагом. Он нарушил закон, совершил грех перед нашим Богом, и это драгоценная награда, в которой человек теперь осторожен, потому что не хотел следовать призыванию, к которому был рожден. Потому что ясно, что если он хотел сохранить это сокровище благодати, то его Создатель держал бы его в вечном счастье и чести. Но Бог, не используя силу и строгость, которые он использовал при наказании восстания, при котором с неблагодарностью и гордостью восстали против него, прежде чем бесконечное милосердие было принято во благо, дал им долгую жизнь, чтобы можно было оплакать свой грех, усмирить пыл и дать путь, поскольку он может быть восстановлен в благодати и свободен от печали. На этом пути, который использовался для предотвращения от его падения, Бог показал все в знании. Там он использовал всю свою силу. Там он предоставил со своей стороны самые драгоценные богатства его божественной доброты и мудрости. Путь был таким необычным и так игнорировался людьми, где Вечный Отец руководил этим делом, чтобы совершить это божественное творение, что нет оснований размышлять об этом, потому что он бесконечно превосходит все человеческие способности. Это была вся работа нашего милосердного Бога, а со стороны грешника нет ничего другого, кроме как хотеть получить его знания и воспользоваться ими. Таким образом, Вечный Отец так любил человека, видя, как он падал от одного зла в другое, что защищал его от падений и потому, что он был доволен виной, обретенной бесконечному Тьсподу с бесконечным удовлетворением и что он злился в мире, Бог послал своего единственного сына, который удерживал нас от неволи Дьявола, будучи истинным Богом, который создал истинного человека. И он страдал за человеческий род добровольной смертью, и чтобы совершить такое трудное путешествие, он не принял природу ангела, потому что, если он примет ее, будут

почитаемы только ангелы. Он хотел принять человеческую плоть и природу человека, в которой почитается все созданное, камни, которые соответствуют бытию человека, овощам, потому что вегетативная составляющая человека соответствует растениям. Уважал и почитал животных, потому что мы соответствуем им чувственным духом. Наконец, уважал и почитал ангелов, потому что человек соответствует им с божественностью понимания. Заметьте теперь, что это отличная вещь, что человек и обязанность, которую он должен принимать во внимание сам, потому что сам Бог, будучи оскорбленным, заботился о нем и заставил своего сына умереть, чтобы дать ему жизнь и вывести из плена, и все это он сделал своими руками, спустившись на землю, чтобы поднять человека на небо.

Творит Филандро. Несомненно, если бы человек ценил хоть малое время, которое он должен Богу, он бы передал ему много хорошего, не имея больше покровительства, чем к своему божественному милосердию, чтобы заслужить его, чтобы он использовал все свое сердце для службы такому снисходительному Господу, чтобы обогатить его, использовал бы с ним всю его щедрость. А помните, что великий священник и философ Термес Тристегиист, намекая на это, изнурившись в глубоком созерцании вещей человека, не имея света веры, сказала громко: где прекрасный художник этой замечательной работы? Кто тот, кто также знал, как наносить такие живые цвета в этой странной живописи и применять такой освященный блеск? Кто также нарисовал эти красивые глаза, как окна всего тела и очистил зеркало души? Кто образовал губы на рту? Кто переплетает и смешивает так много вен, которые служат телу каналами, по которым течет кровь с тремя другими поддерживающими жидкостями и подарил организму влагу и жир? Кто сделал кости такими жесткими и прочными? Кто их укрепил и прицепил к телу, чтобы перестали гнуть, когда они поднимаются очень высоко, и, возможно, он хочет стать сильным против разума и сдержанности? Кто покрыл плоть такой тяжелой и тонкой кожей? Кто различал и разделял пальцы суставами? Кто создал ноги такой хорошей пропорции и нужного размера, чтобы они служили основой для всего тела? Кто открыл в человеческом теле путь и дверь как есть? А кто так сильно сжал его руку, что он оставил ее в таком великом совершенстве? Кто дал сердцу пирамидальный образ? Кто вложил так много сетей и корней в печень? Кто разделил легкие? Кто дал животу такое удобное место? Кто поставил добросовестных членов на площади и в очевидные места, которых все должны были видеть, а скромные были разделены по укромным местам, где их почитали и ценили? Затем подумайте, говорит Термес, сколько и какие работы он сделал, чтобы добиться такой совершенной и законченной работы, и насколько красива каждая сама по себе, и что размер и величина рассчитаны на разные работы, услуги и разное использование. Как вы думаете, кто сделал такие странные работы? Кого вы признаете, как отца и изобретателя всего этого? Кто вы хотите, чтобы он был, даже если Бог невидим?

Сейчас давайте принимать во внимание тех, кто по профессии или ради удобства, ценит матадора и оцениваемы за лучшую часть их брони, убили человека и получили больше. Тот, кто больше убил, какое извинение он даст перед Богом на заключительном суде, когда увидит двух или трех человек, убитых перед ним обманом и предательством и, обычно, его спрашивает судья: почему вы забрали жизнь этого человека, которому я дал жизнь, которая у него была? Он хотел большего, хотел иметь животных, разводить их, заботиться о них и выкупать? Как будет сказано создателем души и властелином сердца, чья божественность проникает в мысли, закрепляет истину, потому что это Бог, против которого ложь никогда не может победить, и не может отказать от матадора, ни интересы, ни гнев не будут достаточно оправданы, потому что судья скажет: я, кому все существа должны за то, какие они есть, дал вам бытие, и я воскресил вас и умер за вас, не имея ваших вещей, которые нужны и удовлетворяли бы такой нужной выгоде, так как ты — мое творение. Оскорбление, которое тебе нанесли, было сделано мне, потому что ты отстранил свою душу, которую я соединил с этим телом, и ты стал судьей, ты забрал жизнь, которую хранил тот, кто дал ее? Никто не будет знать, как отреагировать на эту оправданную суровость, каким бы красноречивым это все не было, прежде чем обдумывать наказание, которое дается в соответствии с преступлением, которое каждый совершил и видит, кто является преступником и обидчиком, зная, как много он должен создателю, и насколько плохо он откликнулся своим служением на милости, которые Бог дал ему, оправдывая его приговор и осуждение.

Творит Эудемио. Он был доволен тем, кем был, услышав превосходство человека. Теперь вы внесли в мои мысли страх и отвращение с помощью этого примера настолько, что отныне я должен легко проходить сквозь раны и ропот, потому что больше страдают от плохого, чем делают это. А должен быть день, когда они наказывают проклятия печалью и воздают славу добрым делам и страданиям. Но при всем этом, это сильная вещь, оставить человека вернуться за своей честью, и, если кто-то хочет забрать жизнь, потому что Бог накажет его, пусть он заберет ее без дальнейшей защиты или рассмотрения. Вытащите меня из этой усталости, потому что вы меня поместили в нее, и скажите мне, есть ли закон, который защищает матадора, или указывает на то, чтобы этот человек позволил себе убить своего врага, чтобы он по правде говоря не знал, что я должен делать с моим мастерством. Творит Мелисо. Мне не разрешено заниматься этим делом, касаться другой профессии, отличной от моей, говоря Филандро свое мнение, что, как и в Грузии, я буду повиноваться.

Творит Филандро. Я не такой груз чуждой славы, и я не чувствую себя настолько недостойным в том, что делаю и беру в свои руки, что хочу незаконно присвоить, что приходится к Моломарко, который будет знать лучше, за то, что он защищал себя и грузиков с оружием на войне и законами в мирное время, потому что Моломарко не ну-

ждается во множестве молитв, и без них я выполнил ваше поручение, чтобы рассказать нам о происхождении естественной защиты и о тех, у кого законы.

Творит Молемарко. Я был бы очень рад избавиться от намерений законов из-за больших трудностей, будучи более уверенным в том, что дружба преодолет что-то, я соглашусь с графом, сохранить (если возможно) то, что Бог и природа создали, и не только сделали это, но и не позволили оставить свое существо, хотя он очень смурен для грубого лучшего и более уважает. Або, если это правда, что ни одна из созданных вещей не перестает скрывать свою действительность или скрытый яд, который ты игнорируешь или заявляешь, что нам он очевиден, потому что с ним защищаются, потому что, естественно, все стремятся защитить себя и просят своей обороны, давая понять, что он животное, что нет грубого лучшего и более ценного, чем он, потому что в его роду он не испытывает недостатка ни в чем, и не желает себе того, что есть у грубых животных. Потому что природа украсила и наградила лошадь сильными копытами, сделала ее легкой и превосходным животным. А льва, как отважного и свирепого, сделала сильным с зубами и когтями и дала ему крепкие кости. А ты видишь, что бык и кабан имеют природное оружие, у одного рога, у грубого клыки. А для слези и зайца, потому что они трусливые животные, она дала легкое тело, без нагрузки и природного оружия, потому что скорость и легкость соответствуют трусам, а смелым и сильным советует оружие (и, как говорит Тален), так много легло на благоразумие природы, которая никогда не вооружала трусов, и не оставляла смелых без оружия. Но человек является самым совершенным и достойным из всех животных (как говорит правовед Марло), и с большим разумом следует отдать ему предпочтение всем созданиям, которые подчиняются ему, поскольку животное настолько мудрое и божественное среди всех животных, что есть на Земле, хотя и включало в себя все, что природа щедро распределила с животными. У него больше, чем у них понимания, разума и у него есть руки. А не потому, что у человека это было — он мудрое животное, если не потому, что у него были руки, орган, подходящий для столь сдержанного и мудрого животного, потому что они служат ему тем, чем служат естественное оружие у зверей, дальше, ближе, что животные не делают с тем, что у них есть. Руки не только служат ему для защиты, но и для многих грубых вещей, потому что являются инструментами для всех искусств и не менее полезными и подходящими для мира, чем для войны, как говорит Тален. Человек не нуждается в этом оружии, потому что всякий раз, когда он захочет, он может взять оружие сильнее и лучше, чем у зверей, потому что руки помогают ему, говорят, спрашивают, обещают, звонят, увольняют, угрожают, утешают, отворачивают, боятся, просят, они отрицают, они каются, утверждают. С ними проявляются лицемерие, печаль, сомнение, исповедь, покаяние, величина, подражание, число, время. Наконец, вместе с остальными, как говорит Квинтилиан, они охватывают все части тела, и человек делает

с нити естественную защиту, с которой индивидуум себя защищает, потому что в законе о добродетели, ценности и усилиях, и даже во всей добродетели благородства жизнь должна быть сохранена и не потеряна безрассудно без каких-либо плодов. И отсюда я понимаю, что не будет такого человека, который забыл бы о себе и о падшем духе, и о таких болаивых тысячах, что, когда вы пришли в точку, в которой можете потерять жизнь, не возвращайтесь к своему самодовольству, спесивости и не доставайте силу из слабости, чтобы искупить убежища и защищать себя, потому что вы этого не делаете, а попадаете в два греха от большой и наиболее ненавистной уверенности, а также из-за дисциплин, которые были изобретены, чтобы украсить и развить дух человека и вернуть обратно в прежнее состояние на политический путь, который я всегда имел с большим почтением. И что еще более важно, — что достигается всеобщая польза от всего, имитируя в этом серьезных людей, которые всегда предпочитали юридический факультет всем остальным частям философии, видя, что нет места или момента времени, где бы это не было необходимым, потому что публично или секретно — это удобно для каждого в частности и для всех в целом (как говорит Миндари). Эта часть философии распространяется на то, что касается таможи и правительства города, подстрекающих хороших к добродетели и пугая плохих парней наказанием, направляя всех с законом разума твердо и просто с помощью полезной вещи, пока не дойдут до хорошего конца, наказывая того, кто нарушил это, и вознаграждая того, кто подчиняется, как говорит Платон. И хотя сложность и ширина этого вопроса не страдают от краткости, у меня не так мало приготовлений, как теперь, чтобы использовать это, потому что вы рассказываете нам, как понимается мнение некоторых докторов в дестрезе. Я попытаюсь что-то использовать из этого, и этого не будет много, потому что, как говорит Симплицио, все, что известно, — мало, в отношении того, что игнорируется. И по этой причине, когда кто-то знает больше, чем я, в науке, в каком процессе я не восхищаюсь собой, потому что, по словам Эврипида, все не могут этого знать и не могут делать все. И несправедливо, что здравомыслящие люди настолько хитроумны и настолько устали от своего воображения, что смело говорят, что никто другой не знает лучше меня, потому что в некотором роде это богохульство против всемогущества Бога, который создал все в соответствии с законом и в силу различного эффекта, и дал каждому животному свой особый дар, а людям разум (как говорит Мантано). Так что, как будто бы с помощью тортоза они могли бы стянуть и подавить свои привязанности, используя их во всех вещах власти, чтобы хорошо жить. И Цицерон говорит, что закон, который устанавливает разум среди людей, — это как колдовство, некая связь, которая включает весь город, потому что закон пришел от заключения договора, который заставляет соблюдать его, что Сабино называет правилом. Ибо тот, кто следует истине любого искусства, не отходит от того, что справедливо, цель которого — побудить людей к добру и отделить

их от зла. И его действия должны командовать, запрещать, разрешать и наказывать, но люди предаются порокам, и они обволокли в эти пороки неуважение к разуму и пренебрежение к природе. Так что было решено, что, по словам Папиниано правоведа, постепенно были установлены универсальные законы о защите отдельных лиц и защите общества. Эти законы были посвящены Богу и людям (в отношении которых Мингар сказал, что закон был повелителем всех во всех местах) и имел свои принципы и авторов в соответствии с разнообразием времен. И, как говорят древние, часть из них приняли законодатели Моисей, который получил закон на горе Синай, написанный перстом Божиим. Это значит, что его дал Святой дух, как будет видно в Исходе, и, таким образом, был истинным изобретателем божественных законов, и он первый, кто говорил с Богом лицом к лицу, и первый, кто дал эти законы халдеям. Вторая часть еще до конца не понята и не прояснена, что заставляет разум побуждать древних ставить законы под сомнение, что это вымысел и басни, подтверждающие (не без большой тайны), что они получили их от Богов. И среди изобретателей говорят самые серьезные писатели, что Офирис был первым, кто дал законы египтянам, удостоверяющим, что он получил их от Меркурия, другие говорят, что то, что Зороастр дал персам, он получил от определенного духа. Но Замолса сказал, что то, что он дал скифам, было дано ему от руки богини Весты. Минос Кандиан, Драко и Солон Афинянин сказали, что они получили их от Юпитера и Минервы. А те, что Луккурго дал спартянам, он поклялся, что они от Аполлона. Кума Помпилио сказал, что те законы, которые он дал римлянам, он получил от нимфы, посланной от богов. Но арабы сообщили, что их открыл им дух.

Творит Эудемий. Кстати, я восхищаюсь множеством законодателей, но скажите мне, они дали их в письменном виде или в виде заповедей, наказывая тех мужчин, которые нарушали их?

Творит Полемарко. Некоторые законы были даны таким образом, а другие были отпечатаны. И первые, которые в свое время были написаны, были спутниками Аякса Ойело. Затем они следовали Селеуко, подражая обычаям спартянцев и критян, что было очень строгим. И Церес отдала их Сиккулам, из-за которых поэты называли ее легкостью. Пророки дали их египтянам. Халдеи Вавилонянам. Тригемист, или Минас, как его называют некоторые, и Филалао Коринто отдала их императорам и египтянам рукой Меркурия. Софисты дали их индейцам. Мино и Радатанто — критянам. Андроногоро отдал их халцедонам, которые жили во Фракии. Фидо дал их коринфянам. Аподато — телесийцам. Коранда — карфагенянам, получив их от Сатурна. Орфей дал их тем, кто из Фракии, хотя он не был в этом хорош, согласно словам Лучано. Маконеу, Протагор дал их написанными туркам. И поскольку секты философов взяли имя своего автора, т. е., от Сократа сократовские, от Платона академические, от Аристотеля перипатетические и так далее, то у этих законов были названия своих изобретателей, как говорит Макробио и Коррандо Бруно. Но

вы согласились с тем, что они ввели божественную власть в законы, по словам Лилио Тираальдо, потому что люди не дорожили ими и не нуждались в них.

Творит Эудемиио. Потому что разум не оставил законы среди них, потому что ни один так не справедлив, как все эти хорошие.

Творит Молемарко. Несколькó справедливость — это дух, который, кажется, отделил Законы, которые не основаны на справедливости и честности. А это не что-то другое (по мнению Сесло), что подходит и что хорошее. Все эти вещи отсутствуют у законодателей, о которых Цицерон говорит, что, чтобы остановить подателя закона, целесообразно знать мастерство, эрудицию, иметь навык и опыт в различных вещах, потому что (согласно Модестино правоведа), право дает разрешение для всех или является необходимостью, или подтверждает обычай, и поэтому законы не оставались в каком-либо одном качестве, они чередовались между собой изо дня в день, главным образом, чтобы каждый уважал свои особые интересы, устанавливая более строгие законы, чем преступления, которых следует опасаться. А другие, подобные другим тиранам, сделали их полезными для вас и вредными для обычных людей, или сделали их полезными законами для своих городов и вредными для поселений (как говорит Марсаний). Другие делали их нерушимыми, как афинский законодатель Драко, который присуждал смертную казнь всем грешникам, а Солон потом смягчил и исправил это наказание. А Радаманто наложил закон Талиона. А эти права все были изменены в зависимости от времени, а также случаев и религии людей. Потому что Фридрих III был первым, кто основал закон о повешении всех воров, что обычно между нами практикуется, и если он сохранился, то это потому, что он был подкорректирован в соответствии с христианскими ограничениями и правосудием. А у вас будет причина испугать их этими крайностями, потому что молодые люди в Лаконии и Египте должны были украсить их для Донайра и лицовать. А Хулио Сезар в своих комментариях говорит, что немцы кражу не рассматривали как преступление, смотря, что Фредерико об этом подумал. Поэтому для веры и поклонения законам утвердилось, что они получили их от небесного министра. Но Платон берет начало своих законов только от Бога, в котором говорится, что он является общепринятым подателем справедливых законов, и это подтверждается в диалоге, когда Протагор говорит, что Прометей обучал людей наукам, принадлежащие человеческому правительству, о чем свидетельствует человеческое благоразумие, но законы, для того, чтобы хорошо жить, получены от Юпитера, что на языке Платона означает божественное провидение с помощью Меркурия, означающее ангельское вдохновение. А как он сам говорит в другой части Миноса, Пикурга и Солона, которые были теми, кто дал законы грекам, взяли большую часть своих, удалили, добавили и изменили, и снова нашли другие. А он сделал это, потому что они взяли их от Юпитера, Аполлона и Минервы, в значении, что солнце, которое является властелином всех планет, дало законам силу, Юпитеру милосердие,

а Минерве мудрость, что охватывает законы человеческой природы. Поэтому Платон сказал, что справедливый закон — это то, что совершает всех людей подчиняться ему, правила служат для мудрецов, исправляя то, что наделали невнимательные, и поэтому Аристотель говорит, что добродетели произошли из законов, хотя другие говорят, что законы были созданы добродетельными, а не наоборот, потому что люди, которые живут не по добродетели, живут против природы, и их нельзя назвать людьми как таковыми. Поэтому греки называли других варварскими нациями, потому что они не жили по добродетели и не позволяли себе подчиняться законам. А, придя к нашей цели, я говорю, что человек — это город, в котором есть министры, которые управляют и правят этой республикой, и другие, которые управляют общим правосудием, что является тем, что империя содержит в себе все добродетели, которые определяет Ульпиано, говоря, что это воля, которая с постоянством дается каждому, принадлежит ему. А заявляя это, Цицерон говорит, что это — привычка ума с действиями воли или к тому, что он делает. Что тот, кто имеет это, — сохраняет общую полезность каждого своего достоинства, и Аристотель учредил два их вида, которые называются универсальное правосудие и специальное, которое делится на коммутативное и распределительное. Коммутативное правосудие касается соглашений, и дает каждому то, что принадлежит ему с определенной геометрической пропорцией, а распределительное — запрашивает общие товары, сохраняя арифметическую пропорцию (как мы уже говорили во второй книге нашей моральной философии). Но универсальное правосудие — это то, что заставляет нас подчиняться законам, и это называется законной справедливостью, потому что это защита законов, которые должны храниться в любом городе, которые по-разному соответствуют справедливым принципам, из которых они вышли. А чтобы лучше понять, что запрашивает это разнообразие, вначале целесообразно знать, что Аристотель делит их на законы людей, которые являются правом народа, и на штатские — все те, которые находятся в любом хорошо управляемом городе.

Творит Эугенио. Но какой причине философ не находится между этими законами, что я слышу обычно говорят: естественное право? Творит Молеарко. Потому что они включают в себя те, которые он упоминал (как вы увидите) из-за вещей, которые должны храниться в любом городе. Есть некоторые, которые по инстинкту природы запечатлеваются в понимании людей. Есть два вида: некоторые, которые естественные для человека не как человек, а как животные, которые являются тем, чему природа обучила животных, согласно Ульпиано, и по этой причине они являются общими для всех, также, как и любовь детей и защита от зла и вреда, которые характеры как для животного, так и для человека, по словам правоведов Мауро и Бартоло. В человеке также присутствуют некоторые естественные законы, в человеке, а не в иррациональном животном, потому что, если вы посмотрите на это, то естественно обнаружите во всем

определенное убеждение ума, побуждающее нас поступать хорошо, потому что в нас есть некоторые практические принципы, которые известны всем людям, согласно тому, что говорит Дамаскин, как Бога нужно бояться, повиноваться, почитать. Благодарность от добрых дел, которую мы получаем, сопротивляется одной силой против другой, и никто не должен делать зло другой, если он не хочет, чтобы ему тоже навредили. Это известные всем принципы, которые называются природными законами, потому что они не зависят от порядка людей и того, кто их составляет или нет, не по этой причине человек обязан соблюдать их по законам природы так, как естественный закон, который заставляет человека хранить его или потому, что это животное или человек, или природа, а не по уставу людей. А этот закон, который по инстинкту природы коренится во всех людях не как животных, а как людей, Тертоген и другие правоведы называли правом народа, являясь общим для всех людей. А поскольку несправедливость оказывает доверие только на туркчин, а не на других животных, как говорят врачи, то сопротивление несправедливости с умеренностью — это право людей, хотя с большим основанием (по-моему) это можно было бы назвать природным законом, потому что это не опыт или мнение людей, а той же природы или того, что люди хотят или не хотят, чтобы это было высечено в камне и душах людей.

Творит Эугенио. Тогда какие из них мы будем называть ясным утвердительным законом?

Творит Полетарко. Никакие, потому что ясный утвердительный закон не тот, который дает природа, а тот, который устанавливает каждый человек, присваивая своему городу закон, который ему подходит лучше всего, что, согласно Аристотелю и правоведу Манинано, является общим предписанием, полученным из аналогичного убеждения всех. Из этого я понимаю, что, если бы люди действовали, как должны, опираясь только на естественный инстинкт, как звери, не было бы необходимости в ясных утвердительных законах. Потому что другие животные управляются каждым в соответствии с их особенностями, и что в соответствии с разными законами, которые даются, они не будут работать с другой силой, а также, если человек будет управляться своим инстинктом и не сможет работать, кроме как в соответствии с его природной характеристикой. Они должны были лишиться все законы, которые они учреждают для своего правительства, потому что, действуя в соответствии с указанными принципами, разум всегда будет управлять ими, и их работы станут естественно справедливыми, без необходимости других утвердительных законов. А по этой причине некоторые философы называли разум законом жизни, а сам закон подарком Бога. Более того, только люди среди всех животных были изучены и улучшены в системе наследования великодушия и свободы воли. Потом, когда зло проснулось в их духе, они стали прятать друг от друга чистоту своих сердец, говоря вещи, которые они не чувствовали, и понимая других, которые не хотели говорить. Это дошло до крайней точки, что им была дана речь

в случае, если толкователь понятий ума (как говорит Аристотель) использовал ее наоборот, и они сделали то, что, по их мнению, было самым сомнительным и присоединились к этим плохим принципам. Они обвиняли друг друга не только в сокрытии и маскировке их конценций и намерений, но больше в работах, иногда раня себя, иногда убивая друг друга, таким образом, что природа дала это им общее, они не хотели это ни признавать, ни допускать, но каждый из них был чем-то сильным по отношению к специальному закону в ущерб следующему, для чего это было необходимо, чтобы жить, подавлять и сдерживать природные законы в соответствии с тем, что говорит правовед Ульпиано. Увидев тогда тех людей, которые оказались более благоразумными, с более тихими чувствами, злоба людей стала бесстыдной и наглой против святого намерения природы, которая всегда хочет совершенных вещей, как говорит философ, и считая, что ничто не является более пагубным для общего обращения, чем заслуженная свобода простонародья, где растет чрезвычайное зло общественного вреда, поскольку Сократ спорил с Платоном и Цицероном, пользуясь законами. И создавая из них собрания, они решили, что было бы хорошо умерить чернь тортозом разума, чтобы исправить и изменить пороки, культивируя желания почти так же, как в защите законов природы (как говорит св. Златоуст), потому что как доктор ищет исцеление страдающего тела, законодатель искал исцеления и исправления желаний, для чего придумали поэзию и риторику, с помощью которых они ослабляли их и видели, если они были стабильными и устойчивыми. Они с любовью заперли их и собрали в городе, где потом спрашивали каждого из них на случай, если он хотел, чтобы кто-то его убил? Он ответил, что нет. На это отвечали молодые люди. Тогда не будет справедливо, что вы никого не убьете? Но, если вы это сделаете, они накажут вас. И в других случаях они сдерживали их убеждениями, упорядочивая и устанавливая то, что они считали наиболее необходимым, когда у них были цели, иногда с делами и угрозами, иногда с болью и страхом, всё из которых укрепляло тех серьезных молодых людей, которые приводили в порядок какое-то толерантное правительство, справедливую сдержанность и спокойствие к законам природы, которые приумножились, так как возросло зло и преступления людей. Но человеческое зло дошло до такой степени, что уже невозможно представить, что законы стольких осторожностей и защиты могут понять количество зла. Так что был создан закон, который потом хитрость человеческого ума пыталась осквернить, аннулировать и обмануть, так что изо дня в день необходимо создавать эти ясные утвердительные законы с новыми предостережениями и основами, и то же самое будет до конца света, чтобы легче в нас находиться, чтобы затруднить добро, которое делает закон. Это порядок того (хотя у меня его не было) как был найден утвердительный закон, как животный, так и человеческий. К чьей имитации католические законодатели составляли законы, ограничиваясь правосудием и исправляя их с помощью благоразумия, в соответствии с чем просили повода,

потому что, как сказал Крисп, ссылаясь на Марциано правоведа, закон является королевой всех божественных и человеческих вещей, который преобладает в плохом и хорошем, в принцах и королях, потому что это не похоже на паутинные нити, которые связывают и понимают тощих и ничтожных животных и разбиваются о великих и могущественных, как говорили Анахарсис и законодатель Селевк, что каждая утвердительная заповедь предполагает некоторую природу, как то, что человек естественно должен чтить и помогать своим родителям. Утвердительный закон определяет, какая честь уместна, чтобы это сделать, и какую казнь заслуживает тот, кто ее нарушает.

Творит Эвгемио. Скажите мне, по какой причине эти ограниченные законы, а не универсальные, как таковые от природы, как вы утверждаете, все предполагают естественный принцип?

Творит Мелемарко. Потому что плохое возросло в людях настолько, что согласились с тем, что законы были ограничены, потому что у одного был опыт, что чем более универсальными они были, тем легче было бы злобным получить возможность умалить их и разорвать их, как они сделали сначала общим законам от природы, и поэтому было решено, что утвердительные законы должны быть ограничены и исправлены, как те, которые исповедовали христиане, объявленные и помещенные Римско-Католической церковью, просвещенные Святым Духом. Итак, это священный закон, честный, необходимый, устойчивый, ясный и полезный, установленный и внедренный для нашего спасения, который заставляет нас жить хорошо и свято. А из-за человеческой злобы происходят разные случаи в одном и в другом городе, поэтому они были созданы в этих нескольких законах теперь природой тужчин и странностью народов. Теперь по различным территориям и регионам соблюдаются обстановка и привычки, и поэтому есть краткое изречение, которое гласит, что касательно закона и религии для этих изменений и разнообразия вы должны понимать, в чем они затрагивают человека, что законы истинной религии не могут страдать от изменения, потому что их истина безошибочна во все времена и в любом месте и никогда не изменяется, что они ни уважают нации, ни используют опыт или посторонних, как например политические законы, которые могут изменяться как Протей в соответствии с указанными соображениями.

Творит Эвгемио. Я хорошо знаю, что католическая вера, исповедуемая христианами, никогда не может быть изменена, потому что ее истина — это тот самый Бог, который никогда не может получить многообразие, и он не задумывает вещи во времени, потому что у него есть вечная идея, из которой следует, что только наш католический закон вечен и не способен изменяться, и я признаю, что нет другой религии с истиной за пределами этой, а только ложное изобретение ложных фиктивных обманщиков, установленных Дьяволом против истины, чтобы привести души в ад. А потому, я удовлетворил любопытство касательно происхождения утвердительного закона, так как вы начали просвещать меня в этой науке, чтобы удовлетворить

желание, что я должен знать, потому что они называются гражданскими правовыми законами.

Творит Мелемарко. В любой хорошо зарекомендовавшей себя республике существуют законы многих партий, которые берут название города, для охраны здоровья и сохранения которых установлено, что (согласно правоведам Папиниано) они называются гражданскими, потому что их нужно держать в городах, хотя среди них (как мы сказали) есть некоторые, которые являются естественными, а другие составными, в частности, от законодателей в городах согласно качеству правительства каждого из них, которые увеличиваются или ограничиваются, или обновляются в соответствии со временем. И чтобы понять вышеизложенное, знайте, что закон существует двумя способами: божественным или человеческим. При божественном или естественном, или установленном законе имеет смысл знать естественное, как Десять заповедей закона, которые вытекают из суждения разума или являются божественно установленными, как законы, которые Бог поместил в природу человека, которые есть в Евангелии. Мы крестимся и получаем тело и кровь сына Божьего. Но человеческий закон существует двумя другими способами. Тот, который затрагивает закон народов, вытекающий из универсальных принципов природы для какой-то необходимой цели, удобной для блага всех людей, таких как разделение имени, сожителство, покупка и продажа. И другие законы — гражданские, которые размещены в городе для сохранения здоровья граждан и спокойствия всех республик. Законы, которые касаются спасения души, мы называем священными, католическими, папскими и каноническими. Наконец, закон благодати является идеалом закона природы, а все остальные называются гражданскими, которые берут название своего рода, как это обычно бывает во многих вещах, что название рода придает разнообразию видов. И знайте, что первое, что называлось гражданским правом, было от римского народа, который получал разнообразие в разное время. И первыми учредителями были Марко Мурсио, Луций Бруто и Публио Манилио. Наконец, правоведа называют гражданские законы также частью утвердительных, все из которых были упорядочены, как для культа религии, так и для защиты людей и городов.

Творит Филандро. Вы пользуетесь этим настолько обильно, что мы не испытываем никаких сомнений во всем, что затрагивает происхождение и разделение законов. Расскажите нам кое-что о праве, которое есть у всех вещей, чтобы естественным образом защищаться, чтобы суть осталась на своем месте.

Творит Мелемарко. Природа настолько благоразумна и либеральна (как утверждает Оливио Метесуано), что нет зверского животного, в которое она не поместила бы никакой добродетели в его сущность или рассеяла в фантазии, которой я доверял, в которой рыцарь торжествует самодовольством, потому что он не создавал вещи зря, как говорит Теодорито. И если вы хотите поэкспериментировать, найдите наименьшее животное в мире и раньте его, и вы увидите, как в соответствии

с силой его тела, он защищал себя и даже пытался атаковать. Может быть откровенным перед Богом то, что в отчаянии находится величайшая мерзость и трусость всех, и другое — это неблагодарность. Первое, он полностью уничтожает себя или позволяет убить себя, не защищаясь, и оба они оказываются в затруднительном положении. Второе, человек не вернется, в случае, если, как и должно быть, у него немощная жизнь и душа, которые так дорого обошлись Богу, что он даже умер за это и позволил себе быть убитым, но человек, оценив малостью то многое, что он получил, падает в грех неблагодарности, имея обязательство сохранить это, потому что Бог хранит его и не позволяет убить, разве что ради чести своего Создателя и для поддержания католической веры, которую он исповедует, что тогда будет законным и принесет больше, чем было потеряно. Мы не довольствуемся тем фактом, что это так, несмотря на то, что мы только что это видели, поскольку во всех существах очевидно, что они защищают себя согласно естественному праву. Мы учитываем неживые вещи, и найдем в них нашу собственную естественную потребность уберечь себя, потому мы видим, что они противостоят противоположному настолько это возможно для них, и если мы возьмем воду и наложим часть ее на что-то, что имеет противоположные качества, то стороны образуют глобус, откуда пришли естественные свойства, чтобы выяснить, какие части воды круглые, что это также целое. Но я убежден в том, что, эта круглая фигура является самой совершенной из всех, которая касается всего лишь одной точки какой-либо вещи, которую она приносит. Вода, естественно приятная, принимает и обратно возвращается в круглую форму, в которой она касается своей противоположности только в одной точке, что является наименьшим, что она может дать, потому что действия направлены на то, чтобы подражать в ее деле во всем, что можно. И поскольку существа являются следствиями Бога, чье существо является вечным, они пытаются увековечить себя в своей бытии (если могут), подражая ему. Теперь заметьте, если натура (природа) является защитой, что, если бы в природе была фигура, — она оставалась маленькой, которую можно было бы собрать в большую, чтобы укрепить себя. И это она преобразуется, чтобы лучше сохранить себя и защитить. И поэтому мы видим по опыту, который сохраняется и поддерживается настолько это возможно, в круглой фигуре, собирая ее силу, убегая и отходя как можно дальше от противоположности, до тех пор, пока качество и сильное противоположное качество не победят, не уничтожат и не преобразуют меньшее в наибольшее. Это будет так в наших глазах. Справедливо будет, что такая драгоценная вещь от Бога, как человек, который родился, чтобы служить ему и благодарить его во время жизни с помощью услуг, благодеяний и того, что он сделал, все это для того, чтобы дать ему быть человеком, а не растением или животным, и сделать его христианином, а не язычником, чтобы не потерять свою жизнь по своей вине или не отнять ее у кого-либо, прежде чем защитить положение, в котором Бог вкладывает в душу

все возможное, до тех пор, пока он не сможет быть достоин защиты, ранить, когда может, чтобы защитить себя. Потому мы видим, что неодушевленные вещи заботятся о своем сохранении и природа, которая дала стволы и деревья, и даже иногда они гибались, чтобы защитить себя от холода, и от других неприятностей, которые обычно занимают время. А как говорит Опiano, по словам Лауренцио Липпо и ссылаясь на Аполито Сальвиано, защита животных настолько естественна, что, когда змея собирается иметь дело с муриной, она не убивает ее, а оставляет яд в определенном месте, и на случай, если она не найдет яда на обратном пути, поскольку змея видит себя без своей естественной защиты, с которой она считала себя сильной и уверенной в отношении других животных, — она позволяет себе умереть от боли и страха, будучи лишенной своего оружия. А потому животные защищаются естественным инстинктом и позволяют себе умереть, когда им нечем защищаться. Люди с большим разумом хранили и защищали свою жизнь. Это право как священная вещь, которая родилась и утрат с человеком, и нет силы, которая может забрать это право, ни вывести из этого владения, не будет закона, который приказал бы человеку не защищать свою жизнь, с утратенностью, которая целесообразна, или даже, если человек хочет, чтобы у него этого права не было, перестанет защищаться, потому что допускает с проявлением воли, что он не будет защищать жизнь, приходя к выводу, что хочет опустить ее, так как ему не хватает убеждения разума, естественного инстинкта, как его животное защитит его и заставит его защищать жизнь, сохранение которой он естественно желает. А, предупреждая об этом, дарители законов дали право и заявили, что были люди, умеющие убивать без боли (наказания), защищая своих людей. Более того, для того, чтобы защита была законной и оправданной, необходимо, чтобы сошлись три вещи, которые побудили сдержанность (называемую законами) к оправданной защите. Первая это то, что между агрессором и атакующим есть утратенное деление в оружии, чтобы оборона была пропорциональной, потому что, если бы было много преимуществ со стороны защищающейся стороны, будь то в оружии или в пользу друзей — это отрезает защиту, чтобы называть ее справедливой. Вторая это то, что защита делается сейчас, в данный момент, чтобы защитить жизнь, не теряя при этом честь, потому что, несмотря на то, что достаточно доказать, что это было сделано для защиты, это вещь полезная и уместная, нужно еще доказать, что это было сделано с помощью необходимой защиты, и что в противном случае нельзя было бы убеждать вместе с жизнью, ни остаться с честью, потому что, если это было сделано с обдумыванием и после этого случая, без необходимости в спешке противника, — будет недоставать качества, которое делает движение агрессора справедливым, потому что причина защиты зависит от несправедливого правонарушения. Третья и главная вещь для того, чтобы защита была законной и оправданной в совести, — это чтобы это было не для мести человеку, для знания которого необходимо принять во внимание время

и место, оружие, и то, как это делается в соответствии с вальгарскими толкованиями. Давайте сделаем коробку этого здания с доктриной святого Фомы, чтобы она несла истину, которая полезна, и власть, которая достигается дисциплиной, которую используют такие серьезные люди. А чтобы она полностью соблюдалась, — мы докажем выводы с наиболее обоснованными взглядами законодателей, и первое заключение Святого — это что ни для кого это не было законным забрать жизнь своего ближнего в защиту самого себя, если только это не когда нет других средств или путей, чтобы спастись с жизнью, а только остается убить агрессора, потому что, когда он забирает жизнь, он стремительно нападает, и нужно убежать с жизнью. Атакующий может убить то, что является законным, потому что одна сила вынуждена противостоять другой с умеренностью, которая целесообразна, что есть у правоведа Флорентино.

Говорит Мелисо. Истина, которую я достаю из этих двух умозаключений, заключается в том, что естественное право дает мне лицензию и свободу, чтобы иметь возможность сохранять жизнь, которое уже определено как несправедливое, что выходит за рамки закона, и по этой причине защита будет законна для меня, потому что это необходимо, потому что там, где преступление запрещено, предоставляется защита в соответствии с Десио Марло де Кастро и Анджелио. Будучи всё таким образом, я более обязан попытаться сохранить свою жизнь, а не жизнь моего ближнего, откуда следует, что, когда я чувствую, когда на меня нападают, я не могу сохранить жизнь, а разве что убить того, кто меня атакует, тогда я не буду убийцей, а буду хранителем жизни, притворившись, что сохранил ее при защите, а если кто-то уарет, так это несчастный случай, следовавший за защитой моей личности. Так и есть у Марло правоведа, Папа Клементя и всех законодателей.

Говорит Полетарко. Очень удобно, чтобы фехтовальщик знал, что это никогда не было ни для кого законным убить другого силой собственной и особой, чтобы защитить свою жизнь, потому что эта атака в обороне типична для принца и республики, объявляя войну против своих внешних врагов или забывая жизнь внутренних, которые являются теми, кто в той же республике живет злобно, поскольку судья наказывает злоумышленников и преступников ради умиротворения его республики.

Говорит Филандро. Но правде говоря, не хватает того, кто бы сказал, что нужно обратить внимание на то, где нападавший был принужден по совести, чтобы его убили, потому что агрессор не умер (серьезная вещь для меня), когда король или капитан, или другой очень полезный человек республики, собирались убить человека, который мало приносил пользы, был ничтожного бытия и значения, жизнь которого не нужна, как жизнь агрессора, потому что общее благо всегда должно отдавать предпочтение конкретному благу. А я не знаю, достаточно ли этой причины, чтобы низкий подлый человек был убийцей сам по себе, главным образом имея то, что наш Бог умер в равной степени

за то и другое, более того, если Хусито защищал справедливое дело и несправедливого начальника, зная, что этот человек может убить в свою защиту человека любых характеристик и достоинств, потому что утвердительное право не аннулирует естественное. Аналогичное есть и в решениях Капиусо.

Творит Мелисо. Если один конкретный человек атакуется всеобщим и необходимым сообществом, или армией, как царь, или капитан, даже если причина агрессии несправедлива, и он атакован, чтобы убежать с жизнью, — у него не было более других средств, кроме как убить агрессора. В таком случае он не может с чистой совестью убить его, разве что чувствовать смерть, уважая общее благо, которое должно быть предпочтено конкретному благу его жизни, из которого следует, что это не будет убийством самого себя (как вы говорите), за исключением терпеливости. У отсюда Святой Тома очень хорошо говорит, что король или капитан, которого атакует другой человек с небольшим уважением и почтительностью, из-за общественного блага будет вынужден защищаться, страдая от смертного греха, потому что это справедливая защита.

Творит Мелемарко. Человек также может законно взять жизнь вора ночного и дневного.

Творит Мелисо. Мне не кажется, что законно убивать главным образом дневного вора, ибо жизнь человека стоит больше, чем имущество в соответствии с законом, и по этой причине он более обязан иметь жизнь своего ближнего, который спасает его собственное наследие, и поэтому у него есть удача в законе. Утвим и святой Августин об Исходе говорят, что нельзя законно убить дневного вора, если это не защита с оружием, потому что, конечно, вор не приходит, чтобы убить, а, чтобы своровать. Тогда, при защите имущества никто не может убить вора, потому что то, что разрешено в защите жизни, личности и достоинства, не совсем правильно понимается защитой имущества, которое может быть так легко получено и потеряно, что невозможно понять в жизни, что, устранив один раз вора, он не восстановится, и даже у Казанеуса есть, что, если ночной вор не защищает себя, они не могут убить его.

Творит Мелемарко. Вы уже видели, что есть краткое законное выражение, которое гласит, что товары и жизнь идут по принципу равенства, тогда человек может взять жизнь вора, который берет украденную собственность на большую сумму в соответствии с тем, что говорит Бальдо и более того, когда понимает, что нет другого средства правовой защиты, ни приема, чтобы иметь возможность покрыть это, если он не убивает его в одном и том же преступлении, согласно настоящему закону, который гласит, что защищая вещи, которые захватили силой, чего не могли сделать священники и другие духовные лица в соответствии с законом Канона, более для защиты, а не убийств, и чтобы представить это мирянину, потому что собственность, которую имеет человек, это средства, чтобы жить и как-то способом убить агрессора, который приходит, чтобы забрать

жизнь. И по той же причине тот, кто забирает средства к жизни, это имущество, которое должно быть в большом количестве, потому что нечестно, что ради маленькой вещи забирают жизнь человека, которая так много стоит. Откладывая это, когда нет возможности покрыть это материально, потому что, если есть справедливость, вы никоим образом не можете забрать жизнь, потому что тогда это не с умеренной ответственностью, а с виновностью, — сказала я, когда боролась в настоящее время, или в то время как бежала с имуществом, потому что тогда можно сказать, что он стремительно атакует, если его схватили или заперли где-то. Они доставят некий дискомфорт человеку, атакуя его, и не защищаясь от него, что нельзя сделать с доброй совестью более, чем прибегнуть к правосудию, так что правда, что никто не виноват, кто убивает другого в своей защите с такой сдержанностью, что, если бы кто-нибудь убил его или ранил какого-либо священника, это не было бы безнравственным и его бы не отлучили каким-либо образом от церкви, как утверждал Папа Аннокентий III. И причина, которую несут канонисты, заключается в том, что, чтобы совершить проступок из-за преступления убийства, необходима вина за убийство, по крайней мере, одного, за исключением судьбы, что, хотя тот и не грешит в убийстве человека, является неканоническим. И все законоведы заключают, что тот, кто убивает другого, используя защиту, необходимую для спасения своей жизни, не совершает никакой вины, потому что он делает естественную, святую и справедливую работу, поскольку, как вы видели в прошлом, ничто не сделало гражданское право больше, чем дало это написанным законом, сдержанность, которую посылает природа, которая была спасена без какой-либо умеренности. И вместе с другими они создали законы, это было справедливой сдержанностью. Из этого следует, что этот человек не является безнравственным и не отлучен от церкви, и тапатор не делает запрещенную работу, защищаясь с умеренной сдержанностью. И истина настолько тверда, как говорил св. Фрота выше, что, если человек использует защиту спокойно, умеренно, мешая, чтобы ему не отрезали какую-нибудь конечность, что меньше, чем защита жизни, — он все равно не будет безнравственным и не будет отлучен от церкви, потому что вся душа находится во всем теле, и вся в какой-то части, и от раны можно было следовать за смертью, и это в общем есть у Сильвестро в Сутте и Клеменсии, если Тенсало-де-Вилья-Диего и Кобаррубиас яростные, а в Священном Мисании вы найдете во втором из королей оправдание защиты в конфликте, произошедшем между Уава капитаном Давида и Абнером, капитаном-генералом Усвофеха, первенца Саула, где Абнер был побежден, и в достижении Афаэля брат Уава преследовал Абнера, чтобы убить его. Но Абнер, поворачивая лицо, дважды потребовал мира у Афаэля, говоря, что он не будет преследовать его, потому что он заставит убить его, даже если тот этого не хочет, но Афаэль презирал увещания и просьбы о мире, не давая преследовать себя, за что Абнер вернул железо копья, воткнул его и убил Афаэля при своей защите. После того, как Уав

узнал о смерти своего брата, он убил Авнера, по приказу, который ты скажешь далее в предательстве. Смерть оплакивалась Давидом, он искренне сожалел, и чтобы наказать это без причины от своего капитана Иоава, он послал к его сыну Соломона, который не оставил это преступление без наказания, как ты скажешь в своем месте.

Творит Эдгемю. Очень кстати пришел этот случай священного писания, чтобы оправдать защиту, но посмотрим, был ли мой враг заперт, и я знал, что он намерен забрать мою жизнь и ждать времени для этого, и что я должен сделать, чтобы выйти из этого конфликта оправданно.

Творит Нолетарко. На это отвечает святой Фрома, что вы не можете убить его с доброй совестью. Сначала, когда он напал, бегите (если можете), потому что вы не защитите нас, уйдите от него, а не берите на себя особые полномочия, что не является законным, если только не для республики и принца. А не расстраивайтесь, потому что я сказала, что вы должны, словно увидев льва, убежать.

Творит Мелисо. Это правда, но когда вы чувствуете, что они это видели, вы стоите и ждете, и вы хорошо знаете, что слава и уважение мужчин — это состояние нетронутого достоинства, когда-то почти того, чье сохранение проверяется законами и обычаями (как говорит правовед Калистрато), поскольку мы видим, что вы хотите, чтобы там был человек, имеющий честь, отдавая предпочтение всем вещам, по словам Юлиана, и более того, если он иногда ставит жизнь под угрозу для славы, мало попадая в беспоконья без урызвений совести? Король Дон Алонсо говорит, что слава должна быть сохранена во всех путях мира и положить жизнь на это, назвав себя жестоким и убийственным человеком, который презирает жизнь и потерял немного славы. А священник говорит, настолько заботясь о добром имени и доброй славе, почему это больше, чем сокровища, бродячи миром, который человек должен больше оценить. Какая причина заключается в том, чтобы бежать, потому что это приведет к тому, что человек потеряет славу, значение, честь, завоеванную добродетелью силы духа, хорошим мнением и доверием, и будет унывать среди мужчин, то есть, у него будет гражданская смерть. Потому что, как и люди, это возможность для мира победить кого-то, поэтому ни больше, ни меньше побег не станет возможностью этого достичь, и понемногу они будут забирать его жизнь, с которой он бежал, что, к счастью, было бы неплохо проиграть тогда, чтобы не потерять славу, которая надлежащим образом является хорошим состоянием человека, который справедливо живет по закону разума, не имея в себе никакого порока. В подтверждение чего Филон говорит, что человек не ставил в грош потерю славы, полезную для всех состояний жизни, как религиозных, так и светских, и то же самое во многих местах говорят святой Августин и святой Иероним, Казногоро и Сенека. А потому, для защиты имущества я могу развить (как вы видели) честь намного лучше, чем имущество, и личная обида превосходит по достоинству любую из тех, которая сделана по причине имущества. Так, ты хорошо

заключим с Манормитано, что, если меня атакуют, и я не могу убежать без позора, я не обязан убежать, потому что честь и жизнь идут с равным уважением и оценкой настолько, что, если я не смогу защищаться от ран или ударов ногами, или палок, или от любых других травм или оскорблений, не убивая агрессора, я могу это сделать и с законченной концепцией своего духа защитить себя. И, если вам это тяжело, святой Фомас приходит к тринадцатому выводу, что обычное название немного использовалось, чтобы убить прославленного человека, который бежал. Можно смеяться с жизнью, но, учитывая, что он может свободно потерять свою честь, не обязательно делать все в соответствии с Фелино, Сильвестро и Апполито. Но скажите мне, если мой враг окружит меня, и будет ждать людей, которые должны прийти и убьют меня, и я знаю, что я вынужден ждать, когда придут люди, чтобы я не мог защитить себя, ни оскорбить любого из агрессоров, потому что вы уже знаете, что, если я буду ждать в соответствии с тем, что показывает демонстрация третьего диалога, я не смогу прибегнуть к помощи ни того, ни другого и по подозрениям это более справедливо, что человек достигнет того, что полезнее его жизни, чем жизни его врага. Поэтому мне не нужно ждать, чтобы с моей стороны была оборона, что противник меня ранит, а только понимать, что он идет, чтобы причинить мне вред, поэтому я первым раню его. И если кто-то придет с обнаженным мечом против меня, я могу защитить себя, прежде чем он ударит меня согласно действительному закону, в котором говорится о зле или о той силе, которую он хочет сделать, потому что воли врага достаточно, и знаки отличия являются пронизательными для работы, как будет видно в этом законе соглашения. Вы были там, когда он убил его, защищая себя, когда другой пришел против него, неся в руке обнаженный нож или меч, или камень, или палку, или любое другое оружие, с помощью которого он мог убить его. И настоящий закон больше говорит, что эта защита должна быть сделана таким способом, что другой будет доставать оружие против него, чтобы убить его или причинить ему боль сначала, потому что, согласно Бальдо и Хасону, достаточно страха от оружия и страха перед тем, кто придет, чтобы сделать необходимую защиту, и это вы найдете у Бартоло и в другом законе соглашения, который гласит, что каждый может защитить себя от тех, кто позорит или принуждает захотеть сделать что-то. И заключает Бальдо и другие, что в этом случае нет необходимости доказывать человеку, что он был в опасности смерти, а только, что боялся какого-то личного оскорбления. Хотя есть такой случай, что, если женщина знает, что хочет убить своего мужа, пока они вместе, потому что для воздействия положила кинжал под подушку, это не ее вина (как это часто бывает). Творят, что эта женщина не может сначала убить мужа, потому что тогда она не будет защищаться, а возьмет на себя то, что он не может сделать с доброй совестью, и, если вам это полезно — я скажу свое мнение не для того, чтобы противоречить этому заключению, которое

я принимаю за правду, а для того, чтобы полностью удовлетворить сомнения, которые я испытываю в этом вопросе. А я говорю, что, если очень искусный человек спорил с другим не таким искусным как он, которого он атаковал, и мог убить или не убить его с той нарядой, которая у него есть, и, может быть, если это был вопрос, в котором искусный фехтовальщик был прав, что они выйдут в пользу агрессора, а не правых братьев, родственников или друзей, при приходе которых ни один из них не сможет защитить себя и не оскорбит ни одного из агрессоров. Мы видим, что фехтовальщик будет обязан бояться этой помощи — убить врага прежде, чем придет вся его компания? А если бы мой враг увидел это с мечом, который у него есть, он не смог бы ранить меня, потому что я более искусный фехтовальщик и сильнее его, — он бы опустил меч и взял аркебуз, который у него уже есть заряженный для этой цели, понимая, что у меня нет защиты против аркебуза. Даже если бы это был арбалет, мог бы я с чистой совестью убить его? Потому что после того, как он у меня есть, у меня не будет никаких средств и приемов. Точно так же я понимаю, что, если муж первым возьмет кинжал, чтобы начать убивать жену, она не сможет защитить себя и утратит без всякого сомнения, поэтому она убежит. Оба постыдно известны и дают повод подозревать, что, если муж не считает это плохим, он будет атаковать первым, что кажется законным. Серьезными могут быть слова мужа, чтобы напугать жену, ждать, чтобы ранить ее, когда она не сможет сопротивляться или защищаться. Я не знаю, что мне говорят, я очень хочу, чтобы любопытные умы пососредоточились в этом сомнении.

Творит Фуландро. Очень хорошо представлен этот случай, и примеры делают его более ясным, чем то, что было здесь, и защита предоставляется отцу сыном, брату, родственнику, другу, слуге, вассалу и рабу хозяина, и раб может защитить себя от своего господина, а сын от своего отца (по словам Бартоло), если он хочет убить его, а не наказывать. Таким образом, все ученые знают, что, если к духовному лицу, одетому в за алтарную одежду, придут убивать его, он может убить противника, защищая себя, и вернуться, чтобы углубиться в мессу без греха и без возникновения неправотного действия, согласно Аполито и Хуану из Линьяно. А мы видим, что защита распространяется настолько, что, согласно тому, что говорит правовед Ульпиано, если я вижу, что многие убивают одного, я могу помочь павшим избытком людей. Это неизбежно следует защите самой жизни.

Творит Молемарко. Не удивляйтесь этому, что говорит святой Ансеньсо, что один может защитить своего ближнего, если он видит, что он убивает и даже незнакомого, как говорит Бартоло, в основном, если он просит помощи против Агрессора, потому что, если он может это одобрить и не делает, нужно полагать, что это способствует травме, и что он является участником этого факта, потому что вина также совершается за то, что он не делает добро, как и когда делает зло, или не предотвращает его и это вина предотвращать добро. Также есть тот, который не мешают за, потому что, если

он не может вмешаться, он испытывает в этом недостаток, согласно тому, что говорит правовед. Таким образом, человек больше становится обязан защищать себя.

Творит Мелисо. Конечно, это кажется трудным позволить незнакомцу оскорбить и убить агрессора другого незнакомца, оба являются близкими для друг друга, и, естественно, одному не должно быть больше чем другому.

Творит Мелемарко. Это может быть очень хорошо, потому что защита, с которой ты имеешь дело, настолько справедлива и разрешена в естественном и утвердительном праве, что это может сделать незнакомцу, потому что, по словам Бальдо и Уносенсо, и Бартоло вы обязаны защищать своего самого главного врага, если они убивают его, даже несмотря на то, что он говорит, что не хочет вашей помощи или благосклонности, потому что агрессия и несправедливость со стороны того, кто атакует, является причиной того, что незнакомцу, даже если это ваш враг, справедливо может защититься и убить агрессора, защищая атакующего, который в меру своего усердия защищается, не имея мужества или могущественной руки, чтобы противостоять насилию атакующего, а также потому, что агрессор оскорбляет главным образом противника, а также республику и, следовательно, всех людей, и именно поэтому любой из них может вызвать такое оскорбление и противостоять ему, как и Бартоло, Хасон, Одофредо и все законоведы и канонисты, и это подтверждает доктрину правоведа Папиниано.

Творит Эудемио. Я обращаю внимание на то, что законно потерять жизнь и позволить вам убить себя?

Творит Мелисо. Но вера Иисуса Христа не только законно и справедливо умирать, страдать, но и терять жизнь, защищая ее, и это католическая вера. А сказать обратное — это явная ересь. Но этой причине наша мать — церковь — управляемая святым духом, празднует смерть благословенных мучеников с таким веским основанием, помещая их в число святых на небесах, исповедуя, что в мученичестве прощаются все грехи. Также законно умереть в защиту любой добродетели, как это кажется с Иоанном Крестителем, чтобы защитить добродетель справедливости, чтобы дать каждому свое, потеряв свою жизнь, говоря королю ироду вернуть женщину, которую он забрал от своего брата Филиппа. А жизнь также будет законно утрачена в защиту советов Евангелия, как и в том, что этот святой совет исповедует обеты религии, которые поддерживают и защищают нашу святую католическую веру.

Творит Мелемарко. Все, что вы сказали, является твердой истиной и законной вещью также, как и потерять жизнь в защиту христианской республики, и в случае необходимости человек будет обязан по совести, поскольку часть должна ценить все, и для сохранения всего тела мы подставляем место, чтобы отрезать руку или кисть.

Творит Филиандро. С самой справедливой причиной жизнь будет потеряна в этих схватках, ибо это превосходит работу на много

қаратов, и, если человек ради Бога теряет временную жизнь, зависящую от работ и несчастий, Бог дает ему вознаграждение — жизнь и вечную славу.

Творит Мелемарко. Итак, при оправдании защиты, вы обнаружите, что это законно и разрешено в такой степени, что, хотя атакованный (как сказано) может укрыться и сохранить жизнь бегством, если он перестанет убежать, даже если до сих пор убивает с той же умеренностью, — он не навлекает на себя беду, особенно когда агрессор настолько близок, что поворачивается спиной. Атакующий ставит себя в опасность, что ему причиняют боль или убивают, в таком случае он не обязан бегать, а если убегает, если он продолжает вредить чести, как вы видели в прошлом, потому что бегство или принуждение человека бегать с равным оружием — это окончательное бесчестье, которое может быть сделано, и большинство позоров приходится к человеку в моральных вещах, за что он должен охранять и защищать честь и ставить ее на первое место перед всеми выгодами мира, так и есть у Антонио Тодеса, Джулиано и Тулио в их службах и в молитве, что проводятся в защиту милаионов, где вы найдете очень важные вещи относительно того, что касается естественной обороны. И так говорят многие законы, и все ученые, и Св. Августин подтверждает это. И то же самое вы должны понять от духовного лица, что для кого не позор убежать, а прекратить бегство и убить агрессора, не является безнравственным, главным образом, если из-за бегства (как оно и есть) он был подвергнут опасности смерти или что наоборот, будет преобладать большую смелость. Он не обязан бегать и не будет иметь нарушений, если он убил его, имея возможность бегать, согласно тому, что говорят Фелино, Сильвестр и Аполито таким образом, чтобы не только защита была законна для людей, среди которых природа составила путь некоего родства по причине, которая у них есть, и потому, что естественное право (как мы уже доказали), это противостоять противоположному насилию и право народа защищать себя и беречь от травмы, которую хотят ему нанести. Но между жестокими животными с их схожестями, для дружки, которая участвует в небесных влияниях, если они как-то случайным движением с инстинктом вызвали войну, если атакующий убивает агрессора, защищая себя, господин не обязан удовлетворять ущерб или доставлять животному вред. И даже случае за то, что он не был его, поскольку его господин хотел убить его (согласно древнему закону он мог сделать это без наказания). Если случай нанес рану или убил хозяина в своей защите, он не будет достойным полного наказания, потому что, учитывая, что равенство введено законом народа (врагом природы) — он лишил его свободы. Не поэтому он не мог лишить его защиты, тогда утвердительное право не упраздняет естественное (как видно), откуда понимается, что случай может быть естественно обязан, и дать гарантию, что применяется только естественное обязательство, и, если он позже восстановит свою свободу и старое государство, которое также эффективно будет обязано платить или

делать, что обьязано делать в свое время или находиться в способном состоянии сделать это. И потому, что истина эта тверда, я приведу вам пример, поскольку обвиняемый в преступлении, достойном телесных наказаний или обрезании какой-то части тела, отказывается от условий и пределов, которые дает право на оборону. Такой отказ неэффективен, потому что никто тогда не является хозяином ни своей жизни, ни своих собственных частей тела, согласно правоведам Ульпиано, Св. Августину и Св. Фоме, и поэтому он не может оставить их беззащитными. И в преступлении, которое совершил Адам в нарушении божественного завета, вы обнаружите, что Бог, зная, что у него нет ни оправдания, ни извинений, что было бы законным, позвал его, чтобы он дал ему это и защитил себя. Поэтому временные сурьбы с божественным основанием ввели цитаты в соответствии с Папой Климентом.

Творит Эудемио. Я доволен всем и больше доволен знанием происхождения этих цитат, но, скажите мне, нет ли других способов защиты для сохранения жизни и чести без участия оружия?

Творит Молемарко. Есть также защита словами, с которыми человек освобождается из работ, не теряя при этом чести.

Творит Эудемио. Дайте мне примеры из вашей жизни, которые мне нужны в это время, когда обманчивые слова трусливых стоят дороже, чем истинные работы сильных.

Творит Молемарко. Нет на пути защиты словами, как вы думаете, разве что только по причине разума как работы, хотя некоторые из слов сердиты и поспешны, что заставляют мужчин действовать необдуманно. Другие скромны, сдержанны и остры, другие высокомерны, несправедливы и смелы, как те, которые говорил рыцарь, который был в доме со многими другими, когда в то время вошел другой, с которым он был не в хороших отношениях, и, хотя все встали, когда пришел этот человек, другой остался недвижим, и когда тот, кто вошел, увидел, что рыцарь, который не уважал его, как другие, смотрел ему в лицо, сказал ему: после того, как вы были предателем, вы потеряли стыд и воспитание. На что тот ответил: ты лжешь, я никогда не был предателем. Увидев другое отрицание, он как отрезал и не ответив ничего сказал: мне ненужно обращать внимание на вас и на ваши слова, а послать своего слугу, который поссорится с вами, и он накажет вас этой дерзостью, ответил тот как будто бы сам себе. Пришел слуга, чтобы ссориться с ним, и какой есть Веллако, он будет более хорошии человеком, чем вы.

Творит Мелисо. Много хорошее может иметь добро в своих потребностях, потому что только с одним словом в защите остроумные люди освобождаются от серьезных повреждений и опасностей, хотя вещи, которые могут быть замаскированы законным образом — это очень серьезная ошибка спешить и хотеть достичь цели, как делал агрессор в этом случае. Но гнев людей редко подчиняется разуму и больше всего следует за волей и обладает таким качеством, что в начале он не останавливается до точки, где уже обрыв, большой риск.

Непритворные и моральные философы дают это в качестве средства, чтобы тужчина не приходил бешевать. Более чем справедливо, что я молчал, залившись, и если я буду говорить, то буду говорить тихо, потому что их собственные голоса не так сильно его побуждают, что заставляют его выходить из строя. Хотя лучше всего молчать, это человек может контролировать, потому что вначале он не имеет силы говорить со справедливым соответствием и не обзывать противника, и за то, что я не попал в эти два преступления, говорит один грузому, я клянусь, что я так же хорош, как и вы, ответил он очень смиренно. Не жалейте меня, хотя он хорош как я, хотя я очень подлый. Это вы можете сказать по правде.

Творит Молемарко. Эта защита была очень остроумной и быстрой, но не была менее хороша, чем сказал мой груз, сдав своего врага на земле. Встань, я не хочу вас убивать, потому что вы не думаете, что боитесь.

Творит Фуландро. Конечно, это высказывание было от великого духа, чья работа всегда прощать. И что меня больше всего радует, это то, что он был в той же работе, где это нельзя приписать кичливым и высокомерным, поскольку это было приписано смелым, спрашивая некоторых людей, что он был грузом некоторых, с кем он ссорился, потому что, если он не понимал, что все были полны решимости ссориться с ним, он очень сердился. Мне не нужно драться с ними, если сначала они не дают мне публичное письмо, которое гласит, что у них есть право быть со мной в поле, не убегая от меня, чтобы увидеть — какое это большое безрассудство. И это было не меньше того, что другой сказал в Севилье касательно того, что он не должен принимать определенный вызов, если сначала противники не давали ему власти по их собственной причине, а также гаранты и богатеи, от которых он собирал оружие, с которыми могли убежать безлецы.

Творит Молемарко. Но этой причине защита словом не должна иметь следа высокомерия перед кротостью и скромностью, как то, что он сделал грузому вашему грузу, после того как он рассказал ему о некоторых неприятностях и травмах, о которых говорили его противники, считая, что он делает хорошую работу. Как и в мире есть много того, что служит пороком для гнева, и после того, как он услышал это, ответил: меня тяготит, что вы ушли с дружбой, которую я к вам имею, чтобы использовать меня, до этого говоря, что вы мой груз, что мои враги говорят со страхом в мое отсутствие...

Творит Мелисо. Это был ответ, чтобы наказать его за то, что не вернулся с подобного рода вещами, и, если бы он был хорошим человеком, он бы испугался и даже стыдился бы, потому что это защита возымела три результата: первый защититься (восстановить свое доброе имя), второй, чтобы отчитать своего груза, а третий, чтобы понять, что слова, которые говорят в отсутствии, это продукты страха. И поэтому один поднимает грузого выше зла, которое о нем говорили. Я не знаю, что люди убеждают его, что он их наказывает. И он ответил, что, если они говорят правду, у меня есть вина, а если

они азут, то что может быть лучше для оправдания моего дела? Их ложь приводит их к тому, что они снимают свой плащ, который я смогу защитить, давая понять, что человек может остерегаться и защищаться от вора, если он нападает на него, но не от лжеца, если в отсутствие он лжет, что это затруднительное положение, где человеческое благоразумие не приходит с судебной властью.

Творит Филандро. Он хорошо себя защитил и оправдал себя, и своего друга, и врагов, чего не сделал тот, кто много принес пользы, браня смелого и отважного человека, говоря некоторым, что смелый покаялся убить его. Он может хорошо бахвалиться, что сбежал только злословья, и кто покаялся ждаты и убеждал, чтобы поверить, — это чтобы сделать мне милость, но он нарушит эту клятву.

Творит Эудемиио. Я не был в стороне, если бы он это сделал, чтобы дать понять, что с побежденным врагом не нужно иметь силу, подражающую королю Мирро из Эпиротаса, который дал в качестве предписания, что нет конкуренции ни в чем с побежденным врагом.

Творит Мелисо. Дело не в этом, а в том, что в мире есть люди, что им кажется, что в храбрости заключается совершенная добродетель силы, а самое худшее — это то, что они верили, что им нужно заменить словами то, что не хватает их духу, исправляя с ложью честь, разрушенную публичными оскорблениями, и убеждали в этом заблуждению, которое они дают, чтобы говорить плохо о хороших. Но законная защита (как я понимаю) полезна в законных местах и в предоставлении честных случаев, и с людьми, которые не являются подлыми, поскольку именно это заставило человека убеждать других, которые не говорили хорошего о других, которые говорили много плохого о нем, за исключением того, что я должен был говорить о нем с большей правдой, он ответил: довольно, джентльмены, один из которых негодяй, это не причина того, что нас двое, несмотря на то, что другие понимали, что нас не так много. И чтобы вы увидели, что такое древняя вещь наносит вред людям слова, и защищая себя, Ульпиано правовед в пятой книге о законе о травмах говорит, что были люди раньше, которые положительно были настроены на то, чтобы оскорблять и говорить плохо о других, что приводило рост волос в движение. И они надели скромную одежду, чтобы оскорбить того, кто спросил их что-то, восхищаясь трансформацией костюма, то есть того, кто спросил их о причине этой изменчивости в одежде, которую носит сеньор, потому что мне сказали, что они оскорбили вашего отца, и я много чувствую, что не знаю, что значит это чувство, хотя приобретая эту привычку, многие другие травмы соответствуют ошибкам, которые они знали от людей, и злоба от них пришла к столь большому роспуску, который заставил установить закон, что никто не посмел бы наложить его на одежду о серьезных наказаниях, если не по причине рожства, как говорит немого ниже Бенюлео в том же разделе о травмах. И если бы теперь были сделаны другие, которые позволили бы кому-либо отрезать язык клеветника, они были более подавлены, чем плохие и те, кто подражал им.

Творит Молемарко. Так бывает, как вы сказали. Восхищайтесь мной, когда нашли этот закон, который у меня всегда был для такого мошенника. Хотя с примером, который вы дали, этого уже не будет, но очень удовлетворит, когда защита тяжкая, утеренная, стиренная, существенная и сильная, чего нет, когда она очевидная, грубая, безрассудная и высокомерная. Хотя я так хорошо говорю, что ее можно допустить в некоторых местах, главным образом, когда она присутствует у того, кто совершает атаку, как то, что сделала ваш друг рыцарю, который рассказал ему о своих событиях с большим презрением и высокомерием к их царям. Он их воспринимал как притворных сказочников, потому что они действительно выглядели именно так. А когда в один прекрасный день они собрались вместе — рыцарь сказал ему: сеньор, все, что мне рассказали о вас, я считаю, вы будете делать со всеми, но я не могу убедить себя, что вы сделаете это со мной. Ваш друг затолчал и прошел через это, полагая, что там он прекратит вашу глупость. А наконец, рыцарь так настаивал на своем упрямстве, что был как Монтаньес, который, защищая глупость, говорил, что десять сильных заставили другого снять плащ и вынуть кинжал, а потом и он достал свой меч, который был основой его неверия. А рыцарь упорно добивался с мечом в руке, выполняя все свои поручения, не оставляя никакой части, в которую бы не входил кинжал много раз. Он побеждал и ранил так, что цвет лица изменился, удаляя тех, кто, если бы продолжал спорить, то не сделали бы это так легко. На что я ответил: я верю этому, потому что тогда вы смеетесь. На это храбрый ответил, уже смиренный: сеньор, я не из тех людей, которые убегают. Все это, ответил он, от кинжала, чтобы убрать меня с работы.

Творит Эудемиио. В этом они останавливают самых храбрых, и все их дело — это облака и ветер без дождя, потому что страх, который ими управляет, иногда расстраивает их как сумасшедших, и делает их храбрыми, или они начинают говорить ерунду, а других он делает настолько субъективными, что нет даже мерзости, так что будь они такими, как те, у которых, как бы, нет других средств обрести ту очевидную честь, которую они исповедуют, кроме как отнять у других, которые справедливо ей обладают, поднимая доказательства, потому что для тех, кто во многом нуждается, чтобы быть честными, им никогда не кажется, что они есть, хотя это отнимает честь у других. А, возвращаясь к нашему вопросу, я помню, что серьезные вещи рассказывал рыцарю, моему другу, что его враги говорили против его чести, предупреждая его, что было целесообразно идти на них, чтобы изобличить их во лжи, — ответил он с великой скромностью. Сеньор, лучшее отрицание всего, это сделать ажецов.

Творит Мелисо. Конечно он сказал очень хорошо, и что он как-то образом намекает на то, что Тиберий Цезарь сказал с той же целью, что они не боялись, что он нашептывал, потому что в местах и свободных землях также и те из них должны были иметь свободные места. Творит Филандро. Конечно, одна и другая обороны были оправданы, и каждая включает в себя то, что целесообразно для дозволенного

законом, как это произошло, когда один сказал другому, почему он не рассердился от плохого, что сказал о нем враг? Тот ответил, какой чести он еще хотел, несмотря на то, что я о нем вспомнил? Поэтому я думаю, что я могу рассердиться.

Творит Эдгемо. Это похоже на то, что приносят Дион Казю из Тулио и Цезарь, когда говорили то же самое. Чего еще хотел Тулио, за исключением того, что я вспомнил его. А я не могу перестать вам говорить, что он, друг мой, перешел к великому рыцарю, который назваз Недро де Неньялозу уроженцем Сеговии со своим иностранным слугой. А это было так, что по дороге около Санаукара он отправился на охоту, куда много раз приходил слуга Бенио, что он напился и был настолько опьянен, что бросил меч своему хозяину, но кабальеро, как сдержанный человек, успокоил слугу лучшими словами, сказав ему, что это была не такая хорошая дружба, и поэтому он пренебрег манерой, чтобы вступить с ним в спор, чтобы доставить ему хлопоты, пока не будет выпущен меч, но слуга, видя, что он плохо обращался, хотя был несколько вне себя, сказал ему: чтобы вы дали мне вашу милость, знайте, что, если бы не было пьяных и сумасшедших, они бы не начали видеть благоразумных и компетентных.

Творит Мольтарко. Это были не эти слова человека, которые были вне небедения Эдгемо и Орасио, с большим благоразумием праздновал полные эффекты чаши. Но я высоко ценю защиту, которую сделал мой друг. Уговорив его родственника, он отомстил за не знаю какую обиду, ответил он. Этого я не буду делать, потому что мечь настолько низка, что любой мерзкий человек имеет мужество, чтобы принять эту мечь, и вещи, в которых порочные трусы находят свое счастье. Но правде говоря, несправедливо, что они считают себя добрыми людьми. Творит Мелисо. Знайте, что эти защиты имеют более древнее происхождение, чем как вы думаете имеют атаки, потому что человек, который оскорбил Катона, попросил прощения и ответил: друг, что ты говоришь? Я не согласен, никто не оскорблял меня.

Творит Фуландро. Похоже, он говорил о человеке строгих правил. У меня много этого, потому что это привело меня к воспоминанию, на что капитан Наконио ответил одному, что я не знаю, какую похоть хотел сделать низкий человек в его отсутствие. Бы случайно заметили, что один муравей двигает большой камень. Но защиту, которую сделал мой друг одному очень храброму, который двигался на него, очень остроумная, и он сказал ему очень напыщенные слова. Господин, меня удостоверяли, что вы хороший сын дядя вашего отца, и что кинжалом вы убиваете меч. Я не собираюсь в это верить, если только вы не вернете мою шпагу. А говоря это, он кладет руку на меч посередине публичной улицы и говорит ему: кстати, сеньор, я сожалею, что у вас есть такой подлый друг. Вы верите, что он хороший, как вы думаете, он такой же великий, как тот, кто кинжалом убивает меч? С какой защитой успокоился храбрец и подавил свой гнев, схватил меч и сказал: за то, во что я верю, и что я должен противостоять руке, на которую он мне указал, и с этим он очень

быстро поспешии приехать с таким постыдным требованием. И так, хорошо, что фехтовальщик знает эти способы защиты, чтобы не пререкался с мечом, ведь только одним словом он может сделать в свою честь, если бы они не были тем, которые в законе Бога и природном законе не могут быть оправданы.

Творит Эудемио. Очень хорошо, что я нашел эти способы защиты, но мне нужно знать предикатмент, в который вы ставите людей, у которых плохие намерения, которые без цели борются о других в их отсутствие и не используют это, чтобы дальше говорить, прежде чем, видя друг друга, они начнут льстить и преподносить.

Творит Молемарко. С большим основанием, сказал философ, рассматривая это, из диких животных самым отвратительным был клеветник, а из домашних — льстец. Но здесь мы это не используем, если только не со случаями, которые могут случиться с мужчинами, с теми, кто нападает на женщин (чей меч — это язык), с которыми нам не приходится иметь дело, потому что они отвлекают себе подобных. И так как вас задевают слова в его отсутствие, я хочу предупредить вас, что по таким словам, независимо от их качества, поскольку враг не посылает вас говорить их, человек не обязан защищаться, как скажут впереди (я оставляю в стороне то, на что указывал закон), потому что те люди, на которых другой говорил плохие вещи, обязаны сообщать об истине и, узнав правду, быть довольными словом, посредством которого воскресили свидетельство, утешивавшее это с тем, что, если такие вещи изобретают снова, чтобы оскорблять их, это повод говорить плохо о том, кто накажет его со строгостью, кто заслуживает столь злодейской дерзости.

Творит Эудемио. Разумеется, вы правы, чтобы заставить тех, кто слышит зло, к удовлетворению ущерба, потому что считается, что это не конец того, кто говорит об этом, за исключением того, чтобы дать слушателям понять, что человек, в котором найдены злоба, подлость, не достоин дружбы мужчин, так что оттуда он может быть скрыт, от того, у кого нет вины, прося его проклинать его, потому что он не проявляет себя. Таким образом, тот, кто говорит зло, сначала грешит против Бога и презирает слушателей, и серьезно оскорбляет ближнего своего за то, что он публично упрекает его с позором, если, возможно, это недостаток. Хотя может быть и другой, среди тех, кто плохо говорит против достоинства какого-то главного человека. Когда плохие парни недовольны своей дружбой, они пытаются ложными свидетельствами разделить тех, кто их слышит, потому что они не относятся к ним и в дискурсе знания, которого они не могут найти, все ложь, и потому, что другие не наслаждаются добром, которое они не заслуживают, они плохо говорят о его вещах, полагая несчастным, что только их постыдное высказывание без всякой уверенности достигнет благоразумных, чтобы презирать и осыпать их проклятиями. Творит Фуландро. Я доволен мнением Эудемио, которое в конце концов есть у трусливых, когда они плохо говорят в отсутствие кого-либо. Но какая причина заключается в том, что она затрагивает больше

проверку истины для тех, кто слышит плохое, чем для того, о ком это сказано, потому вы знаете, что там, где нет его господина (хозяина), есть его поединок.

Творит Мелетарко. Потому что те, кто слышат это, оскорблены и обижены, заставив их поверить в ложь, чтобы они попали в обратительную позорную ложь в ущерб третьей стороне, сказав правду в другом месте. И по этой причине тот, кто отсутствует, не теряет смысла и не может быть оскорблен своим врагом, потому что он не там, где он может это услышать, и так говорит и пословица. Тот, кто в отсутствии оскорбляет мертвых, сразу становится ясным, что плохое высказывание кого-то в его отсутствие случается либо из опасения, либо из страха при его отсутствии. В этом случае клеветник совершает три преступления против тех, кто его слышит. Во-первых, он теряет уважение, которое он испытывал к отсутствующему человеку. Во-вторых, он хочет их запятнать, давая улики и признавая ложь. В-третьих, потому что он осмелился сказать плохое перед теми людьми, а не о том, что противник может смотреть на того, кто совершает преступление и против которого была совершена дерзость и перед кем был потерян страх. И в подтверждение этой доктрины вы увидите, что, когда перед каким-то серьезным человеком говорят плохо о ком-то из отсутствующих, он злится, и считает себя оскорбленным, а затем пытается наказать грубияна, который потерял уважение, выступая против того, кто лично здесь не присутствует, и кажится, что он нанес ему эту травму, потому что никто другой не может. И поскольку общественное насилие является всеобщим преступлением против всех, и каждый в частности может сопротивляться этому, и в определенной манере публичное злословие является универсальным преступлением против всех честных людей, и каждый в частности может дать такому человеку отпор и наказать его.

Творит Мелисо. То, что я понимаю в этой христианской доктрине, состоит в том, что тот, кто великий, будет сильным и никогда не должен думать, что какой-то мерзкий человек может встретиться с ним, потому что, как говорит Мелетарх, провоцируя травму в присутствии человека, порожденную трусливостью и слабостью. Таким образом, главное то, кто провоцирует в отсутствии этого человека, и поэтому очень важно сказать о враге, что это не могло навредить мне, но у него хватило смелости причинить мне боль и оскорбить меня. И когда у человека есть противник в части, где он мог отомстить ему, он должен был отомстить, смог отомстить, и согласно католическому закону, который мы исповедуем, наибольшее удовлетворение всех — это прощение.

Творит Эудемисо. Этому последнему я подчиняюсь, это верный путь, потому что я не отвечаю злом на зло, но если те, кто слышат злословие и пересуды, не верят в это, для чего они должны принять все эти меры, о которых вы говорите? Недостаточно принимать за мерзкого и трусливого любого, кто в отсутствии человека говорит о нем плохо? Недостаточно потому, что это не соответствует ни

ему, ни его близкому. А на это я помню, что один сказал другому. Достаточно, что Медро говорил мне о вас плохо, на что он ответил: сообщите нам, сказал ли он правду, чтобы вы легко через это прошли и приняли это за правду, потому что, если он сказал вам ложь, и Медро хотел, чтобы вы были свидетелем, когда где-то рассказывали людям, которые знают, возможно, обратное, мне кажется, что вы являетесь пострадавшим, и лично меня ничем не обидели и не оскорбили. А, если вы поверили этому, и получили ваше доверие, вам кажется, что это привело друга в замешательство? Я не видел друзей младших кроме этого одного, который звал меня свидетелем, чтобы узнать побольше о вашем враге, если он сказал некоторые живые вещи, что рассказали некоторые друзья. А, увидев врага, которого не мог отрицать, ответил: тогда, сеньор, не сильно радуйтесь, что это ложь. Что я сказал не является правдой? Вы хорошо знаете, что мой удар никто не может отпарировать, который никто не называет, причиняя нам неприятности с вашими друзьями, которые мало доверяют вам и много мне. Они верили в ложь, которую я им говорил, как если бы это было правдой, что вы не должны жаловаться, я, строго говоря, ваш друг, потому что знаю, что я солгал, а они ваши враги, потому что они не противоречили этому, прежде чем они уверовали, что я сказал правду. Они предупреждают об этом как о чем-то подходящем и целесообразном, что вам бы поправилось. Наконец, я завершаю эту тему обороны словом и говорю, что ни о ком нельзя говорить плохо, потому что это дело женщин и трусов, печально известных, завистливых людей с холодной совестью, недостойные великого духа. А как говорится, они должны присутствовать лично, а не заочно, а похвала законна при заочном и личном присутствии, потому что одно они называют слава, а другое — честь. Поэтому нет причин для хорошего человека оскорблять близкого своего, это выглядит резким. Помните меня за это, что, чтобы отстоять свою горную привычку, один упрекает другого, который не был клеветником, и ответил. Если они являются плохими, что жалуются, что это я отзывался хорошо, вопреки тому, что сегодня он является очень христианским и благоразумным человеком после того, как он поспорил с другом без причины, по его мнению, после того, как он стал беспристрастным. Подразумевалось, что он сказал плохое и сказал это другому в присутствии всех. Сеньор, я не прав в том, что говорю, а вы да. Присутствующие были изумлены такой новой вещью и тому, что в мире был человек, которого он знал сам. Они спросили его, почему он это сделал, имея возможность обойти это, не обращая внимания. Он ответил: я сказал, что я не прав, потому что мой разум знает, что каждый раз, когда я буду терпеть несправедливость, это оскорбление, которое я ему нанес, с этим я его накажу за другие вещи, в которых он больше, чем в первых поддерживает что-то, что дает ему разум. Давайте посмотрим теперь, Франциско, на условия обороны, которые есть в дестрезе, чтобы мы могли узнать законные оскорбления.

Творит Филандро. Я не могу ответить на эту трудность без отвлечения внимания на многие вещи, которые нужно затронуть на пути, целесообразные для удовлетворения вашего сомнения. А, если этой причине вы радуетесь, что начинается это с вашей свободы отрезать нить материи, когда вы захотите узнать, что в дестрезе есть два условия, чтобы атаковать врага и два, чтобы защищаться от него, для понимания которых следует отметить, что есть два способа сделать высказывание или какое-то суждение по этому поводу. Одно касается положения меча, а другое — положения тела. Уловки, которые начинаются с положения противоположного меча, таковы, что сколько времени требуется, чтобы движение закончилось, если его цель — отвлечь, чтобы из отклонения сделать рану, поскольку тело противника свободно для всех движений, легко отклоняется или приближается к врагу, и это полезно для многих частей, пришедших в движение, начатые мечом. А хотя на меч не обращают внимание, потому что внимание силы не всегда может быть устойчивым в одной точке, можно очень хорошо с любым движением тела защищаться от тех движений, которые начинаются с меча, если вдруг это не то, что изначально было запланировано сделать с помощью уловки, потому что тогда ни тело не может защитить себя (как мы говорили), ни меч не сможет быстро двигаться из четырех основных движений, даже не из их видов, из-за неопределенности, в которой он передает человеку внезапную краткость движений и небольшую уверенность в той части, где нужно освободить меч от движения оппонента. А из этих двух видов исходят уловки, выходят защита и атака, и поэтому мы продолжаем оборону двумя способами, которые отвечают двум, о которых мы говорили выше. Одна защита предназначена от ударов меча противника, предотвращая и препятствуя тому, что они не наносят раны во время парирования, уклонений и ритмического разделения фрагментов равной продолжительности. Другая защита — по причинам, которые приводят в движение и производят раны, как если бы кто-то пришел и убил другого, нанеся ему много ударов ножом. Атакованный может предотвратить некоторые из них, но с таким препятствием он не защищает себя от многих ран, которые противник может ему наносить после того, как тот предотвратит некоторые из первых, и даже немного отдалившись, можно какие-то действия пропустить. Вы не можете остановить противника, который не продолжает другие удары ножом или выпады, потому что, если, отклоняя удар и восстанавливая силы это удаляет рану, и не отнимает ни силу тела, ни готовность, то это является эффективной причиной всех добровольных движений.

Творит Эрдетио. Мы уже знаем основы истинной дестрезы, что наука эта не учит убивать, а учить быть способным убить. Давайте посмотрим на фехтовальщика, который бьет, но не убивает, как избавиться от греха, убивая того, кто его совершает, уметь не убить его, находясь со свободой волеи сделать это, или прекратить делать это, не обижая человека, чтобы он не сердился? Потому что тот,

кто был фехтовальщиком, как и должно быть, не нуждался ни в гнебе, ни в раздражении, чтобы действовать, ни в невозмутимости, чтобы прекратить действовать, а только нуждался в христианстве и добросовестности, и быть богобоязненным, чтобы он знал и понимал зло, которое может совершить своему ближнему.

Творит Фуландро. Поскольку многие вещи были уточнены, вы хотели бы дать мне понять ответ на ваши сомнения, и чтобы сделать доктрину более устойчивой, я должен направить ее по эффективным, материальным, формальным и конечным причинам. Эффективная причина у фехтовальщика — это воля, которая управляет звериным качеством, которая распространяется благодаря нервам и мышцам руки, которые являются инструментами добровольного движения, и теми, которые придают силу частям меча, сообразно соседству каждой части с человеческим телом.

Творит Эудемио. У меня нет воли для абсолютной эффективной причины, хотя она и управляет животным качеством, потому что есть еще одна неподвижная причина того, кто движется, и, на мой взгляд, здесь задействовано не только животное качество, но и естественное и жизненное.

Творит Фуландро. Но правде говоря, воля подвижная, и она управляет животным качеством так, что нервы, мышцы, кости, все тело и меч движутся и перемещаются относительно первой эффективной причины, оставляя одну часть для другого места, для первой универсальной причины, потому что она не касается нашего вопроса. Душа движет волей, хотя она является свободной действующей силой и подчиняется силе, и сию же минуту посылает животное качество, распространяющееся за счет нервов, которые как некая трубка и водопровод, по которому сила идет к мышцам, у которых есть задача переместить руку прямо или по кругу. Из этих особенностей формируется постановка задачи путем применения парирования, определенных движений и крайних точек, но знайте, что в нервах эффективная причина — это способность, которую они приносят, и ее инструментальная составляющая, способность получить способность. А затем нерв дает силу и способность мышце, которая состоит из нервов и связей, потому что эффективная причина мышцы будет нервом со способностью и инструментальной составляющей самой мышцы, так что движение кисти — это движение мышцы по эффективной причине, и по причине инструментальной движется рука с костями и всем остальным. И в разорванной ране вы обнаружите, что эффективная причина — это вся рука и инструментальная часть меча, потому что работа или способность любого органа происходит от причины, которой служат все остальное, как инструменты для достижения точного конца (согласно Талену), хотя некоторые хотят сказать, что это все одно целое. Я оставляю в стороне впечатление, потому что у этих вещей много ограничений и не совсем уместно торопиться сейчас время.

Творит Мелисо. Так, как вы сформулируете, что в гестрезе инструментальная причина — нервы, мышцы, связки, кости, рука и меч, также соединяются с простыми и удвоенными движениями, с левым или правым концом тела, с естественным движением и насильственным, медленным или смешанным, с отклонениями, защитами, атаками, обманами, парированием и другими вещами, которые служат предпосылками до тех пор, пока не будет сделан вывод, который является уловкой. Таким образом, меч двигается от руки, рука от мускулов, мускулы от нервов, нервы от животного качества, животное качество от воли, и все остальное согласно своей причине.

Творит Эрдетио. Давайте посмотрим на животных, не понимая, как они добровольно двигаются. Вытащите меня из этой трудности, которую мне предложили, и скажите мне по пути, стоит ли форма в гестрезе на первом месте в понимании, чем в действии? Потому вывод, что все, о чем говорится, предназначено для ее выполнения.

Творит Филандро. То, что является первым в намерении фехтовальщика, то является последним в исполнении. Из чего следует, что фехтовальщики начинают какую-то уловку без ввода сначала сформированного ошибочного намерения, и по большей части они могут догадаться. Тогда человек смело наступает на своего противника (как они говорят), что не является сущностью гестрезы. А для того, чтобы обеспечить, как лучше всего применить форму к практике, которая имеет выход в понимании, и регулирование вопроса приходится до тех пор, пока они не исполняют свое намерение, потому что не имея фехтовальщик уловки в своем намерении, которое уже указано, чтобы выполнить с помощью средств, о которых я говорю, это будет сделано в замешательстве, и не будет иметь никакой науки о ходе событий, уберут от опасности наихудшую часть похожую на невнимательность и опрометчивость, что будет иметь разные последствия без уверенности, что обычно научная привычка управляется разумом и основана на истинном искусстве. А в том, в чем вы сомневаетесь в движении животных, зная, что они двигаются в соответствии с порывом или импульсом естественной или чувственной потребности. Но движения человека регулируются и подчиняются чувственной потребности или разуму.

Творит Эрдетио. А этой потребности животного нет в человеке?

Творит Филандро. Посмотрите, что это место не для того, чтобы иметь дело с этой материей, оставьте это, если вам дадут более удобное место, но, если со всем этим вы всё это хотите услышать, я скажу, что понимаю из этого. Именно так побудительная чувственная сила иногда движется духовно от разума и других телесных частей в соответствии с чувственной потребностью, которая движется в человеке двумя способами, любящий или отвращающий. А по этой причине это делится на раздражительное и желаемое, из-за чего дух жаждет добра и отделяется от плохого, и из этих двух рождаются такие эффекты, как радость, надежда, боль, страх, и многие другие в этом порядке. Что, если они присутствуют, ты

хотим, мы счастливы, если их нет, то мы надеется, и, наоборот, если что-то отсутствует, на нас сердятся, мы боимся этого, а если это присутствует, мы значимы, нас огорчают.

Творит Эудемио. То, что мы мало знаем об этих исследованиях, видя их такими размеренными, мы не можем не беспокоиться в основном с сомнениями от того они исходят с такой легкостью, и то, что я сейчас больше всего желаю, — это знать, как отличается чувственность и раздражительность от желанного.

Творит Филандро. Чувственность — это одна взбурораживающая сила чувственного духа, которая перемещает нас к той же самой вещи, что и желанная и раздражительная, хотя чувствительность также обращается к воспринимаемым вещам и уходит от повреждений, как вы ясно увидите у животных. Но есть разница в том, что чувственность в животном не подчиняется закону добродетели, потому что она не способна на это. Но в человеке — способна, потому что чувственность сдерживается умеренностью, а вспыльчивость — силой. Таким образом, вспыльчивое и чувственное достигает разума, потому что человек сталкивается с ними с неупорядоченными импульсами и управляет, и стягивает их добродетелью, на которой основывается справедливый мужчина. Где вы узнаете, что умеренность находится в чувственности и смелости в раздражительном состоянии, как мы говорили в другом месте. Это судья, кто в поисках всего, что делается против человека, также и того, что касается травм духа и тела.

Творит Эудемио. Нет ли другой разницы добродетели?

Творит Филандро. Есть три качества, которые управляют человеческим телом, оставляя в стороне поколение. Животное качество, которое основное, называется так потому, что оно дает смысл и движение, и имеет свое происхождение в мозгу, и сообщается частям тела через нервы, которые рождаются от средств животного духа, которые порождаются жизненными с помощью просвещения. Потому что духи выходят до четвертого желудочка мозга, где у спинного мозга свой принцип, и оттуда в будущем это связывается с животным качеством посредством импульсивного просвещения. Жизненное качество находится в сердце, и оттуда сообщается всем частям через артерии при помощи жизненного духа, который проникает через просвещение и идет мимо фистульной артерии. Но естественное качество имеет способность вызывать кровь и находится в печени, и как шеф-повар готовит деликатес, что поддерживает все части тела, несмотря на то, что каждая часть, независимо от того, насколько она мала, обладает этим качеством питать органы. Только печень управляет кровью, которая является питанием, на котором все поддерживается. И поскольку я не выглажу как врач, я оставляю четыре естественных способности, каждая из которых должна питаться, и не хочу делать поток порождающих способностей, ни естественного духа, которые вставляются в принцип нашего формирования, который является просто естественным. Хотим мы этого или нет, он выполняет свою работу, не имея добровольной вещи, как животной. То, что нужно учитывать

(потому что у вас не так много сомнений, и ты движется дальше) это то, что, когда понимание отходит в сторону, чтобы созерцать, как Тьсподь приносит с собой большую часть добродетели других сил, по этой причине человек, который прилежный, усидчивый и предан медитации, меньше работает с питательной способностью, генеративной и дополнительной. Прилежный в письме, усидчивость и воздержание, и по этой причине святой Иеронимо сказал: любите науку и держите и укрощайте плотские пороки, как тогда, когда покоится животное качество, которое работает по природе, как ты видишь во сне, который они называют досугом и отдыхом в животном качестве. И, наконец, резюмируя прошлое, я говорю, что вы защищаете нас двумя способами человека, в котором работают все эти части, когда он нас атакует. Один из-за эффектов, что является последней причиной, до прибытия с защитой к эффективной причине. Вторая характеристика — от причины к действию, и это самое сильное из обоих, потому что, хотя я и препятствовала, что конечная причина мастерства не достигает своей точки, оставляя фехтовальщика в его существе, что является эффективной и свободной причиной многих движений, и снова дает силу универсальным частям тела. Из этого следует, что я препятствую последней причине, которая является раной, по-другому мы называем это эффектом. Эффект остается свободным, который необходимо будет удалить, если он должен уничтожить добродетель, которая дает движениям быть от тела посредством добродетели, потому что, не будучи в такой форме никто не сможет защитить себя. И в чем вы сомневались в фехтовальщике, будучи в состоянии убить или нет, со знанием, которое у него есть, как он избавится от греха, убив того, кто нападает на него? Я говорю, что вы можете оскорбить его, если вдруг он опасается, что придет к противнику с кратковременной помощью, чтобы его рука не была сильной, чтобы противостоять силе тех, кто может прийти к врагу-агрессору, потому что, как объясняет Марло, правовед: сила или натиск — это такая великая вещь, что ей нельзя сопротивляться силой или человеческим усердием. Но полезно, чтобы фехтовальщик не оскорблял агрессора в начале, потому что первые движения не в наших руках, и потому, что он может остановить мужество, благодаря которому он наносит 2–3 удара ножом (как это бывает). Фехтовальщик совершил бы преступление, нанося тогда смертельную рану, не находясь в опасности от ожидания, и быть в состоянии защитить себя от движений противника. Но, если агрессор будет много настаивать, и при нападении я не воспользуюсь этим, чтобы избавиться от защиты, которая исходит от последствий к причинам, которая является самой милосердной из всех, позже будет необходима из-за упорства того, кто атакует, и из-за опасности, в которой окажутся те, кто придет помогать агрессору, чтобы защитить себя, исходя из причины, чтобы в любом случае предотвратить эффекты и травмы противника, чтобы уже находится в опасности, что является надлежащим образом риском, в котором находится жизнь человека

таким образом, что, даже если есть способ и надежда выйти из риска и опасности, то это очень близко к смерти или к другому серьезному делу. Поэтому, если агрессор один, то для того, чтобы фехтовальщик не убил его, он находится в такой опасности, контролируя помощь и желание. Нельзя будет сказать, что фехтовальщик опасен, у кого есть (как сказано) какое-то средство, чтобы убежать, и когда противник безнадежен, то есть тот, у кого нет средства человеческой защиты. Так что, чтобы защититься, я хочу сказать: защитите того, кто может получить защиту, потому что в соответствии с правоведом Селсо, никто не принужден к невозможному, если у того, кто атакует, больше силы, чем у того, кто атакован, и чтобы понять фехтовальщика, а не убить его, даже если бы мог. Он боится, что тот так сильно утомляет свою силу от сопротивления, которое он сделал по отношению к сопротивлению врага, в отсутствие которого он не сможет использовать свое мастерство или защитные силы, чтобы освободиться от похожей агрессии, и быть способным атаковать, потому что его дыхание изнашивается, и, как гласит закон, как обычно бывает, с первым ударом, который нанес ему другой, он мог утратить, тот, на кого напали. Хорошо, что фехтовальщик делает по совести, потому что человек не может, когда он устал, делать то же, что и лев, чувствуя себя бессильным, обрушивается на хвост и подстрекает к этим ударам, сильным, как говорит Элиано.

Творит Мелемарко. Фехтовальщик обязан ожидать всего, что возможно, чтобы не убить агрессора, чтобы убийство совершалось без греха, потому что тот, кто не ожидает всего, что может, — не сможет говорить правду, получив силу, по словам Ульпиано правоведа.

Творит Эугенио. Мне кажется, что фехтовальщик может нанести несколько ударов, которые не опасны, и в те части, которые находятся на теле, которые не смертельны, я имею в виду, что противник не утратит от ран.

Творит Мелемарко. Вы хорошо знаете, что человек, который двигался с болью или гневом, не имеет истинного суждения и будет думать, мало делать, но сделает многое, потому что у него нет в руке точного баланса настолько, что он может ударить добровольно, а не случайно.

Творит Мелусо. Вы уже знаете, что скрываться и бежать — это величайшее оскорбление, которое человек может сделать самому себе, и величайшее, которое могут сделать ему, потому что для всех оскорблений и атак в мире вы найдете удовлетворение и не из-за бегства. Все врачи заверяют, что это всегда возмутительная и очень опасная вещь и что никто, кто является благородным, или нет, является справедливым. Согласно доктрине Бальдо, Анджелино и Тиракелло, отступление в спешке — это величайшая способность, для побега и даже заслуживает лучшего имени защиты от того, сколько сделано (на мой взгляд). Давайте посмотрим, будет ли убит тот, кто последует за ним. Как будет установлено, если это будет оборона или агрессия, основанная на оскорблении или травме, небрежности или наказании?

Творит Мелемарко. Во-первых, хорошо, что вы знаете это, чтобы

проверить, поскольку вы коснулись законов мира, которые существуют между людьми несправедливыми и дерзкими. Несправедливость, обида, как правило, говорят о всем, чего не было, это то, что делает человек другим, равному вам, откуда рождается бесчестье и позор, которые латинцы называют оскорблением, которое презирается и недооценивается, и не ценится другими, но дерзость и наглость — это неуважение, что человек с самого начала атакует самых главных и честных. А тот, и другим называют это виной, которая должным образом должна отделить человека от добра, делающего зло, или оставить его делать все вежливо с радушием или с невежеством. Но оскорбление происходит двумя способами: требуется сатисфакция или месть. Это я говорю, выступая в соответствии с мерзкими законами мира. Но то большинство, что делается при неуважении или подлости, не будет называться ни сатисфакцией, ни мстью, а наказанием, которое соответствует презрению и дерзости, что может быть сделано третьим лицом, другим нет, как тот, кто оправдывает злодеев, потому что они оскорбили христианскую республику своими пороками. Наконец, наносится обида и оскорбление, когда два равных становятся одним без особой причины, презирая другого, давая ему понять, что это недостойно его равенства, и это со словами и пренебрежением, или с настоящими или обещанными делами. Больше оскорбления наносится, когда бесславный хочет сделать то же самое, но несправедливо, потому что он главный.

Творит Эрдетио. Я должен был хорошо ответить на это, но я оставляю это, потому что вы говорите мне, как это обычно понимается, что тот, кто не может почитать, не может позорить или оскорбить?

Творит Филандро. Вас воспринимают так из-за ложного мнения, потому что отнять может каждый, но дать честь могут немногие, и это вы увидите в испанской поговорке, в которой говорится, что он добрый, потому что чтит вас, и плохой, потому что позорит. Так что хороший может снять с кого-то плащ, чтобы тот не мог дать его мне, и, если бы это было так, как говорится, даже если мерзкий человек положит руку на честного, он не столкнется с этим и не опозорит его, и поэтому (по-моему) это мнение остается опровергнутым, потому что, когда близкий друг вселяет смелость в кого-либо по какой-то причине, они наказывают его.

Творит Мелисо. Меня не удовлетворяет ваше мнение, как простолюдина, хотя вы привели Адажио, чтобы подтвердить это, и причина в том, что добродетель — это сила души, приобретенная многими действиями, которая, по мнению Цицерона, является навыком духа, согласующегося с умеренностью, с которой ты действуешь с честными и убегаешь от плохих. Честь — это награда за это, не имея никакой добродетели, скромности, хорошей репутации, потому что честь следует за добродетелью как тень за телом, что, согласно тому, что говорит святой Фрота, является свидетельством, указывающим на превосходство некоторых. Как видно, таким образом, может быть

честным и добросовестным тот, кто не добродетельный и не эффективный? Не тот, кто справедливо обладает честью из-за силы и эффективности может быть лишен этого, и стать тем, у кого этого нет, потому что, чтобы убрать тень, сначала нужно убрать тело, которое является ее причиной? Для понимания этого, вы должны сначала знать, что существует разница между честным человеком и человеком чести. Честный человек означает страсть, и его называют тем, кто больше по воле, чем по разуму, честный, уважаемый и пользующийся благосклонностью, не имея никаких заслуг, которого по другому называют любимцем, как делают некоторые люди, которые, чтобы показать свое величие или проявить терзость, поднимают некоторых людей из праха земного, не обладая никакой способностью или добродетелью, которые бы заслуживали. А унижают, и хоронят других, которые за их хорошие заслуги заслуживают того, чтобы их уважали и почитали. Другой человек — человек чести, что означает владение, т. е., человек является добросовестным владельцем, а добродетельными и эффективными являются те, которые приносят с собой честь, даже если другие отрицают это. Но вы должны были заметить, что те, кто не хотят уважать добродетельного и эффективного, а почитать злого или лукавого, совершают три преступления. Первое против добродетели распределительного правосудия, которое у вас есть как формальный объект, и каждый будет давать то, что принадлежит ему с посредственностью, чья праведность нарушена, давая честь недостойным. Второе преступление — это как выглядит порочный, которого они чтят, как если бы он был добродетельным. Он перестает быть и ненавидит добродетель. Подразумевается, что если бы он был добродетельным, то в том же случае он потерял бы всю честь, которую ему дают, не будучи таковым. А третье преступление — это то, как выглядит добродетельный и эффективный, когда у него отняли награду, что является честью. Он неутомимо работает с достоинством и часто останавливается в следовании этому достоинству, когда любой ценой тиранят его награду. Поэтому Аристотель говорит, что он более чувствует себя одним, если он эффективный и добродетельный, у которого забирают честь, если они заберут всю его собственность и жизнь. Это правда, что честный должен быть удостоен чести, и он должен был получить эту честь по достоинству, которая не будет называться честью, если дается для удовольствия невежественного, даже за то, что дана за заслуги от тех, кто таковыми не являются. А таким образом будет направлять разум на волю и желание, а затем, чтобы никогда не заблудиться, Бог будет управлять разумом, потому что, подобно щедрости, свободомыслию, чтобы не предать своего врага греху, он должен быть тем, кто заслуживает хорошей работы. Таким образом, истинный конец чести будет заслугой того, кто ее дает, и того, кто ее получает, потому что тогда честь будет справедливой, имеющая качество драгоценного камня. Для того, чтобы быть более уважаемым, оно должно быть во власти тех, кто знаком с этим, и умеет иметь много, не назначая

цену, потому что, согласно тому, что утверждает философ, в этой жизни нельзя достичь большего, чем честь.

Творит Эудемий. Это правда, но на мой взгляд, чтобы быть полностью добродетельным, полезно быть справедливым, страдающим, истинным, вежливым, честным и быть мужественным и решительным во всех невзгодах. Хотя вы видите, что они его не почитают и не уважают в соответствии с его достоинствами. Не поэтому он был обеспокоен или потерял дух прежде, чем справедливый человек пожалует о том, что он не заслуживает чести, отнятой у него, кого он хорошо знает, кто достоин этого, как говорит Цицерон Атталико, что добродетель — это награда сама по себе, и не потому, что невежественные изменяют честь, изменяют преследование добродетельных поступков, прежде чем принижают как сильные то, что есть у греческих. У них нерушимое лицо во всех преследованиях, которые обычно следуют за эффективным и добродетельным. Можете, что они ему не дают то, что не его. Убо святой Августин говорит, что тогда нужно больше уважать свою добродетель, когда больше пренебрегаешь амбициозным противником, который притворяется достойным во всех вещах, но на самом деле у него нет никакой добродетели. Они презирают людей и затмевают их добрые части, ослепляя их заслуги (следствия вульгарной зависти), потому что они игнорируют жалких и убогих; что добродетель не следует за честью, а честь за добродетелью, которая от качества крокодила (как говорят туземцы) следует тем, кто убегает, и убегает от тех, кто преследует. У, как говорит Сократ, нет никакой другой дороги, более определенного для славы и уважения, чем путь добродетели, который является единственным, который ищет чести и находит. В подтверждение того, что изображали поэты, величие было дочерью чести и уважения, как подробно будет видно в александрийских Овидия. Поэтому Катон Утифенс сказал, что он хотел больше быть хорошим, чем выглядеть таковым, и что, чем больше он убегает от чести, тем больше она следовала за ним и сопровождала его. Самый верный путь к истинной почести — это добродетель, которая не может быть обесчещена, ни изменена, даже если они презирают ее. Потому что одно из качеств, обладающих существенной добродетелью, состоит в том, что она довольна собой, не ожидая больше чести ни от кого, разве что только служить Богу через нее. Я не осуждаю за ее оценку, потому что Мелиний говорит, что честь — это награда добродетели, а не золото. У согласно тому, что говорит Плутарх, и что святой Августин упоминает в городе Бога, — древние римляне имели как добродетель, так и честь, и их почитали как Богов. У великий Марко, или Марсело после победы над Кимбриосом с добычей, которую он взял, создал им два очень роскошных храмов в Риме на Виа Аппиа у двери, которую они теперь называют Сен-Себастьян. Да такой силы, что никто не может войти в Храм Мочета, если сначала не прошел через Храм Добродетельства. В значении, что не следует раздавать честь всем подряд, а только тому, кто достоин этой добродетели. Вы найдете об этом в работах Мелинии, если

хотите узнать больше об особенностях. Первыми людьми, о которых писалось в этих книгах, были Корнелио Мино и Аквино Нриско. Эдесь я собираюсь остановиться, кажется, что я также тронут этим? Если ты продолжишь этот вопрос, то по тому, чем это меня коснулось. Я оставляю одной части честь за то, что я сказала. А поскольку я вижу, что жадность к ней опасна для спокойствия беседы, нужно всегда трудиться, чтобы взять и присвоить чужое, потому что он никогда не находит заслуг, равные ему. А поскольку он судит об этом с поврежденным пониманием и видит, что это не дает ему то, что он хочет, он берет то, что не принадлежит ему, чтобы не жить недоброльным. Потому что честь похожа на жадность денег, которая убивает и никогда не умирает из-за жадности, как растет употребление алкоголя, будучи крестом и серьезным мучением для желающих его. Но правду говоря, я должен некоторое время взвешивать деньги с добродетелью, не упуская веса из рук. А, взвешивая больше деньги, занимаюсь этим без опыта, который меня теперь научил тому, что жадность к одному и другому сопротивляется лучше, когда все остается в этом положении. А, если я это сделаю, честь будет следовать за мной, как тень следует за телом, и я постараюсь быть подальше от тех, кто служат, и буду думать, что там, где у меня была свобода смеяться над теми, кто служат людям, и хотеть, чтобы они служили мне, — это есть истинное счастье. А тогда я буду испытывать сострадание к тем, кто теперь пожалел меня, и нет ни возраста, ни добровольной чести могучих людей, ни благословений, таких как сокровища домовых, которые не имеют никакого другого эффекта, кроме как удивлять душу и мешать на пути спасения, ни с тщетными надеждами, ни с деньгами, ни с волей, ни с какой-либо другой добротой не могут, даже если они участвуют в заговорах, извращают сладость моей жизни. Я буду считать себя благословенным, если постоянно буду упорствовать в этом обещании, потому что не только благодаря этим знаниям Бог мне хорошо оплатит. Они не знают того, что добродетельные любят и уважают за то, кто ты есть, благодаря силе любви к каждому подобному (как говорит Платон). А напротив, ты знаешь (как ты говорили в другом месте), что злые и порочные ненавидят их, но что больше всего меня удовлетворяет, это то, что человеческое тело является вазой такого качества и заправки, что она не сохраняется в золотой коробке, ни у герцога, ни у царя, Папы, Императора. А у всех, чтобы прийти в жизнь — один вход, а чтобы умереть — есть много способов. В подтверждение того, что сказала Трацио, — смерть с тем же способом действия топчет пастушескую хижину Алькасар-де-лос-Рейес, но она сохраняется уже только с вазой добродетели, сотканной смирением со всем, что красиво для души, не оставляя это, чтобы привести в свое место и взрастить это. А часть остается среди тех, кто остается в этой жизни, это память, без которой нет ни любви, ни дружбы, ни верности, ни надежды, ни правды. Это то, что отменяет высокомерие и самодовольство, это слава живущих и в ней живут те, кто умирает. Наконец, из-за этого

многие погибли, не дожидаясь новой жизни, поэтому добродетель должна быть любима, не ожидая другого приза, чем служить Богу, который должен быть любим как высшее благо, не обращая внимания на зло, которое делают люди, не почитая того, кто этого заслуживает.

Говорит Фуландро. При всем этом хорошо, что они понимают, что это не просто, что честь и достоинства добродетельных взвешены с волей, за исключением баланса разума. И тогда вы нацелились на флегматичность, чтобы объявить и просветить нас в этом вопросе или, скорее сказать, утешить, поскольку понимаете, что Аристотель говорит, что честь есть у того, кто чтит, а не у того, кто почитается, потому что в некотором роде это противоречит вашему мнению. Хотя, если я плохо помню, в другом месте говорится, что это нескромная вещь, что получено обладание духами на месте в знак добродетели.

Говорит Мелисо. Честь, как говорили древние и язычники, — это приз добродетельства и свидетельство, с которым ты подтверждаем, что чувствуем и знаем, что добродетель есть в том, кого ты чтит, что это как внешний смысл, с которым проявляется дух, который признает превосходство некоторых. И именно для них они называют это честью. У каждой нации есть свой сигнал, с которым она ее дает. Итак, это дань, которую добродетель вводит в сознание людей, чья награда — это отношение и уважение, что связано с добродетелем, ради которого они и называют это честью. Так что хотите того или нет, но они не могут перестать признаваться в добром, что вы много раз испытывали его доброту, и это признание — честь. Аристотель сказал, что для того, чтобы чтить достойно, необходимо, чтобы тот, кто чтит, заслужил в качестве добродетели честь, которая была как следствие и причина, потому что плохое легко может забрать жизнь у добродетельного, но не честь с истиной, потому что она посвящается только добродетели, что является ее признаком и подтверждением. И из этого выведено, что только честь может быть потеряна сама по себе самим человеком, который обретает ее только как добродетель ума и устанавливает на этом месте злобность, из чего потом вытекает, что память о чести, которая остается среди добродетельных людей, будет бессмертной, оставаясь в добродетельстве, потому что это является следствием души, которая является ее причиной. И по этой причине честь победила с добродетелью, которая будет переходить, как каббала от языка к языку, из рук в руки, пока не закончится мир, а затем в сопровождении добродетельных душ перейдет к главной славе, где будет навсегда видна ее причина. Из этого следует, что только почитаемые эффективные люди знают добродетель и могут судить и свидетельствовать об этом. И только они могут в основном чтить и отдавать то, что у них есть добродетели, потому что они должны почитать друг друга, как жизненные духи и духи животных. И злобные не могут опозорить это правдой, потому что честь находится в достоинстве в том смысле, что честь свидетельствует о добродетели, как и травма свидетельствует об изъеме, на что Аристотель говорит,

что «несчастный» причиняет травму самому себе. И намекая на это, сказала Платон, что с плохими словами никогда не бывает добра, где они со своей стороны оскорблены, прежде чем усовершенствуют свою заслугу, и они заставляют добродетель сиять. Сенека же напротив говорит, что у него много добродетелей, он любит чужих. И, возвращаясь к решению ваших сомнений, я говорю, что для оправдания убийцы, который укрывается, это следует рассмотреть, чтобы понять защиту и агрессию, если тот, кто скрывался, допустил некоторые ошибки, потому что это не по справедливой причине. И после этого он отступил, потому что все подозрения против того, кто первым сказал оскорбительные слова и положил руку на меч. И после этого он должен исследовать качества обоих и пропорции оружия, и место, которое каждый занял в самом начале, если он был больше настроен, чтобы атаковать, чем защищаться. И следует отметить, на какой стороне находятся раны, если одна с левой стороны, другая с правой, или обе слева или справа, потому что это важно. Или это то, с помощью чего вы можете узнать, умер ли этот человек без свидетелей в оборонительной позиции, когда они убили его, и был ли у него только меч, и делал ли он это больше с тугой смертью, чтобы защитить себя и прийти для исследования места ран и части, в которую они входят. Они узнают, были ли они нанесены им сзади, и это — предательство и коварство, а не борьба. И потому, что он мог бы нанести им рану в спину, — мертвые бежали, и он не был уверен был ли атакован заключен в тюрьму. Это спросили, в каком положении был мертвый, чтобы убедить его во лжи, и тогда судья будет знать ответ, был ли он предателем, — это ясно в случае, если он страдает, для чего целесообразно знать силы, которые есть у каждого, и мнение народа, и кто из них упражнялся в оружии, и произнесли ли они в речи покаяния несколько слов, которые казались оскорблением и тем, что это означало. Но, если смерть была сделана из «внезапного боя», знайте, что, если мертвых защищали или стремительно атаковали их, это должно быть известно от свидетелей, которые начали первыми, и какое место на теле стало смертельным от удара мечом, если он был опущен вниз, как будто он нанес косой удар или «реверс», или, если он остановился на месте, делает выпад, который намного ниже, чем «положение» обороны. После этого проверьте положение тела, чтобы понять, что, если мертвый упал туда, где был противник, он атаковал, а другой защищался. И если он упал назад, это защищало мертвого, и атакован ранен, хотя мертвый также может отступить, без защиты, веря в атаку, чтобы убить того, кто защищает себя, а другому, кто защищает себя, поставить меч перед ним, остановить его и заставить вмешаться, обуреваемый желанием через меч, который падает назад или вперед по ноге, служащей фиксатором движения тела. И намекая на это, Марло правовед говорит, что в неясных вещах он учитывал то, что наиболее вероятно или что по большей части обычно происходит. Таким же образом, как это может быть известно в соответствии с этим соображением, если человек умер, защищаясь

или атакуя в первом импульсе, Ариано правовед говорит, что по сигналу исключается презумпция вины. И глоссаторы канонического и гражданского права говорят, что вещи, которые находятся в процессе рассмотрения у сознания и духа, должны доказываться с презумпциями также, как и в доказательстве обороны, которая признает свидетелей, дающих показания, как я верю и как мне кажется.

Творит Эудемис. Все эти хлопоты подходят, чтобы приговорить человека к смерти, но то, что я сейчас очень хочу узнать, — это убить человека, не сорившись с ним, — это предательство? И есть ли случаи, когда это не так? Объясните мне закон настоящего порядка, где буквально в нескольких словах король дон Алонсо кратко заявляет, что вещь эта предательская, коварная, для меня это неясный термин. Словами короля он далее продолжает:

Вся смерть, говорят, безопасная, кроме той, которая в битве, грабе или в сражении. Другая — да, независимо от того, какая фаза «безопасной смерти», она попадает в случай измены и предательства.

Творит Молемарко. Кстати, все слова закона очень важны и значимы, я скажу то, что знаю сам о нем, потому что я не обязан на большее. Недостатки вы замените дружбой за то, что вам нужно что-то иметь, где я не так мастерски понимаю, как в других вещах, которые обычно используются. Мне кажется, что этот закон состоит в том, что каждая смерть зовется предательством и изменой, которая была сделана, пока человек был в безопасности от зла, которое тогда было, и полностью лишился обороны. Это также было бы предательской смертью, если бы агрессор прибыл в такую безопасную часть, чтобы не толь получить оскорбление от нападавшего за то, что он совершил убийство из безопасности, которая разделена на три вида. Первый, если агрессор сохранил месть, когда атака была безопасной, а не осторожной. Второй — это быть уверенным в том, что означает убить человека из безопасности, помимо дружбы, или убить кого-то словами, не причиняя вреда атактору. Третий — от того, кто умер, вы заверяете, что он не знал и не оскорблял никого в своей жизни, за цену, которую они дали атактору, как мы уже говорили в другой книге. Для понимания того, что вы должны знать, — есть разница между предателем и пресмыкающимся, отсюда происходят предательство и измена. Предательство — потому что это означает сдаться, принести или преступить то, что справедливо, и обязательство, которое каждый из них естественно имеет перед своим королем. Измена — предана реальному лицу и находится во многих формах, или восстает против него или доставляет начальнику врагам из страха или за цену, или угрожает силой или взглядом, которые даны ей для власти, или можно тоже быть третьим или посредником для этого, хотя не в их полномочиях то, что он дает, или пытается доставить, если только не как особый человек, желающий, чтобы противник захватил замок или силу. И тогда мы имеем дело с преступлением, которое совершается, когда осколок или вид подвергаются угрозам или страху перед врагами. Причина в том, что мы говорим что-то о славе и чести, которые

побеждают того, кто с лояльностью и усилением защищается, потому что героический факт не проходит в тишине, не заслуживает того, чтобы быть оракулом в памяти мужчин, которые стремятся к большим вещам, что знаменитый и превосходный рыцарь дон Алонсо Перес де Тусман вышел слабым. Это был человек, которого признают духи людей и очень почитают, и я очень хочу, чтобы вы кратко изложили, что думаете о том великом факте, который произошел с ним в Тарифе (если это тот, на кого вы ссылаетесь), кто так честно отмечается, потому что, не имея никого, с кем можно конкурировать, он признан восхижительным среди людей.

Творит Филандро. Но какой причине вы увеличиваете этот особый случай, совершая такие чудесные поступки в речи своей жизни. Истина такова, что каждый празднует и уважает другие вещи, достойные Памяти, в соответствии с настроением, которое у него есть. А по этой причине я также желаю увидеть сокровище, которое вы находите в этом факте, чтобы увеличить его больше, чем многие, как делали древние.

Творит Молемарко. (чтобы осчастливить вас), я скажу суть, потому что это настолько хорошо понятно, что более высокая цена, которую я намереваюсь сделать, чтобы отпраздновать это, вы должны рассказать нам об истине тех цветов для белой риторики, чтобы они казались (как художнику по искусству перспективы) большими вещами, чем они есть на самом деле. Поэтому остерегайтесь того, кто восхваляет больше, о чем говорил старший сын. А достигнет точки правды только в том случае, когда дон Алонсо Перес де Тусман надзиратель короля дон Санчо эль Браво, сын Дона Хуана, его брат, в Сазоне, в силе, старший сын надзирателя. Они отправляются туда, где младенец из благодати царя своего брата, стал достоинством мавров, и вместе они пришли, чтобы окружить его в Тарифе. А потом, много раз сражаясь, находясь рядом с маврами, убеждал и спрашивал у начальника, чтобы дать им силу, и, увидев, что ни мольбы, ни обещания не помогли их требованию, они согласились изменить совет и угрожать ему, с помощью чего они убьют сына впереди, если он не даст им видение, которое является величайшей угрозой, которая могла бы быть сделана, будучи обидой отцовской жалости и в презрении духа поощрения. А, как в случае с «трансформацией», потом возникают «страх и смелость», это очень важно для сильного человека, который является разумным и эффективным. Так что, проявляя добродетель, он не нападает и не обманывает, прежде чем его не предупредят, что он знает его, даже если он приходит более скрытый. Потому что мы видим, кто мог сдерживать флегматичность силой, чтобы она не перешла к мужеству похожей угрозы? Чтобы выйти к ним, веря в избавление сына, чтобы отомстить его врагу такой же раной. Защити свою веру. Сохраните свой замок? Но доблестный хранитель был таким постоянным и суровым, сдерживающим желание, извергая разумом импульс воли, который знал, что это делает бессовестная смелость, и нельзя было приказать усилию выйти, только безумию и безрассудству,

с которыми он мог потерять свою жизнь, не освободив ее от сына, с потерей видения и разрушением предметов. Он также мог вызвать страх в своем героическом сердце, и (если бы это было возможно) выстатривал бы впереди своего сына, обреченного на смерть без вины, убеждая с одной стороны в любви, которая является великим мастером видимых причин, а с другой — в желании увековечить себя, состоящее в сохранении жизни сыновей, веря, что из сильного поступка он робко отдал глаза людям, не задумываясь о победе любви и убежденности благочестием, потому что это не наименьший его недостаток, что они боится того, чего не должен иметь, боится того, у кого страха нет, того, что правильно и справедливо. Подумайте теперь, что бы смелый страж почувствовал в этой бездне тьмы, задыхаясь от такого большого количества усталости, со штормом в душе, потому что в таких опасных решающих моментах выбор наилучшего среднего не может быть настолько своевременным, что он не склоняется к той или иной части, в основном сражаясь за обязательство, которое было, кому он был верен и предан. Как обещал королю настоящую честь, славу или бессмертную позорную смерть, удачу, которая угрожала ему сердитыми глазами, крайне покоряя опасность, в которой он шел по своему пути, решающий момент в жизни его сына, отцовская любовь, которая тягачет больше, чем все другие вещи на земле, христианство, совесть, боль, жестокость, которую враги хотели использовать. Но в конце такого великого боя, вышел героический сердечный победитель, в одной руке нож справедливости, а в другой — проясненная смелость и мужество. Внедренная в преданность они побежали к парам, уступая друг другу. И он победил самого себя, и я это величайшая крепость из всех. И как верный страж, он предпочел опеку над жизнью своего собственного сына и с вершины стен бросил кинжал, с помощью которого они забрали его, что означало их постоянство и неизменность, что он сделает то же самое, если бы у них был кто-то, чтобы убить, имея много своих сыновей. Раньше он допустил, что он будет обезглавлен, что он даст им силу, нарушая верность своему королю, отвернувшись от благородства своих отцов. Как вы думаете, что почувствовало бы это героическое сердце, когда в его присутствии было исполнено такое нечестие? Если, возможно, у него не было его прославленной души, наделенной терпением, потому что у других именно это и одеяние. Творит Мелисо. Но определенным последствием духа, чье превосходительство нельзя праздновать обычными словами, не оскорбляя его величия, ни скромных людей за их восхваления, которые они изобретают, не достигнут возвышенности такого замечательного факта, в котором укрощается и сдерживается с разумом порыв любви, сдерживая боль от такого грустного зрелища, заставляя все добродетели сиять, укрепляя дух надеждой, что невинный бежит на небеса, мало имея того, что больше всего любил на земле. Он позволил, что перед его глазами они называют это отчаянной смертью, прежде чем прыгать в обязательство, которое у них было перед их верой, перед ними самими и их царем. Или постоянный дух в величайшем бесстрашии,

великодушный к собственной крови, и справедливый в самом главном сомнении, и благоразумный в случае, когда человеческое благоразумие теряет свою силу, благородный в величайших нарушениях и беспорядках, терпеливый и постоянный среди самых трудных вещей. А, наконец, сильный в самой главной и трудной опасности, потому что только одним делом он совершил так много действий, обладает специальными знаниями эффективности, и подтвердил стойкость в этой привычке ясности, которая будет сиять вечно в своих защитниках, потому что защищая веру (которая является духовным актом), сохраняя намерение, которое дало ему власть с величайшей преданностью в мире и выполняя естественное обязательство перед королем, ища преданных подданных милосердных с благородным характером. Поэтому (со множеством доводов и аргументов) сказала, что его собственный царь, который был вторым Авраамом, который, хотя воля и послушание принесли его сына к жертвоприношению своему Богу, — доблестный хранитель с волей, послушанием и работой для Бога и для своего короля, отдав все свое в острые лезвия смерти. Как вы думаете, кем был бы ребенок, видя, что проходит свою жизнь в вопросах и ответах, зная праведность своего отца и решительность врагов. Таким образом он никогда не спрашивал его со слезами, чтобы выбрать еще один дешевый способ, чем потеря своей жизни (слабость, которую они прощают несколько лет), чтобы его отец ответил. Или счастливый сын, который должен быть примером преданности и благочестия всем тем, кто в будущем страдает этим мученичеством за Бога и вашего короля, чтобы вы восхищались душами присутствующих и двигали к чувству жалости сердца тех, кто таким был с рождения, но все пошло в пользу того, чтобы заставить его замолчать и поклоняться воле Отца. Но наконец вездесущая удача отваги и храбрости, которая обещала быть расточительной и щедрой в точке этого драгоценного сокровища в недавнем времени, ускорила смерть ему, и он умер. Он был счастлив наслаждаться велениями небес для временных людей на Земле, но они не оставили ни единой надежды, чтобы соответствовать его настроению и преданности. Или если бы был отрок Дун Хуан, у которого была дух профессии, который поставил бы перед вами дон Филиппа нашего короля, чтобы сила его разума позорно подавила бы вас, и праведность его справедливости и христианства смутила бы вас и сдерживала бы такую привязанность. Где вы оставили это естественное благородство, которое вы приняли в духе, чтобы проявлять благочестие и справедливость и избегать тирании и жестокости? Как вы забыли, что рыцарь не должен совершать такую мерзость? Вы не видите, что вы пробуете доказывать естественную кровь с таким отвратительным преступлением и это противоречит законам стойкости, чтобы исполнить свою точность и непреклонность в безобидном проявлении без оружия, и это так близко находится к Отцу. Конечности неосторожности и бестактности — это отнятая жизнь, оставляя стражей такими неподвижными, не достигая вашего намерения. Разве вы не видите, что эта воля сводится к воле его

Отца? Смотрите, что, забрав жизнь у сына, вы подтверждаете силу и верность его Отца. Не будьте теперь блудными с невинной кровью. Обратите взгляд на великодушие, с которым его Отец предлагает смерть ради своего короля. Какое это предательство, если вы берете на себя так много преданности? Работа неверного вверяется тому, кто обязан сохранить верность и нарушает ее. Случайно вы подумали, что вы передали это женщине Тутьерре Мерес Алакауге Камора, отказавшись от передачи Алькасара, которая была у ее мужа дая короля, заботясь о сыне, который воспитывался за пределами город. А вы взяли его вместе с авраами и угрожали. Обратите ли вы на это внимание, если я не переключаю ваше внимание на это? А она, как худая женщина, которой не хватало этой божественности, которую Бог вложил в крепких людей, у которой не было мужа (честь женщины), позволила себе оголеть любовью и благочестием и, испугавшись такой жестокой угрозы, передала ее вам? Но кто найдет сильную женщину? К счастью вы остаетесь понять, что по той же причине невозможно было добиться таких разных эффектов? Вы не видели на базе опыта, что сила теплоты солнца сжигается и отдает воск, и с той же строгостью лучи затвердевают и теплота солнца высушивает склоны и создает золото? Неудивительно, потому что у вашего уха был навык в жестокости, и тот, кто хватается его, оставляет все добродетели и пытается поставить страх с теми вещами, которые он выражал, если они найдутся в таких жестоких затруднительных положениях. Он к счастью перешел черту в мужество, чтобы увидеть, что у него много дел, которые могли бы предложить в его жизни, и меньше опасений, это было искуплением его сына? Или видеть, что, будучи его силой, чтобы никто не мог подражать ей, вам казалось, согласно его неизменности, что он все еще давал ценность для больших вещей (если бы можно было предложить эти вещи в мире?) Этого не должно было быть, но, будучи опытным стражем, за короткое время он страдал и переносил раны на теле. Вы хотели дать их сейчас душе. Наконец пехотинец, потерял все, что можно потерять. А это все, что выиграл начальник, и многое другое, потому что он выиграл хороший порядок.

Творит Молеарко. Конечно, хотя все воспринимают это за нечто серьезное, получают раны и принимают смерть, я воспринимаю за более серьезную вещь то, чтобы увидеть, как сурово забирают жизнь у сына, срубленного как дерево на глазах у отца, будучи в состоянии спасти его, но потом приходит время, когда честная смерть предшествует жизни. Рыцарь должен отдать свою жизнь и жизнь своих сыновей за общую честь, а не за честь жизни, ни для временного удовлетворения. Так для этого рыцаря казалось лучше, после того, как он получил много других ранений на службе у своего короля, славно подтверждая теперь свою преданность в решающем критическом моменте, настолько суровом с величайшей болью из всех болей, вопреки тем, кто с гнусностью приносит все тело, а сердце — радостное восстанию сильных. Наконец, я считаю, что, если бы все великие духи древних были объединены, —

в этой конгрегации было бы самое точное их понимание, и пребывая в мире, они пришли проконсультироваться по поводу того, что должно было быть сделано в критической сомнительной ситуации. Они не могли определенно прийти к более справедливой вещи, чем тонкость фактов, которую храбрый и мужественный начальник только посреди стольких опасностей выбрал для такого славного конца. Отсюда родился этот прославленный человек, отличный от других. Все его называли хорошим из-за его совершенства. Имя, которое всегда принималось с таким удовлетворением у царей, как праздновалось великими аплодисментами всех наций, завидующими происхождению их дома за то, что они основаны на крови невинных мучеников. А в соответствии с изложенными соображениями и превосходством его силы, а также качеством и обстоятельствами факта — только с титулом вы можете поставить такого смелого рыцаря среди девяти достойных (Девять рыцарей славы), чтобы отныне и впредь среди них было четыре христианина.

Творит Эудемио. Конечно, он заслужил свое героическое сердце, чтобы установить его в этом месте, но скажите мне, кто они, потому что я всегда слышал, как с восхвалением говорят о девяти рыцарях славы, и имен каждого я не знал.

Творит Молемарко. Девять рыцарей славы были: три еврея, три язычника и три христианина. Три еврея это Иосиф, завоеватель Ханаана; Давид — король Израиля и Уда Маккавей. Три язычника это Телтор, Александр Македонский и Юлий Цезарь. Христианами были Кара Великий, король Артур, Годфрид Бюльонский, один из предводителей первого крестового похода на восток. Теперь я хочу внедрить правосудие нашего начальника и судьи в суд сильных и праведных, чтобы они были арбитрами в росте их заслуг, потому что вход в эту девятку происходит по достоинству и заслугам, а не по просьбе или по тому и другому. Дон Алонсо Перес де Тусман вполне может войти в это число хороших, что было по его заслуге, о которой вы слышали и так любили Бога, без чего невозможно было иметь такого благоприятного конца, потому что он пришел к значению его личности, чтобы быть настолько почитаемым царями и уважаемым людьми, что даже служил по определенным сведениям. Потому что море в награду за сына, которого потерял на службе король, платит каждый год свою собственную вечную дань своим потомкам в признании его великих усилий и преданности. Но, кто из всех потомков такого превосходного и героического начала обладает более справедливым разумом, чем хозяин дома, Алонсо Перес де Тусман с именем Хороший, кто живет сегодня? Або, согласно обещаниям его духа и природной склонности к военным вещам, те, кто используют это, у них есть надежда, которая предлагает им то, в чем можно соперничать со своей мужественной армией в защиту веры и в служении своему королю поднимаясь так высоко, что по правде будет сказано, что он унаследовал доблесть и отвагу вместе с именем. Это вызывает сомнения между мужчинами, один из двух которых имеет более справедливую причину — имя Хороший,

того, кто взял верх со смертью своего сына или того, кто подписал это своей кровью. И он снова победит, даже если у него всего этого нет. Потому что это от большой отваги и понимания, что, будучи генералом-капитаном народа Андалусии, он был ведомым, чтобы покорить короля не Алагари, где по небесной атмосфере они посещают обычно самых воинственных людей из всей Лузитании, кто в это время был подготовлен и оборудован для битвы, уставший от ожидания армий, не принося больше людей, чем некоторые из многих слуг их дома. Он привлекал губернаторов и большую часть дворянства Португалии, и заполнил все царство и превратил его в служение Божественности с такой кротостью и мужеством, что никогда не было необходимости обнажать меч во всем этом промежутке времени, как это делали другие армии, разрывая тела и разрушая места.

Творит Мелисо. Вы, безусловно, правы, что значительно увеличили древность и благородство этого дома, потому что то, в чем я убежден, что от его происхождения он принимается Богом и будет уважаться людьми по этой причине до конца света. Наконец, он не разошелся так, чтобы исполнился успех такого чудесного дела, если бы не отсутствовала в это время, потому что такой капитан был достоин служить такому царю, как наш, чей дух обогатил Бога такими героическими добродетелями, что, с одной стороны, его власть превосходит власть многих других королей. И с другой стороны, величие его духа превосходит всех нас. Такой король хорошо знал, как оценивать такое служение с его обычным величием, как тот, у кого есть рука, сделанная для них, потому что не только там, где знают, как оценивать подвиги других людей, у кого есть дух, чтобы делать это, но и там, где будет христианский король настолько сильный, настолько либеральный, великодушный, справедливый, что он сделает свое королевство счастливым и возвеличит его ценностью своих реальных людей. Кто никогда не был так уважаем, и кто не боялся варварских королей? Это монарх, в котором так много сияющих небесных даров, мог оценить такой факт. Это тот, кого все цари земные принимают за своего царя и признают его величие и величество, которое так велико, что если бы он не был королем Испании, то ценность его личности была бы оценена как точка. Временные короли обуславливают свою заслугу (как сейчас уважают свое величие), чтобы обладать только титулом царства. Это король дон Фелипе II, которого Бог хранит, потому что он христианин, защищает правосудие благородными и благотворительными вещами, которые никогда не одобряют, и укрывая всех как истинного казначея и распределителя такого богатства, при наличии которого страдающие люди не чувствуют себя позорными в делах и страданиях времени, делая век удачливым, которым наслаждается царь. И согласно примеру, предложенному этим мужественным начальником, оружием были приобретены великие почести. И также, как древние лорды, которые знали славную оценку, которая достигается с использованием оружия, много его имели и приказали, чтобы они учили их военной привычке, чтобы участвовать в демонстрации с похорон

облачением рыцарей и в значении добродетели силы, которой была пожертвована душа этому телу, не желая терять честь в смерти, которую они справедливо выиграли, рискуя своей жизнью. А лорды, которые не использовали их, теперь посылают свои собственные, чтобы наслаждаться даже смертью этой славы. Чему лишала их праздная и трусливая жизнь.

Творит Филандро. Оставайтесь на этом этапе, пока вы не закончите историю, которую начали с лордов этого дома, и скажите, можно ли было совершить предательство, которое было законным и разрешенным в какой-то части?

Творит Молоетарко. Когда предательство когда-либо совершено в пользу какой-то армии (они любят предательство), а не в пользу предателя, кто-то был с противником или королем, или врагом, чтобы объявить, что его естественный царь собирался сделать против него, чтобы он был предупрежден и наполнен энергией, даже если этот король или капитан радуется измене, любит ее и признает, что он прячется от предателя и ненавидит его. Также, есть и другие вещи, которые формально являются обманом, но не являются изменой и предательством, потому что то будет называться изменой и предательством, что делается с заметным вредом, защищая несправедливую вещь. Из чего следует, что те, кто каким-то образом вступают в противоречия с верой, или выступают против Папы, или против королевского Величества, или против тех лиц, которых одобряют короли и законы, которые пользуются этими льготами, как будто они республики и князья. Все те, кто против них что-то делают, — предатели, и, хотя они убивают их или обманывают словесно, чтобы схватить их и убить, как они поступают с благословенными, которых любой может убить, кто скрывается в других царствах. А, согласно тому, что было в Испании, это те, кого правосудие оглашает как врагов, больше тех, кто придерживается убийства, насильственной смерти по отношению к братии или любому компетентному судьи или тем, кто преследует отступников еретиков нашей католической веры и христианской религии или шпионов, которые входят в страну неверующих, чтобы обманывать или убивать через обман, брать или сдавать замки, места или что-то еще. Все они, хотя в формальном смысле, кажется, что обманывают, но это не так, потому что они защищают и следуют справедливой вещи ради выгоды нашей католической веры и христианской республики, они не будут называться предателями или обманщиками, до этого они были оценены и вознаграждены. А кто бы ни противоречил им, они могут причинить вред, убить или арестовать и принести смерть. Потому что нужно предупредить еретика, предателя и обманщика об этой естественной вражде. А тот, кто защищает что-то незаконное вопреки общественному благу, любого, кого он убьет или травмирует, или захватит, защищает законную вещь на благо всех. А потому, что этот человек, совершивший какое-либо из упомянутых случаев, не должен находиться в состоянии надежности, уверенности, никто не уверяет его, не убивает, не ранит,

ни садит в тюрьму, это не предательство и не измена.

Творит Эудемио. Также мабры, хотя они и являются неверными, обязаны защищать свою жизнь, женщин, детей и имущество в соответствии с естественным законом.

Творит Молемарко. Хотя у мабров были те же законы, что и у нас, что касается предателя или изменщика, и что касается закона о естественности, любой, кто убивает другого, не руководствуется определенным законом, потому что они шпионят или обманывают словами или делами по отношению к верующим, совершают то же преступление предательства и измены против нас, как если бы какой-то христианин это совершил, потому что это основали мабры на базе лживого мнения, как еретики, которые оставляют истину и следуют тому, что не имеет никакого следа правды, что это отвратительная секта, которую они имеют, и их законы вышли в защиту и сохранение этой лжи. Любой закон, который они установили между ними (для того, чтобы защитить ложную вещь), независимо от этого, — стихотворен, и его сила никогда не будет для реального осуждения. И потому, что мы нашли законы и были в защиту непогрешимой правды, которая не может быть изменена, поэтому мы не совершаем преступление, убивая их, раня их или любя их, а мабры и еретики совершили бы это, если бы сделали тоже самое против нас перед Богом, который будет строго наказывать предательства и измены, которые совершили против нас, и те, которые мы совершили незаконно против наших верных людей. И из этого следует, что убийство Юдифь в книге Олоферн не было предательством, как это было у Каина против своего брата Авеля, потому что ни Олоферн, защищая справедливую причину (которая является войной против народа божьего), которая была бы проверена, ни заверения других, как говорили, ни Юдифь не защищают справедливую причину, которая была основана в истинном Боге, не обманывала его, потому что вы никогда не останетесь в безопасности из того, что получилось. И вы увидите также в третьей сцене, после того, как умер Иисус Мавин капитан людей Божьих, — короля Моава по имени Элон, восставший против детей Израиля за их идолопоклонство и грехи, и Бога, оказавшего милосердие своему народу. Появился капитан по имени Аод, который уже восемнадцать лет подчинялся этому королю, он использовал обе руки, как будто бы каждая из них была правой, которую сделала меч или двуручный кинжал, а кулак посередине спрятал под длинной одеждой, притворяясь перед присутствующими, что он идет представлять их Элону. И после того, как их ита дали, он ответил, что со стороны Бога он в тайне хотел поговорить с ним. Затем король приказал всем своим слугам уйти, оставив только двоих, и Элон подошел к нему по дружбе. Аод достал кинжал и воткнул его по рукоятку в тело, от раны тот потом упал и таким образом убийство Аодом Элона было святым и справедливым, потому что это было причиной того, что народ Божий вышел из плена.

Творит Эудемио. Я дам вам, если не будете меня плохо вспоминать, в Священном Писании несправедливое предательство.

Творит Молемарко. В третьей главе царей вы обнаружите, что, так как Уоав знал, что Авенир (тот, кто убил своего брата Афаила, законно защищая себя, как мы сказали), пришел, чтобы пообещать Давиду мирно дать ему царство израильское, после того как он хорошо с ним обошелся. Но это дает Уоаву его капитан-генерал, и тот пошел к королю и сказал ему, почему он был принят, должен знать, что Авнер хотел обмануть его. В гневе Уоав попросился с королем и, рискуя, послал позвать Авнера, который вернулся с этой безопасностью, и обнимая Уоава, нанес ему удар кинжалом в пах, смерть которого очень оплакивалась и оказала влияние на Давида, и чтобы наказать — находится без какой бы то ни было причины для его капитана Уоава и того, что он сделал Амафе. И когда он умер, отправил своего сына Соломона, чтобы он не оставил это преступление без наказания. И поэтому пошел Соломон и даже вытащил его из храма, где тот укрылся и не хотел уходить, прежде чем стать сильным и именно от алтаря я приказал ему убить. Отсюда можно заключить, что измена не является чем-то грухим, кроме как нечестным обманом против общественного блага, как смерть и ее подобные. Это много раз наказывается, больше благодаря правильному управлению и умиротворению республики, чем особому лицу, который получает вред от сильного, что измена является тем, что каким-либо образом совершено против веры, или королевской короны. Но предательство по существу то, что сделано против какого-то специфического особого лица, в котором всегда есть часть измены по благоразумию. И тот и другой обманывают, поэтому они соответствуют, как вероотступничество и ересь, согласно Ситанкасу. И, как говорит Демосфен, предатели всегда являются подонками и самыми мерзкими и низкими людьми из вульгарных, кого плохие почитают и уважают больше, потому что предательство не что иное, как гнусный обман низкого духа. Делается это с хорошими словами и плохими делами, таким образом, чтобы всякий, кто поверит — будет обманут, над ним посмеются, оскорбят, или он будет ранен или убит, и по этой причине измена формально включает в себя предательство, но предательство не включает измену, хотя для того, чтобы это было в вульгарном простолюдине, они путают слова, выдавая одно за другое, потому что совершается к князьям, не будет считаться предательством, а будет изменой, потому что они отличаются по своим качествам. совершая предательство во многих отношениях, теперь он в ловушках или в случае обдумывания и определения в желании долгое время, уверяет противника, если вдруг внезапно он его встречает, будучи в состоянии напасть спереди с силой, что противник потерял безопасность и его атаковали сзади? Когда пришел второй, ничего не опасаясь и уверенный в том, что был такой человек плохой и трусливый, кого он атаковал. Отсюда вы узнаете, что предательство исходит в большинстве случаев из страхов, которые имеет человек по отношению к своему

врагу, опасаясь, что, если он мчитя вперед, он не настоит на своем, потому что противник человек отважный и естественного права, вынужденный защищать себя.

Творит Эугенио. Посмотрим, есть ли человек, который не является фехтовальщиком, а оскорбил одного очень искусного фехтовальщика, так что в законе мира фехтовальщик был обязан убить его, где бы он ни находился. А фехтовальщик знает из науки, что другой убьет его, увидев его с собой, потому что он понимает, что его защита не будет частью, по которой фехтовальщик не убивает его. Если он не фехтовальщик, не боясь этого преимущества, убивая его или причиняя ему вред сзади, будет ли это предательством?

Творит Молемарко. Да, потому что у него есть все качества, которые позволяют выполнить это.

Творит Эугенио. Хорошо, что вы будете делать, если у вас нет защиты при встрече с фехтовальщиком?

Творит Молемарко. Тогда у него был язык, чтобы оскорблять и бранить человека, кому не мог сопротивляться, если бы они перешли к ударам, ему также пришлось бы пренебрегать и просить прощения и искать третьих сторон, которые проложат путь, и, если вы не захотите этого сделать, оставьте место и избегайте присутствия обиженных.

Творит Эугенио. Куда вам идти?

Творит Молемарко. Туда, где это было после совершения предательства, и бежать теперь от обиженного, (потому что я не убивал его), поскольку я должен был бежать от правосудия, потому что не казнил его. Это также будет предательством, хотя один быстро наступает на другого лицом к лицу, если он делает так, чтобы противник не мог использовать какую-либо защиту, как если бы он входил в дом, чтобы ждать и шпионить за противником, и идти к двери, выходя неожиданно и внезапно убив его или нанести вред лицом к лицу, без возможности быть храбрым, это то же самое, что убить его или причинить боль из-за того, что противник не мог иметь оборонительного или атакующего средства против предательства, которое обострило агрессию. А так говорит закон. Случай нападения Алеве, тот, который гарантирует смерть (как говорится), понимается, что уверенный всадник атакует или уверен в столкновении со стороны плохих людей, которые были адекватными, даже если он не шпионит за ними или не знает других, даже если они внезапно найдутся. А тот, кто считал, что предательство убеждает противника приятными или дружескими словами, или смотрит в другое место продолжая не видеть, чтобы противник себя не спас и обеспечил безопасность. А после того, как он это сделал, — причинил ему боль или убил сзади, или спереди, и что бы он ни делал, удача на его стороне. Это не формальное предательство, а очень отдаленная разновидность, потому что такого человека не нужно было ни заверять в чем-то, ни заставлять поверить в видимость врага, а только понять и укрыться от него, поскольку он видел, как это было. Або, согласно верховенству закона, тот, кто

знает зло, которое должно прийти к нему и видит того, кто причинил ему боль, не прятался от него, не причинял ему вреда, не совершал против него формального обмана, предательства, и никто не может жаловаться на рану, потому что Эврипид говорит, что, когда человек идет по земле врагов, все, что он слышит, он считает опасным. Мозг зрительное воображение увеличивается, чем больше вы видите врага и знаете его. В другом месте он утверждает, что в большинстве случаев победа зависит от наставления и осторожности, которые он ни принимал, ни прятал, когда мог. Ему не на что жаловаться, кроме как на свою невнимательность и самонадеянность. В подтверждение того, что говорит кастильская поговорка — предупрежденный человек наполовину атакован. Затем, хорошо следует, что, если человек не предупрежден, то противник наполовину атакован. Также, предательство и измена приносят одну вещь в души людей и показывают другое на фактах и словах, как будто если бы кто-то принес это другому человеку в хорошей обертке и с обещаниями безопасности, не давая ему понять, что злитесь на него, и люди или место предусмотрены, чтобы отнять честь, жизнь или имущество, обманывая его с явной дружбой. Он бы запер его, где тот потеряет любую из трех вещей. Поэтому для кого-то царь Алонсо говорил, что предательство — это привести человека ко злу с подготовкой добра. Но, если бы кто-то находился в ссоре и два или три утратили бы от этого раздора, хотя раны не были впереди, убийцы не будут называться предателями, потому что в битве или бое каждый должен умишаться именно так, а не надеяться и ждать, что враг находится не в хорошем положении, а в каком-то другом, которое видно, и что он должен стараться обеспечить защиту. Предательством будет нанести удар сзади, это ближайшее место, и простолоудин это называет изменой, и поэтому используют это, желая, чтобы кто-то ссорился друг с другом, чтобы схватить этот меч, который должен предупредить врага и людей, которые присутствуют, что они не хотят причинять ему вред, ни убить плохого, ни рискуя, а только хороший против хорошего, как говорят вульгарные простолоудины. Один человек наносит другому рану, приехав единогласно в какое-то место, предназначенное для ссоры, и, увидев того, кто вызвал на дуэль с меньшим оружием, а противника с пикой, арбалетом или аркебузом, опасаясь преимуществ, которые есть у другого. Если он нанес удар сзади, и у них были равные оружия, то это не будет целиком предательством, а только разновидностью, что определенным образом несет след защиты, потому что, если противник начнет оскорблять его таким чрезмерным преимуществом, он не сможет защитить себя, ни тот, кто с осторожностью относится к такому превосходным оружием заслуживает имени защитника, во время превосходства над противником, и тот, кто кажется агрессором, не имеет равных. Если он что-то делает с указанным избытком, можно сказать, что он атакует.

Говорит Эудемидо. Напротив, хорошо то, что Фриандро знает, что случилось с сеньором, который, чтобы пойти и убить другого однажды

ночью, собрал всех своих родственников, друзей, слуг и хороших нарушителей, упрекнув его в том, что есть, и где так много тех, кто готов убить только одного. Агрессор ответил: сеньор, если бы я был там, чтобы он убил меня, я был бы один и без меча, но потому, что это я собирался убить его, и на случай, если я могу ошибиться, я возьму с собой несколько.

Творит Мелемарко. Виновным никогда не хватает защиты (если они ей пользуются), которая кажется оправданной. Это также будет предательством, если, видя, как двое мужчин сражаются, он подойдет сзади, а противник его даже не почувствует, и тот убьет его или покалечит, чтобы поддержать другого. И обратите внимание, что это не будет предательским, если он будет стоять перед противником на стороне друга, объявив его противником, что тогда только он один не был уверен, что на глазах он объявил его врагом, потому что должен защищаться от обоих, и много остерегаться от того, кто пришел, и того, кто был там, и не зевал, чтобы тот не схватил его за спину, потому что, если будет так, то нельзя сказать, что это «безопасная смерть». И мертвый не назовет ее безопасной, за исключением того, что он легко доверяет врагу, которого никто не мог охарактеризовать.

Творит Эудемио. Но-моему, это тоже будет предательством, если двое идут драться, один из них будет стоять на стороне врагов, заявляя, что он противоречит своему собственному напарнику.

Творит Мелемарко. Кстати, это одно из величайших зол и оскорблений, которое человек может совершить против другого, не зная на сколько он друг.

Творит Эудемио. Давайте посмотрим, был ли Метро нанят, чтобы убить Хуана, а Хуан знал бы о какой-то определенной науке, которую не знал Метро. Но этой причине он не спрячется от Хуана, и Хуан увидит, что он пришел, и Метро не хочет ничего делать против Хуана, и даже намерения такого нет, потому что есть люди, которые не оспаривают действия, пока тот делает свое дело, ничего не опасаясь. Вот пришел внезапно Хуан и убивает Метро. Какое преступление вы думаете, будет совершено, зная, что Метро ищет время, возможность и место, чтобы убить его? Ему казалось, что лучше защищаться от защиты, чем быть пресеченным внезапной и неожиданной агрессией, потому что Демосфен говорит, что наблюдающего, чтобы другой убил, нужно воспринимать как врага, и больше того, кто скрывается, чтобы убивать того же так, чтобы в другой части предупредить человека, что вскоре с большим мастерством он освободится от плохого. Не ожидайте получить урон, когда вы не можете наказать оружием и словами, потому что он не похож на афинян, которые после получения зла остерегаются его, как и тех из Фригии.

Творит Мелемарко. Я очень испугался, что, будучи настолько здоровым, вы желаете допустить то, что они сделали, и посоветовать язычникам без вероисповедания то, чему обязан христианин. Но, если вы хотите следовать авторитету этого греческого

оратора, без любителей больше одного взгляда, чем другого. Он также говорит в другом месте, что человек должен ждать законного повода и только тогда начать совершать бой, так что со всем этим Хуан совершил предательство в убийстве Недро, потому что, хотя он и удостоверялся, что Недро должен был убить его или заботиться. Как повелитель его воли, он мог изменить совет, и изменить плохую цель в покаянии, потому что человек время от времени подвергается различным изменениям и беспокойствам, согласно тому, что говорит Св. Базилио. И хотя у него было твердое намерение убить его, чтобы Хуан не напал на него, что было необходимостью, чтобы Недро начал выполнять свою хитрую цель, чтобы Хуан был готов, потому что он предупрежден и не беспечен, защищаясь от этой предательской агрессии, и может на законных основаниях убить его. Так говорит один закон царства. Тогда, если тот, кто подвергся нападению, убивает другого, который хочет именно таким образом убить, никаким образом этого не понимая. Если этого не происходит, то он начинает делать наоборот — оскорблять, и даже и подготавливает закона не пользуется, ни свободами, которые дает естественное и утвердительное право в контексте защиты, потому что, согласно тому, что говорит Монтонио правовед, никто не должен изменять совет или появляться в травмах или быть оскорбленным другим, даже если понимает их злобные цели, потому что наказать их может только Бог. И, как говорит святой Базилио, закон Божий не только осуждает деяния греха, но и определяет волю, к которой люди не имеют никакого отношения, пока не уменьшатся в действии их грех. И подтверждение того, что говорит врач, если кто-то угрожает другому смертью, — для угрожающего не является законным продолжать в этом направлении и в конце концов убить его, если только другой не осыпал его угрозами, больше освобождая меня от другой большой сложности, которая меня оскорбила. Если Недро собирается убить Хуана, и пришел в назначенное время, чтобы сделать это, Хуан заметил его и у него было время, чтобы положить свою руку на меч, в то время как Недро наступал на него агрессивно, чтобы убить с таким же предательством. Хотя по правде говоря он должен был защищаться от Хуана, защищая такую несправедливую вещь, как обратительную работу, которую он совершил. Он чувствует себя виновным с оружием такого великого зла и пленником предательства? Ибо никто не должен делать зло другому, если не хочет, чтобы то же самое сделали ему, что, как мы сказали, является предписанием, где был основан естественный закон и гражданский, которые подтверждают Тулио и Сенека во многих местах с общим мнением правоведов. И Александр Север всегда приносил память о своих солдатах. Не делай того, что ты не хотел, чтобы сделали с тобой. И этого хочет Бог в своих заповедях, чтобы те, кто христиане — были обязаны в точности выполнять эти заповеди, потому что, не выполнив одной, будет разрыв во всем. Говорит Эудемий. Это хорошо, конечно же, что вы перестали убивать себя смертным грехом, чтобы отправиться в ад, оставляя ему есте-

ственное право, которое заставляет его защищаться больше, чем Недро, и тогда он не защищает это преступление и не закрепляет его, если не сохраняет свою жизнь. В таком опасном критическом моменте для спасения не теряйте свою душу.

Творит Мелисо. Раньше мне казалось, что он потерял право, о котором вы говорите, потому что он вынужден сохранить себя и защищаться в соответствии с естественным правом, всегда делать что-то законное, и, по вашему мнению, преступники и злоумышленники, которых правосудие наказывает за их преступления, будут обязаны защищаться в соответствии с естественным правом и не позволяя себя наказывать, потому что те, кто убежден в свидетельствах и других своих грехах, признают себя достойными смерти. А таким образом в провозглашении этого они проявляются народу и злому деятелю, что тот, кто совершает такое, платит за временную жизнь в мире, потому что насилие и зло порождают всеобщее преступление против всех, как сказано, и по этой причине он должен быть наказан публично, чтобы ответ был удовлетворен. А люди, которые являются членами этого, подавляют, сдерживают и наказывают, видя строгость, с которой мать наказывает непослушных детей, потому что, когда сила справедлива, сопротивление является нечестным в соответствии с блеском, чье мнение принято и, следовательно, среди серьезных, есть те, которые говорят, что, если заключенный справедливо приговорен к смертной казни, он грешит, если покинет тюрьму, если из-за его победы кому-то будет причинен вред. Насколько большой будет грех противостоять справедливому и противоречить этому? А, как говорит Св. Фома, закон благодати совершенствует закон природы. Вещь, которая находится за пределами разума это думать, что закон благодати чтобы благоприятствовать и разрешить такую плохую вещь как убийство одного человека за деньги, оставляет закон природы настолько сильным, что можно было бы это осуществить, совершив законную вещь и прекратить это, потому что вы знаете, что все наоборот, и поскольку закон природы совершенствуется законом благодати, единственная его цель — принять добро и бежать от плохих. Творит Филандро. Тогда, что должен был сделать Недро, чтобы защитить себя от Хуана, который защищает свою жизнь, что является законным?

Творит Молемарко. Бежать, и тогда Хуан не будет обязан следовать за ним, потому что он больше не защищался от него, и если он последует за ним, то не возьмет его силой особой власти, которая касается правосудия, потому что в бегстве Недро уже объявлен преступником. Творит Эудемио. За честь вы почитаете этого человека, и доказано, что тот, у кого она есть, не должен бежать?

Творит Молемарко. Но что бы то ни стало, прежде чем он не смог проиграть, что было нехорошо, было бы хорошо, если бы у него была честь, а человек, который купил ее за деньги — делает большую мерзость, но, если он пойдет за ним, вернитесь, вы можете защитить Недро на законных основаниях.

Творит Эудемио. А если Недро собирается убить Хуана, а убил Франциско, он был бы достойным смерти?

Творит Молемарко. Этот вопрос очень спорный между знающими, и причина, на которой некоторые из них основаны, чтобы освободить его от обычного наказания, заключается в том, что не каждый убийца достоин смерти, а только тот, кто сделал это преднамеренно со злым умыслом, и сделал это добровольно, но, на мой взгляд, Недро достоин смерти, потому что вы не можете отрицать, что он не вел себя преднамеренно, что он собирается убить Хуана с явной агрессией.

Творит Эудемио. Это правда, что он агрессор, но ему не хотелось убивать Франциско, который оправдывает его от обычного наказания, и потому, что на самом деле он не имел злой воли и в душе он не хотел обманывать, и несмотря на то, что он привел его против Хуана, он не достоин полноценного наказания.

Творит Молемарко. Хорошо, ваше мнение противоречит моему, потому что я не только понимаю, что это достойно стандартного наказания за убийство Франциско, полагая, что это был Хуан, но с большей скорбью, потому что мы видим, что это не предательство нанести человеку рану или убить его, не имея возможности развить это, чтобы свободно использовать защиту, поскольку он не еретик, не мору или предатель против республики?

Творит Эудемио. Мы уже выяснили, что убийство таким образом не является предательством.

Творит Молемарко. Потому что я говорю, что Недро совершил три преступления в этой смерти. Первое из формальной агрессии, потому что он оскорбил человека, не освобождая его от греха и от агрессии, что является неправильной попыткой его разума, потому что это правда, что каждый эффект имитирует свою причину, и причина, которая им двигала, была действительно плоха, потому что получилось, что он пришел убить его и убил. Тогда следует, что эффект был несправедливым, если вы не хотите отрицать принципы философии. Второе преступление — это предательство за то, что убил Франциско, который никак не мог себя защитить. И третье — убил невиновного (тяжкое преступление) и потому совершил незначительное зло — убил того, у кого это было, и тогда вы знаете, что это будет меньше вреда. Оставьте лучше наказание без наказания, чем накажите невиновных. Посмотрите, сколько еще заслуживает Недро за убийство Франциско, если он убьет Хуана, от которого получил травму, по отношению к кому у него был гнев, и скажите, что судья заслуживает награды за наказание обвиняемого?

Творит Эудемио. Если он этого заслуживает, то потому, что правильно выполняет свою работу.

Творит Молемарко. Тогда, конечно, если по неосторожности или небрежности наказывает его, то в конце какое будет наказание?

Творит Эудемио. Приведите пример, который разъясняет вашу цель.

Творит Молемарко. Если судья казнит Франциско, потому что он понял, что тот убил Хуана, а не Недро, то есть самого тапатора,

за то, что он не совершил судебного разбирательства, за которым последуют предполагаемые и доказанные вещи. Он бы наказал судью, потому что он повесил Франциско, который не был виноват?

Творит Эудемио. Мне кажется, что да, и я видел это дело на практике, но оно отличается одно от другого. У судьи не было злого умысла против любого из двух, прежде чем это было хорошо, потому что он сделал это, чтобы наказать злодеев, что является его работой, и Недро сделал это из мести, что ни для кого не является законным. Творит Молемарко. Все это делается с моей стороны и заключается в том, что, если судья не имеет злого умысла и делает это, чтобы наказать виновного, где с хорошим воодушевлением у него есть наказание убить без вины того, кто собирался убить, тот, кто оскорбил его, что запрещено, и он убивает того, у кого не было вины и заслуживает большего наказания, чем если бы он убил того, кто дал ему повод.

Творит Эудемио. Мне все еще кажется, что у него не было желания и намерения убивать Франциско, что освобождает его от обычного наказания, хотя у него был злой умысел против Хуана.

Творит Молемарко. Тогда вы хотите, чтобы ошибка из-за невнимательности Недро была оплачена жизнью Франциско, которой он владеет на законных основаниях, и чтобы остаться в живых, нет справедливости.

Творит Эудемио. Тогда был ли Недро обязан или заставили ли его это сделать, чтобы не понести преступление предательства и не иметь столько вины в убийстве невинных?

Творит Молемарко. Он обязан спросить Франциско, вы Хуан? Чтобы Хуан был предупрежден о защите и преступление не было сделано предательски, потому что тогда Франциско ответит: я не Хуан, и оба были убиты, один убит несправедливой смертью, а второй — от серьезного преступления.

Творит Эудемио. Со всеми этими причинами, если бы я был судьей тогда, я бы дал Недро чрезвычайное наказание, и больше я бы осудил его за душу мертвого человека.

Творит Молемарко. Если бы я был судьей, я бы осудил его в этом, что вы говорите, а затем повесил бы его. И чтобы освободить себя от этого сомнения, если бы Недро ссорился словесно с Хуаном, и Хуан сказал такие возмутительные слова, что они заставили Недро поднять руку, и дать ему пощечину, а Франциско пришлось разнимать их, и хотел ударить Хуана, Недро ударил Франциско, и, увидев, что удар пришелся мимо, он взял меч, чтобы удовлетворить себя. Франциско видел, что тот пытался надавать пощечин, а Недро схватился за меч, веря, что он будет использовать его против него, и будучи оскорбленным пощечиной и боясь увидеть обнаженный меч, Франциско взял это на себя и убил Недро. Кого из них вы могли бы обвинить? Потому что Недро не был с Франциско, а Франциско защищал себя только от продолжающихся атак Недро.

Творит Эудемио. У меня не так много желания в этих трудностях дать им хорошее мнение, но я собираюсь сказать, что я бы повесил

Хуана в результате всего вреда, и подобно тому, как была пощечина, был и удар ножом. Недро был обязан это сделать, если бы удовлетворял уродство лица, поскольку в этом не было злого умысла?

Творит Мелемарко. Освобожденное тело Эудемио не подлежит оценки, и по этой причине нельзя удовлетвориться только знаком раны с законом против Адриана, Эскота и Хуана старшего, которые говорят, что гаупо думать, что тот, кто убивает быка, обязан вернуть его, а не тот, кто убивает ближнего своего. Таким образом, закон говорит, что человек не оценим, и поэтому, даже если лекарства будут выдаваться за раны, от уродства лица нет лекарства, и то, что осталось от них, если они не слепаются, или не отрежут какой-нибудь важный член у человека, чтобы поддерживать жизнь человека.

Творит Эудемио. Расскажите мне о своей жизни, если Хуан получил травму от Недро и ушел, чтобы искупить вину, не оставив преступления, но пришел Франциско, встал посередине них, чтобы помочь этой ссоре и мешать другим, чтобы они не были удовлетворены с теплом мира, и Хуан понимал это, убивая его, что это было предательством?

Творит Мелемарко. Тогда это не предательство, убить того, кто приходит, чтобы оскорбить тебя, все меньше и меньше так будет. Если Хуан убивает Франциско, потому что это мешает его промыслу, это его не удовлетворяет, в основном. Если это возмущение, которое он получает, то остается позор, потому что он ставит мир между двумя мужчинами, чтобы быть с невиновной сдержанностью и спокойствием.

Творит Эудемио. А если Недро взял меч против Хуана, и пришел Франциско, чтобы для пользы же обоих создать между ними доброжелательность, то, если Недро убьет его, будет ли это вероломным предательством?

Творит Мелемарко. Если Недро убил Франциско, потому что он не мог отомстить Хуану, это предательство, и, если он убил его, убив Хуана, — он и не имел никакого злого умысла. Недро был агрессором с самого начала, он заслуживает обычного наказания по причинам, указанным в случае 18, но, если Хуан, кто защищает себя, убьет его, убив Недро в своей защите, он не пожалеет, потому что ему не хватает злого намерения по отношению к обоим.

Творит Эудемио. Скажите, если обычный человек убил другого, кто был уникален в своем мастерстве, он заслуживает нового вида наказания?

Творит Мелемарко. То, как общественная полезность оправдывает убийцу от наказания, особенно, если это какой-то великий мастер своего дела, значит, что его жизнь может быть полезной республике, закону. Зверей не нужно осуждать и приговаривать к смертной казни, лучше дать им произвольное наказание, так что того, кто отнимает у республики чрезвычайную выгоду, накажут чрезвычайной смертью.

Творит Эудемио. Хорошо, это удовлетворяет меня, но, если бы двое рыцарей были вместе, и мужчина, зная их, схватился бы за меч против них, что они оба должны были сделать, чтобы не сделать подлости?

Творит Мелисо. Они обязаны дать ему указание уйти и оставить

их, но, если он не хочет уходить по уважительным причинам и все еще настаивает на своем плохом намерении и хочет убить их, они обязаны защищаться от него.

Творит Филандро. Так что, два против одного? Это не будет большим рыцарством. Один из них является агрессором, что только один против него защищается?

Творит Мелисо. Нет, потому что у обоих есть часть дерзости и смелости, и это неправильно, это принижает партнера. Они хотят только одного, — наказать преступника за обоих, и тот, кто возьмет за руку, оскорблен сам по себе, если он подразумевает, что только ему он вселяет смелость. И тот, кто смотрит, не делает того, что должен, потому что он не обязан уважать и щадить того, кто пришел убить его, и он потерял уважение, так что законная защита лежит на обоих, и потому что, возможно, гнусный человек убил рыцаря, будет меньше зла, чтобы защититься оба от него, что законно, что рыцарь, который наблюдает за завистью, вынужденный позже в соответствии с миром, убивать подлеца, если он причиняет боль или убивает спутника за то, что он оставил его наедине с подлецом и негодяем, на которого вы нападете, а не будете защищаться от него, что сначала было законным. И хотя это кажется слишком большим в глазах невежественных два против одного, Ульпиано правед говорит, что не хватало вины тому, кто знает, что он делает в свою защиту, но может простить его.

Творит Эудемио. И если подлец был без меча, он сказал бы рыцарю такие необычные слова, что, если бы люди были равны, они столкнулись бы с тем, что должны были сделать, чтобы не порицать и не превышать пределов обороны.

Творит Мелисо. Рыцарь может очень хорошо наказать мерзавца мечом, но не убить его или навредить. Скажите мне, если двое рыцарей идут по улице и наткнулись на другого рыцаря, который сердился на одного из двух, хватаясь рукой за меч, вызывают врага на дуэль, это и должен сделать товарищ, потому что рыцарь, который пришел, не сражался с двумя, а только с одним?

Творит Молемарко. Он должен предупредить того, кто приходит, чтобы тот остановился и узнал у своего друга, хочет ли тот сражаться с этим человеком, а затем (если уместно) убедить их, что они не ссорятся, и пытаются успокоить их и примирить, и, если они оба появляются, пусть они уйдут, потому что враждебность устремленного партнера усугубляется, и если он не может сделать ничего другого, пусть просто уйдет.

Творит Филандро. И если агрессор, который пришел, убивает друга или наступает так быстро, что ему осталось совсем чуть-чуть, чтобы заставить его бежать, — то это как раз то, что будет делать партнер, потому что мой друг — это другой я, и по этой причине это оскорбление или агрессия в равной степени для нас обоих?

Творит Молемарко. Он вынужден последовать и успокоить их, и если рыцарь-агрессор, увидев себя победителем, не хочет останавливаться

и ему осталось чуть-чуть до своего товарища, ему придется потом объявить об обратном, и стоять рядом с нападающим, который не может защищать себя со спокойствием и выдержкой и должен дополнить это все своим мечом, что товарищ испытывает недостаток в мужестве и силе, потому что эта агрессия уже является общей для обоих, и друг может защитить друга, если он находится в его компании или его в какой-то опасности. Так что мужчина обязан защищать своего главного врага, если он видит, что его убивают. Чем больше засада, тем больше обязательств, и будет предательством, если вы зайдете сзади и нанесете удар, даже если ваш друг под защитой и под предлогом мирных слов убивает или ранит его. Поэтому, обычно он должен сначала сказать все наоборот, чтобы только один остерегался обоих, зная одного или обоих, и с этим усердием такое произошло по вине агрессора. И тот, кто был побежден, потому что спутник помог ему, не обязан убивать врага, даже если может, а должен защищаться против него, если тот ударяет, потому что правовая защита уже вменяется в обязанность партнеру, а не ему, потому что, когда двое против одного, одинаково не равные причины не будут называться защитой, которую они делали, чтобы убить одного, за исключением агрессии в соответствии с нормой разума и права.

Творит Филандро. Вы уже знаете, что все, что спровоцировал человек, он это по-видимому делает больше, чтобы защищать себя, чем оскорблять, потому что всегда виноват тот, кто начинает. Если вдруг побежденный ранен, он сможет отомстить за обиду, в то время как собеседник ссорится с противником?

Творит Молемарко. Нет, потому что это в духе мести, что делает защиту несправедливой и может называться агрессией, если не защищать напарника, если, вдруг, другой будет называть его побежденным, как он есть, настолько, что, если человек смертельно ранен, и атакующий оставил его и убежал, он не сможет пойти за ним, чтобы убить его без греха, потому что он уже стремится отомстить, что, согласно Рикардо называется «проходить пределы обороны».

Творит Эудемио. И если он, как и рыцарь один, он был подлоем и негодяем, что напарник тогда вынужден сделать?

Творит Молемарко. Он обязан помешать тому, чтобы его друг не подходил к руке подлоца, несмотря на то, что было необходимо для агрессии. И даже тогда они не убьют его, потому что естественное обязательство распространяется до тех пор, пока человек не защитит себя настолько это возможно. Но разрешение, предоставляемое законами, приходит до возможности убийства, защищаясь от агрессора, потому что атакующий в такой опасности не теряет своей жизни. Поэтому, не убивая его, они должны стараться отнять оружие и потом заковать на него свои руки, что является наказанием, которое перечит стелости такого агрессора. Также будет предательством, когда кто-то, даже если он был впереди, сзади двое ссорились якобы за мир, убивая одного из них. Мужья с намерением убить его и сделать это — он это сделал. Это также своего рода предательство, если человек приступает

к битве с дьявлом, и со словами мира наносит удары ножом и выпадает тому, кто ссорится со своим другом, и с этим он дает ему повод, чтобы тот наверняка убил другого, потому что те, кто ссорятся, услышав, что говорят о мире, не прячутся от того, кто приходит. Так что в тот день, когда человек не дает повод, противник может преодолеть скованность, чтобы свободно и без стеснений защититься. Это законченное истинное предательство, потому что он совершает вероломные действия. Тот, кто совершает или является причиной определенной смерти и будет достоин того же наказания как тот, кто позволяет и дает повод действующему лицу. Теперь он будет хорошими словами или плохими делами придавать желание и давать позволение. Человек добрый всегда делает наоборот, потому что слова, которые он говорит в соответствии с Аристотелем, являются признаками страданий ума, и, если он сердится на кого-то, тогда он проявляет это и не прикрывает это словами, потому что совершенное предательство состоит в том, чтобы думать одно, а говорить другое, или говорить и думать одно, а делать третье. Вы должны также предупредить, или если не было свидетелей смерти, а убийцу обвиняют в предательстве, он должен дать доказательство факта, что это — та сторона, на которой находятся смертельные раны, и сторона, через которую они входят, и другие вещи, о которых мы говорили выше, чтобы знать об обороне или агрессии мертвых, или убийцу, так что это происходит против него из-за убийцы, а не из-за предателя. Потому что в соответствии с законом вы скажете всю определенную смерть, которая не будет доказана, что нужно вести борьбу или ссориться. И знайте, что частица «если», которая есть в законе, не сомневается и не спрашивает, а подтверждает все, что было сказано выше, как если бы это было более ясно сказано. Так что любой, кто совершает определенную смерть, падает в случай предательства, поскольку это не доказано в битве или в ссоре. Давайте оставим эту часть битвы, поединка, сражения, критического решающего момента, что в Испании называют вызовом на дуэль, или закрытым полем боя, которое в Италии называют дуэлью. Это единственная битва между дьявлом мужчинами, посредством которой один пытается доказать и отстаивать свои принципы с помощью оружия в пределах одного дня, как человек чести и правды, и не достоин быть оскорбленным или униженным, а другой предшествует этому, чтобы доказать обратное, не используя другие слова, которые означают разные вещи, такие как ополчение, поединок, битва, конфликты, домашние стычки, научная хитрость, гипотеза и гигантомания, которые мы оставим, потому что это не касается нашего предмета разговора, но заявить об этом нужно, что это борьба или ссора. И нужно знать, что битвой называется то, на что они обычно говорят драка (ссора) с травмами, в поступках которой нет предательства или измены, потому что у них нет безопасности друг от друга, и говорят, что он борется пилумом (метательным копьем), что является определенным оружием, используемое римлянами в их боях. Согласно старой поговорке «и не

виновен тот, кто говорит это, что графа происходит из борьбы или битвы, ссора исходит из скандала», на что они просто говорят на древне испанском, что это работа унижить, свергнуть оплуга, отлуга происходит сварливый и скандальный человек, который всегда готов ссориться, а потом начинает пускать в ход слова и аргументы, без травм или оскорблений, которые остаются сзади, несмотря на то, что настоящая деятельность гнева подтверждает раздражение и гнев, который собственно, там, где нет крови или раны, и хотя он может быть мертвым, он не изменяет название. Так что, если они не подругаются с теми, кто ругается и ссорится, — это будет называться путем в ссору, которая включает в себя графу и скандал. И это будет ссора или битва, которая у них была после того, как их видели в другом месте. И мы не говорим, что они находятся в ссоре или скандалят, если это касается только настоящего. И в том, что мы говорили о предательстве, это не принимает ни друг, ни враг, потому, обращая внимание на это учение, понимаешь христианина. Навержно и милосердно был установлен закон, который исправляет общее право, позволяющее, чтобы тот, кто был врагом, мог быть ранен или убит сзади, не будучи предательским убийцей. И резюмируя вышеизложенное я говорю всем тем людям, которые несут ответственность за наказания стелости, которая совершается против них, а не стеля им, — что совершается предательство. И напротив, людям, которым оно является удовлетворенным, а не наказанием, — совершается измена. И в четырех случаях, которые я скажу, включены все, которые касаются защиты. Во-первых, защищать католическую веру, которая является духовным актом. Во-вторых, защищать родину, родословную и друзей, которые должны искать, как сохранить человека. В-третьих, служить своему королю, который должен выполнять естественное обязательство, обусловленное его положением. И в-четвертых, искать несчастных. И действие это благородное, добродетельное и благотворительное. Это для того, чтобы фехтовальщик, человек добра, христианин и богобоязненный, знал, как бежать от того, что является предательством и изменой, и знал, что такое защита и агрессия, делал свои деяния оправданными правилом разума, не превышая его.

Говорит Филандро. Теперь вы поймете справедливая ли это вещь, что изобретение дестрезы почитается и восхваляется, поскольку она делает человека уверенным в человеке, который является величайшим врагом, который у него есть (и даже в зверях, если они бросятся на него, о чем мы поговорим в другом месте), с которой он защищает свое благо, если тот случайно хочет оскорбить его и сам оскорбляет плохого парня, если тот бросится на него. И одна из самых важных вещей, почему была изобретена дестреза — это внушить страх в плохого парня, который не остелливается бежать, опасаясь, что, если он пропустит удар, его убьет фехтовальщик, или не остелливается взять на себя инициативу, потому что он уже знает, что самый утелый фехтовальщик ближе к тому, чтобы использовать это лучше и с меньшей опасностью в ссоре. Иаконеу, это достоинство, с помощью которого

человек культивирует дух и утиряет неупорядоченный импульс гнева, иногда действуя как тормоз, а иногда и как шпоры, в большей или меньшей степени зависящий от естественной склонности. Так что с мастерством дестрезы это улучшается, и заменяется недостаток духа, обостряется и сохраняется, хотя изначально у нее были хорошие вещи, потому она живет в мире и в соответствии с законами причины. И чтобы мы оценили ее, в том, что она заслуживает знать, что Юстиниан говорит, что Императорское Величество должно быть не только вооружено законами, но также целесообразно украшено оружием, чтобы его можно было справедливо регулировать в мире и на войне, и за проявленную твердость, которая есть в правде законов. Он говорил, что республика должна быть защищена и вооружена. Но поскольку оружие является способом, дающим красоту телу республики, без поддержки которого она перестанет быть в соответствии с тем, что говорит Платон, подтверждает Платино и утверждает Тулио в молитве, которую он говорит, но Морена, когда после того, как он выделил последствия законов и превосходства оружия, заключает, что для этой цели военная добродетель была важнее всех остальных с другими вещами. Но здесь на древнем соревновании между оружием и знанием и тем, что говорили древние, что в присутствии одного молчит другое, можно остановиться, потому что, согласно договору и родству, которое было обнаружено между ними, оба являются начальными и дочерями благоразумия, и вытекают из достоинства духа, потому что мы проверили, что не может быть никакого оружия и действительно сильных людей без знания пера и шпаги, и не может быть образованных без оружия, потому что у них есть на их стороне истина, без основы которой самое сильное оружие в мире бесполезно, потому что, если последствия писем выходят из спекуляций о понятии, оружие исходит из значения духа, из которого следует, что буквы генерируют оружие, а оружие защищает буквы. И каждое из них имеет свой материал и форму, и я предупреждаю вас, что среди самых религиозных без каких-либо сомнений совести можно справиться с умением против мнения некоторых злонамеренных невежественных, которые давали понять, что настоящим умением — было обязательно убивать то, что ложно, как мы пытались делать в первом диалоге, потому что он только учит, как защищать человека, и как ничего не опасаясь, можно ранить врага, защищая себя при этом, если он стремительно атакует, но не полностью убить. Ибо, если бы это была наука об этом, она не могла бы иметь какой-либо определенности, и если бы то, что сказала Вульгарный простолоудин, было истиной, и существенная вещь заключалась в том, что этот человек мог бы повредить или убить силой своего противника, когда иногда рана может ошибаться, тогда противник причинял бы боль или убивал того, кто ошибался. И это не так, потому что основано истинное мастерство на вреде противнику, поскольку он по прихоти каждого использует плохое или хорошее из оружия, которое у него есть, и из науки, которую он исповедует. Ибо это правда, что дестреза была

изобретена, чтобы защитить человека от плохих людей. Ясно, что для тех, кто больше живет в единении и лучшие христиане, им больше это подходит. Но я все еще должен сказать, что они больше обязаны знать понятия науки, которая учит тому, как защищать человека с безупречной сдержанностью и спокойствием, более справедливыми методами, чем груше. Чем лучше добродетельные люди, живущие в единении, тем бесчеловечные пороки, и тем больше теряется возможность позволить человеку убить своего врага, потому что он не знает, как защитить себя из-за недостатка мастерства, что, убивая агрессора, чтобы защитить себя, воспринимая (как сказано) окончательную концепцию духа, чтобы защитить жизнь хороших, которая в основном находится в воле плохих, потому что у нас есть опыт, что нет необходимости в большей причине, если только не в том, что у плохого человека мало жизни, чтобы ему ничего не дали, чтобы забрать ее у того, кто по достоинству ее заслуживает.

Творит Мелисо. Я более чем доволен во всем, что касается дестрезы, потому что понимаю ее части во всемирных всеобщих вещах больше в этом вопросе, вспоминая или забывая о человеке, ловке в опасности, — все я не могу охватить, и я крайне хочу избавиться свое воображение от этого подозрения, потому что вы знаете вред, причиненный этой единственной силой, когда она упорствует в неодобрении духа человека и пользу, которую она приносит, если делать наоборот.

Творит Филандро. Демонстрации истинного мастерства никогда не могут быть забыты (как мы уже доказали во многих местах), потому что их понимание с уверенностью ведет по пути и происходит в своих действиях из разума, и известная причина известного эффекта, и умеренно знающий положения, фиксирует уверенность в ее истине, которая служит после памяти, чтобы не забыть об этом в опасности. И поскольку каждая демонстрация имеет свою причину, и каждая причина — это истина, которая ищет причину, чтобы удовлетворить понимание и отстраняется от духа, когда человек полностью осознает это. Из чего вытекает, что каждая ловка приносит с собой память о себе, потому что ясно известна истина, которая дает ей бытие. Все это наоборот в вульгарном фехтовании, потому что ни одна ловка не имеет вероятную причину, которая удовлетворяет понимание, потому что мы видим, что их демонстрации не доводят до сознания смысла, и поэтому вы поймете, что, чтобы понять что-то из вульгарного фехтования, требуется много времени, пока рассудок и упражнение не устранят сомнения и не осветят и не извлекут понимание из их обмана за то, что они произошли из неизвестных эффектов, хотя и видел причины, которые также неизвестны, хотя они смутно замечены. Поэтому прогулка не может направлять хорошего проводника, тех, кто полагается на него в том, что был изобретен метод дестрезы, который является истинным путем понимания, потому что с ним упорядочиваются вещи, которые используются, что без большой работы каждая вещь будет на своем месте. И вот почему те, кто подвергают себя опасности, чтобы ссориться с кем-то, смущенно

и опасно используют вещи, что фехтовальщик должен бежать из-за того, что когда-то ошибочно понималось как путаница, заново уже ничего не сделаешь и не исправишь так быстро, как в грузин науках, что если предложение не выйдет в первый раз совершенным, удобным, дающим и принимающим много раз, то все это является противоположностью гестрезы, что, если кто-то ошибается в ловке, когда находится в опасности — это стоит жизни, и с этим вы полностью поймете, какое тяжелое дело было спорить против власти, благодаря которой столько лет в гестрезе присутствовало невежество.

Творит Эугенио. Вы правы, превознося вопросы ошибку простоя, поскольку ложные мнения, которые у них были о гестрезе, вызвали великое зло в мире и великие обиды Бога, потому что из-за этого многие умерли, защищая ее ложь, как они создают еретиков.

Творит Мелисо. Не приносите мне в память из-за вашей жизни такие отвратительные названия, достаточно того вреда, который они совершали и совершают в мире. Не беспокойте нас таким ужасным звуком, а больше эти сеньоры, так страдающие от бедствий, что во многом они окружили нас, потому что войны, с одной стороны, и чума с другой, вызвали истощение в мире, поскольку оба приходят строго, выполняя свои удары по людям.

Творит Эугенио. Поскольку Бог служил хранителем, расскажите нам, что вы видели, что, по мнению Севиальи сегодня, должно было быть ужасным.

Творит Мелисо. Если в это время у Тераклита будет более справедливое дело, — человеческие страдания и человеческие дела будут скорбеть, без какого бы то ни было выговора, потому что, даже если все они превратятся в слезы, они не уйдут, а опакивают жалкое состояние, в которое были помещены наши грехи. Что вы просите меня рассказать? Для чего вы хотели быть свидетелем или оказаться в такой печальной трагедии? Что остается для мужчин, чтобы увидеть вид бедствия от Божьего гнева? Убо небеса не влияют с благодушием на то, что обычно происходит, стихия поднялась против нас, жара не высвободит влажность, прежде чем ей удастся преодолеть какое-либо качество, противоречащее нашему здоровью, воздух не так здоров, как раньше, море проявляет нелюбовь к нам бурями и кораблекрушениями, земля порождает неблагодарность и зло достигает такой крайности, что со всем этим мы отпустили поводья к порокам и окутаны ими, что люди самые главные враги себе подобным, поэтому для всех нас пришла всеобщая женщина тесноты, добросовестный служитель божьего правосудия, которое он сам подтверждает пророками и апостолами, угрожающими грешникам, с которыми он даст им землю железную, что означает бесплодную и бесполезную, которая не дает никаких плодов. И поэтому наш икупитель рассказал своим ученикам о знаменьях, которые должны были предшествовать дню суда, сказав, что люди будут убивать друг друга, и что царства восстанут, добавив, что это вещь, которая идет постепенно, что на всей земле будут великие болезни и массовая гибель, потому что

женщина, война и болезнь — это средства, с которыми Бог обычно доволен грешниками, когда он устаивать их покаяния и исповеди. Давайте посмотрим, как люди убеждали от сердитой руки Бога. Я перестаю использовать плохой порядок, который сохранили времена, говоря о нынешнем несчастье, которое так много нас окружало, хотя, если мы посмотрим на эти дни, когда Бог начал бросать недостатки из его гнева против нас, и со всем этим люди не хотели знать и не понимали ни суверенную власть нашего создателя, ни наше жалкое состояние. Когда мы видели, что христианская религия была наиболее противоположной ложным мнениям, которые еретики ввели для наших грехов? Когда демон был так уполномочен над царствами, потому что он вел людей от одного зла к другому и не останавливался, пока не бросал их в величайший вред, то есть, чтобы ослепить их и заставить отрицать истину и потерять веру? Царства восстали? Воспитывают ли детей против своих родителей? Подчиненные против своего короля. Победители верят в победу. Мир был спокоен и почти радовался преследованиям, которые окружали его, потому что, наконец, все эти пороки были исправлены, они были врагами людей и (с благосклонностью Бога) люди могли их укротить. Но есть такие грехи, которые отдалили Бога от нас, и сделали его нашим врагом. Куда мы скроемся, если его гнев не дойдет до нас? Уже его справедливость расстреляла нас в войнах внутри дома, в бесплодии, несчастье и болезнях. Мы уже вошли в зло через двери. Не нужно сочувствовать нашим соседям. Преобразуйте жалость и сострадание каждого к посторонним в слезы и боли. Или блаженны те, кто не являются свидетелями нашего несчастного бедствия. Вещь эта странная, чтобы слышать, но еще более чудовищная, чтобы видеть, как Бог ставил нас в такие опасности, стесненные положения и риск за наши грехи, что нужда привела нас к тесту прощения родителей детей, ни матерей тех, с кем они делили имущество. Это так больно, и вызывает сожаление то, что вы просите, что это невозможно себе представить, не увидев этого, потому что оно намного превышает то, что можно сказать словами. Тогда, после того, как злобщее зло началось в Санлукаре и от него утвари некоторые люди, как свидетели зрелища, я говорю вам, шум был настолько велик, что казалось, пришел конец света, потому что добрый порядок людей так внезапно превратился в замешательство со злом, поэтому бедные люди были так озорчены этим несчастьем и настолько преследовались другими плохими людьми, что они обычно приходили к тому, что было большим сочувствием видеть одиночество и печаль народа, который был раньше украшен богатствами столь великих князей и радовался таким великим рыцарям и населял землю многими нациями, потому что были те, кто должен был пройти это, и те, кто нет, но все отправился на поле, спасаясь от застроек, где родились и выросли они и их родители, рассматривая их без поддержки и советов насколько они хороши, потому что нет никакого злого Бога. Более того, видя, что кто-то дал кому-то неправду, его по-видимому, убили, и тот, кто ударил его, не

останавливался, пока не испортил его дом. Тогда дети, до того, как были убиты, чувствовали, что они умирают, и с этим страхом люди начали вооружаться естественными законами и ненавидеть друг друга, мужья бегут от своих жен, матери оставляют своих детей, дети бегут от своих родителей и даже отрицают что все потеряли память от естественной любви. И больные дети, которые страдали от этой боли, не могли плакать или просить матерей о помощи, которые только благочестивым взглядом (почти превратив любовь в отчаяние и ярость) издали стремились помочь им, из-за чего они вздыхали и плакали. Я видел, как приходили другие, грубые, которые ненавидели в какой-то момент то, что они любили в течение долгого времени. Но более серьезное для меня заключалось в том, что было невозможно помочь, спасти большинство из них, потому что болезнь, будучи опасной для пробуждения и тучений, и страх, и скромность, которые у нас были, заключались в том, чтобы иметь дело с другими, что делало их более печальными и изобретательными. Это было время, когда мало ценилась честь и среда величайшего уважения, здесь жагдность интересов потеряла свою силу, и человеческое благочестие пошло своим путем, потому что из-за больших денег не было людей, чтобы похоронить других людей, по этой причине больше мертвых были похоронены как преступники, и не за любое преступление, которое они боялись и от все начали убежать. Где этот великий дух человека, который ставит свою мишень и счастье в очень низком и мерзком интересе и предлагает тысячу раз рискнуть своей жизнью для него, но теперь бегит, когда приходит смерть к его родителям от руки Бога, и он признал это и с трудом ждал того, что искал своими руками, так как знал, что те, кто оставил своих детей и бежал от своих родителей, их также постигло зло и сделало их больными, и когда они бежали навестить своих родителей и отправились к ним в такой большой нужде, и с небольшим интервалом их дети и жена бежали от них, и это случалось много раз, они казались лишенными защиты, а те, кто бежал от преступления, должны были потом заплатить. Я вижу компании из мужчин и женщин, детей, молодых неопытных юношей, стариков, а сильные люди ходят удивленно, другие, бьющие со злом смерти, лежали на земле, прося открыть их внутренности и проглотить их, полагая найти в этом набожность, которую его родители и дети отрицали. Другие, которые скрывали зло несколько дней, были настолько слабы и обессилены, что у них не было сил говорить и выражать свою боль тем, кто спрашивал их, что было не так (если на всякий случай кто-нибудь был таким набожным и стелым). Другие, раненные злом, пришли одни в церковь и получили таинства и встали на ноги, чтобы умереть, убегая как бешенное животное от тех, кто их нашел (очень жаль на это смотреть) и даже они закрыли двери домов, по улицам, которые проходили, другие видели эту грозу в этом месте, казалось, что они только что перенесли смерть на другой день. Вижу из больницы, что он сделал, чтобы забрать больного. С одной стороны, получить травму легко, падая на землю,

и с трудом поднимаясь, чтобы получить самое святое таинство, а с другой стороны, я дал вам великое сочувствие, те, кто оставили свое ослабленное ложе, чтобы помазаться святым маслом, и, будучи занятыми этим, они приобрели, чтобы похоронить — большое количество паших мертвецов. Хотя после того, как страх болезни был потерян, их отвезли в Андас, потом вошли мужчины снова раненные, сохраненные для кого-то они умерли в их руках, с другой стороны я вижу, как выздоравливающие соседи благодарили Бога со слезами и вздохами за то, что наказал их без строгости, как их товарищей, которые уже мертвы, такие изумленные и ошеломленные, что они почти повернули лицо, чтобы увидеть, распространяется ли еще на них гнев Божий. Внутри домов некоторые жаловались своим родителям, другие своим детям, жены своим мужьям, опасаясь, что каждый будет плакать в ближайшее время, так как к ним подошло несчастье. Поэтому я увидел, что в какой-то момент добрый порядок людей превратился в путанный крик, голова обесилена и усмирена строгостью Бога, а оскверняющие мысли превратились в страх смерти, потому что на улицах я мало видел, чтобы ваша грусть и уныние не спровоцировали вас на жалость. В этом требовании погибали некоторые священники, потому что верующие не умирали без таинств, работающих с великим усердием, чтобы посылать души на небеса. А опасность настолько заметна, хотя компаньоны умерли в поисках перед своими глазами. Другие священники, как хорошие солдаты, вступили для эффекта в ополчении Бога, прошли вперед, не теряя мужество, потому, чтобы легче было считать оставшихся в живых, чем те, кто умер, никого не было от страха или небрежности без таинств.

Творит Моисей. Всесильный Бог, который озорчил представление о том, что мое сердце было бы таким жестоким и бесчеловечным, что такое печальное зрелище не вызвало бы сострадания и жалости от боли, и еще больше то, что дети бегут от своих родителей и матери от детей, поскольку они там, где все находится в терзаниях и муках от гнева Божьего.

Творит Мелисо. Вот почему нет оснований для скандала от суеты и громкого шума, которые преследования приносят в сердце, нет оснований восхищаться бременем работы, которая угнетает нас, или беспокойствам духа, которые нас утомляли, которые хорошо учли наказание. Все милости идут от руки Тьспода, чтобы дать нам больше, видя, что мы были приговорены к смертной казни, и процесс был закрыт, потому что мы не озорчались, мы заслужили выход из даров, впервые приговорив нас как сеньор правосудия, а теперь как благочестивый отец, который любит нас больше, чем мы любим самих себя, и никогда не будет любить, он делает нам лекарство от наказания и позволяет, чтобы пришли работы, связанные с человеком, когда тот спит, чтобы он проснулся и это служение, что в ходе жизни — приходят несколько мучений тому, кто наблюдает, чтобы он не спал. Потому что, когда приходит смерть, мы все привыкли к горечи, и мы менее осотрительны и осотрожны, когда страдает,

чтобы Хорошие тогда признали это как подарок, а плохие — принципом наказания. И так служил Бог, что во время чумы произошло то, что часто случалось в боях, что некоторые падают в самых безопасных местах и больше отдалены от опасности, а другие падают с самого начала, потому что они были в том месте, когда противники наносили большой урон, и несмотря на то, что это худшее исповедование по мнению тех, кто бежит с жизнью, потому что они бежали навстречу опасности, но в конце концов делают то, что должны, и они обязаны в глазах других выглядеть более честными, сейчас живут, потом умирают или к ним плохо относятся и они убегают от опасности, одни победители или побежденные, с триумфом или лишениями, другие, которые уже это испытали, не очень много восхищались от победы над противником, что помню своих, — были мнения сильных, и не останавливались на напоминаниях, увидев его жертвы, потому что у них были враги, и боялись, что им не хватит времени, чтобы так оплакивать, и чтобы быть в безопасности, поскольку опасности обошли их, поскольку находчивые солдаты наблюдали каждый за собой, работая с большой осторожностью, чтобы быть там, где враги менее наносят им раны. В конце концов многие бежали, потому что Бог не хочет смерти грешника, а наоборот, чтобы он преобразился и жил. Творит Филандро. Конечно я не знаю, были ли те, кто избежал такого великого зла, более печальнее, чем мы сейчас с отношением ко вреду, потому что никто не сможет это услышать, кто не будет возмущен таким грустным заявлением и кому нужно утешение, и тогда вы научили нас как фехтовальщик защищает свою жизнь и законно ранит того, кто хочет забрать ее у него. Будет хорошо, если вы научите нас по пути какой-то защите, чтобы, когда пришла смерть, которую так просят в наши дни, нас не нашли нуждающимися, потому что ни в какое время у нас нет нужды, как в это, где жизнь становится такой дешевой. И тогда это удача, которая затрагивает всех, не избегая никого, что нам лучше кажется, что причина будет в медицине. Творит Мелисо. Если бы у меня не было опыта вашего мастерства, у меня до сих пор были бы мысли, чтобы сказать что-то об этом, как тот, у кого уже есть суть этого вопроса, но я перестану это делать, потому что Эудемии рассказывает нам часть письма, которое написал Чарилло для этой цели, потому что, поскольку я доволен некоторыми шагами, которые я иногда видел, как он рассказывал, я думаю, что это удовлетворит всех.

Творит Филандро. Мне очень удовлетворило это письмо, рассказывая о такой простой вещи, где нет сборника проповедей, который это не использует, и не существует ни одного крестьянина, который был бы настолько неспособным, чтобы не знал, как выразить соболезнования. Творит Молеарко. День (который похож на жизнь), чтобы дальше даваться, уходит в руки темноты ночи (что похоже на смерть) и от этого наследования до Санлукара так много места, что прежде, чем мы пропустим это, попытаемся обойти память и прочесть то, что мы помним, или знаем с таким любопытством, как мы будем защи-

щаться от врага, который приносит видимое оружие, будет причина или ты также будет знать некоторые защиты от смерти, оружие которых невидно. Поскольку известно, что люди во всем способны обманывать нас своей злобой, но, предостерегая нас и говоря, что ты совершаешь наше путешествие с добрыми делами и хорошей жизнью, чтобы иметь хорошую смерть. Никто не может обмануть нас, потому что у каждого есть сила, чтобы жить хорошо, а не чтобы жить долго. Поэтому, Эудемио, не от чего отказываться от того, что так льстит душе.

Творит Эудемио. Всегда (как вы знаете) у Царялао была дружба с самыми важными людьми в Испании и среди греков, которые имеют наибольшую заслугу и которых он больше всего ценит за великое мужество и отвагу в вещах, отдаленных от вульгарных фехтовальщиков, — это сеньор дон Negro из Суньига. Царялао уже был в доме самого прекрасного сеньора, герцога Медина, вышедший из Севильи для своего ордена и для этого великого рыцаря дон Антонио из Суньига Маркиза де Айямонте. В это время герцогиня Бежар этих сеньоров утратила и, как Зохори, из своих мыслей, ей казалось правильным написать из Санлукара утешительное письмо дону Negro, в содержании которого вы подробно увидите то, что вы хотите в этом случае. Я бы хотел, чтобы время дало мне часть себя, и не было со мной таким жадным, а было таким же моим, каким я был вашим, ваша милость, в этих событиях и освободить его (если можно было) от некоторой усталости, что с вами приходят эти дела, более того, ваша милость, я не послал ему это письмо с вашими словами, я понимаю, что на данный момент покой в одиночестве, хотя мне бы хотелось вспомнить много вещей, которые потому что известны, должны быть забыты. Они кажутся хорошими в это время, полное скорбей, которые я понимаю Бог дает людям, работая своим божественным провидением с различными эффектами, иногда так, что одни могут проявить свое тепло тем, для кого раньше оно было скрыто, а другие, чтобы пробудить ото сна тех, кто пренебрегали страданиями человеческой жизни, спали без какого-либо взвешивания или обдумывания, давая нам понять с постоянными увещеваниями, насколько ты близки к этому неизбежному концу, который ты незаметно ждешь, заявляя время от времени, что он придет, когда ты меньше всего этого ждешь. Потому что с новыми событиями его память всегда непринужденная среди нас, ясно, что их намерения телочны, когда с ними боль не устраняется и не может восстановить потерю. А ты не жалуетесь на смертных людей без какой бы то ни было причины, потому что нас вывели из себя прямо перед глазами, не предупредив нас о тех вещах, которые в жизни с обязанностью ты полюбим, казня всех тех, кто оставляет похожую жестокость в очень небольшом пространстве, и, когда ты меньше думаешь, и усталость может быть принята без всякого эффекта, когда есть такая маленькая разница между тем, кто потерял и самой потерянной вещью, потому что теперь, когда ты потеряли их, они потеряли бы нас, если

бы еще немного подождали. Они утешают себя силой, которая приносит с собой естественные события, и по этой причине ты должен признать боль без всякой скорби и помириться с ней. Убо ты убедился, что с очень большой краткостью ты следуешь за тем, что ты потеряли, а затем наши преемники унаследуют от нас боль и тоску, как и ты унаследовали от своих. Оцените хорошо скорость времени. Рассмотрим внимательно краткость жизни, по которой ты бежишь очень быстро, и ты увидишь, что моя сеньора герцогиня не пользовалась наименьшей частью в этом столетии. Давайте предложим памяти дая нашего утешения, как линия рода всех людей придет к своему концу, и какое короткое пространство от одного к другому. Для этого ты можешь видеть, какая часть нашей жизни уже прошла и не может быть отменена, уже только из-за этого есть сомнения о том, что должно произойти, и, хотя нам кажется, что всё потеряно, что пришло к нам с его смертью, мы понимаем, что все мы начинаем с точки, подтвержденной этой судьбе, чтобы остановиться в другом месте, несмотря на то, что некоторые пришли позже других, в соответствии с той разницей, которую дал нам создатель вещей. У тогда нам придется делать то же самое, потому что с нашей стороны всего достаточно, так что прежде чем ты забываешь тем, кто идет впереди, кто тоскует по их уходу и тем, кто так же осторожен, как и ваша милость. Они не должны чувствовать то, что у них есть все, что это должно было случиться. У, предлагая памяти вещи, которые произошли до нас, мы теперь верим, что с нами ничего нового не произошло. У для того, чтобы вы могли увидеть это более четко, рассмотрите свое желание, поскольку смерть уже обладает жизнью наших прошлых лет и очень быстро получит жизни тех, кто живет сегодня или вот-вот родится, когда им предоставят такую короткую привилегию жизни, как ты видишь, то есть то, что у нас уже есть. У поэтому вместо превеличений — предупреждают худых, что воля нашего Господа будет упрямочена, и ты не думаешь, что одно из его величий должно быть отрегулировано нашим, что ты будешь жить в печально известном обмане и утрате, обманывая самих себя, что есть у наименее разочарованного, не имея возможности спасти и помочь нам, потому что в жизни есть кто-то такой любознательный, кто знает, как дать определенные размышления времени, которые вы получили, и ты знаешь, что вы не можете обменять одну часть времени на другую по желанию, и ты не можешь заплатить Богу своим временем, а только тем, что будет служить ему, потому что он дал нам время, когда дал нам эту жизнь. Кто должен был прекратить быть таким, которым был до этого, если смерть обнаружит его окутанного в пороки, чтобы исправить то, что должно произойти, и с благодарностью разума похвалить добро, которое до тех пор было бы получено от его создателя? Выставите свое желание, как оно есть, добиваясь союза в малом уважении или вообще без уважения, что делает смерть от всех нас, потому что с трудом это пришло, чтобы добиться своего эффекта, когда он проходит мимо, не поворачи-

цивая лица, чтобы посмотреть, что он оставляет позади, и как мало дается тем, кто пострадал и должен вернуться за ними, потому что мы не считаем это хорошим, когда он сначала посылает своих слугителей, и, согласуясь с нашим решением — это для того, чтобы занять какое-то пространство. Мне кажется, что вместо того, чтобы пригнуться к боли, которую мы можем оставить, и использовать наше собственное право, мы преобразовываемся с этим, чтобы нас не нашли подготовленными, ставя добродетели в третий ряд, потому что это те, которые заставляют нас жить так, что, когда они придут куда-то, не предупредив нас, мы не будем бояться этого так сильно, как мы боялись без них. Мы также не желаем этого, видя нас беспомощными от богатств, которые в жизни (по-видимому, от вульгарных) обычно в этот момент нуждаются в утешении и защите. И тогда смерть найдет ваше благочестие в сопровождении многих добродетелей, которые являются причиной, что люди имеют свою судьбу, которую превращают в боль, благодаря Богу, милость, которая заставила его не просить его смерти, он бежит от гани в своей жизни, которая приближается к нему, потому что у него уже есть опыт не скрывать ни перед кем лицо, и не идет, чтобы он был с оружием, который будет иметь место в комнате прошлых мыслей, если не с теми, с которыми он нас находит. Когда он вернется, мы будем защищаться, или он будет оскорблять нас перед своим судом. Давайте предположим в конце этого страха что всё именно так, чтобы ускорить улучшение, когда оно приближается к нам, потому что те, кто думают, — не умирают, а как правило их обманывают, когда они положили конец жизни, и лишают их свободы, тогда это будет отчетливо видно, когда несоразмерно они приведут к такой путанице и страху, хватаясь за руку, чтобы покаяться в прошлом, входят и выходят в спешке с причиной в сознании, желая ввести тормозные шпоры, выходя из этой жизни, спотыкаясь во многих местах, полагая заместить желаниями недостатками, которые были в жизни, избалованные желанием, и они будут вынуждены пройти за короткий промежуток времени то, где нет необходимости спешить, хотя тогда им ничего будет об этом думать, потому что само чувство имеет свое место, когда с нами происходят такие вещи, которые не были понятны, что каким-то образом могут случиться с нами. Таким образом срок жизни, отпущенный человеку, настолько короткий, что у нас нет причин давать повод чувству, какой-то частью которого мы занимаемся, и не за чем так много отдыхать, откуда мы не сможем многое извлечь, а многое можем наоборот потерять, если мы пренебрегаем собой, потому что мы находим себя настолько незаметными, и вещи, которые не заслуживают, чтобы их боялись, заставляют нас много сомневаться. Какой человек на земле настолько уверен, что он может обещать жить долго, независимо от того, какой он астролог? И что он, несомненно, может жить среди такой великой армии недостатков? или что он понял, что многие богатства удлинят ход жизни, который Бог назначил каждому из них? И кто настолько

невежественен, что понимает, что зная настолько изобилует наслаждениями, что долгая жизнь будет хорошей удачей, если ты не сделаешь ее такой нашими делами. Давайте вернемся к этому событию, чтобы без страха ты избавляешься от жизни, и даже если это противоречит нашей воле, ты предоставляешь дом смерти, так что боль не имеет большого значения, когда наступает этот момент. нас не так сильно любят, и в этом вынужденном трансе ты обнимаешься с жизнью, потому что ты оставляешь тело тенью, захваченной страхом, который, как правило, имеют те, кто живет невнимательно и небрежно в частях, как и мутная река со множеством дождей, которые случаются неожиданно и выходят из ее обычного пути, которые она уносит течением в темную, внушающую страх ночь во все закрытые части, неосторожно забытые из-за их опасности, и тем, кто находит силу спящего злого духа, теперь и те, кто празднуют и играют, погружаются в глубины, другие, которые менее осторожны и опасаются ярости реки, видя импульс и течение волн, стремясь схватить лица, или другие суровые средства, потому что они кажутся ему утомленными. Они не чувствуют, если приносят в руки некоторую боль, сомнения, другие, которые далеко, приходят утром из силы воды, из которой некоторые выходят плавно, чтобы остановиться на берегу реки, другие, оказавшиеся в ярости от насилие волн, похоронены в заливе. Поэтому каждый будет выполнять свое представление, как в офисе, или государстве, что смерть пришла его или он подвергся опасности со всей ее силой или страхом, и плохие умники пойдут помогать самым страшным и глубоким, как люди, которые не умеют умирать, потому что они не знали, как жить, ни каким-то образом поняли, что достигли этого предела, и поэтому ты должен жить так, что, если наступит смерть и ты не почувствуешь этого, тогда можно считать что она хорошо получена, потому что, когда человек не хочет умирать в состоянии, в котором он есть, и оказывает давление на тех, кто так сильно любит то, во что они должны были верить, и умирают, что жизнь не была такой, какой она должна быть, поэтому она огорчает его, я нашел его в этом состоянии и желаю некоторой задержки, он просит покаяния за прошлое и исправление того, что есть. Всё из этого мы, наоборот, находим в моей леги герцогине, те, кто знал свою великую веру и высокий ум божественного с его великой добротой и добродетелью, и ты увидели его добрые дела, сделанные с таким большим разумом и милосердием, которое будет для вашей милости более подготовленным для вашего утешения, и чтобы оставить его счастливым от своей смерти, что для него больно и печально. Воздержитесь от скорби с надеждой и сделайте сильным свое богослужение, спросите людей о причинах боли, которая у них осталась, что приносит им смерть. И ответит совесть за каждого из них, что жалость и сострадание не имеют никакого эффекта. И ваша светлость понимает, что нет в жизни ни одной вещи, которой ты боишься и в которой сомневаешься, которая случается в жизни, столь же точная и определенная, как смерть, и по этой

причине большая часть того, что мы ожидаем, обманывает нас много раз, потому что, поскольку у нас есть сила желать и ждать этих вещей, у нас их нет, чтобы различные события мира приходили в то время, когда мы ожидаем и к конкретному моменту, который мы хотим, потому что то, что у нас есть, более чуждое, чем наше. Это было бы недостойно вашей храбрости и отваги, ваша милость, чтобы неуверенно спряться от настоящего дела, желая теперь жаловаться на смерть, которая никогда никого не обманывает и ни для кого не является чем-то невероятным. Давайте создадим эту основу для дела в жизни и поймем, что вещи, которых боится человек, обязательно произойдут, как они могут не произойти? Давайте посмотрим, сеньор, какая польза из этого следует, чтобы продвинуть боль до того, как наступит повреждение, есть ли в нем определенная боль неопределенной вещи? Это обычно ощущается со временем после того, как оно наступило мы можем почувствовать его последствия. Это принесет с собой добро, которое должно причинить нам боль за потерянное, и за желание изменить будущее, и, если это не удовлетворит вашу милость, знайте, что против определенных вещей, уже предписанных божественным провидением, ваша боль не может обеспечить удовлетворение потребностей. Достаточно того, что эта часть раскрывает некоторые наказания, которые мы заслуживаем за наши грехи, и это не кажется правильным платить Богу словами, поскольку мы ему обязаны. Давайте присоединим к ним некоторые действия и поступки, и мы не знаем, что должно произойти. Бог не дает нам больше работы, чем может выдержать каждый, только мы сами себя перегружаем, что на каждом шаге нас сбивает с ног. У нас есть слова от Бога, которые не могут быть обмануты в любое время, и дела, которые мы получили, и независимо от того, как мало мы ему служили — платеж невелик, чтобы соответствовать такому большому долгу, вместо сожаления, мы благодарим его, что хорошие мысли нас спасают, и считаем, что тот, от кого мы это получаем, сначала посылает нам конец. Мы не печалимся, мы счастливы принять начало с этим условием, и это не новое наложение, а конец жизни, который мы принимаем с такой радостью. Давайте теперь радоваться, чтобы увидеть его волю, исполненную во днях. Если мы сделаем это необходимым для жизни, нам дадут свободу и предложат на наших глазах множество тяжких трудов и смятений, которые в течении жизни мы должны испытать, при условии, что ко всем ударам событий будет предложена наша жизнь, возможно мы оставим это, чтобы принять ее из-за их страха? Никого нет созданного до этого дня настолько боязливого и робкого, кто не был бы таким падшим духом, чтобы жить и обладать Богом. Мы не возлагаем это на всех, потому что, если они будут в этих условиях, мы будем проявлять к ним терпимость и мириться с ними, мы не будем спокойно спряться, есть те, кто ищет нас, когда мы отвергаемся от истинного пути разума и позволяем себе руководствоваться желанием. Разве смерть не та, что следует за жизнью? Начав жить, разве мы не начинаем умирать?

Разве это не конец, который соответствует началу? Может ли кто-нибудь отказать от того, что мы не живем с этим соглашением, с которым родились? Но верная, известная вещь достойна восхищения, чтобы рассматривать ее как христианское мужество и стойкость. Все мы живем долгие и определенные годы, но перестаем жить в определенный момент. И что больше всего может и должно удовлетворить вашу милость, так это то, что Бог оставил это здесь, чтобы вы поверили в то, что это будет для большего блага, чем кто-либо может дать со своим превосходством со своей жизнью, потому что Бог никого не хранил ради чего-то плохого, не лишает жизни в худший час, и это не стоит так дорого, как стоит земля и небо со всеми своими богатствами. И, если бы они не были оставлены на ваше усмотрение в соответствии с вашими достоинствами, которые должны быть в наименьшей степени остановлены, веря, что если бы он высвободил удачу в свое имущество, это одержало верх по качеству и повышенному доверию среди тех, кто в своем государстве, и делая Господа Бога величайшим богатством; что у людей никогда не было такого, чтобы послать много терпения, готовности и решимости своим грузям, вместе со своим терпением, готовностью и решимостью, что с заслугами вашей милости удвоит действие ваших дел на земле, что для этого промежуток времени, столь же опасного, как и для жизни, более важно. И от этого ваша милость и благодеяние становятся богаче, нет никаких оснований для утешения этого бедного человека, который столько заслуживает и у него это есть. Он не должен бояться беды, желая вещей, чтобы они процветали и бежали от самых могущественных, когда хотели. Наконец, ваше благодеяние становится богаче, что богатые не смогут иметь. Ему не нужно большего, чем у него уже есть, потому что из другого любимого занятия он переходит к главному, за недостатком того, что мы живем таким образом, что не желает и не боится смерти, так что, когда это произойдет, мы примем ее столь же мужественно, что не пожалеем о том, что живем. Я не хочу больше сердить вашу милость своими словами касательно того, что есть, потому что я буду хранить их (если они того стоят) столько, сколько пожелает Бог, чтобы он увидел вашу милость и поцеловал ваши руки. Творит Мелисо. Как вы думаете, прав ли я в том, что говорю, что это самое совершенное и истинное писание, которое я видел?

Творит Мелетарко. Не думайте, что мне не любопытно то, что касается тех грузей, что я уже слышал, и комментарии, которые вы сделали в Саламанке тем великим талантом из Севильи Кристобалем Москера де Фигероа. И прежде чем мы отправимся на место, скажите мне, о чем говорят грузие книги?

Творит Филандро. Книга, которая следует этой теории, — это практика науки с ее демонстрациями для всех изобретенных видов оружия, за которой следует другая книга, которая касается афористической доктрины дестрезы. И после этого приходит еще одна книга, которая касается совершенствования фехтовальщика с математическими де-

монстрациями древних поединков и дуэлей и некоторыми современными, потому что, хотя они и не делали этого тогда с наукой, — это было раньше как исцеление болезней, что, хотя врачей не было, были лекарства, среди которых были многие предложения Эвклида, примененные в дестрезе, для чего необходимо иметь хорошее понимание причины и внимательный разум для демонстрации, понимание теории, что делает легким практику в науке и в таких непогрешимых заповедях, как вы видели. И знайте, что, поскольку оружие находится в математике против мнения некоторых невежественных, то так легко прийти к хорошему пониманию, потому что они находятся в разуме, а до этого были скрытыми, потому что они испытывали в этом недостаток, доказывая все свои ловки не авторитетом, ни мнением, как делает вульгарный простолоудин, а доводами, расчетами и демонстрациями. И тогда мы вытащим на свет оскорбления вместе с речами, где мы доказываем, что тот, кто отрицает это и изобличается во лжи, не является малоизвестным, освобождая сомнения, которые были поставлены нам в этом случае, искореняя ложные мнения, которые вульгарные простолоудины имеют в случаях с честью, с более богатым толкованием закона предательства.

Творит Мелисо. Одна из вещей, из-за которой я радуюсь, что дестреза так много проявляется в науке, потому что они не могут с ней обращаться и пользоваться, те, кто до сих пор плохо обращались с ней, что безусловно является великим оскорблением достоинства и величия оружия. Унижение, которое до сих пор было у них, хотя я считаю, что все было за счет нашего друга Чарилао, потому что храбрые и умело притворяющиеся фехтовальщики, которые будут нарисованы правдивыми в своих писаниях, не смогут страдать без свободы завистливого духа, лживого языка и бесчестия, которые из них исходят.

Творит Мелисо. Это не дает Чарилао никаких страданий, потому что он хорошо их знает и знает ненависть, которую они всегда испытывают к благородным людям. Они не могут оскорбить его добродетелью и правдой, с которыми он всегда защищался и к помощи которых прибегал. И видя, что он высоко ценится учеными и благородными людьми и величайшими господами Испании, они тайно пытались сделать все зло, которое могли (а на самом деле они ничего плохого ему не могли сделать), которое принесло бы большую пользу, потому что противоречие и отвлечение к неравенству бытия, обычаям и обращению с ними были пояснены расстоянием, которое есть, — кто есть каждый. Больше озорчения и сожаления я чувствовал потому, что авторы зла и лжи получили от Чарилао большие почести. Одни за равенство с ними, другие с ложной дружбой пытались оклеветать, чтобы усугубить зависть и переключить умы главных людей против него, как если бы была измена, предназначенная для того, чтобы было название, которое дают все обманутые. Я отверг это и много раз оставлял это публично перед каждым, чтобы убрать честь с их самолюбия, которую грубость вульгарного простолоудина хотела дать ему среди них, что

не хорошо было для достоинства человека, отождествляя (даже не в попытке) с этим низким негодяем. И за то, что дают повод времени, которое само по себе исцеляет без другого лекарства поврежденный дух завистников, что как я говорю, как камень, о который точат навагу, потому что они являются причиной, что завистливый всегда бдителен во всем, ослабляя глаза светом своей славы и чести. Наконец, отсюда вы поймете, что дестреза и качество поступков не должны уважаться никем за греху, ибо он никогда не может допустить то, что не находится в ком-то или таково мнение вельгарного простолюдина, который много раз следует за воззрениями, потому что он не знает причины, а сам по себе создает правду о делах и поступках каждого из них, что хвастуны и шарлатаны портят ложью и обманом. На этом я хочу уйти, потому давайте отложим эти причины, а вам новых сил, чтобы желать увидеть больше книг об оружии, потому что все для чести и славы Бога и пользы христианской республики.

ХВАЛА БОГУ

ЗАКОНЧИЛ ЭТУ КНИГУ О СПЕКУЛЯЦИЯХ
О ДЕСТРЕЗЕ В 1569 ГОДУ. НАПЕЧАТАНА В ГОРОДЕ
САНЛУКАР-ДЕ-БАРРАМЕДА В ДОМЕ АВТОРА
ПО ПОРУЧЕНИЮ САМОГО ПРЕКРАСНОГО Г-НА
ДОНА АЛОНСО ПЕРЕСА ДЕ ГУСМАНА, ДОБРОГО
ГЕРЦОГА МЕДИНА-СИДОНИЯ, РЫЦАРЯ
ЗНАМЕНИТОГО ОРДЕНА ЗОЛОТОГО РУНА.
1582 ГОД.

Alonso Perez de Guzman

АВТОР:
ИЕРОНИМО САНЧЕС ДЕ КАРАНЗА

НАЗВАНИЕ:
ФИЛОСОФИЯ ОРУЖИЯ
И МАСТЕРСТВО ВЛАДЕНИЯ ИМ.
ХРИСТИАНСКАЯ АТАКА И ЗАЩИТА.

ИЗДАТЕЛЬ «ФЛП СЕРЕДНЯК Т.К.», 49000, ДНЕПР, 18, А / Я 1212
СВИДЕТЕЛЬСТВО О ВНЕСЕНИИ СУБЪЕКТА ИЗДАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕЕСТР
ИЗДАТЕЛЕЙ, ИЗГОТОВИТЕЛЕЙ И РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПРОДУКЦИИ ДК № 49018 ОТ 02.08.2012.
ИДЕНТИФИКАТОР ИЗДАТЕЛЯ В СИСТЕМЕ ISBN 7761

ТЕЛ. (066)-55-312-55, (056)-798-04-00
E-MAIL: 7984722@GMAIL.COM
WWW.ISBN.COM.UA

